

ИСТОРИЯ РУМЫНИИ

Координаторы

Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ISTORIA ROMÂNIEI

COMPENDIU

Coordonatori

Ioan-Aurel Pop, Ioan Bolovan

Secretar de redacție

Tudor Sălăgean

INSTITUTUL CULTURAL ROMÂN
Cluj-Napoca, 2004

ИСТОРИЯ РУМЫНИИ

Координаторы
Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован

ВЕСЬ
МИР
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2005

УДК 94(4/9.8)
ББК 63.3(4Рум.)
И 90

Авторы:

Сусана Андя, Иоан Болован (координатор), Кориолан Хорациу
Опряну, Теодор Помпилиу, Иоан-Аурел Поп (координатор), Космин
Попа, Аурел Рустою, Марчела Сэлэджан, Тудор Сэлэджан (ответ-
ственный секретарь), Георге Якоб

Переводчики:

Вэратик В., Мищенко В.Н., Чуканова Н.Н.

Редактор:

Кандидат исторических наук Ковалев В.Н. •

Редакторы-консультанты:

Гвозд Л.Е., Силантьева Т.А.

*Издание книги было осуществлено при поддержке Румынского
культурного института (Центр трансильванских исследований)
и Посольства Румынии в Российской Федерации*

На первой стороне обложки — Церковь монастыря Сымбэца, уезд Брашов,
конец XVII века.

ISBN 5-7777-0260-0

© Institutul Cultural Român, 2004
© Издательство «Весь Мир», 2005

Оглавление

От издательства	6
К российскому читателю	9
I. Доримская Дакия	11
<i>(Аурел Рустою)</i>	
II. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II – VIII вв.)	37
<i>(Кориолан Хорациу Опряну)</i>	
III. Румынское общество в раннем средневековье (IX – XIV вв.)	121
<i>(Тудор Сэлэджан)</i>	
IV. От «христианской республики» к «восстановлению Дакии» (XIV – XVI вв.)	191
<i>(Иоан-Аурел Поп)</i>	
V. Молдова, Валахия и Трансильвания в XVII в.	307
<i>(Сусана Андя)</i>	
VI. Эпоха Просвещения в румынских землях	365
<i>(Теодор Помпилиу)</i>	
VII. Румыны в период реформ и демократических революций (1820 – 1859)	417
<i>(Иоан Болован)</i>	
VIII. Румыны в период становления национальных государств (1859 – 1918)	467
<i>(Георге Якоб)</i>	
IX. Румыния в 1919 – 1947 гг.	553
<i>(Марчела Сэлэджан)</i>	
X. Коммунистический режим в Румынии 1948 – 1989 гг.	601
<i>(Космин Попа)</i>	
Послесловие	671
Список сокращений	677

От издательства

Изучение истории Румынии в нашей стране имеет глубокие корни и давнюю традицию*. В России всегда с большим интересом относились и к румынской общественной мысли, и работам румынских историков. Так, труды классика румынской историографии Александру Ксенопола вышли в свет в переводе на русский язык уже в начале XX века**. Однако позднее издание обобщающих трудов румынских историков на русском языке стало большой редкостью, чему было немало объективных, а больше субъективных причин самого разного свойства. Фактом остается то, что в последний раз общая история Румынии, написанная румынскими историками, была издана на русском языке в 1950 году***! Поэтому мы считаем столь важным выход в свет этой книги в рамках серии «Национальная история». И, как нам представляется, значение этой публикации выходит далеко за пределы круга интересов профессионального сообщества историков.

---

* Подробная библиография работ отечественных историков приведена в таких фундаментальных и не утративших своего значения изданиях как История Румынии. 1848—1917. М.: Наука, 1971; История Румынии. 1918—1970. М.: Наука, 1971; Краткая история Румынии. С древнейших времен и до наших дней / В.Н.Виноградов, Л.Е. Семенова и др. М.: Наука, 1987. В последние годы много специальных и общих работ по истории Румынии выходит на русском языке в Республике Молдова, см. например: История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. 2 изд. Кишинев, 2002, и др.

** Ксенопол А. Д. Понятие «ценности» в истории / Пер. с рум. Киев, 1912; Его же. Румыния / История нашего времени. Под ред. М.М. Ковалевского и К.А. Тимирязева, т. 3, вып. 13. СПб., 1913.

*** История Румынии. Популярный очерк / Под ред. М. Роллера / Сокр. пер. с рум. М., 1950.

У современного российского читателя много причин интересоваться тем, как видят в современной Румынии свою историю. Кого-то глубоко затрагивает то общее, что есть в духовной жизни двух по преимуществу православных стран. Другие читатели ищут в прошлом ответы на актуальные вопросы современности. Одним словом поводов для обращения к книге может быть очень много. Общей глубинной основой интереса к истории Румынии является то, что волею судеб эта страна, оказалась расположена на том самом пространстве Юго-Востока Европы, где издавна встречались, тесно взаимодействовали, обогащали друг друга цивилизации, культуры и народы. Румыния, румынский народ, его язык и культура — дают великолепный пример того, как драматично происходит такое взаимодействие, как непросто обрести и сохранить свою национальную идентичность. Все это в полной мере отражено на страницах книги. Для российского читателя мало знакомого с румынской историографической традицией, многие сюжеты книги окажутся настоящим открытием, что-то может вызвать вопросы, а какие-то трактовки событий далекого и более близкого прошлого могут удивить. Это естественно, если учесть, что события румынской истории мы знаем почти исключительно в изложении наших отечественных исследователей, публицистов и журналистов. Суть концепции серии «Национальная история» заключается именно в том, чтобы дать возможность российскому читателю представить мировую историю в ее многомерном и многоцветном видении, и если угодно, окрашенной в цвета национальных флагов.

Предлагаемая вниманию читателей книга написана большим коллективом авторов и вышла в свет в 2004 г. Координаторами (а также и авторами) стали член-корреспондент Румынской Академии Наук профессор Иоан-Аурел Поп и руководитель Центра трансильванских исследований Румынского культурного института профессор Иоан Болован. Как подчеркнуто в авторском обращении к российскому читателю, книга отражает атмосферу интенсивного творческого поиска, характерного для текущего состояния румынской исторической науки, и дает представление о тех острых спорах, которые в ней происходят. Следует отметить, что работа над русским переводом началась еще до выхода в свет книги в самой Румынии, что позволило быстро подготовить русское издание, при этом часть переводов была выполнена румынскими переводчиками. Своими ценными советами и друже-

ским участием в работе издательству оказали большую помощь сотрудники посольства Румынии в Москве Виталие Вэратик и Драгош Замфиреску.

Издание на русском языке имеет незначительные отличия от оригинала. Все они были согласованы с авторским коллективом. Во-первых, в него не вошла небольшая по объему глава о доисторической эпохе на территории нынешней Румынии. Кроме того, глава, посвященная XVIII в., в румынском издании написана другим автором. Во-вторых, мы вынуждены были отказаться от части справочного аппарата: хроники событий румынской истории и обширнейшей библиографии, занимающей в оригинальном издании более 120 страниц. Редакторы русского издания исходили из того, что столь подробная библиография представляет интерес лишь для специалистов по истории Румынии, которым вполне доступно оригинальное издание. В то же время авторские примечания и ссылки сохранены без изменений. И, наконец, те карты и схемы, которые в оригинальном издании помещены в конце книги, в издании, предлагаемом российскому читателю, размещены по тексту.

Географические названия в схемах и тексте приведены в соответствии со сложившейся в русском языке традиции. В тех случаях, когда румынская традиция и российская существенно различаются, приводятся оба названия. Географические названия в Трансильвании по большей части указаны в их румынском варианте. Издательство обращает внимание на то, что карты и схемы приводятся в книге только как иллюстративный материал, отражающий личную точку зрения авторов, и не могут быть использованы как основание для каких-либо территориальных споров и претензий к кому бы то ни было.

Имена исторических деятелей, общественных и государственных институтов приводятся преимущественно в соответствии со сложившейся в России традицией. В случае каких-либо разночтений переводчики и редакторы в скобках указывают и альтернативное написание имен и названий.

К российскому читателю

Эта работа, написанная спустя пятнадцать лет после падения коммунистического режима в Румынии, является обобщением недавних исследований, по-новому интерпретирующих многие страницы прошлого. Книгу нельзя назвать ни «революционной», ни «развенчивающей мифы». Ее цель — воссоздание истории в соответствии с критериями истины настолько, насколько дано ее постичь человеку. Освободившись от идеологических, а в отдельных случаях и от методологических канонов, авторы смогли свободно изучать и излагать события, делая акцент на том, что они считают сутью румынской истории. В последние годы в Румынии и за рубежом было опубликовано большое количество работ по румынской истории (в том числе исследование в восьми томах, подготовленное Румынской академией наук, в котором изложение пока доведено до 1940 г.), однако в ряде случаев в них явно проступало стремление подкорректировать написание истории и даже само прошлое. Некоторые авторы подобных трудов отвергают критерии достоверного восстановления исторических фактов под предлогом невозможности познания прошлого. Авторы настоящей работы не являются сторонниками такого крайнего релятивизма и продолжают придерживаться идеи, что суть истории как науки и предназначение ученого-историка заключаются в изучении прошлого с целью восстановления подлинных событий и фактов на основе точных критериев и методов. Без сомнения, эта правда не является полной, она постоянно обогащается и меняется в соответствии с новыми исследованиями, ментальностью каждого поколения, новыми представлениями об окружающем мире. Поэтому история пишется и постоянно переписывается.

Авторы представляемой читателям книги являются высококвалифицированными исследователями, университетскими преподавателями, сотрудниками научных учреждений. Некоторые из них имеют ученые звания и принадлежат к заслуженным деятелям науки, но большинство еще молоды. Независимо от возраста и заслуг все они отдают дань глубокого уважения самому выдающемуся из них — профессору Теодору Помпилиу, недавно ушедшему в мир иной, автору главы об эпохе Просвещения.

И авторы, и координаторы этого труда считают для себя честью предложить его российским читателям и выражают надежду на верное понимание изложенной ими концепции румынской истории. На протяжении долгого времени между румынским и русским народом существовали дружественные связи, основанные на общих интересах, православии и унаследованной от Византии культуре. Все это составляет наследие прошлого, которое необходимо знать во имя созидания более ясного и свободного будущего. Между тем в России о румынах, как и в Румынии о русских, выработался (зачастую это делалось преднамеренно, особенно в годы коммунизма) ряд негативных клише, препятствующих развитию добрососедских отношений и лучшему пониманию друг друга. Тем не менее изучение русской культуры и истории имеет в Румынии многовековую традицию, так как творчество русских писателей, художников, композиторов представляет собой важный вклад в мировое культурное наследие.

Надеемся, что эта первая история Румынии, написанная румынами и опубликованная в Москве после устранения идеологических препон, расширит представления граждан Российской Федерации о культурных достижениях румын, будет способствовать лучшему взаимопониманию наших народов, осмыслению гуманистических ценностей, создававшихся на протяжении веков.

I. Доримская Дакия

Фракийцы

Древнейшие упоминания о фракийцах появляются в поэмах Гомера (главным образом в «Илиаде»), созданных в VIII в. до н. э. В конце бронзового века из северных понтийских степей на территорию будущей Дакии проникли племена — носители культуры Нова (распространенной в Молдове и Трансильвании) и культуры Кослоджени (известной в Добрудже и Мунтении), занимавшиеся скотоводством. Обе эти культуры, отделившись от культурного блока Сабатиновка (характерного для Северного Причерноморья), развивались вплоть до начала железного века. В конце эпохи бронзы и в начале эпохи железа фракийская общность уже оформилась, и в ней четко выделился ряд этнолингвистических групп.

Северобалканские фракийские сообщества на ранней стадии железного века. Вторая часть железного века (называемая иногда гальштатской эпохой) начинается после 1200 г. до н. э. Некоторые исследователи считают, что приблизительно до 800 г. до н. э. речь можно вести о переходном периоде к ранней стадии железного века или даже о продолжении эпохи бронзы, поскольку изделий из железа, относящихся к этому времени, найдено очень мало. Несмотря на это, эволюция культур, характерных для данного периода, говорит о значительных изменениях, которые произошли в организации и расселении больших групп населения. Поэтому о времени между 1200 — 1150 гг. и 800 г. до н. э. можно говорить как о самой ранней стадии железного века.

Для культуры начального периода железного века характерны два типа изделий. Первый — это черные отполированные сосуды с нарезным орнаментом, типичные для северных областей. Второй — керамические изделия с тисненым орнаментом, традиционные для южных местностей. Комплекс культуры резной керамики (культура Гава-Голигради) возник в зоне верхнего течения Тисы под влиянием ряда культур периода поздней бронзы, существовавших в зоне Карпат. (По-видимому, серьезное воздействие оказал ареал культуры курганных погребений, а затем культура полей погребальных урн.) Культуры, характеризующиеся керамическими изделиями с нарезным и тисненым орнаментом (культура Бабадаг, группы культур Инсула-Банулуй Козиа-Брад), были распространены в северодунайских местностях (к югу и востоку от Карпат), а также к югу от Дуная, в Добрудже и на территории нынешней Болгарии. Керамические сосуды, типичные для этого ареала, обнаружены даже в Малой Азии, например в Трое.

Некоторые исследователи отмечают, что оба типа изделий могут быть связаны с фракийскими племенами. Единообразие материалов и форм даже наводит исследователей на мысль, что носителями культуры резной керамики в северных местностях были предки даков, а культура керамики с тисненым орнаментом принадлежала гетам и мёзам. Если учитывать ареал распространения этих культур (на которые накладываются этнические реалии, задокументированные позднее), то эта гипотеза представляется правдоподобной.

Вышеупомянутые культуры развивались в некоторых районах и на среднем этапе раннего железного века (800 — 600 гг. до н. э.). Наиболее характерным явлением этого периода было распространение культуры Басарабь в Воеводине и Банате, в Мунтении, на юге Молдовы, в бассейне реки Муреш и в местностях к югу от Дуная. Культура Басарабь утвердилась на обширной территории, что обусловило определенное единообразие материальной культуры и интенсивное общение между племенами, проживавшими в этих местах. Это привело, по всей вероятности, к появлению общего гето-дакийского языка, что подтверждается более поздними письменными источниками.

Поселения племен носителей культуры Басарабь располагались вдоль течения рек; большинство этих поселений были сельского типа. В исторических документах отмечен и ряд укреплен-

**Этнокультурные группы северной части Балканского полуострова
и греческие колонии Западного Причерноморья**

ных поселков, например, в районе Попешти, Пояны и Теляка. В Трансильвании отмечается симбиоз между элементами, характерными для культуры Басарабь, и более древними элементами.

В последней фазе раннего железного века (между 600 и 450—400 гг. до н. э.) наблюдается выделение отдельных регионов, что объясняется, в частности, проникновением в них новых этнических групп. В то же время приблизительно в середине VII в. до н. э., а затем в течение следующего столетия вдоль северного и западного побережья Черного моря были основаны греческие города-колонии, главными из которых были Истрия, Ольвия и Аполлония. Этот факт определил взаимные экономические, политические и культурные влияния и связи всех фракийских племен карпато-дунайской зоны, сохранявшиеся на протяжении многих веков.

Сообщая о Трансильвании (IV, 48) Геродот упоминает о скифах-агафирсах, живших в долине Муреша. В ходе археологических раскопок были обнаружены следы этих племен, пришедших в Межкарпатье в начале VI в. до н. э. Речь идет о многочисленных могильниках и об отдельных находках в захоронениях (Чумбруд, Тею, Блаж, Аюд и др.), где среди погребального инвентаря обнаружены предметы, характерные для культуры скифов. В основном это оружие и детали конской упряжи, а также украшения и керамические сосуды. Некоторые предметы инвентаря (керамика и украшения) имели местное происхождение, поскольку новые пришельцы переняли искусство их изготовления у коренного населения. Можно предположить, что скифы в Трансильвании были племенами воителей, подчинивших своей власти местное население, однако культурное и бытовое влияние было взаимным. Агафирсы постепенно исчезли в течение V в. до н. э. В могильнике у местечка Бэица, датируемом серединой этого века, в большинстве погребений был захоронен пепел, хотя предметы, найденные возле урн (погребальный инвентарь), характерны для скифов-агафирсов. Это подтверждает тот факт, что процесс ассимиляции скифов шел довольно активно. Что касается периода между 450 и 350 гг. до н. э., то у нас нет ни литературных, ни археологических свидетельств об этнических общностях Трансильвании этого времени. Однако можно предположить существование групп местного населения, находившихся под влиянием иллирийцев. В частности, об этом говорят некоторые находки в Окна-Муреше, такие, как бронзовый шлем греко-иллирийского типа. В конце IV в. до н. э.

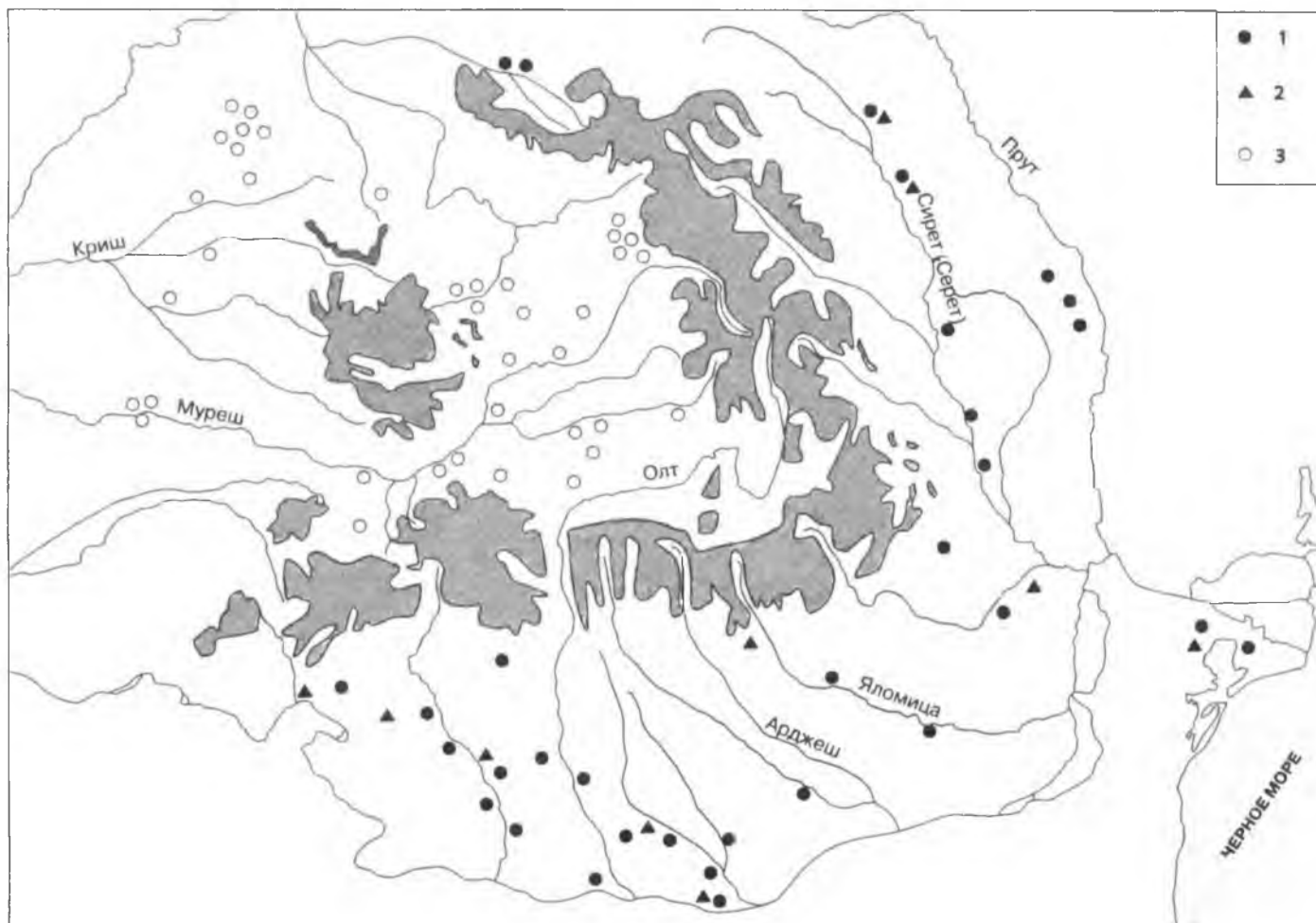
пришедшие сюда кельты встретились с местными племенами (вполне возможно, дакийскими) и переняли у них некоторые специфические формы керамических изделий.

В северной части Балканского полуострова расселились одрисы, трибаллы и геты. Одрисы жили к югу от Балканского хребта, в среднем и нижнем течении реки Марицы. Территория трибаллов простиралась вдоль Дуная, между реками Искэр (на востоке) и Сербская Морава (на западе). И наконец, к северу от Балканских гор, по обоим берегам Дуная, если верить античным источникам, расселились геты, с которыми на западе соседствовали трибаллы, а на юге — одрисы.

История и культура гетов в V—III вв. до н. э.

Македоняне на Нижнем Дунае. После падения Одрисского царства нижнедунайские геты попали под власть македонских царей. Как преемник одрисских правителей, Филипп II занялся восстановлением власти над северными границами бывших одрисских владений вдоль Дуная. С этой целью в 339 г. до н. э. он предпринял поход на северо-восток Фракии и одержал победу над Атеем, царем скифов, поселившихся в этой области. Когда македоняне возвращались из похода, на них напали трибаллы (будучи прекрасными воинами, они ранее не подчинились даже одрисам); Филипп II был тяжело ранен.

Положение исправил наследник Филиппа — Александр Великий. Готовясь к походу на восток, Александр должен был прежде всего обеспечить стабильность и мир в северных владениях своего царства. Вот почему в 335 г. до н. э. он предпринял поход против трибаллов, которых преследовал до Дуная, а затем прошел вниз по течению до Железных Ворот и устья Моравы. Трибаллы под предводительством царя Сирма укрепились на одном из островов посреди Дуная, причем с левого берега их поддержали геты. Это побудило Александра совершить однодневный карательный набег на гетов, живших к северу от Дуная. Несмотря на то что македонский царь не одержал над ними решительной победы, геты отступили еще дальше на север, а македоняне сожгли их «город». Это нашествие оказало на местные народы настолько сильное психологическое воздействие, что они в конце концов признали власть Македонского царства.

Северодунайский регион в IV–III вв. до н. э.

- 1 – укрепленные поселения
- 2 – клады и захоронения правителей
- 3 – следы пребывания кельтов в карпатской зоне

Племена Нижнего Подунавья, в том числе и геты, ставшие вассалами македонских царей, получили автономию, что позволило некоторым местным царькам, например Дромихету, ненадолго утвердиться на политической сцене Северных Балкан. После смерти Александра Великого и раздела огромной империи между диадохами «Фракия и народы, жившие у Понтийского моря» (Диодор Сицилийский, XVIII, 3, 2) отошли Лисимаху, впоследствии провозгласившему себя царем. Одрисы под предводительством Сеута III подняли мятеж против нового правителя, которому так и не удалось окончательно покорить их. Лисимаху дважды, около 300 г. и в 292 г. до н. э., пришлось воевать с царем гетов Дромихетом, который оба раза одержал победу, причем в последнем сражении сам Лисимах попал в плен. Неизвестно, что стало причиной конфликта. Вероятно, власть царя гетов распространялась на территории по обоим берегам Дуная, а Лисимах хотел утвердить свою власть над всеми землями к югу от этой реки. Мир, заключенный между Дромихетом и Лисимахом, обязывал последнего покинуть покоренные ранее владения гетов, находившиеся, по всей вероятности, к югу от Дуная. Вполне возможно, что царство Дромихета располагалось в Мунтении и на северо-востоке сегодняшней Болгарии.

Дальнейшая судьба этого царства неизвестна. Археологические находки, о чем будет рассказано ниже, говорят о существовании в течение всего III в. до н. э. (особенно в первой его половине) процветающей цивилизации на всей территории между Дунаем и Карпатами.

Геты и греческие города на побережье Черного моря. Греческие колонисты, поселившиеся на западном берегу Черного моря еще в VII в. до н. э., нередко сталкивались с враждебностью местного населения. В III – II вв. до н. э. сельские округа некоторых городов периодически подвергались набегам варваров. Нестабильная ситуация была разрешена переходом городов под «протекцию», предложенную некоторыми местными царьками. Найденный в Истрии декрет, датируемый III в. до н. э., упоминает Залмодегикоса, властелина гетов на севере Добруджи (возможно, бывшего правителем и на левом берегу Дуная), который силой установил суровый протекторат над городом. Мир и защиту греки обеспечивали регулярными денежными выплатами местным правителям. Подобную систему применяли в тот же период и кельты

из Тилиса (на юго-востоке нынешней Болгарии), установившие власть над греками Византия.

Около 200 г. до н. э. в другом декрете из Истра упоминается царь гетов Ремакс, который правил то ли в Мунтении, то ли на юге Молдовы, будучи, по утверждению некоторых историков, «наследником» царя Дромихета. Как и Дромихет, Ремакс назван в упомянутом источнике *basileus**, что говорит о нем как о важной персоне. Могущество Ремакса и его военная сила вынудили жителей Истра просить у него защиты от периодических набегов фракийцев под предводительством некоего Золта. Подобная система протектората, установленная местными властями, сохранялась и в последующие века, на что указывает декрет в честь Акорниона из Дионисополя, датированный I в. до н. э.

Культура и общество гетов во фракийском окружении (V–III вв. до н. э.). Благодаря греческому влиянию, либо прямому, либо через южных фракийцев (главным образом через одрисов), в быту и общественной жизни нижнедунайских гетов произошли значительные изменения. Начиная со второй половины V в. до н. э. эти народы вступают в новую стадию развития, которую археологи считают второй ступенью эпохи железа**. Однако не все области, о которых идет речь, сделали этот шаг одновременно. Закарпатские области, поддерживавшие более тесные связи с классической цивилизацией, ощутили влияние южных соседей раньше. Межкарпатский регион стал развиваться в этом направлении лишь с приходом (во второй половине IV в. до н. э.) кельтов, принесших с собой культурную модель, схожую с центральной и западноевропейской и известную под названием латенской культуры. Поздний железный век характеризуется расцветом железной металлургии и широким использованием гончарного круга при изготовлении керамических изделий.

Укрепленные поселения, занимавшие площадь от десятков (как и в период раннего железного века) до всего лишь нескольких гектаров, были обнаружены во Фракии, в области между Дунаем и Карпатами, и к востоку от этих гор, вплоть до Северного Причерноморья. В Межкарпатье они появляются пока лишь на территории Марамуреша, где не было кельтов, а местные дакийские обще-

* Царь (греч.). — Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

** Речь идет о позднем железном веке.

ства развивались подобно родственным им племенам, жившим по нижнему течению Дуная. Внешний вид укрепленных поселений варьировал в зависимости от степени их удаленности от южных греческих городов. Если о Севтополе (в Болгарии) можно говорить как о «греческом городе» (благодаря четкому плану и постройкам из камня), то крупные укрепленные пункты к северу от Дуная (Стынчешти, Котнари, Мошна и др.) сохраняют традиционный вид: внутренние дворы, окруженные земляными валами и деревянными стенами (изредка каменными с деревянной арматурой). И все-таки даже к северу от Дуная был построен ряд укреплений греческого типа, вероятно с участием греческих архитекторов. Примером могут служить кирпичные стены в Коцофени-дин-Дос и Быздыне в Олтении.

Фракийское искусство в V в. до н. э. и особенно в IV — III вв. до н. э. отличается богатейшей иконографией. Изображения появляются главным образом на изделиях из металла, обычно из золота и серебра (сосуды, великолепно украшенное оружие, накладные украшения, детали конной упряжи и т. д.). Иногда их находят и на стенах погребальных помещений. Наиболее часто встречающиеся изображения — всадники, как правило в сценах охоты, мужские и женские фигуры в сценах битв и жертвоприношений, крылатые женские божества, схватки между животными, фантастические животные, мифологические герои (например, изображения Геракла) и многое другое. Хотя для довольно обширной зоны, простиравшейся от Молдовы, Мунтении и Олтении до Эгейского моря, характерно определенное единообразие изображений, имеются области, где отмечен целый ряд специфических элементов. Речь идет об искусстве гетов и трибаллов, оставивших много своеобразных изделий и изображений, встречающихся лишь к северу от Балкан (например, серебряные кубки и шлемы, найденные в таких местах, как Аджигёл, Перету, Кукутени-Бэйчени и других местах).

Рождение фракийского изобразительного искусства связано со становлением в середине V в. Одрисского царства. В последующие века, особенно после падения власти одрисов, произведения фракийцев распространяются на обширных территориях. В этих изображениях отразились структурные изменения во фракийских сообществах. Общая мифология фракийских племен быстро трансформировалась в идеологическую доктрину, назначение которой состояло в легитимации царской власти. Формирующаяся

трехфункциональная идеологическая система Фракии, несомненно, похожа на системы других индоевропейских народов. С другой стороны, многочисленные изображения всадников говорят о существовании обычая выдвижения и инвеституры фракийских правителей. В ряде сцен мы можем видеть их героизацию. Почитание героев было тесно связано и с обрядом их погребения; именно этим объясняется большое число курганов с погребальными помещениями.

Все эти памятники начинают исчезать в середине и второй половине III в. до н. э., что говорит о процессе разложения северо-балканской фракийской знати, обусловленном как внутренними изменениями в обществе, так и проникновением в некоторые области чужеземных народов, среди которых были кельты и бастарны.

Кельты и бастарны

Кельты в Трансильвании в IV–II вв. до н. э. Данные археологических исследований говорят о том, что миграция кельтов на восток затронула долину Тисы и Трансильванское плато еще в последней трети IV в. до н. э. Этим периодом датируется целый ряд археологических находок, иногда изолированных, но главным образом сделанных в кельтских могильниках. Среди мест, где были найдены предметы культуры кельтов, можно назвать Турду, Медию, Хацег, Печику, окрестности городов Арад и Орадя. Но наиболее важным местом исследований стал некрополь в Пицколте с огромным числом могил, хронологически относящихся ко всему периоду проживания кельтов в этой местности.

Первые группы кельтов проникают сюда около 335 г. до н. э. Во время похода Александра Великого на Дунай (о чем мы говорили ранее) среди послов, представших перед македонским царем, были и послы «кельтов с Ионического залива». Их присутствие в районе Тисы, вблизи театра военных действий трибаллов и македонян, говорит о том, что некоторые группы кельтов-сенонов, живших в начале IV в. на Апеннинском полуострове, в районе Анконы (в ту пору единственное кельтское племя на Ионическом море), к тому времени уже мигрировали на восток. Некоторые археологические находки, такие, как кельто-италийский шлем, найденный в Хацеге (его точные аналоги обнаружены в итальянских некропо-

лях), вполне могут подтвердить этот факт. Другие находки, сделанные в Трансильвании, позволяют утверждать, что в эту миграцию были вовлечены и племена из альпийской зоны.

Однако массовая кельтская колонизация долины Тисы и Трансильванского плато происходит лишь во второй четверти III в. до н. э., во время вторжения кельтов на Балканы. Через год после смерти Лисимаха (281 г. до н. э.) три кельтские орды, состоявшие главным образом из кельтов, живших в Карпатском регионе, пришли в движение: первая, под предводительством Керетрия, напала на Фракию, вторая, возглавлявшаяся Бренном и Ацикорием, направилась к Дардании и Пеонии, а затем к Дельфам, а третья, руководимая Болгием, напала на Македонию и обратила в бегство войска гетов и трибаллов (в районе Железных Ворот), о чем рассказывает Помпей Трог (Юстин, Эпитома Трога, XXV, 1, 1). В последующие годы, после отражения нападения, часть кельтов проникла в Малую Азию. Некоторые из них поселились на юго-востоке Фракии, основав «Тилисское царство, другие осели в районе слияния Савы с Дунаем и предпочли называться скордисками» (там же, XXXIII, 3, 8), тогда как третьи вернулись на родину тем же путем, каким пришли (там же, XXXIII, 3, 7). Подобное перемещение народов, а также возвращение некоторых групп воинов в район Карпат способствовали значительному расширению кельтских владений. В конце латенского периода (около 175 г. до н. э. или немного позже) поселения и некрополи кельтов в Трансильвании неожиданно исчезают. Это объясняется целым рядом исторических фактов, оказавших влияние на последующую эволюцию территорий, населенных даками и гетами.

Бастарны к востоку от Карпат. Первые группы бастарнов осели на территориях к востоку от Карпат (в центральной части территории Молдовы, к востоку от реки Сирет и особенно в бассейнах рек Прут и Днестр) около 200 г. до н. э. Вскоре после занятия этих областей бастарнами они были приглашены на службу к царю Македонии Филиппу V, и в 179 г. до н. э. «их большое пешее и конное войско перешло Истр» (Тит Ливий, XL, 57, 2). Бастарны находились на Балканах более десяти лет.

Некоторые античные авторы (Страбон, Плиний Старший, Тацит), а также данные археологии говорят о том, что бастарны являлись германцами. Археологи назвали их культуру «Поенешти-Лукашёвка». Археологические находки в зоне расселения бастар-

нов помогли понять механизм «колонизации» восточнокарпатской области, а также определить местности, откуда пришельцы родом. Таким образом удалось установить, что новая культура, возникшая на восточнокарпатских территориях, была результатом происходивших в течение двух веков миграций народов, родина которых — территории в Центральной Германии между Эльбой и Одером. В это переселение было вовлечено также население Ютландии, датских островов и территории нынешней Польши.

Поселения бастарнов были сельского типа. Кроме характерных для культуры Поенешти-Лукашэвка керамических изделий, найденных во время раскопок поселений в ряде местностей (Боросешти, Ботошана, Бэичени, Кукорэни, Лозна и др.), были обнаружены фрагменты керамических изделий, принадлежавших гетам и кельтам, что говорит о связях между этими этносами. Закат культуры Поенешти-Лукашэвка датируется последней третью I в. до н. э., что, возможно, объясняется безуспешной попыткой миграции бастарнов под предводительством царя Делдо на земли к югу от Дуная в 29 — 28 гг. до н. э., когда они были разбиты Марком Лицинием Крассом (Дион Кассий, I, 23 — 24). Сведения о событиях последующих веков вполне могут относиться не к бастарнам, а к другим германским племенам, проникшим на территории к востоку от Карпат в первые века нашей эры.

Расцвет Дакийского царства

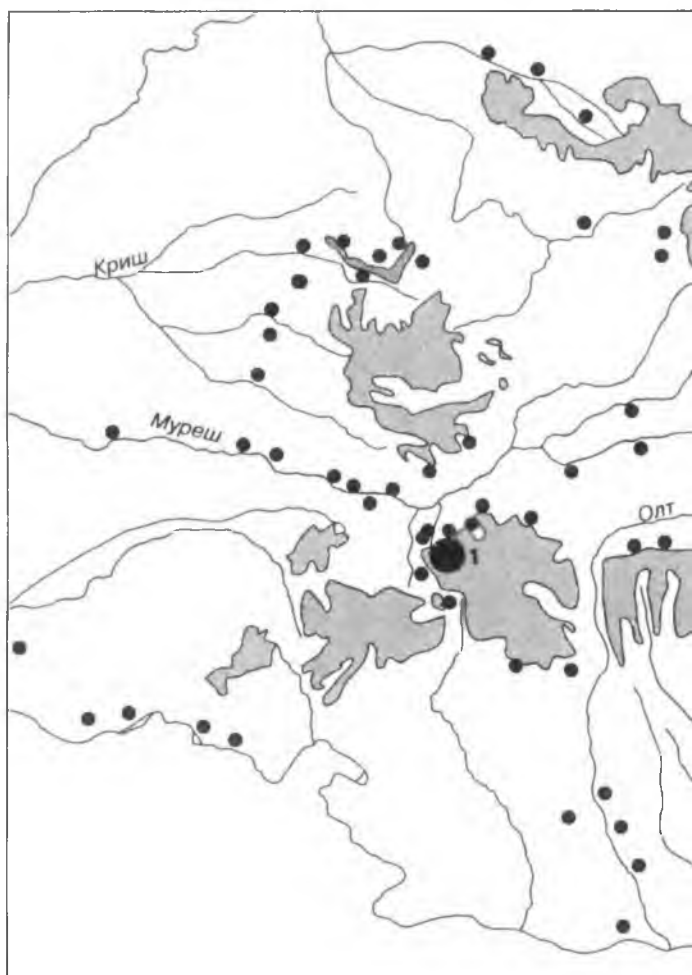
Дакия во времена Бурбисты. Точная дата, когда Бурбиста возглавил свой народ, неизвестна. По утверждению Иордана, это произошло около 82 г. до н. э., однако не нашло подтверждения. Тем не менее все историки, занимавшиеся данным вопросом, сходятся во мнении, что Бурбиста был современником Гая Юлия Цезаря.

Организационные и военные деяния царя даков Страбон обобщил следующим образом: «Встав во главе своего народа, гет Бурбиста настолько способствовал усилению его духа, вводя всевозможные упражнения, приучая к воздержанию от винопития и повиновению приказам, что в течение нескольких лет создал огромную державу, подчинив гетам большую часть соседних народов. Его стали бояться даже римляне, потому что он, смело перейдя Дунай и ограбив Фракию вплоть до Македоний и Иллирии, опу-

стошил владения кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, уничтожив полностью кельтские племена таврисков и бойев, сражавшихся под предводительством Критасира» (VII, 3, 11).

Катастрофа, пережитая бойями и таврисками на Среднем Дунае, произошла, возможно, в 60 г. до н. э., поскольку, согласно Цезарю (*De bello gallico*, I, 5, 25, 28, 29), те из бойев, что спаслись от даков и направились на запад, уже в 58 г. до н. э. объединились с гельветами и были готовы переместиться в Галлию. Некоторые историки считают, что сражения между даками и кельтами из Западной Дакии имели место в конце царствования Бурбисты, а местность, где происходили эти столкновения, превращенная в «пустыню», служившую потом пастбищем соседним народам, нужно искать, согласно Страбону (VII, 5, 2) и Плинию Старшему (Естественная история, III, (27) 146), где-то между Тисой и озером Балатон.

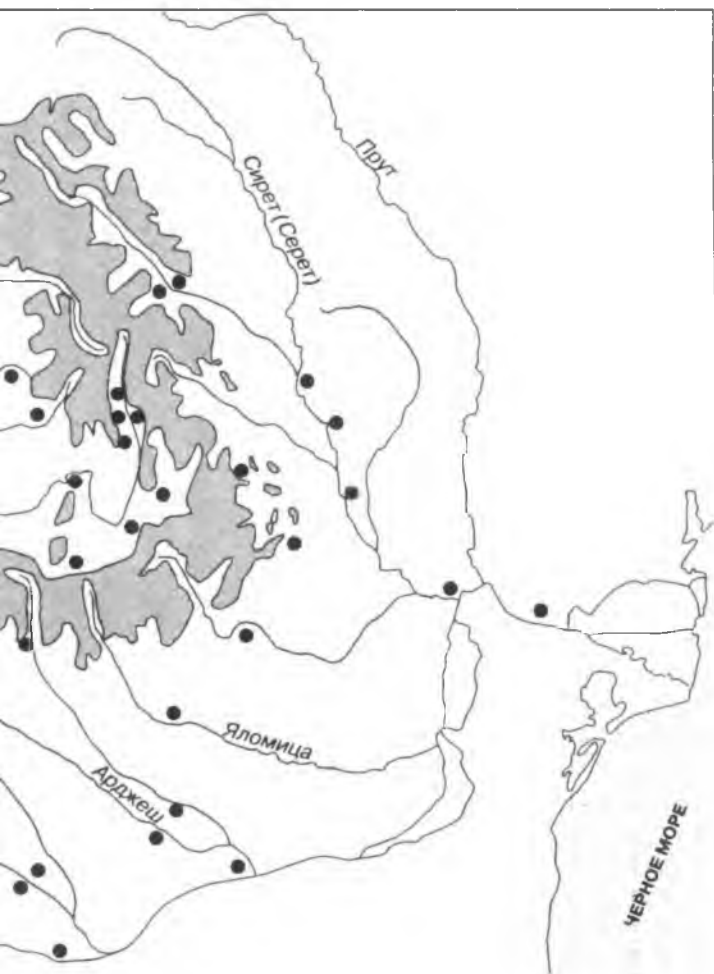
Изгнав бойев и таврисков, Бурбиста совершил за короткое время целый ряд грабительских набегов на Фракию, дойдя до Македонии и Иллирии. Для проживавших на балканской территории даков, объединившихся со скордисками, подобные набеги являлись довольно привычными. Но на этот раз скордиски были покорены. Обеспечив мир на западных границах государства, Бурбиста обратил взор на восток, поспешив воспользоваться смертью Митридата VI Евпатора и провалом похода римлян в эту область (Марк Антоний Гибрида, правитель Македонии, в 62 — 61 гг. до н. э. потерпел поражение под стенами Истрии от греков и варваров, объединившихся в коалицию). Из рассказов Диона Хрисостома и декрета в честь Акорниона из Дионисополя мы знаем, что между 55 и 48 гг. до н. э. дакийский царь подчинил себе греческие города на западном побережье Черного моря, от Ольвии до Аполлонии. Порой эти походы отличались большой жестокостью, о чем свидетельствуют найденные археологами следы пожаров, возникавших в ходе осады городов даками. Другие города, такие как Дионисополь, подчинились дакам добровольно и заручились покровительством Бурбисты. Акорнион из Дионисополя стал советником и посланником дакийского царя. В декрете, в котором воздавались почести Акорниону, указывалось, что Бурбиста, «став первым и самым великим царем Фракии» (своего рода «царем царей»), владел всеми территориями «по эту и по ту сторону» Дуная. Но наиболее важным результатом его господства над причерноморскими городами было появление в окрестностях распо-

Укрепленные поселения и крепости II в. до н. э. —

1 — район Сармизегетузы

І в. н. э. Сармизегетуза-Регия

ложенной в горах Орэштии, столицы Дакийского царства, военных, гражданских и культовых сооружений из обтесанного камня, возведенных по греческому образцу греческими мастерами. С этого времени греческие мастера постоянно работают в столице Дакийского царства, что подтверждают и археологические находки — обработанные каменные блоки и керамические сосуды с надписями на греческом языке либо греческими буквами.

В 48 г. до н. э., после всех походов, царство Бурбисты простиралось от Среднего Дуная (на западе) до западного побережья Черного моря между Ольвией и Аполлонией (на востоке) и от Северных Карпат до Балканских гор. Согласно Страбону (VII, 3, 13), дакийский царь мог выставить армию, насчитывавшую 200 тыс. воинов. Располагая подобной силой, Бурбиста вмешался в Гражданскую войну между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем, встав на сторону последнего. Акорнион из Дионисополя получил поручение вести переговоры и встречался с Помпеем в Гераклее. Однако вскоре в битве с войском Цезаря при Фарсале Помпей был разбит, а Цезарь, ставший непримиримым врагом Бурбисты, замыслил большой поход против Дакии. Поход не состоялся из-за убийства Цезаря (44 г. до н. э.).

Точная дата смерти Бурбисты неизвестна. Страбон лаконично сообщает: «Что касается Бурбисты, то он пал в результате восстания еще до того, как римляне решили послать против него армию...» (VII, 3, 11). Некоторые историки утверждают, что свержение Бурбисты произошло в 44 г. до н. э., вскоре после убийства Цезаря. Другие считают, что дакийский царь был устранен позднее, но еще до паннонской* войны Октавиана (35 — 33 гг. до н. э.). После смерти Бурбисты Дакийское царство распалось сначала на четыре, а затем — во время правления в Риме Августа — на пять частей (Страбон, VII, 3, 11). Невозможно с точностью установить, о каких именно частях говорит греческий географ и историк. Вполне возможно, что одной из таких областей, отколовшихся от Дакийского царства, была долина реки Сирет. Установлено что фортификационные сооружения, построенные в этих местах (Брад, Рэкэтэу) в правление Бурбисты, были разрушены. Другие области, отделившиеся от Дакийского царства, скорее всего, находились в Добрудже (где утвердились местные царьки: Рол, Дапикс

---

* Паннония — историческая область, совпадала с территорией сегодняшней Венгрии.

и Зиракс), между Дунаем и Балканами, а также на территориях в области Среднего Дуная. Правители, наследовавшие трон в Сармизегетузе-Регии, сохранили под своей властью области в Банате, Кришане, Марамуреше, Трансильвании, Олтении, прикарпатскую зону Мунтении и некоторые важные центры в Западной Молдове. Повсюду здесь обнаружены укрепленные поселения и крепости, датируемые I в. до н. э. — I в. н. э. Более того, в некоторых местах эти укрепления представляют собой подлинный *limes dacicus**. Это можно сказать о территории у Железных Ворот, где крепости в Любкове, Пескаре, Дивиче и Соколе образуют настоящую фортификационную цепь вдоль левого берега Дуная.

В эпоху Бурбисты даки впервые заявили о себе, и это закрепились в сознании народов Средиземноморья. С этих пор Дакия все чаще оказывается в фокусе римской внешней политики на Нижнем Дунае.

Религиозно-жреческая реформа Декеней. Внутренние и внешние политические преобразования Бурбиста проводил с помощью верховного жреца Декеней. Согласно Страбону, Бурбиста воспитывал своих подданных «упражнениями, приучая к воздержанию от винопития и к подчинению приказам... Чтобы держать народ в повиновении, он [Бурбиста] взял себе в помощники Декеней, прорицателя, долгое время странствовавшего по Египту и научившегося там разным пророчествам, благодаря которым, как сам утверждал, мог толковать волю богов. Доказательством послушания гетов служит и тот факт, что они согласились вырубить виноградники и жить без вина...» (VII, 3, 11).

О Декенее упоминается и в более поздних источниках. В трудах готского историка Иордана находим следующие сведения, взятые, возможно, из сочинений Диона Хрисостома: «...Дикиней [Декеней] прославился у них как чудодей и повелевал не только меньшими, но даже королями. Выбрал он тогда из них благороднейших и благоразумнейших мужей и, научив их теологии, убедил их почитать некоторых богов и святилища и сделал их жрецами, придав им название "пилеатов"..."**. Эти пилаты (которых называли и тарабостами) были высшей «кастой» общества: из их

* Дакийский лимес (лат.), т. е. укрепленный рубеж (по аналогии с римским).

** Цитаты из Иордана приводятся по изданию: Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.

рядов избирались, как отмечал Иордан (Гетика, 40), цари и священнослужители. Низшую «касту» составляли те, кого античные авторы называли капиллатами или коматами.

Выше упоминалось, что Декеней реформировал религиозную и жреческую систему даков. Вполне вероятно, что речь идет об усилении «власти» божества (или божеств), ответственного за магический и юридический суверенитет, стоявший на первом месте в религиозных представлениях индоевропейцев. Такая реформа вполне устраивала ее инициаторов, т. е. «касту» священнослужителей, отвечавших за сохранение некоторых догм и традиций. В то же время религия становилась инструментом официальной идеологии дакийских царей, предназначением которой было «держатъ народ в повиновении».

Эту мысль подтверждает и факт уничтожения виноградников. Страбон счел необходимым уточнить, что своими успехами Бурбиста был обязан усилиям, направленным на «воспитание» подданных, в том числе «приучая их к воздержанию от винопития». Из приведенной цитаты видно, какой религиозной властью обладал Декеней. Что касается решения уничтожить виноградники, кажущегося сегодня крайне радикальным (вероятно, столь же неожиданным оно казалось и Страбону, если он позволил себе дважды упомянуть об этом эпизоде), то оно было реакцией против разнузданного культа Диониса, основой которого являлось умеренное потребление вина, возможно, в сочетании с фруктами, а также с листьями плюща, обладающего психотропными свойствами. Все это приводило участников празднеств в честь Диониса (мужчин и женщин, аристократов и плебеев) в состояние экстаза и религиозного исступления. Подобные радикальные меры против дионисийского культа не раз предпринимались в Средиземноморье. В рамках религиозных реформ, проводимых Декенеем с целью установления дисциплины и «подчинения приказам», борьба с культом Диониса кажется вполне естественной.

Важным результатом реформаторской деятельности Декенея явилась концентрация политической, юридической и религиозной власти в руках царя. Иордан (Гетика, 73) отмечает, что «после смерти Дикинея [Декенея] почти таким же почитанием пользовался у них Комозик [Комосик], потому что не был он неравен тому в искусстве». Благодаря его уму они считали его и царем, и верховным священнослужителем, и судьей, который «судил... народ с высшей справедливостью». Рассуждая о преемниках Комозика, Иордан

больше не считает, что все властные prerogatives должны быть сосредоточены в одних руках, и это позволяет предположить, что восстановилась ситуация времен Бурбисты, когда царь делил власть с верховным жрецом. Однако сведения о правлении Децебала, последнего царя Дакии, свидетельствуют, что тот обладал и религиозной властью. Речь идет о фрагменте из «Гетики» Критона (личного врача императора Траяна): «Благодаря уму и дару прорицания цари гетов внушают своим подданным страх перед богами и благоразумие и добиваются многого». Умело сочетая военно-политическую власть с религиозной и юридической, дакийские цари пользовались огромным авторитетом у своих подданных, и, возможно, им удалось подчинить их собственной «идеологической программе».

Дакия от Бурбисты до Децебала. Связи между даками и римлянами

Дакийские правители. После свержения Бурбисты власть ненадолго перешла к Декеню. Затем трон унаследовал, как рассказывает Иордан, Комозик, располагавший столь же сильной властью, что и его предшественник. Этот же историк отмечает, что «после того как и этот ушел от человеческих дел, воцарился над готами король Корилл, и он правил своим племенем в Дакии в течение сорока лет».

Имя Корилла не подтверждается другими источниками. Вполне возможно, что Иордан спутал его с царем Скорилоном, о котором упоминается в более поздних памятниках и который был современником Нерона. С другой стороны, не исключено, что после Комозика трон в Сармизегетузе действительно занимал царь, правивший очень долго. Другие источники называют некоего Котизона (*Cotiso*), царствовавшего в Дакии в последней трети I в. до н. э. и в начале следующего века. Так, в одной из од Горация, написанной в 29 г. до н. э., говорится о том, что «армия дака Котизона была разбита» (III, 8, 18). В свою очередь, Светоний упоминает о Котизоне, рассказывая о конфликте между Октавианом и Марком Антонием. В древнейших рукописях сочинений Светония сохраняется написание *Cosoni (Cosini) Getarum regi**. В окрестностях столицы Дакийского царства найдены многочисленные клады из золотых

---

* Косону (Косину), царю гетов (*лат.*).

монет с надписью «Косон» греческими буквами. Поэтому не исключено, что царь Косон и есть тот самый Котизон, о котором упоминается в источниках. Более того, Котизон вновь упоминается в качестве противника Рима в контексте событий 11 – 12 гг. н. э. Его власть распространялась на горную часть Дакии, что может совпадать с теми горами, где находилась столица Дакии Сармизегетуза (Флор, 11, 28, 18 – 19). Этот Косон-Котизон правил очень долго (около четырех десятилетий), что соответствует данным Иордана, который, однако, вполне мог спутать имя царя даков с именем другого, более позднего правителя.

После эпохи Августа античные авторы больше не упоминают дакийских царей, поскольку бóльшая часть первой половины I в. н. э. и первые десятилетия второй половины этого столетия были относительно спокойным периодом, без крупных столкновений между даками и римлянами. Поэтому следует иметь в виду, что имена нескольких правителей, следовавших друг за другом, могли просто не дойти до нас.

Во времена Нерона упоминается царь Скорилон. Даты его жизни неизвестны, но вполне вероятно, что трон унаследовал его брат Дурас, который зимой 85/86 г. напал на Мёзию. Вскоре после этого, согласно Диону Кассию, «правивший ранее Дурас добровольно передал власть Децебалу, поскольку тот был искусным полководцем...» (LXVII, 6, 1).

Все правители Дакии вплоть до войн с Траяном были известны современникам главным образом из-за конфликтов, возникавших между даками и римлянами. Однако бывали относительно спокойные периоды, когда напряженность ослабевала, а экономика Дакии бурно развивалась благодаря торговому обмену с Римской империей.

Дако-римские отношения. Как уже говорилось, после заключения союза между Бурбистой и Помпеем Цезарь стал врагом даков и задумал против них большой поход. Убийство Цезаря отсрочило его начало, но Октавиан не отказался от этого плана, и после паннонской войны 35 – 33 гг. до н. э. город Сегест стал базой подготовки военной кампании против даков (Аппиан, Иллирика, 22, 65 – 66). Однако решающее столкновение с даками было вновь отложено из-за разгоревшейся Гражданской войны.

В 29 г. до н. э. даки (под предводительством Косона-Котизона) и бастарны напали на римские владения к югу от Дуная, после

чего наместник Македонии Марк Лициний Красс предпринял в 29 — 28 гг. два карательных похода. Даки и бастарны были разбиты, а римляне направились в Добруджу. Поддержанный царем гетов Ролом, владевшим областями на юге Добруджи, Красс одержал победу сначала над Дапиксом, овладев Центральной Добруджей, а затем над Зираксом, владения которого находились на севере этой области. После похода Красса в восточной части Нижнего Подунавья на некоторое время установился мир.

К концу I в. до н. э. и в начале следующего столетия театр военных действий между даками и римлянами переместился на запад и юго-запад Дакии. Во время войны, которую римляне вели против паннонских племен в 13 — 11 гг. до н. э., даки напали на западные области Нижнего Подунавья. Марк Виниций отразил атаку и преследовал противника вплоть до Муреша. Из-за частых набегов даков, особенно на западном «фронте», в начале I в. н. э. Элий Кат совершил поход в области к северу от Дуная (вероятно, в Банат), откуда переселил в местности к югу от Дуная 50 тыс. даков. В это же время, в 11 — 12 гг. до н. э., даки Косона-Котизона потерпели новое поражение. Флор (II, 28, 18 — 19) повествует об этих фактах и рассказывает, как происходили эти грабительские набеги. «Жизнь даков была тесно связана с горами. Оттуда под предводительством царя Котизона они спускались и опустошали соседние области, как только лед сковывал Дунай и соединял его берега. Император Август решил покончить с этим народом, добраться до которого было нелегко. Он послал туда Лентула, который оттеснил их на противоположный берег, а на этом берегу оставил гарнизоны. Таким образом, тогда (11 — 12 гг.) даки были не разбиты, а лишь отброшены и рассеяны». Следы этих столкновений найдены археологами. Дакийские укрепления на левом берегу Дуная, у Железных Ворот (Любкова, Пескари, Дивич), были сожжены в начале I в. н. э. Некоторые позднее были восстановлены, но затем вновь разрушены во время дако-римских войн в конце I — начале II в.

После образования провинции Мёзия и строительства римской крепости на правом берегу Дуная (вероятно, в правление Тиберия) римляне смогли обеспечить эффективную защиту своих владений к югу от Дуная. В результате число набегов даков резко сократилось. Вплоть до войн Домициана и Траяна серьезных конфликтов между даками и римлянами, за редкими исключениями, не возникало.

В 66 или 67 г. наместник Мёзии Тит Плавций Сильван Элиан переселил в местности к югу от Дуная свыше 100 тыс. «задунайских жителей», о чем можно узнать из посвященной ему надписи на надгробии, обнаруженном в Тибуре. Эта новая «колонизация» правого берега была осуществлена с тем, чтобы принудительно переселенные обрабатывали землю и платили дань. Вскоре после этих событий, воспользовавшись волнениями, возникшими в Риме в связи со смертью Нерона, и тем, что крепость осталась без защиты, даки в первые месяцы 69 г. напали на Мёзию. Тацит писал: «Возмущение захватило также и племя даков; они никогда не были по-настоящему верны Риму, а после ухода войск из Мёзии решили, что теперь им уж совсем нечего бояться. Сперва они хранили спокойствие и только наблюдали за происходящим, когда же война заподыхала по всей Италии и армии одна за другой стали втягиваться в борьбу, даки захватили зимние лагеря пеших когорт и конных отрядов, овладели обоими берегами Дуная и уже собирались напасть на лагеря легионов»* (История, III, 46, 2). Положение спас Муциан, наместник Сирии, войска которого быстро направлялись в Италию из восточных областей. Узнав о нашествии даков, он поспешил восстановить прежнее положение по всему течению Дуная. Этот набег даков стал предвестием целого ряда конфликтов в правление Домициана. Нашествие даков в Мёзию в период правления Дураса (зимой 85/86 г.) было еще более опустошительным и стало своего рода прелюдией тех событий, которые в конце концов привели к покорению Дакии римлянами.

Несмотря на постоянные столкновения, на протяжении большей части этого периода экономические отношения между даками и римлянами развивались по восходящей линии. В правление Бурбисты в Дакию попадают изделия римских мастерских; из них наиболее известны бронзовые сосуды позднего периода республики. В последней четверти I в. до н. э. в целом ряде поселений появились ювелирные украшения и металлические детали к одежде римского типа. Но особенно большое количество изделий, произведенных в Римской империи (бронзовые и керамические сосуды, изделия из стекла и железа, украшения, главным образом бронзовые, и т. д.), проникли в Дакию в течение I в. н. э., что объясняется относительно мирной обстановкой в период после

---

* Цит. по: *Корнелий Тацит*. Т. II. История / Пер. Г.С. Кнабе. М., 1993.

правления Августа, а также образованием пограничных провинций Паннония и Мёзия.

Изделия из Римской империи распространились по всей Дакии. Но особенная их концентрация наблюдается в ряде хозяйственных и торговых центров (например, в крупных поселениях в долине Сирета в южнокарпатской области, в Окнице в Олтении, в Пьятра-Краивий в Трансильвании), главным образом в крепостях и поселениях вокруг столицы Дакийского царства. В Дакии в I в. н. э. уже работали римские ремесленники. Технологии, использовавшиеся в целом ряде мастерских по обработке металлов, и изделия этих мастерских ясно указывают на то, откуда родом были мастера. И наконец, вследствие интеграции Дакии в средиземноморскую экономику дакийские цари стали точно копировать римские монеты, отказавшись от чеканки монет, характерных для периода, предшествовавшего становлению царства Бурбисты. Две монетные мастерские (одна обнаружена на месте крепости в Тилишке, а другая — в самой Сармизегетузе-Регии), а также ряд находок в других поселениях свидетельствуют о том, что дакийские цари с большой точностью воспроизводили серебряные римские денарии. Эти монеты чеканились вплоть до завоевания Дакии римлянами, и неслучайно, что на территории Древней Дакии было найдено около 30 тыс. таких монет, намного больше, чем в других соседствовавших с Римской империей «варварских» областях.

Культура даков во II в. до н. э. — I в. н. э.

Поселения и крепости. Многие указывает на то, что на территории Дакии существовало множество поселений сельского типа, однако число поселений, исследованных в ходе систематических раскопок, незначительно. По внешнему виду они напоминали поселения предыдущих веков и представляли собой маленькие деревушки с несколькими дворами и хозяйственными постройками. Эти поселения располагались по течению рек, на естественных террасах, в местах, не подвергавшихся затоплению.

Археологические исследования главным образом были сосредоточены в местностях, где находились укрепленные поселки и крепости. Такие селения и крепости располагались на возвышенных местах (на холмах, высоких террасах, вершинах гор),

откуда можно было наблюдать за ведущими из других областей дорогами. Укреплениями служили обычно земляные валы и деревянные стены, а после упрочения Дакийского царства в правление Бурбисты появились оборонительные пояса стен и четырехгранные бастионы из тесаного камня, которые возводили мастера из западнопонтийских городов, придерживаясь греческой технологии строительства. Остатки подобных укреплений были найдены вокруг дакийской столицы. На периферии (Батка-Доамней, Четэцени, Дивич) стены возводились из нетесаного камня, но и здесь очевидно стремление повторить великолепные столичные сооружения.

Люди в укрепленных поселках селились в основном во внутренних дворах, но нередко и за стенами укреплений. Дома по внешнему виду напоминали сельские, однако появлялись и более внушительные сооружения (мастерские ремесленников, святилища и др.). Укрепленные поселения выполняли экономические, административные, военные и религиозные функции (обозначаемые термином *dava*), сходные с функциями кельтских *oppida*^{*}, внешне они заметно различались. Крепости имели прежде всего военное назначение (они занимали небольшую площадь, и в них находились постоянные гарнизоны), но не только. Они выполняли и религиозную функцию (в некоторых из них были обнаружены святилища). Обе категории фортификаций отличались от тех, что возводились в местностях, населенных кельтами. Скорее всего, тип укрепления зависел от личности правителя. Доказательством служит факт, что после завоевания Дакии и смерти последнего дакийского царя Децебала подобные крепости полностью прекратили свое существование, несмотря на то что не все области, где обнаружены такие сооружения, были включены в границы римской провинции. Такова, например, судьба укрепленных поселений в области Марамуреш на правом берегу Тисы. Уничтожение дакийской аристократии привело к разрушению структур, обеспечивавших функционирование укреплений в период существования царства.

Самые впечатляющие фортификационные сооружения были обнаружены вокруг столицы Дакии. Их начали строить в правление Бурбисты, в дальнейшем они постоянно модифи-

---

^{*} *Oppidum* (мн. ч. *oppida*, лат.) — укрепленный поселок, крепость, город.

цировались. Религиозный центр даков, скорее всего священная гора Когаионон, упоминаемая Страбоном, где впоследствии, возможно в правление Декеней, выросла Сармизегетуза-Регия, находился на высоте 1000 м над уровнем моря. Все подступы к этому центру преграждали крепости с каменными укреплениями (Костешти-Четэцуе, Костешти-Блидару, Пьятра-Рошие, Вырфул-луй-Хулпе и др.). Недалеко от священного места возникло большое поселение с постройками на искусственных террасах, обнесенных каменными стенами. Вода подавалась по специально проложенным водопроводам. Сармизегетуза-Регия внешним видом напоминала средиземноморский город. Некоторые историки даже сравнивали ее с Пергамом. Вблизи священной зоны находилось небольшое фортификационное сооружение, построенное накануне дако-римских войн времен Домициана. Во многих укрепленных поселениях были обнаружены ремесленные мастерские — гончарные и металлообрабатывающие. Работа в них кипела, что подтверждается многочисленными предметами, найденными во время раскопок на месте этих поселений. Речь идет прежде всего о керамических изделиях. Характерная для даков утварь представляла собой сосуды, украшенные ячеистым орнаментом (использовались для приготовления пищи), так называемые фруктошницы (миски на высокой ножке), и плошки в форме чашек. Даки делали и расписную керамику, которая формой и орнаментом отличалась от аналогичных предметов, произведенных в областях, населенных кельтами. В поселениях вокруг Сармизегетузы изготавливали сосуды, украшенные рисунками с изображениями животных, а также растительным и геометрическим орнаментом. Эти сосуды археологи относят к так называемой придворной керамике.

Святынища и места отправления культа у даков. Самые древние святынища представляли собой прямоугольные деревянные сооружения (размеры которых намного превышали обычные постройки гражданского назначения) с помещением в форме апсиды, ориентированной на северо-запад. Реформа, проведенная Декенеем, навязала «официальную» религию, результатом чего явилось появление новых святынищ. Как в священной области Сармизегетузы, так и в ряде поселений и крепостей были обнаружены круглые и четырехугольные святынища. Вокруг свя-

тилищ круглой формы находились каменные или деревянные площадки, внутри которых располагалось четырехстороннее помещение и апсида, ориентированная на северо-запад. Четырехгранники поддерживались колоннами, опиравшимися на тамбуры из известняка или андезита, а сами сооружения напоминали храмы Средиземноморья.

В землях, населенных даками, обнаружен ряд священных мест, говорящих о своеобразии «народных» верований и обрядов. Так, например, в Концешти, на берегу озера, вероятно в священной роще, находилась площадка, на которой сжигались домашние животные. Бóльшая часть найденных костей представляет собой фрагменты конечностей, что говорит об особом характере жертвоприношений.

В ряде колодцев обнаружены наслоения из ритуальных сосудов, предназначавшихся, скорее всего, водяным духам. Многочисленны и находки серебряных предметов. Как правило, речь идет о частных тайниках, которые находились за пределами поселений в специально вырытых ямах. В них прятали украшения для одежды (застежки, браслеты, ожерелья и др.). Имеются и случаи преднамеренной порчи изделий перед их помещением в клад. И наконец, во многих поселениях, главным образом вне карпатской зоны, отмечено совершение магических обрядов. Во время археологических раскопок найдены фигурки людей, сделанные из глины, со следами преднамеренных уколов или порчи. В некоторых местах обнаружены целые «комплекты» предметов для магических заклинаний. Нет сомнений, что это свидетельства «народных» обрядов, схожих с теми, существование которых у многих древних народов установлено этнологами. Святилища и другие места отправления культов подтверждают существование как «официальной» религии, о которой упоминают литературные источники, так и традиционных верований и обрядов.

II. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VII вв.)

*Bellum Dacicum** императора Траяна

Дакийское царство и Римская империя в эпоху Флавиев. Первые контакты между жившими к северу от Дуная дако-гетами и Римом носили торговый характер и датируются II – I вв. до н. э., когда римская политика в отношении Нижнего Подунавья еще не вполне определилась.

В 11 г. до н. э. Август основал провинцию Паннония. Уже в этот период даки серьезно угрожали безопасности римских владений. Трудность в установлении с даками мирных отношений типа *amicitia*** вынудила Римскую империю принять решение о создании некоей буферной зоны между Паннонией и даками. С этой целью равнину между Дунаем и Тисой заселили сарматами-язигами. Вторжения даков опасались и в придунайских областях будущей провинции Мёзия. Так возникла идея политики «безопасного пространства», которую римляне проводили на северном берегу Нижнего Дуная в I в. н. э. Первый важный шаг в этом направлении сделал Элий Кат, переселив в области к югу от Дуная 50 тыс. гетов. В годы правления Тиберия, когда была образована провинция Мёзия, в Нижнем Подунавье стоял всего лишь один легион.

При Нероне «безопасное пространство» к северу от Дуная укрепили, а Плавтий Сильван Элиан, возможно, даже расширил его,

---

* Дакийская война (лат.).

** Дружба (лат.).

переселив в Мёзию еще 100 тыс. «задунайцев». За этим переселением последовало размещение на Дунае — к востоку от Новы — других гарнизонов.

Политика «безопасного пространства» и переселения жителей на южный берег Дуная еще со времен Августа осуществлялась параллельно с заключением дипломатических соглашений с разными дако-гетскими династиями. Такие отношения развивались на фоне политической ситуации, сложившейся в Дакии после распада царства Бурбисты. При Августе в Буридаве (Окница), возможно, правил местный царь, обозначенный в одной надписи титулом *basileus*. Наличие римского импорта, в особенности вооружения и предметов военного римского снаряжения, датированных I в. н. э., подтверждает гипотезу о существовании *amicitia* между Римской империей и политическим центром в Буридаве. Для времени правления Августа мы имеем также подтверждение о поддержании римлянами *amicitia* с гетским царем Ролом.

Эта политика имела успех вплоть до года «четырёх императоров»*. В это время в Мёзию, ослабленную выводом войск для участия в Гражданской войне в Италии, вторглись роксоланы. Гето-даки также не преминули воспользоваться ситуацией. Они атаковали римские военные лагеря и завладели землями по обоим берегам Дуная. Стало ясно, что система, созданная Августом, себя изжила.

События на Дунае в 68–69 гг. н. э. вынудили императоров из династии Флавиев изменить политику на дунайской границе. Первым ее начал осуществлять Веспасиан. В размещении римских легионов произошли значительные перемены, и постепенно были заложены основы новой стратегической концепции. Оккупационная армия из провинции была выведена к границе. Тогда же была образована и *Classis Flavia Moesica*** дунайская флотилия.

Несмотря на эти изменения, результатом которых стало установление более четкой демаркационной линии по Дунаю между Мёзией и варварскими территориями, от политики «безопасного пространства» на северном берегу реки полностью отказываться

---

* Речь идет о политическом кризисе в империи после падения Нерона, когда в течение 68–69 гг. в Риме сменились четыре императора: Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан.

** Мёзийский Флавиев флот (*лат.*).

не собирались. Провал римской дипломатии в отношении дакийского государства со всей очевидностью обозначился в 85 г., когда даки совершили нападение на Мёзию. Его опустошительные последствия показали неэффективность политики «безопасного пространства».

Начиная с правления Домициана ситуация радикально меняется. Первым шагом к преобразованиям стал раздел мёзийского «фронта» на два сектора — провинции Верхняя и Нижняя Мёзии. Важнейшими событиями последующих лет явились две экспедиции Корнелия Фуска и Теттия Юлиана, предпринятые против Дакийского царства Децебала в Трансильвании. Несмотря на разный масштаб и характер, результаты этих походов показали, как трудно будет завоевать Дакийское царство и превратить его впоследствии в римскую провинцию. В общем контексте политической и военной ситуации в Среднем Подунавье самым рациональным и быстрым решением для Римской империи стало бы превращение побежденного Децебала в дружественного царя (*rex amicus*). Это было вполне естественным, особенно если принять во внимание, что врагом Римской империи на севере выступал не племенной союз, а государство, сравнимое с такими царствами, как Македонское и Понтийское, а Децебал проявил себя не менее талантливым военачальником, чем Филипп V и даже Митридат. Договор, заключенный в 89 г. н. э. между Римской империей и Дакийским царством, переводил Децебала в категорию *rex amicus populi Romani*^{*}. По всей видимости, с ним поступили так же, как с армянским царем Тиридатом¹ во времена Нерона. Из рассказов Диона Кассия можно сделать вывод, что по отношению к дакийскому правителю римляне² действовали по всем правилам, прибегнув к *appelatio*^{**}, и полностью соблюли все официальные формальности.

Expeditio I. «Traianus de Dacis triumphavit»^{***}. Причины, приведшие к возникновению конфликта между зависимым Дакийским царством и Траяном, недостаточно хорошо отражены в повествовательных источниках. В них можно обнаружить туманные упоминания о возрастании мощи даков и «постыдном, позорном» до-

^{*} Царя, дружественного римскому народу (*лат.*).

^{**} Обращение к общественному мнению за поддержкой (*лат.*).

^{***} Первый поход. «Траян с триумфом вернулся из Дакии» (*лат.*).

говоре, заключенном Домицианом³. Современные историки выдвинули свои предположения о возможных причинах. К ним могут быть отнесены и богатства недр Дакийского царства, и экономический кризис в Италии, и желание Траяна добиться славы Александра Македонского. Позднее среди основных политических и военных мотивов стали выделять угрозу создания широкой антиримской коалиции варваров во главе с Децебалом, а также мнение Траяна, согласно которому, благодаря поддержке Римом своих политических «друзей», мощь Дакийского царства стала превосходить допустимые для зависимой страны пределы.

Сохранились свидетельства о двух войнах Траяна с даками. Основными историческими источниками, по которым можно восстановить события, считаются колонна Траяна в Риме и фрагменты сочинения Диона Кассия. На рельефах колонны обе войны представлены по-разному. Изображение первого конфликта начинается с воспроизведения десяти сцен, рассказывающих непосредственно о военной кампании. Вторая война отражена по-другому. В первых девяти сценах воссоздается путешествие по морю из Италии, которое является как бы введением в войну. К этому добавляется рассказ Аммиана Марцеллина⁴ о двух клятвах Траяна: «*sic in provinciarum speciem redactam videam Daciam*» и «*sic pontibus Istrum superem*»*. Это главные цели императора, провозглашенные в период между войнами. К доказательствам о непосредственной связи двух войн добавляется сцена на колонне, изображающая два трофея и богиню Викторию. Все это побудило итальянского историка Санто Мадзарينو высказать мысль, что следует говорить о единой дакийской войне, подразделенной на *expeditio Dacica prima*** , удостоверенную эпиграфически надписью Луция Минуция Наталия⁵, и о *secundo expeditioe****, о которой сообщает надпись Гая Цецелия Марциала⁶ в Коринфе.

Предположительно, первая экспедиция началась в мае-июне 101 г. н. э., если учитывать, что Траян покинул Рим 25 марта⁷. Римская армия во главе с самим Траяном перешла через Дунай в Верхней Мёзии и начала продвижение по Банату, вероятно,

* «Да увижу я, обозревая провинции, среди них Дакию»; «Перейду по мостам через Истр» (лат.).

** Первый поход в Дакию (лат.).

*** Второй поход (лат.).

по тому же маршруту, которым следовал Теттий Юлиан в 88 г. н. э., в направлении резиденции дакийских царей на юго-западе Трансильвании. В то же время Маний Либерий Максим, наместник Нижней Мёзии, двигался на север вместе со своей армией по долине реки Алут (Олт). Его основной целью, судя по всему, был политический центр гетов в Буридаве, о чем свидетельствуют найденные там фрагменты черепицы с клеймами Первого Итальянского и Пятого Македонского легионов⁸. Так началась первая военная кампания.

Прибыв на юго-восток Трансильвании после победы в битве при Тапах, император добрался до низменности Хацег и продолжил путь к царской резиденции в горах Себеша. Трудно поверить, что Траян готовился начать самую тяжелую часть кампании — осаду горных крепостей даков — в преддверии наступления дождливого и холодного времени года. По всей вероятности, он подготовил зимние лагеря и запасся провизией, а последний бросок решил совершить следующей весной. Единственным объяснением рискованного поступка Децебала, оставившего свою резиденцию в горах, чтобы, перейдя через Карпаты и Дунай, атаковать Нижнюю Мёзию, служит то, что в этот момент царская столица Сармизегетуза не подвергалась опасности. Эта вылазка знаменует начало второй кампании. Траян был вынужден покинуть горы Юго-Западной Трансильвании и вместе с армией поспешить для оказания поддержки римским военным лагерям и городам Нижней Мёзии. Атака даков сочеталась с нападением их союзников с востока, с территории нынешней Молдовы. Это была смешанная коалиция варварских племен, самыми грозными из которых были роксоланские панцирные конники. Понеся большие потери, Траян разбил варварскую коалицию в ходе решающих битв под Никоподем и крепостью Трофей Траяна (Адамкисси). На месте последней в 109 г. воздвигли памятник в честь победы и алтарь в память о 3 тыс. римских солдат, павших на поле боя.

Весной 102 г. началась третья кампания. В то время как Траян возвращался на юго-восток Трансильвании для подготовки решающего штурма политического центра даков, армия Нижней Мёзии вторглась на территорию, населенную варварами, преследуя восточных союзников Децебала. Дион Кассий⁹ приводит интересный эпизод: Маний Либерий Максим взял в плен сестру Децебала и одновременно захватил мощную крепость. Отчаяние Децебала,

получившего дурную весть, можно объяснить лишь тем, что он терял важного союзника на востоке (Молдова), дружба с которым была подкреплена, по всей вероятности, политическим брачным союзом тамошнего правителя с сестрой царя даков. Такая гипотеза основывается на упоминании о браке между благородной дакийской девицей Зией и правителем костобоков Пиепором¹⁰. Это известие исходит из Италии, где «царица» костобоков и два ее внука, вероятно, находились в качестве *obsides*, т. е. политических заложников. А поскольку костобоки жили на севере Молдовы, нельзя исключить, что этот эпизод связан именно с завоеванием их главного центра.

Продолжая военные действия, армия Нижней Мёзии заняла равнину Мунтении и перешла через горы на юго-востоке Трансильвании. Операция проводилась с целью установления контроля над основными путями, ведущими через горы из Трансильвании к Дунаю. На местах самых важных переправ и перевалов возводились мощные каменные военные лагеря, как, например, в Хогизе и Бречку в долине Олта в Трансильвании и Верхней Дразне, Рукэре и Тыргшоре в Южных Карпатах в Мунтении. Об этом говорят найденные в этих укреплениях фрагменты черепицы с клеймами легионов Нижней Мёзии. Восточная часть Олтении, Мунтения, юг Молдовы и юго-восточная часть Трансильвании в 102 г. становятся территориями, расположенными *intra provinciam** (Нижняя Мёзия). Это вытекает из текста так называемого папируса Ханта, в котором упоминаются римские гарнизоны Буридавы и Пироборидавы и уточняется, что они располагаются *intra provinciam*.

Между тем на главном направлении в Юго-Западной Трансильвании римская армия под командованием Траяна захватила укрепленные высоты на подступах к Сармизегетузе. Дион Кассий рассказывает, что после того как Децебал потерял всякую надежду остановить наступление Траяна, он, чтобы не потерять трон, согласился на все условия римлян и начал мирные переговоры. В конце концов дакийский царь предстал перед Траяном, отбросив оружие, преклонил колена и, исполнив требуемый церемониал, признал себя побежденным. Если бы Траян хотел уничтожить Дакийское царство в 102 г., он бы уже тогда мог взять в плен или убить Децебала. На рельефах колонны Траяна изображено, как Децебал выражает готовность к повиновению неподалеку от рим-

---

* В пределах провинции (лат.).

ского лагеря, где, по всей вероятности, располагался штаб Траяна. Это место должно было находиться недалеко от Сармизегетузы. Из близлежащих населенных пунктов, где археологи находят следы присутствия римлян, наиболее значительным является место, носящее название Суб-Кунуне. Здесь обнаружен клад из 500 римских серебряных монет, последние из которых относятся к периоду правления Траяна до присвоения ему титула Дакийский (т. е. до 102 г.), а также найдены стены из камня, скрепленные раствором, римская черепица и кирпичи. Большой интерес представляют и две надписи. Одна сделана в 156 – 157 гг.¹¹ от имени наместника Верхней Дакии Марка Стация Приска и посвящена Виктории-Августе, а другую наместник-консул трех Дакий Луций Эмилий Кар в 175 г. поставил в честь Аполлона-Августа¹². Эти люди жили много позже гибели Сармизегетузы и последнего дакийского правителя. Единственным объяснением следов римского присутствия в тех местах и появления упомянутых надписей служит алтарь, поставленный Траяном после поражения и капитуляции Децебала в 102 г. Эту версию подтверждают и письменные источники, упоминающие о сооружении Траяном во время первой войны алтаря, на котором он приказал совершать ежегодные жертвоприношения¹³. В румынской историографии гипотетическим местом расположения алтаря считаются Тапы. Этот населенный пункт предположительно находился у горного перевала, ведущего из Баната в Трансильванию, — у Железных Ворот рядом с Карансебешем. Однако на этом месте не найдено следов поселений римской эпохи. Алтарь и святилище в честь богини Виктории, возведенные в 102 г., следует искать ближе к царской Сармизегетузе. Скорее всего, в местечке Суб-Кунуне, расположенном всего в нескольких километрах от нее. Впрочем, Дион Кассий мог говорить и о другом алтаре.

О победе над даками упоминается и в *Fasti Ostienses**. Отмечается, что Траян «*de Dacia triumphavit*»**. Он отпраздновал в Риме триумф и принял титул Дакийский в конце 102 г., после 10 декабря.

Дакийское царство и захват римлянами территорий на северном берегу Дуная в 102–105 гг. н. э. К завоеванным римлянами в 102 г. территориям Дакийского царства относятся Банат, юго-

* «Хронике Остии» (лат.).

** «С триумфом вернулся из Дакии» (лат.).

запад Трансильвании, в том числе горный укрепленный регион в окрестностях царской Сармизегетузы, и запад Олтении. Восток Олтении, Мунтения, юг Молдовы и крайний юго-восток Трансильвании, не входившие в пределы Дакийского царства, отошли под управление наместника Нижней Мёзии. Территории между Дунаем и средним течением Муреша, завоеванные самим императором, также оставались заняты римлянами. Точные сведения об их административно-территориальном устройстве между 102 и 105 гг. (были это военный округ, провинция в стадии образования или новая территория Верхней Мёзии) отсутствуют. Известно только, что Траян назначил командующим оккупационными войсками Лонгина, *vir consularis** (о котором упоминает Дион Кассий). Он идентифицируется в просопографии империи как *Cn. Pinarius Aemilius Cicatricula Pompeius Longinus*, т. е. Гней Пинарий Эмилий Цикатрикула Помпей Лонгин, бывший наместник провинций Верхняя Мёзия и Паннония. По своему статусу он должен был иметь под командованием по крайней мере два легиона, т. е. обычную для провинции армию. Возможно, провинция еще находилась в стадии образования. Граница региона, включавшего большую часть Южных Карпат, на севере проходила по реке Муреш и трансильванскому участку Олта. Эти естественные рубежи являлись одновременно южными пределами нового царства Децебала. Таким образом, Траян достиг основной цели экспедиции 101 – 102 гг. Центр управления в Сармизегетузе и каменные укрепления в горах Юго-Западной Трансильвании, т. е. ядро дакийского государства, были разрушены и перешли под контроль римских войск. Отныне под властью Децебала находилось зависимое Дакийское царство, территория которого значительно уменьшилась.

Это Дакийское царство охватывало Центральную и Северо-Западную Трансильванию. Оно не имело достаточных военных сил. Новая стратегическая ситуация в Северном Подунавье и позиции, занятые римской армией, не позволяли Децебалу добиться сплочения северодунайских варваров вокруг своего царства и угрожать с их помощью римскому порядку на южном берегу Дуная, как то было раньше. Самым важным в римской политике по отношению к варварскому миру в эпоху принципата было поддержание его политической и военной стабильности, а также создание в нем таких властных структур, которые при необхо-

---

* Консуляра, т. е. бывшего римского консула (*лат.*).

димости можно было бы использовать в борьбе против других враждебных варварских племен, осмелившихся угрожать Римской империи. Именно этим объясняется сохранение за Децебалом царского титула. Он был опытным военачальником и пользовался большим уважением среди варваров. Такие его качества были чрезвычайно полезны для империи и отвечали римским интересам.

Новый статус Дакийского царства был закреплен в договоре, который мог считаться заключением как мира, так и перемирия. По его условиям, Децебал обязывался сдать оружие, осадные машины и военных мастеров, выдать римских перебежчиков, скрыть крепости, очистить захваченные римлянами территории, считать своими друзьями и врагами тех же лиц, что и римляне, т. е. отказаться от проведения собственной внешней политики¹⁴. Согласно терминологии римского права капитуляция Децебала определялась как *deditio in fidem*^{*}. Он становился *socius Imperii*^{**}. Конкретной формой реализации этого перехода являлся *foedus*^{***}, посредством которого Децебал становился дружественным царем и союзником империи (*rex amicus et socius Imperii*).

Особый интерес вызывает условие мирного договора, обязывающее Децебала и его двор очистить захваченные римлянами территории. Это означало: дакийский царь должен был покинуть свою царскую резиденцию в Сармизегетузе, что входило в противоречие с логикой. Царство, которым он правил, с этого момента находилось далеко от бывшей царской резиденции. В уже цитированном пассаже Дион Кассий говорит, что в 102 г. н. э. Траян оставил в Сармизегетузе некий «*stratopedon*». Эта книжная информация получила недавно блестящее эпиграфическое подтверждение. В стенах так называемой «крепости» Дяле-Грэдиште в Грэдиште-Мунчелулуй (место, гипотетически отождествляемое с Сармизегетузой дакийских царей) обнаружены блоки со строительными надписями с указанием названий строивших ее легионов: *IV Flavia Felix* (Четвертый Счастливый Флавиев), *II Adiutrix* (Второй Вспомогательный) и *VI Ferrata* (Шестой Железный). Очевидно, что эти блоки принадлежали римскому лагерю, а не дакийской крепости. Стены были возведены характерным для легионов

^{*} Здесь: переход под покровительство победителя (*лат.*).

^{**} Союзником империи (*лат.*).

^{***} Союз, союзный договор (*лат.*).

образом в виде *opus quadratum**. Это именно тот самый *stratopedon* — термин, многократно употреблявшийся Дионом Кассием для обозначения римского лагеря. С этого момента Сармизегетуза оказалась на римской территории. Смысл строительства такого лагеря полностью соответствовал римской традиции захвата центров управления побежденных племен. Таким образом, Децебал был вынужден искать для себя другую резиденцию на свободных территориях в Центральной Трансильвании. На севере от Муреша единственной каменной крепостью, расположенной в стратегически удачном месте и одновременно являвшейся торговым и промышленным центром, была Пятра-Крайви, стоявшая на скалистой вершине горы на высоте 1083 м. Децебал мог выбрать ее в качестве новой резиденции, руководствуясь именно такими соображениями.

Expeditio II. «Universa Dacia devicta est»**. Децебал, будучи яркой и незаурядной личностью, не мог легко смириться со своим новым статусом. Римляне обвинили его в несоблюдении положений мирного договора. Отрывочные данные позволяют лишь предполагать, что произошло в реальности. Вероятно, эти обвинения и послужили главной причиной начала новой войны. Не исключено, что Траяну, главной целью которого являлся окончательный захват Дакийского царства и превращение его в римскую провинцию, было выгодно именно перемирие, а не прочный мир. Сенат во второй раз объявил Децебала врагом римского народа. Четвертого июня 105 г. Траян морским путем отправился из Италии в Мёзию, что отмечено в «Хронике Остии»¹⁵.

Поход начался летом 105 г. Децебал попытался вступить в переговоры с Траяном¹⁶. Он заманил Гнея Помпея Лонгина, командующего римскими войсками к северу от Дуная, в западню и захватил его в плен. Учитывая выгоды своего положения, Децебал потребовал у Траяна вернуться к статус-кво, существовавшему до первого похода: возратить ему территории до Дуная и возместить ущерб, нанесенный войной. В этом случае он обещал освободить Лонгина. Траян отверг его предложения и потребовал, чтобы Децебал сдался и сложил оружие. Лонгин покончил с собой; поход римлян продолжался. Его основной целью было пленение Децеба-

* Четырехугольного укрепления (лат.).

** Вторая экспедиция. «Покорена вся Дакия» (лат.).

ла и захват его резиденции, полная ликвидация Дакийского царства и создание на его обломках римской провинции. В 105 – 106 гг. военные операции римской армии сосредоточились в Трансильвании, к северу от Муреша.

Весть о новых успехах императора достигла Килены после 30 июля 106 г. Вероятно, речь шла о падении царской столицы. Мы уже объясняли, что ею не могла быть старая дакийская Сармизегетуза. Считается, что на рельефах колонны Траяна представлена последняя большая осада Сармизегетузы во время второй экспедиции. Известный толкователь рельефов колонны К. Цихориус заметил, однако, что в этой сцене изображается крепость, расположенная на труднодоступном скалистом плато, а это не соответствует топографии Сармизегетузы. На таком основании Цихориус выдвинул идею о существовании второй царской столицы. Стены осажденной крепости отличаются от других изображений Сармизегетузы на колонне. Они больше походят на обнаруженные при раскопках в крепости Пятра-Крайви, чем на стены старой столицы даков, не говоря о топографическом несоответствии.

Упоминание о провинции Дакия появляется уже 11 августа 106 г. Предположительно, территория между Пятра-Крайви и северной частью Дакийского царства была захвачена в течение месяца. И это еще один аргумент в пользу того, что новая царская резиденция располагалась к северу от Сармизегетузы. Упомянутая надпись в Коринфе уточняет, как завершилась вторая экспедиция против Дакийского царства: «*secunda expeditione qua universa Dacia devicta est*»*. После падения столицы Децебал, преследуемый вспомогательными отрядами римской конницы, пытался спастись бегством. Знаменитая надпись в Филиппах (Греция) рассказывает о Тиберии Клавдии Максиме, который возглавлял отряд римлян и стал свидетелем самоубийства Децебала. Именно он принес Траяну голову дакийского царя. Надпись указывает место, где это произошло: «*Ranisstor*». Это было переведено как «в Ранистор», т. е. туда, где якобы находился штаб Траяна на последнем этапе войны. По правилам латинской грамматики, однако, следует переводить скорее как «из Ранистора», что станет указанием на место самоубийства Децебала. Как бы то ни было, это место было гипотетически идентифицировано с местностью к северу от Му-

* «Во втором походе, во время которого была покорена вся Дакия» (лат.).

реша, то ли в Апуле (М.П. Шпайдель), то ли в Пятра-Крайви (Дж. Беннетт). К сожалению, трудно установить дату самоубийства Децебала: покончил ли он с собой до образования провинции Дакия или уже после. Некоторые историки (Ф. Леппер и С.С. Фрер) предполагают, что это могло случиться между 2 и 20 декабря 106 г.

Образование провинции Дакия

Траянова Дакия. В военном дипломе, найденном в Поролиссе и датированном 11 августа 106 г. (но изданном только в 110 г.), впервые упоминается провинция Дакия¹⁷. На легенде одной из монет 110 г. можно прочесть: «*Dacia Augusti Provincia*»¹⁸. Территория провинции Дакия охватывала большую часть бывшего Дакийского царства, т. е. Банат, значительную часть Трансильвании и запад Олтении. Это дает представление о том, насколько обширным было царство Децебала. Когда римляне преобразовывали царства варваров в римские провинции — вне зависимости от способа их присоединения, — они очерчивали границы провинций в пределах прежних царств. Для примера возьмем царство Аминтаса в Малой Азии. Оно было преобразовано в провинцию Галатия в соответствии с *kleronomia*^{**}, но осталось в тех же границах¹⁹. Дакийское царство присоединили военным путем, но сам принцип остался неизменным.

Траянова Дакия была единой провинцией, на территории которой дислоцировались три легиона. Поэтому управлял ею наместник в ранге *legatus Augusti pro praetore*^{***}, резиденция которого находилась, вероятнее всего, в Апуле. Первым наместником был назначен Юлий Сабин, занесенный в самый старый военный диплом провинции от 14 октября 109 г., найденный в Рановаке (Сербия)²⁰. Он сражался под командованием Лонгина в начале второй дакийской войны, а став наместником новой провинции, оставался на этом посту по меньшей мере до 107 г., когда император отбыл из Дакии. Другие историки считают, что, возможно, он сохранял свою

* «Императорская провинция Дакия» (букв.: провинция Августа Дакия) (лат.).

** Наследственным правом (греч.).

*** Императорский наместник (букв.: наместник Августа) с преторскими полномочиями (лат.).

должность до 109 г. После отъезда Юлия Сабина управлять Дакией был назначен Децим Теренций Сквариан²¹, долгое время считавшийся ее первым наместником. Новый военный диплом, однако, показывает, что он правил Дакией позднее, в 108/109 – 111/112 гг. За ним последовали Гай Авидий Нигрин²² и Гай Юлий Квадрат Басс²³. Должность консула-наместника Дакии в эпоху Траяна, как и должность губернатора Сирии или Британии, представляла собой вершину военной карьеры любого консула.

Траянова Дакия и северодунайские территории Нижней Мёзии имели стратегическое значение для разделения варварских племен на левом берегу Дуная (от Аквинка до устья реки), препятствуя угрозе создания широкого антиримского «фронта» в дунайском регионе.

Daciae tres*. Первому испытанию созданная Траяном провинция Дакия подверглась в конце его правления. Вследствие сложившейся военной и политической обстановки в Римской империи разразился настоящий кризис, серьезно угрожавший римскому владычеству на широком пространстве от среднего течения Дуная до Северного Причерноморья.

В 116 – 117 гг., когда экспедиционный корпус армии Дакии отправился на войну с парфянами, в провинцию из долины Тисы вторглись соседние варварские племена язигов и потребовали отдать им западные территории. Летом 117 г. Траяном для управления Дакией был направлен с Востока *vir militaris***, военачальник Гай Юлий Квадрат Басс. Девятого августа 117 г., когда Басс продолжал сражаться с язигами, Траян умер в Киликии. Новый император Адриан, проведя зиму в Никомедии, весной 118 г., встревоженный «заговором четырех», вернулся в Рим. Гибель Басса в боях за Дакию сильно осложнила обстановку как в самой Дакии, так и во всем дунайском регионе. Возможно, этой ситуацией попытались воспользоваться роксоланы, обитавшие севернее устья Дуная. Впрочем, достоверных сведений об их вторжении в Нижнюю Мёзию нет. Точно известно, однако, что роксоланы пожаловались на уменьшение субсидий, которые они получали еще со времен Траяна²⁴. Вероятно, именно из-за этих событий Адриан направился прежде всего на Дунай, в провинцию Нижняя Мёзия. Здесь он

* Три Дакии (лат.).

** Военный муж (лат.).

Римская Дакия

провел переговоры с царем роксоланов, возможно Элием Распараганом²⁵, изменив его статус на статус «дружественного царя». Для восстановления мирной обстановки в провинции Адриан назначил наместником *ad tempus** Дакии²⁶ и Нижней Паннонии верного человека — всадника Квинта Марция Турбона. В момент возвращения Адриана в Рим (9 июля 118 г.) Турбон завершал победоносную войну с язигами. Уже находясь в Риме, император назначил его наместником Дакии, пожаловав ему дополнительное звание *praefectus Aegypti***²⁷, необходимое для законного оформления власти всадника над провинцией, где стояли три легиона.

Следы этих событий помогают найти и археологи. В римских деревоземляных укреплениях на северо-западе Дакии (Джилэу, Болога, Бучуми, Илишуа и др.) обнаружены сильные разрушения. В прикарпатской зоне Мунтении, входившей в Нижнюю Мёзию, были сожжены военные лагеря, охранявшие подступы к Дакии. Самые поздние из найденных там монет относятся к 117 г. По-видимому, летом или осенью 118 г. с равнин Мунтении в эти районы вторгались роксоланы, нарушив заключенный незадолго до этого договор с Адрианом об *amicitia*. Скорее всего, основной отпор нападавшим, которые намеревались прорваться в Дакию, должны были дать войска под командованием Турбона. Такой вывод напрашивается потому, что в каменном военном лагере в Хогизе на месте переправы через Олт, неизбежной после спуска с гор, не обнаружено следов разрушения, как и в лагерях к югу от Карпат.

Глубокий кризис, охвативший Дакию, и необходимость вести оборонительную политику вынудили Адриана наряду с другими мерами отдать приказ о разрушении верхней, деревянной, части моста через Дунай в Дробете (шедевр архитектора Аполлодора Дамасского²⁸), который начали строить в 103 г.

Империи удалось сохранить завоевания Траяна к северу от Дуная ценой значительных военных усилий в Нижней Паннонии, Дакии и Нижней Мёзии, потери некоторых территорий, а главным образом с помощью административных и военных преобразований в этих римских владениях. Скорее всего, план переустройства разработали в Риме, и исполнение его было поручено (*mandatum*) Квинту Марцию Турбону и наместнику Нижней Мёзии. Война 117—118 гг. показала, что отводившаяся Траяновой

* Временным (*лат.*).

** Префект Египта (*лат.*).

Дакии роль — разделение варварских племен к северу от Дуная — в сущности оказалась неэффективной.

Концепция Адриана предполагала уход с некоторых наиболее уязвимых для вторжения равнинных территорий, таких, как Мунтения и юг Молдовы. Наряду с этим римляне, по всей видимости, вынуждены были уступить язигам некоторые земли на западной границе Траяновой Дакии, поскольку с этого момента конфликт с язигами, по всей видимости, угас. Области, действительно оказавшиеся под римским контролем, подверглись новому территориально-административному делению. На основе большей части бывшей Траяновой Дакии Адриан создал провинцию Верхняя Дакия, охватывавшую Банат, большую часть Центральной и Южной Трансильвании, а также запад Олтении. Из северо-западной части Трансильвании, ранее входившей в Траянову Дакию, была образована Дакия Поролисская (*Dacia Porolissensis*). В состав Нижней Дакии вошли некоторые бывшие земли Нижней Мёзии на северном берегу Дуная (полоса западной части Мунтении, расположенная по левому берегу реки Олт, и юго-восточная часть Трансильвании) и восточной части Олтении. Известно, что общий периметр трех Дакий составлял 1000 римских миль, или миллион двойных шагов (1478 км)²⁹.

Первое документальное свидетельство о новой системе отмечается в военном дипломе от 13 декабря 119 г. (Верхняя Дакия), затем в трех военных дипломах от 29 июня 120 г. (Поролисс, Кэшей и Ромынащи)³⁰. С этого времени в Верхней Дакии дислоцировался один легион, а провинцию возглавлял императорский наместник в ранге *legatus Augusti pro praetore*. Двумя другими провинциями (Дакией Поролисской и Нижней Дакией), не имевшими на своих территориях легионов, управляли *procuratori Augusti** из сословия всадников.

Правильность решения Адриана о выводе войск и консолидации римских территорий была подтверждена и в последующие десятилетия. По сути меры, предпринятые Адрианом, имели стратегический и политический характер. Дакия Поролисская прикрывала северо-западный фланг Верхней Дакии, и поэтому там находились многочисленные вспомогательные отряды, проводились фортификационные работы, посредством которых блокировались или ставились под контроль основные пути, ведущие с за-

* Императорские прокураторы (лат.).

падных и северо-западных равнин во внутреннюю часть Трансильвании. Нижняя Дакия была предназначена для решения других задач. Ее основная роль состояла в обеспечении пути (почти 250 км) между Верхней Дакией и Дунаем, жизненно важного со стратегической и торговой точек зрения для межкарпатской зоны после демонтажа моста в Дробете.

Эти установления Адриана были подвергнуты пересмотру в правление Марка Аврелия во времена Маркоманских войн (166 – 180 гг.), от которых пострадали и дакийские территории. Войны выявили необходимость перемен в военной сфере. В 168 г. в Потаиссу на территории Дакии Поролисской был введен для постоянной дислокации Пятый Македонский легион из Троезма в Нижней Мёзии. Тогда же две из трех провинций получили новые названия: Дакия Апульская (*Apulensis*; вероятно, Верхняя Дакия), Дакия Мальвенская (*Malvensis*; скорее всего, вместо Нижней Дакии); Дакия Поролисская сохранила прежнее название. Самым важным новшеством явилось объединение всех Дакий под единым военным управлением: во главе их встал императорский *legatus Augusti pro praetore trium Daciae** в ранге консуляра с резиденцией в Апуле, столице Дакии Апульской. Первым наместником в 169 г. был назначен Марк Клавдий Фронтон³¹, которому было суждено погибнуть в оборонительных боях за Дакию. Новые провинции представляли собой скорее финансовые округа, а при организации вспомогательных отрядов римляне пользовались, по-видимому, прежним принципом административного деления. Такой вывод можно сделать на основании диплома из Дробеты от 1 апреля 179 г., где указывается, возможно как анахронизм, название Верхняя Дакия, а не Дакия Апульская, как на каменных надписях.

Население и общество

Колонисты. Сразу же после захвата Дакии в нее со всех концов империи устремились потоки колонистов. Они составили подавляющее большинство населения новой провинции. Такой вывод можно сделать исходя из эпиграфических документов и данных археологических раскопок, проводившихся в целом ряде поселений провинции Дакия.

* Наместник трех Дакий с преторскими полномочиями (*лат.*).

Изучение ономастики, религии и культуры переселенцев показывает, что колонисты прибывали из Италии, Иллирика, Фракии, Норика, Паннонии, Германии, Мёзии, Малой Азии и даже из Африки, Сирии или Египта. Большинство происходило из европейских западных провинций, где говорили на латыни и где население отличалось высокой степенью романизации. Несмотря на это, этническое происхождение колонистов: иллирийское, фракийское, кельтское или германское — иногда просматривается в некоторых антропонимах, родоплеменных названиях, в сохранении культов собственных местных божеств в их римских ипостасях или в некоторых чертах повседневной жизни. Недавние исследования в области ономастики и археологии показали, что в Верхнюю Дакию эпохи Траяна, а позднее в Дакию Поролисскую колонисты прибывали главным образом из Паннонии и Норика. Бывшие жители Восточной Паннонии селились в основном на западе Дакии, а жители Норика — по большей части на ее востоке в сельской местности. На основе анализа 4 тыс. надписей, найденных в Дакии, можно сделать вывод о преобладании там латинского языка. Среди них только 40 греческих надписей и 7 пальмирских. Все остальные — латинские. Из 3 тыс. антропонимов на надписях 74% являются итальянскими и римскими, 14 — восточногреческими, 4 — иллирийскими, около 4 — кельтогерманскими, 2 — фракийско-мезийскими, 2% — семитскими (сирийско-пальмирскими), прочие имеют другое происхождение (иранское, африканское, египетское). В Траяновой Сармизегетусе латинские *cognomina** составляли 76%, а в Апуле — 72%, что является доказательством полной романизации городов провинции.

Наряду с колонистами, прибывавшими, чтобы получить землю, важную роль среди латиноязычного населения играли ветераны и их семьи. Первую большую общину ветеранов образовали завоевавшие Дакию легионеры. Траян поселил их в земле Хацег (*Țara Hațegului*), где была основана единственная «выведенная колония» (*colonia deducta*) — *Colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica*

---

* Семейные имена, употреблявшиеся наряду с охватывавшим более широкий круг родственников родовым именем, *poten*; *cognomen* приблизительно соответствует русской фамилии. Например, в полном имени императора Марка Ульпия Траяна Марк представляет собой личное имя, *praenomen* (букв. пред-имя), Ульпий — родовое имя, *poten*, а Траян является семейным именем, *cognomen*.

Sarmizegetusa*. Согласно обычаю, поначалу в колонии должно было поселиться около 2 тыс. человек. Ветераны в основном происходили из бывших легионеров, призванных на военную службу в Италии и в провинциях, подвергшихся романизации в период правления Флавиев, — Испании или Нарбонской Галлии. Как уже указывалось, в Сармизегетузе римские *cognomina* составляли 76% (больше, чем в других городах и даже самом Риме), 20,5% *cognomina* имели греческое происхождение, 1,5 — сирийско-пальмирское, 0,4 — фракийское, 0,5% — иллирийское. Из почти 800 надписей, обнаруженных в Сармизегетузе, только пять являются греческими, остальные — латинскими. С течением времени в провинции остались многие ветераны-легионеры, служившие в армии Дакии или во вспомогательных отрядах. Для последней категории показательны 40 военных дипломов дакийской армии — из 50 найденных в провинции на сегодняшний день.

Считается, что поселение колонистов продолжалось и в эпоху Адриана, и в правление Марка Аврелия, и даже позднее. Если период, последовавший за кризисом 117 — 118 гг. и реформированием Дакии, отмечен значительной миграцией населения, связанной с уходом и прибытием войск, то для последующих периодов прямых доказательств таких перемещений становится все меньше. В Западных Карпатах, в зоне золотодобычи, обнаружены надписи, подтверждающие, что приток населения туда из других провинций продолжался как после войн с маркоманами, так и в первой половине III в. Очевидно, это происходило в ходе освоения золотых рудников.

Военные. Поскольку Дакия являлась императорской приграничной провинцией, игравшей важную стратегическую роль, римское военное присутствие в ней было очень сильным. Отдельные монеты времен Адриана несут на себе легенду *Exercitus Dacicus***; это свидетельство того, что армия здесь была единой. Впрочем, некоторые найденные черепицы имеют клеймо *EXDP*, трактуемое как *E(xercitus) D(aciae) P(rolissenis)*.

В эпоху Траяна (106 — 117 гг.) армию Дакии составляли три легиона: Тринадцатый Сдвоенный (*XIII Gemina*) — его основной

* Колония Ульпия Траяна Августа Сармизегетуза (лат.). «Ульпия» означает «Ульпиева».

** Дакийское войско (лат.).

гарнизон дислоцировался в Апуле, в лагере «Крепость», Первый Вспомогательный — гарнизон стоял, вероятно, также в Апуле, в лагере «Партош», и Четвертый Счастливый Флавиус с гарнизоном в Берзобисе. Поблизости от них размещались многочисленные вспомогательные войска, главным образом из Верхней Мёзии и Паннонии.

Система обороны Траяновой Дакии не может быть охарактеризована как *limes** в полном смысле этого слова, как то было на территории Паннонии, Ретии и Германии. Она состояла из деревоземляных военных лагерей и связывавших их дорог, обеспечивая охрану основных путей с целью недопущения варварских вторжений. Поэтому лагеря строились также и в глубине провинции, а не только на демаркационной линии.

В период, совпавший с окончанием кризиса 117—118 гг., а также после нового административно-территориального деления Дакии и других римских территорий к северу от Дуная Первый Вспомогательный легион отошел в Верхнюю Паннонию, а легион Четвертый Счастливый Флавиус — в Сингидун (*Singidunum*) в Верхней Мёзии. В Дакии остался единственный легион — квартировавший в Апуле Тринадцатый Сдвоенный.

Перемены произошли и в размещении вспомогательных войск. Из вспомогательных войск армии Нижней Мёзии была сформирована новая армия Нижней Дакии. Многочисленные изменения коснулись и территориального расположения вспомогательных войск в Дакии Поролисской. Отдельные алы** заменили когорты времен Траяна. Тунгарская ала Фронтонна была переведена из Вршаца в Верхней Мёзии на север Дакии Поролисской, в Илишуа, где сменила Вторую Британскую тысячную когорту, отведенную в Кэшей. В Джилзу переместили Силианскую алу из Нижней Паннонии, сменившую, вероятно, Первую Паннонскую когорту.

Эти перемещения, похоже, объясняют, почему в одних и тех же лагерях найдены клейма разных частей. Самым известным примером служит лагерь «Помэт» в Поролиссе. Передвижения войск нередко влекли за собой строительство других, более мощ-

---

* *Лимес* (от лат. *limes* — граница) — общее название системы оборонительных сооружений, построенных римлянами для защиты границ от варварских племен.

** *Ала* (*ala*) — кавалерийское подразделение (лат.).

ных лагерей. Вспомогательная армия Дакии Поролисской была, таким образом, начиная со времен Адриана усилена большим количеством мобильных конных отрядов, нехватка которых так ощущалась в период кризиса 117 — 118 гг.

В последующие десятилетия лагеря Дакии были обнесены каменными стенами, хотя в большинстве случаев нет четких указаний на время, когда это произошло. Важной в стратегическом отношении считалась приграничная северо-западная зона Дакии Поролисской, центральным военным пунктом которой был лагерь «Помэт».

Армия Дакии подверглась новой реорганизации в начале Маркоманских войн, после 168 г., когда Пятый Македонский легион перевели из Троема в Нижней Мёзии в Потаиссу в Дакии Поролисской. С этого момента все три Дакии: Поролисская, Апульская и Мальвенская — оказались под единым централизованным военным управлением, подобно тому как это было в эпоху Траяна. Отличие состояло в дислокации войск. Северо-западную зону, ставшую Дакией Поролисской, укрепили дополнительно, разместив там легион из Потаиссы (Турда). Как бы то ни было, ни Траян, ни Адриан, ни Марк Аврелий, ни императоры, правившие в III в., не расставляли легионы Дакии вдоль демаркационной линии между империей и варварским миром, а также вдоль рубежей провинций, например на Среднем Дунае. Оборонительная стратегическая концепция II — III вв. заметно отличалась от той, которой следовали в I в. н. э.

Последние значительные перемены в армии Дакии произошли во времена Галиена, когда Римская империя была поделена между ним и узурпаторами. Галиен, убедившись в верности дакийской армии, перевел в 264 г. *вексиллярии** из Тринадцатого Сдвоенного и Пятого Македонского легионов в Петовион (*Poetovio*) в Верхней Паннонии, чтобы создать там мобильную, способную к активным действиям армию для защиты Италии, что стало особенно важно после перехода армии Ретии** на сторону «Галльской империи». Свидетельств о последующем возвращении этих войск в Дакию не найдено. Многочисленные воины из этих двух легионов оставили надписи на севере Италии, где, скорее всего, задержались на долгое время, поскольку их сопровождали семьи.

* Выделенные из легиона отряды, имевшие собственное знамя (*vexillum*).

** Римские провинции, занимавшие территорию нынешней Швейцарии (*лат.*).

После смерти Галлиена, во второй половине 269 г., на золотых денариях для легионов, отчеканенных в Трире, впервые были приведены названия дакийских легионов, перешедших на сторону галльского узурпатора Викторина. Возможно, речь шла о вексилляриях из Петовиона и с севера Италии. Вернулись ли они в Дакию до 271 г., когда северодунайская Дакия официально перестала быть римской провинцией, неизвестно.

Есть данные о размещении на территории Дакии в общей сложности 104 лагерей вспомогательных отрядов и легионов. Количество размещенных в провинции воинов достигало в среднем 35—40 тыс. человек. Найдены свидетельства о 79 вспомогательных отрядах и легионах. Время от времени боевые задания на территории Дакии выполняли и вексиллярии, относившиеся к армиям других провинций. Армию — и легионы, и вспомогательные отряды — с момента ее вхождения в Дакию сопровождали семьи, а также другие категории населения, например *lixae** и *negotiatores***, следовавшие за ней в основном из соображений экономической выгоды.

Коренное население. Доказательств присутствия в римской Дакии дакийского коренного населения сохранилось намного меньше, чем свидетельств о проживании в более старых римских провинциях иллирийцев, фракийцев, кельтов или германцев. Анализ теонимов в надписях Дакии показывает полное отсутствие среди них дакийских, а антропонимы встречаются очень редко. В то же время упоминания об отдельных даках часто содержатся в надписях других провинций и даже в надписях, обнаруженных в Италии и Риме. В Сирии, Каппадокии, Британии и Паннонии найдены свидетельства о вспомогательных отрядах, рекрутированных во времена Траяна, Адриана и Марка Аврелия, в название которых входил этноним *Dacorum****. Те из них, что были созданы при Траяне, вполне возможно, состояли из коренных жителей только что побежденного царства. А небольшое число таких отрядов указывает, скорее всего, на то, что в результате двух походов Траяна людские ресурсы Дакии были существенно истощены. Под этническим обозначением *Dacorum* скрываются

* Маркитанты, походная прислуга (лат.).

** Торговцы (лат.).

*** Дакийский (буквально в родительном падеже: даков).

и даки, оказавшиеся за пределами провинции в более позднее время. Некоторые воины, выехавшие за пределы Дакии, в их числе даже римские преторианцы, уточняли в надписях, что они «по рождению даки» (*natione Dacus*). Они могли быть даками, полностью подвергшимися романизации, или просто происходить из провинции Дакия, что не обязательно означает их принадлежность к коренным дакам.

В недавнее время была изучена богатая эпиграфия, касающаяся даков, рекрутированных в римскую армию сразу же после захвата их царства. Речь идет о многочисленных глиняных черепках (остраконах), на которых встречаются имена воинов дакийского происхождения. Их обнаружили в лагерях в Монс-Клавдиане (*Mons Claudianus*), Крокодилоне (*Krokodilo*), Максимианоне (*Maximianon*; совр. Аль-Зарка) и Дидимах (*Didymoi*; совр. Хашм-эль-Мених), охранявших римскую дорогу из Восточной пустыни в Египте. Новые дакийские имена выявлены среди солдат Априевой алы, Первой конной Флавиевой Киликийской когорты, Воконтийской алы, Второй конной Итурейской когорты и Первой Лузитанской конной преторианской когорты: *Bastiza, Komakiza, Dablosa, Dadazi, Dardiolai Dezibalos, Diengi, Dotouzi, Petipor, Rolouzis, Thiais, Tiatitis, Zoutoula*. В Риме и других городах Италии обнаружены упоминания о жителях, носивших такие имена, как *Silvinius Decebalus, S. Rufius Decebalus, Diuppaneus qui Euprepes Sterisae f(i)lius Dacus, Q. Decimius Dacus, Vibia Dacia, Iulia Dacia, P. Aquilius Dacus, L. Avilius Dacus, Nonia Dacia, Ziais Daca* (Сильвиний Децебал, Секст Руфий Децебал; Диуппаней, сын Евпрепа Стериссы, Дак; Квинт Децим Дак, Вибия Дакийка, Юлия Дакийка, Публий Аквиллий Дак, Луций Авилий Дак, Нония Дакийка, Зия Дак). Большинство этих людей полностью подверглись романизации, но нет сомнений в их принадлежности к этническим дакам. Два ветерана, урожденные даки, известны по военным дипломам из Британии: *Itaxa Stamillae f(i)lius Dacus* (Итакса, сын Стамиллы, дак)³² и *Thiodus Rolae f(i)lius Dacus* (Тиод, сын Ролы, дак)³³. Последние два примера интересны тем, что включают редкие среди даков имена. Первое имя обнаружено в дипломе от 20 августа 127 г. и весьма вероятно, что звавшегося так человека рекрутировали сразу же после захвата царства. Тем более интересно, что он попал во Вторую Лингонскую когорту*.

* Лингоны — кельтское племя, населявшее территорию нынешней Франции.

На территории, входившей в состав провинции Дакия, к настоящему времени обнаружен единственный эпиграфический памятник. Это золотая votивная плитка с надписью *Decebalus Luci(i) filio* (Децебал, сын Луция) с посвящением нимфам. Ее обнаружили в одном из бассейнов в Джермисаре (Джеоаджиу-Бэй). Вероятно, речь идет о коренном романизированном даке. Для сравнения: в Норике коренные жители представлены 1200 кельтскими антропонимами, которые встречаются в латинских надписях.

Что касается поселений и некрополей коренного населения, существовавших до прихода римлян, то среди них нет ни одного сохранившегося в целости в эпоху империи. Все найденные археологами дакийские укрепленные и неукрепленные поселения и даже крепости подверглись сильным разрушениям при вторжении римлян. Неизвестно ни одного случая, когда новое римское поселение строилось бы на прежнем месте проживания коренных даков, что было распространено, например, в Галлии. Большинство названий основных римских городов имеют, тем не менее, местное дакийское происхождение. Дакийская колония Сармизегетуза получила название от бывшей царской столицы *Sarmizegetusa regia (to basileion)**, хотя и находилась почти в 100 км от нее. Собственно *Sarmizegetusa regia* оказалась единственным поселением доримской эпохи, сохранившим свое название, известное по письменным источникам, которое удалось идентифицировать при раскопках. В отношении остальных поселений можно лишь делать предположения. Сведений о поселениях даков в окрестностях Напоки, Потаисса, Дробеты, Поролисса и других, более мелких населенных пунктов не обнаружено. Это позволяет сделать вывод, что их названия скорее всего изначально принадлежат к местной топонимике. То же характерно для Паннонии и Норика, где Целея, Петовион, Салла, Савария, Солия — важные римские города — унаследовали свои названия от местных кельтских топонимов. Данный факт указывает на изначальное присутствие коренных жителей в этой области, хотя процентное соотношение старого и пришлого населения неизвестно. Похожая ситуация сложилась и с названиями основных рек Дакии: *Maris* (Муреш), *Samus* (Сомеш), *Crisia* (Криш), *Tibiscus* (Тиса), *Alutus* (Олт), — они были переняты римлянами от местных жителей. Сходная тенденция характерна и для других провинций.

---

* В скобках: «царство» (по-гречески).

В римской Дакии не зафиксированы *civitates** коренного населения, из чего можно заключить, что их просто не существовало. Как же объясняется эта особенность провинции Дакия по сравнению с другими провинциями, где *civitates* местных жителей хорошо известны? По нашему мнению, основная причина этого заключается в том, что дакийское общество до римского завоевания уже миновало родоплеменную стадию и перешло к этапу формирования государства. Ни кельты, ни германцы в древности не достигли такого уровня развития. Результатом перехода к стадии формирования государства явилось, вероятнее всего, насильственное уничтожение прежних племенных структур и племенной знати. Факт подобной социальной унификации и полное уничтожение местной специфики находят подтверждение во всех литературных свидетельствах и латинской эпитафике, где для коренных жителей используется только общее название «даки» и не приводятся названия племен, упомянутых Птолемеем³⁴ и проживавших на этой территории в период, предшествовавший образованию дакийского царства. Дополнительным аргументом в пользу данной трактовки является исчезновение из письменных источников упоминания о большинстве дакийских племен, существовавших в доримский период и, как уже говорилось, упоминаемых Птолемеем. После завоевания Дакии литературные источники продолжают сообщать лишь об анартах, таврисках (оба племени были кельтскими) и костобоках (фракогето-дакийского происхождения). Все три народа во II – III вв. оставались за пределами Римской империи. Сказанное позволяет сделать вывод, что они не входили в Дакийское царство Децебала и обитали к северу и востоку от него. Именно в этом кроется разгадка того, почему им удалось сохранить в неприкосновенности свою родоплеменную идентичность, в отличие от других дакийских племен, вошедших в дакийское государство.

В силу перечисленных особенностей общественное устройство Дакии радикально отличалось от общественного устройства Галлии, Британии, Норике или Паннонии, где названия племен часто встречаются в латинских надписях. Например, на границе между Паннонией и Нориком, в области, заселенной кельтами, в надписях встречаются названия некоторых *civitates*, включа-

---

* Города, гражданские общины (*лат.*). В данном случае — племенные центры и племенные объединения как таковые.

ющие этнонимы кельтских племен: *Taurisci, Boii, Serretes, Ias, Latobici* (тавриски, бойи, серреты, язы, латобики). Таким образом, во вновь образованной провинции Дакия отсутствовал важнейший социальный партнер римлян — местная знать. Этот социальный партнер был хорошо им известен по опыту управления другими провинциями. Но при контактах с родовыми общинами Дакии они не обнаружили там слоя аристократии, обладавшего земельной собственностью (поскольку земля, вероятнее всего, находилась во владении царя). Дополнительным признаком отсутствия коренной аристократии служит прекращение чеканки собственных монет сразу же после прихода римлян, в отличие, скажем, от Галлии, где властные позиции местной кельтской аристократии существенно не изменились. Из этого следует, что, даже если исключить мысль о насильственном переселении коренного населения во вновь образованные римлянами специальные поселки, выдвинутую отдельными румынскими историками (при отсутствии каких-либо указаний исторических источников), следует признать: даков легко могли вытеснить из новых общин, занявших *ager publicus**, на периферию, на земли, менее пригодные для колонизации. Поэтому большинство коренных жителей не влилось ни в городские, ни в сельские общины, основанные колонистами.

Тем не менее мы можем допустить, что среди новых граждан, носивших имена Ульпий и Элий, были не только чужеземцы из числа колонистов, но и даки, получившие вознаграждение от римской власти. Возможно, это были отдельные представители правящего слоя, которые во время войн предпочли сотрудничать с римлянами, — в таком ключе можно интерпретировать отдельные сцены на колонне Траяна. Одним из немногих даков, ставших представителями муниципальной знати, возможно, является Публий Элий Дациан, декурион Напоки³⁵. В то же время в Траяновой Ульпии Сармизегетузе, городе, основанном ветеранами, где в ходе раскопок не было обнаружено присутствия коренных даков, имя Марк Ульпий (*M. Ulpius*) носили 10% жителей. Это означает, что нельзя строить предположения о дакийском происхождении жителей других провинций, исходя лишь из того, что они носили это имя. Такая же ситуация сложилась и в Апуле, где люди, носившие имя Публий Элий (*P. Aelius*), составляли 23% всех жите-

---

* Общественное поле (государственный земельный фонд) (*лат.*).

лей; археологических или иных следов присутствия коренных жителей там также не обнаружено. Свидетельства о многочисленных М. Ульпиях и П. Элиях, относящихся к колонистам-чужеземцам, встречаются в Альбурне Большом. В то же время там также не найдено никаких следов сколь-нибудь существенного присутствия коренного населения. Основываясь на исторических источниках, мы попытались найти правдоподобное объяснение факта мнимого отсутствия упоминаний о коренных жителей в надписях, а также того, что их богам не нашлось места в гостеприимном римском пантеоне.

Археологические данные, которыми мы на сегодняшний день располагаем, помогают дополнить образ, формирующийся на основе исторической и эпиграфической информации. В ходе раскопок археологи обнаружили сельские общины коренных жителей на юге Трансильвании (в таких местах, как Слимник, Шура-Микэ, Боарта, Окна-Сибиулуй, Чернат и Симонешти). Тип жилища в этих поселениях относится к концу железного века, однако в быту наряду с изделиями местных мастеров использовались товары римского производства. Тем не менее в целом римская цивилизация представлена здесь фрагментарно: каменных построек, приспособлений для отопления и надписей на латинском языке сохранилось очень немного, а денежное обращение, судя по всему, было довольно вялым. Можно предположить, что подобное положение было характерно и для других отдаленных районов на востоке Трансильвании. В южных и юго-восточных областях Трансильвании местом обитания римлян в условиях отсутствия городов и загородных вилл служили военные лагеря. Так, в Цара-Фэгэрашулуй (*Țara Făgărașului*) из-за обилия лесных массивов единственным местом проживания римлян оказался лагерь в Хогизе. Социальное устройство этих поселений, по всей видимости, было общинным.

Не сохранилось никаких следов захоронений коренных жителей, относящихся к доримскому периоду или к эпохе провинции. Впрочем, причиной может быть то, что на данном этапе румынские археологи еще не провели всех необходимых раскопок.

Как уже отмечалось, большие племенные союзы, существовавшие на этих территориях до образования Дакийского царства и перечисленные Птолемеем, исчезли, возможно, еще до римского вторжения. Этот процесс не только радикально изменил структуру общества в самом царстве, но и серьезно затронул соседние

области. В результате здесь сформировались новые общины, группировавшиеся вокруг центральных поселений. Об этом известно из латинских источников и надписей, оставленных римлянами. Ряд племен, соседствовавших с Дакийским царством, но не подчинившихся ему, был покорен римлянами еще до завоевания самого царства. Формой их общественного устройства стали уже упоминавшиеся *civitates*. В Галлии этим термином Цезарь обозначал племена, каждое из которых состояло из территориально-родовых общин, в латинской терминологии именуемых *pagi*^{*}. Так, известно, что в ходе весеннего наступления 102 г. против союзников Децебала армия Нижней Мёзии заняла где-то на юге территории современной Молдовы центр коренного населения в Пироборидаве. Другим туземным поселением, захваченным теми же войсками, была Буридава (Стольничени) в долине Олта. Хотя, возможно, римляне обосновались здесь намного раньше (римское оружие, найденное в доримском поселении, датируется I в. н. э., временами Августа, когда между местным царьком в Буридаве и империей могли сложиться «дружественные» отношения на основе клиентелы). В двух этих центрах для надзора были расквартированы римские военные отряды, на что указывает так называемый папирус Ханта.

Такая же судьба постигла еще одно поселение коренных жителей на юго-востоке Трансильвании — Кумидаву (Рышнов), где также был выстроен военный лагерь. Другой римский лагерь был создан за пределами провинции Дакия (как и Дакийского царства), неподалеку от политического и военного центра варваров Бытка-Доамней (Молдова). Обозначение латинским источником жителей как *Buridavenses* и *Cumidavenses* показывает, что в отношении них применялась римская система организации коренного населения на основе *civitates*, так как названия поселений образованы от названий племен *Buri*, *Cumi* (?) и *Pirobori* (**). Поскольку эти племена не фигурируют в перечне Птолемея (за исключением *Buridavenses*), они не были тождественны доримским племенам, а представляли собой скорее социокультурные общины: в римской терминологии — паги. Впрочем, и на северной границе Галлии элементы доримской структуры пагов сохранялись еще и римскую эпоху, когда образовались новые смешанные группы. Доримские

* Паги — села, сельские общины (лат.).

** Буры, кумы (?), пироборы (?) (лат.).

паги в Галлии имели армию и собственных «царьков», ритуалы и богов. Подобные формы устройства источники отмечают и у буров Дакии.

Вернемся к упомянутым трем населенным пунктам в Дакии. Сначала они находились под военным управлением в Нижней Мёзии, которая еще не подверглась колонизации. После проведенного Адрианом административно-территориального размежевания эти населенные пункты оказались на территории Верхней Дакии. Сходное явление, связанное с названием Суцидава и такими похожими названиями поселений, как Рамидава, Русидава, Ацидава, по всей видимости, наблюдалось и в Верхней Дакии. В данном ряду могли бы находиться и другие поселения на юго-востоке Трансильвании, например в Мерешти (Сангидава). Эти наблюдения подтверждают тот факт, что римляне по-другому относились к общинам коренного населения, расположенным за пределами Дакийского царства, главным образом из-за низкой ступени их общественного развития. Трудно сказать, принадлежали ли коренные жители этих общин к племени даков. Скорее всего, они имели гетское происхождение. Стоит также отметить, что топонимы, оканчивающиеся на *dava*, отсутствуют в той части Дакии, где имели место сильная колонизация и урбанизация (за исключением Ацидавы в Банате, где, возможно, существовало поселение коренных жителей, занятое римлянами еще в 101 г. н. э.).

О коренных даках в провинции Дакия не осталось почти никаких упоминаний в документах. Возможно, их небольшие группы работали на римских землевладельцев в качестве свободной рабочей силы либо как домашние рабы. Лучше представлены сельские поселения коренного населения на окраинах провинции и в областях, не подвергшихся колонизации и урбанизации. Из сказанного следует, что коренные жители, процент которых среди населения провинции трудно вычислить, не играли важной роли в ее жизни. Это объясняется множеством причин. Часть коренных жителей покинула провинцию в момент ее захвата, направившись на север, что подтверждается сообщениями II – III вв. о «свободных даках»; множество мужчин погибло на войне, большую часть увели в рабство. Немало было и тех, кто, как уже отмечалось, вступил в римскую армию, тогда как другие полностью утратили свою прежнюю идентичность, растворившись в массе римского населения Дакии. Анализ источников показывает, что ко-

ренные даки и геты продолжали жить как в провинции, так и на прилегавших к ней территориях. Историки же, поддерживавшие в свое время абсурдный тезис о полном истреблении коренного населения, руководствовались отнюдь не научными интересами. И поскольку они, защищая идею об истреблении даков, выдвигали как аргумент литературные памятники IV в. (например, Евтропия), то в качестве контраргумента достаточно процитировать Диона Кассия. Последний, являвшийся современником событий, без сомнения, был лучше осведомлен обо всем происходившем. Он утверждал, что в период, предшествовавший второму походу императора, «многие даки перешли на сторону Траяна»³⁶. И трудно поверить в то, что *Optimus Princeps** вознаградил их, расправившись с ними!

Общественное устройство. Этническая пестрота колонистов предопределила сложность общественного устройства. Ядро переселенцев составляли римские граждане. В начале правления Адриана в источниках говорится о «*multi cives Romani*»** в Дакии. В разных областях Дакии римские граждане создавали поселения «*de cives Romani*»³⁷ с двумя *magistri**** во главе, как, например, в Потаиссе. Есть свидетельства о поселениях «ветеранов и римских граждан» («*veterani et cives Romani*») в Миции и Апуле. Такое же социальное положение занимали ветераны, основавшие колонию Дакия Сармизегетуза. Именно из этих групп населения вышла муниципальная аристократия дакийских городов и правящий слой поселений иных типов.

Столь же многочисленными были колонисты, входившие в категорию перегринов («чужеземцев»), в различной степени романизированные. Так, например, в сельских областях на юге и востоке Трансильвании кельтские общины перегринов из Норика появились в Кашолце, Калборе, Сигишоаре, а кельты с востока Паннонии, также принадлежавшие к категории перегринов, оказались на западе Дакии, как, например, кельты из Напоки. Большое количество перегринов проживало в общинах иллирийских горняков, переселенных из Далмации в Альбурн Большой и Ампел с целью добычи золота. Многие перегрины получали в Дакии рим-

* Наилучший Принцепс (лат.).

** «Многих римских граждан» (лат.).

*** Магистрами (лат.).

ское гражданство путем заключения брака с гражданами. Римскими гражданами становились и в индивидуальном, и в массовом порядке, как после знаменитого эдикта Антонина Каракаллы, когда право на гражданство было предоставлено всем свободным. Именно изданием этого эдикта объясняется частое появление одних и тех же имен: Ульпий, Элий и особенно Аврелий, дававшихся в честь императоров.

Рабы и отпущенники относились к двум особым социальным категориям, пребывая в которых человек, занимавший с рождения низшую общественную ступень, порой имел прекрасное материальное положение. Сведения о рабах, проживавших в Дакии, довольно скудны, что позволило румынским историкам сделать вывод об их очень незначительной роли в общественной жизни провинции. Некоторую информацию об этой категории населения можно почерпнуть из восковых дощечек, найденных в Альбурне Большом. Это три договора о купле-продаже рабов, заключенные между горняками и купцами из золотодобывающих районов и воинами Тринадцатого Сдвоенного легиона в Апуле. На восковой дощечке, датированной 139 г. н. э.³⁸, речь идет о продаже девочки-рабыни Пассии за 205 денариев. Другая дощечка³⁹, от 142 г., касается покупки ребенка 10–15 лет по имени Апалавст неким иллирийцем, пилигримом Дазием Бевком, за 600 денариев. В третьей дощечке⁴⁰, от 160 г., говорится о рабыне критского происхождения Тевдоте, проданной за 420 денариев солдату из канабы* Тринадцатого Сдвоенного легиона в Апуле. Данные примеры показывают, что рабов покупали не для работы на золотых рудниках, а для ведения домашнего хозяйства. Скорее всего, в других областях Дакии труд рабов не использовался. Это мнение основано на том, что в Дакии отсутствовали крупные латифундии. Тем не менее нельзя исключить, что как в городе, так и в римских лагерях труд рабов мог использоваться в домашнем хозяйстве. Некоторые рабы, особенно в первые годы образования провинции, возможно, были коренными даками. Рабовладельцами могли стать не только граждане, но и пилигримы, простые солдаты, отпущенники или даже сами рабы, что видно из приведенных выше примеров.

---

* *Канаба* — поселение гражданского населения в месте дислокации римского легиона, где, как правило, жили торговцы, ремесленники и другие категории жителей, по роду своей деятельности тесно связанные с римскими войсками.

Привилегированным положением среди рабов пользовались императорские рабы и отпущенники. В Альбурне Большом они появились в 165—166 гг. Эти люди назывались *liberti et familia et leguli aurariarum* (вольноотпущенники с семьей и золотодобытчики)⁴¹ и заняли там руководящие должности на рудниках. Самый высокий пост, на который они могли претендовать, была должность прокуратора золотых рудников (*procurator aurariarum*)⁴². Императорские отпущенники и рабы находились не только в привилегированном положении, но и были довольно зажиточны. Императорские отпущенники служили и в качестве *vilici** на императорских рудниках, а также выполняли другие функции в финансовой, таможенной и административной сферах. Существовало несколько способов получить свободу. Из одних вольноотпущенников выходили августалы (*ordo augustalium* — сословие августалов**), что отражено в надписях в Траяновой Ульпии Сармизегетузе, Апуле, Дробете, Потаиссе и Напоке, другие занимали должности в руководстве ремесленных и религиозных коллегий, например в коллегии кузнецов (*collegium fabrum*) в Траяновой Ульпии Сармизегетузе.

Наконец, рядовые коренные даки, проживавшие в сельской местности и не имевшие права земельной собственности, должны были бы войти в категорию *dediticii****. Существует версия, что они проживали на *ager stipendiarius*****, но конкретных фактов, подтверждающих ее, нет. Эта форма организации могла быть использована и на периферии Дакии или в областях, подвергшихся военной оккупации еще до завоевания Дакийского царства, где могло существовать общественное устройство типа *civitates*. Также статусом дедитициев, вероятно, обладали мелкие варварские общины, размещенные на территории военных действий в годы правления Адриана, Марка Аврелия и Коммода, такие как Локустени, Сопорул де Кымпиие и Обрежа.

Издание эдикта Каракаллы существенно упростило римскую систему общественных отношений. Благодаря ей возникли два

* Вилики (*лат.*) — управляющие имением, хозяйством.

** Августалами назывались жрецы ларов и пенатов, появившиеся при Августе, а также жрецы Августов и фамилии Юлиев.

*** Дедитиции — сдавшиеся на милость победителя, покоренные (*лат.*). Не могли получить ни римского гражданства, ни латинского права.

**** Податное поле — земли, обложенные податями (*лат.*).

больших гетерогенных социальных слоев, различных по материальному положению, — *honestiores* и *humiliores**.

Во главе социальной иерархии провинции Дакия находились представители сенатского сословия в лице наместника, командиров легионов и трибунов-латиклавиев**. Затем следовали представители сословия всадников, состоявшего из провинциальных прокураторов, финансистов, таможенников и сословия декурионов (*ordo decurionum*). Именно городская знать осуществляла акты эвергетизма (дара индивида обществу ради славы и власти).

В Траяновой Ульпии Сармизегетузе, самом известном римском городе Дакии, таких деяний совершалось не так уж много, что свидетельствовало о более скромном материальном положении тамошней аристократии по сравнению со знатью других провинций. Известен лишь один случай, когда императором был построен акведук в Траяновой Ульпии Сармизегетузе. В этой столице Марк Процилий Никета, *duumvir* и *flamen****, возвел и украсил *aedes Augustalium***** на форуме колонии, а Публий Элий Теймет, бывший дуумвир, воздвиг храм в честь пальмирских богов. В Апуле храмы посвящались Непобедимому Солнцу, Юпитеру, Юноне, Юпитеру Долихену, Фортуне, Немезиде, а в Потаиссе с помощью легиона в 255–258 гг. н. э. было завершено строительство храма в честь бога Азиза Доброго Юноши (*Deus Azizos Bonus Puer*). Отпущенник П. Элий Эвфор возвел храм Митры в Миции, а один императорский отпущенник — святилище в честь богов врачевания в Ампеле. Реже встречаются свидетельства о пожертвованиях на нужды простого народа. Так поступила, например, Луция Юлия из Апула, которая в качестве благодарности за памятник, поставленный ее супругу, пожертвовала народу масло для общественных бань. В 142 г. н. э. Квинт Аврелий Терций, декурион Траяновой Ульпии Сармизегетузы, чтобы удостоиться чести стать жрецом колонии, пожертвовал 80 тыс. сестерциев на возведение

* Достоянейшие (т. е. знатные); смиренные (незнатные) (*лат.*).

** *Laticlavius* — носящий тогу с широкой пурпурной полосой (*laticlavium*), во времена республики отличительный знак сенаторов. В эпоху империи право ношения такой тоги получили также военные трибуны из сословия всадников.

*** Дуумвир (член комиссии двух); фламин (жрец какого-либо божества) (*лат.*).

**** Здание коллегии августалов (*лат.*).

статуи или алтаря, в честь императора Антонина Пия. Эти суммы очень значительны по сравнению со стоимостью монетных кладов, найденных в Дакии. Единственный большой клад, насчитывающий 8 тыс. монет (эквивалентен 32 тыс. сестерциев), был найден в Кастронове (уезд Долж). Кроме того, на территории Дакии обнаружен 21 клад, в каждом из которых количество серебряных монет колеблется от одной до полутора тысяч (в 16% кладов). Остальные 40 кладов, представляющие 29% общего числа всех находок, содержат приблизительно по сотне монет, а в 48 кладах (35%) их насчитывается от 100 до 500. Найденны клады с небольшим количеством монет, как, например, клад в Дробете, состоящий лишь из пяти золотых монет общей стоимостью 125 сестерциев. Из этого можно заключить, что в Дакии не было очень богатой знати, а основную социальную базу составлял средний класс с преобладанием средних и мелких собственников. *Societas danistaria*⁴³, зафиксированную в 167 г. н. э. в Альбурне Большом, создали два человека, дававшие деньги в долг под 12% годовых и имевшие капитал, который составлял 767 денариев⁴⁴.

Урбанизация и городская цивилизация в Дакии

Города и городская цивилизация. Первыми населенными пунктами Дакии, упомянутыми в одной латинской надписи от 108 г. н. э., являются два *vici*^{**} — Напока и Потаисса. Через 15 лет первый официально получил статус города. Существует предположение, что ранее на месте этих населенных пунктов были поселения коренных жителей. Последние исследования, например раскопки в Напоке, опровергли эту версию — первое поселение предгородского типа здесь принадлежало северопаннонским колонистам. Впоследствии на его месте развился город. В Потаиссе также нет отчетливых следов коренных даков. Напротив, из надписей известно, что здесь временно была расквартирована Первая Флавиева Ульпиева тысячная конная испанская когорта, построившая в Потаиссе дорогу. Надписи также содержат свидетельства об общине римских граждан с двумя магистрами во главе; это указывает на то, что селение представляло собой *vicus*.

^{*} Товарищество ростовщиков (*лат.*).

^{**} Вик — поселок; поселение вдоль дорог (*лат.*).

Как в Напоке, так и в Потаиссе колонисты размещали свои поселения неподалеку от дорог, в местах, перспективных для развития экономики и торговли.

Приблизительно в это же время был основан первый город — *colonia deducta*. Для него было выбрано место на равнине Хацег на юго-западе Трансильвании. Не так давно при археологических раскопках форума колонии была обнаружена надпись об основании города. С самого начала он носил название *colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica Sarmizegetusa*. К сожалению, надпись обрывается как раз в том месте, где выбита цифра, обозначающая год трибунских полномочий Траяна. Если это была цифра X, то речь идет о 106 г. Известно, что Траян оставался в Дакии до 107 г.; следовательно, акт основания в этом случае мог проводиться в присутствии императора. Существует еще одна давно известная надпись⁴⁵, которая считается записью об основании города. В ней говорится, что он был основан (*condita Colonia**) Скаврианом Децимом Теренцием, наместником Дакии, от имени императора. В этом случае акт основания приходится на 109–110 гг.

Некоторые историки считают, что территория *colonia Dacica*** первоначально простиралась до среднего течения Муреша, охватывая большую часть Баната и запад Трансильвании. Иными словами, она в основном совпадала с территорией, которую Траян раздал колонистам в собственность *ex iure Quiritium****. На этой обширной территории, однако, с самого начала существовало множество анклавов, принадлежавших армии или являвшихся владениями государственной казны.

Известно одиннадцать городов римской Дакии. Помимо *colonia Dacica* это Дробета, Напока, Диерна, Апул I («Партош»), Апул II, Потаисса, Ампел, Поролисс, Тибиск, Ромула-Малва. Дробета — это *colonia Septimia* (Септимиева колония) Апум I — *colonia Aurelia* (Аврелиева колония), а *colonia nova*****, упоминавшаяся как Апул в годы правления Деция, могла бы считаться Апулом II или просто воссозданным первым городом. Статус *colonia* во время Септимия Севера получила и Потаисса, а Напока обрела статус

* Колония основана (*лат.*).

** Дакийской колонии (*лат.*).

*** По праву квиритов (т. е. римских граждан) (*лат.*).

**** Новая колония (*лат.*).

colonia Aurelia во времена Марка Аврелия. Другие города были возвышены только до муниципиев. *Colonia Dacica Sarmizegetusa*, Напока, Апул I и Потаисса попадали под юрисдикцию *ius Italicum*^{*}.⁴⁶ Если первоначальная территория *colonia Dacica* действительно была столь обширной, как явствует из предположений, то представляется маловероятным, что Траян наделил ее италийским правом, сократив до минимума доходы государства. Постепенное уменьшение территории старых городов при создании новых привело к тому, что во времена Септимия Севера небольшим территориям в качестве компенсации было пожаловано италийское право.

Развитие городского строя в провинции имело региональные различия. Западные и юго-западные области Трансильвании и Баната были сильно урбанизированы, а на востоке и юго-востоке Трансильвании городов не было вообще. Главной опорой урбанизации Дакии являлись армия и колонисты. Свою ведущую при Траяне роль в образовании первой колонии ветераны утратили при Адриане, поднявшем до статуса муниципиев** Напоку, Дробету и Ромулу. Первую основали римские гражданские колонисты, вторая формировалась вокруг вспомогательного лагеря, третья также была основана неподалеку от лагерей. В годы правления Марка Аврелия основным населением новых городов, таких, как Апул I, тоже стали колонисты. Другие поселения получили статус муниципиев при Септимии Севере: Апул II и Потаисса создавались вокруг канаб двух легионов, а Поролисс и Тибиск сами превратились в два важных военных центра. С другой стороны, колония Дакия Сармизегетуза и Апул I, вероятно, создавались на месте размещения бывших лагерей легионеров, переведенных в другие районы, что практиковалось довольно часто во всех провинциях империи. Роль армии в урбанизации Дакии была весьма велика, что видно из приведенных фактов. Темп урбанизации зависел от различных географических, экономических и социальных факторов. Так, например, Напока и Апул I, занимавшие выгодное положение с точки зрения торговли, развивались по-разному. Напока при Адриане быстро превратилась в *municipium Aelium****, в то время как Апул I только в эпоху Марка Аврелия до-

* Италийского права (лат.).

** *Municipium* — вольные города, жители которых имели самоуправление.

*** Элиев муниципий (лат.).

стиг статуса *municipium Aurelium**. Этот разрыв во времени, непонятный на первый взгляд, может объясняться тем, что Апул I возник позже — на месте лагеря «Партош», откуда был выведен Первый Вспомогательный легион. В 114 или 118 г. там построили гражданское поселение. Более позднее обретение виком в «Партоше» статуса муниципия можно объяснить двумя причинами — десятилетней задержкой с его созданием и расположением на территории колонии Дакия Сармизегетуза.

Скорость урбанизации Дакии в целом была весьма высокой. В соседней Паннонии романизация существовавших там *civitates* коренных жителей началась уже при Клавдии, однако статус муниципиев они получили только при Адриане. В Дакии, где урбанизация брала свое начало от поселений римских колонистов, а не от отсутствовавших там *civitates* коренного населения, путь от вика до города в отдельных случаях был на полвека короче.

Интеграция Дакии в римскую цивилизацию. «Романизация» — условный термин, используемый для обозначения ряда культурных трансформаций, в ходе которых сложилась римская цивилизация эпохи империи. Совокупность ее специфических черт образовала вполне целостную систему. Стать римлянином автоматически, путем простого восприятия уже готового набора культурных ценностей было нельзя. Изучение интеграции Дакии в римскую цивилизацию находится еще на начальном этапе, а археологические материалы по сравнению с сохранившимися в западных провинциях довольно скудны. Как уже подчеркивалось, Дакия отличалась рядом особенностей в структуре населения, устройстве общин коренных жителей, правах собственности на землю и в системе расселения.

Ученые, затрагивавшие в своих работах проблему романизации Дакии, разработали несколько абстрактных и упрощенных теоретических схем, не учитывавших вышеуказанных реалий. Поэтому романизация как процесс усвоения латинского языка и преобразования местной ментальности в римскую в первую очередь понималась как процесс приобщения к цивилизации. В его ходе масса коренных даков изменила свою этническую идентичность под влиянием римской цивилизации, принесенной колонистами, с которыми они сосуществовали бок о бок. Не принимались во внимание

---

* Аврелиева муниципия (лат.).

социальные механизмы этого процесса, который в Дакии происходил иначе, чем в Галлии, Британии или Паннонии. На современном этапе исследования отсутствие *civitates* коренных жителей в сильно урбанизированной зоне провинции и присутствие коренных дакийских общин в соседних регионах, подвергшихся слабой колонизации и урбанизации, не позволяют представить скорость процесса интеграции этих общин в римскую цивилизацию. Свидетельств об интеграции коренных элементов в городскую среду крайне мало. Даже 165 лет римского владычества не кажутся достаточным временем для завершения этого процесса. Поэтому возникла идея о насильственной романизации, проводимой римлянами в качестве государственной политики, хотя исторические материалы не содержат указаний на этот счет. Последние исследования романизации прочих провинций убедительно доказывают, что по всей империи перегрины добровольно признавали римские законы и налоги. С одной стороны, римские власти не имели достаточно эффективных средств для принуждения, а с другой — понятие терпимости составляло важный элемент философии, на которой зиждилось римское владычество. Тем не менее все это не означает, что явление романизации не затронуло Дакию.

Следовательно, процесс романизации или интеграции Дакии в романскую цивилизацию нужно трактовать по-иному, стремясь объяснить его с учетом всех социальных реалий Дакии.

В новом видении акцент нужно прежде всего сделать на роли римских колонистов. В этом контексте следует прокомментировать известную фразу Евтропия, который писал, что Траян привел в Дакию «...*infinitas copias hominum ex toto orbe Romano...*»*. Это не является случайным преувеличением историка. Он подчеркивал факт, что в Дакии после ее завоевания сложилась уникальная ситуация: колонизация являлась массовой и осуществлялась быстрее и решительнее, чем в других провинциях. Это, возможно, было хорошо известно древним историкам. Массовая колонизация стала особенностью Дакии по сравнению с другими территориями, вошедшими ранее в Римскую империю. В этом состоит специфика романизации Дакии, объясняющая быстрый успех ее интеграции в римский мир.

Романизация Дакии осуществлялась в первую очередь путем массовой колонизации. Уже в конце правления Траяна налицо был

---

* «Бесчисленное множество людей со всего римского мира» (лат.).

заметный прогресс. Однако различные группы колонистов сами были в разной степени романизированы. Одни подвергались воздействию римской культуры еще на прежнем месте обитания до переселения в Дакию. Для других процесс романизации все еще продолжался. Так, на юге и востоке Трансильвании появились общины перегринов, переселенных из Норика. Для них был характерен полупастушеский способ ведения хозяйства и погребение в курганах. Наиболее известные захоронения обнаружены в Кашолце и Калборе. Жители этих поселений наряду с римской керамикой использовали традиционную, практиковали кельтский обряд погребения — трупосожжение с помещением пепла в курганах. Раскопки поселения в Кашолце показали, что тамошние жители обитали в наземных лачугах с обмазанными глиной деревянными стенами. Таким образом, в этих общинах к моменту их появления в Дакии сохранялся традиционный кельтский уклад и собственные погребальные обряды. Степень их романизации была невелика даже в том случае, если они переселялись из римских провинций. Процесс интеграции подобных общин продолжился и в Дакии, хотя он не прослеживается по имеющимся археологическим материалам. Этот процесс типичен также и для варваров, в разное время переселенных римлянами в провинцию.

Поток колонистов, устремившихся на эти территории во II в. н. э., ускорил процесс романизации, который развивался уже в первые десятилетия, после первой массовой колонизации времен Траяна. В Дакии быстро распространялась и укоренялась городская цивилизация, чему способствовал процесс интеграции, в общих чертах завершившейся в первый век существования провинции. В силу своих особенностей Дакия оказалась самой романизированной из приграничных провинций, хотя и вошла в империю одной из последних. Здесь латынь не испытывала серьезной конкуренции со стороны других языков и в скором времени не только превратилась в *lingua franca*^{*}, но и стала родной для подавляющего большинства населения Дакии.

О степени романизации Дакии можно составить достаточно четкое представление, исходя из анализа памятников и погребальных обрядов разных этнических групп. В этом отношении, например, заметны существенные отличия у норико-паннонских колонистов. Колонисты с юга и востока Трансильвании следовали тра-

---

* Международный язык (лат.).

дициям трупосожжения с захоронением пепла в курганах, а прибывшие в Дакию Поролисскую возводили римские каменные памятники норико-паннонского типа. Они также использовали специфическую одежду и ее аксессуары (фибулы норико-паннонского типа), свойственные романизированным жителям Норика и Паннонии. Илирийцы практиковали трупосожжение в простых ямах, иногда с обожженными земляными стенками. Это означает, что либо обряд трупосожжения совершался на месте, либо проводилось освящение огнем места погребения. Отдельные могилы обкладывались камнями в форме окружности или прямоугольника. Анализ погребального инвентаря, состоявшего из римской керамики, стеклянных *lacrimaria* и *unguentaria*^{*}, зеркал и других римских предметов из бронзы, в том числе монет, позволяет говорить о сильном влиянии материальной культуры римлян и их ритуальных обычаев на погребальный обряд илирийцев. К этим свидетельствам можно добавить надгробные римские надписи, обнаруженные в некоторых илирийских некрополях. И хотя у илирийцев отмечается более высокая степень романизации, чем у норико-паннонских колонистов, они также сохраняют элементы традиционного погребального обряда, придающего своеобразие их захоронениям. Особенно известны илирийские некрополи в горных районах Трансильвании: в Руда-Браде, Альбурне Большом («Хоп» и «Тэул Корни»), Игью, Чинчише, а также в Апуле, Сигишоаре и даже в Ромуле. Еще к одной группе колонистов, главным образом выходцам из вспомогательных отрядов, относились фракийцы. По останкам в некрополях, среди которых были идентифицированы и фракийцы — в Брад-Мунчелуле либо в Ромуле, — можно заключить, что в погребальных обрядах преобладало трупосожжение непосредственно в простых ямах, ко дну которых вели ступени. Если в Ромуле эти погребения принадлежали дарданам, то в Брад-Мунчелуле они связаны с илирийцами, смешавшимися с фракийцами. В целом фракийцы были более романизированными, чем другие этнические группы. Дако-сарматские варвары, переселенные римлянами с их территорий в Восточной Молдове, имели смешанные некрополи, где преобладавшее трупосожжение в урнах сочеталось с трупоположением детей. В погребальных обрядах они придерживались обычаев предков: убранство захороненных в некрополе Локустени традиционно —

^{*} Предметов, предназначенных для курения благовоний (лат.).

варварские фибулы и серебряные филигранные серьги для женщин. Степень романизации этих жителей была очень низкой. Еще в двух некрополях в Трансильвании — Сопоруле де Кымпие и Обреже — прослеживается соблюдение того же погребального обряда, но аксессуары одежды свидетельствуют о римском влиянии. Таким образом, степень романизации здесь была выше, чем в Нижней Дакии, несмотря на следование традиционным погребальным обрядам. Впрочем, и в других провинциях обряд захоронения у коренных жителей долгое время не претерпевал изменений. Например, в Британии в течение двух первых веков римского владычества интеграция имела лишь материальный характер, в то время как духовные ценности туземцев сохранялись.

Не менее значительным показателем романизации провинции Дакия является религия. Согласно недавним статистическим данным, из общего числа религиозных эпитафических и изобразительных памятников 73% (2100) принадлежат к греко-римскому пантеону. Эта цифра почти полностью совпадает с 74% романо-италийских названий, выявленных в результате анализа ономастики. Остальные распределились таким образом: Митра — 10%, боги сирийско-пальмирские — 5, малоазийские — 3,8, божества фрако-мезийские — 3,6, египетские — 3, кельто-германские и северо-западные африканские — 2%.

Что касается религии коренных даков, то ни в надписях, ни в изобразительных памятниках, ни в археологических находках не осталось никаких признаков ее сохранения в римскую эпоху. Отдельные историки высказывали предположения, что в доримскую эпоху религия служила политическим фундаментом дакийского государства. Она являлась основной идеологической опорой в организации сопротивления римлянам и поэтому преобразовалась в силу, способную превратить воинственных даков в фанатиков. По этой причине римляне якобы разрушили храмы, уничтожили класс священнослужителей и строго-настроено запретили любые формы традиционного культа коренного населения. По мнению румынских специалистов, именно этим объясняется исчезновение здесь в римскую эпоху местных теонимов, в то время как в римских надписях других провинций они сохранялись, например кельтские в Норике или Паннонии. Это чисто теоретическое предположение, не имеющее серьезной документальной основы, находится в противоречии с данными о различном отношении римлян к евреям и дакам, что явствует из латинских источ-

ников. Восприятие латинскими писателями и историками двух народов сильно разнится: евреев ненавидят, а к дакам относятся с пониманием или даже с симпатией. Траян был «Дакийским», тогда как Тит не стал «Иудейским», чтобы не возникало никаких политических или генетических ассоциаций с евреями. Для евреев был создан *fiscus Iudaicus*^{*}, а для даков нет. Из этого следует, что к своей религии даки относились иначе, чем евреи. Они никому не стремились навязать свою веру и не породили диаспору. Следовательно, даки не представляли собой угрозы римской религии, обычаям и образу жизни (*mores*)^{**}. Вот почему у римлян не было причин третировать даков и их религию, подобно тому как они обращались с евреями, для которых религия была важнейшим фактором, обусловившим неприятие ими всего римского. И уж давно римляне не дали бы название Сармизегетузы (считавшейся священным религиозным центром всех даков) первому римскому городу в Дакии — выведенной колонии ветеранов. С Иерусалимом римляне обошлись совсем иначе.

Разгадка отсутствия упоминаний о дакийских божествах в римских надписях и на памятниках кроется, скорее всего, в структуре религии даков, о которой нам почти ничего не известно, а также в социальной и политической эволюции дакийского мира в доримский период. Разрушение племенной организации с одновременным установлением государственной власти, возможно, оказало существенное влияние и на религию даков. На сегодняшней стадии изучения проблемы представляется, что отсутствие любых проявлений религии коренного населения в римскую эпоху связано скорее с ее «народным» характером. Это, возможно, подтверждается и тем, что никаких зримых форм культа (храмы, святилища, алтари) не возникало и на соседних с римской Дакией территориях, где обитали свободные даки и другие родственные им племена и где римляне не могли ввести запрет на их религию. Дакийская «аристократическая» религия и «официальные» божества исчезли вместе с классом священнослужителей, тесно связанных с царем и государством. Этим объясняется трудность *interpretatio Dacica*^{***}, т. е. признания коренными жителями в отдельных римских божествах собственных богов.

^{*} Иудейская казна (лат.).

^{**} Нравам (лат.).

^{***} Дакийского истолкования (лат.).

Напротив, Дакию наводнили культы других провинций, привнесенные извне в римский пантеон. Это лучше всего видно на примере кельтских и германских провинций: Аполлон с косой Сирона, Суцеела и Нантоцелта, Цернунос, Эпона, Марс Камул, Обила и Геркулес Магузан, Юпитер Буссумар, Юпитер Тавкан или такие божества, как Квадривии, Матроны, Домины, Гесакхены, Сулевии, Кампестры. Из имеющих фрако-мезийское происхождение хорошо известны синкретические боги, так называемые дунайские всадники, запечатленные на 60 рельефах, где иногда «фракийский всадник» отождествляется с Аполлоном. По одному памятнику имеют богиня Дарданика и Збелтиурд, бог молний. В Дакии, как и в других провинциях, имелось множество поклонников восточных богов, в особенности Митры (свыше 280 памятников). За ними следуют культы таких сирийско-пальмирских божеств, как Юпитер Долихен (50 памятников), Азиз Сирийский (Атаргатис), Юпитер Гелиопольский, Юпитер Балмар, Непобедимое Солнце, Балтис, Вечный Бог, Теос Ипсистос, Бел, Яргибол, Малагбел, Бенефал, Манават, а также малоазийские культы Кибелы, Сабазия, Цимистена, Мена, Эрузена, Адрастии, Сардендека, Зевса Нарина, Зевса Ситтаномика. Не обойдены вниманием египетские и северо-западные африканские боги: Серапис, Исида, Аммон, Апис, Сатурн, божества Мавритании.

Разнообразие религиозных верований жителей Дакии и их ментальность отражали, хотя и не в точных пропорциях, пестроту состава колонистов. Можно даже говорить об их религиозном космополитизме. Имели место явления *interpretatio Romana* (римского истолкования) и синкретизма. Ко всему этому нужно добавить многочисленные оккультные и магические обряды, складывавшиеся в яркую мозаику «народных» верований, в меньшей степени отраженные в письменных и художественных источниках. Следовательно, жителям Дакии не было свойственно единообразие ни в понимании религии, ни в отправлении религиозных культов. В процессе интеграции населения Дакии в римский мир важную роль наряду с латынью играла греко-римская религия, получившая наибольшее распространение в городах. Религии отводилась еще более «наступательная» роль, чем латыни. Большое значение имели «политические» божества, воспитывавшие верность империи и императору: *Victoria**, *Virtus*

---

* Победа (лат.).

Romana*, *Genius Imperatoris*** , и в особенности культуры, непосредственно связанные с императорским домом: *Domus Divina****, культ Ромы или Августа. Поклонение таким божествам или, напротив, отказ от их почитания могли как способствовать продвижению человека по социальной лестнице, так и лишить его милости и обречь на маргинализацию. Культ императора в Траяновой Ульпии Сармизегетузе отправлял *concilium Daciarum trium* (Совет трех Дакий)⁴⁷. Во главе совета стоял *sacerdos arae Augusti (coronatus Daciarum trium)*****, существовавший во время Александра Севера (чему есть точное свидетельство), а быть может, и раньше. Основной задачей этого учреждения было отправление культа императора от имени всех поселений провинции. Такой ритуал был элементом религиозной и политической жизни провинции. Очевидно, наряду с латинским языком он являлся одним из важных рычагов формирования единого общества из групп, имевших разные традиции и в различной степени романизованных.

С возникновением римской городской цивилизации в Дакии распространяется латынь, греко-римская религия, формируется ментальность римского типа. Это не означает отсутствия особенностей их усвоения и различий в восприятии римской цивилизации в разных частях Дакии. В Дакии переплетались традиции восточных и западных провинций, что привело к замечательному культурному многообразию, хотя налицо было преобладание западных черт. Благодаря географическому положению она служила мостом между Западом и Востоком. В силу приграничного расположения ее культурные, художественные и технические достижения были незначительны и не отличались большой оригинальностью. Единственным исключением, которое можно было бы причислить к лучшим творениям империи, являлся мост через Дунай в Дробете, построенный Аполлодором Дамасским в эпоху Траяна.

Такое культурное своеобразие Дакии по сравнению с другими провинциями обусловило заметное лингвистическое единообразие. А поскольку распространение латыни проходило гладко и без отторжения, завершилось оно очень быстро.

---

* Римская доблесть (лат.).

** Гений императора (лат.).

*** Божественного Дома (лат.).

**** Жрец алтаря императора (увенчанный трех Дакий) (лат.).

*Dacia amissa** и проблема преемственности

Dacia amissa. Политический и военный кризис Римской империи достиг апогея во второй половине III в. при императоре Галлиене. Приграничные дунайские провинции оказались в тяжелом экономическом положении, поскольку постоянно подвергались грабительским набегам племен, проживавших за лимесом. Ситуация усугублялась тем, что в борьбе за власть в империи принимали активное участие римские войска, устанавливавшие, по всей вероятности кнутом и пряником, собственные порядки в провинциях. К тому же интерес императоров к этим территориям постепенно угасал. Города и сельские поселения приходили в упадок под бременем непомерных обязанностей и из-за безразличия властей.

История Дакии в силу неизменной позиции империи повторится на других римских территориях, находившихся вне естественных границ раннего принципата по Рейну и Дунаю — таких, как север Ретии и *agri decumates*** в Верхней Германии. Так, в Панегирике Констанцию Хлору (297 г.)⁴⁸ говорится: «...*sub principe Gallieno... amissa Raetia*»***. Отдельные авторы IV в. утверждали, что то же самое произошло и с Дакией: «*Dacia... amissa est*»⁴⁹, «...*sed sub Gallieno imperatore amissa est*»****, ⁵⁰. Эти два аналогичных высказывания в отношении Ретии и Дакии, связанные с именем одного императора, должны были бы иметь одинаковый смысл. Однако на основании археологических и эпиграфических материалов о двух «потерях» Галлиена высказывались разные версии. Найденная не так давно в Аугсбурге надпись показала, что по крайней мере Ретия действительно была «потеряна» Галлиеном и уступлена им узурпатору Постуму, правившему «Галльской империей». Римская администрация продолжала существовать, но власть Галлиена в Ретии более не признавали. Следовательно, нападения и опустошительные набеги из-за лимеса не означали, что римляне перестали охранять границы и оставили их

* Утраченная Дакия (лат.).

** Десятинные поля (лат.) — земли между Рейном и Дунаем, обложенные десятинным налогом.

*** «...В принципат Галлиена... потеряна Ретия» (лат.).

**** «Дакия... утрачена»; «...но при императоре Галлиене потеряна была» (лат.).

вместе с самой провинцией. Даже разрушительные вторжения, которые совершались с территории Нижней Паннонии, и последовавшие за ними воцарения узурпаторов — Ингена, а затем Регалиана — не привели к потере провинции. «Потеря» Дакии в правление Галлиена возможна с точки зрения логики, но время этих событий установить трудно. Не найдено никаких археологических свидетельств или иных источников в подтверждение идеи отдельных историков, что Галлиен отказался от какой-то части Дакии. Напротив, на северной границе Дакии Поролисской в это время проводились работы по ремонту лагерных укреплений, датированные приблизительно 260 г.

Что касается монетного обращения, то оно в Дакии, как и в двух Паннониях, начало оскудевать после 253 г., но резкое падение произошло лишь в 260 г. Несколько иначе выглядит ситуация с кладами монет. Найдено пять кладов, почти все в Апуле, где самые поздние монеты относятся ко временам Галлиена. Накопление монет в годы правления Валериана и Галлиена, вероятнее всего, происходило уже за пределами Дакии. Их владельцами, вероятно, были воины.

Дакийские вексилларии отправились на Восток с Валерианом. После пленения и убийства Валериана персами какие-то военные из легионов Апула, видимо, сумели вернуться домой. Последняя надпись из лагеря другого легиона — Пятого Македонского в Потаиссе датируется 257 — 258 гг. К 260 г. восходит надпись, поставленная командиром Тринадцатого Сдвоенного легиона в Мехадии, предположительно на новом месте его дислокации или на месте размещения каких-то вексиллариев дакийской армии. После 264 г. упоминания о вексиллариях двух дакийских легионов встречаются в Верхней Паннонии, в Петовионе, а другие надписи содержат свидетельства о воинах этих же легионов на севере Италии. Таким образом, не существует эпиграфических подтверждений размещения этих легионов в их прежних лагерях в Апуле и Потаиссе после 258 — 260 гг. Впрочем, Галлиен переместил их в другие центры, чтобы обеспечить себя мобильной армией для обороны Италии, а это означает, что он рассчитывал на их лояльность.

Галлиен никогда не терял контроля над Дакией (*amissa*). Напротив, она была его постоянной опорой. Первые дакийские вексилларии перешли на сторону узурпатора Викторина, преемника Постума, бывшего правителя «Гальской империи», лишь в конце

269 г. (после смерти Галлиена). Об этом свидетельствуют золотые денарии, отчеканенные в Трире. Дакия во времена Галлиена оставалась римской провинцией. Мысль о «потере» Дакии, видимо, возникла потому, что часть дакийской армии рассеялась во время восточного похода Валериана, а другие войска Галлиен перевел в стратегически более важные области. К этому добавляется ужасное финансовое положение Дакии, безразличие императора к ее городским и сельским поселениям, постоянные вторжения враждебных народов, сопровождавшиеся захватом территорий. Атмосфера нестабильности, в которой панические слухи распространялись с невероятной быстротой, и создала, в конце концов, неясный образ Дакии, который век спустя поздняя латинская историография запечатлела в двусмысленном слове «*amissa*».

Даже не имея конкретного намерения отодвинуть границу империи на линию Дуная, Галлиен начал этот процесс, ставший необратимым в следующее десятилетие. В годы правления Клавдия II Италия продолжала подвергаться угрозам со стороны аламанов. В Дакии произошло новое катастрофическое падение денежного оборота по сравнению с Мёзией к югу от Дуная. Положение провинции ухудшилось. Отсутствуют подтверждения о стоянке двух старых легионов в лагерях Апула и Потаиссы. Официально провинция Дакия прекратила существование во времена Аврелиана. Последнее свидетельство о провинции появляется на золотых денариях, отчеканенных в Медиолане весной 271 г. с надписью *Dacia Felix**. Открытие нового монетного двора в 271 – 272 гг. в Сердице, столице Дакии Средиземной, созданной Аврелианом к югу от Дуная, могло бы означить завершение этого процесса. Из литературных источников известно, что в начале 271 г. Аврелиан выступил с армией в Аквилею в поход против «скифов» (вандалов из Паннонии). О его действиях в отношении Дакии говорится: «...*provinciam Daciam... intermisit vastato omni Illirico et Moesia desperans eam posse retinere abductosque Romanos ex urbibus et agris Daciae in Media Moesia collocavit apellavitque eam Daciam, quae nunc duas Moesias dividit et dextra Danubio in mare fluenti, cum antea fuerit in laeva*»** 51;

* Счастливая Дакия (лат.).

** «...Провинцию Дакию... оставил после того, как были опустошены весь Иллирик и Мёзия; отчаявшись в том, что может ее вернуть, и выведя римлян из городов и полей Дакии в Среднюю Мёзию, он поселил их [там] и назвал Дакией ту [область], что ныне разделяет две Мёзии и находится на правой стороне Дуная, текущего в море, тогда как прежде она была на левой стороне» (лат.).

«...per Aurelianum, translatis exinde Romanis, duae Daciae in regionibus Moesiae ac Dardaniae factae sunt»^{*} 52; *«Cum vastatum Illyricum ac Moesiam deperditam videret, provinciam Transdanuvianam Daciam a Traiano constitutam sublato exercitu et provincialibus reliquit, desperans eam posse retineri, abdustoque ex ea populus in Moesia conlocavit appellavitque suam Daciam, que nunc duas Moesias dividit»*^{**} 53; *«Daces autem, post haec, iam sub imperio suo Traianus, Decebalo eorum rege devicto, in terras ultra Danubium, quae habent mille milia spatia, in provincia redegit. Sed Gallienus eos dum regnaret amisit Aurelianusque imperator evocatis exinde legionibus in Mysia conlocavit ibique aliquam partem Daciam mediterraneam Daciamque ripensem constituit...»*^{***} 54. Филологи и историки много раз тщательно разбирали эти тексты, пытаясь обнаружить там больше информации, чем в них действительно содержится, и объяснить отдельные кажущиеся или реальные противоречия, забывая при этом, что тексты адресованы читателям, хорошо осведомленным о событиях, которых касались древние писатели. Так возникла беспочвенная полемика относительно исторических сведений, переданных нам литературными источниками, повествующими об этих событиях.

Полемика о непрерывности пребывания дако-римлян в бывшей Дакии. В средние века самая большая часть провинции Дакия (Трансильвания и Банат) оказалась в составе Венгерского королевства. После исчезновения королевства и короткого периода автономии Трансильванское княжество стало провинцией Габсбургской империи, преобразованной в XIX в. в Австро-Венгерскую монархию. В течение всех этих столетий большинство населения Трансильвании составляли румыны, на что указывают средневековые памятники. Со временем, однако, эта основная группа насе-

* «...Аврелианом, после переселения оттуда римлян, были основаны две Дакии в областях Мёзия и Дардания» (лат.).

** «Когда он увидел, что опустошенный Илирик и Мёзия потеряны, он оставил задунайскую провинцию Дакия, основанную Траяном, удалив оттуда войска и провинциалов; отчаявшись в том, что может ее вернуть, он поселил выведенные из нее народы в Мёзии и назвал ее своей Дакией, которая нынче разделяет две Мёзии» (лат.).

*** «Даков же после этого Траян, победив их царя Децебала и подчинив их своей власти, в землях по ту сторону Дуная, что имеют протяженность в тысячу миль, обратил в провинцию. Но Галлиен их в свое правление утратил. Император Аврелиан, отозвав оттуда легионы, разместил [их] в Мизии и там устроил часть Средней Дакии и Прибрежной Дакии».

ления утратила политические и религиозные права, а первоначальное равенство с другими этническими группами сменилось дискриминацией. Религиозные и культурные преобразования XVIII в. открыли путь в европейские школы первым румынам из Трансильвании. Изучение римского прошлого Дакии и осознание латинской основы румынского языка обусловили рождение интеллектуального движения трансильванских румын, кульминацией которого стал официальный меморандум от имени румынской нации — *Supplex Libellus Valachorum**. В нем требовалось предоставить румынам политические и гражданские права. В основе этого документа лежала просветительская концепция, вдохновленная идеями естественного и исторического права. История стала орудием в борьбе за национальное освобождение. Впервые вспомнили о длительном периоде проживания румынского народа в Трансильвании еще с эпохи римской Дакии и о его благородных корнях, связанных с былой латинизацией. В меморандуме утверждалось, что древнейшее население Трансильвании было несправедливо лишено равных прав с теми, кто пришел на эту территорию позже: имелось в виду мадьярское дворянство, «саксы» и секеи — три средневековые привилегированные «нации».

Это политическое движение вызвало отклик у некоторых австрийских историков, решивших опротестовать исторические аргументы о древности и исконном проживании румын в Трансильвании. Так началась полемика, которая имела политический подтекст и велась в области филологии и истории. Во второй половине XIX столетия, когда политическое положение румын ухудшилось, позиция официальной историографии стала весьма категоричной. Была опубликована работа Р. Рёслера (R. Roesler), старавшегося системно продемонстрировать невозможность преемственности между дако-римскими жителями древней Дакии и румынами Трансильвании. Последние, согласно теории Рёслера, эмигрировали сюда с южного берега Дуная позднее, в средние века, когда в Трансильвании уже жили мадьяры и «саксы». Следовательно, исторические аргументы, на которые ссылаются румыны, требуя политического равенства, не имеют под собой реальной основы.

Образование национального румынского государства, обретение им независимости и его международное признание увели эту полемику еще дальше. Борьба за национальное освобождение

---

* Прошение валахов (лат.).

перешла в борьбу за объединение Трансильвании и Баната с Румынией. Именно тогда появилась «проблема преемственности». Румынские историки решили ответить Рёслеру. Дискуссия, имевшая то же политическое измерение, продолжалась в румынской и венгерской историографии на протяжении всего XX столетия. В ней были и «грозовые» периоды, связанные с обострением политической ситуации, как, например, во время Второй мировой войны. Основной причиной продолжения этой полемики было полное неприятие Венгрией (даже в коммунистическую эпоху) факта воссоединения различных областей в национальном румынском государстве, в результате которого Трансильвания и Банат в 1918 г. вошли в границы Румынии.

В период коммунистической диктатуры ситуация усугубилась, особенно в годы националистического коммунизма Н. Чаушеску, когда поддержка теории преемственности принимала заповедные идеологические формы. Последствия этих лет ощущаются до сих пор, особенно на уровне обыденного сознания. Сохраняется и сама проблема преемственности. В обоих лагерях еще остались приверженцы старых идей. Тем не менее в румынской историографии существует критическая тенденция, не допускающая идеологию в историческое исследование, отвергающая преувеличения и мифы и стремящаяся к исторической верификации образов, созданных без опоры на достоверные материалы. К сожалению, в венгерской историографии подобное видение еще не нашло места, по крайней мере, когда речь идет о проблеме преемственности.

Возвращаясь к литературным источникам конца римского владычества в Дакии, следует отметить, что они абсолютизировались и использовались противниками теории преемственности в качестве решающих аргументов, поскольку якобы говорили о полной эвакуации дако-римского латиноязычного населения Дакии на южный берег Дуная. Таким образом, бывшая Дакия могла бы превратиться в *terra deserta** еще до наступления средневековья. В пользу этой концепции свидетельствовало и полное отсутствие во всех письменных источниках того времени каких-либо упоминаний об этой территории и ее населении. Поэтому делался вывод о том, что родиной румын была не Дакия, а земли к югу от Дуная.

---

* Пустыню (*лат.*).

Полемизируя с этой теорией, румынские филологи попытались интерпретировать те же письменные источники, при этом нередко изменяя смысл текста посредством неправильных переводов. Так, текст Иордана на основании выражения «*evocatis exinde legionibus*»* сочли доказательством отступления только армии, а не гражданского населения. Это умозаключение является искусственным, поскольку базируется на неправильном переводе всего пассажа. Родилась идея, что в обсуждаемых литературных источниках можно выделить две историографические традиции, описывающие уход из Дакии: одна «ошибочная» — Евтропия, Руфия Феста и Флавия Вописка, а другая «правильная» — Иордана. Первая традиция подтверждала полный уход войск и гражданского населения и говорила о «патриотизме» Евтропия, а вторая объяснялась компетентностью Иордана, будто бы исправившего ошибочную информацию о полной эвакуации населения и упоминавшего только армию. В действительности правильный перевод текста Иордана наталкивает на мысль, что он пишет не только об отступлении армии (*evocatis exinde legionibus*), но и об уходе мирного населения (*Dacos*, из которых Траян создал провинцию, которых Галлиен «потерял», а Аврелиан, как следует из правильного перевода, разместил в Мёзии). Итак, *двух* древних историографических традиций не существовало. Все авторы, писавшие об отступлении армии и уходе гражданского населения, имели в виду *одно и то же* событие, используя разные определения: *Romani, Daci, provinciales, populus***.

Однако эти сведения слишком скудны, чтобы утверждать, будто все население северодунайской Дакии покинуло ее. В недавнем времени зарубежные историки, не участвующие в полемике о преемственности и непреемственности, такие, как Л. Окамура или А. Уотсон, касаясь эпохи Аврелиана, высказались скептически относительно мысли о массовой эвакуации всего населения, сочтя ее маловероятной и указав, что подобное нигде не практиковалось. По их мнению, мигрировали только администрация, богатые купцы, землевладельцы, т. е. влиятельные провициальные *honestiores*. Большинство *humiliores*, имевших больше общего с варварами, чем с собственными *honestiores*, осталось на месте.

Более важные исторические проблемы связаны с причинами ухода и способом проведения этой масштабной операции. В 271 г.

* «Отозвав оттуда легионы» (лат.).

** Римляне, даки, провинциалы, народ (лат.).

Аврелиан, подчинив вандалов и нанеся сокрушительное поражение готам в дунайской области, получил возможность подумать о том, как перестроить оборонительную стратегию во всем регионе. С одной стороны, он нуждался в военных силах, чтобы начать кампанию против Пальмиры, а с другой — мог пополнить их войсками, охранявшими дунайскую границу, для чего следовало уменьшить ее протяженность. Дакия уже давно утратила стратегическую роль по сравнению с тем временем, когда была создана эта северодунайская провинция, поскольку варварский мир во второй половине III в. пережил существенные трансформации. И Аврелиан принял стратегическое решение. Возможно, он руководствовался субъективными соображениями о необходимости защиты Сердики, своей *origo*^{*}, находившейся в пустынном, малонаселенном и труднообороняемом от вторжений с северного берега Дуная месте. Факт, что практическое осуществление операции по оставлению Дакии не получило откликов в античной историографии, видимо, указывает на ее успешное проведение. Территория вновь созданной Дакии к югу от Дуная была небольшой. Это еще один аргумент в пользу того, что эвакуация не была тотальной. Южнодунайская Дакия создавалась не для того, чтобы стать прибежищем для всего северодунайского населения, а для сохранения названия этой провинции в списке административных единиц империи (своего рода сокрытие ухода из боязни вызвать недовольство римского общественного мнения). Кроме того, это способствовало упрочению верности двух легионов Дакии и возрастанию престижа Сердики, ставшей столицей новой провинции. Решение об уходе из Дакии родилось в голове военного человека как ответ на основную военную задачу и было осуществлено по-военному. Аврелиан осознанно завершил процесс «потери» Дакии, невольно начатый еще при Галиене, взяв на себя ответственность за выбор меньшего зла для Римской империи.

Из этого следует, что с научной точки зрения бессмысленно собирать разного рода археологические доводы, чтобы доказать присутствие в Дакии части населения бывшей провинции после ухода оттуда администрации и римской армии, как это постоянно делалось в румынской историографии. Историкам на протяжении долгого времени так и не удалось разубедить тех, кому они в первую очередь адресовали свои доводы. Историографическую ситуацию,

---

^{*} Родины (*лат.*).

которая сложилась в древности и которую абсурдно оспаривали в прошлом, сейчас следует трактовать как вполне естественный исторический факт. Археологические, а в особенности эпиграфические и нумизматические источники методом исключения с легкостью могут подтвердить, даже если в этом нет необходимости, достоверность письменных источников, в которых ясно говорится об отступлении при Аврелиане. Но археологам нелегко собрать материал о преемственности поселений, материального производства и особенно об этнической преемственности. Такое положение характерно и для других территорий, утративших статус римских провинций, — например, для Британии начала V в. н. э. Это объясняется объективными обстоятельствами, так как исторические факты не обязательно находят соответствие на уровне материальной культуры. Однако не стоит бросать вызов здравому смыслу, доказывая, что романский народ, в два раза более многочисленный, чем его соседи иного этнолингвистического происхождения, лишь благодаря случайному совпадению, оказался на территории бывшей римской провинции, где некогда обитало значительное романизированное население, и что он якобы не имеет с этим населением никакой прямой связи. Желющие научно обосновать подобный абсурд вольны в своих действиях. Но разве долг румынских ученых не обязывает нас доказать абсурдность абсурда?

Дакия после ухода римлян. На основании археологических находок можно с уверенностью сделать два важных заключения. Первое. После 271 г. н. э. жизнь продолжалась во многих центрах провинции и в новых поселениях, хотя и в более скромных формах. Второе. В течение почти ста лет западная, романизированная зона Дакии не подвергалась систематическому и массивному проникновению нероманизированных пришельцев, обитавших за бывшей римской границей. Напрашивается вывод, что часть населения бывшей провинции Дакия после 271 г. осталась в Трансильвании. В пользу этого свидетельствует в первую очередь сохранение во временном промежутке между 271 и 306 гг. оборота монет, пусть и скудного, что вполне объяснимо в новом политическом и социальном контексте. Количество монет, найденных в поселениях южных придунайских областей, было значительно большим, чем в Трансильвании. Это обстоятельство объясняется существованием прямого обмена между центром и периферией империи, тогда как Трансильвания оказалась в положении внутренней области.

Бывшая провинция Дакия стала экономической «буферной зоной», где подлинные денежные отношения сохранялись в северных придунайских областях, в то время как в Трансильвании настоящая экономика, основанная на денежном обращении, не функционировала. Здесь монеты из инструмента сделок превратились в драгоценности. Подобным образом экономическая ситуация развивалась и на Десятинных полях — территории, оставленной римлянами в Верхней Германии.

С падением рыночного производства и связанной с ним торговли исчез и сам рынок. В этих условиях оставшимся в Дакии семьям, чтобы выжить, пришлось научиться обрабатывать землю и заняться скотоводством. При этом они могли по-прежнему обитать в старых городах. В новом социальном устройстве место нашлось лишь крестьянам. Распад римского провинциального общества привел к исчезновению социальной и культурной разнородности римской эпохи. Это явление, несомненно, можно определить как регресс, который ощущался в первую очередь на уровне материальной культуры. В Британии, где сохранилось множество свидетельств, относящихся к периоду между падением римской власти и появлением первых англо-саксов, уровень преемственности в сельском хозяйстве, по всей видимости, был выше. Многие виды сельскохозяйственных работ остались там от римской эпохи.

Можно сказать, что в III и первой половине IV в. бывшая провинция Дакия переживала аномию — состояние дезорганизации общества, в котором развитие стабильных социальных и культурных форм прервалось. Ее население, вероятно, было сельским, обитавшим в бедных и малочисленных деревенских поселках, расстояния между которыми колоссально возросли, что приводило их к изолированности друг от друга. Усилилось значение географических факторов, в силу которых либо обеспечивались связи между людьми, либо, напротив, создавались барьеры. Весьма вероятно, что для негородской среды в Дакии, как и в Британии, был характерен определенный уровень преемственности экономики. Однако, к сожалению, сельская среда Дакии мало изучена археологами.

Если иметь в виду возможности археологии собирать материалы о преобразованиях, происходивших в этот период, то необходимо учитывать, что между политическими событиями (каким явилось отступление в 271 г.) и состоянием материальной культуры

невозможно установить причинно-следственную связь. Материальная римско-провинциальная культура Дакии, существовавшая после 271 г. в более скромных и примитивных формах вследствие исчезновения больших промышленных центров и рынка, тем не менее сохранила общие черты римского времени. Поэтому трудно определить по формальным признакам, что именно из материальной провинциально-римской культуры принадлежит эпохе провинции, а что возникло в последовавшие после 271 г. десятилетия. То же самое относится и к археологическим исследованиям в сельской местности. В ходе археологических раскопок поселений провинциальной эпохи, на которые наслоились остатки поселений последующих периодов, преемственность образа жизни прослеживается значительно лучше. Имеется множество случаев (в поселениях в Обреже, Сучаге, Аркиуде, Грэдинарах, Старой Молдове и других местах), когда на месте жилищ и хозяйственных построек римской эпохи появились строения, где обнаружены артефакты IV в. Сохранялся один и тот же тип жилища. Археологи не обнаружили какого-нибудь отличающегося от других пласта, что позволяет сделать вывод о преемственности поселений. По понятным причинам трудно хронологически определить принадлежность предметов, главным образом керамики, особенно в период с конца III и до середины IV в. Легче идентифицировать и датировать элементы материальной культуры, проникшие в римскую среду Дакии из ареалов чужеродных культур.

Север провинции Нижняя Мёзия (Добруджа) во II–VI вв.

Образование и организация провинции Нижняя Мёзия. Начиная с I в. до н. э. римляне проводили активную политику в прибрежной зоне Черного моря, где существовали греческие поселения: Истрия, Томы, Каллатис, Аполлония. Римское влияние здесь утверждалось постепенно, начиная с походов Марка Теренция Варрона Лукулла в 72–71 гг. до н. э. и Гая Антония Гибрида в 62–61 гг. до н. э. Подчинение этой области завершил в 29–28 гг. до н. э. Марк Лициний Красс. Все экспедиции совершались с территории провинции Македония. В начале I в. н. э. римляне создали новую провинцию, расположенную ближе к зоне их интересов, — Мёзию.

Первым правителем Мёзии был Авл Цецина Север, упоминание о котором относится к 6 г. н. э.⁵⁵ Новая провинция охватывала долины рек Морава и Тимок. Для управления придунайским регионом был назначен *praefectus (civitatum Moesiae et Triballiae)**.

В Добрудже, находящейся между Дунаем и Черным морем, римляне поначалу осуществляли свое господство через посредничество правителя Рола, находившегося в отношениях клиентеллы с Римом, а потом через Одрисское царство. После смерти последнего царя одриссов Реметалка III в 46 г. н. э. была образована провинция Фракия. Во времена Нерона наместник Мёзии Тиберий Плавций Сильван Элиан⁵⁶ переселил с северного берега Дуная (возможно, в Добруджу) 100 тыс. человек. Присоединение Добруджи к Мёзии произошло только при Веспасиане⁵⁷. Чрезмерная протяженность дунайской границы и угроза набегов со стороны даков, постоянно угрожавших с севера, привели в 86 г. н. э. к разделу провинции на Верхнюю и Нижнюю Мёзию. Последняя простиралась от реки Тибрицы до Черного моря и от Дуная до Балканских гор. Управлял Нижней Мёзией наместник в ранге консуляра, власть которого поддерживали Пятый Македонский легион, расквартированный в Эске, и Первый Италийский, стоявший в Новах. Во времена Траяна в Нижнюю Мёзию также был переведен Одиннадцатый Клавдиев легион, расквартированный в Дуросторе.

В годы правления Диоклетиана в административном, военном и экономическом устройстве империи происходят большие перемены. Нижнюю Мёзию разделили на провинции Мёзия Секунда (Вторая Мёзия) и Малая Скифия. Последняя занимала территорию у Черного моря и Дуная, чуть менее вытянутую на юг, чем современная Добруджа. Во времена Константина Великого Малая Скифия со столицей в Томах вошла во Фракийский диоцез Восточной префектуры. Она оставалась в составе Византийской империи до начала VII в. н. э., когда под напором славян и авар дунайский лимес был оставлен.

Население, города, общество. Коренное население Добруджи составляли геты⁵⁸. К родственным им племенам принадлежали кробизы, саки, кораллы, троглодиты, ойнены, обулены, а также скифы⁵⁹, бастарны⁶⁰ и сарматы⁶¹. В римскую эпоху сюда пересе-

* Префект (городов Мёзии и Трибаллии) (*лат.*).

лились другие фракийские племена: одриссы⁶², бесы⁶³, лаи и авсдецены.

Среди жителей, населявших Добруджу до римлян, были обитатели греческих крепостей на побережье. Римляне называли эти крепости чужеземными городами (*civitates peregrinae*). Городу Каллатису (Мангалия) удалось заключить *foedus*, и он стал союзным городом (*civitas foederata*) с гарантией сохранения старых учреждений и освобождением от размещения на своей территории римских войск. В городе проживало 10 — 15 тыс. человек, среди которых были и вновь прибывшие римляне. Некоторые жители были римскими гражданами, о чем свидетельствует существование собрания римских граждан (*conventus civium Romanorum*)⁶⁴. Томы (Констанца) в I в. н. э. деградировали, перейдя из категории *civitas peregrina libera** в категорию *civitas peregrina stipendiaria***; там был расквартирован римский гарнизон⁶⁵. Позднее Адриан даровал Томам статус *civitas libera (foederata)****. Население города достигало 25 — 30 тыс. человек, причем римлян в нем было больше, чем в Каллатисе. На территории крепости Томы проживали римские граждане — *cives Romani consistentes*****, ⁶⁶. Есть сведения и о греческих поселениях Стратон и Парфенополь⁶⁷. Третьим важным греческим городом Добруджи была Истрия. Возможно, в римскую эпоху она обладала статусом *civitas peregrina stipendiaria*. В начале II в. н. э. правитель Нижней Мёзии Маний Либерий Максим закрепил за городом сельскую округу — *hoga* (греч.)⁶⁸. Его население, преимущественно греческого происхождения, хотя среди жителей было немало римлян, насчитывало приблизительно 10 — 15 тыс. человек. В округе размещалось несколько настоящих греческих сельских поселений — *komai* (греч.). В районе Истрии (*regio Histriae*) — более крупной административной единице — располагались разные сельские поселения. *Vicus Quintionis* (вик Квинтион) давал приют ветеранам, римским гражданам и коренным бесам⁶⁹. Еще в одном *vicus* с неизвестным названием жили ветераны и местные граждане⁷⁰, а в *vicus* Секундини — римские граждане и коренные лаи⁷¹. Наконец, ряд поселений носили гето-дакийские названия — Арцидава и Бутеридава⁷².

* Свободного чужеземного города (*лат.*).

** Податного чужеземного города (*лат.*).

*** Свободного (= союзного) города (*лат.*).

**** Живущие [там] римские граждане (*лат.*).

Наряду со старыми греческими городами в римскую эпоху существовали и более поздние города, основанные римлянами. Об отдельных населенных пунктах упоминает Птолемей⁷³, называя их *poleis**: Суцидава, Аксиополь, Карсий, Троесм, Диногечия, Новиодун, Эгисс. Многие исконные центры коренного населения развивались благодаря присутствию римской армии. Так, помимо уже вышеупомянутых отметим Халмир, Сальсовию, Капидаву и Аррубий.

Траян возвел в ранг муниципия поселение Трофей Траяна (*Troaeum Traiani*)⁷⁴. Важный военный центр в Троесме, где стоял Пятый Македонский легион, находившийся там с начала II в. н. э., лишь при Марке Аврелии становится муниципием. Весьма вероятно, что здесь проводился ежегодный *concilium provinciae***⁷⁵, как можно предположить на основании двух надписей, указывающих на пребывание здесь *sacerdos provinciae****. Другие населенные пункты, такие, как Суцидава, Флавиана, Алтин, Цимбрианы, Сацидава (некоторые из них были военными *vici*, другие — *civitates* коренных жителей), не получили такого развития и таких возможностей. Население этих *vici* составляли римляне, коренные жители и греки, как, например, в Ульмете⁷⁶ на территории Капидавы. Третьим муниципием являлся, скорее всего, Новиодун.

По уровню урбанизации Добруджа отличалась от Дакии. Из ее трех крупных греческих городов и трех римских муниципиев ни один не получил статуса колонии (*colonia*). И в количественном, и в качественном отношении она значительно уступала Дакии по уровню урбанизации. Однако процесс развивался и здесь. Структура населения Добруджи отличалась еще большей разнородностью. Поселения *cives Romani consistentes* сосуществовали с поселками коренного населения, а говорившие на латыни с носителями греческого и фрако-гето-дакского языков, тогда как свидетельств о подобных явлениях в Дакии у нас нет. Она характеризуется лингвистической однородностью в сравнении с Нижней Мёзией, где с латынью конкурировал греческий язык.

По социальной структуре Добруджа мало чем отличалась от других областей римского мира. Местное общество характеризовалось как социальной, так и этнокультурной разнородностью.

* Полисами (греч.).

*** Провинциальный совет (лат.).

*** Жреца провинции (лат.).

Осталось несколько свидетельств об отдельных социальных категориях, таких, как, например, перегрины или дедитиции. Население греческих крепостей в подавляющем большинстве состояло из перегринов или представителей коренного населения. Дедитиции использовались как рабочая сила в имениях сельской округи. Там же проживали и колоны, выступавшие в роли сельскохозяйственных рабочих.

В городах и поселениях на Нижнем Дунае римские граждане не были многочисленны. Одна из надписей, где упоминается *civitas Ausdecensium*⁷⁷, удостоверяет проживание там перегринов из числа авсдеценов и даков, переселенных с северного берега Дуная (возможно, дедитициев).

В IV в. н. э. произошли значительные социальные изменения. В общественной системе империи выделились две крупные категории поселения — *honestiores* и *humiliores*. *Torga* же обозначилась социальная группа *curiales*^{*}, представлявшая высший социальный слой свободного городского населения. Вырос социальный вес *limitanei*^{**} — солдат-земледельцев, а следовательно, увеличилось значение мелкого землевладения. Тогда же начала снижаться экономическая ценность рабов, поскольку все интенсивнее стал использоваться труд колонов.

Особенности греко-римско-византийской цивилизации. Основные элементы греческой цивилизации проникли в Добруджу задолго до нашей эры одновременно с основанием греческих городов на побережье Черного моря. Эти элементы вышли и за пределы крепостных стен, оказав заметное влияние на образ жизни коренного населения. Поэтому римляне в Добрудже встретились с уже знакомым с городской жизнью обществом. Заслуга римлян заключалась в том, что они упрочили здесь этот тип цивилизации. В греческих городах II—III вв. н. э. возводились такие новые объекты, как термы в Истрии или дополнительные портовые сооружения в Томах.

Символом римского владычества над Добруджей является триумфальный монумент, воздвигнутый Траяном в Адамкиссах (Трофей Траяна). Посвятительная надпись гласит, что в 109 г. н. э. его возвел Марс Ультор в честь победы, одержанной над даками и сарматами в 102 г. н. э., когда коалиция варваров под предводительством

^{*} Куриалов — членов городских советов (лат.).

^{**} Пограничных жителей (лат.).

вом Децебала вторглась в Нижнюю Мёзию. На 54 метопах выразительно воссозданы образы варваров, принимавших участие в этих событиях. Неподалеку от монумента находился алтарь-кенотаф и мавзолей. Надпись на кенотафе увековечила память о 3800 римских солдатах, павших на поле брани. Мавзолей представлял собой сооружение из каменных кругов, сходящихся в центре, и, возможно, был гробницей *Praefectus castrorum*^{*}, погибшего в сражении.

Начиная с эпохи тетрархии^{**} и в особенности с IV в. в Добрудже широко распространяется христианство. Наряду с упоминаниями о мучениках в письменных источниках заслуживает внимания обнаруженная в Никулицеле гробница, где на внутренней стене красной краской выведены на греческом языке имена погребенных в ней мучеников: *Zotikos, Attalos, Kamasis, Philippos*. В эпоху Константина Великого христианство накладывает отпечаток на позднюю римскую цивилизацию. В Добрудже известны 30 каменных базилик с элементами декора из мрамора или известняка, выстроенных в римском стиле, а в центре провинции, Томах, — шесть раннехристианских базилик. В Истрии существовало четыре базилики, а в Каллатисе имелась базилика «сирийского» типа. В Трофее Траяна, городе, перестроенном Константином и Лицинием, известны четыре базилики, одна из которых имела баптистерий.

В IV в. городская цивилизация Добруджи переживала период расцвета. Устойчивые формы римского и ранневизантийского мира, сохранялись там еще в течение двух столетий, тогда как городская жизнь в Дакии к этому времени давно угасла.

Конец античности и переход к раннему средневековью к северу от Дуная

Возвращение Константина на северный берег Дуная. Аврелиан создал к югу от Дуная две новые провинции — Дакию Рипенскую (Прибрежную) со столицей в Ратиарии и Среднюю Дакию со столицей в Сердике. Как уже отмечалось, название Дакия должно было сохраняться в списке провинций, чтобы придать всему дей-

^{*} Префекта (начальника) военного лагеря (*лат.*).

^{**} «Правление четырех» — проведенное по инициативе императора Диоклетиана (284 — 305 гг.) разделение империи на четыре части, управляемые двумя августами и двумя младшими соправителями — цезарями (293 г.).

ствию характер территориальной «реорганизации». Дакийские легионы были размещены на Дунае: Тринадцатый Сдвоенный — в Ратиарии, Пятый Македонский — в Эске. Впрочем, известно, что Аврелиан сохранил стратегические форпосты у переправ на северном берегу реки, такие, как Дробета и Суцидава, а также другие небольшие *castella*, охранявшиеся войсками армии южно-дунайских Дакий. Этой оборонительной концепции придерживались и императоры времен тетрархии. Теперь найдены сведения о римских гарнизонах, занимавших позиции в северо-дунайских фортификациях типа *quadrivurgium** в Горне, Пожежене, Диерне, Трансдиане, Пуцинеях, Хинове, Батоци, Извору-Фрумесе, Острову-Маре, Извоареле, Десе, Бистреце. Эта полоса по левому берегу Дуная могла считаться частью территории империи. Благодаря ей связь между империей и территориями бывшей Дакии никогда не прерывалась окончательно.

В эпоху Константина Великого римская политика на дунайской границе вновь активизировалась. Основание здесь двух первых столиц Константина — Сирмия и Сердики (вторую, как говорят, он считал своим Римом) — подчеркивало особое значение этого региона и демонстрировало смещение геополитического центра тяжести Римской империи в юго-восточную часть Европы. Если вначале император продолжал политику предшественников и принимал меры по укреплению дунайской границы, то, собравшись перенести столицу в Константинополь, он после 328 г. н. э. перешел к новой наступательной политике в Нижнем Подунавье. Захват северодунайской Дакии играл, несомненно, очень важную роль в его планах. Не исключено, что свое значение имели и субъективные мотивы: стремление сравняться с Траяном или даже превзойти его, создав самую великолепную военную и политическую модель IV в. Именно поэтому между Эском и Суцидавой⁷⁸ был сооружен каменный мост через Дунай. Археологические сведения об опорах моста Константина дают основания предполагать, что он был построен по образцу моста в Дробете. Основание и три опоры были сложены из камня, а настил, перекрытия и пролеты сооружены из дерева. По всей вероятности, работы производились между 324 и 328 гг. В честь открытия моста выпустили памятную медаль, запечатлевшую императора в военном облачении. Он шествовал по мосту, и его вела за руку богиня Победа.

* «Четырехградья» (лат.).

При Константине Великом были отремонтированы укрепления на северном берегу Дуная, самыми важными из которых были лагерь в Дробете и Сучаве, а также построена новая крепость — Константиана Дафна⁷⁹ напротив крепости Трансмариска, расположенной на южном берегу. Кроме того, была отремонтирована старая римская дорога, шедшая на север, к Ромуле, через долину Олта. Этот факт подтверждает милевой столб с выбитыми на нем именами Константина и его сыновей — цезарей Константина и Константа⁸⁰, — отмечавший расстояние в первую тысячу шагов от моста. Все эти действия свидетельствуют не только о намерениях Константина Великого вновь захватить северодунайскую Дакию, но и о попытках их осуществить⁸¹.

После основания Константинополя Константин вновь обратил свои взоры на северный берег Дуная, где в 332 г. разгромил на равнине Мунтении племена вестготов и тайфалов, напавших на союзников римлян — сарматов-аргарагантов — в западной части Баната. После этой победы Константин заключил с вестготами и тайфалами союз, по которому они становились федератами в Мунтении. Константин получил титул *Gothicus Maximus*^{*}, так как вследствие его действий в дунайском регионе установился мир, не нарушавшийся на протяжении тридцати лет.

Восстановление римской власти на части южной территории северодунайской Дакии означало и воссоздание там наиболее существенных элементов провинциальной жизни: монетного обращения, армии и торговли. Для этого периода характерно увеличение количества мелких бронзовых монет, используемых в повседневных сделках. Все эти факторы определили рост количества монет к северу от Дуная. Больше монет, очевидно, ходило на юге Олтении и в Банате, где найдены многочисленные клады. Отсюда монеты через горы попадали в Трансильванию, в дако-римские поселения, сохранившиеся после ухода римских властей из Дакии. Несколько кладов, найденных в Трансильвании, например в Хунедоаре, Пасуле, Вылкани, Ниреше, состоят главным образом из монет I—III вв. и даже времен республики, к которым позднее добавились отдельные предметы из бронзы, изготовленные в первой половине IV в. Возможно, владельцами этих передававшихся из поколения в поколение кладов были местные дако-римляне. Одни из них начали делать накопления еще во времена существо-

^{*} Готский Величайший (лат.).

вания провинции Дакия, другие продолжали заниматься этим и в IV в. Для местного дако-римского общества возвращение империи на северный берег Дуная означало восстановление и активизацию товарно-денежных отношений.

Начало эпохи переселения народов. Побежденные Константином Великим готы обосновались в регионе Северного Причерноморья в III в. н. э. Они вторгались в дунайские провинции и опустошали их еще в годы правления Деция. Потом последовал период их нашествий через Черное море на Малую Азию и Грецию, конец которым положили победы римлян при Клавдии II и Аврелиане.

В начале IV в. наблюдается ощутимый рост плотности населения в равнинных областях за Карпатами благодаря притоку новых жителей. Осевшие в этом регионе вестготы жили в сельских поселениях, занимаясь, наряду со скотоводством и ремеслом, земледелием, что способствовало динамичному социальному развитию. В результате смешения более старых народов: сарматов, гето-даков и карпов — образовалась новая общность во главе с вестготами, обладавшими политической властью. Археологи констатируют, что на обширном пространстве сложилась единая культура, известная как черняховская культура типа Сынтана де Муреш. Новое варварское сообщество, связанное с миром римлян, испытывало влияние римской культуры и заимствовало у империи многие технические достижения. Период спокойствия после заключения союза с империей в 332 г. совпадает с периодом наивысшего расцвета культуры Сынтана де Муреш — Черняхово*.

Тогда же духовное воздействие на вестготов начало оказывать появление в их поселениях первых христиан. В 341 г. гот Ульфила был направлен империей служить епископом у готов-христиан. Позже, в 348 г., его изгнали варвары-язычники, обосновавшиеся со своими союзниками на южном берегу Дуная.

Прежде стабильная социально-политическая обстановка в Нижнем Подунавье стала ухудшаться в последней четверти IV в. На территориях за Днепром преобладала другая ветвь готов — остготы, которыми правил король Эрманарих. В 376 г. внезапно появились пришедшие из степей Центральной Азии гунны и теснимые ими аланы. Распространившаяся, подобно цепной реакции, паника описана в литературных источниках так: «*Chuni in*

---

* Название черняховской культуры на территории Румынии.

Halanos, Halani in Gothos, Gothi in Taifalos et Sarmatas insurgentur»⁸². Эрманарих был убит, а остготы оказались «включены» в гуннскую конфедерацию. Король вестготов Атанарих попытался остановить нападавших на Днепре⁸³. Несмотря на то что он не добился военных успехов, гунны на время замедлили дальнейшее наступление и не прогнали вестготов на юг. Однако обострение противоречий между романизированной группировкой и поборниками старых традиций внутри вестготского общества не позволило использовать эту передышку. Отряды вестготов, пользуясь поддержкой императора Валента, под началом Фритигерна и Алавива осенью 376 г. перешли на территорию империи. По всей вероятности, их примеру последовали и другие варвары, например отряд остготов и аланов во главе с Алафеем, Сафраком и Фарнобием. Атанарих, остававшийся на Северном Дунае, вынужден был выбирать между необходимостью нанести сокрушительный удар по гуннам и возможностью бегства в Римскую империю. В конце концов отряд под предводительством Атанариха перешел Дунай, чтобы найти спасение у римлян.

По данным археологии, эти события, очевидно, относятся к концу периода культуры Сынтана де Муреш – Черняхово. Подтверждением этой версии служат некрополи на юго-востоке Трансильвании, датируемые второй половиной IV в. Кроме того, найдены клады, например в Валя-Стрымбе, где сохранились украшения, типичные для этой культуры, а также отчеканенные при императоре Грациане (367 – 383 гг.) серебряные и золотые монеты. На основании других исследований можно привести доказательства, что на всем обширном ареале распространения культуры Сынтана де Муреш – Черняхово поселения продолжали существовать и в первые десятилетия V в. Эта гипотеза достоверна также в отношении Трансильвании. К. Хоредт показал, что в Трансильвании кладбища культуры Сынтана де Муреш – Черняхово относятся к последней фазе ее существования, т. е. ко времени между 376 и 425 гг.

В первые два десятилетия V в. центр гуннской конфедерации переместился в долину Тисы. В пределы Римской империи они вторгались нерегулярно, поскольку путь в Паннонию проходил не по долине Дуная, а через спускавшиеся в долину Тисы ущелья и горные перевалы Северных Карпат. Об использовании этого пути гуннами свидетельствует княжеская гуннская могила в Кон-

⁸² «Гунны напали на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов» (лат.).

чештах на реке Прут в Северной Молдове, относящаяся к первым десятилетиям V в. Только после того как в Паннонии обосновались другие народы, примкнувшие к гуннам, такие, как гепиды, гуннская конфедерация начала совершать регулярные нападения на Римскую империю.

На территории бывшей провинции Дакия археологи не отмечают следов присутствия гуннов. Находки, состоящие по большей части из бронзовых ритуальных котлов и золотых диадем, характерны для Северной Молдовы, Мунтении и главным образом для Подунавья. Своим происхождением они обязаны гуннским наемникам в римской армии или являются следами вторжения на Балканы в 447 г. гуннов, обосновавшихся в долине Тисы. Таким образом, мы не можем говорить о непосредственном господстве гуннов над Трансильванией и Банатом, хотя этот регион находился недалеко от их центра власти. Однако гунны не могли обойти вниманием жизненно важные природные ресурсы Трансильвании. Речь идет прежде всего о соли, в которой так нуждались народы, занимавшиеся скотоводством. В гуннскую конфедерацию входили гепиды, территория которых располагалась к северо-западу от Трансильвании. Следовательно, вполне вероятно, что именно они взяли на себя роль посредников между гуннами и населением Трансильвании.

Данные археологических исследований свидетельствуют о том, что на рубеже IV – V вв. важнейшие культуры Центральной и Восточной Европы: пшеворская, свебская и Черняховская — переживали кризис, ознаменовавший последний этап их существования. Пришедшие в движение народы покидали старые поселения, вследствие чего археологический облик поселений и некрополей становится смешанным, гетерогенным, соответствующим этническому многообразию. Археологические исследования выявили существенные изменения, указывающие на начало эпохи Великого переселения народов. Раскопки памятников этого периода на северо-западе Румынии внесли ясность в этот вопрос. Уже известен ряд поселений в долине Баркзулуй, в Мишке и Суплакуле-де-Баркзу, в Орадя-Салке и в сердцевине карпатской дуги в Сучаге. Хронологически они охватывают промежуток времени между 380 и 440 гг. и принадлежат к переходному периоду и собственно «эпохе гуннов». Эти поселения были основаны не только местными жителями, но и, по всей вероятности, первыми группами гепидов.

Установить точную дату начала проникновения гепидов в Трансильванию нелегко. Необходимо иметь в виду, что они начали заселять северо-западную часть Румынии (в обширной зоне нижнего течения Сомеша) очень давно, вероятнее всего с конца III в. и, бесспорно, с IV в. н. э. Однако лишь после ухода остготов на Балканский полуостров (471 г.), а потом на запад гепиды действительно стали осваивать прежнюю территорию гуннов к востоку от Дуная, а также более отдаленные области на западе Румынии, расположенные к северу от реки Муреш. Археологические данные позволяют заключить, что именно в это время гепиды с северо-востока Венгрии (область Саболч — Сатмар — Берег) перебрались на юг от линии Тисафюред — Хайдубесермены — Детрецен. Возможно, в результате такого перемещения они заселили и равнинную зону на западе и северо-западе современной Румынии. В пользу этой версии говорит открытие в самой отдаленной области на северо-западе Румынии захоронений с труположением, в Диндештах и Генчи и особенно захоронение воина в Валя-луй-Михай. Его можно довольно точно датировать последней третью V в. Тем не менее известные клады в Шимлеуль-Сильванией и Тэутенях четко локализуют центр германцев на низменности Шимлеу и поблизости от нее.

На северо-западе Румынии, судя по всему, имеются отдельные памятники «меровингской» культуры, которую археологи связывают с гепидами. На время появления так называемых кладбищ с рядами могил указывает уже упомянутое захоронение в Валя-луй-Михай, принадлежавшее, вероятно, представителю гепидской знати, а также погребения в Орадя (скорее всего, там было большое кладбище), датируемые второй половиной V в. или его концом. Если пышные могилы в долине Малого Сомеша (Апахида) и Сомешени, которые относят к последней трети V в., на самом деле принадлежали гепидам, тогда эти открытия позволяют приблизительно восстановить путь гепидов в направлении Трансильвании. Скорее всего, его можно проследить даже с более давнего времени, а точнее, с периода после распада государства гуннов. Кроме того, возникает предположение, что гепиды расселялись по территории в двух направлениях. Они продвигались с северо-востока (давний район проживания гепидов) и запада (междуречье Тисы, Муреша и Кришури — центральная область их обитания) по всегда оживленному коридору долины Муреша.

С точки зрения археологии самым ярким подтверждением господства гепидов в Трансильвании является известный ком-

плекс в Морешти (уезд Муреш), где давно были изучены поселение и прилегающее к нему кладбище. Основные следы памятников относятся к первой половине VI в., хотя предпринимались попытки датировать начало поселения здесь гепидов второй половиной V в., а отдельные исследователи на основании различных категорий артефактов настаивали на их сосуществовании с местным романизированным населением. Однако данные многочисленных раскопок в северо-восточной части Трансильвании (уезд Бистрица-Нэсэуд) и в поселениях в Братей, по-видимому, указывают на тот же период (конец V в., а также первая половина и середина VI в.).

С высокой степенью вероятности на сегодняшний день можно восстановить северо-восточную границу королевства гепидов. На северо-востоке современной Румынии она не заходила за линию, на которой расположен нынешний город Карей (южный край бывшего болота Эчедя), а затем спускалась к юго-востоку, до линии старого римского лимеса на севере Трансильвании. По этой же линии позднее установили границу и авары.

Материалы раскопок княжеских могил в Апахиде, Турде (бывший лагерь легионеров) и находки в Алба-Юлии (также бывший лагерь) подтверждают существование в Трансильвании в конце V и в VI в. центров власти гепидов. Им была подчинена не очень большая территория, по своим размерам вполне сопоставимая, однако, с варварскими королевствами в Западной Европе. Византийское происхождение престижного погребального инвентаря свидетельствует о наличии у гепидов дипломатических отношений с Византийской империей.

Преемственность и перемены на северном берегу Дуная. На протяжении раннего периода эпохи переселения народов (впрочем, и позднее) ситуация на территории сегодняшней Румынии постоянно изменялась. Достаточно сказать, что восточные и северо-восточные территории страны, а затем и Трансильвания находились под властью гепидов, а впоследствии это же пространство входило в Аварский каганат. С другой стороны, Добруджа до начала VII в. оставалась римско-византийской провинцией, а на северном берегу Нижнего Дуная до того же времени существовали византийские укрепления. Картина оставалась столь же разнообразной и в более поздние периоды (VII – X вв.). Тогда на территории, простиравшейся от Южных Карпат до Южной Трансильва-

нии, а также в южной и центральной части Молдовы возникла так называемая культура Дриду, или балкано-дунайская, сходная по своим основным чертам с культурой Болгарского царства, откуда, вероятнее всего, она и ведет свое происхождение.

Археологи констатируют на территории Трансильвании наличие многочисленных этнических групп. В этом регионе выявляют различные культурные пласты с ярко выраженной этнической принадлежностью. Картину разнообразных культур можно составить, исходя прежде всего из особенностей похоронных обрядов и ритуалов: кладбища типа Банд-Ношлака (поздние гепиды или, по мнению отдельных историков, гепидо-римляне), группы захоронений в Медиаше и Нушфалэу-Сомешени (славяне, иногда под сильным влиянием аварской среды), группа Гымбаш (авары), группа Чумбруд (возможно, моравские славяне), группа «Бландиана А» (обозначение культуры Дриду в Трансильвании), группа Клуж (по мнению К. Хоредта, уже связанная с приходом первых мадьяр).

Поворотным моментом в истории всего Карпатского региона стало нашествие авар, расселившихся на этих территориях в 567—568 гг. Таким образом был положен конец политическому контролю над этим регионом со стороны лангобардов и гепидов с их относительно непрочными политическими образованиями. Кроме того, авары служили проводниками интересов Византийской империи, умело осуществлявшей политику нейтрализации варваров без применения оружия.

Так, спустя век после нашествия гуннов эта обширная территория вновь переходит под владычество восточного народа, насаждавшего собственную модель устройства. Данные археологии позволяют сделать вывод, что Аварский каганат имел полиэтничную структуру, поглотив остатки германских народов (преимущественно гепидов), римлян и в значительной мере славян. Как представляется, именно аварское вторжение побудило последних к миграции. Спустя два десятилетия авары предприняли целый ряд походов против Византийской империи (проникая порой во внутренние районы Балканского полуострова). Их набеги привели к ослаблению дунайских границ и открыли путь славянским нашествиям.

Значительная часть территории теперешней Румынии оказалась под контролем Аварского каганата: собственно Трансильвания, Кымпия-Вестикэ (к северу и югу от Муреша) и расположенная ближе к северу Кымпия-Эрулуй. Есть предположения, что

по крайней мере до начала упадка военного могущества каганата (после неудачной осады Константинополя в 626 г.) авары косвенно контролировали и южнокарпатские области Румынии, особенно если принять во внимание, что в конце VI в. они совершили поход против поселившихся там славян. В таком случае это формальное владычество, иногда принимавшее форму совместных с другими племенами походов, существенно ослабло после 626 г., а с появлением протоболгар* на северо-востоке Балканского полуострова и вовсе прекратилось.

Интересным и показательным фактом для понимания позиции авар по отношению к Трансильвании является то, что они никогда не расселялись на данной территории, хотя их потребность в обеспечении контроля над путями, ведущими с северо-востока, не вызывает сомнений. Объясняться это может лишь отсутствием интереса к непригодной для жизни кочевников зоне. Проблема военного контроля над Трансильванией решалась с помощью славян, которых сначала допустили к бывшей римской границе по реке Муреш, а потом расселили еще южнее для выполнения определенных военных задач. Значительные группы славян в VI в. проникли в юго-восточную часть Трансильвании, о чем свидетельствуют раскопки поселений.

На северо-западе территория, заселенная первыми аварами, ограничивалась северной и северо-восточной частями среднего бассейна реки Эриу. Возможно, эта область находилась в зависимости от региональной группировки, имевшей военный и административно-политический центр в районе нынешнего венгерского города Нырегихаза.

Богатые могилы первых авар известны на Западной равнине (Кымпия-Вестикэ) — погребальный инвентарь здесь преимущественно относится к первой половине VII в. (Фелнак, Сынпетру-Джерман, Перегу-Маре, Шиманд). Большая часть аварских погребальных комплексов того времени сосредоточена в долине Муреша, в том числе во внутренней части Трансильвании. По местам расположения этих комплексов можно восстановить маршрут продвижения авар. Неясной остается ситуация с территорией

---

* *Протоболгары* (т. е. «первоболгары») — принятое в исторической науке условное название тюркских племен болгар (булгар), в конце VII в. создавших свое государство на территории сегодняшней Болгарии, основное население которого состояло из славян, позднее также ставших называться болгарами.

на южном берегу Муреша (Банат), где несколько захоронений явно аварского происхождения принадлежит к более поздней эпохе. Однако из литературных источников мы знаем, что на западе Баната в 596 и 599 – 601 гг. происходили аваро-византийские столкновения, во время которых византийский военачальник Приск разрушил три деревни гепидов, находившиеся там.

Таким образом можно сделать вывод, что часть Трансильвании — равнинные области на западе и северо-западе Румынии — входила в Аварский каганат и находилась под его политическим контролем. Что же касается собственно Трансильвании, то, по всей вероятности, авары проживали преимущественно в области среднего течения Муреша, что, возможно, связано с наличием там соляных копей. В целом создается впечатление, что Трансильвания не входила в сферу особых интересов каганата. В ранне-аварскую эпоху отдельные группы славян были расселены в юго-восточном регионе, другие допущены на северо-восточную границу (на северо-западе теперешней Румынии). Интересы авар там имели экономический и стратегический характер. Постепенно, с согласия и под контролем авар, территория обитания славянского населения расширилась как в юго-восточном, так и в северо-западном направлении. В стратегических пунктах на севере Трансильвании (долина Малого Сомеша) и за горами Месеш (низменность Шимлеу) уже со второй половины VII в. или, самое позднее, в начале следующего столетия были размещены другие группы славян (захоронения которых, вероятно, обнаружены в курганах в Сомешени и Нушфалзу). Предполагается, что они выполняли главным образом обязанности по охране северо-восточной границы каганата. Роскошный пояс (знак определенного социального или военного ранга), найденный в одном из курганов Сомешени, свидетельствует о существовании славянской знати, бесспорно испытывавшей сильное влияние аварской моды того времени.

Есть предположение, что со временем удельный вес славянского населения в Трансильвании (к которому еще в VIII в., возможно, прибавились другие группы славян, пришедшие с юга) увеличился, а часть авар подверглась славянизации.

С начала VI в. группы славян начали появляться к востоку от Карпат и даже в восточных районах Мунтении. Византийские источники упоминают о склавинах и антах⁸⁴. Со второй половины того же столетия стали учащаться нападения славян на византийскую границу на Дунае. Из литературных источников известны

многие военные вожди славянских племен этого времени на равнине Мунтении: Даврита, Ардагаст, Мусокий, Пирагаст. В середине VI в. Прокопий Кессарийский писал, что склавины имеют свои жилища за рекой, неподалеку от берега⁸⁵. События 602 г., когда произошел мятеж византийской армии на Дунае, покинувшей границу, и нападения славян и авар на Константинополь в 614—626 гг. привели к падению византийской дунайской границы и создали возможность массового поселения славян на Балканском полуострове. Другой важной вехой в истории Нижнего Подунавья явилось появление и расселение на южном берегу Дуная в 680—681 гг.⁸⁶ протоболгар. Этот момент оказался весьма благоприятным для проникновения туда новых славянских групп.

Очень важным был (и остается) вопрос об установлении точной даты появления первых славянских поселений в определенных областях современной Румынии. За редкими исключениями, большинство историков долго придерживались мнения, высказанного И. Нестором, согласно которому это событие следует отнести ко второй половине или последней трети VI в. И. Нестор считал, что на территории Румынии не существовало объектов «чисто славянских» в археологическом отношении, поскольку с самого начала славянская культурная среда испытывала сильное местное влияние.

Тем не менее на основе имеющихся в литературе данных можно было бы отнести начало расселения славян в регионе к более раннему периоду — первым десятилетиям VI в., — тем более если принять во внимание, что беспрестанные славянские нападения на империю в первой половине столетия не могли совершаться с баз, расположенных на большом расстоянии от Нижнего Дуная. Естественнее допустить, что в разные области старой Дакии славяне пришли не одновременно и что в более отдаленных областях на севере и северо-востоке они появились несколько раньше. Вероятнее всего, первая волна славян (склавины, носители пражско-корчаковской культуры) хлынула на территории, расположенные к востоку от Карпат, приблизительно в первой половине VI в., и к середине столетия они уже достигли Нижнего Подунавья. Установлено, что в течение последующего периода славяне продолжали расселение в западном и северо-западном направлениях, добравшись до предгорных районов Мунтении и, возможно, Олтении. На это указывают обнаруженные поселения и в особенности большое кладбище в Сэрата-Монтеору.

Сразу же после 568 г. группы славян перешли через Восточные Карпаты и обосновались в верхнем бассейне реки Олт, т. е. в юго-восточной части Трансильвании, о чем свидетельствуют исследованные там поселения (в Пойяне, Безиде, Филяшах). Поселения в Братей-1 и Братей-2, хотя и находятся западнее, похоже, иллюстрируют как раз смену типа поселений к середине VI в., поскольку археологи находят там свидетельства иного культурного пласта (удлиненные жилища с каменными печами, изготовленную от руки керамику и т. п.). В последние годы открыто также существование пласта раннеславянской культуры (датируется второй половиной VI в. — началом VII в.) в нижнем течении Сомеша (культура Лазури-Пишкольц). Интересно было бы проследить направление продвижения этих славян в сторону межкарпатской Трансильвании. Значительное число поселений и даже маленькое кладбище отмечены в долине реки Красна (представлявшей собой важный коридор, движение по которому не прекращалось и в другие периоды), особенно в ее верхнем течении. Данные, которыми мы располагаем, позволяют предположить, что авары (а согласно более поздним датировкам, возможно, и гепиды) временно блокировали продвижение этих групп у Месешских ворот, основного пути проникновения в Северо-Западную Трансильванию. Тем не менее раскопки могил в Доролцу (к югу от Месеша), датируемых первой половиной VII в., по всей вероятности, свидетельствуют о том, что тогда же славяне стали проникать в Трансильванию и из этой области.

Факт, что славяне обосновались в Трансильвании — на территории, находившейся под прямым контролем авар, можно объяснить только согласием новых владык Карпатского региона, руководствовавшихся экономическими и стратегическими соображениями: славяне выступали в качестве защитников северо-восточной границы каганата. Нет точных сведений о присутствии славян на Западной равнине. Однако не исключено, что какая-то их часть перешла через Северные Карпаты, достигла верховьев Тисы и, спустившись вниз по реке, добралась до банатского участка Дуная. Продвижение, безусловно, совершалось с согласия авар, не давших, однако, славянам возможности заселить эту область.

Свидетельства о начале расселения славян на территории сегодняшней Румынии и Бессарабии соответствуют первым материальным элементам раннеславянской культуры Ипотешти-

Чурел-Кындешти (к югу от Карпат) или Костиша-Ботошана-Ханска (к востоку от Карпат). Румынские специалисты говорят о тесном родстве между этими культурными комплексами и культурой Братей-Цага-Бихаря в Трансильвании. При их анализе обнаруживается этап, предшествовавший контактам со славянами (археологические пласты культуры Ипотешти-Чурел-Кындешти/Чирешану-Ипотешти-Кындешти и соответственно Костиша-Ботошана-Ханска) и датируемый второй половиной V в. и первой половиной VI в. На основе в целом идентичного содержания этих пластов (керамика, сделанная на быстром гончарном круге, керамика, изготовленная от руки «в дакийской традиции», или другие артефакты, связанные с римско-византийской культурой) можно предположить, что данные культурные группы представляли собой коренное романизированное население, в которое позднее влились славяне. Возникла гипотеза, что после перемещения части славян на южный берег Дуная эти культуры продолжили свое развитие, в результате чего к концу VII в. возникла культура Хлинча I в Молдове, а к началу VIII в. культура Дриду в Мунтении. Тем не менее независимо от времени исчезновения (в течение VII в.) поселений культуры Ипотешти-Чурел-Кындешти невозможно определить прямые связи между этой специфической культурной средой и культурой Дриду.

Наличие связи между находками, относящимися к концу IV в. и первой половине V в. (как в Костиша-Мэноае в Молдове или Чирешану в Мунтении), с одной стороны, и находками, относящимися к V—VII вв., — с другой, остается недостаточно аргументированным. В этом контексте на основании предположений о существовании на равнинной территории Румынии дако-римского населения со славянами продолжают споры о сохранении культуры Сынтана де Муреш — Черняхово в первые десятилетия V в. (иногда до середины столетия).

В конце концов, можно было бы допустить существование большого комплекса культур, который в VI в. распространился по всей территории Румынии, хотя зональные различия между ними еще не в полной мере исследованы. Тем не менее при внимательном рассмотрении впечатление единства создается как раз благодаря появившимся в этом столетии элементам, которые, вероятнее всего, связаны с ранней моделью славянской цивилизации (удлиненные жилища прямоугольной формы, каменные или глиняные печи, изготовленная от руки керамика типа Прага-Корчак или

Прага-Пеньковка, неглубокие захоронения в урнах). Утверждение, что на территории Румынии не встречаются раннеславянские поселения в чистом виде, нуждается в пересмотре. С точки зрения археологии (например, учитывая отсутствие керамики, изготовленной на гончарном круте) как славянские можно охарактеризовать хотя бы поселения на северо-западе Румынии (Лазури).

Аргументом, постоянно приводимым в поддержку романизованности носителей культуры Ипотешти-Чурел-Кындешти-Ботошана, являются предметы римско-византийского происхождения. Однако фиксируются и артефакты местного производства (в том числе нательные кресты, принадлежавшие христианам). Есть и другие возможные объяснения наличия таких артефактов, в особенности на территориях, находившихся в непосредственной близости от дунайской границы империи. Безусловно, своим происхождением они могут быть обязаны связям между славянским и римско-византийским миром (в том числе пленным).

События VII в. определили глубокие изменения в жизни поселений Северного Подунавья. Славяне стали количественно преобладать над восточногерманскими народами, господствовавшими над этим пространством в предшествующие века. Массовое расселение славян на южном берегу Дуная послужило основной причиной разрыва связей северного берега с Византийской империей. Поэтому данный момент можно считать временем прекращения континуитета в истории Нижнего Подунавья. Единственным элементом преемственности в этой зоне осталось романизованное население.

После периода разрыва культурной преемственности, последовавшего за исчезновением культуры Ипотешти-Чурел-Кындешти, зародился новый тип культурного синтеза, получившей название культуры Дриду («Бландиана А»). Эта культура восходит к VIII в. и представлена рядом некрополей к югу от Дуная, в Мунтении и Добрудже: Извору, Сату-Ноу, Обыршия, Султана, Кастелу и др. Культура Дриду продолжала развиваться и в последующие столетия, распространившись и на территории, включавшей юг Трансильвании. Поначалу ее считали «древней румынской» культурой. Однако для нас существенно не этническое определение, а уровень цивилизации, представлявшей собой более высокую ступень по сравнению с VII в. Это была надэтническая материальная культура VIII – IX вв., демонстрирующая степень византийского влияния в Балкано-Карпатском регионе.

В VIII–IX столетиях отдельные районы к северу от Дуная, в Мунтении, вошли в состав первого Болгарского царства. Эту территорию византийские летописцы, видимо, называли «Болгарией за Дунаем». Одной из основных целей установления болгарского владычества на северном берегу Дуная был контроль за «соляным путем», пролежавшим из района Праховы и Бузэу. Крепость в Слоне (уезд Прахова), относящаяся к VIII–IX вв., по всей вероятности, предназначалась для защиты ущелья неподалеку от соляных копий в Слынике. Рунические знаки на кирпичах очень похожи на найденные в Болгарии (Плиска, Преслав) и говорят о связях с протоболгарами. Археологические раскопки подтверждают распространение власти болгар в небольшой зоне на юге Трансильвании, где она продержалась до первых десятилетий X в.

Восточнороманский мир и румынский язык в контексте формирования романских языков

Сохранение восточнороманского мира. Поселение славян на северном берегу Дуная и Балканском полуострове повлекло за собой важные изменения для местных сообществ и наложило специфический отпечаток на культурные и лингвистические трансформации, постепенно происходившие в Юго-Восточной Европе, начиная с предшествующих веков.

Зона, о которой идет речь, слегка вытягиваясь к западу, охватывала следующие римские провинции: северодунайскую Дакию, две южнодунайские Дакии — Рипенскую (Прибрежную) и Срединную, Малую Скифию, Мёзию Вторую, Мёзию Первую, Далмацию, Паннонию Вторую, Паннонию Валериеву, Паннонию Первую, Норик Рипенский, Норик Срединный. В этих регионах преобладала римская цивилизация и господствовал латинский язык. Северобалканский романизированный регион заметно отличался от южного, где преобладала греческая культура. Такой вывод сделал К. Йиречек, изучая распространение надписей, хотя существует множество доказательств неверности этого суждения. Большая часть этих территорий продолжала и в последние десятилетия V в. входить в Западную Римскую империю вплоть до ее исчезновения как политического организма. Латиноязычное население продолжало сохраняться в регионе, несмотря на многочисленные набеги, войны и разрушения, приводившие к его со-

кращению, перемещениям и бегству множества людей в более безопасные места.

На всем протяжении существования перечисленных провинций латинский не только являлся официальным языком и *lingua franca*, но стал родным для большинства населения. Столь широкому распространению он обязан романизации и смешению коренных жителей и пришельцев, которые, не являясь римлянами, имели разный уровень владения языком. Разговорным для простых людей в дунайских провинциях стал живой язык — народная (вульгарная) латынь. Трудно с точностью определить, когда классическая латынь превратилась в мертвый язык и когда на ее основе сформировались романские языки. Лингвистические преобразования происходят медленно и незаметно, а процесс передачи языков от одних народов другим продолжается непрерывно. Поэтому мнения специалистов о времени превращения латинского в другие языки заметно разнятся.

Лингвисты пришли к заключению, что в Балкано-Дунайском регионе в VI в. латынь уже подверглась сильным изменениям, так что можно говорить о языке, носящем название «балканороманский» или «восточнороманский». Речь идет о стадии, предшествовавшей появлению романских языков в восточной части римского мира. Другие авторы назвали данный этап «дунайской латынью». В качестве весомого лингвистического аргумента сторонники этой теории приводят фразу «*torna, torna fratre*»* из эпизода, переданного Феофилактом Симокаттой⁸⁷, а позже византийским летописцем Феофаном Исповедником⁸⁸. *Epihorios glossa* и *patrios fone*, т. е. «местный язык», «родительский язык», — как определяют греческие авторы язык фразы «*torna, torna fratre*» (явно не греческий) — это разговорный язык романского населения Балкан в конце VI в. До начала следующего века латынь тем не менее оставалась официальным языком администрации Византийской империи. Однако вряд ли на ней говорили в сельской или даже городской среде.

Расселение славянских масс на Балканском полуострове с начала VII в. и их продвижение в юго-западном направлении имели важные последствия для эволюции восточнороманского мира, который вследствие этого был окончательно изолирован от Италии и латинского Запада (особенно начиная с VIII в., когда славяне

---

* «Вернись, вернись, брат».

обосновались в Далмации). С этого времени восточнороманский мир был замкнут в пределах Балканского полуострова, превратившись в балканороманский мир. Другим следствием прихода славян на южный берег Дуная стало разделение общего дако-мезороманского ствола на две ветви, поскольку некоторые группы дунайских представителей романского мира были оттеснены на юг. В VII – X столетиях в результате их эволюции сформировались аромынские диалекты.

Румынский язык — наследник восточнороманского мира. В поле зрения историков и лингвистов долгое время находились три основные проблемы: территория образования румынского языка, исторические рамки завершения этого процесса и механизмы превращения румынского в отдельный язык в сопоставлении с другими романскими языками. Реконструкция указанных процессов, предложенная историками, основывалась в большей степени на «теории преемственности», рассматривавшей преемственность как линейный процесс, этнокультурную и лингвистическую цепь, звенья которой непрерывно формировались со времен античной латыни Траяновой Дакии до момента появления румынского языка и румынского народа. В качестве основных доказательств этой теории использовались данные археологии и нумизматики. Эта концепция базировалась также на многочисленных предположениях и гипотезах, заполнявших лакуну в источниковой базе. Лингвисты в качестве основного источника использовали румынский язык наряду с другими диалектами и языками, соприкасавшимися с ним. На основе последних результатов исследований истории румынского языка сформировалась новая концепция «мобильного континуитета» (А. Никулеску). Таким образом, происходит нюансировка, необходимая для определения составляющих того, что прежде именовалось просто «континуитетом» и в силу своей односторонности казалось обреченным на окаменелость и стагнацию. Идея «мобильной преемственности» исходит из различий между двумя типами романского мира — *Romania antiqua* и *Romania nova** — в разные периоды. Первая размещалась главным образом в Трансильвании — центре бывшей Траяновой Дакии. Ее можно сравнить со шкурой леопарда, поскольку она состояла из ряда разнородных «колыбелей», где упро-

* «Древняя Романия», «Новая Романия» (лат.).

чилося лингвистическое латинское наследие эпохи провинции Дакия. Помимо этого старого романского мира существовали и вторичные, более обширные по территории зоны, из которых сформировалась «новая Романия». Общности этого нового романского мира состояли из дако-римлян и некоренных жителей, говоривших на вновь образовавшемся румынском языке. Они населяли обширные пространства, не имевшие никакой связи с поселениями Римской империи или провинции Дакия. Лингвистические исследования показали, что между «Древней» и «Новой Романией» происходили взаимные перемещения и существовало прямое и постоянное общение. Отсюда можно сделать вывод, что у румынского языка была не одна «прародина», а много. Преемственность «Древней Романии» не следует трактовать как нечто неизменное на одних и тех же землях в течение веков. Под таковой следует понимать сохранение языка, устойчивость его позиций и передачу из поколения в поколение в «Новой Романии». Ни Карпаты, ни Дунай никогда не отделяли румынские общины друг от друга и не являлись препятствием для контактов между зонами, входившими в «Древнюю» или «Новую Романию». В Карпато-Дунайском и Балкано-Дунайском регионах румынам удалось создать, проходя через чередуемые периоды сближения и разобщенности своих поселений, «мобильную преемственность» на пространстве, охватывавшем «Древнюю» и «Новую Романию».

Что касается времени возникновения румынского как отдельного самостоятельного языка, то отсутствие письменных документов раннего средневековья очень затрудняет точное определение этой даты. Наиболее часто используемый метод — это сопоставление с периодом появления других романских языков на Западе. Несколько письменных документов помогают сделать важные уточнения. Так, в 813 г. в эдикте, изданном городским советом французского города Тур, говорилось о необходимости переводить проповеди с латыни *in rusticam Romanam linguam*^{*}. 842 годом датируется знаменитая Страсбургская присяга сыновей Карла Великого — старейший сохранившийся текст на старофранцузском. В этот же период, подразумевая различие между романскими и германскими языками на европейском Западе, Гаймон Оксеррский пишет о *lingua Romana*. Анонимный летописец XII в. из Диоклеи (Дукли) упоминает о сходных фактах в регионе

^{*} «На деревенский романский язык» (лат.).

восточнороманского мира IX – X вв. «*Bulgari... ceperunt... totam provinciam Latinorum, qui illo tempore Romani vocabantur, modo vero Morovlachi, hoc est nigri Latini vocantur*»*. Константин Багрянородный в X в. выделял в Балканском регионе *romanoi*, т. е. романоязычных, противопоставляя их *romaioi*** , говорившим на греческом в Византийской империи. Эти факты подтверждают предположение о параллельном развитии западных романских языков и румынского, а также романских диалектов на Балканах.

Следовательно, в IX – X вв. на Западе имелось уже достаточно свидетельств, подтверждающих существование романских языков. В Дунайском бассейне латинский превратился в румынский после отделения от Италии и латинского Запада романского мира Балкан, ставших вследствие славянских миграций изолированным романоязычным островом. Если на Западе существовала *Romania continua****, «романская преемственность», то румынский язык развивался в нелатинской культурной среде. Следует допустить, что о появлении нового романского, т. е. румынского языка, в Карпато-Дунайском регионе можно говорить начиная с VIII – IX вв., т. е. после прихода славян. Поэтому сегодня очень важно осмыслить механизмы этого процесса.

Первые славяне, хлынувшие в северодунайскую Дакию и на южный берег Дуная в VI – VIII вв., и местные романоязычные жители на первоначальном этапе были билингвами. Их постоянное присутствие в Северном Подунавье подтверждается не только археологическими находками, но и румынской топонимикой, по большей части славянского происхождения. Контакт между этими двумя сообществами благоприятствовал и в чем-то сходный уровень общественного устройства. Славянские общины мало чем отличались от романских. Причины преобладания того или иного языка имели демографический и культурный характер. Этническое соотношение населения в Северном Подунавье вынуждало славян знакомиться с романским языком, тогда как в Южном Подунавье романское население осваивало славянский. Различия между материальными культурами двух сообществ сглаживались очень быстро, что обусловило сложность этнической идентифика-

* «Булгары... захватили... всю провинцию латинян, которые в то время звались римлянами, теперь же зовутся моровлахами, т. е. черными латинянами» (лат.).

** То есть «ромеям» (букв. «римлянам»), как называли себя подданные Восточной Римской империи (Византии).

*** Непрерывная Романия (лат.).

ции сельских общин этой эпохи. Там, где был распространен романский язык, «славяне изучали романский, преобразуя его в румынский», как точно сформулировал А. Николеску. По словам того же автора, именно этим следует объяснять причины «индивидуальности румынского языка среди других романских языков». Славянский вклад зафиксирован в значительном слое слов славянского происхождения в румынской лексике, в некотором влиянии на морфологию и фонетику, в топонимике, частично в гидронимике, а также в антропонимике. Сравнивая удельный вес древних германских элементов в западных романских языках и славянских элементов в румынском языке, можно сделать вывод о количественном преобладании во втором случае последних. Впрочем, какая-то часть славянизмов влилась в язык лишь в средние века благодаря культурному и религиозному воздействию православного славянства Болгарии.

Гипотезу, призванную объяснить этот процесс с исторической точки зрения и во многом близкую вышеизложенным идеям, много лет назад сформулировали и историки. Речь идет о теории «обширных групп населения», выдвинутой П.П. Панайтеску. Согласно этой теории, романское население «обширной группой» распространялось с севера Дуная до гор Пинда и города Салоники в симбиозе с другой «обширной группой населения» — славянской. Романскому населению к северу от Дуная удалось ассимилировать славян, в то время как жители южного берега Дуная были ассимилированы более многочисленными славянами.

Итак, как мы уже показывали, носители *lingua Romana* в балканской зоне были названы *Romani*. Вполне вероятно, что это название в определенный момент распространилось на всю территорию Восточной «Романии», идет ли речь о «Древней» или о «Новой». Слово «римлянин» (*Romanus*), превратившись в «румын», стало единым этнонимом для жителей романских сообществ в Карпатах и по обоим берегам Дуная. Это произошло, скорее всего, в VIII—IX вв. одновременно с лингвистическими изменениями, которые привели к преобразованию романского языка в румынский. Соседи румын использовали другое название — «влах» и его варианты «волох», «блак». Данный термин вначале употребляли германские, а потом и славянские племена для обозначения романских народов. Именно это название использовали византийские историки, писавшие о романском населении Балкан начиная с X—XI веков.

Примечания

Сокращения названий источников и литературы здесь, а также в примечаниях последующих глав, раскрыты в «Списке сокращений», приведенном на с. 677.

- 1 *Suetonius*. Nero, 13.
- 2 *Cassius Dio*. LXVII, 7, 2.
- 3 *Cassius Dio*. LXVIII, 7, 2–4.
- 4 *Ammianus Marcellinus*. 24, 3, 9.
- 5 ILS 1029.
- 6 *AnnEp*, 1934, 2 (= IDRE II 367).
- 7 CIL VI 2074 = IDRE I 4.
- 8 IDR II 559.
- 9 *Cassius Dio*. LXVIII, 9, 4.
- 10 CIL VI 1801 = ILS 854
- 11 IDR III/3 276.
- 12 IDR III/3 275.
- 13 *Cassius Dio*. LXVIII, 8.
- 14 *Cassius Dio*. LXVIII, 9–10.
- 15 IDRE I 95.
- 16 *Cassius Dio*. LXVIII, 11–12.
- 17 IDR I, 1 (dipl. D1)
- 18 RIC II 288, nr. 261.
- 19 *Strabo*. 12, 5, 5, 567; 12, 6, 5, 559.
- 20 *AnnEp* 1990, 860.
- 21 CIL III 1443 (= IDR III/2 1); IDR I 1–3.
- 22 CIL III 7904 (= ILS 2417; IDR III/2 205)
- 23 IDRE II 381.
- 24 SHA, Vita Hadr., 6, 6–8.
- 25 CIL V 32 = ILS 852.
- 26 SHA, Vita Hadr., 6, 7.
- 27 SHA, Vita Hadr., 7, 3.
- 28 SHA, Vita Hadr., 6, 6.
- 29 *Eutropius*. VIII, 2, 2; *Rufius Festus*, VIII, 2.
- 30 IDR I 4, 5, 6.
- 31 CIL III 1457 (= IDR III/2 90); CIL VI 1377 (= ILS 1098, IDRE I 10).
- 32 IDRE II 471.
- 33 IDRE II 474.

- 34 *Ptolemeus. Geogr.*, III, 8.
- 35 CIL III 867.
- 36 *Cassius Dio. LXVIII*, 11.
- 37 *Eutropius. VIII*, 6, 2 («*Idem de Dacia facere conatum, amici deterruerunt, ne multi cives Romani barbaris traderentur*»).
- 38 IDR I, TabCerD VI.
- 39 IDR I TabCerD VII.
- 40 IDR I TabCerD VIII.
- 41 IDR III/3, 283.
- 42 IDR III/3, 294, 366, 367.
- 43 IDR I TabCerD XIV.
- 44 IDR I TabCerD III.
- 45 CIL III 1443 = IDR III/2 1.
- 46 *Ulpianus. Digestae*, L 15, 1 8–9.
- 47 CIL III 1433 = IDR III/2, 266.
- 48 Pan. Lat. 4 (8), Paris, 1952 (ed. Galletier).
- 49 *Eutropius. 9*, 8, 2.
- 50 *Festus. 8*, 2.
- 51 *Eutropius. 9*, 15.
- 52 *Eestus. 8*, 2.
- 53 SHA, Vita Aurel., 39, 2.
- 54 *Iordanes. Rom.*, 217.
- 55 *Cassius Dio. LI*, 29.
- 56 ILS 986.
- 57 *Suetonius, Vespasianus. VIII*, 4.
- 58 *Strabon. VII*, 3, 2, 12-13; *Cassius Dio. LI*, 23–26; *Plinius. Nat. Hist.*, IV, 11 (18).
- 59 *Strabon. VII*, 3, 3, 13; 14, 5; *Plinius. Nat. Hist.*, III, 26, 149.
- 60 *Strabon. VII*, 3, 3, 13, 15, 17; *Ovidius. Tristia*, II, 198; *Ptolemeus. III*, 10, 4, 7.
- 61 *Strabon. VII*, 3, 3, 13; *Plinius. Nat. Hist.*, IV, 11, 41; *Ptolemeus. 10*, 7.
- 62 *Ovidius. Ex Ponto*, I, 8, 11–20; IV, 7, 1–55; 9, 75–80.
- 63 *Ovidius. Tristia*, III, 10, 5; IV, 1, 67.
- 64 ISM III, 83.
- 65 ISM III, 176, 177.
- 66 ISM II, 141; ISM II, 134; 136; V, 191, respectiv 133.
- 67 Tab. Peut., VIII, 6; *Plinius. Nat. Hist.*, IV, 11, 44; *Eutropius. VI*, 10.
- 68 ISM I, 67–68.
- 69 ISM I, 324, 326–328, 330, 332.
- 70 CIL III 14 442.
- 71 ISM I, 343–347, 349.
- 72 ISM I, 358, 359–360.

- 73 *Ptolemeus*. III, 10, 6.
74 CIL III 14 437, 2.
75 ISM V, 151, 194.
76 ISM V, 62 – 64.
77 CIL III 14 437, 2.
78 *Aurelius Victor*. *Epitome*, 17; 41, 18.
79 *Ammianus Marcellinus*. XXVII, 5, 2.
80 IGLR, 278.
81 *Iulian*. *Caesares*, 24.
82 *Ambrosius*. *Expositio evangelii secundum Lucam*, 10.
83 *Ammianus Marcellinus*. XXXI, 3, 4 – 7.
84 *Procopius*. *De bello gotico*, I, 14, 25, 29; *Iordanes*, V, 33 – 34.
85 *Procopius*. *De bello gotico*, I, 27, 1.
86 *Theophanes*. I, 359.
87 *Theophylactus Simocatta*. *Hist.*, II, 15, 6 – 9.
88 *Theophanis*. *Chronographia*, I, Anno 6079 (587), 14 – 19.

III. Румынское общество раннего средневековья (IX–XIV вв.)

Румыны и славяне в IX–X вв.

После окончания эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв.), последствия которого ощущались в Трансильвании и западных землях на протяжении всего VIII в., на территории между Северными Карпатами и реками Тиса, Днестр и Нижний Дунай начался период политической стабильности, относительного экономического прогресса и постоянного роста населения. Эти изменения произошли в первую очередь вследствие упрощения политического ландшафта: напряженная эпоха сосуществования трех каганатов (Аварского, Булгарского и Хазарского) и борьбы между ними завершилась с падением власти аваров под ударами франкского короля Карла Великого (791–796). После этого Хазарский каганат еще в течение почти двух столетий сдерживал вторжения кочевников из евроазиатских степей, смягчая силу их удара.

Важная особенность этого периода состояла в упрочении румыно-славянских связей и в культурном синтезе, сделавшем возможной ассимиляцию северодунайских славян румынским населением к концу XI в. Сближению славянского и романского населения способствовали различные факторы. Принятие славянами христианства и создание религиозной организации, подчиненной болгарской церкви, способствовали интенсификации связей между двумя сообществами. В IX–XI столетиях произошло максимальное расширение лингвистических румыно-славянских контактов, когда в румынский язык вошло значительное количество терминов славянского происхождения. Славянская письмен-

ность — кириллица, появившаяся в среде книжников важного религиозного центра в Охриде, — получила широкое распространение на всем румынском пространстве. К самым ранним примерам ее использования относятся наскальные надписи в Басарабь-Мурфатларе и надпись в Мирча-Водэ (X в.). Формирование в ходе христианизации культурной однородности представляло собой важный шаг в сглаживании различий между славянским (или славяноговорящим) слоем и массой румынского населения. Следы сосуществования со славянами сохранялись, особенно в равнинном регионе, в течение всего средневековья. Они нашли отражение, например, в семантической антитезе между боярами (*boieri*) (термин болгарского происхождения), составлявшими класс феодалов, и румынами (*rumani*) — название, под которым было известно зависимое крестьянство. Славянское влияние в эпоху становления структур средневекового общества в Карпато-Дунайском регионе наложило глубокий отпечаток на все институциональное, религиозное и культурное развитие румын в средневековый период.

Зачатки государственного устройства

Предположительная реконструкция политических структур Карпато-Дунайского региона, произведенная путем обобщения археологических данных о расположении и группировке поселений, может быть дополнена сведениями письменных источников. Одним из древнейших упоминаний о северодунайских румынах мы обязаны древнерусской Повести временных лет, где сообщается о «волохах» с Паннонской равнины и о битвах, которые они совместно со славянами вели против венгерских захватчиков. Более полные сведения о политических реалиях, с которыми столкнулись венгры в Дунайском бассейне в конце IX в. и начале следующего столетия, можно почерпнуть из исключительно ценного с исторической и литературной точки зрения сочинения «*Gesta Hungarorum*»*, автор которого известен как *Anonymus (P. dictus magister)*** . Аноним получил образование в Париже и стал впоследствии нотарием одного из королей Венгрии, которого на осно-

* «Деяния венгров» (лат.).

** Аноним, именуемый магистром (лат.).

ве анализа исторического контекста можно отождествлять с Белой II. Аноним писал свое знаменитое произведение в середине XII в. Как считает Хоман Балинт, он черпал вдохновение из первоисточника, известного под названием «Деяния венгров» и составленного в конце правления Ладислава (Ласло) Святого (1077 – 1095), в котором, в свою очередь, были использованы устные предания о княжеской династии Арпадов и венгерской знати. Известия Анонима, подтвержденные сведениями других письменных источников и археологическими исследованиями, дают достоверную картину политических отношений на территориях к востоку от Тисы в последнем десятилетии IX — начале X в.

Границы расположенного там государственного образования, во главе которого стоял вождь (*dux*) Менуморут, унаследовавший власть от своего деда Морута, проходили по руслу рек Тиса, Муреш и Сомеш, а на востоке его отделял от «залесской страны» лес Игфон. Резиденция Менуморута находилась в крепости Бихаря (*castrum Bihor*). Ее существование полностью подтверждают данные археологических раскопок. Кроме нее Аноним упоминает и другие подобные крепости (*castrum Zotmar, castrum Zyloc*). Вместе с обнаруженными при раскопках поселениями и укреплениями они дают представление о государственном организме, находившемся в процессе развития. В «стране Менуморута», располагавшейся в долине Тисы, жили разные народы. Этот факт отмечает Аноним, указывая, что армия Менуморута состояла «из солдат, набранных из всех племен»¹. Рядом с румынами и славянами в тогдашнюю эпоху на этой территории обитали хазары, секеи и, вероятно, остатки аварского населения. В этой ситуации попытки выявить этническую принадлежность Менуморута следует признать абсолютно безнадежными и рискованными. Его имя происходит от термина *marot*, на старом мадьярском языке обозначавшего мораван. Этот «герцог» обращался к посланникам Арпада «с гордым сердцем болгарина» (*Bulgarico corde, superbe*)². К тому же, будучи подданным константинопольского императора — и как следствие, возможно, христианином, — Менуморут, согласно туманным утверждениям Анонима, придерживался полигамной формы брака. Политически это государственное образование поначалу ориентировалось на Моравию. Но хотя его страна находилась на стыке двух мощных зон влияния — Болгарии и Великой

¹ С болгарским гордым сердцем (*лат.*).

Моравии, Менуморут, обладавший преимуществом в виде грозной военной силы и возможности надзора над важным участком соляной торговли, к концу IX в. добился независимости от этих двух славянских государств, соперничавших на Паннонской равнине. Именно в таком ключе можно рассматривать его легитимистские обращения к почтенному, далекому и, следовательно, весьма необременительному сюзерену — константинопольскому императору.

К югу от Бихорянского воеводата, на территории, ограниченной Карпатами и руслами рек Муреш, Тиса и Дунай, Аноним фиксирует существование раннегосударственного образования, возглавлявшегося Гладом, которого он называет *dux illius patrie**. Относительно большое количество укрепленных поселений, отмеченных на этом пространстве: *Urbs Morisena* (Чекад), *castrum Keuee/Kewe* (Кувин), *Ногот* (возможно, Паланка или Прескари), крепость *Vrscia* (Оршова или, по другой версии, Выршец), — не позволяет точно идентифицировать его резиденцию. Большая часть данных поселений располагалась неподалеку от Дуная. В течение многих веков после оставления Дакии римлянами в эпоху Аврелиана эта территория находилась под римским и римско-византийским военным контролем. С другой стороны, археологические раскопки во Владимиреску (Глоговэц) — Араде позволили выявить, помимо гражданского поселения VIII—IX вв., большое деревоземляное укрепление трапециевидной формы, первую фазу строительства которого можно с уверенностью датировать IX—X вв. Оно было уничтожено сильным пожаром, возможно, случившимся во время венгерского нашествия. Это, вне всякого сомнения, очень важное укрепленное поселение было связано с владычеством Глада, тем более что имя воеводы сохранилось в ряде топонимов в районе северного течения Муреша. Этническое многообразие населения воеводства Глада, столь же смешанное, как и в «стране Менуморута», нашло отражение в составе его многочисленной армии, в рядах которой болгары и румыны служили вместе с тюркскими народами (возможно, печенегами, кабарами или поздними аварами), которых Аноним обозначал этнонимом «куманы». Что касается положения банатского государства в региональном политическом контексте, то здесь сведения Анонима полны намеков: «вышедший (*egressus*) из крепости Видин (*Bundyn*), с помощью куманов», пользовавшийся-

---

* Вождем этой страны (*лат.*).

ся поддержкой болгарских князей в своих столкновениях с венграми, Глад в эпоху болгарского царя Симеона, вероятно, теснейшим образом связан с политической системой болгарской державы.

К востоку от Бихорьянского воеводата, по другую сторону леса Игфон, по свидетельству Анонима, лежала *terra ultrasilvana**, «которой правил Джелу, румын» (*ubi Gelou, quidam Blacus, dominium tenebat*). Жителями этой страны были румыны и славяне (*Blasii et Sclavi*), которых нотариус короля Белы считал самыми ничтожными (*viliores*) людьми на всем свете. Вооруженные только луками и стрелами, они терпели много бед от «куманов и печенегов». Их воевода Джелу был слабее (*minus tenax*) и не имел хороших воинов. Тем не менее «землю Джелу» омывали лучшие реки, а золото в этой стране было «самым чистым». Там также добывали соль. В отличие от государственных образований Менуморута и Глада пределы территории «залесской земли» не были достаточно четко очерчены, за исключением ее западной границы, где были обозначены лес Игфон и Месешские ворота. По сравнению с более старыми гипотезами — порой весьма надуманными — при новом подходе к изучению данных становится очевидно, что эта «земля» имела довольно небольшую площадь, охватывая лишь бассейн Малого Сомеша. В этом же регионе, бесспорно, находилась и крепость-резиденция воеводы (*castrum suum iuxta fluvium Zomus positum***)³, о которой упоминает Аноним, не сообщая ее названия. В границах укрепленных поселений в Клуж-Мэнэштуре и Дэбыке — где, как предполагали прежде, находилась крепость — в ходе археологических раскопок не обнаружили никакого более раннего слоя, который бы указывал на ее существование в IX в. Резиденцию Джелу следует искать, скорее всего, в районе населенного пункта Джилэу, который, по-видимому, получил свое название от имени «герцога», указанного в «Деяниях». Там же в любом случае располагался перекресток путей, связывавших соляные и золотые копи долины Ариеша и районы Кожокна-Сик с центром воеводата Менуморута. Впрочем, то, что площадь «страны Джелу» была небольшой, явствует из описания его конфликта с венграми. Как повествует Аноним, Джелу был единственным из многочисленных «герцогов», упоминаемых в «Деяниях», который, как только те нарушили границы его страны, лично встретил

* Залесская земля (лат.).

** Замок его, расположенный на берегу реки Зом (лат.).

захватчиков, что характерно для власти примитивного типа. Кроме того, «страна Джелу» оказалась единственным завоеванием конфедерации венгерских племен под предводительством Арпадов на раннем этапе их переселения, когда один из племенных вождей с ходу захватил ее.

Анализ длительного процесса завоевания венграми межкарпатского пространства позволяет на основе уже приведенных фактов и других признаков предположить существование в других районах Трансильвании еще нескольких государственных образований, сходных по типу с государственным образованием в долине Сомеша. В их число входили «земля Хацег», «земля Олт (Фэгэраш)», «земля Марамуреш», располагавшиеся в сопредельных областях и сохранявшие свою автономию на протяжении нескольких столетий. Другие образования, находившиеся в более привлекательных и доступных регионах, были завоеваны венграми и на протяжении XI–XIV вв. вошли в учрежденные последними административно-территориальные единицы. Самым значительным из политических образований, несомненно, был так называемый Бэлградский воеводат, располагавшийся в центре Трансильвании, в среднем течении Муреша. Его столица, находившаяся в Бэлграде (Алба-Юлия) в пределах старых укреплений римского города Апул, являлась в IX в. центром территориального формирования, для которого было характерно наличие элементов западнославянской (моравской) материальной культуры и культуры Дриду. Присутствие последней довольно необычно для равнинного пространства. Учитывая экономическое значение этого района добычи соли и золота, можно говорить о непрерывном проживании на этой территории мораван и болгар. Эти две группы славян постоянно враждовали друг с другом на протяжении IX в.

На равнинном пространстве в северо-восточной части румынской Молдовы и в междуречье Прута и Днестра на Украине имеется приблизительно 12 укреплений, относящихся к IX–XI вв. (укрепленные поселения в Фунду-Херци и Дерске, крепости в Тудоре, Орофтяне, Баранге, Алба-Худешти, Гордищах, Ибэнештях, Кобыле и других местах). Они подтверждают существование государственных образований с политическим центром в укрепленном поселении в Фунду-Херци. Это протогосударство, располагавшееся в естественных границах географического ландшафта, известного под названием «Кодры Херции», было населено христианами, о чем свидетельствуют найденные в этом ареале подвес-

ные кресты и предметы с вырезанными на них крестами. Название «кодры», отмеченное также к северу от этого образования (Кодры Косьмина), имеет в этом случае, скорее всего, историческое значение и определяет границы политической организации определенного типа. Можно также выявить наличие хорошо организованной территориально-политической структуры к югу от Карпат, в районе Праховы. Его ядром являлась каменная крепость в Слоне — единственная на всем пространстве между Южными Карпатами и Дунаем.

Что касается Добруджи, то найденная в долине Карасу в Мирча-Водэ (уезд Констанца) надпись, датированная 6451 годом (943), говорит о существовании некоего *jupan Dimitrie* («господина Димитрие»). Утверждение его власти происходило в условиях болгаро-византийских столкновений и кризиса Болгарского царства. Надпись сделана на известняковом блоке явно строительного происхождения, — возможно, это остатки крепости, где находился политический и военный центр какого-то раннегосударственного образования с ядром в средней зоне между Дунаем и Черным морем. Тем же временным промежутком датируется другая надпись на кириллице, обнаруженная поблизости от Мирча-Водэ, в монастырском наскальном комплексе в Басарабь-Мурфатларе. В ней упоминается — если расшифровка оказалась правильной — *jupan Gheorghe* («господин Георге»). Новые политические образования местного характера утверждались в Нижней Добрудже в эпоху кризиса византийского владычества в последних десятилетиях XI в. Восстание придунайского населения в 1072 — 1074 гг., вспыхнувшее после установления монополии на пшеницу советником императора Михаила VII Дуки — Никифором — и отмены субсидий, выдававшихся на охрану границы, привело к выдвижению из среды местных жителей предводителя по имени Татуш (*Tatous*). Подчинившись по собственной воле императору Никифору III Вотаниту, Татуш, называвшийся еще и Халис (*Chalis*), вновь объявился в 1086 г. в качестве правителя Дристры, на этот раз вместе с двумя другими вождями — Сеславом (*Sesthlav*) и Сацей (*Satzas*), управлявшими Вичиной и другими поселениями в Добрудже и на северо-востоке Болгарии. Эти местные правители, по поводу этнической принадлежности которых можно лишь строить догадки, примкнули к печенегам и, по свидетельству Анны Комнины⁴, выступали против господства Алексея I Комнина.

X–XI вв.: нашествия с востока и их последствия

Приход в Паннонию венгров. Первые венгерские походы на румынские территории. На протяжении VIII столетия венгры не раз появлялись в степях Северного Причерноморья, продвигаясь туда со Средней Волги. Вначале они входили в политическую систему Хазарского каганата, в рамках которой установили прочные связи с хазарами, болгарами и другими тюркскими сообществами региона, испытав при этом их сильное влияние. В этот период венгерский язык вобрал в себя массу тюркских слов, связанных со скотоводством, земледелием и другими занятиями. Ощутимое воздействие тюрков в сфере антропологии привело к возникновению гипотезы о заимствовании правящим слоем венгерского общества значительного количества тюркских компонентов. Расселившись в степной зоне, венгры оставили прежний образ жизни, основанный преимущественно на охоте и собирательстве, и перешли к пастушеско-кочевому укладу. Под влиянием разных народов, с которыми они входили в контакт (хазары, болгары, аланы и др.), венгры, в конце концов, освоили земледелие. Установление хазарского господства и возрастающая роль конников-кочевников в экономике привели к милитаризации племенного венгерского общества. Вооруженные набеги венгров, главным образом на земли славян, становились все более частыми, а захваченные ими славяне являлись важным источником дохода. Согласно сведениям восточных авторов, в период заселения венграми южных областей Восточной Европы они располагали войском, насчитывавшим почти 20 тыс. воинов. Ими управляли двое правителей, в рамках системы двойного верховенства, вероятно заимствованной у хазар: один правитель, имевший титул «дьюла» (*gyula*), выполнял прежде всего военные функции, тогда как другой, носивший титул «кенде» (*kundu*), скорее всего, обладал полномочиями в религиозной сфере.

К середине IX в. венгры вступили в конфликт с пришедшими с востока печенегами, оказывавшими на них все большее давление. Потерпев поражение, они вышли из-под власти Хазарского каганата и разделились на две группы, из которых только одна, под началом Леведия (*Levedias*), продолжила продвижение на запад. Венгры обосновались в регионе, известном под названием Ателькузу

(*Atelkuzu/Etelkuzu*), пока еще точно не идентифицированном, но с высокой степенью вероятности располагавшемся между Доном и Днестром. Воинственные племена венгров активно повели себя в Северном Причерноморье, и их военный потенциал привлек внимание суверенов из Центральной и Юго-Восточной Европы. Первое свидетельство о появлении венгров в Нижнем Подунавье восходит к 837 г., когда вместе с болгарами они выступили против византийцев. В 862 г. венгры, вероятно по просьбе моравян, впервые вторглись в пределы Центральной Европы — на территории, находившиеся под контролем Людовика II Немецкого. Подобные вторжения непрерывно происходили и в последующие десятилетия. В 881 г., приняв предложение моравского князя Святополка, мадьярские отряды подвергли опустошительным набегам земли в окрестностях Вены. В 892 г. в союзе с германским королем Арнульфом венгры выступили против моравян, а двумя годами позже совершили нападение на те земли Паннонии, которыми владели немцы. Итак, ко времени окончательного обоснования венгров в Паннонии в 896 г. они уже хорошо изучили характер этого региона, а также военный потенциал своих будущих противников.

В результате интриг императора Льва VI Мудрого (886 – 912), вовлекшего венгров в византийско-болгарский конфликт 895 – 896 гг., они вместе со своими союзниками кабарами перешли через Карпаты, и, подстрекаемые командующим византийским флотом на Дунае, выступили в поход на болгарскую столицу Преслав. Венгры успешно справились со своей задачей, чем сильно обеспокоили союзников. Византия согласилась, в конце концов, пойти на перемирие с царством Симеона, предложив последнему направить свою энергию на месть венграм. Вступив в союз со своими старыми врагами печенегам, болгары разбили венгров и разрушили их селения. Под напором объединенных сил венграм ничего не оставалось, как покинуть степи Северного Причерноморья и обосноваться на Паннонской равнине, что произошло приблизительно в 896 г.

Продвигаясь к новой области обитания, венгры перешли через Верецкий перевал — важнейший в Северных Карпатах. Этот факт нашел подтверждение как в венгерской исторической традиции (хроники XII – XIV вв.), так и в зарубежных источниках. Маршрут был им хорошо известен еще с предыдущих десятилетий. К тому же это был единственный перевал, который находился вне досягаемости войск царя Симеона. Переход каких-то

групп венгров через Восточные Карпаты вряд ли был возможен. Туманные сведения из *Chronicon pictum Vindobonense**, согласно которой Альмош, отец Арпада, был якобы убит в Эфделе (место их последней стоянки перед вторжением в Паннонию), не подтверждаются ни источниками, близкими к этой эпохе, ни данными археологии.

Обосновавшись поначалу на северо-востоке Карпатского региона — на периферии зон влияния Болгарии и Великой Моравии, — венгры удачно использовали их распри, чтобы закрепиться здесь. Ими были довольно быстро покорены *Sclavi, Bulgarii et Blachii***, которые, по сведениям Анонима, заселяли Паннонскую равнину, после чего венгры начали подчинять сильные и слабые раннегосударственные образования в соседних областях. По данным Анонима, после захвата пастбищных земель, необходимых для содержания овец, венгры в первую очередь позаботились об обеспечении контроля над соляными богатствами Трансильвании. Возможно, они совершали ряд походов с целью захвата северной части «страны Менуморута» и попытались вырвать из-под власти Джелу «залесскую землю». Центральные области «страны Менуморута» были захвачены и, в конце концов, подчинены венграм, обосновавшимся на Паннонской равнине сразу же после падения под ударами Великой Моравии. По сведениям анонимного нотариуса, подчинение этих территорий произошло на основе соглашения между Арпадом и Менуморутом. Последний дал согласие на брак своей дочери с Зултой (*Zulta*) — сыном правителя венгров. Известия «Деяний» подтверждают факт существования в этом районе по XII в. включительно автономной территориальной единицы (Бихарянский воевода), формальным правителем которой был наследник венгерской королевской короны. Что касается «герцогства» Глада, то походы против него, вероятно, последовали после смерти царя Симеона (927), когда власть Болгарского царства над северодунайскими территориями заметно ослабла. В этот же период господство венгров распространилось с севера Трансильвании на так называемый Бэлградский воевода, вскоре прекративший свое существование.

Походы венгров на восток от Тисы не были регулярными, что указывает на падение их интереса к этим территориям. Вплоть

* Иллюстрированной Венской хроники (лат.).

** Славяне, болгары и влахи (лат.).

до X в. мадьяры нападали главным образом на Центральную и Западную Европу. В свой первый большой поход в Юго-Восточную Европу венгры выступили лишь в 934 г., после первых неудач на Западе. Они решили воспользоваться кризисом Болгарского царства в годы после смерти царя Симеона. В течение первой половины X в. мадьяры постепенно переходят к оседлому образу жизни. Вследствие этого, а также из-за уменьшения добычи, захватывавшейся в ходе их грабительских набегов, размах венгерских военных кампаний в Центральной Европе заметно уменьшился. К тому же после поражений венгров в Саксонии (938) и Баварии (948) немцы предприняли первую карательную экспедицию в Паннонию, закончившуюся разграблением территории вплоть до Тисы и захватом большого количества пленных. Эти события стали предвестниками победы Оттона I Великого, разгромившего в битве на реке Лех под Аугсбургом (955) венгерские войска под командованием Булчу и Лела (Лехела) и покончившего с набегами мадьяр на западные земли. Страшный разгром 955 г. явился катализатором процесса реорганизации венгерского общества, в результате которой к концу X в. произошло укрепление королевской власти в ущерб наиболее воинственно настроенным и отсталым племенным элементам, ускорился переход к оседлости и было принято христианство. Эта эволюция происходила постепенно. Ее начало отмечено очевидным кризисом власти потомков Арпада, позволившим политическим образованиям на территориях к востоку от Тисы прервать более или менее прочные связи, соединявшие их с венгерской племенной конфедерацией в Паннонии.

В 953 г. один из правителей Венгрии (дьюла) принял крещение в Константинополе и привез с собой Иеротея, ставшего епископом «Турский», т. е. Венгрии. Господство этого правителя, как показали недавние исследования А. Маджару⁵, распространялось на территории в районе впадения Муреша в Тису, где было обнаружено огромное скопление золотых монет, выпущенных в правление византийского императора Константина VII Багрянородного. Возможный центр данного политического образования, включавшего северо-запад Баната, Арадскую долину (*Сатрия Арадului*) и современные комитаты Чонград и Бекеш в Венгрии, находился в местечке Дьюла. Неподалеку, в Фовеньеше, была обнаружена церковь, построенная, вероятно, в X в. Другие церкви, которые можно было бы связать с миссией Иеротея при условии

получения дополнительного материала в ходе археологических исследований, обнаружены в Ченаде и Кис-Зомборе. Этот племенной вождь из бассейна Нижнего Муреша установил отношения с Византией и принял христианство, в то время как прочие венгерские племена все еще оставались языческими. Он также учредил в своей резиденции епископскую кафедру, причем епископ советовал ему распространить ее духовную власть и миссионерскую деятельность на всю Венгрию. Политические устремления этого вождя вошли в противоречие с интересами потомков Арпада, а исчезновение упоминаний о нем, по всей видимости, следует связать с активизацией усилий князя Гезы I по централизации государственной власти в Венгрии.

Политические образования в Банате и Трансильвании накануне 1000 г. Княжества Дьюлы и Айтона. По соседству с владениями вышеупомянутого христианского дьюлы в течение всего X в. продолжало существовать государство в Банате, во главе которого стояли потомки Глада, возобновившие связи с южнодунайскими державами — Византийской империей и Болгарским царством. Венгерские вторжения во второй четверти X в. не уничтожили государственных образований на пространстве между Мурешем, Тисой, Дунаем и Карпатами. В «Деяниях венгров» ничего не говорится ни о пленении или убийстве Глада венграми, ни об установлении в этой стране власти другого правителя. Напротив, анонимный нотариус последовательно называет правителем данного образования на рубеже X — XI вв. Айтона (*Ahtum*), являвшегося потомком Глада и преемником его воеводской власти. Это отмечают и другие письменные источники. В *Vita Sancti Gerardi** описывается, как Айтонь, крещенный по греческому обряду в крепости Видин, жил в *urbs Morisena* и имел семь жен. Ему верой и правдой служило множество воинов и знати, у него было без счета табунов диких лошадей, а также лошади в конюшнях, бесчисленные стада овец, множество угодий и дворов (*allodia et curias*). Таможенники и стражи, поставленные им в портах на Муреше, облагали пошлиной соль, которую везли по этой реке из Трансильвании до Тисы, что приносило значительные доходы. В своей крепости-резиденции Айтонь воздвиг греческий монастырь с храмом Св. Иоанна Крестителя. Владения Айтона прости-

---

* Житии Св. Герарда (*лат.*).

рались от реки Криш на севере до Дуная на юге и от реки Тисы до земель Трансильвании (*ad partes Transilvanas*).

Благодаря многочисленному войску и несметным богатствам Айтонь чувствовал в себе силу противостоять попыткам венгерского короля Иштвана I (997 – 1038) завладеть его страной. Последовательно проводя политику централизации государственной власти, венгерский монарх сталкивался с целым рядом экономических трудностей. Это побуждало его к попыткам установления собственного контроля над зоной нижнего течения Муреша — важной транспортной артерии для добывавшейся в Трансильвании соли. Также нельзя упускать из виду причин конфессионального порядка: первый христианский король Венгрии (Иштван был коронован и получил знаки королевской власти, присланные Папой Римским Сильвестром II, 25 декабря 1000 г.) принял христианство западного типа. Иштван был заинтересован в вытеснении греческой модели христианства, имевшей большое распространение в восточных и южных областях королевства. Затеявая вооруженный поход против князя, правившего в долине Муреша, король прекрасно представлял, с какими трудностями придется столкнуться. Он заранее переманил на свою сторону командующего войском Айтоня по имени Чанадин (*Chanadinus*). Тайно бежав ко двору Иштвана, Чанадин был, по всей вероятности, заново крещен по западному обряду, после чего ему доверили командовать войском, выступившим против его бывшего господина. Однако война с Айтоном оказалась тяжелой даже для человека, отлично знакомого с его силами. Во время первого сражения Чанадин, переправившись через Тису, потерпел поражение. Он обратился в бегство, но в конце концов сумел изменить ход войны, внезапно захватив Айтоня, которого убил прямо на поле боя. Оценив вклад Чанадина в поражение Айтоня, король Иштван вместе с присвоением ему графского титула передал Чанадину во владение значительную часть страны его бывшего господина. *Urbs Morisena* стал крепостью-резиденцией Чанадина, и от его имени повел свое название Чанад (в настоящее время Ченад — *Cenad*). Знатные потомки Чанадина в последующие столетия продолжали владеть обширными землями в нижнем течении Муреша. В 1030 г. Иштван I основал в Чанаде католическое епископство, во главе которого был поставлен итальянец Геллерт (в 1046 г. умерший мученической смертью во время бунта язычников и впоследствии канонизированный). Геллерт начал деятельность с изгнания пра-

вославных монахов из монастыря Св. Иоанна Крестителя и конфискации их владений, а продолжил ее новым крещением местного населения по латинскому обряду и введением церковной десятины. Несмотря на последовательные усилия по католизации, в районе Нижнего Муреша до середины XIII в. продолжали существовать по крайней мере 13 православных монастырей. К ним добавились православные поселения в центральной и южной части Баната. Грамоты византийского императора Василия II Македонского от 1019–1020 гг. удостоверяют существование там религиозного центра в Тибиске (*Tibiscos*), находившегося в подчинении епископа в Браничеве, который в свою очередь подчинялся архиепископу Охридскому.

Что касается *terra ultrasilvana*, которая была завоевана в первые годы X в. племенным вождем Техетемом и превращена в *dominium**, принадлежавший ему и его потомкам, то по крайней мере с середины X в. ее правители проводили собственную политику, отличную от политики Арпадов. Несколько десятилетий завоеватели «залесской земли» сохраняли связи с племенами Паннонской равнины, что было естественно в силу специфики кочевого образа жизни (перегон скота и табунов лошадей с одного места на другое), не говоря о совместных грабительских походах в Западную Европу. Однако кризис венгерского общества в середине X в. и усиление стремления к оседлому образу жизни способствовали полному отделению трансильванской группы, вожди которой расширили территорию своего господства и укрепили свою независимость. При этом, согласно «Деяниям венгров», из-за своей малочисленности они были с самого начала вынуждены идти на сотрудничество с местным правящим румыно-славянским слоем. Им пришлось допустить местных жителей к избранию носителей верховной власти и давать *iugamentum*** при акте избрания. Само употребление Анонимом этого термина, характерного для вассальных отношений, представляет собой аргумент в пользу существования местного класса землевладельцев. Техетем и его потомки в конце концов приняли местный румыно-славянский титул — «воевода». В силу традиции он сохранялся в Трансильвании на протяжении всего средневековья.

* Владение (*лат.*).

** Присягу (*лат.*).

Ограниченное первоначально незначительной территорией на севере Трансильвании, владение потомков Техетема пережило период расцвета в середине X в., после смерти болгарского царя Симеона. Третий, и самый важный, из правителей этого трансильванского королевства (*regnum*) — Дьюла Старший захватил после 930 г. так называемый Бэлградский воеводат, сохранявший до этого времени политические связи с Болгарским царством. Бэлград — центр государственного образования — после захвата получил венгерское название Дьюлафехервар или латинское Алба-Юлия. Новые названия являлись переводом на эти языки прежнего славянского названия, которое румыны будут использовать вплоть до наших дней. Раскопки старых венгерских поселений X в. в Клуж-Напоке, Лопадя-Ноуа, Стремце, Деве указывают на то, что государство Дьюлы простиралось вдоль Среднего Муреша до границ банатского государства, где правили потомки Глада. В канун 970 г. одна из дочерей Дьюлы-Саролту сочеталась браком с венгерским князем Гезой, а потом стала матерью будущего короля Иштвана I — указание на то, что династия правителей Трансильвании обладала тем же статусом, что и потомки Арпадов. Не менее любопытно, что Дьюла обеим дочерям дал тюркские имена *Sar-oldu* («белая женушка») и *Qar-oldu* («черная женушка»). Это говорит либо о тюркском происхождении семьи Дьюлы, либо о наличии матримониальных связей с предводителями печенежских кланов востока и юга Трансильвании или равнинных земель. Отсутствие наследников мужского пола у Дьюлы Старшего привело к тому, что после его смерти власть над «залесской землей» перешла к Дьюле Младшему (*Minor Geula*), сыну Зубора (*Zubor*), брата Дьюлы. Распри между потомками Дьюлы Старшего и Зубора, по мнению Анонима, послужили причиной вражды между Дьюлой Младшим и королем Иштваном I. Эти обстоятельства проливают свет на решение Иштвана выступить в поход на Трансильванию. Начиная военную кампанию накануне 1002 г., Иштван намеревался захватить в плен Дьюлу и двух его сыновей — Буа (*Bua*) и Букну (*Bucna*), а также интегрировать *regnum Erdewel** в политическую систему венгерской монархии. Впрочем, Трансильвания и после этой даты сохраняла автономный статус. Иштван передал управление в ней своему родственнику Золтану (*proavum suum nomine Zoltan*), который, возможно, принадлежал к потомкам Дьюлы Старшего.

---

* Королевство Эрдевел.

Гибель первого Болгарского царства. Возвращение Византии в Нижнее Подунавье. Византия никогда не отказывалась полностью от своего политического влияния в Северо-Дунайском регионе, что неоднократно подтверждалось присутствием ее флота в устье Дуная. На рубеже XI в. империя полностью вернула себе балканские владения в результате последовательных усилий, предпринятых великими императорами Македонской династии (Никифором Фокой, Иоанном Цимисхием, Василием II). Упадок Болгарского царства, последовавший за смертью Симеона I, побудил императора Никифора Фоку прекратить в 967 г. выплату дани, которой византийские правители до того времени пополняли казну болгарских царей. Это стало поводом к затяжной войне, продолжавшейся несколько десятилетий. На ее первом этапе Никифор, желая сберечь собственные силы, призвал киевского князя Святослава, который, соблазнившись предложением Византии, начал в 968 г. кампанию против Болгарии, спустившись в ладьях по Днепру во главе русско-варяжской армии. Вмешательство печенегов, напавших на владения Святослава, лишь на год отсрочило победу последнего. После разгрома печенегов киевский князь в 969 г. вновь появился в Подунавье, намереваясь на этот раз основать свою столицу на Нижнем Дунае, подчинить Болгарское царство, а затем выступить в поход на Константинополь.

Новый император Иоанн Цимисхий, чтобы противостоять русской угрозе, был вынужден мобилизовать лучшие силы в азиатских провинциях и начать масштабное наступление против Святослава. Императорский флот под командованием протовестиария Льва вошел в Дунай и уничтожил ладьи Святослава. Византийцы использовали свое излюбленное оружие — «греческий огонь», — отрезав киевскому князю путь к отступлению. Вскоре Цимисхий пересек Балканы. Четырнадцатого апреля 971 г. он занял Преслав и захватил в плен царя Бориса II. Последний во время торжественной церемонии был лишен знаков царской власти и низведен до ранга простого императорского чиновника. Святослав не смог противостоять мощному натиску византийцев. Местные союзники покинули его, а сам он укрылся в крепости Доростол (*Dorostolon*)*, где подвергся осаде. После трехмесячного сопротивления и шести отчаянных попыток прорвать окружение Святослав капитулировал, дав обязательство вернуться в Киев и не предпри-

---

* В настоящее время Силистра в Болгарии.

нимать никаких враждебных действий против императора. На обратном пути в степях Северного Причерноморья он был захвачен в плен и убит печенегами — новыми союзниками Византии и своими старыми врагами (972).

Когда бывшая провинция Мёзия была завоевана, к Цимисхию явились послы из «Констанцы и других крепостей, построенных за Истром»⁶ и сдали ему свои владения. Милостиво приняв послов, император отправил войска для захвата других крепостей. В то же время он принял меры по укреплению дунайской границы — восстановил старые римско-византийские крепости в Капидаве, Аксиополе, Новиедуне и начал строительство новых в Пэкуйул-луй-Соаре и Нуфэру. На территории Добруджи была образована новая византийская фема*. Преслав, переименованный в честь императора-завоевателя в Иоаннополь, стал центром другой фемы, охватывавшей территорию между Дунаем и Балканскими горами. Город Доростол был назван Феодорополем в честь св. Феодора Стратилата, которому приписывалась заслуга в достижении победы над войсками Святослава.

Однако эти блистательные победы оказались недолговечными. Уже через несколько лет, сразу же после смерти Цимисхия (976), мощное восстание показало, что Болгария не прекратила существования с падением своей столицы. Начавшись под предводительством четырех так называемых комитопулов: Давида, Аарона, Моисея и Самуила (один из них погиб около Преспы в столкновении с «кочующими влахами»), восстание преследовало цель создания в Центральной Македонии нового болгарского государства во главе с Самуилом. Государство Самуила занимало значительную часть Балканского полуострова от Адриатики до Черного моря. Оно было пестрым по этническому составу и помимо болгар включало сербов, албанцев, хорватов, македонских славян и греков, балканских владов и западных румын. Главной заботой императора Василия II Македонского стала война против нового царства, потребовавшая привлечения значительных военных ресурсов империи на протяжении более чем двух десятилетий. На время этой длительной войны дунайские земли превратились в важный театр военных действий. Самуил расширил пределы подвластной ему территории на севере от Хема до Дуная в районе Видина, а на востоке включил в нее часть греческого по-

* Военно-административная единица в Византийской империи.

бережья, а также Преслав — старую столицу царей Симеона и Петра. Северная часть Добруджи, защищенная земляным валом, тянувшимся от Аксиополя до Том, и Доростол оставались, однако, под властью Византии, что обеспечивало контроль византийского флота над низовьями реки. Развернувшиеся в этой зоне военные операции были нацелены на разрушение морской базы византийцев в Пэкуйул-луй-Соаре, которую тем пришлось восстанавливать. После 996 г. Василий II предпринял масштабное наступление на всем протяжении Нижнего Подунавья — от Плиски до Видина — с целью нанесения удара по центру царства Симеона в Македонии. В 1018 г. Балканы снова полностью перешли под контроль Византии и сразу же подверглись военному и административному переустройству. Тогда же была введена новая организация церкви.

В результате победы Василия II над государством Самуила произошла масштабная территориально-административная реорганизация Северо-Балканского региона. Была образована фема Паристрион (*Paristrion*) с центром в Доростоле, доходившая на западе до области Видина. Также были восстановлены крепости в Аксиополе, Капидаве, Карсе, Троеме, Аррубии, Диногении, Новиедуне, Эгиссе, а вокруг морской базы в Пэкуйул-луй-Соаре появилось процветающее гражданское поселение. Болгарская архиепископия в Доростоле, низведенная сначала до статуса епископии и переданная в подчинение патриархии в Охриде, вновь стала митрополией при Алексее I Комнине и была переведена в подчинение патриархии в Константинополе. В рамках всеобщего переустройства церковной жизни Василий II основал епископию для южнодунайских румын. Принимавшие в 976 г. участие в военных действиях балканские влахи также в 980 г. получили автономную военную организацию на территории фемы Элада во главе с романцем Никулицей. Эти влахи — преемники романской цивилизации юго-востока Европы — к началу XI в. представляли собой компактную демографическую группу, занимавшую значительную часть балканского пространства. Активно участвуя во внутренних волнениях в упомянутых регионах, они в следующие столетия подняли ряд восстаний против эксплуатации их империей и нарушения их привилегий.

Печенеги на румынском пространстве. Несмотря на упадок, который переживало первое Болгарское царство после смерти

Симеона, оно по-прежнему являлось препятствием для массового заселения печенегов на Дунайской равнине. Будучи союзниками в борьбе против венгров, которых они вместе изгнали из Этелькеза (Ателькузу) в последнем десятилетии IX в., печенеги и болгары стали соседями, а хитрость византийской дипломатии не позволяла им превратиться во врагов. Первая попытка печенегов переправиться через Дунай в качестве союзников Византии, вступившей в конфликт с болгарами, потерпела неудачу из-за их недоверия к начальникам византийского флота. В последующие десятилетия появления печенегов на Дунае в качестве союзников Византии или Киевской Руси участились. Одновременно происходило расширение территории, подконтрольной печенегам. Они начали перемещать свои западные аванпосты из бассейна Днестра до Этелькеза (этих территорий, как известно, они достигли еще в IX в.), а оттуда — в степные районы междуречья Днестра, Дуная и Сирета. Эту область печенеги захватили к середине X в., сразу же после смерти царя Симеона и появления первых признаков упадка Болгарского царства.

Превратившись в сложной политической обстановке 968–972 гг. в важнейший политический фактор на северном берегу Дуная, печенеги получили доступ к территориям, населенным румынами. Цимисхий, занятый восточными проектами и, как следствие, заинтересованный в длительном сохранении мира на дунайской границе, заключил с печенегами союзный договор, который обе стороны неукоснительно соблюдали до самой смерти императора Василия II Болгаробойцы (1025). Оказавшись, таким образом, между византийским Паристрионом, территориями, входившими в сферу венгерского господства, и русскими княжествами, Паницкая* на протяжении XI в., несмотря на отсутствие внутреннего единства, стала важным фактором политической сцены Центральной и Восточной Европы.

Начавшиеся в 1027–1028 гг., сразу же после окончания царствования Василия II, набеги печенегов на Византийскую империю приобретали на протяжении XI столетия все больший размах, становясь серьезной угрозой господству Византии на Балканах. В первой половине XI в. нападения печенегов были, однако, ограничены областью дунайской границы, а их вторжение в Добруджу в 1036 г. закончилось опустошением и разграблением поселе-

---

* Страна печенегов.

ний в Диногении, Дервенте и Капидаве. Начиная с середины XI в. натиск на печенегов узов (огузов) и куманов (половцев) привел к чрезмерной концентрации печенежских и родственных им племен на придунайских равнинах, что повлекло рост их агрессивности по отношению к двум соседним монархиям — Византии и Венгрии. Нападение на Византию в 1046 г. носило характер массового нашествия печенегов «со всем их племенем». Участвовавшие набеги печенегов нередко заканчивались их поселением на землях к югу от Дуная. Смещение разных тюркских народов в областях к северу от устья Дуная оказалось весьма взрывоопасным. В 1064 — 1065 гг. теснимые куманами узы (народ, также относившийся к тюркской группе), обнаружив, что путь на запад им перекрыли печенеги, были вынуждены осуществить массивное вторжение на территории Византийской империи. Они опустошили Добруджу, разгромили войско архонтов Паристриона, разграбили бóльшую часть Фракии и Македонии, но затем из-за страшной вирусной эпидемии, почти истребившей их, были вынуждены вернуться в области к северу от Дуная. Воспользовавшись смутой, вызванной вторжением узов, печенеги предприняли новую серию нападений на Венгрию. И даже победа над ними венгерского короля Шаламона на северо-востоке Трансильвании (1068) не смогла их остановить.

С появлением в областях к западу от Днестра куманов, зафиксированным источниками в предпоследнем десятилетии XI в., нападения на Византию и Венгрию заметно активизировались. В результате опустошительных набегов и восстаний местного населения Византия неоднократно теряла власть над Паристрионом, а угроза печенежских вторжений нависла и над окрестностями Константинополя. Столкновения пошли на спад лишь в промежутке между 1087 и 1091 гг., когда Алексею I Комнину после нескольких битв удалось 29 апреля 1091 г. одержать полную победу над печенегами.

Нашествие куманов. Куманское господство в равнинных областях Румынии. Появившиеся в Северо-Дунайском регионе к концу XI в. куманы первоначально контролировали лишь южную часть Молдовы. В первые годы XII в. они обосновались в восточной части Дунайской равнины и уже оттуда распространили свое господство на бóльшую часть равнинной румынской территории. Политический и военный контроль куманов над областями

к востоку и югу от Карпат оказал воздействие на проживавшее на этой территории румынское население. Обосновавшись там в качестве захватчиков, куманы подчинили румынские поселения своей власти, хотя до сих пор трудно определить форму ее осуществления. Общинные объединения на равнинных территориях переживали в тот период процесс внутренней реорганизации, обусловившей появление и консолидацию новых общественных структур феодального типа. В рамках этого процесса куманы сумели проникнуть в местную социальную верхушку благодаря своему превосходству в военной сфере. Сам факт румыно-куманского сотрудничества в любом случае не вызывает сомнений, так как присутствие румын в куманских войсках зафиксировано многими источниками. В 1094 г. северодунайские влахи провели куманов через Балканские перевалы, но наивысшей степени сотрудничества достигло в десятилетия, последовавшие за восстанием Асений*. Сведения о военном сотрудничестве румын и куманов можно почерпнуть из известий о куманско-византийской войне 1148 г., когда куманы заставили отряды местных воинов (византийцы их называли «скифами») выступить с ними в качестве авангарда. Один из командиров этих «скифов», попавший в плен к византийцам, носил христианское имя Лазарь. Возможно, именно он и был предводителем румын на северном берегу Дуная. Спустя несколько десятилетий участие северодунайских влахов вместе с куманами в кампании против Византии в 1119 г. было описано Никитой Хониатом**⁷. В 1210 г., выступив в поход на Видин, комит Иаким из Сибиу должен был сломить сопротивление «трех вождей куманов», вышедших ему навстречу «на реке Обозт». Двое из них были убиты в бою, а третий, по имени Караз, взят в плен и отведен к королю Андрашу II⁸. На протяжении XII – XIII вв. группы куманов расселялись на территориях Болгарии, Византийской империи и Венгерского королевства. Куманы начали селиться в королевстве Арпадов еще в годы правления Иштвана II (1116 – 1131)⁹, когда их многочисленные группы обосновались в районе впадения Муреша в Тису.

На основании археологических данных трудно воссоздать полную картину румыно-куманского сосуществования. Поэтому

* Асени — братья, возглавившие антивизантийское восстание в Болгарии.

** *Никита Хониат* — византийский писатель. Автор «Хроники», посвященной событиям периода 1118 – 1206 гг.

важным источником реконструкции исторических реалий эпохи продолжает оставаться анализ топонимов печенежско-куманского происхождения. Такие топонимы можно обнаружить на большей части равнинной территории как к востоку от Олта (Телеорман, Чупаг, Токсэбени), так и к западу от этой реки (Каракал, Карайман и т. д.). Название Бэраган также относится к печенежско-куманскому фонду румынской топонимики. Печенежско-куманское происхождение имеют довольно многочисленные топонимы и гидронимы, оканчивающиеся на -уй (*ui*): Деснэцуй, Кэлмэцуй, Теслуй, Кэтэлуй, Мислуй, Бахлуй, Ковурлуй, Васлуй, Кэлуй. От куманов в румынский язык вошли слова, связанные со скотоводством, как, например, чобан (*cioban*^{*}) — общее слово для всей страны.

Нашествия IX—XI вв. привели к изоляции северодунайских румын от западных и южных славян. Это ускорило процесс дако-славянской ассимиляции, который в общих чертах завершился к концу XI в. В то же время эти нашествия оказали негативное воздействие на романское население Паннонии, ускорили его исчезновение и усилили изоляцию влэшских поселений на Балканском полуострове.

Завоевание Трансильвании Венгерским королевством

Отношения между Венгрией и Трансильванией вышли на новый этап развития в период венгро-печенежских столкновений последней трети XI в. Отсутствие каких-либо сведений об эволюции бывшего воеводата Дьюлы после победного похода короля Иштвана I затрудняет воссоздание процесса преобразования Трансильвании из *regnum Erdewel*, которое на рубеже X—XI вв. оставалось под властью какого-нибудь родственника короля-завоевателя (весьма возможно, его матери), в *regnum*, обладавшее автономией в рамках венгерской монархии. Важные элементы этого перехода можно выявить на основе свидетельств о многочисленных волнениях язычников восточных регионов Венгерского королевства на протяжении XI в. В одном из них (1046) участвовали братья Буа и Букна, сыновья Дьюлы Младшего — последнего правителя са-

---

^{*} Пастух (рум.).

мостоятельного трансильванского государства. Изучая венгро-печенежские столкновения на территории Трансильвании и в восточных областях Венгерского королевства в последней трети того же века, также можно воссоздать отдельные моменты данного перехода.

Набеги печенегов на Венгрию достигли апогея в 1068 г., когда кочевники после разгрома укрепления в верхней части Месешских ворот проникли в Венгрию¹⁰, вызвав сильное сопротивление короля Шаламона (1063 – 1074). Пройдя через Месешские ворота вместе с князьями Гезой и Ласло, Шаламон одержал над печенегами важную победу, укрепившую позиции венгерской короны в бассейне Сомеша. Она, однако, не устранила окончательно угрозы вторжения печенегов в Венгрию и не нанесла им существенного урона на юге и востоке Трансильвании. В 1074 г. — в разгар борьбы за корону между князем Гезой и королем Шаламоном — произошло вторжение вождя печенегов по имени Золтан. В 1083 г. куманский князь Кутеск предложил потерявшему трон Шаламону убежище и поддержку в его борьбе против Ладислава (Ласло) I, однако потребовал за свои услуги власть над Трансильванией. Последнее кумано-печенежское вторжение под предводительством вождей Копулея и Акуса состоялось в 1091 – 1092 гг., затронув обширные области на северо-востоке Венгрии. Ослабление натиска с востока в Трансильвании ощутили после победы Византии при Левани. Только после этого интенсивность кумано-печенежских набегов значительно уменьшилась. Изменение расстановки сил в низовьях Дуная не в пользу степных народов повлекло за собой прекращение длительного периода нестабильности, на протяжении которого венгерской короне при неясных обстоятельствах удалось распространить свою власть на «залесскую землю», которая до тех пор сохраняла характерные черты государственного образования.

Изменение статуса Трансильвании сопровождалось значительными переменами в ее внутренней жизни. Разрушенные или сильно поврежденные в ходе столкновений с печенегами крепости: Дэбыка, Молдовенешти, Ширьоара и др. — были восстановлены и усилены дополнительными укреплениями. Ярким примером может служить крепость Дэбыка. Вокруг нее возвели земляные валы высотой до 5 м, с обеих сторон обложенные бревнами, положенными горизонтально, и укрепленные рядами бревен, поставленных вертикально. Дополнительно были вырыты рвы, ширина

которых достигала почти 30 м. При входе в крепость высились две деревянные башни. К периоду столкновений с печенегами относится и первый известный средневековый документ о территории Трансильвании. Его издали в канцелярии короля Гезы I в 1075 г. В нем упоминается военный лагерь Турда (*castrum Turda*) с таможенным постом, где собирались соляные налоги. Половина доходов таможи отходила в дар монастырю Св. Бенедикта (в нынешней Словакии). В том же документе упоминается «город» Бихаря (*Bichor civitas*) и принадлежащие ему деревни, жителей которых заставляли выполнять определенные повинности в пользу вышеупомянутого монастыря.

В период, последовавший за исчезновением угрозы со стороны печенегов, появились признаки распространения и укрепления венгерского господства в пределах межкарпатской области — за пределами узкой укрепленной полосы в ее западной части. Полоса была создана для защиты соляных копей. Ее строительство совпало с первой попыткой административного переустройства трансильванской территории, находившейся в тот момент под властью Венгерского королевства, путем введения здесь характерных институтов западной феодальной системы. Так, имеется свидетельство, что в 1111—1113 гг. существовал некий *Mercurius princeps Ultrasylvanus**. Сам этот титул позволяет предположить широкую автономию, которой обладала «страна за лесами». Кроме того, к 1111 г. относится первое упоминание об одном из епископов из Трансильвании (*Simon episcopus Ultrasilvanus*), а также первая попытка введения особого статуса для этой провинции. Трансильвания до XIII в. включительно оставалась единственной из десяти епархий Венгерского королевства, получившей название страны, а не города, где была расположена епископская резиденция. Усилия по реорганизации Трансильвании дополнялись расселением секеев в районе Тырнава в конце XI или начале XII в., что явилось результатом процесса расширения венгерских рубежей в восточном направлении. Первые десятилетия XII столетия были также отмечены началом немецкой колонизации в поселениях Игью и Крикэу в окрестностях Алба-Юлии. Жители этих поселений, как и жители района Орэштие, упоминаются в грамоте, изданной королем Андрашем II в начале XIII в., как *primi hospites regni Transsilvani***.

* Меркурий, князь трансильванский (лат.).

** Первые колонисты Трансильванского королевства (лат.).

относятся первые попытки введения на территориях к востоку от Тисы организаций по типу комитатов. Самым старым упомянутым комитатом был Бихор (1111: Саул, комитат Бихор), охватывавший центральную часть бывшего «герцогства» X в. Центр комитата вначале находился в крепости Бихаря, а позже был перенесен в Орадя.

Последствия усилий по переустройству были, однако, довольно скромными. В течение шести десятилетий после единичного свидетельства о князе Меркурии ни один исторический источник более не содержит известий о какой-либо царствующей особе во главе Трансильвании. Несмотря на расширение венгерской территории в районе Среднего Муреша, пространства на юге и востоке межкарпатской области практически не подчинялись венгерскому контролю. Анонимный нотариус короля Бельи II в «Деяниях венгров» представлял *terra ultrasilvana* как территорию, на которую Арпад и его потомки не имели наследственных прав. Подробно описав северные, западные и южные границы Венгерского королевства в соответствующий период, Аноним всячески избегал касаться его восточных границ. Поразительное отсутствие знаний о Трансильвании у главного эрудита королевской канцелярии ни в коем случае не говорит о его личной неосведомленности, а является отражением уровня представлений и кругозора венгерского общества первой половины XII в., для которого большая часть «страны по ту сторону леса» продолжала оставаться закрытой и враждебной. На тот момент королевская власть в Венгрии еще не обладала достаточным потенциалом для подчинения этой области. Для ее завоевания следовало привлечь на свою сторону большую часть населения. Клады из Стреза-Кырцишоара и Фэгэраша, состоящие главным образом из византийских монет, выпущенных не позднее 1143 г., позволяют предположить, при каких обстоятельствах удалось осуществить эти планы.

Уже в X в. на секеев, на протяжении длительного времени селившихся в Трансильвании, была возложена задача по охране границ и прокладке путей для королевских войск во время их походов. Присутствие этого народа в «земле Кришурилор», находящее подтверждение в местной топонимике, было связано с их миссией по защите пограничных укреплений. Группы секеев, имевшие сходные задачи, проживали в горах Матра в Словакии, а также на западных рубежах Венгрии. Свидетельства об обита-

нии там секеев восходят к 1116 г., когда король Иштван II вел войну против Чехии, а также к 1146 г. — когда король Геза II воевал с немцами. К концу XI в. и первой половине XII в. бóльшая часть секеев обосновалась в центральной части Трансильвании по пограничной линии Венгерского королевства. В середине XII в. немецкая колонизация юга Трансильвании сопровождалось перемещением основного центра секеев на низменность Сфынту. Другие группы секеев были переселены на восточные равнины непосредственно из области Бихаря — района их прежнего обитания. Более плотное заселение районов Гургиулуй и Чукулуй происходило на протяжении XIII в., когда группы секеев, уже обитавшие на этих землях, переместились к востоку, а их место заняли новые группы.

Родовая организация секеев постепенно уступила место территориальной организации, происхождение которой еще окончательно не выяснено. На протяжении всего средневековья социальная организация секеев была обусловлена их миссией воинов-пограничников. Именно с этой целью ими заселили восточные части Трансильвании. О территории расселения секеев в Трансильвании упоминают письменные источники первой половины XIII столетия. В этот период она состояла из территориальных единиц, получивших названия *terra* (земля) или *districtus* (округ). Подобная форма организации встречалась и у румын. Термин *scaun (sedes)** и соответствующая организация появились у секеев только в XIV в.

«Саксонская» колонизация**. Данные письменных источников, археологических материалов и лингвистических исследований о переселении и обосновании колонистов в Трансильвании позволяют сделать вывод о том, что «саксы» пришли не только с территории собственно Германии, но и из более западных регионов. Переселение немцев в Венгрию началось с XI в. и заметно усилилось в следующем столетии. Один из первых документальных источников, касающийся колонизации на территории Трансильвании, датируется 1103 г. Тогда некий *Anselm de Braz* отдал

* Престол, резиденция (*лат.*), в данном случае — округ.

** Несмотря на то что немецкие переселенцы в Трансильвании происходили из разных областей, все они получили собирательное наименование «саксы» («сасы»).

монастырю в *Malmedy* замок и другие владения, получив взамен 12 марок серебром, и отправился вместе со своими сыновьями в «Венгрию». Была выдвинута гипотеза, что этот *Anselm de Braz* был колонистом в Орэште (место, носившее немецкое название *Broos*). Впрочем, до сегодняшнего дня эта версия так и не нашла подтверждения. В 1148 г. в анналах монастыря в Роде описывается, что Хецело (*Hezelo*) из Меркштайна в окрестностях Ахена продал означенному монастырю все свое имущество и отправился «в Венгрию», откуда уже не вернулся¹¹. Полтора века спустя, в 1313 г., жители Оппельсхаузена продали за 8 марок восемь с половиной югеров земли, принадлежавших жителям села, которые «некогда бежали в Венгрию» (*qui quondam Vngariam fugerunt*)¹². Возможно, что жители расселились поблизости от Сигишоары, в Аполду, который действительно был колонизован около 1300 г. Однако ни один из документальных источников с абсолютной точностью не указывает на то, что поселение происходило именно в Трансильвании. Они лишь сообщают нам названия мест, откуда совершалось переселение в «Венгрию» в тот или иной период.

С конца XII в. колонисты из Трансильвании появляются в источниках под названиями *Flandrensi*, *Teutoni* или *Saxoni*¹³. Помимо германоязычных колонистов упоминаются и «латинские», как, например, *Johannes Latinus din villa Riuetel*¹⁴ и его потомки, валлоны из региона между Германией и Францией. Также из валлонов происходил локатор* Гаан в Окне¹⁵, а неподалеку от Бистрицы были основаны два села, названные *villa Latina* (в настоящее время они включены в этот город)¹⁶. Колонизация происходила в несколько этапов. Ее осуществляли группы во главе с локаторами, которых выбирали как из дворян, так и из ремесленников или зажиточных крестьян. Они вели переговоры с представителями королевства и определяли условия расселения на королевских землях в Трансильвании. Если первые группы германских колонистов в начальные десятилетия XII в. обосновались в населенных пунктах Крикэу, Игью и Ромос, поблизости от Алба-Юлии, то самый большой поток колонистов начиная с середины того же столетия был направлен в регион Сибиу. Из текста о привилегиях, предоставленных трансильванским сасам королем Эндре II (изве-

* Локатор — лицо, осуществлявшее поселение (*locatio*) колонистов на данной территории.

стным под именем *Andreanum*; 1224), видно, что переселенцев позвал на эти земли король Геза II (1141 – 1162). Первоначальная территория колонизации была ограничена землями Сибиу, Нокрих и Чинку, из которых между 1188 и 1191 гг. была образована свободная препозитура Сибиу. Дальнейшие переселения способствовали постоянному расширению этой территории, к 1224 г. простиравшейся уже от Орэште до Бараолта (*incipiens a Waras usque in Boralt*)¹⁷.

По инициативе короля Белы IV после монгольского нашествия 1241 – 1242 гг. новый поток колонистов хлынул в область Тырнавы, где были основаны округа Сигишоара, Медиаш и Шейка. В последние десятилетия XIII в. локаторы из Кыльника расселяли колонистов на землях в Подиш-Секашелоре. Другие немногочисленные села были основаны локаторами из других мест. Горняки, частью немецкого происхождения, обосновались в Кожокне, Сике, Турде, Ремете и других местах. Кроме того, немецкие колонисты расселялись на различных землях, принадлежавших королю, знати или церкви. «Саксонская» колонизация закончилась к 1300 г., когда «саксы» осели почти в сорока населенных пунктах между двумя Тырновами.

Немецкая колонизация в основном завершила процесс проникновения в Трансильванию носителей средневековой западной цивилизации. По окончании периода колонизации элементы западной цивилизации продолжали появляться в виде властных, культурных и религиозных институтов, насаждавшихся королями Анжуйской династии. «Саксы» были третьим и последним многочисленным народом, обосновавшимся в средние века в Трансильвании рядом с румынами. В целом «саксонская» колонизация явилась прогрессивным фактором, способствовавшим существенному укреплению межкарпатской области, развитию общественных отношений и вступлению экономики в новую фазу.

Формирование структур феодального общества. Как и в западном феодальном мире, трансильванское общество состояло из трех основных сословий: *bellatores, oratores, laboratores**. Большой частью Трансильвании по праву победителя владела венгерская корона. Исключение составляли сравнительно небольшие

---

* Воюющие, молящиеся, трудящиеся (*лат.*).

земельные пространства в бассейне Малого Сомеша, попавшие в течение X – XI вв. под власть некоторых венгерских «родов» или остававшиеся в собственности у старой местной знати. В XII столетии размеры королевских владений по сравнению с принадлежавшими церкви или знати увеличились. И старые, построенные еще до завоевания, и новые замки окружали обширные владения, находившиеся в собственности монарха. Там, где замков не было, управление королевским доменом было организовано вокруг «дворов» (*curiae*) представителей монарха. В королевском комитате, особенно в королевском домене, существовали многочисленные промежуточные категории, различавшиеся по социальному и правовому положению. К ним относились: свободные, природные или «принадлежащие святому королю» иобагионы, замковые иобагионы, замковые люди (*castrenses*), королевские сервиенты (*servientes regis*) и рыцари (*milites*) — две последние категории приравнивались к мелкому дворянству. Свободные, природные или «принадлежащие святому королю» иобагионы по статусу и в правовом отношении были выше замковых иобагионов, поскольку получили привилегии от короля Иштвана I. Вследствие все новых пожалований королевских земельных владений в собственность светской и клерикальной знати королевское землевладение в XIII в. существенно уменьшилось. Укрепление позиций знати за счет мелкого дворянства и сервиентов («слуг короля») привело к движению, ставившему целью восстановление королевской земельной собственности. В Золотой булле Эндре II предоставлял мелкому и среднему дворянству права и привилегии, равные с правами «настоящих» дворян.

Представители румынского общества в разных районах Трансильвании и за ее пределами упоминаются в источниках под разными названиями: вожди/воеводы, джузы/кнезы, господа, сыны (*duci/voievozi, juzi/cnezi, jurani, sanzi*) и др. Самыми распространенными названиями были «джузы», от латинского термина *iudices* (судьи), и «кнезы» (*kenezii*) — древнегерманское слово, вошедшее в румынский язык через славянское посредство. Кнезат, бесспорно, представлял собой старейший тип румынского феодального устройства, наиболее распространенный в ту эпоху. Термин латинского происхождения «джуд» (южнокарпатский вариант «жудек») со временем уступил место термину «кнез». Идентичность понятий «жуде/кнез» (*jude/cnez*), «жудечие/кне-

зат» (*judecie/cnezat*) прослеживается со всей очевидностью. Воеводы, которых в основном выбирали из кнезов — о чем свидетельствует Грамота иоаннитов (1247) и пример Марамуреша, — в первую очередь исполняли военные функции. В Трансильвании некоторые кнезы, которые основывали православные церкви, на вотивных изображениях XIV—XV вв. назывались «жупан» («господин»), а их жены — «жупаница» («госпожа»). Став в эту эпоху наследными владельцами сел, кнезы взимали общинные повинности с подданных, выполняли судебские обязанности, основывали православные церкви и иногда строили замки. Введение норм «румынского права» (*jus valachicum*)* — которые применяли (с до сих пор не вполне выявленными региональными особенностями) как в румынских межкарпатских землях, так и на территориях будущей Валахии и Молдавии — повлекло за собой в Трансильвании расширение круга людей, пользовавшихся королевскими привилегиями. Привилегии дворянского типа, предоставленные отдельным румынским князьям и их прямым наследникам, со временем, согласно румынским обычаям, распространились и на их родственников по боковой линии — на родных и двоюродных братьев.

В этот период переустройства экономических основ общества и образования нового феодального строя крестьянские слои еще не полностью сформировались. В терминологии источников нередко наблюдается путаница. Правовое положение крестьянства не было одинаковым. Основной тенденцией этого периода являлось усиление степени их зависимости от феодальных сеньоров и изменение форм этой зависимости. На нижней ступени социальной лестницы в XI—XIII вв. находились рабы, душники, слуги и желеры (*inquilini*)**. Это были значительные по численности социальные категории, включавшие семьи, полностью или частично лишенные свободы, земли и орудий для ее обработки. В отличие от членов сельских общин они не могли рассчитывать на взаимную поддержку. Из этих категорий образовывались деревни «зависимых крестьян», располагавшиеся в церковных, дворянских или королевских владениях, число которых увеличивалось вследствие распада сельских общин и усиления процесса закабаления.

---

* Валашское право (*лат.*).

** «Пришельцы» (*лат.*).

Крестоносное движение и католическое миссии в первой половине XIII в.

В XIII в., после того как прошел пик крестовых походов за освобождение Святой земли, крестоносцы обратили взоры на обширные территории восточной части европейского континента, где доминировали Византия, народы, находившиеся под влиянием византийской цивилизации, и степные кочевники. Четвертый крестовый поход, завершившийся захватом западными рыцарями Константинополя (1204), положил начало длительным усилиям с целью уничтожения «раскола» («схизмы»), т. е. ликвидации независимого положения Восточной церкви. Последовавшие за этой датой территориальные приобретения сопровождались политикой, нацеленной на конфессиональную ассимиляцию народов, проживавших в этой части Европы. В 1205 г., спустя год после завоевания Константинополя, папа Иннокентий III потребовал от архиепископа Калочского перевести под власть апостольского престола епископство, находившееся в «стране сыновей князя Бельи» (*quidam episcopatus in terra filiorum Belegenese*). Ликвидация этой православной епархии послужила началом длительного процесса, завершившегося значительным ослаблением позиций Восточной церкви в Венгерском королевстве, постепенным понижением ее статуса и вытеснением ее приверженцев из активной политической жизни. Из-за угрозы, которую представлял союз болгар, куманов (половцев) и валахов (1205 – 1212) для только что созданной крестоносцами на берегах Босфора Латинской империи, по инициативе папы Иннокентия III были проведены отвлекающие маневры на севере, важную роль в которых играли вооруженные силы Венгерского королевства. Возобновление венгерской экспансии в Юго-Восточной Европе происходило одновременно с разработкой масштабных проектов по христианизации куманов и подчинению их католической Венгрии. Начиная с этого времени Венгрия оказывала давление на румынские государственные образования, расположенные как внутри, так и за пределами карпатской дуги, не только с целью их интеграции в свою политическую систему, но и с целью объединения православного румынского населения с католической церковью. В этих условиях в первой половине XIII в. пространство, населенное восточными романцами, превратилось в новый рубеж крестоносцев.

Рыцари Тевтонского ордена в земле Бырсей. Важным шагом по укреплению этой новой границы западной цивилизации стало размещение в земле Бырсей в 1211 г. рыцарей Тевтонского ордена. Вероятно, король Эндре II пошел на этот шаг не столько ради устранения угрозы для Венгрии со стороны куманов, сколько ради получения в дальнейшем прямого доступа к устью Дуная, поскольку уже тогда ясно просматривалось экономическое и стратегическое значение региона, возросшее после образования Латинской империи. Не менее привлекательными были, впрочем, и перспективы, связанные с обращением куманов в христианство и подчинение их венгерскому влиянию. Новое направление внешней политики венгерских правителей, нацеленное на возвращение утерянной территории на Востоке, было во многом связано с их неучастием в победоносном походе на Константинополь. В то же время размещение тевтонских рыцарей в земле Бырсей отвечало интересам Тевтонского ордена. Именно этим объясняется то внимание, с которым наблюдал за их успехами папский престол.

На первом этапе (трудно поддающемся восстановлению) рыцари совершили ряд последовательных нападений на куманов, успешно отраженных теми. Укреплению позиций ордена в значительной мере способствовало возведение земляных, а впоследствии и каменных крепостей на юго-востоке Трансильвании. В 1222 г., спустя одиннадцать лет после прибытия рыцарей в землю Бырсей, они уже действовали к востоку от Карпат, прокладывая путь к Дунаю и «границе бродников»*. В этот же период произошел распад куманского союза, ставший следствием разгрома войсками монголов, впервые появившихся тогда в Восточной Европе, русско-половецкой коалиции в битве на реке Калке (1223). Папа Гонорий III поспешил использовать в интересах апостольского престола возможности, порожденные трудностями, с которыми столкнулись половцы, и в 1224 г. добился перехода в собственность римской церкви (*in ius et proprietatem beati Petri*)** владений Тевтонского ордена в земле Бырсей и территорий, захваченных им «за снежными горами» (*ultra montes nivium*). Король Венгрии неза-

* Бродники — группа населения причерноморских и приазовских степей в XII — XIII вв. не вполне ясного этнического происхождения (возможно, славянского).

** Под юрисдикцию и в собственность блаженного Петра (*лат.*).

медлительно отреагировал на попытку вывести эти территории из-под своей, пусть и номинальной, власти: в 1225 г. тевтонских рыцарей изгнали из Трансильвании, а в возведенных ими крепостях разместились королевские гарнизоны.

Куманское епископство. Венгерская экспансия на земли к югу и востоку от Карпат. Позиции Тевтонского ордена, прочные в военном отношении, оказались весьма уязвимыми в правовом. Приобретение королем земли Бырсей, прежде выступавшей в качестве пожертвования рыцарям, соответствовало юридическим нормам эпохи, а чтобы частично удовлетворить папство, король Бела IV пожертвовал в 1240 г. ордену цистерцианцев бывшие тевтонские «церкви».

Совершенно иначе обстояло дело с орденскими завоеваниями за Карпатами. На основании акта 1224 г. они признавались собственностью римского понтифика, и венгерская корона не могла выдвигать к ним никаких претензий. Спустя всего лишь два года после изгнания рыцарей папа Григорий IX основал там епархию для куманов, непосредственно подчиненную апостольскому престолу, во главе которой был поставлен брат Теодорик, входивший в недавно созданный орден братьев-проповедников (доминиканцев). Это доминиканское епископство — одно из первых в Европе — развернуло последовательную миссионерскую деятельность не только среди половцев, многие из которых обратились в новую веру, но и среди румын, проживавших за пределами карпатской дуги. «Псевдоепископы», отправлявшие службы по восточному обряду в области куманской епархии, были по требованию папы Григория IX низложены, уступив место викарию епископа Теодорика. Хотя эта территория находилась под защитой принца Белы, князя Трансильвании (1225 – 1235), она по-прежнему считалась собственностью римского понтифика и не включалась в административные структуры Венгерского королевства. Лишь в 1238 г., после того как венгерская корона приняла участие в организации прохода по своей территории войск крестоносцев, направлявшихся в Латинскую империю, король Бела IV получил наконец разрешение пользоваться титулом «король Кумании», за которым, впрочем, скрывалось скорее желаемое, чем действительное. Руджьери в 1241 г. писал об этой территории как о «земле куманского епископа» (*terram episcopi Comanorum*), а персидский летописец Рашид-ад-Дин указывал, что армия, раз-

громившая монгольские войска в этом регионе, состояла из влахов-румын (*ulagh*).

Совершенно иначе проходила венгерская экспансия на землях к югу от Карпат. В результате побед, одержанных принцем Белой над болгарским царем Иваном Асенем II в войне 1230 — 1232 гг., к Венгрии была присоединена Северинская земля (Олтения). Управление этой территорией, имевшей особое стратегическое значение, возглавил назначаемый венгерской короной бан Северина. Резиденция этого сановника, обладавшего обширными военными и административными полномочиями, располагалась в крепости Северин. С установлением венгерского господства в Северинской земле миссионеры, преимущественно доминиканцы, развернули там активную деятельность. Во избежание повторения опыта с «Куманией» король Бела IV потребовал от папы Григория IX подчинения этих областей духовной юрисдикции церковных иерархов Венгерского королевства и достиг своей цели.

Великое монгольское нашествие (1241–1242). Вторжение монголов 1241 г. на целый век остановило своеобразный крестовый поход на восток, осуществлявшийся военными силами королевства Арпадов и доминиканскими миссионерами, с важными последствиями для румын и куманов. Интерес короля Бела IV к степным регионам с самого начала был воспринят монголами как угроза основной цели их грандиозной европейской кампании, начавшейся в 1236 г., — захвату Куманской (Половецкой) степи. Новых хозяев степи беспокоило присутствие доминиканских миссионеров в так называемой Большой Венгрии на Волге, усиление влияния венгерских доминиканцев на половцев, которое усиливалось по мере того, как под ударами монголов происходил распад конфедерации куманских племен, а также укрепление связи Венгрии с русскими князьями. В 1239 г. куманский хан Котян, прежде непримиримый противник Венгрии, счел необходимым обратиться за поддержкой к королю Беле и после ряда поражений, нанесенных ему монголами, с 40-тысячным войском нашел убежище в Венгерском королевстве. В том же, 1239 г. *comes ultrasilvanus*^{*}, возможно Ласло Аба, ветеран столкновений между Венгрией и Галичем в 30-х годах XIII в., совершил поход в причерноморские

^{*} Комес (граф) залесских земель (*lat.*).

степи для поддержки куманов Котяна. Несмотря на поражение в битве в Приазовье¹⁸, о котором сообщает хронист Альберика из монастыря Трех источников во Франции (*Albericus Trius-Fontium*), этот поход показал, что борьба с Венгрией за установление господства над Куманской степью будет нелегкой. Поэтому одной из основных целей монгольского нашествия на Центральную Европу была нейтрализация венгерской военной мощи. Естественно, что в этом контексте особое внимание было уделено Трансильвании — главному оплоту венгерской экспансии в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Действительно, из семи больших монгольских отрядов, вторгшихся в феврале — марте 1241 г. в Центральную Европу, три выступили против Трансильвании, куманского епископства и «земли Северина». Это составляло четверть от общего количества монгольских сил и три восьмых сил, брошенных против Венгрии. В Трансильвании и на межкарпатских территориях монголы натолкнулись на ожесточенное сопротивление, еще более мощное, чем то, с которым их встретили на границах Польши и собственно Венгрии. Концентрация монгольских войск была внушительной, и командовали ими три наиболее опытных военачальника Орды: Кадан, сын великого хана Угедея, Бури и Бучек, сыновья Джагатая, а также Тулуй — все чингизиды. Несмотря на это, нападавшие сумели пересечь карпатскую линию обороны и вторгнуться в Трансильванию только 31 марта. Это произошло две недели спустя после первого появления авангарда Батыя в окрестностях Пешта и спустя три дня после захвата Байдаром Кракова. Задержка объясняется в первую очередь тем отчаянным сопротивлением, с которым были встречены захватчики на противоположной стороне карпатской дуги. Хроника Рашид-ад-дина отмечает два больших столкновения с румынами и бои на рубежах Трансильвании, где произошли по меньшей мере три битвы с защитниками границ. В одной из них, вероятно развернувшейся в «земле Бырсей», пал воевода Поуса Чех. Он погиб в сражении с отрядом Бури, который продолжил продвижение в направлении Сибиу, Четатя-де-Балтэ и Алба-Юлии, спустившись потом в долины Муреша и Тисы. Кадан, по-видимому, намеревался проложить себе более короткий путь в центр Венгрии. Он осуществил обходной маневр через северную часть Трансильвании, захватив Родну и Бистрицу, потом Дэбыку и Клуж, а во второй половине апреля вступил в епископский город Орадя. Сопротивление провинци-

альных войск замедлило продвижение монголов через Трансильванию, в то время как на северном и южном флангах захватчики продвигались довольно быстро. Торопясь к главному театру военных действий в центре Венгрии, завоеватели оставили за собой множество незанятых замков, однако никто из монгольских командующих не успел к решающему сражению у местечка Мохи (11 апреля 1241 г.). В этот день вторгшиеся в Трансильванию монгольские войска едва достигли Клужа и Сибиу. Так король Бела IV получил шанс начать сражение с Батыем при относительном равновесии сил. Однако венгерские военачальники так и не сумели воспользоваться удачным стечением обстоятельств.

Весной 1242 г., когда монголы снова прошли по Трансильвании, уходя в Среднюю Азию, местные жители встретили их с оружием в руках. И хотя Трансильвания вновь подверглась опустошению и разграблению, часть ее укреплений и на этот раз избежала разрушения.

Установление в Трансильвании сословного строя

Последствия монгольского нашествия. Разрушительные последствия вторжения монголов 1241 – 1242 гг. ощущались в Трансильвании еще в течение двух десятилетий. Основные замки провинции были захвачены и разрушены монголами. Среди них оказался и епископский город Алба-Юлия, который только в XV в. расширился до границ, существовавших до монгольского вторжения, а также замки-резиденции королевских комитов в глубине межкарпатской провинции (Дэбыка, Клуж, Турда, Четатя-де-Балтэ, Хунедоара) и меньшие замки в их окрестностях. Масштаб разрушений вынудил короля оставить замки, что послужило причиной их упадка. Столкнувшись с острым отсутствием ресурсов, с ужасным голодом, от которого пострадало королевство в 1242 г., с гибелью или бегством населения из равнинных областей, с многочисленными бунтами отчаявшегося народа, король Бела IV в течение года не смог заполнить вакуум власти, образовавшийся после отступления полчищ Батыя. Только после официального возвращения короля в Буду, по случаю празднования Пасхи в 1243 г., были предприняты меры по действительному восстановлению власти короля к востоку от Тисы. Их решительно и в жестокой форме проводили Павел Гередье, занимавший должность комита

в Сольноке (1243 – 1248), и воевода Лауренций Аба (1242/43 – 1252). Положительный эффект от действий по восстановлению порядка в Трансильвании начал ощущаться в 1246 г. Долго остававшийся вакантным епископский престол в Алба-Юлии наконец занял епископ Галл (*Gallus*; 1246 – 1270). К этому же времени приобрела регулярный характер добыча и транспортировка соли — основного экономического ресурса Трансильвании.

Однако это возрождение не было долговременным. В 1247 г. перспектива междоусобной войны в Монгольской империи между ханом Батыем и великим ханом Гуюком вновь сделала актуальной угрозу нашествия на Венгрию. В этих условиях, исходя из опыта 1241 г., Бела IV принял новую оборонительную стратегию, суть которой состояла в сосредоточении основных военных ресурсов королевства по линии Дуная. В письме папе Иннокентию IV от 11 ноября 1247 г. король Бела назвал Дунай *aqua contradictionis*^{*}, указывая, что «здесь терпел неудачу наш много раз продуманный план, так что было бы полезно и для нас, и для всей Европы, чтобы для укрепления Дуная возводились замки»¹⁹. Главный герой доблестной обороны линии Дуная во время нашествия 1241 г. — Павел Гередье был отозван с поста комита в Сольноке и назначен на должность судьи при королевском дворе. А Лауренцию Абе, воеводе Трансильвании, было поручено провести переустройство оборонительных укреплений на Дунае, в комите Валко. Рыцарей ордена госпитальеров, которые, заключив с королем Белой договор 2 июня 1247 г., должны были взять на себя функции по защите монарха, также привлекли к созданию оборонительной линии по Дунаю.

Трансильванское княжество (1257–1270). Медленное восстановление Трансильвании заставило короля Белу «возродить» в 1257 г. Трансильванское герцогство, которое возглавил принц Иштван, восемнадцатилетний наследник венгерской короны. Однако в 1258 – 1260 гг. он занимал герцогский престол в Штирии** и по этой причине был временно отозван из Трансильвании. Полномочия Иштвана были переданы Эрни Акошу, которого король назначил на должность бана (*banus*) Трансильвании после

* «Водой противоречия» (*лат.*).

** Немецкое герцогство на юго-востоке Священной Римской империи. В настоящее время федеральная земля Австрийской республики.

его спешных действий по реорганизации Славонии. Самым важным новшеством эпохи было включение комитата Сольнок — являвшегося в первой половине XIII в. удельным владением высоких сановников королевского двора — в административную структуру межкарпатской провинции. Независимо от намерений Белы IV после интеграции в 1260 г. Сольнока в политическую систему, возглавлявшуюся герцогом (баном) Трансильвании, этот комитат постоянно находился в подчинении у трансильванских воевод. Одной из заслуг Акоша было отражение монгольского нападения на юг Трансильвании в 1260 г., что оказало немалое воздействие на моральный дух трансильванцев. Возможно, победу удалось одержать в результате восстановления системы обороны восточных и южных границ, основные компоненты которой составляли автономные поселения румын, секеев и саксов. В том же 1260 г. секеи и румыны из Трансильвании вместе с представителями других народов, проживавших как на территории Венгерского королевства, так и за его пределами, приняли участие в большом сражении под Кресенбруном, в котором Бела IV противостоял королю Чехии Оттакару из династии Пршемысловичей. Потерпев поражение, Бела по Пресбургскому* мирному договору 1261 г. утратил Штирию. После потери западных владений принц Иштван вновь стал правителем Трансильванского герцогства. Его правление во второй половине XIII в. отличалось небывалой для этой провинции пышностью и роскошью двора.

Правление Иштвана было отмечено рядом политических, военных и административных реформ, положивших конец кризису, который продолжался в течение нескольких десятилетий, следовавших за монгольским нашествием 1241 — 1242 гг. Сторонник отмены старой, ставшей анахронизмом административной и военной структуры комитатов, герцог содействовал укреплению мелкого дворянства, в пользу которого отказался от значительной части королевского домена. пожалования Иштвана были особенно внушительными в комитате Альба, где королевские владения преобладали. Значительные пожалования производились в комитатах Дэбыка и Турда, где их объектами стали замки-резиденции со значительной частью принадлежавших им земель. Такая политика, стимулировавшая рост денежного обращения и поиск новых решений для увеличения рентабельности земельного фонда — неза-

---

* Пресбург — немецкое название Братиславы.

висимо от его принадлежности к королевским, церковным или дворянским владениям — способствовала ускорению экономического развития Трансильвании. Административная система на подвластных Иштвану территориях подверглась существенному упрощению, а доходы королевской казны при этом ничуть не пострадали. К тому же времени относятся последние свидетельства о существовании в Трансильвании королевских удворников (1263), а также об участии замковых иобагинов в подтверждение сделок с собственностью (1261 – 1264/65). Упразднение Иштваном должности бана Трансильвании из-за перехода Эрни Акоша в лагерь его противников повлекло за собой восстановление значения титула воеводы, носителями которого последовательно стали три наиболее заметных представителя высшей аристократии: Ласло Кан (1261 – 1264/65), Николае Гюткелед (1265 – 1270) и Матэ Чак (1270 – 1272). В этот период совершенно точно зафиксировано появление должности вице-воеводы (*vicevoievod*) Трансильвании, преобразованной из должности вице-юдекс воеводы (*viceiudex wayuode*), но с более широкими полномочиями. Сформировавшаяся в результате проведенных Иштваном реформ централизация административной власти провинции способствовала укреплению особого положения Трансильвании и усилению ряда местных особенностей. В итоге реформаторской политики герцога разрушение замковой системы достигло наивысшей степени, чему способствовали почти непрерывные внутренние и внешние конфликты этой эпохи. Самым значительным из них стала борьба Иштвана против своего отца Бела IV, что существенно упрочило автономию Трансильвании.

Правление Иштвана в Трансильвании ознаменовалось оживлением восточной политики Арпадов. Магьярская экспансия в условиях доминирования в Восточной Европе монголов была ограничена северо-балканским направлением. Неоднократные походы Иштвана в Болгарию, в которых принимали участие трансильванцы, привели к расширению венгерской гегемонии в западных областях Болгарского царства, на территории которого возникло соперничавшее с Тырновским царство со столицей в Видине. В условиях восточной экспансии Венгрии были вновь определены отношения королевства с румынскими воеводами на землях к югу от Карпат. Так, «страна Литовоя» в Олтении вернулась под власть венгерской короны. Кроме того, усилилось административное давление на румынские земли Карпатского региона.

Политический кризис в первые годы правления Ладислава IV Куна (1272–1290). В первые годы правления Ладислава (Ласло) Куна* расстановка сил между враждовавшими дворянскими группировками, принимавшими участие во внутренних распрях 1272 г., зачастую зависела от того, насколько силен был их контроль над Трансильванией. По целому ряду точно установленных признаков можно определить, что модель герцогства оказалась для Трансильвании вполне органичной. Эту форму правления неоднократно пытались восстановить дворянские группировки из числа бывших сторонников «молодого короля» Иштвана времен его междоусобицы с отцом. После эфемерной реставрации по смерти Иштвана V положения аристократии, поставившей во главе Трансильвании воеводу Николае Гередье (1272 – 1274), контроль над Трансильванским воеводством, провинцией Сибиу и банатом Северин захватила дворянская группировка во главе с Матэ Чаком. Последний предпринял в 1276 г. попытку восстановления герцогства, имея, однако, в виду собственные интересы. Господство Чаков над Трансильванией было сброшено в результате восстания немецких колонистов (февраль 1277 г.), поддерживавших враждебную Чакам группировку во главе с дворянами из рода Хедеров. Двухлетний кровопролитный конфликт завершился поражением саксов в 1279 г., нанесенным вооруженными отрядами рода Аба. Последние тотчас же установили контроль над Трансильванией и на несколько лет стали ведущими фигурами на политической арене Венгерского королевства.

Восхождение Роланда Борши. Монгольское нашествие 1285 г. После свержения власти рода Аба, для чего потребовалось объединение политических сил королевства под патронатом короля Ладислава IV, на должность воеводы Трансильвании был назначен бихорский дворянин Роланд Борша (1282, 1284 – 1294). Дворяне из клана Борша стали настоящими хозяевами комитатов между реками Тиса, Муреш и Западными Карпатами, захватив замки и владения, принадлежавшие семье Гередье. Они представляли старую ветвь дворянского рода из Северной Трансильвании, возможно имевшего славянско-румынское происхождение. Политический союзник архиепископа Лодомира Эстергомского и сторонник

---

* Кунами в Венгрии называли половцев (куманов). Мать Ладислава IV была половчанкой.

политики централизации, проводившейся королем Ладиславом IV, Роланд Борша самым решительным образом содействовал устранению политического влияния рода Аба и подавлению в 1282 г. восстания куманов. С 1284 г., когда Борша был титулован воеводой Трансильвании, он использовал свою власть для установления равновесия между аристократическими группировками.

Эти первые успехи централизаторской политики короля Ладислава IV отчасти омрачило монгольское нашествие 1285 г. Начав вторжение в середине января, ханы Ногай и Тулабуга воспользовались старыми маршрутами, известными еще со времен нашествия 1241 г. Основные силы монголов, усиленные русскими и литовскими отрядами, проникли в Венгрию через Верецкий перевал, опустошив северо-восточную и центральную часть королевства. Другие отряды перешли Карпаты через перевал Быргэу, разграбили север Трансильвании, где разрушили Бистрицу, Окна-Дежулуй, Клуж-Мэнэштур, Турду, Окнеле-Турзии и Риметя-Траскэулуй. Монгольское вторжение было совершено также на юг Трансильвании. Неучастие в непосредственных столкновениях с монголами Ладислава IV было с лихвой восполнено операциями военных отрядов на службе у сеньориальных группировок, которые нанесли монголам ряд сокрушительных ударов. В результате долгой анархии и почти непрерывных междоусобных войн в королевстве появились мощные военные силы, служившие местной знати. Они обладали высокой степенью мобильности, а также ценным боевым опытом. Следует отметить, что новые типы укреплений, возведенные во второй половине XIII в. и выдержавшие испытания во времена междоусобных войн, доказали свою несокрушимость и перед лицом монголов. На юге и востоке Трансильвании секеи, румыны и саксы уже на начальном этапе нашествия успешно блокировали пути продвижения захватчиков. При отступлении чужеземных полчищ, ускоренном мобилизацией на западном берегу Дуная королевских войск, неоднократно предпринимались вылазки защитников, сеявшие панику в рядах монголов.

Значительные опустошения и разрушения, причиненные захватчиками, на этот раз все же не могли сравниться с катастрофическими последствиями нашествия 1241 – 1242 гг. И хотя вторжение 1285 г. было устрашающим и позволило монголам укрепить свое господство на балканских и прикарпатских территориях, оно явилось последним большим наступлением степных орд

на Венгерское королевство. Отражение нашествия 1285 г. могло считаться успехом местных политических сил и во многом обусловило региональную самобытность, став важным импульсом для укрепления аристократических «принципатов» и стимулируя сосредоточение политической власти в регионе в руках тех, кто обладал реальной военной силой.

Утверждение сословного режима (1288–1291). Появление новых функций у собраний знати и превращение их в основной институт системы управления произошли в годы правления короля Ладислава IV, когда этот процесс принял характер подлинной реформы. В задачи новой монархической идеологии — помимо прочего нашедшей свое отражение в историческом сочинении Симона Кезы и в известном политическом трактате аббата Энгельберта Агмонтского *De regimine principum** — входило восстановление прямых отношений королевской власти с низшими категориями дворянства и, таким образом, разрушение установившейся монополии аристократии на политическую жизнь государства. Оказав королевской власти необходимую поддержку при введении централизованной системы управления, среднее дворянство взамен добилось признания своих требований, связанных с представлением себя на уровне местных и провинциальных властных структур. Таким образом, деятельность комитатских собраний не ограничивалась теперь только судебскими полномочиями, но распространялась и на достижение поставленных политических целей. Кроме того, была образована система провинциальных собраний (конгрегаций), что позволило уменьшить диспропорцию в представительстве между дворянством и баронами на уровне общих собраний королевства. Образованные в связи с этим конгрегационные провинции, объединявшие различное число комитатов, в большинстве своем складывались на основе старых территориальных структур тех политических образований, что существовали в северной и восточной частях Карпатского региона до монгольского нашествия. Они сохранялись в различных формах до XI–XII вв., и память о них вошла в историческую традицию эпохи. Так, одна из конгрегационных провинций на территории к востоку от Тисы (свидетельство о которой восходит к 1279 г.) — между Сомешем, Тисой и Западными Карпатами — воспроизво-

---

* О правлении государей (лат).

дила старую структуру «страны Менуморута». В свою очередь, систему поселений в нижнем течении Муреша следует связать с прежним ядром древней территориальной структуры «страны Айтоня». Тем более что аристократический род Чанад, практически владевший большей частью этого региона, вел свое происхождение от участников событий, происходивших здесь около 1000 г.

В Трансильвании дворянское собрание, о котором впервые упоминается 8 июня 1288 г., объединяло представителей комитатов, подчинявшихся властям воеводства. Собрания дворян обычно проходили в Опришане (*villa Cruciferorum*^{*}) в окрестностях Турды. Право участвовать в дворянских конгрегациях Трансильвании, несомненно, зависело от размеров земельных владений в конкретной провинции. Такая форма проявления автономии трансильванского дворянского сословия приводила к парадоксальной ситуации, когда воевода Роланд Борша, не имевший земельной собственности в провинции, скорее всего, не принимал участия в собраниях на подвластных ему территориях. В этих условиях правом председательствовать на конгрегациях и исполнять в период между ними юридические процедуры был наделен вице-воевода (до анжуйского периода он обязательно был представителем трансильванской знати), которому помогали четверо судей, избравшихся, в свою очередь, исключительно из рядов местного дворянства.

Сложность административного устройства Трансильвании привела к образованию всеохватывающей конгрегационной структуры, объединявшей как представителей семи подчиненных воеводе комитатов, так и представителей привилегированных поселений саксов, секеев и румын. Созыв этой представительной структуры — прообраза будущего законодательного собрания, — очевидно, являлся королевской прерогативой. Король был единственным лицом, обладавшим прямой и бесспорной властью над всеми привилегированными слоями. Первые признаки существования таких собраний, поначалу носивших преимущественно консультативный характер, датируются последними годами правления Ладислава IV (1288 — 1289). Генеральная конгрегация, созванная новым королем Эндре III (Алба-Юлия, март 1291 г.), отличалась, однако, от предыдущих тем, что была «конституционной». Ей отводилась роль в проведении на территорию Трансильвании реформаторских мероприя-

* Город крестоносцев (*лат.*).

тий, одобренных Генеральной конгрегацией Венгрии, состоявшейся в Буде в сентябре 1290 г. Необходимость организации в Трансильвании другой — «реформаторской» и «конституционной» — Генеральной конгрегации, отдельной от собственно венгерской, является неопровержимым доказательством превращения в этот период королевства Арпадов в более сложную структуру, чем просто личная уния двух почти во всем отличных государственных образований — *regnum Hungariae** и *regnum Transilvanum*** . Присутствие короля в Алба-Юлии в марте 1291 г. было отмечено активной политической деятельностью. Эндре III провел сепаратные переговоры с представителями всех привилегированных сословий Трансильвании и сумел заручиться их поддержкой. По окончании интенсивной подготовительной работы в воскресенье (11 марта 1291 г.) монарх председательствовал на Генеральной конгрегации всех привилегированных слоев Трансильвании: дворян, саксов, секеев и румын, которые признали «конституционные» положения, предложенные королем в целях «реформирования их статуса».

Временное укрепление королевской власти сразу же после «конституционного» собрания в 1290 — 1291 гг. привело к ухудшению отношений между королем Эндре III и воеводой Роландом Боршей. В вооруженном конфликте, вспыхнувшем весной 1294 г., Борше вначале противостоял епископ Бенедикт из Орадя, сторонник политики короля. Трансильванские сословия воспользовались шансом, чтобы избавиться от непопулярного воеводы.

Роланд был вынужден вернуться в свои бихорские владения. В течение трех месяцев (август — октябрь 1294 г.) замок Адриан, где он укрывался, был осажден самим королем. Капитулировав, Борша получил королевское прощение, однако лишился должности воеводы и утратил политическое влияние в Трансильвании. Успех централизаторской политики короля Эндре III нашел отражение в участии саксов и секеев (возможно, вместе с провинциальным дворянством) в Генеральной конгрегации Венгрии, проходившей в Пеште в 1298 г. Прекращение деятельности расширенной конгрегации Трансильвании было, однако, временным. В период общего кризиса, вызванного смертью Эндре III (14 января 1301 г.) — последнего представителя династии Арпадов, — Трансильвания вновь вернула себе автономию.

* Королевство Венгрия (лат.).

** Королевство Трансильвания (лат.).

Regnum Transilvanum. Письменные свидетельства последних двух десятилетий XIII в. о *regnum Transilvanum (Transilvaniae)* появляются в контексте известий об исполнении дворянами судебных полномочий в рамках собраний (конгрегаций; 1288 и 1292 гг.) или касаются прав и обязанностей дворянского сословия. В то же время все эти документы связаны с функционированием конгрегационной системы. Если акты воеводы Ласло (1288) и его заместителя Бенедикта (1291) были изданы по случаю проведения каких-то конгрегаций, то грамота Эндре III включала положения, которые должны были быть представлены на обсуждение общей конгрегации в Алба-Юлии в марте 1291 г. Ни в одном из упомянутых документов не говорилось о власти над этой территорией Роланда Борши. Таким образом, невозможно показать наличие какой-либо связи между его персоной и использованием понятия *regnum Transilvanum*. Следовательно, в своем реальном значении, как ясно из документов, термин *regnum* был призван обозначить законодательно оформленное сообщество дворян Трансильвании, представленных в *congregatio nobilium**. Это сообщество людей, обладавших привилегиями, не могло, однако, образовывать *regnum* при отсутствии собственно «страны», характерными признаками которой являются территория с четко очерченными границами, наличие правового статуса и система институтов, способная оправдать это название. Подобные законодательно оформленные сообщества привилегированных людей, аналогичные трансильванским, существовали и в других «конгрегационных провинциях» на территории Венгерского королевства. Несмотря на это, ни к одной из них никогда не применяли термин *regnum*. Однако межкарпатская провинция занимала особое место среди прочих провинций, составлявших политический географический ландшафт королевства Арпадов. Бесспорное свидетельство об этом нам предоставляет «*Descriptio Europae Orientalis*»**. В этом сочинении анонимного доминиканского монаха, написанном в 1308 г. по просьбе Карла Валуа, отмечается: «*Dividitur enim Vngaria in duas partes, videlicet in partem transilvanam et in partem danubialem*»***. Ее жители, именуемые

* Собрания знати (лат.).

** «Описание Восточной Европы» (лат.).

*** «Венгрия разделяется на две части, а именно: трансильванскую часть и дунайскую часть» (лат.).

homines fideles Transsilvanos, homines regionis Transsilvane, nobiles partis Transsilvaniae*, и в самом деле, обладая исконными специфическими чертами, отличались от других жителей Венгерского королевства. Таким образом, *regnum Transilvanum* было особой «страной», располагавшей собственными учреждениями, собственной законодательной системой и собственным законодательно оформленным сообществом. Королевская власть являлась номинальной (*regia in persona***) и осуществлялась трансильванским воеводой, наделенным полномочиями королевского наместника (*locumtenens*). Именно он в качестве представителя монарха контролировал исполнение на этой территории административных и судебных функций государства. Трансильвания отличалась от *regnum Hungariae* и в силу собственной исторической традиции, сохранявшей память о былой независимости, утраченной в результате столкновений с правителями Венгрии и заключенных с ними договоров.

Ласло Кан (1294–1315). Политический режим дворянского воеводства. Утверждение Ласло Кана в должности воеводы произошло в 1294 г., в ходе конфликта между королем Эндре III и Роландом Боршей. Любопытно, что передача власти Кану состоялась в обстановке таинственности, без каких-либо предварительных договоренностей между новым воеводой и королевской властью, могущих как-то объяснить это назначение. Ласло был первым воеводой XIII в., который не отличился ни политическими, ни военными успехами в служении королю. Но он был первым, чья семья полностью интегрировалась в дворянское сословие Трансильвании и проживала в этой провинции на протяжении трех поколений. Его статус представителя конгрегационного дворянства был обусловлен слабостью власти воеводы на подчиненной ему территории. Таким образом, новая модель правления отличалась от той, которую в других областях королевства культивировали Матэ Чак, Амадэ Аба и Хенрик Кесеги. Ласло Кан должен был обосновать свое возвышение политической традицией и идеологической программой трансильванского *regnum*. К тому же трансильванский воевода правил в условиях соперничества с Петром Моносло (1270–1307),

* Верные трансильванские люди, люди трансильванской (залесской) области, знатные люди части (т. е. области) Трансильвании (*лат.*).

** «Королевская власть в лице...» (*лат.*).

неоднократно (в 1274, 1294 и 1304 гг.) пытавшимся превратить Трансильванию в политический феодализм своей семьи.

Режим Ласло Кана, установленный после смерти короля, отличался от режима его предшественников, поскольку воевода взял непосредственно на себя исполнение многих королевских прерогатив. В его руках оказались управление королевской собственностью и королевские доходы в землях, входивших в сферу его компетенции. Кан также установил власть над королевскими «комитатами» секеев и саксов. Он созывал конгрегации общего характера, превосходившие по числу участников собрания семи «воеводских» комитатов Трансильвании, и председательствовал на них. Кроме того, Ласло присвоил себе *ius regium** завладеть бесхозными земельными наделами и свободно распоряжаться ими. Это право он оставил за собой даже после достижения компромисса (1310) и принесения присяги королю Карлу Роберту. Опираясь во внутренней политике на среднее трансильванское дворянство, Ласло Кан внедрил его представителей в подчиненный ему административный и военный аппарат. Дворянское собрание действовало постоянно на протяжении всего его правления. После 1301 г., в условиях, когда воевода присвоил себе все прерогативы монарха, собирались расширенные конгрегации, в которых участвовали секеи и саксы, а иногда и дворяне из других провинций королевства. Власть Ласло Кана распространялась на всю Трансильванию. Ее формально признавали и в комитате Сибиу, и в округах секеев. Ласло также контролировал еще с 1300 г. комитат Арад. После 1311 г. Ласло господствовал над большей частью Баната. Двор воеводы в Дева копировал королевский. Это объяснялось переходом после 1301 г. на службу к воеводе местных чиновников, подчиненных главным сановникам королевства. Кроме того, Ласло Кан играл решающую роль в организации казны Трансильвании, первое упоминание о которой содержится в тексте договора в Сегеде (1310). Основная деятельность этой фискальной организации состояла в ежегодной переканке денег и во взимании причитающихся сборов (*lucrum camere*)** . Вполне возможно, что ее полномочия распространялись на всю территорию Трансильвании, включая комитат Сибиу и земли секеев. Кроме того, Кан произвел реорганизацию канцелярии воеводства по образцу

* Королевское право (лат.).

** Доход казны (лат.).

епископской канцелярии в Алба-Юлии. Ее глава в 1303—1306 гг. — архидиакон Иоанн из Тырнова — обладал важными судебскими полномочиями. Он заверял распоряжения воеводы и принимал участие в их исполнении. Став летом 1307 г. заместителем епископа Трансильвании, Иоанн казался наиболее вероятным преемником немолодого епископа Петра Моносло и первоначально пользовался поддержкой Ласло. Однако возведению Иоанна в ранг епископа помешали чрезмерные амбиции воеводы. В день смерти епископа Петра (27 ноября 1307 г.) Кан арестовал в Алба-Юлии большинство каноников капитула епископского собора, которым 7 января 1308 г. навязал в качестве избранника на должность епископа одного из своих сыновей. В результате такого превышения власти под контролем воеводы оказались основные владения епископии. В то же время Кан серьезно подорвал собственные позиции, нажив многочисленных врагов.

Внешняя политика Трансильвании в этот период резко отличалась от той, которую проводили короли династии Арпадов. С 1301—1303 гг., руководствуясь соображениями безопасности подвластной ему страны, воевода укрепил позиции в Юго-Восточной Европе. Великолепные отношения Кана с сербами, болгарами, Русью* и румынами позволили ему принять участие в споре за венгерскую корону и до 1315 г. обеспечивали воеводе прочное положение в международных делах. Вступив в спор о наследовании венгерской короны, Ласло Кан проявил себя непримиримым противником Карла Роберта Анжуйского — в отличие от Петра Моносло, с самого начала приветствовавшего анжуйского кандидата на престол. Ласло до 1305 г. объявлял себя сторонником чешского короля Вацлава II Пршемисловича, а после его убийства стал приверженцем баварского кандидата Отто Виттельсбаха. Последний, оказавшись в сложном положении, бежал в Трансильванию, где заключил брак с дочерью воеводы. Однако летом 1307 г. Ласло Кан по наущению короля Германии Альбрехта Габсбурга — соперника дома Виттельсбахов — арестовал Отто, конфисковав корону и другие регалии венгерского королевства. Обладание священной короной** превратило Ласло Кана в основного претендента на венгерский трон. Он заключил прочный союз с королем Сербии Стефаном Милутином, а сын последнего, будущий король Стефан Де-

* Речь идет о Галицко-Волынской Руси.

** То есть короной св. Стефана (Иштвана), первого короля Венгрии.

чанский, стал зятем воеводы. Кроме того, сербский король вовлек Ласло в политические проекты Карла Валуа — брата короля Франции Филиппа IV Красивого, — пытавшегося завладеть венгерской короной для своего сына. В конце концов, трансильванский воевода вступил в переговоры с королем Карлом Робертом, которому в августе 1310 г. уступил священную корону в обмен на признание своей власти над Трансильванией и большей частью Баната.

Румыны в политической системе воеводства. Включение румын в политическую систему Трансильвании и начало утверждения их как особого слоя в ее рамках явилось результатом длительного процесса адаптации традиционного местного общества к системе ценностей западного феодализма и образования элиты, стремившейся к обретению дворянского статуса. К представителям таких румынских князей-землевладельцев король Эндре III обратился с призывом принять участие в Генеральной конгрегации в Алба-Юлии в марте 1291 г. Именно к ним в 1288 г. архиепископ Лодомир Эстергомский обратился с просьбой отказаться от поддержки короля Ладислава Куна, которому они до этого помогали вместе с представителями других привилегированных слоев Трансильвании. В бурных событиях второй половины XIII в. военная роль румын становилась все более важной, выходя за рамки обороны границ. Привлечение их к участию в различных конфликтах на западных рубежах Венгрии — война против Чехии (1260) и поход против Австрии (1291) — является бесспорным подтверждением этого факта. Роль румын в экономике также становилась более значимой, поскольку их пастушеская специализация была связана с производством сукна в промышленных центрах саксов. В то же время необходимость повышения рентабельности дворянских владений привела к возрастанию интереса землевладельцев к румынам как к крестьянам, способным обрабатывать землю.

Две из румынских «земель», включенных в политическую систему Трансильванского воеводства, — Хацег и Фэгэраш — в конце XIII в. вступили в новый период укрепления своей автономии. Румынские кнезы земли Хацег, основывавшие во второй половине того же столетия монастыри и укрепленные церкви, например в Денсуше и Пештяне, безусловно, находились в привилегированном положении во времена воеводства Ласло Кана. Наиболее ранний слой фресок церкви Стрейсынджеорджу, где упоминаются

кнез Баля, священник Нанеша и иконописец Теофил, датируется этой эпохой (1313–1314) и свидетельствует о том, что кнезы завладели земельной собственностью дворян. Румыны из Фэгэраша продолжали играть важную роль в системе обороны Трансильвании. Участвуя в создании в южных предгорьях Карпат приграничного военного округа с центром в Кымпылунге, бояре Фэгэраша традиционно (что зафиксировано многими средневековыми источниками) оказывали воздействие на процесс формирования средневековой «Румынской земли» (Валахии). Что касается румынских воевод из «земли Марамуреш», то им удалось получить дворянский статус еще во времена Ладислава Куна. В период междуцарствия Марамуреш, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, практически вышел из политической системы Венгерского королевства. В начале лета 1308 г., когда Ласло Кан отправил в Марамуреш своего пленника Отто Виттельсбахского; «герцог» (*Herzog*) этой «валашской земли» (*Walachenland*) являлся, по данным хроники Оттокара Штирийского, не более чем союзником трансильванского воеводы.

Закреплению позиций румын во второй половине XIII в. способствовала ликвидация — по инициативе королевской власти, нуждавшейся в новых людских и материальных ресурсах, — внутренних преград между сравнительно малочисленным слоем завоевателей и массой покоренного населения. Процесс адаптации румын к конгрегационной политической системе происходил довольно быстро. Их традиционные институты в ту эпоху постоянно развивались, приспособляясь к новым реалиям. Замедление в дальнейшем темпа развития этих институтов объясняется фактом исключения румын из политической системы, так как признание их привилегированного статуса могло подвергнуть опасности ее существование.

Завоевание Трансильвании Карлом Робертом. Режим анжуйской монархии. После смерти Ласло Кана (1315) королевские войска вторглись в Трансильванию, и началась длительная война. Трансильванские дворяне при поддержке Сербии, Болгарии, Галицкого княжества и Валахии отчаянно сопротивлялись установлению анжуйского господства, отстаивая права сыновей Ласло Кана на управление воеводством. После многочисленных столкновений, происходивших с переменным успехом, — при Дебрецине (1316), Киче (1317), Топе (1318), Бонциде (1320), Деве (1321) и в дру-

гих местах — королю, в конце концов, удалось установить свою власть над большей частью Трансильвании. Несмотря на это, многие представители мятежного дворянства — например, комит Шаламон из Брашова, который удерживал замок Кодля от захвата королем в течение всего 1331 г., — продолжали оказывать сопротивление еще на протяжении многих лет после официального окончания войны. Одержав победу, Карл Роберт установил в Трансильвании оккупационный режим под патронатом жестокого и корыстолюбивого воеводы Тома Сечени (1321 – 1342). Трансильванских дворян лишили важных должностей и заменили преданными короне людьми из областей к востоку от Тисы. Дворяне наравне с другими жителями провинции подвергались сильнейшему угнетению со стороны королевских сторонников.

Становление Валахии (Румынской земли)

Феодальные румынские государства образовались в результате длительного развития политических раннегосударственных объединений в предшествующие столетия. Воеводаты, кнезаты, «румынские земли» пережили процесс укрепления, связанный с демографическим ростом и формированием экономических и общественных структур.

Грамота иоаннитам (1247) и политическая обстановка на территории между Карпатами и Дунаем. В период монгольского нашествия раннегосударственные политические объединения румын к югу от Карпат переживали процесс укрепления благодаря интеграции в военную систему, созданную династией Арпадов для защиты восточных границ. Хроника перса Рашид-ад-дина описывает столкновения в этом регионе, происходившие между ханом Бучеком и местным властителем Миселавом. Готовый к сражению с монголами, он поджидал их в горах «Япрак-Так» (Карпаты). Владения Миселава, судя по всему, могут быть локализованы в прикарпатской области Мунтении. Грамота иоаннитам указывает на существование в этих краях в 1247 г. румынского воеводата во главе с Сенеславом. Миселав, несомненно, не обладал достаточно мощными силами, чтобы даже в условиях пересеченной местности совершить нападение на монгольский тумен — военную единицу, как правило, численностью 10 тыс. человек.

Целью заключенного между королем Белой IV и рыцарями ордена иоаннитов 2 июня 1247 г. договора являлось размещение их в ряде местностей королевства (в том числе в Северине). Главная его ценность для историков заключается в том, что договор открывает завесу над реалиями средневекового румынского пространства, данные о которых отсутствуют в других исторических источниках. Иоанниты получали от короля Венгрии «всю землю Северина» (*terram de Zeurino*) «с кнезатами Иоанна и Фаркаша до реки Олт» (*cum kenazatibus Joannis et Farcasii usque ad fluuium Olth*), за исключением «земли кнезата воеводы Литовоя» (*terra kenazatus Lytuoy woiauode*). Последнее политическое образование, названное еще *terra Lytua*, оставалось в руках румын, «как владели они ею и до сего дня» (*excepta terra... quam Olatis relinquimus prout iidem hactenus tenuerunt*). Основные условия договора между рыцарями и королем состояли в следующем: монарх получал половину доходов и повинностей (*utilitatum, redditum ac seruitiorum*) Северина и двух других указанных кнезатов — Иоанна и Фаркаша, в то время как другая половина причиталась рыцарям. Король не имел права пользоваться доходами с уже построенных церквей или с тех, которые будут там сооружены. В свою очередь, иоанниты не должны были покушаться на «честь и права» высшего духовенства — архиепископов и епископов, — «которые те имели». Доходы от мельниц, работавших или тех, что будут построены в будущем, за исключением находящихся в *terra Lytua*, а также различные здания, посевы, сенные луга и пастбища (*fenetis, pascuis*) для коров и овец, устроенные за счет рыцарей, оставались в собственности последних. Доходы от рыболовства и прудов должны были делиться поровну между рыцарями и королем. Кроме того, рыцари получали разрешение собирать для себя половину королевских доходов, взимавшихся с румын «земли Литуя», за исключением «земли Хацег, со всем, что к ней относилось» (*excepta terra Harszoc cum pertinentibus suis*). Воевода из «земли Литуя» был обязан исполнять воинскую повинность в пользу рыцарей (*cum apparatu suo bellico*). Взамен рыцари обязывались, насколько это было в их силах, помогать румынам. Особый пункт — самый обсуждаемый в историографии — касался судейского права. В случае смертного приговора «старшие люди земли» (*maiores terrae*), т. е. дворяне, вне зависимости от этнической принадлежности, имели возможность обращаться в королевский суд, если считали приговор местного суда несправедливым.

На условиях, весьма сходных с теми, что были установлены для «земли Северина» и «земли Литуя», рыцарям ордена иоаннитов была уступлена «вся Кумания от реки Олт и до гор Трансильвании... за исключением страны Сенеслава, румынского воеводы, которую оставляем тем, кто ею до сих пор владел» (*a fluvio Olth et alpibus Ultrasiluanis totam Cumaniam... excepta terra Szeneslai, woiavide Olahorum, quam eisdem relinquimus, prout iidem hactenus tenuerunt*). Иоанниты получали исключительное право пользоваться доходами «Кумании» в течение 25 лет. По истечении срока королевские слуги должны были каждые пять лет появляться на этой территории, чтобы собирать налоги, оставляя, однако, половину от них рыцарям.

Можно сделать ряд заключений общего исторического порядка на основании этого документа середины XIII в. Территория между Карпатами и Дунаем была покрыта сетью «земель» с разным политико-юридическим статусом — воеводатами, обладавшими политической автономией по отношению к венгерской короне, и кнезатами, зависимыми от «земли Северина», которую король пожаловал рыцарям ордена иоаннитов. Владения Литовоя в Олтении были неразрывно связаны с территорией «земли Хатце», расположенной в глубине карпатской дуги и не являвшейся объектом сделки 1247 г. Неясной остается местоположение кнезатов Иоанна и Фаркаша — хотя специалисты локализуют их в прикарпатском регионе Олтении. Что касается воеводства Сенеслава к востоку от Олта, то оно располагалось, скорее всего, в прикарпатском регионе Мунтении, на будущих территориях средневековых уездов Арджеш и Мусчел.

Воеводат Литовоя. Столкновения с Венгрией. Два основных государственных формирования, зафиксированные к югу от Карпат в 1247 г., на протяжении второй половины XIII в. имели параллельное, не во всем совпадающее историческое развитие. В то время как расположенный в непосредственной близости от владений Золотой Орды воеводат в Арджеше переживал в конце века период относительного спокойствия, государственные объединения к западу от Олта были вовлечены в круговорот конфликтов за господство над этой стратегически важной территорией, представлявшей для Венгрии подлинные «ворота на Балканы». До сих пор неясно, на самом ли деле госпитальеры взяли на себя роль защитников Северина и вступили во владение землями, пожалован-

ными в 1247 г. Бесспорно одно: после 1255 г. вновь имело место военное присутствие венгров на этом пространстве, что спровоцировало нападение болгар на Северин в 1260 г. Оно происходило одновременно с неудачным нашествием монголов в Трансильванию. Отвоевание Северина Лауренцием, сыном Кемина (1261), совпало с возвращением принца Иштвана на трон герцога Трансильвании и с началом длительного ряда венгерско-болгарских войн (1261 — 1267). В результате их в западных областях Болгарии было создано «царство» под мадьярским протекторатом со столицей в Видине. В этот период (вероятно, в 1265 г.) воевода на реке Жиу утратил контроль над «землей Хацег» и в качестве королевского пожалования отошел Иоахиму Гюткеледу, брату воеводы Николая Трансильванского (1265 — 1270). Давление короля на румын, осуществлявшееся теперь с двух сторон, усилило их враждебное отношение к венгерскому господству. Возведение Иоахимом Гюткеледом между 1265 и 1270 гг. двух крепостей с шестиугольными донжонами в Хацеге и Мехадии свидетельствует о существовании опасности для юго-запада Трансильвании и горной части Баната. А опасность могла исходить только со стороны румынского воеводства на территории Олтении.

В 1272 г., одновременно со смертью короля Иштвана IV и политическим кризисом в Венгрии, воевода Литовой — возможно, сын или внук воеводы, упомянутого в 1247 г., — распространил свою власть на другие государственные образования на территории Олтении и прекратил обязательные выплаты Венгерскому королевству. Вполне вероятно, что его попытки возратить утраченные земли были направлены и на «землю Хацег», где вооруженные восстания и столкновения накануне 1276 г. привели к созданию комитата Хацег во главе с Петром Абой. Признаки углубления кризиса венгерского господства в этих регионах проявились в том, что карательные меры против воеводы с берегов Жиу удалось принять только спустя несколько лет после подавления поднятого им мятежа. Возглавил поход против Литовой магистр Георге Бакса — фамилиар* Лауренция Абы, в конце 1278 г. получивший должность бана Северина. В поход против Литовой войско выступило из замка Северин в первые месяцы 1279 г. Одновременно с этим другие члены клана Аба вели войну против саксов «провинции» Сибиу. Этот быстрый и внезапный поход закончился полной победой

---

* Свободный воин-земледелец на службе у барона или прелата.

королевских войск. Воевода Литовой погиб в сражении, а его брат Бэрбат был захвачен в плен и доставлен магистром Георге к королю Ладиславу IV. Последний освободил пленника, взяв за него значительный выкуп. Стоит отметить, что, несмотря на эту полную победу, речи о возвращении венгерской короне равнинных территорий, которыми завладел Литовой, не шло. Взамен на денежные выплаты и формальное принесение Бэрбатом вассальной присяги Ладислав IV смирился со свершившимся фактом, признав результаты этого первого этапа объединения политических образований к югу от Карпат.

Однако восстановление венгерского сюзеренитета над равнинным румынским воеводством носило временный характер. Нападение хана Ногая на Венгрию несколько лет спустя (1285) привело к усилению монгольского господства над равнинными территориями и временному отступлению Венгрии из стратегического замка Северин. Попытки короля Эндре III восстановить венгерские позиции в регионе и возобновление им юго-восточной политики в союзе с болгарским царем Георгием Тертерием I получили решительный отпор со стороны Ногая и его главных северобалканских союзников — видинских Шишманов (1292). Венгрия утратила Северин почти на четыре десятилетия.

Воеводат в Арджеше. Объединение политических образований на территории между Карпатами и Дунаем. Ослабление власти Золотой Орды на восточных территориях между Карпатами и Дунаем в конце XIII в. и политический кризис в Венгерском королевстве после падения династии Арпадов усилили стремление к автономии в государственных объединениях Карпатского региона и распространение их власти на Дунайской равнине. В этих условиях в конце столетия заявил о себе румынский воеводат в Арджешской области, который, выступив с инициативой объединения румынских политических образований на территориях между Карпатами и Дунаем, содействовал ускорению процесса создания «единой власти для всей Румынской земли».

Этому процессу весьма способствовало объединение «румынского государства» в области Фэгэраш. Историки традиционно приписывают образование Валахии воеводе Раду Негру. Легендарная традиция несомненно отражает реальные события, завершившиеся, по всей вероятности, в последнем десятилетии XIII в. Они были связаны с образованием Венгерским королевством закарпат-

ской приграничной марки с резиденцией в Кымпулунге. Найденный могильный камень одного из правителей этого образования — *comes Laurencius de Longo Campo*^{*}, — датируемый 1300 г., служит четкой хронологической вехой. До конца неясны условия, при которых произошло распространение власти комитов Кымпулунга на воеводат в Арджеше. Также остаются туманными обстоятельства подчинения правителей земель к западу от Олта политическому образованию в прикарпатской Мунтении. В исторической традиции главное место в образовании Валахии отводится Кымпулунгу. Возможно, конечный этап процесса образования Валахии пришелся на два первых десятилетия XIV в. Определенную роль в нем сыграло влияние внешней политики — установление отношений между северодунайскими румынами и болгарским царством Шишманов со столицей в Видине. Укрепление позиций мунтянского воеводы Басараба — сына местного властителя по имени Токомерий (*Thocomerius*), статус которого невозможно с точностью определить, — произошло, по имеющимся сведениям, во время войны с Венгрией православных государств, расположенных на севере Балканского полуострова (1316–1324), которые поддержали восстание дворянства земель к востоку от Тисы против нового короля Карла Роберта Анжуйского.

Борьба за независимость Валахии от Венгрии в эпоху Анжуйской династии. Документальные свидетельства об участии Басараба в военных операциях в районе Мехадии на заключительном этапе войны (1322–1324) являются доказательством того, что в этот период становление политических образований в прикарпатских регионах Мунтении и Олтении уже произошло. В результате дипломатических переговоров, которые вел с румынским воеводой от имени короля Карла Роберта некий Мартин, комит Сэлажа, был заключен мир между Венгрией и Валахией (1324). Став вассалом Венгрии по условиям мирного договора, заключенного 26 июля 1324 г., в котором его определяли как «*Bazarab, woyuodam nostrum Transalpinum*»^{**}, воевода Валахии не сделал никаких территориальных уступок своему северному соседу. По крайней мере представляющий стратегическую важность замок Северин и после этой даты продолжал оставаться в его вла-

^{*} Граф Лауренций из Кымпулунга (*лат.*).

^{**} Басараба, нашего трансальпийского (т. е. загорного) воеводу (*лат.*).

дении. А вассальная зависимость была связана с какими-то условиями, поскольку румынский воевода не брал на себя никаких обязательств перед королем Венгрии, за исключением ряда финансовых, размер которых трудно уточнить. Несмотря на это, факт обращения папы Иоанна XXII к Басарабу, которого его святейшество называл *princeps devotus catholicus** и хвалил его действия (*opera*) *ad exterminationem infidelium nationum*** , представляется свидетельством существования определенных форм сотрудничества между румынским воеводой и католическим миром. Однако конкретное содержание этого сотрудничества остается невыясненным.

Взаимное недоверие между Венгрией и Валахией после 1324 г., возникшее из-за недовольства Карла Роберта условиями мира, со временем переросло в напряженность. Избегая исполнения обязанностей вассала Венгерского королевства в сфере внешней политики, Басараб в то же время оставался интегрированным в политическую систему, сложившуюся вокруг Болгарского царства, вновь объединенного в начале 1323 г. под властью видинского деспота Михаила Шишмана (1323 – 1330). Масштабное участие «угровлашских» (*ungrovlaha*) войск в походах болгар против Византии зафиксировано еще в 1323 г. В 1330 г. Басараб принял участие в походе царя Михаила Шишмана против Сербии, завершившегося, однако, полной победой сербов при Вельбужде 18 июля. В результате поражения болгар, за которым последовала смерть Шишмана и недолгое воцарение в Тырнове младшего царя — Ивана Стефана, находившегося под контролем сербского короля Стефана Дечанского, равновесие на Балканах было нарушено. В сложившихся обстоятельствах Карл Роберт получил возможность вновь попытаться определить военным путем свои отношения с воеводой Валахии. Поход в сентябре – ноябре 1330 г., начатый с наспех сколоченной армией, бесспорно, был попыткой короля воспользоваться хаосом, в котором оказалась созданная Михаилом Шишманом политическая система. После довольно легкого завоевания Северина уверенный в своем военном превосходстве Карл Роберт отверг мирные предложения Басараба и, несмотря на неблагоприятное время года, продолжил наступление на Арджеш — столицу Валахии. Вступив на покинутую жителями территорию, голодная

* Благочестивый католический государь (*лат.*).

** По истреблению неверных народов (*лат.*).

и оставшаяся без снабжения королевская армия была изнурена, еще не добравшись до намеченной цели. В этих условиях штурм замка — резиденции воеводы — оказался неудачным, хотя качество укреплений в Арджеше было намного ниже, чем в Северине. Чтобы спасти свою репутацию, король заключил с Басарабом перемирие, снял осаду и начал отступление к Трансильвании, с трудом прокладывая себе путь через ущелья Южных Карпат. Румыны сразу же поняли, что им представился уникальный шанс разгромить королевское войско. Оказавшись зажатыми в одной из узких горных долин, войска Карла Роберта были почти полностью истреблены воинами воеводы в жестокой битве, длившейся с пятницы 9 ноября до понедельника 12 ноября 1330 г. Королю с трудом удалось спастись, переодевшись в платье одного из своих верных людей.

Международное признание Валахии. Основание Угровлашской митрополии. Победа 1330 г. не только узаконила независимость Румынской земли (Валахии) от венгерской короны, но и коренным образом изменила ее международное положение. Успешно отразив в самый критический момент и без какой-либо поддержки союзников вторжение во главе с самим венгерским королем, Басараб I завоевал престижное положение на политической арене Юго-Восточной Европы, о чем его предшественники вряд ли осмеливались мечтать. В феврале 1331 г., спустя несколько месяцев после своей победы, валашский воевода поспособствовал возведению на царский престол в Тырнове своего зятя Ивана Александра. В 1331 — 1332 гг. войска Мунтении поддерживали болгар в их победоносной войне с Византией. Вероятно, в этот период Басараб отвоевал замок Северин. Возобновившаяся в 1335 г. война с Венгрией на этот раз развернулась на более широком фронте. Источники фиксируют вооруженные столкновения в «земле Бырсей» и Северине, который остался во владении правителя Румынской земли. В 1343 — 1345 гг., после смерти Карла Роберта и коронации его сына Людовика (Лайоша) Великого, политика Венгрии вступила в новую фазу. На этот раз Басараб потерял Северин, а его сын, Николай Александр, возможно являвшийся соправителем отца в конце концов согласился принести оммаж и присягу верности венгерскому королю. Восстановленный посредством этого формального акта мир с Венгрией оставался нерушимым до смерти Басараба, последовавшей — согласно записи времен правления

его внука Владислава Влайку — в Кымпулунге, по византийскому летосчислению в 6860 г. (1351/52).

В правление сына и преемника Басараба Николая Александра (1351/52 – 1364) внешняя политика Валахии была существенно переориентирована вследствие изменения в расстановке сил в Центральной и Восточной Европе. Накануне 1355 г. Николай Александр отказался от традиционных связей с Тырновским болгарским царством, установил союзнические отношения с Византией и Сербией, где правил Стефан Душан, и зятем Стефана Иваном Срацимиром, видинским царем, покровителем которого стал. Поддержав политику Византии и Константинопольской патриархии, направленную на изоляцию болгарского государства и его автокефальной церкви, Николай Александр переподчинил мунтянскую церковь патриарху Константинопольскому. Смена юрисдикции должна была подчеркнуть легитимность его правления во всей Валахии. Она совершилась по инициативе мунтянского воеводы, который перевел в Арджеш митрополита Якинта из Вичины — города, сильно пострадавшего в прошлые десятилетия от татарских набегов. После этого перевода, официально признанного в мае 1359 г. патриархом Каллистом и Великим синодом, последовало назначение Якинта «законным архиереем всей Угровлахии» и возвращение Румынской земли под власть «Великой Пресвятой Божьей Церкви». Актом 1359 г. Валахия была официально принята в большое византийское «Содружество Наций»*. Это событие явилось наивысшим подтверждением законности власти правителей Мунтении, к которой они непрестанно стремились на протяжении полувека. Оно обеспечило полную и безоговорочную интеграцию воевод Арджеша в семью православных правителей, обеспечив им равные внешнеполитические позиции с соседями на юго-востоке Европы.

Становление Молдовы

Политическая организация Восточно-Карпатского региона. Несмотря на фрагментарный характер, исторические источники со-

---

* Историкографический термин, обозначающий совокупность православных государств, находившихся под культурным (нередко и политическим) влиянием Византии: Болгарии, Сербии, Руси и др.

держат свидетельства, позволяющие воссоздать основные вехи развития политической организации Восточно-Карпатского региона во второй половине XIII в. и в первые десятилетия XIV в. После монгольского нашествия, в 1247 г., францисканский миссионер Джованни де Плато Карпини на обратном пути от двора Великого хана встретил герцога по имени Олаха (*Olah*), что, вероятно, является этнонимом румын (влахов), если речь не идет о неправильном написании русского имени Олег. Несколько лет спустя монах-францисканец Вильгельм Рубрук (*Wilhelm de Rubruk*), посланник короля Франции ко двору Великого хана, упоминал румын (*Blaci, Blati*) в числе посланцев от разных народов, находившихся на пути в резиденцию монгольских правителей. Спустя несколько десятилетий, в 1276–1277 гг., румыны (*Blaci*), согласно хронике Фомы Тосканского (*Thomas Tuscus*), вели войну с рутенами (*Bruteni*), не давая тем прийти на помощь их союзнику королю Чехии Оттакару II в его борьбе с Рудольфом Габсбургским. Полагаясь на данные сведения, можно предположить, что к этому времени румыны на территории нынешней Молдовы уже располагали довольно значительными военными ресурсами, позволявшими бороться с такими крупными государствами, как, например, Галицкая Русь. Несколько кратких свидетельств о влахах, проживавших в Восточно-Карпатском регионе, появляются в двух папских документах, датируемых последней четвертью XIII в. и изданных в ходе новых попыток активизации католической миссионерской деятельности в Восточной Европе. Седьмого октября 1279 г. папа Николай III попросил своего легата в Венгрии Филиппа Фермо изучить положение епископии в Милкове. Несомненно, речь шла о расположенной на границах Золотой Орды бывшей половецкой епископии, где к тому времени уже в течение 40 лет не было ни одного епископа²⁰. В 1288 г. папа Николай IV направил миссионеров из ордена братьев-проповедников во многие восточные страны, среди которых упоминалась и «земля валахов»²¹. Наконец, несколько десятилетий спустя, в 1326 г., румыны упоминаются вместе с рутенами и литовцами среди участников похода на Одер, предпринятого королем Польши Владиславом Локетком (1306–1333) против бранденбургского маркграфа. Отсюда можно сделать сразу три вывода: о способности румын действовать в далеком регионе, объединяться с военными силами народов, уже снискавших славу своим воинственным духом, и, не в последнюю очередь, незаметно встраиваться

в иную политическую систему, чем Золотая Орда. Богатство хранилищ оружия и предметов конного снаряжения XIII – XIV вв., которые были обнаружены в Ватре-Молдовицей, Кошне и Козэнештях (уезд Сучава), делают логичным предположение о принадлежности их владельцев к хорошо организованным военным единицам. Весьма возможно, что с этими единицами были связаны *potentes illarum partium**, упомянутые в документах папской курии 1332 и 1337 гг.

На основе археологических исследований последних десятилетий можно выдвинуть некоторые догадки по локализации раннегосударственных образований в этом регионе. Погребальные комплексы тюркских кочевников сосредоточены преимущественно в степях между Прутом и Днестром, где поселения коренных жителей исчезли еще в XI в. Важные пути сезонных пастушеских миграций кочевников пролегали по течению Днестра, Прута, Бырлада и их главных притоков, проникая в области компактного проживания румынского населения. После нашествия 1241 – 1242 гг. ареал расселения тюркских племен заняли монголы, которые распространили собственную систему управления в районах по соседству с этим плато. Население упомянутых областей, дополненное этническими группами восточного происхождения, было разнородным, отдельные его элементы начинали отдавать предпочтение проживанию в городских центрах. Для возможных резиденций местных правителей Золотой Орды — городов Костешти и Старый Оргеев, расположенных в долине Днестра, — были характерны неоднородность населения, развитие ремесел и торговли, присутствие мусульманской религии и арабского языка. Различные народы, интегрированные в военно-политическую систему Орды: половцы, аланы и др., были расселены монголами в центральных и южных областях будущего Молдавского государства. В эту эпоху здесь компактно проживали кавказские аланы, «страну» которых итальянские портоланы и арабские источники помещают к северу от Дуная. Возможно, она включала часть долины реки Прут, которая на нескольких морских картах изображена под названием *Alanus fluvius***.

Среди топонимов, зафиксировавших присутствие аланов в центральных областях современной Молдовы — весьма много-

* Могущественные люди этих частей (т. е. областей) (лат.).

** Аланская река (лат.).

численных там до 1302 г. (дата их массовой миграции в Византийскую империю), — самым известным является название города Яссы. Орда удерживала позиции в этом регионе до 1370 г., т. е. до того времени, когда Богдан заложил здесь основы самостоятельного государства. Таким образом, можно сделать вывод, что появлению раннегосударственных образований на юго-востоке Карпато-Днестровского региона препятствовали политические обстоятельства. Напротив, благоприятные условия сложились в западных, северных и центральных областях Молдовы. Неслучайно изначальный центр молдавского государства находился в северо-западной части территории между Карпатами и Днестром, по всей вероятности, в бассейне реки Молдовы. Ее название — как указывали уже средневековые летописцы — позднее распространилось и на все воеводство.

Северо-западные регионы нынешней Молдовы, располагавшиеся на безопасном расстоянии от главных татарских владений, находились в более выгодном положении и были включены в совсем другую систему политико-экономических отношений. Экономические связи с Трансильванией и Галицкой Русью благоприятствовали появлению в этой зоне саксов, вклад которых в развитие горного дела, ремесел и торговли был весьма существенным. Эти немецкие колонисты обитали рядом с мадьярскими и секейскими поселениями, появившимися здесь еще в XIII в. Само название города Байя — важного экономического центра, ставшего спустя несколько десятилетий первой столицей молдавского государства, — образовано от венгерского слова *bánya*, означающего «рудник». Немецкий житель этого города — *Allexandro Moldaowicz* — упоминается в 1334 г. в документе, изданном во Львове, располагавшемся на территории Галицкого княжества. В этих землях в первой половине XIV столетия находились в обращении венгерские и центральноевропейские монеты, в то время как в южных и восточных областях Карпато-Днестровского региона преобладали монеты монгольской и византийской чеканки. К факторам, влиявшим на первоначальное развитие городов (наряду с Байей к экономическим центрам этой области принадлежали Сирет и Сучава), относилось возросшее значение пути, пересекавшего Молдову с севера на юг. Он связывал Львов с Черным морем и дельтой Дуная. Кроме того, важную роль в урбанизации края играло его ответвление, шедшее через трансильванские города Бистрица и Родна в Центральную Европу.

Политическое образование в долине реки Молдовы в первой половине XIV в. заметно обособилось от Галицкого княжества, хотя между их церковными организациями по-прежнему сохранились связи. Самым ярким примером тесного сотрудничества между двумя государственными образованиями по обе стороны Карпат являлись отношения между Молдовой и Марамурешем. Политическое и военное преобладание в этом регионе марамурешских воевод и князей, явственное на всем протяжении XIV в., следует связывать с укреплением румынского воеводата в верхнем бассейне Тисы, возрастанием военного престижа и политической роли его дворянства. В румынском Марамуреше правил воевода «земли румын» (*Walachenland*), который летом 1308 г. предоставил убежище претенденту на венгерский королевский трон — герцогу Верхней Баварии Отто Виттельсбахскому после его освобождения из плена. Оттокар Штирийский определил положение воеводы как «господина» (*Heig*) «над другими». Упомянутый румынский правитель, по всей вероятности, властвовал и над другими политическими образованиями на северо-западе современной Молдовы.

Наступление Венгрии и Польши на восток. Становление независимого молдавского государства происходило в условиях притязаний венгерских и польских правителей поставить под свой контроль соседние восточные территории, прежде зависевшие от монголов. Основные события разворачивались в два этапа. Первый из них (1340 – 1349) закончился присоединением Галицкой земли и большей части Волыни к Польше и установлением власти Венгрии над большей частью восточнокарпатской территории. Второй этап (1350 – 1355) завершился после отражения контрнаступления татар и литовцев упрочением польских и венгерских позиций и окончательным поражением татар в западной части их владений.

Успех польских походов на Галицкую Русь в 1340 – 1341 гг. предоставил венгерскому королю Людовику Анжуйскому шанс предпринять наступление на территории к востоку от Карпат. Венгры использовали как предлог мученическую смерть двух монахов-францисканцев в северо-западной части теперешней Молдовы, в Сирете (1340), и в 1343 г. начали военную кампанию на восточнокарпатской территории. Однако в первых же столкновениях с татарами и их союзниками королевские войска потерпели пора-

жение. Возобновив в 1345 – 1346 гг. наступление на восток от Карпат, венгры добились серьезных успехов, оттеснив татар к берегам Черного моря. На отвоеванных территориях с внешней стороны карпатской дуги венгры в 1347 г. восстановили католическую епископию в Милкове. В этот же период (1347 – 1349) Венгерское королевство распространило свое господство на воеводат в долине Молдовы. В 1349 г., к моменту аннексии поляками Галицкого княжества, Людовик Анжуйский уже создал в долине Молдовы оборонительную «марку», в военной структуре которой важное место занимали марамурешские вассалы короля.

Образование молдавского государства. Завоевание независимости от Венгрии. В течение того же десятилетия были отмечены сильные волнения в соседнем воеводате Марамуреш, которые спровоцировали ужесточение политики короля. Она была направлена на уничтожение традиционных форм автономии этой румынской земли. Давление на Марамуреш, начавшееся еще в последние годы правления Карла Роберта, существенно усилилось в начале правления Людовика Анжуйского и было связано с изменением его восточной политики в целом. Противники политики Анжуйской династии объединились под началом воеводы Богдана из Кухи и подняли мятеж против преданных королю людей, возглавлявшихся представителями рода Драгоша из Чулешти. В 1349 г. Богдан, которого король назвал «известным предателем», конфисковал марамурешские владения семьи Драгоша, что заставило Людовика принять меры для восстановления в правах своего сторонника. Пользуясь полной поддержкой короля, Драгош сумел восстановить контроль над Марамурешем. Он активно участвовал в военных предприятиях монарха на равнинных территориях. В 1359 г., вторгшись на земли к востоку от Карпат, Драгош из Чулешти, действуя от имени короля, подавил восстание местного населения в «*terra moldavana*»^{*},²² и вновь подчинил политическое образование в долине реки Молдовы венгерской короне. К этому же времени относится попытка польского короля Казимира III установить над восточнокарпатской территорией свой сюзеренитет. Интервенцию польских войск отразил воевода Петр, стоявший во главе одного из государственных образований региона, при поддержке жителей Марамуреша, находившихся на

---

* Молдавской земле.

Румынские земли в XIV–XV вв.

службе у короля Венгрии. В течение нескольких лет оборонительная марка самостоятельно развивалась под управлением Драгоша из Чулешти и марамурешских дворян, поглощая политические румынские образования, вышедшие из сферы влияния Галицкого княжества и из-под власти Золотой Орды. Молдавские летописцы туманно связали это образование Драгоша с основанием средневекового государства Молдова. Один из переписчиков хроники Георгия Уреке, Мисаил Кэлутэрул, в своих вставках указывает на характер этого образования, ставшего ядром молдавского государства: «...и в начале было царство как военный отряд»²³.

Судьба приграничной марки была решена в Марамуреше, где несколько лет спустя Богдан из Кухи взбунтовался против венгерской короны и ее местных сторонников. Потерпев неудачу при попытке освободиться от венгерской власти, Богдан вместе со своими сторонниками покинул Марамуреш и перешел через горы в Молдову, где в 1365 г. поднял мощное восстание против Венгерского королевства. При поддержке местных жителей «известный предатель» короля Людовика сумел отстранить Балка, сына Саса и преемника Драгоша, от управления молдавским «военным отрядом» и превратить военную марку в самостоятельное государство. Таким образом, после завершения столкновений, являвшихся затянувшимся продолжением волнений, вспыхнувших в Марамурешском воеводстве двумя десятилетиями ранее, Молдова обрела независимость. Попытки Людовика Анжуйского вернуть ее под свой контроль потерпели неудачу, несмотря на возобновлявшиеся военные операции королевских войск с целью возвращения этих территорий. События 1365 г. положили начало последнему этапу «создания» Молдовы. В результате этого процесса, по словам хрониста Иоанна Тырновского, эта земля «превратилась в государство» (*in regnum est dilatata*).

Преемники Богдана. Территориальная унификация Молдовы. Политику Богдана продолжил его преемник Лацко (ок. 1369 — ок. 1377), чье правление с точки зрения утверждения государства было отмечено двумя важными достижениями. Во-первых, были урегулированы отношения с Польшей, правители которой предложили Богдану поддержку против постоянного давления короля Людовика. Во-вторых, при посредстве польской церкви были установлены прямые связи с папством. В результате предпринятых инициатив Лацко в обмен на принятие католичества добился от

папской курии учреждения епископской кафедры в Сирете. Это епископство было выделено из Галицкого диоцеза и находилось в прямом подчинении папства. Титул «герцога» Молдовы, пожалованный папой Лацко (*nobilis vir Laczko, dux Moldaviensis, partium seu nationis Wlachie...**), укрепил международный статус его «страны» или «герцогства» — Молдовы. В этот период в южных регионах Молдовы продолжало существовать позднетатарское государство, изолированное от центра Орды после победы литовцев над татарами при Синих Водах (1362). В 1368 г. Людовик Великий освободил от уплаты таможенных пошлин Венгерскому королевству «купцов Деметрия, татарского владыки» в обмен на такое же обхождение с купцами из Брашова «в стране Деметрия»²⁴. Этот пережиток бывшей татарской власти исчез в регионе, вероятно, в следующем десятилетии, поглощенный «землей валахов», появившейся в южных районах Молдовы.

Преобразование Молдовы в самостоятельное государство ненадолго прервалось после установления венгерского господства в Галицкой земле (1377 – 1378). В результате этого Молдова вернулась под сюзеренитет королей Анжуйской династии. Смерть Людовика Анжуйского (1382) и кризис центральной власти в Венгрии привели, однако, к быстрому распаду созданной им системы правления. В этих условиях Молдова решительно переориентировалась на Польское королевство, которое, объединившись в 1385 г. с Литвой, восстановило свою власть над западнорусскими землями. В 1387 г. Петр Мушат порвал отношения с Венгрией и, принеся присягу во Львове, формально вступил в вассальную зависимость от Польши. В течение столетия Польша оставалась основным внешнеполитическим партнером Молдовы. В то же время Мушат начал переговоры с Константинопольской патриархией, предложившей Молдове кафедру митрополита, а ее правителю титул «автократора/самодержца». Речь шла о новой форме международного статуса страны. Более того, Петр Мушат в последующие годы выступил посредником в процессе сближения Польши с Румынской землей. В результате эпизодические сближения, наблюдавшиеся в ходе эволюции двух румынских государств, сменились последовательным политическим сотрудничеством. В конце правления Петра Мушата или в начале правле-

* Благородный муж Лацко, герцог молдавский, областей или нации Влахии (лат.).

ния его преемника Романа I произошло объединение Молдовы, поглотившей «землю валахов» в южных областях, где с 1386 г. правил воевода Костя. Память об этом политическом образовании сохранилась в административном устройстве средневековой Молдовы, получив отражение в существовании титула почетного «ворника» «Нижней страны». В пожаловании Иоанашу Храбром (30 марта 1392 г.) Роман I Мушат именовал себя так: «Мы, Роман, воевода Молдовы и наследник всей Страны влахов от гор до морского берега».

Добруджа

Часть территории между Дунаем и Черным морем была во второй половине XIII в. включена в сферу влияния Монгольской империи, что задержало развитие местных раннегосударственных образований. Временное восстановление власти Византии в регионе способствовало развитию здесь к середине XIV в. зависимого от Константинополя государственного образования с ядром на территории между Варной и Калиакрой. Оно вошло в историю под названием «страны Каварны». Первому известному правителю этого государства, архонту Балике наследовал его сын Добротица, который получил от константинопольских императоров титул стратега, а позднее деспота (1357). Территориальное расширение «деспотата» достигло апогея после 1370 г., когда Добротица стал контролировать земли на юге современной Добруджи, а также центральные и северные части болгарского берега Черного моря. После смерти Добротицы (1386) и недолгого правления его сына Иванко (1386 — 1388) территория «деспотата» была поделена между Османским эмиратом, Болгарским царством и Румынской землей. Последняя получила и временный контроль над землями до берегов Черного моря.

Значение образования средневековых румынских государств. Появление своих государств у румын стало важным событием не только в румынской истории, но и в истории всей Юго-Восточной Европы. Мощным фактором, повлиявшим на их возникновение и показавшим зрелость феодального румынского общества, послужило демографическое и политическое развитие средневековой Трансильвании.

Постепенно создав необходимые политические и управленческие институты, румынские государства в конце XIV в. доказали, что они способны играть важную роль в отражении османских нападений на Центральную Европу.

Примечания

- ¹ Anonymus, cap. LI.
- ² Ibid. Cap. XX.
- ³ Ibid. Cap. XXVII.
- ⁴ *Anna Comnena*. VI, 14, 1. P. 81 – 82; *Fontes*. III. P. 89.
- ⁵ *Madgearu A.* Misiunea episcopului Hieroteos. Contribuții la istoria Transilvaniei și Ungariei în secolul al X-lea // *Revista Istorică*. Serie nouă. V, 1994, 1 – 2. P. 147 – 154.
- ⁶ *Skylitzes*. Synopsis. 1973. P. 301; *Zonaras*. XVII, 2, 33 (*Fontes*. III. P. 217).
- ⁷ *Fontes*. III. P. 290 – 291.
- ⁸ DRH, D, I. P. 28 – 29.
- ⁹ SRH, I. P. 444 – 445.
- ¹⁰ *Chronicon pictum Vindobonense* // SRH, I. P. 366.
- ¹¹ *Annales Rodenses* // MGH, SS, XVI. P. 720.
- ¹² *Baur L.* Hessische Urkunden. V. P. 200 – 201.
- ¹³ ZW, I, passim.
- ¹⁴ Ibid. I. P. 7 – 8; DIR, C, I. P. 28.
- ¹⁵ DIR, C, II. P. 187, 190 – 191, 193 – 194, 309 – 310.
- ¹⁶ Ibid. V. P. 134, 137.
- ¹⁷ ZW, I. P. 32; DIR, C, I. P. 208.
- ¹⁸ *Gombos*. Catalogus, I. P. 33.
- ¹⁹ *Hurmuzaki*. I/1. P. 259 – 262.
- ²⁰ DIR, C, XIII/II. P. 220 – 223.
- ²¹ Ibid. P. 302.
- ²² DRH, D, I. P. 75 – 78.
- ²³ *Ureche Gr.* Letopisețul Țării Moldovei. P. 72.
- ²⁴ ZW, II. P. 315.

IV. От «христианской республики» к «восстановлению Дакии» (XIV–XVI вв.)

Международная обстановка в XIV–XVI вв.

До XIV в. мелкие государства румын (или те, где румыны имели политическое значение наряду с другими народами), за исключением государства династии Асанов, не играли существенной роли на международной арене. В XIV столетии к югу и востоку от Карпат сложились единые румынские государства Валахия (Румынская земля) и Молдавия, выступившие на политическую арену Центральной и Юго-Восточной Европы в качестве самостоятельных и признанных международных субъектов.

Если период 1200–1300 гг. был ознаменован противостоянием католического Запада и монгольских орд, проникших из степей Северного Причерноморья, то после 1300 г. стало очевидным отступление «языческого» восточного мира под натиском европейского христианства. Однако во второй половине XIII в., страдая от половецких набегов и в особенности от господства Золотой Орды, христианские народы были иногда вынуждены прибегать к сотрудничеству с «язычниками». Польша была раздроблена и ослаблена татарскими набегами и экспансией духовно-рыцарского Тевтонского ордена, а Венгрия, раздираемая распрями членов королевской семьи и дворянских группировок, балансировала на грани распада. Нарушения в христианской обрядности, допущение «языческих культов» и заключение союзов с «неверными», особенно в правление короля Ладислава (Ласло) IV Куна (1272–1290), в ряде случаев имело следствием лишение Венгрии поддержки со стороны западных стран. Це-

лые регионы королевства вышли из-под контроля центральной власти.

Кризис, поразивший в конце XIII столетия Чехию, Польшу и Венгрию, продолжился и в первом десятилетии XIV в. В Чехии пресеклась династия Пшемисловичей (1306), а в Венгрии — Арпадов (1301). Положение в Чехии стабилизировалось лишь после вступления на чешский престол в 1310 г. представителя династии Люксембургов. Процесс постепенного укрепления Венгерского королевства начался после 1308 г., при первом представителе Анжуйской династии — Карле Роберте (1308 — 1342) и достиг кульминации при короле Людовике (Лайоше) Великом (1342 — 1382). Централизация достигла Польши лишь под властью представителя династии Пястов Владислава Локетка, коронованного в 1320 г. При его наследнике Казимире III (1333 — 1370) Польша стала великой державой Центральной Европы, однако с кончиной Казимира династия Пястов прекратилась. В этих условиях венгерский король Людовик I в 1370 г. стал обладателем и польской короны. Если польско-венгерская династическая уния сохранялась недолго, то гораздо более долговременными оказались связи между Польшей и Литвой. Ориентация польской политики на Восток преопределила брак польской королевы Ядвиги с великим князем Литвы Ягайло*, который принял вместе со своим народом христианство западного образца (1386) и стал польским королем. Во главе новой литовской епархии был поставлен Андрей Вассило, бывший до этого епископом Сирета в Молдове. В этот же период по мере ослабления Золотой Орды укреплялись румынские княжества Валахия и Молдавия.

В XIV столетии все более ощутимой становилась новая угроза. Речь идет о наступлении турок-османов через Балканский полуостров в направлении Центральной Европы. Если в ходе противоборства с арабами на западе континента (711 — 1492) их продвижение было довольно скоро остановлено к югу от Пиренеев, то Юго-Восточная Европа находилась под османским владычеством с XIV до XIX — начала XX в. Заняв в 1354 г. незначительную территорию на европейском континенте, турки постепенно покорили обширные области Византийской империи. В 1361 г. они овладели Адрианополем, затем ликвидировали болгарские царства, победили сербов в битве на Косовом поле (1389) и установили

---

* По-польски — Ягелло. Отсюда название основанной им династии Ягеллонов.

границу в Нижнем Подунавье. Только после всех этих поражений были предприняты первые совместные действия христиан Западной и Центральной Европы, выступивших во главе с венгерским королем Сигизмундом (Жигмондом) Люксембургским в крестовый поход против наступления османов. Несмотря на поражение, понесенное объединенными христианскими войсками в битве при Никополе в 1396 г., продвижение мусульман было приостановлено.

Громкая победа Тимура над турецкими войсками в битве при Анкаре (1402) и успехи румынского князя Мирчи Старого в Юго-Восточной Европе не смогли надолго остановить рост османского государства. В 1417 г. Валахия была вынуждена согласиться выплачивать дань османам в качестве «выкупа» мира и пойти на некоторые территориальные уступки. В XV в. антиосманское сопротивление переживало особый подъем. Румыны, венгры, поляки, сербы и албанцы при участии некоторых западноевропейских государств, по отдельности или в союзах, сумели добиться немалых успехов в борьбе против экспансии турецких султанов в Европе. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы объединили свои усилия под руководством таких политических деятелей средневековья, как Янку де Хунедоара (Янош Хуньяди), Георг Кастриоти (Скандербег), Влад III, Штефан Великий, Матьяш Корвин и другие. Хотя падение Константинополя в 1453 г. стало тяжелым ударом по позициям христиан, поражение османов в битве под Белградом в 1456 г. позволило более чем на три четверти века приостановить их продвижение в направлении Буды и Вены. Во второй половине XV в. Венгрия и Польша вели в основном оборонительную борьбу против Османской империи, а Молдавия и Валахия пытались сочетать открытое сопротивление с периодами повиновения.

Османское влияние в виде военно-политического господства или отношений сюзеренитета в регионе значительно усилилось в XVI столетии. Наиболее известный и самый способный османский правитель всех времен, султан Сулейман I Кануни, прозванный на Западе Великолепным (1521 – 1566), в целях противодействия Священной римской империи заключил союз с Францией и вторгся в Центральную Европу. В 1521 г. турки заняли остров Родос и Белград, который в 1456 г. сумел отстоять Янош Хуньяди, а в битве при Мохаче в 1526 г. нанесли сокрушительное поражение венгерским войскам, что позволило им в 1541 г. почти на пол-

тора столетия превратить центральную часть Венгрии в османскую провинцию. В 1529 г. войска султана предприняли первую неудачную попытку осады Вены. В середине XVI в. Венгрия перестала играть самостоятельную роль на международной арене, а значение Польши в Юго-Восточной Европе заметно уменьшилось. С целью установления и закрепления своего господства в Венгрии и Центральной Европе в целом османы и Габсбурги неоднократно вели ожесточенные войны. Император и османский султан в равной степени считали себя законными наследниками венгерской короны, хотя в действительности Венгрия оставалась разделенной на три части: Верхнюю Венгрию под властью Габсбургов, занятую турками Центральную Венгрию и Трансильванию, которая пользовалась статусом автономного княжества под турецким сюзеренитетом.

Таким образом, в XVI в. Центрально-Восточная Европа лишилась одной из опор христианского мира в лице Венгрии, а Польша фактически самоустранилась от участия в антиосманской политике. Заключенная в 1386 г. польско-литовская династическая уния приобрела характер полного государственного объединения, закрепленного Люблинской унией 1569 г. Восточная политика объединенного польско-литовского государства столкнулась с интересами Московского государства, что привело к многолетней вооруженной борьбе за право владения Балтийским побережьем, получившей название Ливонской войны (1558 – 1583). После пресечения в 1572 г. литовской династии Ягеллонов в спор за польский трон вступили Габсбурги, французские Валуа и политические силы Юго-Восточной Европы. В 1575 г. королем Польши стал трансильванский князь Иштван Батори (Стефан Баторий), вассал турецкого султана. Своими действиями он стремился остановить экспансию Габсбургов на Востоке и добиться признания Османской империи важной политической силой в Европе, достойной нормальных взаимоотношений. Этот современный и прагматичный подход стал противовесом старой концепции крестового похода, основанной на идее непримиримости христианского и «языческого» миров.

В результате одержанной в 1571 г. победы христиан в битве при Лепанто и длившейся с 1578 г. изнурительной турецко-персидской войны в отношениях между Польшей и Османской империей около 1590 г. разразился продолжительный кризис. Внутренние волнения, вызванные финансовыми трудностями османского госу-

дарства, можно было погасить, начав широкомасштабную войну против внешнего противника. Им могла стать Польша, с территории которой казаки совершали набеги на Молдавию и которая вела переговоры с Габсбургской империей. В конечном счете, однако, султан начал военные действия против Христианской лиги, в которую входили Габсбурги, Испания, Святой престол и итальянские герцогства Мантуя, Тоскана и Феррара. Вошедший в историю под названием Долгой или Пятнадцатилетней войны, этот конфликт оказался крайне изнурительным (1593 – 1606).

Экономика и общество

Центральная и Юго-Восточная Европа подверглась серьезным испытаниям в ходе продолжительных военных конфликтов XIII в., особенно во время монгольского нашествия, начало которого было положено опустошительными походами 1241 – 1242 гг. Последствия этих событий, новые набеги татар и их косвенный контроль над пространством к востоку и югу от Карпат были ощутимы даже в первой половине XIV столетия. Затем настал черед эпидемии чумы 1347 – 1349 гг., после которой население Западной Европы сократилось почти на треть, и лишь потом начался медленный процесс демографического и социально-экономического подъема.

Во второй половине XIV в. появилось много новых поселений и были восстановлены старые. Согласно документам середины столетия, в Трансильвании и Банате существовало около 2500 населенных пунктов, а население края составляло 550 – 600 тыс. жителей. В 1400 г. в Валахии проживало приблизительно 500 тыс. человек, а в Молдове несколько меньше (около 400 тыс.). В условиях, когда плотность населения во всей Европе была очень низкой, некоторые регионы, находившиеся на пути татарских набегов, вообще считались «безлюдными» (*desertae*). Этот термин (*desertus*) нельзя понимать буквально, потому что он часто отражал не столько низкую плотность населения, сколько отсутствие политической организации западного образца или принадлежность к Венгерскому либо Польскому католическому королевству. Во второй половине XIV в. происходило массовое перемещение населения в ходе внутренней колонизации: из густонаселенных горных регионов на равнины, а также с запада на восток, особенно в направлении междуречья Прута и Днестра, где пало татарское господство.

Археологические данные показывают, что в этот период уже не существовало обширных ненаселенных регионов, на что порой намекают некоторые письменные источники. Летописная версия истории образования румынских княжеств, сочетающая элементы реальности и легенды, отражает преимущественно политические, а не демографические процессы, происходившие в пределах единого пространства румынской цивилизации. Согласно этим источникам, вместе с воеводой Богданом из Марамуреша в Молдову перебралось около 100–200 семей, в основном представители знати, а это не могло существенно изменить демографическую картину в Восточно-Карпатском регионе.

При высокой смертности естественный рост населения был не в состоянии в полном объеме восполнить потребность в рабочей силе. Этим объясняется то обстоятельство, что князь Влад Дракула (1436–1442, 1443–1447) позволил обосноваться в Валахии приблизительно 10 тыс. человек, бежавших с южного берега Дуная от османского ига. Военнопленных, особенно из числа татар, в качестве рабов селили на боярских и монастырских землях. В ходе военной кампании в Валахии Штефан Великий (1457–1504) насильно увел в Молдову тысячи рабов-цыган. Однако опустошительные османские походы в области к северу от Дуная в 1418, 1420, 1438, 1462 и 1476 гг. серьезно замедлили демографический рост. И все же в XV–XVI столетиях население румынских княжеств постепенно росло, что являлось важнейшим фактором экономического подъема.

Земледелие и скотоводство оставались основными занятиями населения, причем первое стало приобретать все больший размах. Это видно из многочисленных данных о раскорчевке лесных участков, освоении целинных земель, расширении пашни (*terrae extirpatae, prata extirpata*), распространении железного плуга, об использовании скота в качестве тягловой силы при обработке земли, удобрении полей и т. д. Есть сведения, что в Молдове в XV в. при освоении новых земель в плуг впрягали до 12 волов. Выращивали пшеницу, ячмень, овес, рожь, просо, горох, бобы, лен и коноплю. С румынских равнин шло на экспорт значительное количество зерна, особенно в направлении Константинополя и других торговых центров Средиземноморья, а также на Запад. Торговля зерном в дельте Дуная не раз становилась причиной конфликта между Генуей и Венецией. Скот традиционно оставался главным экспортным товаром румынских кня-

жеств, население которых разводило крупный и мелкий рогатый скот, особенно овец. О роли овцеводства в жизни румын свидетельствует использование самого понятия «овцы» для обозначения одного из видов податей, который являлся налогом на право использования пастбищ для овец в Валахии и Молдове. В Трансильвании этот вид податей назывался *quingagesima ovium* («пятидесятая часть овец») или *quingagesima Valachorum* («пятидесятая часть от валахов», т. е. от собственников овец). Овцеводство было весьма непростым занятием. В областях с богатыми пастбищами существовали особые луга для летнего выпаса. О роли овцеводства в жизни румын свидетельствует и тот факт, что некоторые иностранцы воспринимали понятия «влах» («румын») и «пастух» в качестве синонимов. Часто в поисках подходящих мест для выпаса пастухи перегоняли свои отары через существовавшие в то время политические границы. Так, документально установлено, что в 1404 г. венгерский король Сигизмунд Люксембургский пытался приостановить переход пастухов со своими стадами из Трансильвании на земли к югу и востоку от Карпат, а валашский господарь Михай I в 1418 г. предоставил жителям трансильванского села Чиснэдие — «румынам и прочим» — право использования горных пастбищ своей страны. По мере увеличения объема обязательств, навязанных Портой, население княжеств стало все больше разводить свиней, которые не интересовали мусульман. Одновременно увеличивались стада быков и росло число лошадей. Важным видом экспорта по морскому пути на Восток и сухопутным дорогам в Польшу и Венгрию становились продукты пчеловодства (мед и воск) и рыбной ловли в придунайских озерах.

Часть населения была занята горной добычей и ремеслами. В Трансильвании разработка цветных металлов и железа имела многовековую традицию. Самые известные рудники находились в Западных Карпатах, Родне, Ремете и в районе Хунедоары. В Валахии и особенно в Трансильвании золото добывали путем промывания речного песка. По свидетельству анонимного нотариуса короля Белы, это происходило уже на рубеже IX — X вв. Согласно некоторым известиям, около 1400 г. медную руду добывали в валашских рудниках Бая-де-Арамэ, а серу и янтарь в районе Бузэу. Молдавия, Валахия и Трансильвания располагали значительными залежами соли (в Сике, Турде, Окна-Дежулуй, Окна-Мурешулуй, Окна-Сибиулуй, Окна-Шугатаге, Окнеле-Мари, Слэник-Молдове,

Слэник-Прахова), которая экспортировалась в Центральную Европу и на Балканы.

Хотя такие ремесленники, как кузнецы, оружейники, плотники, заготовители и сплавщики леса, кожевники, проживали в деревнях, посадах и при боярских усадьбах, наиболее развиты эти ремесла были в городах. Процесс урбанизации происходил довольно медленно и развивался по южноевропейскому пути, с присущими ему чертами славяно-византийской цивилизации. Вследствие немецкой колонизации города Трансильвании постепенно стали приобретать вид средневекового западного бурга. Перенятая у немцев модель градостроительства с некоторыми дополнениями была использована венграми, румынами, славянами. Важнейшие города, представлявшие собой ремесленные, торговые, религиозные и административные центры, находились в Трансильвании. Среди них выделялся Брашов, население которого составляло в конце XV в. около 10 тыс. жителей; его называли также Корона или Кронштадт. Это название в действительности было результатом переосмысления на немецкий лад старого славяно-румынского названия Кране, что означало «можжевельник», и его последующей адаптации к статусу «свободного королевского города» или «города, принадлежащего короне». Далее следовали Сибиу, Клуж, Бистрица, Турда, Алба-Юлия, Деж, Дева, Хунедоара, Сигишоара, Себеш, Медиаш, Орэштие, Тимишоара, Орадя, Сигет, население которых колебалось от одной до семи тысяч человек. Крупнейшими городами Валахии были Кымпулунг, Арджеш, Орашул-де-Флочь, Брэила, Слатина, Питешть, Рымнику-Вылча, Турну, Джурджу, Тырговиште, а впоследствии Гергица, Бухарест, Калафат и др. В некоторых из них имелись католические колонии из числа уроженцев Трансильвании. В Молдове получили известность такие города, как Бая (*Civitas Moldaviae*), Сирет, Килия, Четатя-Албэ (иначе — Маурокастрон или Аккерман; его население в XV в. достигало почти 10 тыс. человек)*, Сучава, Хырлэу, Роман, Тыргу-Нямц, Черновцы, Яссы, Бакэу, Бырлад, Тигина, Васлуй, Ботошани, Тыргу Лэпушна, Орхей и др. В ряде городов Молдовы также наблюдалась национальная и религиозная неоднородность населения. Основную часть городских жителей

---

* В настоящее время Белгород-Днестровский Одесской области. Славянское название «Белгород», по смыслу аналогичное румынскому (Четатя-Албэ) и турецкому (Аккерман), широко использовалось уже в средние века.

составляли купцы и ремесленники, организованные в корпорации по роду занятий или национальному происхождению, но в городах имелись и дома богатой знати.

Трансильванские города достигли более высокой ступени развития. Окруженные мощными оборонительными стенами, они в основном соответствовали городской модели Центральной и Западной Европы. Ведущую роль в их жизни играли патриции, активно занятые в торговле, горнодобывающей отрасли и ремеслах, а также в политической деятельности. На противоположном полюсе находилась городская беднота, состоявшая из подмастеров, учеников, мелких земледельцев, нищих и пр. Ремесленники были организованы в корпорации (ассоциации собственников), которые играли важную экономическую, политическую, а также военную роль, обеспечивая защиту ворот, бастионов и башен городов.

Европейские сухопутные торговые пути, связывавшие разные части континента, приобрели в XV в. огромное значение. К важному торговому маршруту между Западной и Центральной Европой, каким являлся Дунай, примыкала широко разветвленная сеть сухопутных путей, ведущих из Чехии и Венгрии через Трансильванию в сторону Брашова и далее на юг от Карпат до Брэилы и до устья Дуная. Другой торговый путь, связывавший Черное и Балтийское моря, вел от Четатя-Албэ и Килии через Молдову в направлении Львова, Торуня и Гданьска, с ответвлением на запад через Краков (столицу Польши) и Вроцлав. Расположенные на этих путях города Брашов, Сибиу, Клуж, Брэила, Четатя-Албэ, Килия, Сучава извлекали из этого значительные доходы, обеспечивавшие их процветание. Международная торговля и дополнительные поступления в казну во многом способствовали укреплению центральной власти. В XV в. купцы румынских княжеств играли важную роль в обеспечении товарооборота по этим двум торговым маршрутам, проходившим через их страны.

Рост производства товаров и наличие оживленных торговых путей обусловили необходимость обеспечения товарооборота денежными знаками. Румынские князья (господари) стали чеканить собственные монеты. В Валахии выпускались дукаты, динары и мелкие серебряные монеты, а в Молдове были в ходу гроши и так называемые соммо — распространенные на побережье Черного моря генуэзские монеты. В Трансильвании получили распространение венгерские монеты, а после денежных реформ Карла

Роберта было открыто несколько местных мастерских по чеканке монет.

Общественное устройство румынских земель имело много общего с центральноевропейским феодальным строем, но также и немало местных особенностей. Археологические материалы и письменные источники свидетельствуют об образовании здесь уже на ранней стадии общественно-политической элиты с уходящими в глубь веков корнями. Подлинные имена и названия ее представителей порой нелегко определить, так как написанные на греческом, латинском, славянском и восточных языках источники чаще всего приводят их в искаженном виде, в формах, несвойственных румынскому языку. Тем не менее в латинских источниках уже в X в. и особенно после 1200 г. упоминаются герцоги (*duces*), кнезы (*kenezii*), жуды (*iudices*), воеводы (*vaivodae*), землевладельцы (*maiores terrae*), местные предводители (*potentes illarum partium*) и в некоторых случаях жупаны. Одни из этих определений представляют общие названия, другие использовались для обозначения конкретных понятий. Ранний румынский феодализм в значительной мере был связан с деятельностью кнезов и жудов, часто упоминаемых в письменных памятниках всех румынских территорий. Оба термина стали почти синонимами. Название «кнез» было заимствовано румынами у славян, господствовавших некоторое время в значительной части бывшей Дакии, но оно имеет германское происхождение и первоначально означало «предводитель». Понятие «жуде» восходит к латинскому *iudex* (судья, арбитр, глава). Возможно, сначала румыны пользовались только латинским термином, но в условиях совместного проживания со славянами они постепенно усвоили и название «кнез». Жуды (кнезы) стояли во главе сельских общин. Первоначально они избирались и наделялись главным образом судебными и административными полномочиями. Впоследствии они присвоили себе властные функции: военные, экономические и общественно-политические. Постепенно власть жудов/кнезов над обществом и территорией приобрела наследственный характер.

Находившиеся под властью кнезов/жудов территории стали называться кнезатами/жудатами. В состав кнезата могла входить сельская община, ее часть или несколько сельских общин. В XIII—XIV вв. некоторые кнезы сумели распространить свою власть на несколько кнезатов (до 20—30 сельских общин), располагавшихся, как правило, компактно в одной долине или на бере-

гах одной реки. Чтобы отличить их от мелких или сельских кнезов, их называли долинными кнезами. В чрезвычайных ситуациях некоторые жуды, или кнезы, наделялись военными полномочиями и назывались герцогами или воеводами. Простые члены общин стали выполнять определенные повинности в пользу кнезов — работать на земле, принадлежавшей кнезам, отдавать им часть своих доходов. Кнезы/жуды стали связующим звеном между сельскими общинами и центральной властью. Первоначально они выполняли эту функцию в рамках варварских государственных образований, существовавших в эпоху Великого переселения народов. Они обеспечивали порядок внутри общин и организовывали военное сопротивление в случае внешней агрессии с целью захвата их земель. Хотя понятие «кнез» у румын и содержало идею «избранника», оно никогда не обозначало статус суверена, какими были князья на Руси. Поэтому во избежание путаницы мелких румынских феодалов называют кнезами (ед. ч. кнез), а славянских воевод — князьями (ед. ч. князь). Двойная терминология, латинская и славянская, при обозначении румынской феодальной элиты свидетельствует о ее смешанном происхождении — как с этнической точки зрения, так и с точки зрения становления социальных институтов.

Схожий статус румынских кнезов на всем карпато-дунайском пространстве постепенно стал меняться, особенно после включения Трансильвании в состав Венгерского королевства в XI—XII вв., а также после образования самостоятельных румынских государств к востоку и югу от Карпат. Существовавшая там ранее феодальная элита латинско-византийского происхождения с раннеславянскими элементами, а также зависевшая от нее часть населения не нашли себе места в рамках новых структур. Централизованные феодальные государства создали собственные социальные институты. В средневековой Венгрии феодальные структуры создавались по западному образцу, с преобладанием первоначально германского влияния и сохранением ряда элементов, унаследованных от венгерских племен эпохи первых Арпадов (VIII—X вв.). Феодальное общество состояло из знати и крепостных, а также включало в себя ряд категорий свободных людей, не принадлежавших к знати. Иной была ситуация в Валахии и Молдове, где господа окружали себя свитой из местных бояр, иногда называвшихся жупанами, панами или властелинами, которые получали от правителя деревни, земли и подданных. Первона-

начально кнезы входили в категорию знати и бояр, так как они владели землями по наследству и обладали военными полномочиями, характерными для феодального собственника. Однако они не обладали всеми чертами «классического» феодала, который — даже в Центральной и Юго-Восточной Европе — должен был оказывать своему сюзерену/господарю «услуги верности», за что и наделялся владениями (предварительное заключение «вассального соглашения» по западному образцу не являлось обязательным условием). Гарантией такого отношения был дарственный акт, изданный государем. Большинство румынских кнезов (жудов), не обладавших такими документами, сами предлагали господарям свои услуги в виде военной помощи и участия в советах, получая взамен соответствующее вознаграждение. Часто дарственные акты включали именно то, чем кнезы обладали издавна, — их кнезаты, состоявшие из деревень и проживавшего в них населения. Иными словами, дарственные акты носили формальный характер, а господарь следовал такой практике по праву верховного собственника всего земельного фонда страны. В этих условиях дарственная грамота приобретала юридическую ценность, поскольку гарантировала право собственности ее владельца. Из кнезов происходило большинство бояр в Молдове и Валахии. Кнезы, которые по разным причинам не оказались востребованы центральной властью, некоторое время оставались мелкими владельцами на основе древнего неписаного кнежеского права. Они сохраняли свою свободу и владения в качестве неофициальных собственников второго разряда.

В Трансильвании становление феодальных отношений в целом шло тем же путем, что в Молдове и Валахии, однако было значительно осложнено навязыванием иных феодальных порядков и чуждого румынам западного вероисповедания. Румынское население Трансильвании, Баната, Кришаны, Марамуреша, Сэтмара, Берега, Угочи и других областей проживало в составе Венгерского королевства, политика которого проводилась нерумынскими властями, насаждавшими иные порядки, язык, культуру и традиции. Первоначально Трансильвания имела статус отдельного воеводства в составе Венгрии, но после смерти Джелу ее правители являлись главным образом венграми, выходцами из других областей королевства. Важным оставался вопрос о вероисповедании, так как жизнь людей была тесно связана с верой и церковью. Между тем в Венгрии, особенно после Четвертого Крестового

похода (1204), все острее давал о себе знать разрыв между католицизмом правящих элит и разными конфессиями, порой даже разными религиями большинства подданных. Начиная с правления короля Андрея II (1205 – 1235) в Венгрии были приняты жесткие дискриминационные меры сначала по отношению к нехристианам (иудеи, мусульмане), а впоследствии против «еретиков» и «раскольников». Для того времени эти шаги считались вполне естественными и отвечали существующей морали, хотя имели весьма отрицательные последствия.

Приход к власти в Венгрии в 1308 г. представителей Анжуйской династии привел к ухудшению положения, ибо венгерское государство всерьез возложило на себя миссию по искоренению «язычников, еретиков и раскольников» на своей и соседних территориях. Усилия средневековой Венгрии по достижению единообразия вероисповедания, а точнее по навязыванию католицизма были особенно заметны при короле Людовике I Анжуйском (1342 – 1382). В этих условиях начиная с XIV в. румынские кнезы столкнулись с тремя препятствиями своей социально-экономической и политической деятельности. Во-первых, они не были католиками, что со временем стало серьезной причиной дискриминации. Во-вторых, у них не было дарственных актов на князаты, которыми они владели по неписаному праву. Наконец, иными были их этническая принадлежность и язык. Если вначале на последнее препятствие не обращали особого внимания, то со временем оно приобрело особую значимость. Можно предположить, что именно религиозные отличия привели к росту национальной нетерпимости. Созданные государством препятствия вызвали ответную реакцию, которая иногда приобретала форму восстаний. Неслучайно в 1366 г. король Людовик I провел шесть месяцев у восточных рубежей королевства — в Трансильвании, стремясь решить сложный вопрос о внутренних «злодеях» и внешних «предателях», как именовали его личных врагов и противников венгерских властей. Источники того периода в качестве врагов короля, королевства и трансильванской знати представляют проживавших в королевстве трансильванских румын и румынское население Валахии и Молдовы. Вся трансильванская знать обратилась тогда к своему монарху с требованием уничтожить «злодеев» любой национальности, «а точнее, румын»¹. Король принял решительные меры, чтобы удовлетворить эту просьбу, потребовав взамен от трансильванской знати военной помощи для наказания «мятеж-

ников» на границах королевства. Этими мятежниками оказались воеводы Валахии и Молдовы, соответственно Владислав Влайку и Богдан I. Первого в 1365 г. Людовик открыто обвинил в том, что тот поднял восстание «при предательском согласии и тайной поддержке румын и жителей той страны»². Более того, стало известно, что трансильванские румыны помимо внутренних «злодеяний» иногда распространяли свои «мятежи» (особенно в 1290 и в 1360 гг.) на юг и восток от Карпат и действовали совместно с проживавшими там соплеменниками, что привело к образованию в этих регионах самостоятельных румынских государств, освободившихся от венгерской опеки. В сложившихся условиях, в ответ на призывы знати, король решился на крайние меры. Любой землевладелец терял право состоять в числе знати, если у него отсутствовал королевский дарственный акт, а представители знати были обязаны принять католичество. Формально такие меры были призваны покончить с существованием в королевстве разнотипных феодальных структур, однако на деле были направлены против румынских кнезов, которые не имели дарственных актов и владели кнезатами по древнему неписаному румынскому праву, исповедуя при этом православие. Для получения дарственных актов необходимо было приложить немалые усилия, так как выдержать конкуренцию с венгерской знатью становилось все труднее.

Подводя итоги, следует отметить, что стесненное положение кнезов в Трансильвании определялось несколькими факторами: установлением чужеземной власти; приходом вместе с венгерской армией и властями новых королевских вельмож, которые захватили наиболее удобные (на равнинах и в долинах крупных рек) кнежеские земли; осуществлением колонизации путем приглашения *hospites* и поселения колонистов на землях, принадлежавших местным жителям; предоставлением дарственных актов католическим епископам и монастырям; необходимостью принятия католицизма в качестве условия владения собственностью и принадлежности к знатному сословию; навязыванием при Людовике I идеи *religio recepta**. В этих условиях некоторые кнезы были вынуждены принять данные требования, а другие делались зависимыми на собственных землях. Тем не менее в силу ряда причин принятые королем при поддержке венгерской знати жесткие

---

* Общепринятой, общепризнанной религии (*лат.*) . .

меры невозможно было претворить в жизнь полностью и повсеместно. К тому же возникла необходимость обеспечения обороны страны перед османской угрозой с юга и юго-востока. Не менее важным оказался вопрос об укреплении центральной власти в стране, правители которой нуждались в серьезной поддержке против центробежных действий крупной знати. Обладая известными военными качествами, румынские кнезы в сложившихся условиях оказались востребованы государством, несмотря на то что многие из них не владели королевскими дарственными актами и не являлись католиками. Важнее был уровень их военной подготовки, а также способность защитить страну и короля. Для обеспечения своего положения, а также стремясь подняться по социальной лестнице, некоторые из них формально приняли католицизм и получили королевские дарственные акты; другие до XV в. оставались мелкими православными землевладельцами.

В результате этого неоднозначного процесса румынские кнезы Трансильвании и Венгрии разделились на несколько категорий: 1) обычные кнезы, которые в качестве неофициальных собственников, без дарственных актов, проживали в королевских владениях, прежде всего на землях королевских замков и представляли собой прослойку кнезов, переживших тяжелые времена установления жесткой венгерской власти; 2) кнезы, утвержденные в своих вотчинах по кнежескому праву на основе королевских дарственных актов; выполняя множество обязанностей перед центральной властью и будучи полуофициальными собственниками, они находились ступенью ниже знати; 3) кнезы, вступившие в сословие знати (*nobiles kenezii*) на основании королевских грамот и пользовавшиеся правами знати в своих вотчинах, названных *possessiones* (они являлись официальными собственниками и были приравнены к знатному сословию королевства); 4) кнезы, ставшие зависимыми на землях, принадлежавших феодальной знати или церкви; они были отнесены к крепостным и часто приравнивались к сельским жудам (*villici*), выполняя функции своего рода старост крепостных деревень; данная категория кнезов проживала, как правило, на равнинах и в низовьях рек, в местах наиболее ранней венгерской колонизации, и уже не могла вступить в ряды признанной феодальной элиты. Основное различие между кнезами — обладателями королевских грамот, подтверждавших право на собственность, и теми, кто не удостоился этого документа, выявилось в 1366 г., когда первые были причислены к знати, а другие к сель-

ским жудам крепостных деревень, окончательно превратившись в зависимых людей. После середины XV в. венгерским государством порядок в вопросе о кнезах был упрощен. Они были сведены к двум категориям, в соответствии с намерениями короля Людовика Великого: проживавшие на землях феодалов зависимые кнезы, чей статус чаще всего отождествлялся с должностью или службой, и знатные кнезы или приравненные к знати. Однако среди румынского населения не делалось никакой разницы между различными кнезами, и все они воспринимались как принадлежавшие к одной категории, олицетворявшей идею предводителя, а точнее, владельца кнезата, который был наделен военными и судебными полномочиями, обладал разнообразными постройками и строил церковь за свой счет. В той части Трансильвании, где влияние Венгерского королевства было формальным и сказалось позднее, сохранилась наиболее сильная и воинственная прослойка кнезов, владевших землями и зависимыми крестьянами; они ходили в роскошных одеяниях, имели собственные, укрепленные башнями дома, богато украшенные церкви и обладали другими очевидными атрибутами принадлежности к феодальному классу.

Таким образом, румынская знать Трансильвании появилась в XIV – XV вв., одновременно с ее признанием властями. Она происходила исключительно из категории кнезов, переживавшей тогда период распада. Формально трансильванская знать стала детищем властей, однако в действительности сформировалась на типично румынской феодальной основе и потому всегда отличалась от прочей знати королевства. Признание за румынскими кнезами личных или общих привилегий не означало наделения их всеми атрибутами знатности. Они могли только лично пользоваться своими правами судей, членов местных корпораций и военных, освобожденных от таможенных пошлин. Их владения оставались обременены множеством обязательств по отношению к королевским замкам. Лишь немногим кнезам, причисленным к знати, удалось превратить свои кнезаты в полноценные вотчины и стать признанными членами знатного сословия королевства. Как правило, они становились католиками и постепенно мадьяризировались. В XVI в. румынская элита представляла собой малочисленную категорию сельских старост, в основном крепостных, а понятие «румын» (*Valachus*) стало синонимом «крепостного».

В Валахии и Молдове кнезы в XV столетии оставались второразрядной прослойкой феодальной элиты, мелкими свободными

землевладельцами. Единственными официальными собственниками, признанными государством, являлись бояре. От старого понятия «кнез» осталась лишь идея свободы. После XV в. слово «кнез» обозначало «свободный человек», а формула «причисление к кнезам» являлась синонимом освобождения от крепостной зависимости.

Настоящими феодальными собственниками оставались представители знати и бояре. В источниках они выступают как *bellatores*, потому что их первоначальным занятием было военное дело, однако со временем знать и бояре стали владельцами различных по своим размерам имений с крепостными крестьянами. В роли феодального собственника выступала и церковь (монастыри, епископства), обладавшая владениями, которые порой исчислялись десятками крепостных деревень. Феодальная элита была неоднородной: в Трансильвании на первом плане находились бароны, высшее духовенство и графы, т. е. крупная светская и духовная знать, за ними следовали представители обычной (рядовой) знати, а потом условной знати. В Молдове и Валахии бояре также делились на крупных и мелких, так как существовали явные различия между теми, кто составлял окружение господаря (их называли «властелинами», т. е. «сильными») и владел десятками деревень, и мелкими, которым принадлежали одна-две деревни или часть одной деревни. Боярами назывались и феодалы, проживавшие на юге Трансильвании (Фэгэраш), так как в период формирования официального (государственного) феодального класса эта территория была частью Валахии. В XV – XVI вв. к югу и востоку от Карпат монастыри были богаче бояр.

До XIV столетия в Трансильвании и до XVI в Валахии и Молдове власть знати и бояр над деревнями не отделялась от власти кнезов, определения земельных участков, принадлежавших каждому владельцу, не проводилось. Земля часто оставалась собственностью представителей мужского пола одной большой семьи, рода (*gens*) или клана. Однако в Молдове женщины (девушки) обладали правом собственности и наследования земельных участков наряду с мужчинами (юношами). Постепенно собственность стала приобретать индивидуальный характер, а в Трансильвании закрепился принцип первородства. Несмотря на широкое использование, понятие «собственность» в средние века имело иное значение по сравнению с эпохой Римской империи. Как в любом феодальном государстве, собственность всех подданных

суверена была не абсолютной, а условной. Принцип *ius utendi et abutendi** был исключен. Только монарх пользовался верховным правом владения всей землей страны (*dominium eminens*), хотя с определенного момента оно приобрело скорее теоретический и символический характер.

Крепостные происходили из некогда свободных сельских общин, из членов которых выдвинулось много жудов/кнезов. Крепостные упоминаются довольно рано как *rustici*, *Olachi populani*** , «простые люди», «люди общин» и т. д. После завершения процесса образования государства и его учреждений в Валахии появились понятия «село» (*selo*), «люди» (*liudi*), «бедняки» (*siromahi*), «горцы» (*horane*), а также соседи (по аналогии с византийскими *pareci*). К концу Средневековья и в начале Нового времени в обиход вошло понятие «румын». В XV – XVI вв., когда документы писались на старославянском языке, наиболее распространенным термином для обозначения зависимого крестьянина было слово «сосед».

Само слово «румын» произошло от названия народа и не всегда означало «зависимый», однако со временем его значение подверглось изменениям. Первоначально все представители этого народа назывались «румыны» (от лат. *Romanus* — римлянин). В процессе социального расслоения выделились кнезы, бояре, горожане, духовенство и другие категории, а названием «румын» продолжали обозначаться лишь зависимые, составлявшие отдельную социальную категорию. В 1470 г. население некоторых восточных уездов Валахии обратилось к Штефану Великому от имени «бояр, кнезов и румын»³. В данном случае «румыны» представляли собой всех свободных и зависимых крестьян. Когда румынский стал языком официальных документов (особенно после 1600 г.), для перевода славянского термина «сосед» (как и понятия «влах») стало использоваться слово «румын», обозначавшее в XVII в. «зависимый крестьянин». Вместе с тем, однако, слово «румын» применялось и для названия народа, т. е. румынского народа в целом в память о его римском происхождении. В Молдове крестьяне, в том числе крепостные, назывались *zemleni* («люди земли»), *liudi*, но чаще всего *susead*, т. е. «соседи», как и в Валахии. До начала Нового времени в обоих княжествах сохранилась многочисленная прослойка свободных крестьян, владельцев или совладельцев части одной дерев-

* Права пользования и отчуждения (лат.).

** Селяне, простые влахи (лат.).

ни. В основном они проживали в горных регионах, ближе к Трансильвании, и назвались мошнянами или меджиешами в Валахии и рзешами в Молдове. Некоторые историки считают их мелкими боярами, потому что они обладали наследственным правом собственности на землю. Однако эти люди были лишены ряда атрибутов принадлежности к феодальному клану. В Молдове существовали обширные районы, населенные свободными крестьянами, которые Д. Кантемир назвал «крестьянскими республиками»: Вранча, Тигеч, Кымпулунг.

После того как местные феодальные структуры в Трансильвании были дополнены рядом элементов западного типа, зависимые крестьяне начиная с XIV в. стали называться йобагионами — *iobagiones* (от венг. *Jobbagy* — светлая голова). Первоначально этот термин использовался по отношению к высокопоставленным советникам, находившимся в окружении монарха, однако после того как различные категории знати стали пользоваться новыми названиями, оно закрепилось за крепостными, т. е. «слугами» знати. Это изменение смысла произошло сходным образом, как и изменение содержания понятий «кнез» и «румын». До XVI в. йобагионы и «соседи» пользовались личной свободой. Несмотря на введение принципа правового превосходства знати, монастырей и крепостей над крестьянами, последние продолжали считать себя совладельцами земель своих сельских общин. Им принадлежала, впрочем, лишь часть бывших общинных земель. А полное право собственности распространялось только на дом, двор и сельскохозяйственный инвентарь. Поэтому крестьяне находились в экономической зависимости от истинных землевладельцев, как правило из числа знати. По этническому происхождению знать была неоднородной. Большинство составляли венгры, приехавшие во время или после завоевания Трансильвании (XI—XIII вв.). Они расположились на удобных местах в Банате и на Кришанской равнине, в долинах среднего и нижнего течения рек Сомеш и Муреш, на Трансильванской равнине и т. д. В таких труднодоступных зонах, как Хацег — Хунедоара, Фэгэраш, Западные Карпаты, Марамуреш, холмистые и горные районы Баната, где контроль венгерских властей был менее эффективным, большинство собственников составляли румыны или кнезы и причисленные к знати лица румынского происхождения. Румынами были и большинство крепостных, однако в некоторых комитатах зависимыми становились также рядовые венгры. На землях, отведенных немцам (саксам)

и секеям, все население пользовалось правом личной свободы, поскольку там полностью отсутствовали и вассальные, и производственные отношения феодального типа. Большинство независимых крестьян Трансильвании проживали на землях саксов и секеев. Постепенно, однако, проживавшие там испокон веков православные румыны стали подвергаться дискриминации под тем предлогом, что королевские привилегии распространялись лишь на саксов и секеев, а не на местное население. Располагавшиеся в *Fundus Regius* (королевских владениях) и на территории различных комитатов крупные саксонские города Брашов, Сибиу, Клуж, Бистрица и др. имели на отведенных им землях крепостные села, жители которых в основном состояли из румын и облагались различными обязательствами и податями.

Население румынских княжеств имело определенные обязательства по отношению к ряду центральных государственных учреждений, однако наиболее обременительными были подати зависимых крестьян в пользу феодалов: натуральная десятина (*dijta, decima*) на большую часть производившихся ими продуктов; безвозмездные работы («робота», барщина) по вспашке, севу, уборке урожая, заготовке сена на землях господина; денежные подати. Более разнообразными, но при этом и более определенными являлись обязательства крепостных в Трансильвании и Венгрии. Устанавливалась церковная десятина для всех без исключения католиков. Все жители королевства облагались также государственными (королевскими) налогами, основная часть которых, однако, ложилась на плечи простых людей. Обязательства свободных жителей по отношению к государству в Валахии и Молдове были более тяжелыми, чем по отношению к владельцам. В самом трудном положении находились рабы, в основном из числа цыган, с конца XIII в. мигрировавших в регион Карпат и Нижнего Дуная (и в другие области Европы) из Индии. В ряде случаев рабами являлись татары.

Внутренняя структура румынских земель.

Государственные учреждения и политическая жизнь

Важнейший социальный институт, каким является государство, опирается на целый ряд учреждений. Сложившиеся отношения между ними отражают степень организованности народа. Румын-

ский народ занимал особое положение в Центральной и Юго-Восточной Европе, поскольку только он имел латинские этнолингвистические корни в этом регионе, тогда как Византийская империя являлась наследницей лишь политической римской традиции. Учреждения румын, в том числе их государство, имели римское и византийско-римское происхождение, хотя и со многими элементами, заимствованными у славян, в незначительной степени также у турок. Эти два начала — римско-византийское и славянское — обусловили характер внутреннего социально-политического устройства регионов, населенных румынами. В Трансильвании, где государство и его официальные учреждения со временем делались нерумынскими, постепенно утвердилось венгерская модель, которая имела немецкое происхождение и которая, однако, не сумела полностью вытеснить первоначальные местные структуры.

Господарь. С XIV столетия во главе Валахии и Молдовы стоял господарь, который был одновременно и великим воеводой. Понятие *domn* («господарь»), обозначающее верховного правителя страны и подданных, происходит от латинского *dominus* — титула, который получали главы римского государства в период домината. Название «великий воевода» имеет славянское происхождение и означает «главнокомандующий». Вследствие миграции славян и совместного проживания с ними румын в ряде источников начиная с IX в. воеводами называются некоторые румынские правители, стоявшие во главе первых государственных образований в Карпато-Дунайском регионе. В XIII – XIV столетиях в процессе политического объединения этих малых государств в областях к югу и востоку от Карпат появилось по одному «великому воеводе», господствовавшему над местными воеводами. С укреплением власти и ростом авторитета на международной арене великие воеводы присвоили себе звание господаря. В княжеский титул, кроме названий «великий воевода» и «господарь», входила частичка *Io*, что являлось сокращением от священного имени Иоанн (*Ioannes*), обозначающего «избранник Бога» и связанного с церковным обрядом помазания монарха при его вступлении на престол. Благодаря этому господарь становился «единственным властителем» или «самодержцем», будучи символом суверенности и независимости государства. Власть господаря рассматривалась как власть «от Бога». В официальном титуле данная идея нашла

свое выражение в формуле «милостью Божьей» (*Dei gratia*). Знаками власти являлись корона, булава и скипетр.

Полномочия господарей были ограничены, однако, привилегиями бояр и верховного духовенства, а также «древним правом» (традиционным неписанным правом). Господарь (великий воевода) ведал всей государственной администрацией, назначал высших сановников, даровал вотчины и другое имущество, являлся верховным главнокомандующим, выступал с инициативами во внешней политике, решал внутренние конфликты, был верховным судьей страны. В XIV – XVI вв. румынские господа часто признавали себя вассалами венгерских и польских королей, что, по их мнению, не наносило ущерба независимости страны.

Наследование престола осуществлялось по смешанному наследственно-избирательному принципу. Составленное из представителей привилегированных социальных слоев: бояр, духовенства, придворных, верховное собрание страны избирало монарха из числа членов двух господарских семей (Басарабы в Валахии и Мушатины в Молдове). После установления в XVI столетии прямого османского сюзеренитета над румынскими княжествами избранные господа были обязаны добиваться утверждения у султана. Часто в нарушение этого правила они вначале назначались Портой (также из числа представителей местных династий), и лишь затем собрание принимало формальное решение. После этого, обычно на открытом месте (на «поле») и в присутствии представителей различных слоев свободных людей, происходила церемония коронации господаря митрополитом. Хотя господа продолжали считать себя «помазанниками Божьими», а свою власть — ниспосланной «милостью Божьей», со второй половины XVI в. «божественное» происхождение власти дополнялось земным фактором в лице султана или императора. Именно с этого периода подверглись значительному ограничению внешнеполитические полномочия господарей, которые были обязаны согласовывать свои действия на международной арене с интересами Порты. Внутри страны господа сохраняли прежние полномочия. В целях преодоления отрицательных последствий внутренней борьбы за престол и для ограничения власти бояр большинство господарей, подражая западной практике, объявляли своих наследников еще при жизни, приобщая их к политической деятельности.

Хотя в Трансильвании великие воеводы именовались так же, как и монархи Валахии и Молдовы, они не обладали подобной

властью и, следовательно, не были господарями. В данном случае в качестве суверенного монарха выступал король Венгрии, назначавший воевод Трансильвании, входивших в круг крупнейших сановников. В составе королевства Трансильвания пользовалась широким самоуправлением, которое местные власти стремились укрепить, а центральные власти пытались ограничить. Вопреки установленным правилам некоторые воеводы создали настоящие «воеводские династии», как, например, члены семьи Лакфи в XIV в. или семьи Чаки в XV в. Воевода Лади́слав Лошонц (1376 – 1391) участвовал даже в антивенгерской коалиции Балканских государств. Воеводы Трансильвании назначили своих заместителей, правителей семи трансильванских комитатов, начальников замков, нотариюв и других высших местных должностных лиц. С середины XV столетия некоторые воеводы, проживавшие в основном вне Трансильвании, назначали своих заместителей, являвшихся подлинными правителями, а также губернаторов и их заместителей. В документах XIV в. изредка встречается также титул «герцог Трансильвании» (известный и в предыдущем веке), который носил член королевской семьи. Тем не менее на всем протяжении средневековья настоящая власть всегда была сосредоточена в руках воевод, которых иногда одновременно бывало двое или трое. Воевода Трансильвании наделялся административными, судебными и военными полномочиями. Его власть распространялась на комитаты Сольнок, Дэбыка, Клуж, Турда, Алба, Хунедоара и Тырнава. Большинство трансильванских воевод значительно расширили свою власть, получив титулы графа Сольнокского, графа секеев и даже графа Сибиу (т. е. саксов), а также ряд королевских прерогатив в отдельных областях, юридически выведенных из-под воеводской власти. Вследствие сохранения в течение некоторого времени вассальных отношений часть территории Трансильвании (Фэгэраш, Амлаша, владения Чичеу, Четатя-де-Балтэ и др.) оставалась под властью господарей Валахии и Молдовы. После 1541 г., когда произошел распад Венгрии, правители Трансильвании стали называться князьями и избирались отныне верховными собраниями, получившими впоследствии название «диеты». После своего избрания князь был обязан получить утверждение у султана, так как Трансильвания имела аналогичный с Валахией и Молдовой внешнеполитический статус.

Господарская дума (совет). Идея господарского совета была основана на старинном принципе *auxilium et consilium**, предполагавшем обязанность крупных землевладельцев, состоявших в свите господаря, принимать или отклонять основные документы, изданные господарем. Более того, господарь нуждался в сановниках и для обеспечения должного репрезентативного уровня своего двора. В определенных условиях совет (дума) жестко ограничивал власть господаря и строго контролировал его решения. Члены совета (крупные бояре, митрополит, епископы, игумены известных монастырей, сыновья господаря) упоминались в качестве свидетелей или ставили свои печати на важных документах (грамотах), изданных канцелярией господаря. Они помогали господарю при осуществлении дарственных актов, на судебных процессах, при заключении договоров с иностранными державами. В господарской думе Валахии состояли, как правило, 10 – 15 бояр, в Молдове — 20 – 30. Роль совета и распределение должностей сановников свидетельствуют о византийском влиянии через славянское посредничество, хотя принципиально они ничем не отличались от западных.

За редкими исключениями, должности сановников в Молдове и Валахии назывались почти одинаково и не отличались особой точностью в определении полномочий. Каждый сановник мог выполнить любой приказ господаря. И все же некоторые крупные сановники (бан, логофет, ворник, казначей, пыркэлаб) обладали, как правило, политическими полномочиями, а другие (постельник, пахарник, стольник) выполняли в основном поручения господаря и его двора. Среди самых важных сановников (главным образом членов господарского совета) числился бан Северина, а потом бан Олтении, являвшийся главой администрации территорий к западу от реки Олт и обладавший правом вынесения смертных приговоров в Олтении. После образования административного центра Олтении в Крайове великому бану были подчинены остальные баны (бэнишори) на территории западной части Валахии. Великого бана называли также «малым господарем». Ворник (палатин, *iudex curiae***) ведал господарским двором и со временем был наделен наиболее обширными после господаря юридическими полномочиями. Логофет (канцлер) являлся главой канцелярии господаря

---

* Помощи и совета (*лат.*).

** Придворный судья (*лат.*).

и обеспечивал подготовку принятых господарем и советом решений в виде грамот или господарских наказов. Казначей вел учет доходов и расходов страны. Спэтар (*spatarius, armiger**) возглавлял конницу и носил меч господаря на торжествах. Пыркэлабы (*capitanei, castellani***) были начальниками крепостей и приданных им близлежащих земель; они занимали особое положение в Молдове. Портар (ушиер) занимался установлением границ и приемом послов (в Молдове при Штефане Великом появилась должность «великого портара Сучавы», командующего войсками). В XVI в. сучавский портар стал называться также хатманом (от нем. *Hauptman*) или «генералом» конницы и пехоты. Постельник (камергер, *cubicularius*) ведал жилищем господаря и был его тайным советником. Пахарник (*magister pincernarum*, т. е. чашник) занимался снабжением господарских винных погребов. Стольник (*magister dapiferorum*) заботился о кухне и столовой воеводы; конюший (*magister agasonum*) имел военные полномочия и ведал господарскими конюшнями. В господарском совете состояли, как правило, ворник, логофет, казначей, пахарник, постельник, стольник, конюший, бан (в Валахии), пыркэлаб (в Молдове), портар Сучавы (в Молдове), а также крупные бояре без должностей. Последние играли в совете важную роль, однако после 1450 г. постепенно стали терять свое влияние в пользу сановников господаря (великие бояре на должностях). Усиление зависимости румынских княжеств от Порты после 1550 г. обусловило некоторые изменения и в господарском совете, который стал называться диваном.

Собрания сословий (общие собрания). Как и в Западной Европе, эти собрания сословий имели исключительную важность, символизируя «правовое государство», в рамках которого представители сословий (привилегированных слоев) собирались для принятия специальных решений. Сильное византийское влияние в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не смогло воспрепятствовать становлению структур, аналогичных сословному порядку Франции и других стран Запада (*bellatores, oratores, laboratores*). Собрания сословий в населенных румынами регионах получили распространение с XIV в. (в Трансильвании) и с XV в. (южнее и восточнее Карпат).

* Мечник, оруженосец (*лат.*).

** Капитаны, коменданты замков (*лат.*).

В собраниях Валахии и Молдовы участвовали «представители» привилегированных слоев, т. е. бояре, высшее духовенство и придворные, принимавшие наиболее важные для страны решения: избрание господаря, отказ от престола, объявление войны, заключение мира, отправление важных миссий за рубеж, приговоры по особо важным делам, рассмотрение апелляций, введение налогов. Первое упоминание о них относится к 1421 г., когда господарь Молдовы Александр Добрый решил подарить своей бывшей супруге, литовке Римгаилле, посад Сирет и другие имения. В 1456 г. господарь Петр Арон созвал собрание для оплаты первой дани Порте в качестве выкупа мира. В 1594 г. Михай Храбрый «созвал всех крупных и мелких бояр и всю страну», чтобы вместе решить, как защитить «христианскую страну от рук неверных». В средние века, однако, так и не удалось добиться четкой периодичности этих собраний, так и не ставших постоянно действующими учреждениями.

Созывавшиеся параллельно с сословным собранием Венгрии общие собрания в Трансильвании представляли собой важный элемент ее автономии. Как правило, на них рассматривались судебные дела, но иногда обсуждались и вопросы экономического и административного характера, связанные с необходимостью урегулирования отношений между церковью и знатью по части церковной десятины, с таможенной деятельностью, подтверждением дарственных актов, обеспечением правопорядка, борьбой со «злодеями». Обычно в этих собраниях участвовала знать семи комитатов (вначале, возможно, и другие категории свободных людей), которые в документах, составленных на латинском языке, назвались *congregationes* или *universitates*. Воевода или заместитель от его имени созывал собрания и председательствовал на них. Они часто проходили в Турде и после 1320 г. проводились ежегодно или дважды в год. Известны случаи, когда в созванных по приказу короля расширенных собраниях участвовали все общественные слои внутрикарпатского региона: знать, саксы, секеи и румыны. Это произошло в 1291 и в 1355 гг., однако в силу ряда причин румыны более не приглашались для участия в таких мероприятиях. Объяснением тому служит ряд обстоятельств, среди которых следует выделить: характер народа, нередко восстававшего против своих правителей; образование румынских государств по другую сторону Карпат (при поддержке румын-трансильванцев и вследствие мятежей, начатых в Трансильвании и Марамуреше); упорное

сохранение румынами православия в условиях, когда венгерские власти всеми силами пытались навязать им католицизм; упадок румынской элиты, не выдержавшей конкуренции с венгерской знатью и представителями саксов и секеев. Особую роль в этом процессе сыграла венгерская знать, которая в 1366 г. пожаловалась королю на всех румын Трансильвании, требуя их «уничтожения». Подобное отношение привело к тому, что в 1437 г. представители знати, саксов и секеев заключили соглашение о «братском союзе» без участия румын. Названный после 1500 г. «союзом трех наций», он постепенно, особенно в Новое время, стал приобретать открыто антирумынский характер.

На общие собрания, проходившие под председательством выступавшего от имени короля палатина, созывалась знать западно-трансильванских и банатских комитатов. Иногда граф Тимиша проводил региональные собрания соседних комитатов: Тимиш, Караш, Ченад, Арад, Заранд.

В середине XV в. обычными стали общие собрания знати, саксов и секеев, созывавшиеся по собственной инициативе сословий (главным образом знати), где обсуждались интересовавшие их вопросы (принятие субсидий, разработка законов, мобилизация войск). Эти расширенные собрания сословий предшествовали появлению в эпоху княжества общих собраний, которые были названы графскими собраниями или диетами. С XVI в. сословия Трансильвании все чаще стали называться «нациями» и приобретать национальный оттенок.

Административное устройство. Валахия была разделена на уезды, а Молдова на округа (цинуты), которые сложились до образования государств, в ходе процесса объединения земель мелких кнезов или жудов того или иного региона. Точно так же образовались воеводства, или «края», названия которых во многих случаях происходят от названий рек и были впоследствии унаследованы уездами: Жалеш, Мотру, Горжиу (Верхний Жиу), Должиу (Нижний Жиу), Арджеш, Дымбовица, Прахова, Бузэу и др. Некоторые названия уездов и округов имели славянские корни, что было следствием совместного проживания древних румын со славянами: Илфов (ельхов, т. е. еловый лес), Дымбовица (дымб, т. е. дуб), Вылча (вылк, т. е. волк), Тутова («край ежевики»), Лэпушна (лопуш, т. е. чертополох), Сорока («сорока»). Телеорман носит название половецкого происхождения («огромный

лес»). Названия Влашка («край румын») и Романацы получили политические образования, в которых было сосредоточено румынское население. Старинное понятие «жудец» («уезд») использовалось в XV в. для обозначения административного органа центральной власти на местах.

Округа (цинуты) в Молдове также представляли собой объединенные в древности земли с населенными пунктами вокруг крепостей, посадов или господарских усадеб. Названия этих центров унаследованы цинутами Бакэу, Роман, Ботошань, Нямец, Яссы, Сорока, Хотин, Четатя-Албэ и др. Более четкое разграничение округов Молдовы было проведено в XV в. Ранее, как правило, населенные пункты идентифицировались по имени кнеза/жуда («...где кнезом был Чиорсак», «...где жудом был Бэлан») или реки, на которой они располагались («три села на Сирете»). Кроме округов сохранились и древние административные единицы, названные Д. Кантемиром «республиками» (сообщества крестьянских общин без бояр): Кымпулунг в цинуте Сучава (50 деревень), Тигеч в цинуте Фэлчиу, Вранча. Река Прут не служила границей цинутов: Ясский цинут, например, располагался по обе ее стороны, так же как Лэпушна или Фалчиу. В XVI – XVII столетиях в Молдове существовало 24 округа, а в Валахии 16 уездов.

Во главе уездов и округов находились представители господаря, наделенные административными, судебными, исполнительными и налоговыми полномочиями. Прикрепленные к крепостям Молдовы земли находились под управлением пыркэлабов, а в округа, располагавшиеся на южной (Путна) и северной (Черновцы) окраинах Молдовы, назначались старосты. Пыркэлабы наделялись также важными военными полномочиями. Во главе уездов Валахии находились судеты или жуды с аналогичными для пыркэлабов полномочиями. По сравнению с Валахией, где на местах назначались «господарские служащие», в Молдове должности в местных органах занимали в основном приближенные пыркэлабов, названных урядниками или глобниками. Позднее жуды, старосты и пыркэлабы были заменены вэтафами (появились в XVI столетии в молдавских округах, не имевших крепостей).

В результате взаимодействия венгерско-немецкой и местной моделей, а также колонизации и появления чужеземного населения в Трансильвании и Ванате сформировалось несколько видов административных единиц. В ходе постепенного завоевания этих территорий (XI – XIII вв.) Венгерское королевство создало коми-

таты, основой которых стали сложившиеся в прошлом крепостные округа. Во главе трансильванских комитатов воевода ставил графов (комитов), каждый из которых выбирал себе заместителя из числа своих приближенных. Из знати каждого комитата выбирались двое жудов (в западных комитатах Трансильвании и в Банате, как и во всем остальном королевстве, их было четверо). Граф (и заместитель графа), жуды с шестью (в Трансильвании) или двенадцатью присяжными заседателями, избранными знатью, ведали текущими делами комитата, вели судебные разбирательства и участвовали в общих собраниях. Граф, вице-граф, жуды и присяжные заседатели составляли и судебную инстанцию (*sedes iudiciaria**) каждого графства. В каждом графстве Баната и в западной части Трансильвании созывались общие собрания знати для решения судебных и административных вопросов. В Трансильвании собрания графств подменялись общим собранием всего *Regnum Transilvaniae* в Турде, однако представители знати встречались иногда в узком кругу для решения некоторых судебных вопросов.

На основе предоставленного им особого положения в королевских владениях немцы и секеи имели особые территориально-административные структуры. Первоначально предполагалось, что территории компактного проживания саксов и секеев будут организованы по принципу комитатов (по одному для каждой национальности), о чем свидетельствует применяемое иногда название «комитат Сибиу». Однако в XIV в. административные единицы саксов и секеев получили названия престолов (*sedes*). Традиционно существовали семь секейских «престолов» (Одорхой, Муреш, Чук, Ариеш, Сепси, Кезди и Орбай), но на протяжении времени их число менялось. Во главе каждого престола стоял капитан и престольный (местный) судья. В XV в. был назначен и королевский судья, представлявший центральную власть. Король назначал секейского графа из числа крупной венгерской знати или предоставлял эти полномочия воеводе Трансильвании. Граф созывал общее собрание или собрание отдельных престолов.

Прибывшие с Запада саксы имели более развитый, чем у секеев, социальный строй, а также добились значительных успехов в развитии ремесленного дела и торговли. В документах первой

---

* Судебная скамья (лат.).

половины XIV в. упоминается о семи саксонских «престолах» Сибиу, Себеш, Чинку, Рупя, Сигишоара, Орэштие, Нокрич, Миеркуря; позже к ним добавились Медиаш и Шейка. Во главе каждого «престола» стояли королевский и местный судьи. Были созданы и два саксонских округа (называвшихся иногда «престолами» или провинциями) — Брашов и Бистрица. Некоторые части территорий, населенных саксами, временно находились под властью графа секеев, а другие не были включены в королевские владения и входили в комитаты. Проживавшие на территории «престолов» саксы оставались свободными, а оказавшиеся вне «престолов» либо делались крепостными, либо добивались включения в ряды знати. Население каждого престола имело, наряду с общим собранием, собственные престольные собрания, созывавшиеся графом. Саксы всегда отстаивали свою автономию и добивались включения всех представителей немецкой национальности в единую территориальную и политическую структуру под названием «Община саксов» (*Universitas Saxorum*), признанную королем Матьяшем Корвином в 1486 г. Таким образом, прослойка знати, саксы и секеи создали в Трансильвании собственные территориальные единицы (графская земля, или земля знати; земля саксов; земля секеев), составлявшие основу политической власти и социального статуса отдельной «нации».

Румыны унаследовали территориальную организацию римского, римско-византийского и славянского происхождения, основанную на принципе края (*țară*, от лат. *terra*), «долинного княжества», воеводства. До венгерского завоевания и чужеземной колонизации им, видимо, так и не удалось закрепить созданные структуры и их территориальное единство. Существовало несколько центров местной политической и административной власти, которые к тому времени не успели еще объединиться под единым началом румынской централизованной власти. Венгерские завоеватели застали их в таких местах Трансильвании и Баната, как Фэгэраш, Хунедоара — Хацег, Марамуреш, Нэсэуд, Бейуш, Заранд, Сэтмар, используя названия *terrae, keneziatuș, provinciae, sedes*, но чаще всего — термин *districtus Valachorum* (округа румын), который вошел в обиход для обозначения румынских территориальных единиц. В силу своего положения покоренной народности, принадлежности к православию и некомпактного расселения румыны были вытеснены новой властью в периферийные горные районы, что не позволило им создать в Трансиль-

вании собственную территориальную единицу, как это сделали венгерская знать, саксы и секеи. Попытка сделать это в районе Фэгэраша в XIII в. была пресечена властями. В следующем столетии эти земли были переданы венгерскими королями в качестве феода господарям Валахии; последние, однако, считали их своей «законной провинцией». Большая часть румынских округов (выше 30) находилась в Банате, и почти столько же в остальной части Трансильвании. Некоторые из них появились позднее в зонах компактного проживания румынского населения вокруг королевских крепостей. По мере того как территория Трансильванского воеводства делилась на комитаты или «престолы» саксов и секеев, округа румын включались в состав этих структур, большей частью в качестве неофициальных или полуофициальных единиц. Определенного законного признания добились лишь незначительное число округов, которым были пожалованы привилегии от центральной власти.

Древнейшими округами являлись расположенные на юге Трансильвании Фэгэраш и Хацег, входившие в состав крупных политических образований, простиравшихся в XIII в. по обе стороны Карпат. Захваченный еще до 1247 г. Хацег был включен в состав графства Хунедоара (венг. Хуньяд), навсегда сохранив статус особого округа. В этом же комитате упоминаются округа Хунедоара, Дева, Добра и Стрей. В 1457 г. король Ладислав V подтвердил сохранение для «знати, кнезов и остальных румын» банатских округов Карансебеш, Илидия, Алмэж, Карашова, Бырзава, Лугож, Мехадия и Комиат и их предыдущих «свобод» в виде привилегий.

Другой древней румынской политической единицей являлся Марамуреш, получивший наряду с некоторыми регионами Трансильвании статус отдельного воеводства. Упоминаемый в документах 1199 г. Марамуреш постепенно был включен в состав Венгерского королевства, а в XIV в. из воеводства румын превратился в комитат. В ходе его организации Венгерское королевство привлекло на свою сторону часть румынских лидеров (кнезов), среди которых был Драгош из Джулешти, однако тем самым спровоцировало выступление другой части местной элиты, озабоченной попытками упразднения воеводства с его румынскими учреждениями.

На протяжении почти двадцати лет сопротивление марамурешских кнезов, часто перераставшее в вооруженную борьбу, возглавлял бывший воевода Богдан Кухя (1342 – 1363). В конечном

итоге руководители восстания вместе с одной-двумя сотнями семей марамурешских кнезов ушли через Карпаты в Молдавию, чем способствовали образованию второго независимого румынского государства. Подавление политической жизни румын на внутрикарпатской территории привело к тому, что политические силы Фэгэраша, Марамуреша, Баната и Хацега внесли свой вклад в процесс образования румынских государств по внешней стороне Карпат. Это вовсе не означало, что происходили массовые передвижения населения, так как основная масса жителей Трансильвании по-прежнему оставалась в своих округах и сохраняла собственный уклад жизни под руководством кнезов или воевод, с окружными собраниями, судами по румынскому праву, владениями, устроенными по румынским обычаям. Постепенно, однако, трансильванским румынам была навязана официальная административная структура в виде венгерских комитатов, саксонских и секейских престолов, а румынские округа, стремившиеся сохранить первоначальный вид, были подавлены остальными структурами и постепенно пришли в упадок.

Города и посады находились в прямом подчинении у господарей, а их автономия, по сравнению с городами Запада, была ограниченной. В Валахии и Молдове понятие «город» в средние века носило условный характер, так как многие города по сути оставались посадами. Представители господарской власти проживали во вверенных им городах. Самоуправление городов, расположенных южнее и восточнее Карпат, обеспечивалось городским советом в составе двенадцати пыргаров под председательством жудеца (в Валахии), шолтуза или войта (в Молдове). Местная власть подчинялась представителю господарского двора (ворник, пыркэлаб). Существовал и расширенный городской совет, «советники» посада. В Сучаве, например, армянская община имела собственный совет во главе со своим войтом. В ведение руководства города входили местные налоги, судебные разбирательства, ежегодное распределение земель для сельскохозяйственных работ, сбор податей в пользу казны. Города имели собственную канцелярию, печать и реестр (городскую книгу) для учета собственности и судебных записей. Обязанности горожан по поддержанию и обеспечению городских отрядов для армии княжества регулировались специальными юридическими нормами.

Трансильванскими городами (*urbes, civitates*) правил совет, называвшийся также магистратом, из двенадцати присяжных

заседателей во главе с местным жудом, которых ежегодно избирали горожане. В крупнейших городах: Клуже, Брашове, Сибиу и др. — были созданы расширенные советы в составе ста мужчин (*centumviri*). Некоторые города пользовались предоставленными королем привилегиями, укрепившими их автономию и самоуправление.

Вера и церковь. В повседневной жизни и особенно в моменты душевных переживаний церковь в средние века оставалась важнейшим средством утешения. Безграничная привязанность людей к церкви и вере определяла порядок их жизни. Церковь придавала законность деятельности различных учреждений и установленным правам, в том числе на самом высшем уровне. История румын полностью подтверждает данный факт.

Румынский историк Константин Джуреску писал: «В этой части Европы мы являемся древнейшими христианами; христианство, как и наш язык, имеет латинский характер». Бесспорно, данное утверждение, вошедшее в сознание многих румынских интеллигентов, нуждается в уточнении и даже исправлении. «Древнейшими христианами» в «этой части Европы» были и греки, и албанцы, а первоначально латинский характер христианства на территории Дакии подвергся значительным изменениям вследствие славяно-византийского влияния. Румыны стали «древнейшими христианами» не потому, что их предки приняли христианство в III — IV вв. от Рождества Христова, а потому, что к концу I тысячелетия христианской эры румынское народное христианство имело массовый характер. Начатый еще в дако-римский период процесс обращения румын в христианство продолжался несколько веков, поскольку он не был навязан сверху, как то было с их соседями, а происходил естественным путем, постепенно, из поколения в поколение, охватывая в результате миссионерской деятельности различные социальные слои. Отступление Римской империи на южный берег Дуная и последующее сокращение территории Византийской империи оказались существенными препятствиями на пути становления церкви на территории Древней Дакии и Нижнего Подунавья. Путь от действовавшей в IV в. епископии в Томах до нескольких епархий на территории, населенной румынами в первые века II тысячелетия, оказался нелегким. Средневековое государство немыслимо без церкви. Часто оно стремилось, как то было в византийском мире, получить соб-

ственную автокефальную или автономную церковь. В придунайских регионах, таких, как Добруджа, Олтения и Банат, где образовались сильные политические центры, становление церковной организации произошло раньше и на более крепкой основе. В 1264 г. в Вичине (Добруджа) существовало православное архиепископство, ставшее впоследствии митрополией. Последним митрополитом этого придунайского региона был Якинт, возглавивший в 1359 г. валахскую митрополию в Арджеше. В 1370 г., в правление Владислава Влайку, образовалась вторая валахская митрополия в Северине, в области непосредственного соприкосновения с католицизмом. Молдавская митрополия была создана около 1387 г. при государе Петре I Мушате, однако из-за конфликта со вселенской патриархией получила каноническое признание несколько позже (1401). Образование автономных митрополий под главенством Константинополя не только явилось официальным признанием принадлежности румын к православной церкви, но и обеспечило легитимацию румынских государств на международной арене. Обращение румын — народа с западными, римскими корнями и носителя неолатинского языка — к восточной христианской вере (как и к старославянскому языку в качестве церковного) не стало «исторической катастрофой», как пытаются трактовать это некоторые авторы. Речь идет о естественном развитии региона, расположенного на стыке западного и восточного миров, в период, когда свет веры и культуры символически исходил как от Византии, так и от Рима.

Это положение на границе двух миров наложило отпечаток на весь процесс развития румынской средневековой духовности. Государь Молдовы Александр Добрый (1400 — 1432), прислушавшись к совету митрополита Иосифа, доставил из Четатя-Албэ (Белгорода) в Сучаву мощи св. Иоанна Нового, принявшего мученическую смерть около 1330 г. По настоянию государя Св. Иоанн Новый был провозглашен духовным покровителем Молдовы. Государь Александр Добрый способствовал образованию в 1401 г. Армянской митрополии в Сучаве и оказывал материальную поддержку созданному еще в 1371 г. католическому епископству в Сирете, а также католическому епископству в Байе (1405 — 1413). Он предоставил убежище и оказывал покровительство сторонникам Яна Гуса, эмигрировавшим в Молдову. В 1381 г. было основано католическое епископство и в Арджеше (Валахия). Все эти факты свидетельствуют о том, что даже после

великого раскола в 1054 г. на территории, населенной румынами, церкви двух основных обрядов, а также некоторые «ереси» находили возможности для сосуществования. Поэтому нельзя говорить о проявлении в регионе четкого духовного разграничения между цивилизациями. Это была скорее зона соприкосновения и переплетения на определенном пространстве элементов культуры Запада и Востока.

Получив еще в XIV в. официальный статус, православная церковь создала на территории Валахии и Молдовы свои митрополии и епископства. Первые упоминания о них в документах не всегда соответствуют дате образования: епископство Романа (1408), под юрисдикцией которого находилась вся южная часть Молдовы; епископство Рэдэуцы (1471), где в прошлом находилась и резиденция господаря; епископство Хуши (1597/98). Все они были подчинены митрополии Молдовы. Процессом организации церкви в Валахии руководил Нифон, низложенный османами вселенский патриарх Константинополя, которому предоставил убежище господарь Раду Великий (1495 – 1508). Первые два православных епископства княжества были созданы в Рымнику-Вылче и в Бузэу.

В Трансильвании, где православная церковь не была официально признана, а румыны в качестве «раскольников» подвергались дискриминации, выживание и укрепление православной иерархической структуры еще с XIII в. сталкивалось с огромными трудностями. К примеру, после захвата «латинянами» Константинополя во время Четвертого крестового похода (1204) венгерский католический архиепископ в Калоче попросил у папы разрешения о переводе под свою юрисдикцию православного епископства «из страны сыновей кнеза Белы», располагавшейся, по всей вероятности в Кришане. Упомянутые в документах XIV – XVI вв. румынские православные епископства и даже архиепископства Трансильвании владели жалкое существование, и их будущее всегда находилось под вопросом. В XI – XII столетиях были основаны католические епископства в Ченаде (на месте православного), Ораде и Алба-Юлии. В 1191 г. саксы при посредничестве эстергомского архиепископства добились права на создание католического викариата с центром в Сибиу. Для распространения католицизма среди «язычников» и «раскольников» в 1227 г. у восточных границ Венгерского королевства было создано католическое половецкое епископство (на территории которого существо-

вали православные епископства румын), а после 1279 г. появилось католическое епископство в Милковии. Сильное влияние католической церкви в Трансильвании обеспечивалось не количеством верующих, а обширными епископскими и монастырскими владениями и той ролью, которая отводилась ей в заключении гражданских сделок (*loca credibilia*). При епископствах существовали капитулы, а при монастырях конвенты, занимавшиеся подтверждением документов и сделок, приобретением собственности, разграничением земельных участков.

В XIV столетии, в правление второго короля из Анжуйской династии, Людовика Великого (1342 – 1382), в Венгрии усиленно проводилась политика по приобщению к «единству католической веры» народов разного вероисповедания, в особенности «раскольников». Важную помощь королю в этом деле оказали западные монашеские ордены (особенно доминиканцы, бенедиктинцы и францисканцы), а также военные ордены, проникшие в Трансильванию еще в XII – XIII вв. Для достижения цели использовались самые разнообразные средства: убеждение с помощью священников и монахов, возведение многочисленных католических храмов, освобождение от десятины согласившихся перейти в католицизм, угрозы, запрет на проведение богослужений и строительство «раскольнических» церквей, преследование православных священников, отказ в причислении к знати православных феодалов и конфискация их имущества, ссылки, наказания католиков, посещавших православные храмы или крестивших в них детей, борьба против «еретиков и раскольников» при поддержке «светской руки» (светской государственной власти). Около 1370 – 1380 гг. появляются первые свидетельства об успехах в насильственном обращении «раскольников» в католицизм и о мерах по укреплению положения в приграничных областях королевства посредством искоренения «чужеземной веры» румын и славян, а также разрыва связей между принявшими католицизм подданными короля и их бывшими зарубежными «единоверцами». Вопреки этим оптимистическим оценкам другие источники дают несколько иную картину. Так, в написанном в 1374 г. папой Григорием XI письме указывается, что «многочисленные румыны», «проживающие у границ королевства Венгрии в стороне татар», не принимали католицизм и не признавали богослужение венгерских священников, требуя духовных лиц, знающих язык румынского народа (*qui linguam dicte nationes scire asseritur*)⁴. Ссылка на

румынский язык как аргумент сопротивлявшихся переходу в католицизм является важным свидетельством процесса формирования румынской народности в средние века. О незначительных успехах в деле распространения католицизма говорит письмо итальянского гуманиста А. Бонфини, отмечавшего, что «по общему мнению» усилия короля Людовика I Венгерского в 1380—1382 гг. привели к тому, что чуть больше одной трети Венгерского королевства стали поддерживать католицизм⁵. Хотя оценка Бонфини имеет иронический характер, в Трансильвании доля православных действительно составляла от половины до двух третей населения. Практически к тому же выводу пришли и некоторые венгерские исследователи, установившие, что до татаро-монгольского нашествия в Венгрии существовало около 600 православных монастырей и скитов.

В Трансильвании и Банате преследования и гонения не сломили православную церковь, которая сумела выдержать все испытания и даже укрепиться. Точное количество православных епархий остается неизвестным, однако мы знаем, что они имелись повсюду, от Кришаны до Хацега и от Баната до Марамуреша. Наиболее крупная находилась в области Хацега — Хунедоары, где возвышались построенные румынами в XII—XIII вв. каменные церкви в таких селениях, как Стрей, Денсуш, Стрейсунджеорджу, Остров, Гурасада и Сынтэмэрие-Орля. До 1600 г. только в области Хацега действовало около пятидесяти румынских православных церквей и монастырей. Центр другой епархии находился в Брашове, представлявшем собой крупный румынский культурный центр. Однако в стране, выступавшей с «апостольской миссией», какой была Венгрия, деятельность верховной православной иерархии наталкивалась на многочисленные препятствия со стороны властей. Румынские епископства и архиепископства Трансильвании смогли преодолеть некоторые из этих трудностей, получая поддержку от митрополий Валахии и Молдовы. Созданная в 1370 г. митрополия Северина оказывала покровительство всему Банату, а с 1401 г. арджешский митрополит Антим стал именоваться «экзархом всей Венгрии и окраин» (т. е. восточной части королевства, населенной в основном румынами). В 1376 г. отмечено пребывание архиепископа Геласия в трансильванском монастыре Рымец, а в 1391 г. православный монастырь, основанный представителями семьи Драгоша в Марамуреше, получил статус ставропигиального (напрямую подчиненного

Константинопольской патриархии), а его настоятель стал епископом Марамуреша, Берега, Угочи, Сэтмара, северной части Кришаны и Трансильвании. После Флорентийского собора 1439 г., на котором было принято решение об объединении усилий церквей перед серьезной османской угрозой, католики и православные стали действовать сообща во имя «христианства». На этом основании в течение нескольких десятилетий румынская церковь в Трансильвании рассматривалась властями как «объединенная» с римской.

К середине XV в., несмотря на прозелитизм некоторых инквизиторов, Иоанн де Каффа, противник провозглашенной во Флоренции унии церквей, рассматривал себя в качестве епископа всех православных Трансильвании. Во второй половине XV столетия на севере Трансильвании действовало епископство в Феляке, а в начале следующего века — епископство в Ваде. В документах XVI в. отмечена деятельность в Трансильвании ряда румынских епископов, архиепископов и даже митрополитов. Одновременно с переходом тамошних венгров и саксов в лютеранство, кальвинизм и унитариянство на румын стало оказываться давление с целью побудить их изменить веру. Появилось кальвинистское епископство для румын (суперинтендантство) во главе с румынскими епископами, подчиненными местной кальвинистской церкви. Результаты этих усилий оказались незначительными, и лишь часть румынской элиты (бывшие католики) и несколько мадьяризированных сельских общин приняли кальвинизм. Подавляющее большинство румын и в дальнейшем оставались православными.

Хотя небольшие монашеские скиты существовали издавна на северном берегу Дуная, после основания митрополий к югу и востоку от Карпат монашеская жизнь здесь получила прочную организационную основу. Господарь, а позднее и бояре построили крупные монастыри, передав им обширные владения и наделив привилегиями. Приехавший в Валахию из Сербии в правление Владислава Влайку монах Никодим возглавил в районе Северина строительство монастыря Водица, завершенное около 1372 г. После того как Северин вновь попал под власть Венгрии, монахи Водицы переехали в Тисману, где при поддержке валашского господаря Раду I в 1378 г. для них была построена новая обитель. В правление Мирчи Старого (1386 — 1418) было положено начало практике строительства монастырей за счет господаря, являвшие-

гося их основателем, покровителем и гарантом земельных владений. Рядом с уже существовавшими храмами господарь Мирча Старый построил монастыри Козия и Котмяна. При нем были заложены монастыри Нучет (Дымбовица), Струталя и Вишина (Горж), Брэдет (Арджеш), Главачек, Болинтин, Дялу и др. Во второй половине XV в. появились монастыри Бистрица (Вылча), Комана (Ильфов), Тынгану (Бухарест), Тыргшор (Прахова).

Среди наиболее древних монастырей Молдовы числится монастырь Нямцу, основанный епископом (впоследствии митрополит) Иосифом при господаре Петре I. Под 1398 г. упомянут монастырь Св. Иоанна в Проботе. В период правления Александра Доброго были воздвигнуты монастыри Бистрица, Хумор, Бохотин (Яссы), Кэприана и Вэрзэрешть (оба в прутско-днестровском междуречье), Хородник (Рэдэуц), Ицкань (Сучава). Однако самым известным основателем церквей и монастырей был господарь Штефан Великий (1457–1504). Наследники Штефана следовали его примеру, строя по всей территории Молдовы многочисленные церкви и монастыри. Монастыри Нямцу, Козия, Путна, Тисмана превратились в крупные культурные центры, при которых действовали школы, ремесленные курсы, готовились сельские учителя, были открыты мастерские живописи, скульптуры, по обработке металлов и дерева.

Монастыри освобождались от податей, однако известны случаи, когда некоторые господа, прибегая к крайним мерам, облагали их налогами. Так, валашский господарь Михня (1577–1591) обложил обитатели податью с целью сбора необходимой суммы для платы дани Порте, однако вскоре отказался от этого. Господари Молдовы Деспот Водэ (1561–1563) и Иоан Водэ Лютый (1572–1574) также посягнули на имущество монастырей. Последний перевел в казну значительную часть монастырских доходов, а при оказании сопротивления подвергал монахов наказаниям и пыткам. Однако это были исключения; подавляющее большинство господарей остались в памяти потомков как покровители монастырей.

Монастыри изначально пользовались автономией, выбирая своих игуменов без вмешательства церковной иерархии или господаря. Тем не менее иногда эти принципы нарушались. Например, в 1596 г. господарь Михай Храбрый совместно с митрополитом Евфимием, епископами Рымника и Бузэу и со всем собором обсуждали возможность изменения существующих правил монастырской автономии. В целом, однако, господарь и церковь дей-

ствовали сообща. Исключением стала попытка бывшего константинопольского патриарха Нифона, ставшего при Раду Великом митрополитом Валахии, ущемить власть господаря. Реакция последнего была незамедлительной: «Вон из нашей страны, ибо мы не согласны с твоей жизнью, бытом и твоими наставлениями, а также с нарушением наших обычаев». С другой стороны, за попытку «изменения существующих правил и развала страны» был низложен господарь Деспот Водэ, обвиненный в «ереси» (протестантстве) и во враждебном отношении к церкви Молдовы, покровителем которой он должен был быть. В средневековой истории румынских государств православная церковь играла главную роль в распространении духовности и культуры. Господари и церковь Валахии и Молдовы оказывали всяческую поддержку преследовавшимся по религиозным мотивам румынам, проживавшим в Венгерском королевстве, а также православным монастырям на горе Афон и другим центрам восточного христианства (в Метевре, на горе Синай, в Александрии, на Кипре, в Эпире, Иерусалиме, Киеве и в других местах). Ряд румынских монастырей со всем своим имуществом были «преподнесены» монастырям Востока, находившимся под гнетом «язычников», что в значительной мере способствовало сохранению христианских общин, но, с другой стороны, приводило к истощению экономических ресурсов румынских княжеств. Православная церковь Трансильвании, добившаяся в конце XVI в. при поддержке последних статуса митрополии, стала там не только основным румынским учреждением, но и главной опорой в сохранении национальной идентичности румын. Она определяла порядок жизни прихожан, их взгляды на жизнь и понимание ими действительности. Неслучайно с тех пор православие в Трансильвании называлось «румынским законом». Оказавшись под властью «языческих» государств, большая часть основных центров православной церкви не пользовалась ни международным влиянием, ни материальными ресурсами, которыми обладала католическая церковь, однако именно православная церковь приобрела для средневековых румын символическое значение в деле сохранения и развития их национального сознания.

Судебное устройство. Право вынесения решений по тяжбам относится к древнейшим, и им, как правило, пользовались все властители. Верховным судьей в румынских княжествах был госпо-

дарь, вершивший суд чаще всего на заседаниях господарского совета, где он изрекал собственную волю. Только господарь и бан Крайовы в Олтении могли выносить смертные приговоры и принимать окончательные решения по поводу серьезных конфликтов между феодалами. Бояре, в свою очередь, пользовались правом вершить суд в своих владениях и обладали предоставленным господарем юридическим иммунитетом (без права вынесения смертных приговоров, как на Западе). Крестьян судил главным образом «совет старейшин», или, подобно горожанам, они привлекались к суду господарских сановников, наделявшихся полномочиями для вынесения приговоров по уголовным и гражданским делам. Церковь в основном разбирала дела нравственного и религиозного характера. Из практики судопроизводства ранних румынских общин средневековые румынские государства сохранили практику привлечения присяжных, подтверждавших верность заявлений сторон, арбитров (примирителей сторон) и землемеров (устанавливавших границы владений). Они выслушивали свидетелей и рассматривали письменные доказательства, после чего высказывали свое мнение суду, в том числе господарю, имевшее решающее значение при вынесении окончательного вердикта. Неудовлетворенная сторона могла обжаловать приговор в порядке апелляции, т. е. просила о «законе над законом», представляя двойное количество присяжных. При вторичном обжаловании необходимо было еще раз удвоить число присягнувших. Таким образом, от первоначального числа 12 можно было дойти до 24, 48 и даже до 96 присяжных.

Наиболее частыми оказывались общественные и личные дела, связанные с владениями, незаконными актами купли-продажи, нарушением границ земельных владений и права наследования, невозвращением долгов, мошенничеством, неподчинением приказам, воровством и грабежами, убийствами, похищением девушек, адюльтером, кощунством и лжесвидетельством. Наказаниями бывали смертная казнь (через повешение, сожжение на костре и т. д.), конфискация имущества, лишение свободы, отсечение частей тела и штрафы. При установлении границ владений по старым межевым знакам прибегали к обычному свидетельству сторон, «страшной» присяге, клятве или присяге на Евангелии. В Молдове применялась «присяга с бороздой на голове» и «присяга с торбами, наполненными землей». Например: «Подобно тому, как на меня давит сейчас эта земельная борозда, пусть на том све-

те задавит меня вся земля, которую потерял бы обиженный вследствие моих ложных показаний о межах». Сохранялся также обычай бить и тянуть за волосы детей на меже, чтобы не забыть места разграничения между владениями.

Судебная система и правовые нормы, по которым вершился суд, не были однородными. В одно и то же время применялись древние обычаи, византийское и господарское право. Обычаи назывались «общественным законом», изустно передавались из поколения в поколение и были усвоены феодальным государством при его основании. В результате длительного применения на практике отдельные процедуры становились обычаями. Византийское право, зафиксированное в Кодексе Юстиниана и дополненное его наследниками, было основано на римском праве и стало известным в виде номоканонов — смеси светских и церковных положений, сохранявшихся без изменений на протяжении нескольких столетий. С XVI в. устное право уступает место письменному. Господарское право сочетало в себе элементы обычаев и собственно правовых установлений. Оно было представлено в таких специально изданных документах, как грамоты, книги, указы. Среди важнейших юридических текстов, использовавшихся румынами, были «Учебник законов» и «Синтагма» (*Syntagma*) Матвея Властаря, «Закон о судопроизводстве» императоров Константина и Юстиниана, «Судебник» Стефана Душана. Начиная с того же столетия правовые положения стали издаваться на славянском и румынском языках. Ограничивая (до полного исключения) обычай кровной мести посредством внедрения принципа материальной компенсации за нанесение моральных убытков (система композиций), вводя правило личной ответственности перед правосудием, делая более разнообразными наказания в зависимости от характера и тяжести преступлений, господа стремились защитить своих подданных. Бояре и сановники были обязаны поступать «по справедливости», хотя зачастую имели место произвол и беззаконие.

Большая сложность судебной системы в Трансильвании обуславливалась переплетением принципов, введенных венгерской администрацией, более ранними румынскими и славяно-румынскими обычаями, а также последствиями колонизации и переселения в регион саксов и секеев. Как правило, на основе полученных от монарха привилегий национальные и местные общины Венгерского королевства использовали собственные судебные

системы. Со временем, однако, становились обязательными положения венгерского писаного права. Румыны также пользовались собственными законами, «румынским правом» (*ius Valachicum*), в его феодальном варианте называвшимся «кнежеским правом» (*ius keneziale*). В округах, добившихся привилегий, применялся «старый и признанный закон румынских округов» (*iuxta antiquam et aprobatam legem districtuum Valachicalium*). Важнейшими судами были окружные суды, состоявшие из кнезов (иногда кнезов-священников и простых людей) и часто проходившие под председательством кастеланов или воеводы (вице-воеводы) Трансильвании, бана Северина и других высоких должностных лиц.

При рассмотрении обычных дел в графствах Трансильвании основную роль играли судебные прерогативы сеньоров, многие из которых в XIV в. добились у короля «права меча» (*ius gladii*), т. е. права вынесения смертных приговоров и возведения виселиц в собственных владениях. Над местными судами сеньоров стояли графские суды, являвшиеся инстанцией для апелляций и разрешения конфликтов между представителями знати. Апелляции на решения графских судов могли быть направлены на рассмотрение воеводы, который с XIV в. занимался судебными делами, особенно в ходе собраний в Турде, или вице-воеводы. Последней судебной инстанцией в Трансильвании был королевский судья (*iudex curiae*).

В процессе становления трансильванского княжества с середины XVI в. высшей судебной инстанцией стал князь, ставивший во главе судебной системы одного из своих сановников, получавшего звание *palatinus seu iudex curiae*. Княжеский суд являлся верховным и назывался *tabula princeps*. Добившиеся привилегий города пользовались автономией и в области судопроизводства. Наиболее распространенной судебной инстанцией для саксов и секеев оставался престольный суд в составе жуда и двенадцати присяжных заседателей. С XV в. верховной судебной инстанцией стало общее собрание секейских престолов, или *Universitas Saxonum*.

Все заседания судебных инстанций проводились по точно установленным дням: от еженедельных (в определенные дни недели), как то происходило в случаях кнежеских собраний в румынских округах или саксонских престольных собраний до ежегодных заседаний княжеских судов. В XVI столетии в Трансильвании окончательно установилось писаное право — после того как Ште-

фан Вербоци разработал свой знаменитый свод законов, названный *Tripartitum* (1517). В противовес стремлениям центральной власти навязать единую судебную систему, Иоганн Хонтерус и Матиас Фрониус составили особые сборники законов для саксов. В Трансильвании существовало четкое разграничение между светским и церковным правом, а судебное устройство отличалось многочисленными особенностями, которые придавали ему более разнообразный, четкий и современный характер (что являлось результатом западного влияния) по сравнению с судебным устройством к югу и востоку от Карпат.

Военная организация. Армия и оборонительные системы. Составленные из представителей знати войска западных и отчасти центральноевропейских государств состояли из рыцарей, облаченных в кольчуги и латы и вооруженных мечами, копьями, щитами и луками. Оружие и защитное снаряжение для людей и лошадей стоили немалых денег и не всегда были по карману даже представителям знати. Поэтому крупные феодалы передавали часть своих земель вассалам в обмен на «верные услуги», сводившиеся к военным обязанностям. По сравнению с западной моделью в румынских княжествах не все выглядело столь четко и организовано, но принцип был тот же.

Военная организация в феодальных государственных образованиях IX – XIII вв. была основана на привлечении в войско всех свободных крестьян. В XIV столетии централизованная власть создала и постоянные военные формирования для их применения в случаях вооруженных конфликтов. Это было войско господаря, в котором наряду со свободными крестьянами и мелкими боярами (отряды округов и уездов) служили придворные и чиновники военного аппарата, а также бояре с дружинами, состоявшими из их подданных. Эти силы представляли собой так называемое «малое войско». Иногда дружины великих бояр объединялись в отдельное войско, выступавшее даже против самого господаря. В XIV – XV вв. крестьяне продолжали играть важную роль в румынской армии. В случае особой опасности туда призывались все мужчины, способные носить оружие, т. е. собиралось «большое войско». По призыву господарей крестьяне участвовали в знаменитых битвах под началом Басараба I (1330), Мирчи Старого (1394 – 1395), Александра Доброго (1410), Влада Цепеша и Штефана Великого. Польский историк Ян Длугош отмечал, что Штефан

Великий «призывал в ряды войска не только военных и знать (бояр), но и крестьян, обучая всех искусству защищать родину».

С XV столетия в господарское войско входили и контингенты наемников. Одной из причин их использования стало распространение дорогого огнестрельного оружия, для использования которого у обычных воинов не хватало навыков. Другой причиной была необходимость обеспечения строгого внутреннего порядка, и в этом смысле наемники проявляли себя с самой лучшей стороны.

Главкомандующим войском был господарь (выступавший как воевода, или *belli dux*), но его могли заменить такие видные сановники, как бан, ворник, спэтар или хатман. Иногда господарь проводил смотры войска. Например, в 1520 г. валашский господарь Нягое Басараб извещал жителей Брашова о том, что при необходимости он сможет поддержать Венгрию и силы «христианского мира» сорока тысячами конных и пеших воинов и по случаю освящения митрополичьего собора в Тырговиште, на котором «соберется вся страна», сможет «провести краткий осмотр нашего войска». В период между днем Св. Георгия (23 апреля) и днем Св. Димитрия (26 октября) военные всегда были начеку, ибо войны обычно происходили летом. Случались, впрочем, и отклонения от этого правила, как в 1467 г., когда венгерский король Матьяш Корвин выступил против Молдовы в ноябре — декабре, или в 1475 г., когда битва с османами произошла в январе. Так как наступающие войска снабжались за счет занятых территорий, а добыча воинов рассматривались как законный трофей, господа-ри Валахии и Молдовы стали применять эффективную тактику «выжженной земли», когда местность по пути следования вторгшихся чужеземных войск опустошалась, что лишало тех продовольствия и фуража.

Незначительное число крупных бояр, подобно западным рыцарям, имели кольчуги и доспехи, мечи, копья и щиты. Пехота была вооружена луками и стрелами, а иногда копьями и саблями, косами и топорами. Во время осады крепостей использовались камне-метные приспособления. Около 1450 г. появилось первое огнестрельное оружие в виде бомбарды, представлявшее собой грубо изготовленную чугунную или медную пушку с железными либо каменными ядрами, а также огнестрельные ружья, изготовленные в основном мастерами трансильванских городов Брашов, Сибиу и Бистрица. По свидетельству бургундского рыцаря Вале-

ранда де Ваврена, осаждая в 1445 г. крепость Джурджу (захваченную турками в 1417 г.), валашский господарь Влад Цепеш приказал «стрелять имевшимися в наличии двумя крупными бомбардами», но это оказалось малоэффективным.

Значительное место в деле организации обороны отводилось укреплениям, особенно крепостям. Проживавшее вблизи крепостей население было обязано участвовать в строительстве, ремонте и охране укреплений. Используя построенные своими предшественниками приграничные крепости Цецина, Хотин, Сорока, Орхей, Тигина, Четатя-Албэ, Килия, Крэчуна, а также крупные внутренние крепости Сучава, Роман и Нямц, Штефан Великий создал в Молдове передовую для своего времени фортификационную систему. О размерах и мощности крепостных сооружений можно судить по тому, что при усилении крепости Килия летом 1479 г. было задействовано 800 каменщиков и 17 тыс. простых рабочих. В Молдове существовали укрепленные боярские замки или усадьбы. Например, в документах упоминается о сооружениях такого типа в Ребриче, принадлежавших в 1462 г. боярину Думе Негру. Валашские господа Мирча Старый и Влад Цепеш усилили крепостные сооружения в Джурджу, Турну, Северине, Поенари, Четэций-де-Вале, Бурлэнешти, Комане, Тыргшоре, Тырговиште. С учетом опыта прошлого во многих местах строились временные земляные или каменные укрепления с палисадами, рвами и валами.

Хотя воеводы Трансильвании и не обладали статусом самодержавных правителей, они располагали важными военными полномочиями. В королевской армии под их началом находились объединенные части всех трансильванских комитатов, а также их собственный отряд, составленный из дружин приближенных и вассалов. Представители рядовой знати были обязаны лично участвовать в оборонительных войнах, а в заграничные походы выступали лишь под началом короля и за его счет. При сохранении постоянной угрозы османского нашествия на всем протяжении границ от Хорватии до Карпат важную роль в обороне Трансильвании и всего королевства играли мелкие феодалы южных приграничных регионов. Значительную часть находившихся там войск составляли отряды румынских кнезов и воевод Трансильвании, Баната, Кришаны, Марамуреша, а также бояр Фэгэраша. В боях они участвовали конными, вооружались за собственный счет, каждый выходил в поле со своими людьми (кнежеский отряд

назвался «копье») и имел военные обязательства перед крепостями. Они храбро сражались за Венгерское королевство и Трансильванское княжество, что позволило некоторым из них добиться официального причисления к знати и подняться по социальной лестнице. Из рядов румынских кнезов и воевод вышли несколько десятков известных знатных семей, которые приняли католицизм и представители которых стали крупными политическими деятелями королевства, в том числе Янош Хуньяди (Янку де Хунедоара, воевода Трансильвании и правитель Венгрии), его сын Матия (Матьяш) Корвин (король) и Бартоломеу Драгфи (воевода Трансильвании).

Существенный вклад в организацию обороны внесли секеи, действовавшие под началом своего графа, которым часто являлся воевода Трансильвании. Их боевые качества были общеизвестны. Согласно полученным в 1224 г. привилегиям, проживавшие в королевских владениях саксы обязывались выставлять для участия в военных действиях от 50 до 500 воинов. Помимо них проживавшие в городах немецкие колонисты и немецкое население за пределами королевских владений выставляли свой воинский контингент. Первоначально (в XIV в.) саксы предпочитали платить выкуп за освобождение от военных обязанностей, что привело к снижению их боеспособности. Однако это не помешало им в XV в. проявлять героизм совместно с румынами при отражении частых османских набегов. С конца XIV столетия в ряды войска стали призывать и представителей крепостных крестьян (по одному конному лучнику от 20 – 30 человек). Тогда же появились и первые наемники.

На основе таких приграничных и внутренних крепостей, как Киоар, Чичеу, Унгураш, Четатя-де-Балтэ, Бран, Фелдиоара, Рышнов, Рупеа, Кодлеа, Дева, Хацег, Хунедоара, была создана мощная система обороны. После того как король Сигизмунд I приказал обнести города стенами, в 1405 г. были возведены настоящие городские крепости, внутри которых (*intra muros*) проживало в основном немецкое население. На юге Трансильвании саксы строили «церкви-крепости» и «крестьянские крепости», которые служили эффективными убежищами во время османских набегов.

С распадом Венгрии и началом османско-габсбургской борьбы за Венгрию военная структура Трансильванского княжества претерпела ряд изменений. Решениями законодательного собрания военные обязанности знати, секеев и саксов были расширены

и приобрели более четкий характер. Например, каждый представитель знати должен был за свой счет направить в войско по одному крепостному от каждых шестнадцати проживавших в его владениях (в западных графствах Трансильвании данное соотношение составляло один от двадцати пяти). Иногда это дополнялось всеобщим призывом (как в 1514 г.), охраной приграничных крепостей и регионов, а также использованием наемников. В конце XVI в. была предпринята попытка создания территориальных воинских частей с периодическим привлечением местного населения для прохождения военной подготовки. В армии заметно повысилась роль артиллерии. С целью укрепления оборонительной системы были проведены строительные работы в крепостях Липова, Шоймуш, Орадя, Киоар, Сату-Маре, расположенных вблизи областей, контролируемых Османской империей. Все эти усилия заметно увеличили налоговое бремя населения, однако сыграли важную роль в сохранении собственной государственности не только в Трансильвании, но и в румынских княжествах к югу и востоку от Карпат.

Средневековые румынские государства.

Внутренняя консолидация и оборона (XIV–XV вв.)

Наследники основателей княжеств. После смерти Басараба I (1352) румыно-венгерские отношения определялись выходом Валахии из-под влияния венгерского господства и установлением отношений сотрудничества ввиду нового наступления Золотой Орды. Приняв в 1359 г. титул «самодержавного господаря» и добившись признания валашской митрополии под верховной юрисдикцией Константинопольской патриархии, господарь Николай Александр (1352–1364) отклонил притязания венгерской стороны на осуществление контроля над освобожденной от татар транспортной артерией между Карпатами, устьем Дуная и Черным морем (Брэильский тракт). Духовную легитимацию его правлению дала Византия, так как обращение к Риму оказалось невозможным из-за сопротивления внешней силы — Венгрии, стремившейся установить свое военно-политическое господство в регионе. Убедившись в этом, господарь, супруга которого была католичкой родом из Венгрии, решительно обратил взор на Восток и открыто выступил против северного соседа. Его действия

совпали по времени с событиями 1359 – 1360 гг. в Молдове, когда король Людовик Великий заявлял, что «основал нашу молдавскую провинцию».

Наследником Николая Александра стал его сын, воевода Владислав Влайку, при котором отношения с Венгрией оставались напряженными. Захват Видина (1365) и заключение союза Венгрии с Польшей (1370) стали важными успехами Людовика. В этих условиях румынскому господарю пришлось сочетать сопротивление с заключением временных перемирий. Захватившее Видин венгерское королевское войско стало угрожать Влайку под предлогом, что тот не получил знаков власти от своего «законного монарха», а занял престол в сговоре с румынами, жителями его страны. Господарь был вынужден в 1366 г. подписать перемирие, что позволило ему добиться в качестве вассала венгерского короля признания своей власти над Северином, Амлашем и Фэгэрашем. Господарь сохранил также контроль над Брэильским трактом, но ему пришлось согласиться с привилегиями для брашовских купцов (1368). Однако в 1374 – 1375 гг. венгерский король опять вступил в конфликт с обоими закарпатскими румынскими княжествами. Хотя периоды мира чередовались с периодами войн, господарь Валахии в условиях определенного социально-экономического подъема начал чеканить первые золотые и серебряные монеты (дукаты, динары, бани). В отношениях с Венгрией и государствами Юго-Восточной Европы, с монархами которых они состояли в родстве, валашские господа-ри Раду I (1377 – 1385) и Дан I (1385 – 1386) продолжали политику своих предшественников.

Молдова входила в сферу венгерско-польского влияния. Под знаменем апостольской миссии оба католических королевства намеревались подчинить себе Молдову. Польский историк Ян Длугош отмечает, что король Польши Казимир Великий (1333 – 1370) совершил в 1359 г. вооруженный поход в Молдову с целью возведения на престол воеводы Штефана, противника воеводы Петра, венгерского протеже. После смерти Казимира, когда в течение двенадцати лет за королем Венгрии сохранялась польская корона, Молдова переживала трудные времена. К 1370 г. она все же сумела укрепить внутреннее положение и добиться международного признания, будучи отмеченной в источниках под названием *Valachia Minor* («Малая Валахия»). Пытаясь сохранить и укрепить свой статус, ущемленный венгерско-польским давлением, наследник Богдана I Лацко I (1367 – 1375) установил прямые кон-

такты со Святым престолом (папой Григорием XI) и добивался создания в Молдове католического епископства, подчиненного непосредственно папе. В 1370 г. епископам Праги, Вроцлава и Кракова было поручено выполнить волю воеводы Молдовы. Папа предоставил Лацко I титул «герцога Молдовы и валашского народа» (*dux Moldaviae partium seu nationis Wlachie*), что было равнозначно признанию верховным главой западного христианства национальной самобытности обоих внешнекарпатских государств. В Польше на протяжении средних веков в отношении Молдовы официально применялось название *Wołochy*, что означало «Валахия». Молдова стала первым румынским государством, которое узнали поляки, тогда как саму Валахию они называли *Multany* (явное искажение румынского названия «Мунтения»). Вследствие совместных усилий в 1371 г. в столице Молдовы, городе Сирет, было основано католическое епископство, прямо подчиненное Святому престолу, во главе с Андреем Краковским, протееже господаря. Сам воевода принял католичество. Таким образом, добившись легитимации своей государственности со стороны Рима, Молдова была исключена из списка «раскольников» и больше не должна была подвергаться угрозе со стороны Людовика. Однако тот не отказался от планов ее подчинения, что стало большим разочарованием для Лацко. Жители Молдовы не успели или не захотели последовать примеру своего господаря. Его намерения были встречены враждебно и со стороны венгерско-польской католической власти, о чем свидетельствуют военные приготовления Людовика Опольского в 1374 г.

Преемником Лацко стал Петр I (1375 – 1391), вначале принявший католическую веру. Его мать, сиретская княгиня Маргарета (по-румынски Мушата), также была католичкой, о чем свидетельствует получение ею в 1378 г. полного прощения грехов *in morti articulo* от папы, который назвал ее «княгиней Малой Валахии». В это время на политической арене в регионе произошли важные перемены. В 1382 г. умер Людовик I, и венгерско-польский союз распался, а после обращения литовцев в католичество была заключена польско-литовская уния, в результате которой литовский князь Ягайло стал польским королем (Владислав II Ягелло). В 1387 г. господарь Молдовы Петр I принес ему присягу на верность, определив тем самым основное направление внешней политики своего государства в следующем столетии. Присяга на верность королю Польши означала свертывание отношений

с Венгрией и, возможно, принесла Молдове в качестве феода крепость-порт Монкастро или Маурокастро (Четатя-Албэ, Белгород) на берегу Днестровского лимана, ранее захваченную Литвой, где проживала процветающая колония генуэзских торговцев. Будучи одной из крупных коммерческих магистралей средневековой Европы, торговая артерия, называвшаяся с тех пор «молдавским путем» и шедшая от Четатя-Албэ к Балтийскому морю, оказала благоприятное воздействие на развитие восточно-карпатского румынского государства. До захвата Четатя-Албэ и Килии в 1484 г. османами польско-венгерское соперничество было связано главным образом с контролем над двумя торговыми путями, проходившими через Молдову и Валахию.

Вывод Брэильского тракта и устья Дуная из-под контроля Венгерского королевства сделал Молдову и Валахию непосредственными соседями. Расширение Молдовы в южном направлении произошло сразу же после 1386 г., о чем свидетельствуют данные генуэзской миссии в Каффе, которая установила связь с воеводами Петром I и Константином — последним самостоятельным представителем южных территорий. Ликвидация политического образования на юге Молдовы произошла в период между 1386 и 1392 гг., так как Роман I (1391 — 1394) — брат и наследник Петра I — официально стал называться «милостью Божьей господарь Ио Роман Воевода, единственный великий властелин над Молдовой от гор и до моря». Формула «от гор и до моря» свидетельствует о достижении к концу правления господаря Петра I нового политико-территориального положения. Под его властью находилась теперь вся территория между Черновцами на севере и Черным морем на юге. В документе от 5 января 1393 г. о сохранении вассалитета по отношению к королю Польши господарь Молдовы употребляет другой сходный титул: «Мы, Роман, господарь Молдовы и наследник всей Валахии от гор и до моря». Наследник Романа I, господарь Стефан I (1394 — 1399), вновь присягнул в 1395 г. на верность польскому королю.

Отдельные политические действия господаря Петра I оказались весьма неоднозначными для будущего страны. Так, в 1388 г. по просьбе своего польского сюзерена одолжить ему значительную сумму денег господарь Молдовы предоставил ему 3 тыс. серебряных рублей (по некоторым подсчетам, 538,38 кг серебра, что эквивалентно 51,817 кг чистого золота) под залог города Галича и близлежащих земель — так называемого Покутья. Деньги не

были возвращены в установленный срок (через три года), и, согласно договоренности, Петр I приобрел в вечное владение заложенную польским королем территорию. Это вызвало затяжной территориальный конфликт между двумя странами. Около 1377 г. господарь выпустил первые молдавские монеты (серебряные гроши), с семейными знаками и гербом страны (голова тура) на лицевой стороне. Так и не избавившись от давления со стороны соседних католических королевств, Петр вернулся к православию, которое оставалось верой большинства жителей страны. Даже присягу о вассалитете перед только что принявшим католичество Владиславом Ягелло во Львове в 1387 г. он принес по православному обряду, «целуя собственными устами крест в руках киевского митрополита Киприана». После встречи с митрополитом он получил принципиальное согласие на основание молдавской митрополии. До этого православные жители Молдовы, составлявшие подавляющее большинство населения страны, находились под духовной юрисдикцией галицкой митрополии, которой было подчинено и епископство в Четатя-Албэ. По всей видимости, соглашение, достигнутое во Львове, оставило открытым вопрос о назначении церковных иерархов на территориях Западной Руси и Молдавии. В противовес позиции Византии и патриарха Константинопольского монархи Польши и Молдовы пытались выдвигать собственных кандидатов на эти епархии, что привело к возникновению конфликта между Молдовой и патриархией, который завершился лишь в 1401 г., при господаре Александре Добром, когда Константинополь согласился с кандидатурой митрополита Иосифа, происходившего из господарской семьи. Однако, несмотря на этот конфликт, православная митрополия Молдовы существовала по меньшей мере с 1387 г. Вселенской патриархии пришлось дать свое согласие на ее основание по нескольким причинам, среди которых были попытки войск султана Баязида I Молниеносного занять Константинополь (1391, 1394 – 1402), кампания Мирчи Старого в Молдове, захват в плен Юги Воеводы и вступление на престол Александра (1399 – 1400). Таким образом создавался своего рода православный христианский фронт по линии Дуная, который мог быть полезен для освобождения императорской столицы от осады и для укрепления византийского «Содружества наций» в целом.

Образование в XIV в. румынских митрополий в Арджеше и Сучаве стало крупным успехом Византии в ее остром соперни-

честве с католической церковью. Для румын это означало международное признание независимости их стран и последующую многовековую ориентацию на Юго-Восточную и Восточную Европу. Это направление было избрано лишь после того, как сближение румынских княжеств с Западом было сорвано политикой соседних католических государств, в особенности Венгерского королевства.

Мирча Старый (1386–1418). Как и в наше время, в средние века государства не были равны на международной арене. Существовали сильные государства, проводившие политику с позиций силы и доминировавшие на европейской сцене, и мелкие, нуждавшиеся в «покровительстве» великих держав. Это «покровительство» выступало в различных формах и зачастую приводило к поглощению слабых государств более сильными. Политика захватов, насилия и несправедливости всегда отвергалась христианской нравственностью и законом, поэтому приходилось искать предлоги для оправдания таких действий. Наиболее частыми становились мотивации религиозного характера: слава Креста, торжество учения Христа, расширение «королевства Христа», обращение «в истинную веру язычников, еретиков и раскольников» и т. д. С точки зрения мусульман, оправданием насилия была «священная война». Естественно, что и в этих случаях нетрудно было выявить настоящие причины покорения целых стран и народов.

За исключением Трансильвании, Баната, Кришаны, Марамуреша, Добруджи и других, более мелких регионов, румынские или румыно-славянские государства сумели на протяжении средних веков сохранить свою политическую идентичность. Однако они стали элементом существовавшей тогда системы международных отношений, основанной на принципах вассалитета. При определенных условиях румынские господа были вынуждены присягнуть на верность соседним монархам, а именно королям Польши и Венгрии. С румынской точки зрения, этот вассалитет являлся не подчинением, а переходом под покровительство. Их суверенитет, в принципе, сохранялся, особенно во внутренней политике. Румынские князья правили «милостью Божьей», обладая атрибутами суверенной власти. Иного характера оказался позднее сюзеренитет над румынскими княжествами Порты, исходивший извне христианской цивилизации и строившийся на других принципах.

Сравнительно молодой, но известный своими мудрыми решениями Мирча стал наиболее выдающимся представителем династии князей Басарабов и был прозван Старым, чтобы отличить его от носивших то же имя наследников и подчеркнуть его государственные способности и престиж. Уже в начале правления господарь убедился, что внешняя угроза его политике исходила от Венгерского королевства и Османской империи. При посредничестве господаря Молдовы Петра I он в 1389 – 1390 гг. заключил союзный договор (возобновленный в 1391 г.) с королем Польши Владиславом Ягелло, в котором предусматривалось оказание взаимной поддержки «всеми имеющимися силами» в случае нападения венгерского короля. Рост польского влияния в румынских княжествах вызвал соответствующую реакцию короля Венгрии Сигизмунда Люксембургского, направившего при Стефане I свои войска против Молдовы. Они осадили крепость Нямец, но в феврале 1395 г. были разгромлены в битве при «Хиндэу» (Гиндэоань) и отступили в Брашов. Влад Узурпатор, соперник Мирчи, после того как при поддержке османов временно пришел к власти, также сблизился с Польшей в 1396 г. Это стало возможным потому, что король Польши, которому угрожал подстрекаемый венгерским королем Тевтонский орден, в свою очередь, подбивал османов напасть с юга на Венгрию.

Невзирая на трудности, Мирча Старый неустанно проводил внешнеполитический курс на укрепление авторитета страны, ограничение — вплоть до полного устранения — венгерского сюзеренитета и предотвращение османской угрозы. Союз с Польшей стал шагом к достижению этих целей. Естественно, король Венгрии отнюдь не дружественно воспринял этот союз и, воспользовавшись османской угрозой, вновь обратился к господарю Валахии, который, в свою очередь, был вынужден принять венгерское предложение, исходя из интересов совместного антиосманского сопротивления и сохранения своих владений в Трансильвании. Обеспечив себя с севера, валашский господарь смог сосредоточить усилия на южном направлении, поддерживая христианские государства на Балканах и призывая к выступлению против османов правителей некоторых областей Азии.

После того как в 1388 г. турки устранили последнего правителя Добруджи Иоанку (Иванко), Мирча ввел туда свои войска и присоединил к Валахии территорию между Дунаем и Черным морем, добавив к имевшимся у него титулам герцога Амлаша

и Фэгэраша и графа Северина также титул «деспота земли Добротича и господаря Дырстора». Добротич был господарем добруджского государства в середине XIV в., а Дырстор — румынское название (происходившее от древнего *Durostorum*) города Силистра.

Первое большое османское войско, проникшее на территорию Валахии в 1391 г., воевало там против Срацимира, болгарского видинского царя. Османы разграбили часть северодунайских земель и взяли много добычи. В 1393 г. султан Баязид I занял Болгарское царство со столицей в Тырнове и стал готовить экспедицию на север под предлогом, что среди тех, кто оказал ему сопротивление в Болгарии, были и воины Мирчи. В 1394–1395 гг. против Валахии было совершено несколько османских карательных экспедиций. Наиболее крупная из них завершилась битвой 10 октября 1394 г., после которой 17 мая 1395 г. последовала другая. Традиционно в исторических источниках эти два события представлены под общим названием «Битва при Ровине». В составе османского войска были вынуждены находиться и христианские вассалы султана (сербский князь Стефан Лазаревич, Марко Краевич, Константин Деянович). Вследствие применения румынским господарем тактики изматывания обе стороны понесли большие потери, но источники говорят о победе Мирчи на «ровине» (болотистое место, овраг) с последующим отступлением османов под угрозой вмешательства со стороны венгерского короля. Воспользовавшись трудными обстоятельствами, группа валашских бояр выдвинула на престол Влада, установившего контроль над частью страны. Заключив в 1395 г. договор с Сигизмундом Люксембургским, Мирча заручился поддержкой Венгрии, оказанной ему летом 1396 г. воеводой Трансильвании. Укрепив свои позиции, Мирча Старый смог принять осенью 1396 г. участие в крестовом походе, организованном королем Венгрии при участии сил Западной и Восточной Европы и закончившийся битвой при Никополе. Участник этой кампании, немец Иоганн Шильтбергер свидетельствует, что валашский господарь просил позволить его войскам первыми вступить в бой и что венгерский король Сигизмунд одобрил его план, однако этому воспротивился неверский граф Филипп Смелый, сын герцога Бургундии. Французы атаковали первыми и, добившись некоторых успехов, попали в турецкую засаду. Победа османов под Никополем имела большой резонанс и придала сме-

лости мусульманской стороне, показав недостатки западной тактики ведения боя. Тогда же было ликвидировано последнее Болгарское царство со столицей в Видине. Вся территория Болгарии попала под власть султанов, владения болгарской знати были конфискованы и переданы турецким спахиям*, а христианская вера подверглась гонениям. Одновременно османы расчистили себе путь на север, имея теперь возможность использовать крепости на правом берегу Дуная для наступления в Валахию, Трансильванию и Молдову. В 1397–1400 гг. османские силы предприняли ряд попыток перейти через Дунай, но были отброшены.

Османская империя не смогла воспользоваться достигнутым стратегическим успехом из-за поражения, которое потерпела ее армия в битве с монголами Тимура при Анкаре (1402), и захвата в плен султана Баязида. У Мирчи появился шанс укрепить свои международные позиции и даже стать арбитром в борьбе за имперский трон. С этой целью он упрочил союз с христианскими монархами, прежде всего с королем Венгрии, с которым встретился в 1406 г. в Северине, где оба монарха обсудили план антиосманских действий с привлечением к этой борьбе Генуи, Венеции и отдельных областей Византийской империи. Нерешительность некоторых христианских государств свела эти планы на нет. В 1411–1413 гг. Мирча оказывал поддержку в борьбе за трон сыну Баязида, Мусе, однако последний проиграл своему брату Магомеду. Последний, в свою очередь, в 1414 г. перешел Дунай с целью наказать валашского князя. Мирча поддержал другого его соперника, Мустафу. Румынский воевода предоставил убежище шейху Бедреддину, реформатору ислама и инициатору смелых социальных преобразований, который позднее был схвачен Магомедом и повешен (1417). После очередной карательной экспедиции турок в Валахию Мирча был вынужден согласиться на выплату ежегодной дани как выкупа за мир и гарантии сохранения независимости страны.

Мирча правил на протяжении более чем трех десятилетий и обладал немалым престижем в Юго-Восточной Европе. Политическими и личными интересами он был связан как с Западом, так и с Востоком. Первая его супруга была родом из Сербии, вторая

---

* Спахии (сипахи) — воины турецкой кавалерии, как правило, наделявшиеся земельными владениями с зависимыми крестьянами.

из Венгрии. Он облачался в рыцарские доспехи и участвовал в турнирах, правил страной, которая простиралась от Северина, Амлаша и Фэгэраша до Дырстора, Добруджи и «татарских частей» (юг Молдовы). Некоторое время он владел трансильванскими крепостями Бран и Болога, а также другими имениями в Трансильвании и Венгрии. Мирча Старый заметно усовершенствовал государственное устройство и обеспечил взаимодействие разных учреждений, создав модель развития южнокарпатского общества на все будущее столетие.

Александр Добрый (1400–1432) и его эпоха. Александр был почти современником Мирчи Старого, а его прозвище имеет аналогичное значение «старого», «деда» (по-румынски *vil* — это одновременно «добрый», «блаженный», «дед»). Его роль в истории Молдовы во многом сходна с ролью валашского господаря Мирчи Старого.

Александр Добрый продолжил традиционную политику ориентации Молдовы на Польшу, подтвердив свой вассалитет в отношении польского короля. После 1406 г. войско Молдовы неоднократно (1410, 1411, 1412, 1414, 1422 гг.) участвовало на стороне поляков в битвах против рыцарей Тевтонского ордена. Сохранилась память о героизме, проявленном румынами в битвах при Грюнвальде в 1410 г. и Мариенбурге в 1422 г. При посредничестве Молдовы Польша усилила свои политические и экономические связи с Валахией. Польско-литовские купцы все чаще появлялись в румынских княжествах, а румынские купцы — во Львове и в Кракове. В 1408 г. господарь Молдовы предоставил торговые привилегии львовским купцам, а в 1409 г. аналогичным образом поступил Мирча Старый.

Несмотря на разногласия после Грюнвальдской битвы, Владислав Ягелло был вынужден сблизиться с Венгрией, так как ее король стал еще и императором Священной Римской империи. Король Польши надеялся таким образом улучшить свои позиции в борьбе с Орденом и центробежными устремлениями среди литовцев. Изменения во внешней политике Польши обернулись для Молдовы усилением венгерского давления. Это стало очевидным во время польско-венгерских переговоров 1412 г., в ходе которых король Венгрии хотя и признал польский сюзеренитет над Молдовой, все же предложил навязать ее раздел между двумя католическим монархами, в случае если Александр Добрый отка-

жется предоставить военную помощь Сигизмунду в борьбе против турок. В 1426 г. готовность принять участие в предстоящей кампании против османов выразили лишь король Польши и князь Молдовы, тогда как король Венгрии отказался — под предлогом борьбы против гуситского движения в Чехии. Он, однако, попытался позднее воспользоваться условием 1412 г. и, ссылаясь на неучастие Александра в боях против турок в Валахии в 1429 г., стал добиваться низложения господаря Молдовы и раздела его страны, чему воспротивился король Польши.

При Александре Добром Молдова впервые приняла участие в битве против турок — в 1420 г., когда османы предприняли попытку захвата Четатя-Албэ (Белгорода), которую защищали молдавские воины. После этого господарь распорядился усилить крепости Четатя-Албэ и Килия. С целью предотвращения попыток Валахии захватить территорию в устье Дуная Александру пришлось вмешаться в дела соседнего княжества, чтобы низложить Михаила, сына Мирчи, и возвести на престол господаря своего союзника, каким оказался Александр Алдя (1431 — 1436). Впредь господари Молдовы всегда добивались, порой даже силой, вступления на валахский престол верных им господарей.

Пользуясь покровительством Польши и польско-венгерским соперничеством и пока не подвергаясь угрозе со стороны, Александр Добрый оставил после себя процветающую и стабильную, хорошо организованную и защищенную страну.

Наследники Александра Доброго и Мирчи Старого. В период 1432 — 1435 гг. развернулась борьба за престол между Илиашем и Штефаном, сыновьями Александра Доброго, каждый из которых прибегал к помощи Польши. В результате достигнутого в 1435 — 1443 гг. соглашения оба брата стали править страной совместно: Илиаш получил северную, а Штефан южную часть. Позднее Штефан ослепил Илиаша, но, в свою очередь, был обезглавлен Романом II, сыном Илиаша. Последний разделил престол с другим сыном Александра Доброго, Петром II (1447 — 1449). Затем последовали Алексэндрел (1449), Богдан II (1449 — 1451), отец Штефана Великого, и Петр III Арон (1451 — 1457). Стремясь любой ценой сохранить свою власть, последний присягнул на верность королям Польши и Венгрии, а также впервые согласился платить султану дань в размере 2 тыс. золотников в качестве «выкупа мира».

Аналогичное положение сложилось после смерти Мирчи Старого и в Валахии, однако там последствия оказались еще более тяжелыми, так как турки здесь были ближе и легко могли вторгнуться через Дунай. Османы нашли послушных союзников в лице господарей Раду II Праснаглава и Александра Алди. Установлению зависимости от османов попытался воспротивиться господарь Дан II (1420 – 1431), который в 1425 г. вместе с командующим гарнизоном Северина итальянцем Филиппо Сколари (Пиппо Спано) перешел на южный берег Дуная и разбил османские войска под Видином. Образ Дана II стал легендарным и вошел в балканский фольклор. Однако, столкнувшись с истощением экономики страны и покинутый частью боярства, Дан в 1428 г. заключил мир с Портой, обязавшись платить дань, что позволило сохранить автономию страны, обеспечить незыблемость позиций местной феодальной знати, сохранить традиционные учреждения и обычаи страны. Господарь Александр Алдя покорно принял усиление зависимости от османов, что вызвало реакцию Влада Цепеша (1436 – 1446), сына Мирчи, пользовавшегося покровительством венгерского короля Сигизмунда I, у которого Влад на некоторое время нашел убежище. Однако Влад не сумел последовательно вести антиосманскую борьбу, и порой страна, по свидетельствам очевидцев, походила на территорию, полностью подчиненную туркам.

Политическое положение Трансильвании в XIV — начале XV в. В качестве провинции Венгерского королевства Трансильвания вписалась в процесс общего развития этой страны, сохраняя при этом некоторые особенности, связанные с географическим положением, национальной и религиозной структурой. Пребывание в 1308 – 1382 гг. на троне представителей Анжуйской династии (французско-неаполитанского происхождения) в лице Карла Роберта и Людовика I, а также Сигизмунда Люксембургского (1387 – 1437) наложило отпечаток на дальнейшую эволюцию региона. За исключением периода междуцарствия 1382 – 1387 гг., это было время стабильности и процветания, наступившее после серьезного кризиса, которым ознаменовалось пресечение династии Арпадов.

Карл Роберт (1308 – 1342) с немалым трудом добился своего признания в качестве короля, в частности на востоке королевства, где Ладислав Кан, воевода Трансильвании (1294 – 1315), сде-

лался своеобразным местным монархом. В итоге ценой больших уступок и компромиссов Трансильвания была возвращена в состав королевства, а воеводы стали королевскими сановниками, послушными воле монарха. При проведении политики централизации и укрепления королевской власти, организации обороны и территориального расширения страны два представителя Анжуйской династии, особенно Людовик I, сталкивались с серьезной проблемой неоднородности королевства, в состав которого входили разные регионы, имевшие собственные традиции, населенные разными народностями, различавшиеся вероисповеданием и местным законодательством. Призванный обеспечить единство всех этих непохожих провинций, король с трудом мог справиться с данной задачей. Трансильвания и Банат представляли собой наиболее яркие примеры подобных трудностей.

Королевский двор пытался добиться плодотворного сотрудничества с трансильванскими сословиями в лице знати, верхушки саксов, секеев и румын. Знать оставалась наиболее привилегированной частью общества, обеспечивавшей свое положение посредством контроля над общими собраниями в Турде. Чтобы привлечь на свою сторону трансильванскую знать, Карл Роберт в 1342 г. освободил ее от ряда податей. Во главе Трансильвании ставили верных короне воевод из-за ее пределов, какими были Тома Сечени (1322–1342), шесть членов семьи Лацкфи (1344–1376) и два члена семьи Чак (1315–1437). Несмотря на верность центральной власти, многие из них стремились расширить свои полномочия, способствуя тем самым укреплению автономии Трансильвании. В рамках политики унификации особое значение придавалось религиозным различиям, наряду с которыми постепенно стало уделяться внимание и национальным особенностям. В 1351 г. король вновь подтвердил положения Золотой буллы, пожалованной знати в 1222 г., а по случаю предоставления ей в 1366 г. новых привилегий знать Трансильвании потребовала и добилась упрощения судопроизводства при уничтожении «злodeев любой национальности, т. е. румын». «Интеграция» румынских кнезов в общество, построенное по западной феодальной модели, проводилась на основе последовательной религиозной и национальной дискриминации. Большинство кнезов, предпочитавших остаться румынами и «раскольниками», были лишены дарственных актов на их владения и постепенно сделались зави-

симыми. В некоторых районах румынская элита сохранила ведущие позиции в местном обществе при условии получения королевских дарственных актов и принятия (хотя бы формально) католицизма. Людовик сделал правилом обязательное наличие у знати Трансильвании королевского подтверждения ее владений и принятия ею католицизма. В этих условиях за несколько десятилетий сформировалась политическая система воеводства, в которой властью обладали исключительно знать, саксы и секеи, а официальной религией был католицизм. «Раскольников» и «мятежников», выступавших против новых владельцев их прежней собственности, а в действительности — покоренных венграм и законопослушных румын, непривычных к западным феодальным правилам, все реже стали вызывать на общие собрания, и в 1437 г. три привилегированных сословия оформили свое эксклюзивное положение в обществе, основав *Fraterna Unio* (Братский союз).

Создание Братского союза было обусловлено внутренней нестабильностью среди крестьян и участвовавшими османскими набегами, которые становились все более опустошительными. Угроза крестьянских выступлений усилилась в 1437 г., когда, взимая церковную десятину, власти потребовали сумму на несколько лет вперед в новой монете (дорогой и редкой). Епископ Трансильвании, мстя крестьянам за недоимки, предал их анафеме и лишил права посещать церковь, что для средневекового человека было настоящей трагедией. Оказавшись практически объявленными вне всякого закона, крестьяне стали собираться на горе Бобыльна (Деж) вне города, где организовали лагерь по гуситскому образцу, провозгласив себя «собранием законных венгерских и румынских жителей этой части Трансильвании» (*universitas regnicolarum Hungarorum et Valachorum huius partis Transylvaniae*). Само название свидетельствует о стремлении крестьян объединиться в отдельное сословие — группу корпоративного характера. В ходе первых столкновений с вооруженными отрядами знати у Бобыльны крестьяне добились успеха и заключили два письменных соглашения со своими противниками, подтвержденные представителями католической церкви. Согласно первому из них, упразднялась нона (подать натурой в пользу знати), сокращалась церковная десятина, крепостным предоставлялось право наследования и свободного перехода в другие владения, устанавливалась ежегодная однодневная

барщина, создавалось ежегодное собрание крестьян для обсуждения того, как выполняются эти условия. Крестьяне ссылались на «документы о свободе», изданные «святыми правителями» для их предков. В этом сочетались вера в «доброе короля» и идея «золотого века». Венгерские и румынские крестьяне обращались к мифическому прошлому, которое представлялось им временем, когда жизнь была прекрасной и легкой для всех, а князья — хорошими правителями для своих подданных. Ментальный механизм эпохи действовал безотказно: король представлял собой некий символ, в то время как господин находился рядом во плоти и крови, постоянно требуя своевременного выполнения всех обязательств.

Восстание на Бобыльне было подавлено усилиями вышеупомянутого Братского союза, который в 1500 г. стал Союзом трех наций (*Unio Trium Nationum*). Данное объединение привилегированных сословий стремилось покончить с «дерзостью и бунтами злодеев крестьян» и предотвратить частые османские набеги, которые способствовали усилению внутреннего кризиса. Нападения мусульман повторялись почти ежегодно. После того как они разгромили отряды воеводы Николая Чака у трансильванских Железных Ворот, турки в 1420 г. опустошили Хацег и район Орэштие, а в 1421 г. и в 1432 г. ими были разграблены территории вокруг Брашова. В 1438 г. султан Мурад II возглавил поход в Южную Трансильванию (при участии валахского господаря Влада Цепеша), который завершился захватом многочисленных рабов. Аналогичная кампания состоялась в 1438 г.: объектом нападения стали земли секеев и район Брашова. На этот раз опустошения и тяжелые потери были вызваны тем, что находившиеся в Трансильвании войска оказались заняты подавлением крестьянского восстания. Серьезность османской угрозы обусловила необходимость объединения внутренних сил для организации обороны путем согласования действий знати, горожан и сеского населения. В Трансильвании все сильнее ощущалась необходимость военного сотрудничества с армиями Валахии и Молдовы с целью предотвращения турецкого наступления, как то было, например, в годы правления Дана II. Однако установление османского сюзеренитета над Валахией мешало согласованным действиям. Тем не менее, несмотря на частые набеги, Трансильвания, благодаря географическому положению, оказалась перед лицом османской угрозы в лучшем положении, чем Валахия и Молдова.

На защите христианства. Героическая эпоха сопротивления османам, или апогей последнего крестового похода

Первоначальные опустошительные набеги на территории Нижнего и Среднего Подунавья сменились стремлением османов окончательно завоевать находившиеся здесь христианские государства, что привело к усилению антиосманского сопротивления. Испытывая беспокойство перед усилившейся угрозой, западные и восточные христиане пытались предпринять соответствующие меры. Первым шагом стала провозглашенная во Флоренции в 1439 г. уния двух церквей, которая, хотя и не выдержала испытания временем, на несколько десятилетий обеспечила благоприятные условия для совместных действий против турок. Этот успех стал возможным благодаря инициативе Рима («Четыре флорентийских пункта») и был достигнут на основе признания верховной власти Святого престола. Флорентийская уния оказалась недолговечной, и это короткое время показало достоинства христианского единства. После Флорентийского собора в греках, сербах или румынах видели не «раскольников», а настоящих христиан, братьев по борьбе за общие идеалы. Они одерживали победы во имя «римской церкви» и «Константинова града» (по словам Зотика Параспондила)⁶. Османская угроза и надежда на объединение церкви привели к тому, что в конце XIV и в первой половине XV в. существенно сгладились различия между западными и восточными христианами и смягчились проявления католического прозелитизма. Проживавшей в Венгрии румынской элите это позволило обойти многие условия причисления к знати, выдвинутые Людовиком I. Знать и кнезы, католики и православные сообща действовали во благо своей страны и европейской цивилизации. Доказательством тому служит изданный в 1430 г. боевой приказ короля и императора Сигизмунда I, в котором упоминаются *Saxones, Siculi, Nobiles et Valachi partium Transilvanarum cum potentia*⁷, призванные на войну во имя Креста.

Янку де Хунедоара (Янош Хуньяди; 1441–1456). В этой атмосфере выдвинулся Янку де Хунедоара, воевода Трансильвании

⁶ Саксы, сикулы [т. е. секеи], знать и валахи Трансильванских областей с силою [т. е. с оружием] (лат.).

(1441 – 1446), правитель Венгерского королевства (1446 – 1452), капитан-генерал королевства (1453 – 1456), ставший символом общества, которое представлял. Он происходил из причисленной к знати семьи румынских кнезов Хацега, имея родственников по имени Шербу, Войку, Могош, Радул, Анка. Личные качества позволили ему подняться до самых вершин социальной иерархии. Войку, отец Янку, был женат на Елизабете Марсиной (происходившей из румынского банатского округа Марджина) и занимал важные военные должности в качестве «воина королевского двора» Сигизмунда Люксембургского. За верную службу Войку в 1409 г. был вознагражден, получив вместе с родственниками, среди которых был и маленький Янку, дарственный акт на владение замком Хунедоара (Хуньяд). Янку получил рыцарское воспитание при королевском дворе и за рубежом (в Чехии и Италии), обучившись военному делу. В молодости он был упомянут в нескольких документах под именем *Iohannes Olah*, т. е. Иоанн Влах. Будучи крещен по римскому обряду, он носил официальное имя Иоанн, но в православном балканском и румынском обществе и даже среди османов его почти всегда называли Янку, Янкул, Янго, Янко (славяно-румынская уменьшительная форма от имени Иоанн). Его брата обычно называли Ивашку (уменьшительная форма от того же имени). Официально записанные как *Ioannes*, в семье и среди знакомых оба брата именовались Янку и Ивашку.

Добившись сначала должности бана Северина, Янку де Хунедоара в 1441 г. стал воеводой Трансильвании. Он удостоился звания *cursus honorum*, которого до него не получал никто вне королевской семьи. В этом смысле его превзошел лишь сын Матьяша (Матия) Корвин, который в 1458 г. стал королем Венгрии и правил 32 года. После 1441 г. Янку добился ряда громких успехов в битвах против османов. В 1443 – 1444 гг. он руководил войсками в боях на территории Сербии и Болгарии, освободил Ниш и Софию и угрожал центральной части Османской империи. Напуганные этой «бесконечной кампанией», турки запросили мира, который был заключен в 1444 г. сроком на десять лет. Однако после ухода венецианского флота из Босфора по настоянию папы, западных правителей и венгерских политических кругов христиане возобновили военные действия. Янку не приветствовал нарушение мира, однако, получив приказ, выступил во главе трансильванских, хорватских и боснийских войск, действуя совместно с армиями венгерского короля и валашского господаря Влада Цепеша. В бит-

ве под Варной 10 ноября 1444 г. малочисленные войска христиан были разгромлены османами. Численное превосходство турок и тактические недостатки христианского войска решили исход сражения: перед лицом малоподвижных христиан турки сделали ставку на маневренную конницу и неожиданные атаки. В бою погиб король Венгрии и Польши*. Однако Янку это не смутило. После его избрания в 1446 г. правителем Венгрии он приступил к созданию христианской военной коалиции в составе трех румынских государств, албанцев во главе с Георгием Кастриоти-Сканденбергом и сербских правителей. Он даже назвался воеводой Валахии и принял под свое покровительство Молдову, от подаря которой получил крепость Килию. Однако в крупном сражении на Косовом поле (1448) христианская коалиция из-за предательства сербского деспота Георгия Бранковича упустила победу. Османские правители приступили к выполнению плана захвата центра Европы вдоль Дуная до Вены.

После того как символ восточного христианского мира, город Константинополь, в 1453 г. был захвачен турками, этап наступательных войн Янку де Хунедоара завершился. В 1456 г. султан Мехмед II направился к Дунаю с целью захвата Белграда (крепость с венгерским гарнизоном), который являлся «ключом к Венгрии». Янку укрепил линию Дуная и упрочил союз с румынскими княжествами. Он сумел собрать войско численностью около 30 тыс. человек, состоявшее из мелкой знати, румынских кнезов, горожан и отрядов, пришедших из Венгрии, Польши, Чехии, Германии и других стран. Выступив 22 июля 1456 г. против османских сил, христиане наголову разбили их. Турки в беспорядке отступили, а султан был ранен. Новость о победе распространилась по всей Европе, имя «спасителя христианства» было у всех на устах. Папа Каликст III (1455—1458) назвал его «сильнейшим борцом за Христа» (*fortissimus athleta Christi*). Приблизительно на три четверти столетия Венгрия была спасена от османского завоевания. Но спустя несколько дней (11 августа 1456 г.) Янку де Хунедоара умер от чумы и был погребен в соборе Алба-Юлии в самом центре родной Трансильвании, а на его могиле установили надгробную плиту со словами итальянца Иоанна де Капестрано: «Погас свет мира...».

Перед Белградским сражением Янку передал Владу Цепешу необходимые средства для обеспечения безопасности юга Тран-

* Владислав III Ягеллон (в Венгрии — Уласло I).

сильвании, которыми тот воспользовался для занятия престола Валахии (1456), а вскоре Влад, в свою очередь, помог Штефану Великому стать князем Молдовы (1457).

Влад III Дрэгуля по прозвищу Цепеш (1448, 1456–1462, 1476). Крупный успех христиан под Белградом не означал полного устранения османской угрозы. В 1459 г. Сербия была превращена в турецкую провинцию под властью паши, а местные христианские феодалы заменены тимариотами (держатели османских военных феодалов). В 1463 г. под прямую османскую власть попала Босния. С 1456 г. Молдова стала «выкупать» мир, выплачивая дань султану. Участились османские набеги на Валахию.

В этих условиях, захватив в 1456 г. власть, Влад, сын Влада Дракона (из ветви Драконов, по определению Энея Сильвия Пикколомини), реорганизовал войско, ограничил ослаблявшие страну внутренние привилегии, ввел жесткие наказания за неповиновение, предательство и воровство, установив в Валахии строгие порядки. По мнению его современника Лаоника Калкокондила, несмотря на строгость применявшихся наказаний, румынский господарь явился реформатором «Дакии» и остался в памяти потомков как борец за справедливость, что отмечал М. Эминеску еще в XIX в. Господарь разработал четкую и конкретную политическую программу: освобождение страны от турок и возвращение занятых ими дунайских крепостей Турну и Джурджу; укрепление центральной власти и своего личного авторитета; наказание противоборствующих группировок, в том числе оказавших покровительство другим претендентам на престол (карательные меры против саксов на юге Трансильвании); поддержка местного купечества (страдавшего от недобросовестной конкуренции трансильванских купцов) посредством организации приграничных ярмарок для оптовой скупки товаров из Трансильвании; возвращение таких «законных владений» румынских господарей, как области Амлаша и Фэгэраша. Карательные меры Влада в Трансильвании (1457–1460) вызывали удивление, уважение и возмущение в связи с изменением политики господаря в отношении трансильванского купечества, а также страх перед его жесткостью и ненависть к столь неслыханной дерзости.

Важнейшей проблемой, однако, оставалась османская угроза. В 1459 г. господарь отказался от выплаты дани и других обязательств перед турками. Зимой 1461/62 г. он неожиданно двинул

свои войска на южный берег Дуная и разрушил все османские укрепленные пункты от Раховы до Килии. Одиннадцатого января 1462 г. румынский князь писал своему союзнику, венгерскому королю Матьяшу Корвину, что «помимо сторевших в домах или не отмеченных нашими людьми» там было убито 23 884 турка. Потом господарь сумел обойти засаду, подготовленную беим Никополя Хамзой, и разгромил османское войско, попытавшееся захватить его в плен. Посадив на кол большинство захваченных врагов, он оставил после себя целый лес таких колов.

В Стамбуле стало ясно, что валашское восстание представляет особую опасность и может послужить примером для прочих «гяуров» на захваченных турками территориях. Поэтому весной 1462 г. отборная османская армия во главе с султаном Мехмедом II, завоевателем Константинополя, выступила в Валахию. Часть турецких войск беспрепятственно перешла Дунай у Турну, а остальные силы пошли на судах по морю и Дунаю, захватив Брэилу. Они должны были занять и такой важный стратегический пункт, как крепость Килия. Турки вступили в опустошенную и враждебную страну: небольшое румынское войско отступало, применяя тактику «выжженной земли». Шестнадцатого июля 1462 г. Влад под покровом ночи напал на лагерь противника, надеясь убить султана, однако это ему не удалось. После нападения господарь отступил на север страны для соединения с войсками Матьяша Корвина. Преследуя Влада, османы натолкнулись на ужасное зрелище леса колов, что способствовало их деморализации. Мехмед был вынужден отдать приказ об отступлении, которое в венецианских, венгерских и сербских летописях было расценено как признание провала всей кампании, хотя в столице империи без особого энтузиазма говорили о победе и устроили торжества. Неслучайно после такого «успеха» разочарованный султан заявил, что «пока румыны владеют Килией и Четатя-Албэ (Белгородом), а венгры сербским Белградом, мы не одержим победы»⁸.

Неудача с попыткой превращения Валахии в турецкую провинцию не остановила Мехмеда II, продолжавшего стремиться устранить Влада. В обозе турецкой армии была и замена Владу в лице его брата, Раду Прекрасного, воспитанного в Стамбуле и пользовавшегося покровительством султана. С другой стороны, значительно ухудшились отношения румынского господаря с королем Матьяшем Корвином, который принял сторону брашовских купцов, желавших отомстить Владу за решительное пресечение их попытки

выдвинуть собственного кандидата на престол Валахии, чтобы обеспечить себе привилегированное положение на рынках княжества. Купцы подделали некоторые документы, согласно которым румынский господарь якобы встал на путь измены христианству. В 1462 г. Влад был захвачен в плен королем Венгрии и более десяти лет содержался в заключении в Буде и Вишеграде. По некоторым данным, в это время он якобы принял католицизм. В 1476 г. при венгерской поддержке Влад вновь вернулся на престол.

Оказанное Владом Цепешем сопротивление предотвратило угрозу захвата страны турками. В 1462 г. между новым господарем Раду Прекрасным и султаном был заключен новый договор об урегулировании румыно-османских отношений. Страна признавала османское верховенство и сюзеренитет Порты и обязывалась платить ежегодную дань в размере 10 тыс. дукатов в обмен на покровительство, гарантию своего статуса и сохранения существующих государственных учреждений. Хотя объем обязательств при последующих господарях Лайоте Басарабе, Владе Кэлугэру и Нягое Басарабе увеличился, соглашение 1462 г. оставалось в силе до 1540 г., когда турками была захвачена крепость Брэила.

Влад Цепеш был наделен выдающимися человеческими и политическими качествами, но также отличался большими недостатками. За беспощадность по отношению к провинившимся и противникам господаря не любили, но боялись и уважали. Применявшаяся Владом казнь — сажание на кол — не являлась его изобретением, однако частое ее использование поразило некоторых западных свидетелей. Миф о его особенной жестокости в эпоху, когда жестокостью никого нельзя было удивить, был подпитан преувеличениями так называемой «немецкой повести». Происходившие из враждебной ему трансильванской саксонской среды, эти рассказы содержали множество явных вымыслов. Они наверняка остались бы неизвестными современному миру, если бы ирландец Брэм Стокер не написал в 1897 г. роман «Дракула», представляющий собой плод чистого воображения автора, герой которого, «граф Дракула», не имеет почти ничего общего с подлинным Владом. Это породило в дальнейшем популярный образ Дракулы — вампира, ставшего героем множества книг, кинолент и других произведений о вампиризме (особенно в США). Даже прозвище Дракулы оказалось искажено. На самом деле оно происходит от «Драгул — Дрэгуля» (по-румынски — «дорогой»), что саксы воспроизвели как «Дракул — Дракула» (по-румынски —

«черт»). Этому способствовало и то, что отец Дрэгули (настоящая фамилия Влада) удостоился в свое время так называемого ордена Дракона. Поэтому обвинить его сына в связях с дьяволом или драконом не представляло для его противников особой трудности. Если среди иностранцев он был известен под прозвищем Дракула, то на официальных документах господарь никак не мог подписываться «Дрэкуля», что могло означать «чертов сын». Получившее широкую известность прозвище Цепеш («сажатель на кол») имеет, по всей видимости, османское происхождение. Влад был необычной личностью, чье бессмертие обеспечили современные ему рассказы и портреты, а также воображение потомков. В памяти румынского народа Влад Цепеш остался олицетворением сильного и решительного господаря, героя сопротивления османам, защитника страны и христианской цивилизации.

Штефан Великий (1457–1504) и его эпоха. Имя Штефана Великого, господаря Молдовы, стало легендой еще при его жизни, а своими достижениями он обозначил целую эпоху в истории своего народа. Несомненно, он был самым выдающимся из средневековых румынских господарей.

Сын Богдана II и внук Александра Доброго, Штефан пришел к власти в 1457 г., в сложное для страны время, при поддержке господаря Валахии. Победив в бою своего брата Петру Арона, Штефан был избран «страной» (общим собранием) на господарский трон и помазан митрополитом Феоктистом. Петру Арон бежал на юг Польши, а потом, переехав в секейские земли Трансильвании, некоторое время представлял угрозу для Штефана. С самого начала господарь понял, что необходимая для преодоления внешних и внутренних трудностей государственная мощь могла быть обеспечена только посредством эффективной централизации власти. Поэтому он занялся реорганизацией административной структуры, ограничением привилегий крупных бояр, казнями (но одновременно и некоторыми уступками своим противникам), созданием воинских частей из свободных крестьян, реформой института «витязей» в целях укрепления своей власти внутри страны и укрепления ее обороноспособности. Штефан восстановил и расширил систему крепостей, особенно на берегу Днестра, и стал использовать в бою артиллерию. Во внешней политике он старался заключать союзы, способные обеспечить Молдове роль и престиж региональной державы.

Время правления Штефана Великого можно разделить на три периода.

1457 — 1473 гг. — укрепление центральной власти, организация войска, отражение венгерского наступления, подготовка к борьбе с Портой в условиях сохранения вассалитета по отношению к Польше и продолжения выплаты дани султану.

1474 — 1487 гг. — борьба против Османской империи.

1487 — 1504 гг. — ограничение привилегий боярства и изгнание части бояр, конфликт, а затем мир с поляками и османами.

Первоначально Штефан Великий пытался наладить хорошие отношения со всеми соседями, в том числе с христианскими державами, стремившимися установить сюзеренитет над Молдовой, — Польшей и Венгрией. По традиции он присягнул на верность королю Польши и обязался примириться с находившимися там в изгнании боярами. Отношения с Венгрией были напряженными, особенно после возвращения Молдове Килии. Враждебность Матьяша Корвина заставила Штефана поддержать выступление трансильванских сословий в 1467 г. Зимой 1467/68 г. король Матьяш сам возглавил карательную экспедицию против «неверного вассала», которая завершилась катастрофой: в битве при Байе венгерская армия была разгромлена румынами, а венгерский король получил «смертельные раны» (*vulnera lethalia*). В ответ господарь Молдовы сам совершил позднее поход в Трансильванию, однако основной его задачей было разрешение конфликта с валахским господарем Раду Прекрасным, пытавшимся установить контроль над устьем Дуная, ссылаясь на интересы своего стамбульского сюзерена. Добившихся значительных успехов в борьбе с Раду и сменив в Валахии нескольких господарей, Штефан стал главной политической фигурой на румынском пространстве.

В 60—70-х годах XV в. Османская империя добилась новых побед и территориальных приобретений. Была захвачена Морея (1460) и остров Лесбос (1462), после смерти Скандербега в 1468 г. поглощена вся Албания. В 1475 г. пали крепости Каффа и Азов у Черного моря, а крымский хан признал над собой османский сюзеренитет. Османы усилили давление на Молдову, добиваясь уступки крепостей Килия и Четатя-Албэ. В сложившихся обстоятельствах господарь Молдовы в 1473 г. разорвал отношения с Портой, отказавшись выплачивать дань и отдавать крепости. Штефан надеялся, что при поддержке христианских союзников в лице Польши и Венгрии он сможет выдержать натиск османов. Завое-

ватель Константинополя направил в Молдову более чем сотысячную армию во главе с Сулейман-пашой, губернатором Румелии. Поход происходил зимой, что являлось совершенно необычным для того времени. Имея около 40 тыс. воинов, среди которых было несколько тысяч поляков, секеев и других трансильванцев, Штефан 10 января 1475 г. одержал победу в сражении при Васлуе. После битвы румынский господарь обратился к таким врагам османов, как Венеция, Венгрия, Святой престол, тюркское государство Узун-Хасана, предупреждая их о грозной опасности — подготовке османского похода против Молдовы, который будет иметь серьезные последствия для Польши и Венгрии. Штефан Великий указывал, что его страна служит щитом двум соседним королевствам, но прежде всего он рассчитывал на поддержку господаря-союзника из «другой Валахии», т. е. из Валашского княжества. Тем самым выражалась идея национального единства румын. В этом же послании впервые четко и ясно была сформулирована мысль о роли Молдовы: «Не дай Бог, если эти ворота христианского мира, коими является наша страна, падут, тогда все христианство будет в большой опасности»⁹ (отрывок из письма от 25 января 1475 г., адресованного Штефаном правителям христианских государств). Так румыны выразили свою озабоченность общим делом народов, боровшихся против «неверных», и свою готовность выступить в качестве защитников европейской христианской цивилизации.

Несмотря на эти просьбы и предупреждения, на следующий год румынский господарь вновь оказался в одиночестве перед огромной армией самого султана и поддержавших его татар и валахов. В битве между войсками Штефана Великого и Мехмеда II при Рэзбоенах (Валя-Албэ) 26 июля 1476 г. «язычники победили христиан». Ценой невероятных усилий румынскому господарю все же удалось восстановить свое войско, оттеснить неприятеля к югу и добиться его ухода из страны. Однако потери были велики, а страна полностью опустошена. Устами своих посланников молдавский господарь в 1477 г. обратился к сенату Венеции со следующими словами: «Я не желаю объяснять, сколь полезной для дела христианства является моя страна... Она стала крепостью и стражем этих двух королевств, Венгрии и Польши. Кроме того, поскольку турки споткнулись об меня, многие христиане на четыре года остались в покое»¹⁰. Это является новым свидетельством осознания румынами в XV в. своей роли в защите Европы.

Небезынтересным представляется подготовленный в 1479 г. во Флоренции доклад о составе войск, которые король Венгрии мог бы выставить против турок: от Венгрии — 14 тыс., от Трансильвании — 28, от Валахии — 32 и от Молдовы — 38 тыс. Конечно, нельзя рассматривать эти гипотетические данные в качестве бесспорных, но они весьма показательны. В то время как на долю Венгрии (без Трансильвании) приходилось около 12,5% людских ресурсов, основное бремя падало на плечи Молдовы, Валахии и Трансильвании. В итальянском документе воинский контингент Венгрии представлен отдельно от трансильванского (позднее, в 1526 г., трансильванцы не приняли участия в битве под Мохачем). Молдова же, что отмечал и сам Штефан Великий, внесла здесь наибольшую лепту.

Более десяти лет Штефан Великий вел почти непрерывную борьбу против врагов христианства. В 1484 г. султан сумел захватить крепости Килия и Четатя-Албэ, называвшиеся тогда «легкими Молдовы». Килия имела богатое прошлое. Она уже побывала под властью Византии, Генуи и Валахии. В 1448 г. господарь Молдовы Петр II уступил Килию Янку де Хунедоара, т. е. Венгрии. После первой (безуспешной) попытки вернуть ее (1462), Штефан в 1465 г. занял крепость, удалив оттуда венгерский гарнизон. В 1479 г. господарь полностью перестроил крепостные стены. Две твердыни — на берегу Дуная и Днестровского лимана — играли особую роль в вопросе о господстве над Черноморским бассейном. После их захвата османами в 1484 г. Черное море стало «турецким озером», а сообщение христианских государств и народов региона по морскому пути было полностью поставлено под османский контроль, что явилось логическим следствием захвата турками византийской столицы и проливов. В 1485 г. Штефан Великий предпринял попытку восстановить свою власть над крепостями, но безуспешно. В качестве карательной меры османское войско при поддержке сил валашского господаря Влада Кэлугэру выступило против Молдовы — в момент, когда Штефан прибыл в Польшу для принесения присяги. Быстро вернувшись, господарь разгромил неприятеля у дунайского озера Катлабуга. В 1486 г. ставленник части бояр по имени Хронот (Хройт, Хронод) при поддержке турок пытался занять трон господаря Молдовы и даже добился успеха в первом бою на реке Сирет. Штефану с немалым трудом удалось сохранить престол. В этих трудных условиях, следуя примеру Польши, Молдова заключила мир с Ос-

манской империей (1486–1489) и добилась от той обещания не покушаться на ее независимость, обязавшись взамен выплачивать дань. Антиосманские военные усилия Молдовы способствовали росту ее престижа и во многом определили сохранение государственности.

В период своего долгого правления Штефан Великий несколько раз вмешивался в дела «другой Валахии», с которой его связывали не только чувство национального единства, но и родственные отношения: его супруга Мария Войкица была дочерью Раду Прекрасного. В течение жизни Штефан также был женат на Марушке (Марике), Евдокии Киевской и Марии Мангопской. Некоторые валашские летописи XVII в. отмечают, что воевода Молдовы в течение шестнадцати лет правил в Валахии. Это утверждение объясняется частым вмешательством Штефана в валашские дела и выдвижением на тамошний престол своих союзников. Впервые это произошло в 1470 г., после попытки ставленника турок Раду Прекрасного захватить крепость Килия. Перед этим Штефан в двух сражениях разгромил татар, затем занял Брэилу, Тыргул-де-Флочи и значительную часть Яломицкого уезда. В качестве ответной меры валашский господарь вступил с войсками в Молдову, но в 1471 г. потерпел поражение. Вместо него Штефан поочередно выдвигал на валашский престол Басараба Лайотэ (1473), Влада Цепеша (1476), Басараба Цепелуша (1477–1482) и Влада Кэлугэру (1482–1495). Столь частая замена объясняется тем, что большинство из них в силу сложившихся обстоятельств и по причине слабого характера не выдерживали османского давления. Несмотря на то что Штефан осознавал национальное единство румын двух княжеств, он не стремился к их объединению. Это объяснялось не враждебностью к Валахии, а прагматическими соображениями. В борьбе за установление контроля над торговым путем между Черным морем и Центральной Европой молдавско-валашские разногласия оказались лишь слабым отражением польско-венгерско-османского соперничества. Возраставшее влияние Порты на Валахию еще более усиливало османские позиции в регионе. Поэтому Штефан постарался поставить под свой контроль области к югу от Карпат и тем самым снискал немалый авторитет в определенных политических кругах Валахии, тогда как другие представители местной элиты порицали его за опустошение и разорение валашских земель и вменяли ему в вину попытки занять престол династии Басарабов.

Политика в отношении Польши продолжала традиции лояльного вассалитета, однако здесь имелись свои определенные трудности: оказание польским королем покровительства Петру Арону и некоторым сбежавшим боярам; спор о Покутье; недостаточное участие Польши в антиосманской борьбе; попытки Польши усилить свое влияние в Молдове. Основной же причиной разногласий стали различия в понимании характера вассальных отношений между королем Польши и господарем Молдовы. Если краковские короли воспринимали присягу румынского господара как полное подчинения и рассматривали Молдову в качестве своего собственного герцогства, то Штефан Великий придерживался мнения, что присяга на верность является контрактом между равноправными партнерами, со взаимными обязательствами и правами, в том числе с правом на государственный суверенитет. Первоначально, после незначительных военных столкновений между двумя странами, господарь Молдовы по договору 1459 г. признал польского короля Казимира IV Ягеллончика своим сюзереном. В 1460 и 1462 гг. Штефан подтвердил старые привилегии львовских торговцев, но при этом предпринял некоторые протекционистские меры в пользу местных купцов. Так как Штефан Великий нуждался в поддержке в борьбе против турок, молдавско-польские договоры периодически обновлялись.

В 1489 г. Польша подписала мирный договор с Портой, в котором Казимир IV, признав власть османов над приморскими крепостями Молдовы, нарушил обязательства перед Штефаном, принятые на себя во время принесения тем присяги в 1485 г. в Коломые. Разногласия продолжались вплоть до смерти польского короля, который даже собирался посадить одного из своих сыновей на престол Молдовы. Новый король Ян Ольбрахт под предлогом освобождения приморских крепостей в 1497 г. вступил в Молдову во главе сотысячного войска, которое в течение трех недель безрезультатно осаждало Сучавскую крепость. У Штефана было 40 тыс. воинов, которых поддерживали 2 тыс. турок, валашские и трансильванские отряды. Из Трансильвании прибыл сват Штефана, воевода Бартоломеу Драгфи, который в качестве посредника добился заключения мира между воюющими сторонами и согласия румынского господара на то, чтобы польские войска могли вернуться тем же путем, которым пришли. Однако вопреки достигнутым условиям польская армия прошла иной дорогой и 26 октября 1497 г. в Козминском лесу (Думбрава-Рошие) была разгромлена

войском Штефана. В Ленцештах и Черновцах войска Штефана добились окончательной победы. После «ответного» похода в Польшу в 1499 г. был заключен молдавско-польский договор в городе Хырлэу, в котором обе страны выступали в качестве равноправных партнеров. Вопрос о Покутье, занятом Штефаном в 1502 г., остался открытым. Между тем господарь вновь вступил в конфликт с турками, однако опять был вынужден заключить мир на условиях выплаты дани.

Штефан Великий скончался 2 июля 1504 г., после сорока семи лет правления, оставив потомкам процветающую и уважаемую страну. Хотя порой господарь, по словам летописца Григория Уреке, бывал «гневным» и «не раздумывая проливал невинную кровь», он обладал исключительными качествами, вызывавшими почтение в стране и за рубежом, у друзей и противников. Еще при жизни о нем говорили как о «добром», «великом» и «святом». Король Польши Сигизмунд I Старый (1507–1548) с уважением назвал его *Stephanus ille magnus** — точно так же, как именовали Штефана собственные подданные. Он стал символом и покровителем Молдовы и всех румын.

XVI век. Между сопротивлением и примирением

Валахия. Антиосманское сопротивление в XV в. и его поддержка соседними католическими государствами стали важным фактором сохранения румынской государственности, но не намного улучшили положение румын. Если в конце XV — начале XVI в. Молдова пользовалась известным международным престижем, то чаще подвергавшаяся османским нападениям и более зависимая от Порты Валахия после 1562 г. с трудом сохраняла свою автономию.

На международной арене в XVI столетии произошел ряд важных изменений. В то время как Венгрия и Польша утрачивали свою мощь и погружались в пучину внутренних противоречий, Османская империя достигла беспрецедентных успехов, став великой державой континента, оказывавшей влияние на Центральную и Западную Европу. Ко всеобщему удивлению, султан Сулей-

* «Сей великий Стефан» (лат.).

Румынские земли в конце XVI в.

ман I Великолепный заключил союз с католическим Французским королевством, еще раз показав, что государственные интересы для него стоят выше моральных и религиозных принципов. Претендовавшей на мировое господство Священной Римской империи был нанесен сильнейший удар.

После достижения полного успеха в северо-восточном направлении (превращение Черного моря в «турецкое озеро») Османская империя вновь сосредоточила внимание на Центральной Европе. В это время последняя переживала упадок — как из-за османского наступления и давления, так и вследствие перемещения центра тяжести европейской торговли в Атлантику, что явилось следствием Великих географических открытий. Образование турецкого пашалыка Буда и закрытие Черного моря в значительной мере сказались на состоянии торговых путей, дававших немалую прибыль румынским княжествам. Валахии и Молдове это нанесло больший ущерб, чем Трансильвании, располагавшейся западнее и дальше от центра Османской империи.

Румынские господа продолжали осуществлять свои суверенные права внутри княжеств, заключая союзы с другими христианскими правителями. Известных успехов в Валахии добились Раду Великий (1495 — 1508), Нягое Басараб (1512 — 1521) и Раду из Афумаца (1522 — 1529, с перерывами), а в Молдове — Богдан III Слепой (1504 — 1517), Штефэницэ (1517 — 1527) и Петр Рареш (1527 — 1538, 1541 — 1546). За исключением Нягое Басараба, все были членами двух старых румынских династий, вступивших на престол в XIV в.

Поддерживая экономическое развитие и торговлю, Раду Великий, сын Влада Кэлугэру, добился определенного процветания страны. Некоторое время этот государь удерживался на престоле благодаря сотрудничеству с крупными боярами Олтении из рода Крайовеску, заинтересованными в торговле на южном берегу Дуная и установившими тесные отношения с христианскими и исламскими кругами Османской империи. Для бояр Крайовеску государь создал специальную должность бана Крайовы, что позволило обеспечить эффективное правление в этой области. Высокие доходы и престиж позволили Раду Великому поддерживать хорошие отношения с Венгрией и Портой. Он был послушным вассалом султана, ежегодно ездил в Стамбул для принесения присяги и выплаты дани. При заключении в Буда венгерско-османского договора 1503 г. король Венгрии добился включения в него положения о защите им Валахии и Молдовы как вассалов Венгрии

и о сохранении сложившихся отношений с Портой. Установление венгерского сюзеренитета обеспечило валашскому господарю владение Нижним Джоаджу в Трансильвании. Раду Великий поддерживал хорошие отношения и с Польшей. Согласно польско-венгерским договорам 1499 и 1507 гг., польский и венгерский короли обязались поддержать валашского господаря в случае турецкого нападения на Валахию. Однако в конце правления Раду Великого османы усилили свое влияние на Валахию, увеличив объем дани и установив контроль над дунайскими переправами и таможняами. При поддержке бывшего патриарха Константинопольского Нифона господарь реорганизовал церковную жизнь, а на месте старой церкви на холме близ Тырговиште поставил новую — памятник западного и византийско-армянского влияния. Строительные работы были завершены уже при Нягое Басарабе. С именем Раду связано появление типографии, возникшей при участии монаха Макария из Черногории. Раду снискал свое «величие» не на поле брани, а благодаря культурной и церковной деятельности.

После кончины Раду Великого наступил период длительной борьбы за престол и недолгих правлений Михни Злого и Влэдуца (Влада Молодого). Они предприняли ряд безрезультатных попыток отстранить от власти бояр Крайовеску. В 1512 г. на престол впервые вступил представитель крупных бояр Олтении — Нягое, сын великого ворника Пырву Крайовеску. Стремясь обосновать легитимность своей власти, Нягое составил собственное генеалогическое древо и принял фамилию Басараб, представляя себя сыном Басараба Цепелуша. Ему удалось добиться определенной стабильности, повысить благосостояние страны и ее престиж у соседних государств. Нягое продолжал деятельность Раду Великого по реорганизации государственных, административных, налоговых и судебных учреждений, поддерживая торговлю и защищая интересы румынских купцов. Подобно предшественникам, он построил множество культовых сооружений. Наибольшей известностью пользуется церковь Куртя де Арджеш (1517). Побывавший в Валахии по случаю освящения этого собора первый игумен Афона Гавриил Протул написал «Житие патриарха Нифона», в котором восхвалил усердие Нягое как наследника «преподобных Басарабов». В годы его правления в Валахии появилась официальная историография. На стенах монастыря в Снагове господарь представлен в одеянии из красной парчи с вышитым двугла-

вым византийским орлом, что символизировало продолжение византийской традиции. В том же духе Нягое воспитал своего сына и наследника Феодосия, оставив ему «Поучения», представляющие собой политический и дипломатический трактат, в котором описываются принципы правления и нравственного поведения в христианском мире. Будучи в родстве с сербскими деспотами (его супруга Милица была уроженкой Сербии), господарь добился признания своей страны важной духовной и политической силой Юго-Восточной Европы. Торжества по случаю освящения собора в Арджеше в 1517 г., на которых присутствовали крупные иерархи православной церкви во главе с константинопольским патриархом, должны были убедить мир, что Византия и ее символы сохраняют свое значение. Румынские господа сознательно приняли на себя эту миссию, которую историк Н. Йорга назвал «Византия после Византии».

Господарь сохранял тесные связи с Трансильванией и Молдовой. Он владел Нижним Джоаджу, поддерживал церковь трансильванских румын, обеспечил хорошие отношения с саксами из Сибиу и Брашова. Нягое укрепил роль господарской канцелярии и дипломатических учреждений, добился хороших отношений с венгерским королем Людовиком II, что позволило защищать интересы румынских княжеств перед Портой (венгерско-османский договор 1519 г.). Господарь установил дипломатические контакты с Польшей, Венецией, Священной Римской империей, Святым престолом и планировал принять участие в христианской коалиции против турок, чтобы обеспечить рост престижа своей страны в Европе. В проекте антиосманского крестового похода (1517) вооруженным силам румынских княжеств отводилась важная роль: по свидетельству самого Нягое в 1520 г., он мог выставить в поддержку Венгрии 40 тыс. воинов.

В мире, полном опасностей, предвещавших тяжелейшие испытания для румын в ближайшем будущем, писатель и философ Нягое Басараб умело проводил уравновешенную и мудрую политику.

После прихода в 1521 г. к власти в Стамбуле Сулеймана I и начала наступления против Венгрии Валахия вступила в полосу глубокого кризиса. При господаре Феодосии, не оправдавшем ожиданий отца, в условиях острой внутренней борьбы между боярскими группировками фактическим правителем страны стал никопольский паша. Над страной нависла угроза введения турец-

кой администрации. Присутствие османских представителей «во всех городах и селах» вызвало недовольство населения, в том числе боярства, которое объединилось вокруг Раду Афумаца. В течение четырех лет (1521 – 1525) Раду с переменным успехом сражался с турецкими силами в Губави, Штефенах, Клежанах, Чокэнештах, Бухаресте, Грумази и других местах. В конце концов, не выдержав такого напряжения, господарь по настоянию «страны» (бояр Крайовеску) вынужден был пойти на компромисс и согласиться выплачивать Порте увеличенную до 14 тыс. дукатов дань в обмен на сохранение автономии страны. Женившись на Руксандре, дочери Нягое Басараба, господарь Раду заручился поддержкой семьи Крайовеску. Он сохранил хорошие отношения с Венгрией, которой поставлял сведения о передвижениях турок. После поражения венгерского короля в битве при Мохаче (1526) господарь Валахии стал ориентироваться на трансильванского воеводу Яноша Запольяи, но потом перешел на сторону Фердинанда Габсбургского, что привело к конфликту с боярами и турками, закончившемуся убийством Раду в 1529 г. Большинство его наследников сумели на то или иное время попасть на престол, что только способствовало углублению кризиса в стране.

Кратковременность правления валашских господарей была обусловлена во многом сильным османским влиянием. Первым господарем, выдвинутым на престол турками, стал Мирча Чобану (1545 – 1554, 1558 – 1559), сын Раду Великого, находившийся в полной зависимости от Порты. Пэтрашку Добрый (1554 – 1557) также был поставлен Портой. При несовершеннолетнем Петре Молодом (1559 – 1568) страной правила его мать, княгиня Кяжна, вдова Мирчи Чобану и дочь господаря Молдовы, Петра Рареша. Несмотря на более жесткий характер правления Александра Мирчи (1568 – 1577), оно было отмечено неутрачиваемыми распрями боярских группировок. Через свою супругу Екатерину Сальварессо, имевшую греко-итальянское происхождение, он поддерживал тесные связи с левантинскими кругами. Их сын Михня воспитывался в Стамбуле, где принял ислам, получив имя Мехмед-бей; он правил с перерывом в Валахии в 1577 – 1591 гг. Между двумя правлениями Михни на престоле находился Петр Черчел (1583 – 1585), сын Пэтрашку Доброго, отличавшийся европейским воспитанием и пользовавшийся поддержкой в европейских кругах, в том числе при дворе французского короля, писавший стихи и проявлявший интерес к прикладному искусству. Он восстановил господарский

дворец в Тырговиште, где основал красивую церковь, а также оказывал помощь старой церкви Св. Николая в Брошове, организовал литейную мастерскую по производству медных пушек, провел городскую канализацию. Петр Черчел разработал четкий план модернизации страны в европейском духе, но в условиях его времени это оказалось невозможным. Он лишился поддержки со стороны консервативных бояр, так как казнил некоторых из них, а также необходимых финансовых средств (престол он выкупил за 1 млн 160 тыс. золотников). Попытка увеличить объем податей вызвала недовольство нижних слоев. Получив вызов к султану, Петр Черчел пытался бежать на Запад, но был задержан и заключен в крепость. Добившись освобождения при поддержке короля Франции, он в 1589 г. попытался вновь заручиться покровительством Порты, но был заточен в Семибашенный замок и убит.

Потом вплоть до Михая Храброго (1591 – 1593) правили такие малоизвестные господа, как Штефан Глухой, сын Иоанна Водэ Лютого, и Александр Злой, сын Богдана Лэпушняну.

Молдова. После почти полувекового правления Штефана Великого в Молдове наступил период нестабильности, однако в силу меньшего османского влияния кризис в начале XVI в. не достиг здесь таких масштабов, как в Валахии.

Традиционные отношения с Польшей подверглись новым испытаниям на почве старого конфликта из-за Покутья. Новая вспышка противоречий имела место при Богдане Слепом (1504 – 1517), который в обмен на согласие на брак с сестрой польского короля уступил тому спорную провинцию. Брак не состоялся, однако Покутье не было возвращено Молдове, следствием чего стал ряд взаимных военных походов, которые заканчивались, как правило, опустошениями, разрушениями и гибелью многочисленных жителей обеих стран. При посредничестве венгерского короля Владислава (Уласло) II был заключен мир, но Богдан остался и без польской супруги, и без Покутья. Напряженные отношения сложились у него и с валашским господарем Раду Великим, который предоставлял убежище изгнанным боярам и претендентам на престол Молдовы. После ряда незначительных стычек в поле встретились главные силы обоих княжеств. Раду направил к своему противнику брата жены Нягое Басараба — бывшего митрополита Максима Бранковича, который сумел предотвратить сражение, настаивая на том, что оба господаря являются «христианами

одного и того же рода». Раду и Богдан действительно состояли в кровном родстве: мать Богдана Мария Войкица была дочерью Раду Прекрасного из династии Басарабов. При Богдане III вспыхнул новый молдавско-османский конфликт, имевший следствием удвоение размера дани Молдовы в пользу Порты.

После смерти Богдана (1517) на престол вступил несовершеннолетний Штефэницэ. Страной правил великий сановник, портар Сучавы, боярин Лука Арбуре, который проявил себя еще при Штефане Великом. С целью противодействия османской угрозе он восстановил хорошие отношения с Польшей. Авторитет портара Сучавы и его твердая рука вызвали недовольство молодого господаря, который, придя к власти в 1523 г., обвинил старого вельможу в мошенничестве и казнил его. Этим Штефэницэ вызвал ненависть крупного боярства, противостоять которому он смог лишь в течение нескольких лет, опираясь на придворных и мелких бояр; в 1527 г. он был убит.

Продолжателем политического курса Штефана Великого стал его незаконнорожденный сын Петр Рареш (1527–1538, 1541–1546). Он укрепил центральную власть, ограничил привилегии крупных бояр, лишил имущества участников заговора против своего внука Штефэницэ. При поддержке средних слоев господарь способствовал развитию торговли, обеспечил безопасность дорог, провел важные работы по укреплению оборонительных сооружений и строительству православных храмов. Были восстановлены или расширены многочисленные здания в столице страны (Сучаве), а также крепости, посады и дворцы, основано и богато украшено множество церквей и монастырей, получавших от господаря драгоценности и владения. В период правления Петра Рареша необыкновенного расцвета достигло художественное творчество: в монастырях Хумор (1535), Молдовица (1537), Арбор (1541) появились уникальные росписи, принесшие им всемирную известность.

Путем заключения выгодных союзов Рареш добивался роста престижа своей страны на международной арене. В начавшемся после битвы под Мохачем (1526) конфликте в Венгрии господарь вначале занял сторону Фердинанда Габсбургского, но, когда тот стал выдвигать претензии в отношении Молдовы, Рареш перешел на сторону другого «короля», Яноша Запольяи, который в знак благодарности признал за румынским господарем право на владение старыми феодами Чичеу и Четатя-де-Балтэ, а также подарил

ему город Бистрица и крепости Унгураш и Родну. В битве при Фелдиоаре (Брашове) 22 июня 1529 г. войска Молдовы во главе с ворником Грозавом разгромили армию Фердинанда I, обеспечив тем самым успех сторонникам Яноша Запольяи. Отношения с Польшей оставались напряженными, так как господарь вновь поднял вопрос о Покутье, вступив со своими войсками в пределы Польши. Однако в сражении под Обертином в 1531 г. он потерпел тяжелое поражение. Взаимные рейды молдавских и польских войск продолжались. Стремясь вернуть Покутье, Петр Рареш обратился за помощью к московскому царю и Фердинанду Габсбургскому, сумев добиться от последнего признания своих прав на спорную территорию.

Вновь осложнились отношения с Портой. В 1532–1534 гг. венецианский авантюрист Алоизио Грити, протеже великого визиря, попытался установить свою власть в Венгрии и Трансильвании. Для своих сыновей он избрал Молдову и Валахию. Грити, однако, был схвачен отрядом ворника Хуру, направленного в Трансильванию Штефаном Майлатом и Петром Рарешем. Эти действия Петра и польские наветы на последнего вызвали недовольство Порты политикой румынского господаря, и султан решил низложить его. К тому же в 1535 г. господарь Молдовы заключил с Фердинандом договор, в котором признавал себя вассалом короля Венгрии, но заручился при этом поддержкой при урегулировании своих отношений с Польшей с целью совместных антиосманских действий. К сожалению, эти планы не увенчались успехом.

В 1538 г. султан решил обрушиться на своих противников в Центральной и Юго-Восточной Европе: Габсбургов, Майлата, Рареша. Турецкая армия численностью 150–200 тыс. человек во главе с самим султаном летом 1538 г. направилась в Молдову. Перед превосходящими силами турок и татар, которым помогали поляки и часть бояр, господарь имел мало шансов на успех. В ходе этого похода османы захватили крепость Тигина и прилегавшую к ней территорию, превратив ее в свою область (райю) под названием Бендеры. Под контроль турок перешла вся южная часть прутско-днестровского междуречья (Буджак). В 1539–1540 гг. частью Османской империи стал и северо-восточный регион Валахии. В то время как Рареш воевал с татарами, бояре добились у султана возведения на престол внука Штефана Великого — Штефана Лакусту, бывшего заложника в Стамбуле. Собрание страны формально избрало нового господаря, который, однако,

вопреки своему статусу «турецкой марионетки» предпринял ряд дипломатических и политических мер, направленных на возвращение потерянных Молдовой земель и имущества — Буджака (юг страны) и крепостей в Трансильвании. При поддержке господаря на юге началось антиосманское восстание, но вследствие заговора бояр Гэнеску и Арбуре Штефан Лэкустэ был лишен престола и убит (1540).

В 1538 г. Рареш нашел убежище в Трансильвании, а позже направился в Стамбул, где восстановил связи со своими сторонниками, но при этом выплатил огромную сумму денег и согласился на унижительные условия своего возвращения на престол (дань в 12 тыс. золотых, отряд из 500 турок «для обеспечения безопасности» господаря и передача Порте сына, Илиаша, в качестве заложника). После безуспешной попытки участия в антиосманской коалиции Петр Рареш удовлетворился сохранением автономии страны при сильнейшем влиянии на нее со стороны Османской империи.

После смерти Рареша последовали времена нестабильности и кризиса, внутренней борьбы между его сыновьями, Илиашем и Штефаном, в которую были вовлечены различные боярские группировки. Страна оказалась на грани пропасти. Илиаш даже принял ислам и стал пашой Силистры. Сложными оказались и периоды правления Александра Лэпушняну (1552 — 1561, 1564 — 1568) и Деспота Водэ (1561 — 1563). Первый вошел на престол при помощи Польши, но скоро вступил в конфликт с крупными боярами, которые поддержали претендентов из рода Петра Рареша и плели заговоры в Константинополе. Во внешней политике Лэпушняну первоначально стремился к укреплению антиосманской коалиции, но потом подчинился интересам своих польских и турецких сюзеренов. По приказу султана войска Молдовы и Валахии в 1556 г. выступили в Трансильванию против императора, восстановив на престол Яноша Жигмонда, сына Яноша Запольяи. Начавшееся в условиях опустошительного татарского набега, второе правление Александра Лэпушняну было отмечено полным подчинением Порте, борьбой против соперников, казнями бояр и защитой православной церкви.

Необходимость мер по укреплению церкви была вызвана последствиями правления Якова Гераклида Деспота. Этот авантюрист с греческих островов, получивший западное образование и перешедший в протестантизм, был ставленником Габсбургов.

Под видом веротерпимости он создал в Молдове благоприятные условия для преследовавшихся в соседних странах протестантов. Призывая румын к достижению независимости путем усиления антиосманской борьбы, он подчеркивал их латинское происхождение и основал в Котнари латинскую коллегию. Повышением налогов, конфискацией церковных и монастырских ценностей, а также явным пренебрежением к официальной религии страны Деспот вызвал к себе всеобщую ненависть, был низложен и убит. В народной памяти он остался господарем, пожелавшим «обновить закон» и «разрушить страну».

Ион Водэ Лютый (1572 – 1574), незаконнорожденный сын Штефэницэ, разбогател, занимаясь торговлей драгоценными камнями, и сумел заплатить за престол 220 тыс. дукатов. При его вступлении на трон Молдова была предметом соперничества между Портой и Польшей. В тяжелых условиях он не смог найти союзников ни в Трансильвании, ни в Валахии. Пойдя на кровавый конфликт с крупным боярством, господарь попытался приблизить к себе широкие слои населения. Подобно Лэпушняну, Ион Водэ обезглавил и лишил имущества многих бояр, из-за чего и получил прозвище Лютый. В феврале 1574 г. посланник Порты потребовал от господаря удвоить дань или уйти с престола. Тогда Ион Водэ созвал собрание и, отклонив турецкие требования, стал готовить войска. Он сумел привлечь на помощь 1200 запорожских казаков. В апреле 1574 г. господарь разгромил под Жилиште турецко-валахский корпус, захватил Бухарест и, с целью создания нового антиосманского фронта, свел с престола Александра Мирчу, посадив на его место Винтилэ Водэ. Армия Иона Водэ заняла Брэилу, Тигину, Четатя-Албэ (Белгород). Летом 1574 г. господарь был предан частью боярства и в сражении под Рошканами (Каул) потерпел поражение от превосходящих сил турок, сдался в плен и был казнен. На престол вступил Петр Хромой (1574 – 1591), брат валахского господаря Александра Мирчи. Новый господарь заключил договор с Англией, предоставив свободу действий английским купцам в Молдове при условии выплаты трехпроцентной таможенной пошлины. Следующим господарем стал Арон Водэ Тиран (1591 – 1595), незаконнорожденный сын Александра Лэпушняну, оставивший после себя огромные долги, сделанные им при занятии престола.

После Иона Водэ зависимость от османов и султанский сюзеренитет стали еще более тяжкими.

Трансильвания. После смерти Янку де Хунедоара трансильванцы не только участвовали в антиосманской борьбе в составе войск короля Матьяша Корвина, но и самостоятельно защищались от османских набегов. В эту борьбу вносили свой вклад как сословия (знать, саксы, секеи), так и простые румыны. В рядах трансильванской знати находилась и румынская элита, еще в значительной степени сохранявшая национальные и религиозные черты. В документах упоминаются отдельный отряд румын в составе армии Трансильвании, а также многочисленные румынские воины в королевской армии и в расположенных на южной границе Венгрии крепостных гарнизонах. Король Матьяш и другие венгерские монархи часто награждали их за воинскую доблесть, предоставляя им личные или коллективные привилегии (в Банате в 1457 г. и в Хатце в 1494 г.), в том числе издавая документы о религиозной терпимости по отношению к православным румынам — уникальные в истории венгерского «апостолического королевства». Отдельные принявшие католицизм румыны занимали такие важные официальные должности: воевода Трансильвании, баны Белграда, Жайче, Северина, Шабака, начальники замков. Их воинские качества отмечали гуманисты Антоний Бонфин, Филипп Бероальд, Альд Мануций, а также венецианский посол Себастьяно Бадуарио. В докладе 1475 — 1476 гг. последний так писал о составе венгерской армии и о румынах из Трансильвании: они «больше всех заслужили похвалы за проявленную доблесть против турок» и «стали частью королевского рода», действуя «всегда рядом со своим повелителем и его величеством»¹¹.

Несмотря на все усилия, в XVI в. Трансильвания попала под османский сюзеренитет, что привело к глубоким внутренним преобразованиям и изменению ее международного статуса. После османских военных успехов и усилившегося в 1514 г. кризиса Венгерского королевства южная граница Венгрии стала весьма уязвимой. Превращение антиосманского крестового похода в «крестьянскую войну» под руководством Дьёрдя Дожи и жестокое наказание восставших привели к значительному снижению обороноспособности Венгрии. Поражение венгерских войск в битве при Мохаче в 1526 г. (трансильванцы в ней не участвовали) и гибель на поле боя короля решительно изменили соотношение сил в Центрально-Восточной Европе в пользу Османской империи. Вступившие в борьбу за престол группировки знати выдвинули двух королей — Яноша Запольяи, воеводу Трансильвании,

и Фердинанда I. Поддерживаемый основными внутренними силами (мелкая и средняя знать, политические деятели восточной части королевства), первый был склонен к признанию османского сюзерентета, в то время как Габсбург, на сторону которого стали крупная венгерская знать, чехи и хорваты, добивался признания господства своей династии в регионе. Вспыхнула кровавая война, которая велась с переменным успехом при вмешательстве внешних сил, в том числе господарей Валахии и Молдовы. В 1541 г. султан захватил Буду и центральную часть Венгрии, тем самым окончательно разделив страну. Габсбурги утвердились в западной и северной частях королевства, а также, ссылаясь на право наследников венгерской короны, предприняли попытку захвата Трансильвании, которая находилась в их руках в 1551 – 1556 гг. Однако эта провинция в конце концов сумела, подобно Валахии и Молдове, отстоять свой статус автономного княжества.

Увеличив почти в два раза свою территорию по сравнению с эпохой воеводства, Трансильвания оказалась в лучшем положении, чем Венгрия. Здесь сложилась система «трех политических наций» и «четырех признанных религий». Три «нации» составили венгерская знать, саксы и секеи, сохранявшие до XVI в. свою принадлежность к католицизму. На протяжении XVI столетия, однако, в Трансильвании произошли существенные изменения в соотношении вероисповеданий: саксы в массовом порядке стали переходить в лютеранство, значительная часть венгров приняла кальвинизм, униатство или антитринитаризм, а большая часть секеев сохранила католическую веру. Таким образом, большинство представителей привилегированных сословий Трансильвании стали протестантами, а общие собрания периода 1550 – 1570 гг. официально признали новые вероисповедания. Сохранив формально свой статус, католицизм оказался религией, полностью подчиненной протестантским государственным порядкам, оставшейся без прежней иерархии, владений и ограниченной в свободе деятельности.

Румыны и православные по-прежнему оставались вне законодательных рамок, пользуясь лишь определенной степенью веротерпимости в силу своей общественной полезности, «пока с этим согласны граждане» (*usque ad beneplacitum regnicolarum*). В таких условиях у трех «наций» и у румын заметно усилились национальные особенности. «Нацию» знати все чаще стали называть «венгерской»; она частично присвоила себе права наследника венгерской

политической традиции. Ее представители проживали на собственных территориях (графская земля, также названная «венгерской»), имели особое вероисповедание (кальвинизм), названное «клучским» или «венгерским». Саксы и секеи также имели свои регионы компактного проживания («саксонские земли» и «секейские земли») и свои вероисповедания, прежде всего лютеранство, которые также рассматривались как «национальные». Румыны отличались своей непризнанной религией — православием, ставшим синонимом румынской этнической принадлежности (православный значит румын). Они оставались лишенными привилегий зависимыми крестьянами: неслучайно понятие «румын» часто означало «зависимый». Реформация не нашла отклика среди румын, потому что коснулась прежде всего внутрисословных порядков и не представляла интереса для непривыкших к подобным тонкостям ментальности восточных христиан. После 1550 г. общие собрания официально утвердили «союз трех наций» и приняли первые законодательные меры, дискриминирующие румын. Провозглашенная в XVI в. «толерантность» коснулась исключительно привилегированных «наций», т. е. правящих сословий, а не румын, что вполне соответствовало ментальности эпохи.

После смерти Яноша Запольяи (1540) во главе Трансильвании стала «королева» Изабелла (супруга покойного) и их сын Янош Жигмонд (1540 — 1571). Родившийся после смерти отца, он словно бы олицетворял происходившие в Трансильвании потрясения, четырежды за свою жизнь поменяв вероисповедание: родился католиком, потом стал лютеранином, кальвинистом и, наконец, униатом. Именно при нем установилась описанная выше политическая и религиозная система. Теоретически князь пользовался широкими внутренними полномочиями, тогда как Порта вмешивалась лишь в вопросы внешней политики. Султан соблюдал автономные права княжества постольку, поскольку Трансильвания соблюдала свои обязательства в отношении Порты. Князь правил с помощью совета и общего собрания в составе 150 членов — представителей трех «наций», «четырех религий» и самого князя. Они избирались знатью комитатов, собраниями саксонских и секейских престолов, городами, посадами; своих представителей князь назначал сам.

После смерти Яноша Жигмонда над Трансильванией вновь нависла угроза перехода в руки Габсбургов, сторонники которых сплотились вокруг Гашпара Бекеша, выходца из знати румынско-

го происхождения. Его соперник Иштван Батори (Стефан Баторий) был поэтому сначала утвержден в качестве князя Портой и лишь затем избран собранием (1571). Этот высокообразованный человек, католик по вероисповеданию был талантливым политическим деятелем. Для сохранения автономии княжества в условиях острого соперничества между Стамбулом и Габсбургами ему приходилось проводить весьма осторожную политику. Он тайно присягнул на верность императору, добившись от него помощи против своего соперника, который, в свою очередь, обратился к туркам, обещая им удвоить дань. Батори сумел уклониться от выполнения требования султана выступить в 1574 г. против господаря Молдовы Иона Водэ, но был вынужден направить свои войска, чтобы в 1577 г. посадить на престол Петра Хромого. Несмотря на увеличение объема ежегодной дани Порте с 10 до 15 тыс. золотых флоринов, положение Иштвана Батори после 1575 г. существенно упрочилось. Внутри страны он посредством умеренных и осторожных мер поддержал католицизм, ослабленный торжеством протестантского вероисповедания. Вскоре Батори обратился за помощью к Риму, потребовав направить к нему иезуитов для оказания поддержки местным католикам. В 1579 г. члены Общества Иисуса появились в Клуже, Алба-Юлии и Орадя. Несмотря на недовольство большей части протестантского населения, иезуиты собрали огромные пожертвования и развернули активную деятельность в области образования.

В политике Иштвана Батори нашлось место и румынам. С одной стороны, значительной была их численность как потенциальных налогоплательщиков, а с другой — он мог использовать их в качестве противовеса протестантам. К тому времени православные румыны были переведены под начало кальвинистской высшей иерархии, что вызвало среди них сильное недовольство. В 1571 — 1572 гг. князь восстановил православную иерархию и признал православного иеромонаха Евфимия «епископом румын».

После поражения в 1575 г. Гашпара Бекеша противостояние между трансильванским князем и Веней усилилось в связи с вопросом об избрании на польский трон, освободившийся после краткого пребывания на нем французского принца Генриха Валуа. В конечном счете при поддержке Османской империи Иштван Батори в 1575 г. был избран королем Польши. По сути, имела место личная уния между Трансильванией и Польшей, так как из Кракова Батори продолжал править и своим княжеством. В своем

новом качестве он тайно рассчитывал добиться освобождения страны от османского сюзеренитета. При польском дворе появилась особая канцелярия по делам Трансильвании. Для осуществления непосредственного управления княжеством в этот период воеводой был назначен брат Иштвана, Криштоф Батори, который, с согласия короля Польши, был вынужден проводить политику, подчиненную интересам Порты, принимал суровые меры против беглых крепостных и ограничил свободы секеев, подавив при этом проявления их недовольства. Еще при жизни Криштофа его малолетний сын Жигмонд был выдвинут в 1581 г. королем Польши на княжеский престол Трансильвании. От имени нового князя княжеством первоначально правили наместники, а затем губернатор — до 1588 г., когда собрание передало Жигмонду власть, — однако лишь после того, как он обещал принять меры против иезуитов. Иштван Батори умер в 1586 г., но проосманская политика трансильванских правителей продолжалась до самого конца XVI в., когда новый конфликт между христианами (Габсбурги) и Османской империей привел к серьезным изменениям в регионе.

Румынские земли и Османская империя

Почему турки подчинили румынские земли? В XIV — XVI вв. государство турок-османов из небольшого княжества в Малой Азии превратилось в державу, доминировавшую на юго-востоке и в центре Европы. Османские владения простирались почти до Вены. Под натиском османов пали Византийская империя, болгарские царства, Сербия, албанские княжества, Босния и Венгрия. На территориях, населенных румынами, под прямую власть османов перешли дунайские крепости Турну, Джурджу (1417), Брэила (1539 — 1540) и Килия (1484), днестровские крепости Четатя-Албэ (1484) и Тигина (1538), земли Добруджи (после 1417), южная часть прутско-днестровского междуречья, большая часть Баната (1552). Однако, несмотря на выплату османам дани и захват части территории румынских княжеств, последние сохранили свою политическую самобытность, государственность и внутреннее устройство. Попытки объяснения такого факта предпринимались уже давно. В конечном счете этому способствовало множество факторов, которые следует рассматривать в комплексе, поскольку лишь подобным образом можно получить верный ответ на данный вопрос.

Румынские земли достигли вершины развития в XIV – XVI вв., т. е. именно тогда, когда османы захватили государства Балканского полуострова и перешли на северный берег Дуная. Поглощение Османской империей румынских княжеств казалось чем-то близким дважды: в 1522 г., когда санджакбей Никополя Мехмед стал превращать в Валахии церкви в мечети и назначил туда представителей османской администрации (кадиев) и османских правоохранительных органов (субашей), и в 1595 г., во время кампании великого визиря Синана в Валахии и Молдове, когда были назначены бейлербеи (губернаторы) будущих провинций. Первая попытка исходила не из центра, являясь местной инициативой представителя династии Басарабов, упомянутого Мехмед-бека, принявшего ислам и добивавшегося власти в Валахии. В конечном счете султан не поддержал действия своего подданного. Попытки 1522 – 1526 и 1595 гг. не достигли своей цели из-за своевременного и решительного отпора, а также благодаря внешним обстоятельствам.

На первый взгляд в период между падением Белграда и кампанией против Венгрии (1521 – 1526) все вело к превращению Центрально-Восточной Европы в османскую территорию. Однако именно это вызвало решительные действия христианских сил. Во втором случае Священная лига вела с османами так называемую «Долгую войну» (1593 – 1606). Так как Польша не поддержала тогда христиан, крупные державы были заинтересованы в том, чтобы иметь в регионе буферные государства, расположенные между ними и османами.

Важным фактором сохранения статус-кво к северу от нижнего течения Дуная стало сопротивление румынских княжеств. После ряда неудач в войнах с румынами османы, опасаясь, предпочли вести с ними переговоры, предоставив им статус государственных данников. Валахии он был навязан в 1420 г. (ужесточен в 1462 г.), Молдове — в 1456 г. (ужесточен после 1484 г.), а Трансильвании — после 1541 г. Оказывавшееся румынскими княжествами в Трансильвании сопротивление красной нитью проходит через их средневековую историю. Этот постоянный отпор объясняется несколькими обстоятельствами: способностью мобилизовать около 40 тыс. человек в Молдове, 30 тыс. в Валахии и 50 тыс. в Трансильвании; наличием многочисленного свободного крестьянства и мелкого боярства, имевшего что защищать (участок земли и личную свободу), о чем в странах Балканского полуострова не было

и речи; значительной мобильностью легковооруженной конницы, применявшей тактику притворного отступления и неожиданной атаки (все это было свойственно и османской армии, но румыны, как правило, находили «противоядие»). И последнее. Румынское войско было противоположностью тяжелым и малоподвижным армиям западного типа, разгромленным при Никополе, Варне, Мохаче и в других сражениях.

Еще одним фактором, который способствовал сохранению румынской государственности, было сочетание сопротивления и примирения, борьбы и переговоров с целью избежать прямого покорения и полного истощения экономических и людских сил. Большинство бояр являлись предателями лишь в глазах тех господарей, что были готовы договариваться с османами, однако, когда давление Порты становилось невыносимым, те же бояре сотрудничали с господарями при организации сопротивления. Без бояр военные победы были бы невозможны.

Вопрос о причинах выживания румынских средневековых государств отчасти решается и направлением османского наступления на центр Европы и черноморский бассейн. Несмотря на то что так называемый императорский путь проходил по линии София – Белград – Буда – Вена, турки всегда учитывали фактор румынских княжеств и Трансильвании: известно семь кампаний под прямым руководством султана — три против Валахии (1394/95, Баязид I; 1419/20, Мехмед I; 1462, Мехмед II), три против Молдавии (1476, Мехмед II; 1484, Баязид II; 1538, Сулейман I), одна против Трансильвании (1438, Мурад I); кроме того, были совершены походы под руководством великого визиря (1595) и бейлербея Румелии (1475).

Поэтому режим зависимости был для османов более выгодным, чем режим прямой оккупации. Румынские земли играли существенную роль в снабжении императорской столицы с населением свыше 500 тыс. человек бараниной и телятиной, жиром, солью, ячменем, лошадьми, лесом, коноплей, медом, воском, сыром, соколами. Впрочем, выгоды этого режима в полной мере проявились лишь после 1538 – 1541 гг., когда зависимость румынских княжеств от Порты стала реальной и эффективной, т. е. почти два века спустя после установления румыно-османских отношений.

Подводя итог, можно сказать, что на первом этапе (до 1540 г.) румынские княжества сумели избежать превращения в турецкие

провинции из-за опасений османов перед возможными внутренними и международными осложнениями (сопротивление, оказывавшееся румынами, и заинтересованность крупных христианских держав в сохранении буферных государств). На втором этапе они убедились в особых экономических преимуществах, получаемых Портой от сохранения существующей формы зависимости.

Статус румынских земель по отношению к Порте. С точки зрения исламского права ханефитского образца, применявшегося османами, мир делился на две части: *dar al-Islam* («дом ислама») и *dar al-harb* («дом войны», или «дом врагов ислама»). По мнению большинства «теоретиков», платившие дань страны относились к третьей части, названной *dar al-'ahd* («дом мира», или «дом договора»). Ее существование со временем стало постоянной реальностью.

Первый *'ahd*, или договор, согласно преданиям, был заключен самим пророком Мухаммедом в 632 г. с маленькой христианской республикой Наджирана (сегодня провинция Саудовской Аравии). Этот документ был грамотой, изданной пророком, и предусматривал сохранение личной собственности, земель и государственного устройства; сохранение в неизменном виде церковной структуры и иерархии; невмешательство во внутренние дела и в судопроизводство; сохранение существующей налоговой системы; запрещение мусульманам перегонять стада по территории республики; отсутствие оккупационных войск; возможность вмешательства мусульманской власти в случае допущения несправедливостей.

Для турецких властей предоставление статуса *'ahd* являлось лишь первым этапом на пути постепенного покорения территории; затем следовала ее прямая оккупация, как это произошло с Византией, болгарскими царствами, Сербией и Венгрией. В контактных зонах двух миров османы, однако, не всегда прибегали к оккупации. Такими зонами оказались Трансильвания, Молдова, Валахия, Рагуза, грузинские королевства Имеретия, Кахетия, некоторые мусульманские государства и другие области.

Побывавшие в румынских княжествах иностранные путешественники отмечали, что, переходя с южного берега Дуная на северный, они сразу попадали в христианский мир: на холмах возвышались кресты, был слышен звон церковных колоколов, ру-

мынский язык и местные обычаи ни в чем не ограничивались, не было османских гарнизонов и османской администрации. Для перехода Дуная османские подданные нуждались в специальных фирманах султана, которые предъявлялись господарю княжества или его представителям. Османские подданные были обязаны покинуть страну сразу же после завершения дел, ради которых приехали, не могли строить там мечети и жить среди христиан. На этих территориях действовали христианские учреждения, сохранялась местная политическая и общественно-экономическая структура.

Статус *'ahd* стал следствием достигнутого равновесия между наступательной мощью Османской империи и способностью румынских княжеств к сопротивлению в благоприятной международной ситуации. Он был зафиксирован в *'ahdname*, или присяжных письмах («письмах мира»), которые христиане также называли капитуляциями, так как условия в них излагались по главам (лат. *capitulum*). Данное положение подтверждалось фирманами и приказами (*hukum*) или устными присягами, которые, как правило, предусматривали следующее: правление христианских правителей, а не мусульманских губернаторов; избрание князя «страной» из представителей местных княжеских семей; обязательность утверждения избранника и введения его в полномочия султаном; сохранение прав, привилегий и вероисповеданий страны согласно существующим обычаям (собственное управление и администрация, без османского вмешательства во внутренние дела); выплата дани и преподнесение подарков султану и высокопоставленным вельможам; князь был обязан стать «другом друзей и врагом врагов» падишаха. Со своей стороны Порты обычно обязывалась поддерживать и защищать княжества против любой агрессии, обеспечивать защиту купцов, возвращать беглецов и обменивать пленных. Если торговцы из стран «дома войны» платили пошлину в размере 5–5,5% стоимости товаров, режим для османских товаров, ввозившихся в Валахию и Молдову, и тарифы для румынских товаров, ввозившихся во владения Порты, составляли около 3–4%.

При практическом применении данных положений османская сторона, как правило, стремилась делать акцент на благоприятных для Порты статьях. Румыны, наоборот, добивались расширения или сохранения своих свобод. Теоретически господами были обязаны налаживать внешние связи лишь при посредничестве

Порты, однако они не всегда соблюдали этот принцип, порой заключая договоры антиосманского характера. Султаны присвоили себе право одобрять браки румынских господарей, а румынские митрополии зависели от Константинопольской патриархии или Орхидского архиепископства. Иногда «избрание» господарей в княжестве происходило уже после их назначения султаном. С середины XVI в. румынские княжества постепенно стали утрачивать статус субъектов международного права, т. е. теряли свою независимость, что привело к усилению османского произвола. Указанное обстоятельство дало историкам повод использовать понятие «османская гегемония». Объем дани (харадж) существенно возрос. Даже с учетом инфляции 155 тыс. золотых, ежегодно выплачиваемых Валахией, 65 тыс. золотых, вносимых Молдовой, и 15 тыс. золотых, поступавших из Трансильвании, представляли собой для княжеств тяжкое бремя. Увеличивался размер «подарков» (пешкеш), а также работ и обязательств по снабжению Константинополя продуктами на условиях льготных цен, которые были на 15–20% ниже европейских. В торговле установилась настоящая османская монополия. Огромные суммы выплачивались для выкупа престолов или получения инвеституры. Некоторые султаны, а за ними и отдельные западные державы стали рассматривать румынские княжества как османские провинции, что было неточно и неверно. Они оставались автономными христианскими государствами, в определенной степени зависимыми от Османской империи.

С румынской точки зрения, румыно-османские отношения имели иное значение, чем хотела бы считать Порты. Выплата дани для румын означала не подчинение, а выкуп мира. Обладая военной мощью, османы получали дань за то, что оставляли княжества в покое. Увеличение ее размеров произошло в конце XVI столетия. Именно с этого момента зависимость румын от Порты стала более ощутимой. До этого они вовсе не считали, что подчинились туркам. Свидетельством тому были частые совместные действия с христианскими державами вопреки воле Порты и нередкие антиосманские выступления при усилении давления с ее стороны. К концу XVI в. зависимость румынских княжеств, однако, достигла беспрецедентного уровня. Османская империя, переживавшая внутренний кризис, нуждалась в товарах, деньгах, продуктах. Превратившись в послушный инструмент Порты, господа больше не могли заниматься общественными делами. Оставаясь в сущно-

сти одинаковым, уровень проявления османской гегемонии в румынских княжествах и Трансильвании выражался по-разному. Сюзеренитет над Трансильванией выражался в более гибкой форме по разным причинам (отдаленность от Порты и близость Запада; более позднее установление османской зависимости; политика Габсбургов под лозунгом «освобождения» провинции). В Молдове османский гнет был среднего уровня, а в самом тяжелом положении оказалась Валахия, расположенная ближе всех к туркам и наиболее удобная для оказания на нее давления.

Именно в этих условиях на престол Валахии вступил Михай Храбрый (1593 – 1601 гг., с перерывами).

Культура румынских земель в XIV–XVI вв.

Культура народа включает созданные в его культурной среде и культурных центрах духовные ценности общества. Культурными центрами в средние века служили церкви (монастыри, епископства), дворцы, города, некоторые села, школы и библиотеки. Творчество позднего средневековья имело религиозный, исторический, юридический, философский, научный, филологический, художественный и этнографический характер, а его результатом стали рукописи, миниатюры, постройки, произведения живописи и прикладного искусства. Располагая относительно скромными возможностями, люди средневековья создали выдающиеся творения, сохранявшие свою значимость на протяжении веков и даже тысячелетий. Они намного превзошли в технике античных строителей, создали новые образцы мозаики, живописи и скульптуры, заложили основы новых стилей зодчества: византийского, романского, арабского, готического, ренессансного, — оставили музыкальные произведения, основанные на такте, стали использовать бумагу для письма, создали ряд алфавитов, воспроизвели и тем самым спасли множество творений античности. Нередко говорят о «средневековой тьме», о «темной эпохе», о «средневековом варварстве», тогда как в действительности средневековье полно достижений, которые лишь необходимо узнать и должным образом оценить.

Культурные центры. На румынском пространстве культура всегда пользовалась покровительством со стороны церкви. Дли-

тельное время единственными грамотными людьми оставались священники. Они читали духовную литературу, переписывали рукописи, открывали мастерские живописи и вышивки, трудились как учителя в церковных и монастырских школах, умели правильно петь и иногда знали нотную грамоту. На территориях, населенных румынами, без особых трудностей сосуществовали разные вероисповедания. В 1430 г. многие сторонники Яна Гуса нашли приют в Молдове у Александра Доброго, где впервые перевели Библию на венгерский язык. В XVI в. многие кальвинисты, лютеране и анабаптисты получили убежище в Трансильвании и Молдове. В том же столетии при церквях появились первые типографии.

Центром общественной жизни в румынских землях был господарский (княжеский) двор. В Сучаве, Тырговиште, Бухаресте, Яссах, Алба-Юлии были воздвигнуты величественные сооружения, поражавшие местных жителей и иностранцев. Первоначально существовали несколько господарских резиденций в посадах и городах. Не все из них отличались крупными размерами, и лишь некоторые стали подлинными культурными центрами. Когда появились постоянные столицы, господа стали приглашать мастеров из Италии, Польши, Германии и Венгрии, украшавших их резиденции эффектными постройками, изготавливавших красивую мебель, шивших одежду по последней европейской моде. Люди стали приобщаться к роскоши, торжественности и приятной музыке, собирать коллекции икон, картин и портретов (Бухарест и Яссы в конце XVI в.). Такие господа, как Мирча Старый, Петр Черчел, Штефан Великий, Деспот Водэ, сменили традиционные одеяния на костюмы западного образца. В Трансильвании воеводы и князья и раньше следовали центральноевропейской рыцарской моде. Со временем крупные бояре и знать также стали обособываться в столицах. Здесь формировалась государственная политика, писались тайные письма и политические трактаты.

Первые крупные города западного типа появились в Трансильвании. В Валахии и Молдове города, за исключением портовых, долгое время сохраняли вид посадов и лишь в XV – XVI столетиях заметно расширились. Город был как бы выделен из феодального общества сеньоров, вассалов и крестьян. Тем не менее в городах проживали князья и некоторая часть знати и бояр. Здесь возникли высшие учебные заведения, библиотеки, типографии, стали использоваться чернила и бумага, появилось производство рос-

кошной мебели, украшений, посуды и церковной утвари. Здесь создавались первые актерские труппы и игрались маленькие пьесы. В Трансильвании важными городскими центрами стали епископские резиденции Алба-Юлии и Оради и поселения вокруг дворов крупного духовенства; светскими городскими центрами стали Брашов и Сибиу. В сельской местности процветали фольклорные традиции в виде народной поэзии, частушек, проклятий, заклинаний, резьбы по дереву, гончарного дела, деревянного зодчества.

Образование. Валахия, Молдова и Трансильвания были расположены в зоне переплетения западной и восточной европейской культуры. По языку и происхождению румыны относились к латинскому Западу, по вероисповеданию и географическому расположению — к славяно-византийскому Востоку, а с определенного момента оказались и под влиянием турецко-мусульманского мира. Вследствие близости к Византии и славянскому (болгарскому, сербскому, русскому и украинскому) миру румыны стали православными. На протяжении средних веков румынские элиты пользовались старославянским (среднеболгарским) языком и кириллицей в церкви, при богослужениях и при составлении письменных документов. В занятой турками Добрудже писали на турецко-османском, а в находившейся под властью Венгерского королевства Трансильвании официальным языком был латинский. Долгое времени трансильванские румыны: кнезы, некоторые представители знати, фэгэрашские бояре — для местных пользовались славянской письменностью. В старых кнежеских церквях, так же как к югу и востоку от Карпат, записи велись на славянском языке, но постепенно местным писцам пришлось перейти на латинский, так как на нем составлялись все дарственные акты, и со временем он стал языком венгерской, саксонской и секейской элиты, языком королевского двора и католической церкви.

Образование в средние века не имело массового распространения. Так как это требовало определенных расходов и само по себе не могло обеспечить человеку средств существования, школу посещали немногие. Тем не менее уже в XIV в. появились первые деревенские школы, где люди обучались грамоте и церковному песнопению. При некоторых городских церквях и монастырях давалось образование более высокого уровня. К таким относилась славянская школа при церкви Св. Николая в Шкейском пригороде Брашова, ставшая впоследствии первой школой с пре-

подаванием на румынском языке на населенной румынами территории. Школы с преподаванием на славянском были в Перий-Марамурешулуй, при монастырях и церквях в Фелеаке, Прислопе, Нямце, Дялу, в Бухаресте при церкви Св. Георгия, Сучаве, Яссах. Здесь готовили учителей, дьяков и священников.

В Трансильвании действовали хорошо организованные католические школы, где изучали латинский. На первом этапе (*trivium*) осваивали грамматику, риторику и диалектику, а на втором (*quadrivium*) — арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Школы с латинским языком преподавания существовали и в некоторых городах с католическим населением в Молдове и Валахии, а при господарях Деспоте Водэ и Петре Хромом были открыты латинские школы и более высокого уровня. В документах отмечена деятельность в одной из школ Сучавы преподавателя Батисты де Весентино, «магистра различных искусств» (*magister in diversis artibus*).

Реформация дала толчок и развитию образования. Иоанн Хонтерус основал в Брашове гуманитарный лицей, а позже такие школы появились в Сибиу, Бистрице, Сигишоаре, Клуже, Тыргу-Муреше, Алба-Юлии и Ораде. В школах Карансебеша, Хагеца и Лугожа учились и румыны. На протяжении недолгого времени действовали высшие школы в Сибиу (*Studium generale*, 1525 г.) и в Котнари (1563 г., при Деспоте Водэ, с преподавателями из Германии, среди которых был Иоанн Зоммер). Разработанный в 1565 г. под руководством французского ученого Петра Рамуса (Пьер де ла Рамэ) проект создания университета в Алба-Юлии был осуществлен позднее (1579—1581) в Клуже, где при поддержке польских и итальянских иезуитов Иштван Батори открыл католический университет с теологическим, философским и юридическим факультетами, рассматривая его в качестве средства противодействия реформации; это учебное заведение действовало почти двадцать лет.

Литературное творчество. После захвата турками Балканского полуострова и установления границы христианского мира по Дунаю многие ученые и книжники из Болгарии и Сербии нашли убежище в румынских княжествах. Среди них был Григорий Цамблак из Тырнова, приехавший в 1401 г. в Молдову и ставший позднее митрополитом Киевским (1414—1418). В его сочинении «Житие святого Иоанна Нового» содержатся данные о городах

Северного Причерноморья и о перемещении святых мощей из Четатя-Албэ в Сучаву. С XV в. появляются произведения, написанные на местных языках. Оригинальных текстов того времени на румынском языке не сохранилось, но есть свидетельства, что они существовали. До нас дошли копии на румынском языке более древних текстов (переводы со старославянского): Воронежский кодекс, Шкейская Псалтырь, Воронежская Псалтырь, Псалтырь Хурмузаки. Переход к письменности на румынском языке был обусловлен появлением гуманизма и протестантизма, а также проведением реформ католичества и православия. Румынская письменность появилась не в одном отдельном месте, а сразу в несколько центрах в областях Хунедоары — Хацега — Карансебеша и Марамуреша. Перевод Библии на венгерский язык, появившийся в Молдове в 1430 г., — это также результат влияния реформаторского течения, каким являлся гусизм.

Светскими произведениями средневековой словесности стали написанные на славянском или на латыни летописи, хроники и мемуары. Например, в 1475—1480 гг. сакс из Себеша, находясь в турецком плену, написал работу *Tractatus de ritu, moribus, conditionibus et nequitia Turcorum* («Об обычаях, нравах, образе жизни и подлости турок»), в которой, среди прочего, описаны турецкие набеги четырех десятилетий XV в. на Трансильванию и Валахию. В созданной в 1480 г. Дубницкой хронике (*Chronicon Dubnicense*) приложена официальная хроника, возможно созданная при дворе воеводы Бартоломея Драгфи представителем семьи Драгоша и родственником Штефана Великого, который восхваляется в этом сочинении.

На основе прежних летописных произведений при дворе господаря Молдовы Штефана Великого в конце XV в. получает развитие историография. Этот господарь был заинтересован в воссоздании воеводской династической традиции, возрождении славы предков и занимался восстановлением гробниц царствующей семьи. Он распорядился приступить к подробному описанию событий прошлого. Так были написаны Анонимная летопись Молдавии (названная также Бистрицкой летописью), Путнянская летопись (два варианта), молдо-русская летопись, молдо-немецкая летопись и молдо-польская летопись, Анонимная летопись, охватывающая события 1359—1506 гг., представляет собой самый древний и наиболее близкий к утерянному оригиналу памятник. В сохранившихся в монастыре Путна двух вариантах летописи

описаны и события из истории самого монастыря, а основное повествование заканчивается на 1504 г., с дополнением, доводящим изложение до 1518 г. Молдо-русская летопись включает, помимо прочего, сведения о легендарных героях румын — Романе и Влахате. Изложение прошлого Молдовы на немецком языке было доставлено в Нюрнберг молдавской миссией, искавшей там врача для воеводы. Молдо-польская летопись излагала события до 1564 г. и была призвана ознакомить с прошлым Молдовы поляков. В центре первой официальной летописи, ставшей образцом для всех последующих вариантов, была личность Штефана Великого, представленного воином, борющимся за свою страну во славу Креста.

Молдавская официальная историография XVI в. была продолжена работами епископа Романа Макария, а также Евфимия и Азария. Первый описал события 1504 — 1542 гг. (с дополнением до 1552 г.), а Евфимий, игумен Кэприанского монастыря, создал хронику событий 1541 — 1554 гг. Монах Азарий описал события с 1552 г. до начала правления господаря Петра Хромого. В этих летописях нашли отражение центробежные устремления знати и слабость центральной власти, когда страна была охвачена соперничеством между боярскими группировками.

Хотя в Валахии летописные записи велись издавна, на них сохранились лишь отдельные ссылки. С полным основанием можно утверждать, что такая работа велась при дворе Влада Цепеша. «Повесть о Дракуле» является, по-видимому, сочинением трансильванского румына. Она сохранилась только в переводе на русский. Написанное Гавриилом, священником афонского монастыря, во время его пребывания в Валахии в 1517 — 1521 гг. «Житие патриарха Нифона» содержит важные данные по истории страны в конце XV и начале следующего века. Гавриил восхваляет бояр Крайовеску и их протеже, господаря Нягое Басараба.

Из содержания Кантакузинской летописи следует, что в XVI столетии в Валахии существовали две краткие летописи на славянском языке: одна касалась событий 1521 — 1568 гг., другая освещала период с 1568 г. до правления Михая Храброго. При содействии великого логофета Теодосия Рудяну при Михе Храбром велась официальная хроника событий. Отрывки из нее, переведенные на латинский язык, сохранились в хронике Балтазара Вальтера из Силезии. Другая хроника о представителях боярской семьи Бузеску и Михе Храбром была с критическими

замечаниями включена в Кантакузинскую летопись. О правлении Михая на греческом языке писали Ставрин и Паламед. Ни один румынский господарь не удостоился при жизни такого внимания со стороны своих подданных и зарубежных авторов, как Михай Храбрый.

Гуманизм. Во всех румынских землях, и прежде всего в Трансильвании, уже в XV в. чувствовалось влияние гуманизма. Первоначально оно проявилось в епископских резиденциях Оради и Алба-Юлии, а также в городах с немецким населением. В Оради особый интерес к гуманизму стал заметен при епископе Иоанне Витезе (1408 – 1462), создавшем там библиотеку и астрономическую обсерваторию. Первым выдающимся румынским гуманистом стал Филипп Море из Чула-Хацегулуй (1470 – 1526), который обратил внимание Иоанна Мезерзия на сохранившиеся в Дакии следы пребывания римлян. Последний издал сборник обнаруженных к северу от Дуная латинских надписей. Филип Море был известен и в западных научных кругах, где его отметил венецианец Альд Мануций, издатель сочинений Эразма Роттердамского. Одним из крупнейших представителей нового течения был Николай Олах* (1493 – 1568), выходец из семьи господаря Валахии и родственник Янку де Хунедоара. Будучи секретарем венгерской королевы, епископом, архиепископом Стригониу и даже регентом габсбургской Венгрии, он удостоился звания *cursus honoris*. Николай Олах путешествовал по Западной Европе и установил связи с известными гуманистами из «республики европейской словесности». Он вел переписку с Эразмом Роттердамским. Ему принадлежат поэмы, эпитафии, работы исторического, географического и этнографического характера, среди которых важнейшими являются *Hungaria* и *Atila*. Николай Олах был венгерским католиком, но также гражданином Европы. Скончался он в Трнаве (Словакия), где заложил основы будущего университета. Всю жизнь Николай Олах с гордостью называл себя «румыном» и писал о римском происхождении своего народа, о роли румынских господарей в защите христианства. С Брашовом связана деятельность сакса Иоанна Хонтеруса (1498 – 1549), ставшего автором основательной географии мира и изданной в 1542 г. подробной и точной карты. На ней территория трех румынских княжеств

---

* То есть «влах».

указана под общим названием «Дакия». Хонтерус способствовал распространению гуманистических и протестантских идей и работал над кодексом законов для своего народа.

Поздние гуманисты создавали исторические произведения в стихах и проявляли интерес к местным национальным языкам. Однако латынь активно использовалась еще довольно долгое время. Среди авторов, написавших важные для своего времени стихотворные произведения, следует отметить Себастиана Тиноди («Хроника»), Иоанна Лебеля («Историческая песня о крепости Тэлмачу»), Иоанна Зоммера («Элегии о гибели Деспота-Водэ» и «Жизнь Якоба Гераклида»). В прозе писали Гашпар Хелтай («Подвиги венгров») и Иоан Шекели («Хроника наиболее значительных событий мира»), Евстацию Дьюлафи («Исторические записки»), Иоан Бараняй Дечи («История»), Штефан Шамоскеци.

Значительный вклад был внесен в область ботаники, медицины, филологии, географии, картографии.

Юридическая литература была представлена переводами (первоначально на славянский) и обработками византийских трудов: «Законник» (переписанный по приказу Владислава II дьяком Драгомиром из Тырговиште); *Syntagma* Матая Властаря, сборник византийских церковных, уголовных и гражданских законов (переписанный иеромонахом Гервасием из Нямца в 1452 г., дьяком Дамианом из Ясс в 1495 г., епископом Макарием в 1552 г.). В XVI в. были переведены на румынский язык первые византийские церковные каноны (номоканоны). В 1517 г. в Трансильвании вступил в силу кодекс законов «Трипартитум» Иштвана Вербеци. Среди саксонского населения проявился особый интерес к юридической литературе, в связи с чем Матвей Фрониус разработал «Статуты городских прав саксов Трансильвании» (1538).

Настоящей культурной революцией стал типографский набор подвижными литерами, изобретенный Иоганном Гутенбергом около 1450 г. Примерно через полвека это новшество проникло и в румынские княжества. Первую типографию в Юго-Восточной Европе открыл валашский господарь Раду Великий в Тырговиште в 1508 г. Ею заведовал монах Макарий, приехавший из Цетинья (Черногория), напечатавший там три книги: Литургию (1508), Осьмогласник (1510) и Евангелие (1512), — все на церковнославянском языке. Типографская деятельность возобновилась в 1545—1547 гг., когда были напечатаны Молитвослов, Апостол, Евангелие.

В 1530 г. была основана типография в городе Сибиу, где была напечатана работа Себастиана Паушнера «Трактат о чуме» и первая известная книга на румынском языке «Румынский катехизис». Крупнейшая в Трансильвании типография существовала в Брашове. Здесь в 1535–1549 гг. были выпущены 37 книг на латинском, греческом и немецком языках. В середине XVI в. Гаспар Хелтай основал типографию в Клуже, где печатались книги на латыни и венгерском. Типографии действовали также в Орадя, Алба-Юлии, Абруде, Орэштие. Во второй половине XVI в. центром румынского книгопечатания стал Брашов.

В Брашове существовала крупнейшая городская румынская община Трансильвании, пользовавшаяся поддержкой господарей Валахии и Молдовы, старая церковь, начальная школа и школа для дьяков и священников с библиотекой и архивом, школа писарей и переводчиков, в которых учились молодые румыны со всей Трансильвании. В Брашове увидели свет такие румынские книги, как Четвероевангелие, Апостол, Литургия, Псалтырь, учительные евангелия. Написанные под влиянием лютеранства и кальвинизма, они остаются памятниками румынского языка, который был положен в основу румынского литературного языка и сформировался на юге Трансильвании и в северной части Валахии (Брашов – Сибиу – Кымпулунг – Тырговиште).

Пластические искусства. Красной нитью через всю живопись средневековья проходит идея вознесения гимна во славу Всевышнего. Преобладали памятники религиозного характера. Со временем первые деревянные церкви начали ветшать. Четырнадцатый век принес с собой развитие каменного зодчества, торжественного и монументального по своему характеру. В новом стиле были возведены церковь монастыря Козия (с тремя куполами), церковь Сыникоарэ в Куртя-де-Арджеш (1340), митрополичий собор в Тырговиште (1418). В Молдове от этого времени сохранились церковь Св. Николая в Рэдэуцах и церковь Св. Троицы в Сирете. При господаре Раду Великом была построена более крупная церковь монастыря Дялу, а при Нягое Басарабе — епископская церковь в Куртя-де-Арджеш. Последняя является одной из красивейших культовых построек на юго-востоке Европы, имеет своды с 12 пилястрами и четыре купола, придающие изящество и стройность всему сооружению.

Своеобразный способ строительства свода, оригинальная система опоры куполов на основе в форме звезды и украшение фаса-

да являются признаками сложившегося в Молдове в 1450—1550 гг. местного стиля, названного «молдавским». При Штефане Великом наряду со скромными обителями (Воронец, Борзешти, Рэзбоени) были в 1490—1498 гг. построены крупные монастырские комплексы в Васлуе, Яссах, Хырлэу, Хуши, Попэуци, Дорохое, Пятра-Нямце. Особенной величием отличаются монастыри в Путне, Нямце и Тазлэу. Построенные в первой половине XVI в. церкви в Сучаве, Байе, Хырлэу, Романе и монастыри Побрате, Хуморе, Сучевице, Ватре-Молдовицей выделяются уникальными внутренними и внешними росписями.

Появившиеся в этот период в Трансильвании такие памятники, как церкви Успения Пресвятой Богородицы в Рибице, Св. Николая в Кришчоре (обе в области Заранда), в Прислопе и Хунедоаре, Св. Николая в Шкейском пригороде Брашова, Св. Николая в Лешнике, в Феляке и Ваде стали прекрасным дополнением к древним храмам Хацега. Несколько раньше была построена, а в XIV—XV вв. расписана церковь Св. Духа в Острове. Также к XIII—XIV вв. относится церковь Св. Ильи в селе Пештяна с росписью в сербско-македонском стиле. Образцами зодчества XIV в. являются церковь монастыря Рымеци (Альба) со старой надписью об архиепископе Геласии (1377) и расписанная церковь в Сусень-Рыу-де-Мори (Хацег). В XIV—XV вв. были расписаны в византийском стиле древние церкви в Стрее, Стрейсынджеорджу, Синтэмэрие-Орля и Денсуше.

Церковная архитектура западноевропейского типа появилась в городах с немецким населением: в Сибиу, Клуже, Брашове, Бистрице, Себеше и в расположенных в королевских владениях селах саксов. Речь идет о крупной готической архитектуре с выдающимися памятниками в Брашове (Черный собор) и Клуже (собор Св. Михаила). Оба сооружения были воздвигнуты в XIV—XV вв. саксами, причем их строительство длилось целое столетие. Готическое влияние заметно в соборе румынского епископства в Феляке, в замках Бран (построен Людовиком I) и Хуньяд (Хунедоара). Трансильванские города были окружены стенами и бастionsами в готическом стиле.

Готический и ренессансный стили нашли свое отражение в скульптуре. Особой известностью пользуется отлитая в 1373 г. клужскими немецкими мастерами Мартином и Георгом, сыновьями Николауса, медная статуя св. Георгия, поражающего дракона. Подлинник находится в Праге, а медная копия стоит в Клуже возле бывшего францисканского монастыря (ныне кальвинистская церковь).

Выдающимися произведениями искусства стали в Молдове стенные росписи со своеобразным сочетанием цветов в церквах Хумора (1530), Воронца (1547), Молдовицы (1537), Арборе (1503). Многие церковные росписи в Трансильвании были утрачены в период Реформации, но некоторые сохранились в районах проживания румынского населения, особенно в регионе Хунедоара — Хатцег, где наблюдается также сильное валашское влияние.

Особой тонкостью отличались украшенные виньетками рамки и металлические оправы для книг, созданные миниатюристами при монастырях в Нямце, Путне и Хуморе, а также филигранные произведения серебряных дел мастеров, работавших в румынских княжествах и Трансильвании. Сохранилось несколько роскошных вышивок, занавески для икон, покровы гробниц, сделанные в Путне, Говоре, Бистрице-Олтении, Куртя-де-Арджеш и других местах.

Михай Храбрый (1593–1601) — «господарь Валахии, Трансильвании и всей Молдовы»

Благодаря двум главным достижениям своего краткого правления — спасению валашской государственности в условиях османской экспансии и объединению румынских княжеств и Трансильвании — Михай Храбрый стал подлинным национальным символом румын.

Будущий господарь родился в 1558 г., уже после смерти отца, господаря Пэтрашку Доброго. Его мать Тудора была сестрой бана Олтении Яна Епорита. В молодости Михай занимался международной торговлей, говорил по-турецки и по-гречески, писал красивым почерком. После 1588 г. он прошел все ступени иерархической лестницы, от бэнишора Мехединци до великого стольника, великого постельничего, великого аги и наконец великого бана Олтении при господаре Александре Злом. Михай жил в эпоху важных перемен в Европе, обусловленных Великими географическими открытиями, развитием торговых отношений и расширением сети коммуникаций, закатом средневековья и началом Возрождения. Сформировавшийся в этих условиях, он воплощал в себе элементы средневекового прошлого и новой эпохи, показав себя человеком действия и прагматиком, не скрывающим своего политического интереса, жаждущим славы и денег, сторонником использования наемных войск, освобождения страны и ее интег-

рации в мир европейских ценностей. Ему не были чужды ни чувство самолюбия, ни стремление к власти и престижу. Международные условия оказались благоприятными для его планов, так как папа Климент VIII (1592 — 1605) решительно призвал христианских правителей объединиться в антиосманской коалиции, называвшейся Священной лигой.

Раскрытие заговора против господаря Александра Злого (1593) закончилось казнью нескольких бояр. Не исключено, что среди заговорщиков был и Михай, доставленный в Бухарест и каким-то чудом спасшийся, — то ли после присяги, в которой он отрицал свое господарское происхождение, то ли из-за отказа палача казнить его. Вначале великий бан бежал в Трансильванию, а затем перебрался в Стамбул, где с помощью связей и денег сумел получить престол Валахии (сентябрь 1593 г.).

Михай занял трон с твердым намерением вступить в борьбу против Порты и восстановить независимость своей страны, что стало смыслом его жизни и деятельности. Папа сумел привлечь в христианскую коалицию римского императора Рудольфа II, испанского короля Филиппа II, правителей итальянских герцогств Тосканы, Мантуи и Феррары и некоторых германских князей. Противник Габсбургов — Польша отказалась участвовать в Священной лиге. В этих условиях присоединение к христианской коалиции расположенных у османских границ и выплачивающих дань султану Трансильвании, Молдовы и Валахии приобретало особую важность. Господарь Молдовы Арон Водэ заключил 16 августа 1594 г. союз с Рудольфом II. Его примеру последовал в январе 1595 г. Жигмонд Батори. Специально для Михая папа Климент VIII еще в ноября 1593 г. подготовил письмо, в котором подчеркивал: «Я слышал о широте твоей души и о происхождении твоего народа от римлян и итальянцев, что вполне допустимо, а также о том, что вы стремитесь восстановить былую славу ваших предков. Следовательно, вам необходимо действовать, ибо вы христиане и должны участвовать в спасении знамени креста»¹². По неизвестным причинам посланник Святого Престола не передал это письмо валашскому господарю. Однако Михай по собственной инициативе направил посольство к Жигмонду Батори и Арону Водэ, вследствие чего в 1594 г. между тремя воеводами была достигнута договоренность о совместных действиях. Во главе этого «союза», в качестве «князя Дакии» стоял Жигмонд Батори.

Первоначально валашский господарь попытался усыпить бдительность противника, чтобы не возбуждать подозрений Порты, но осенью 1594 г. он собрал «страну» (т. е. собрание страны) и заявил о решимости «освободить ее в мужественном бою» и «поднять меч против врагов». Заметно его стремление заручиться согласием слоев румын, и это свидетельствует о том, что речь шла не о личной прихоти Михая или его мятежном духе, а об осуществлении национальной воли. Доведенная османским сюзеренитетом до «нищенского состояния» страна высказалась за вооруженное сопротивление. Аналогичное решение было принято и в Молдове. Выступление началось одновременно в Бухаресте и Яссах. На помощь Михая подоспели войска, расквартированные в стране, и отряд, посланный Жигмондом Батори. Тринадцатого ноября 1594 г. они атаковали и уничтожили османских представителей и около 2 тыс. турецких солдат, находившихся в Бухаресте для осуществления надзора за господарем. Затем были нанесены удары по османским гарнизонам на Дунае. В период с ноября 1594 по январь 1595 г. происходили бои в Джурджу, Тыргул-де-Флочи, Хыршове и Силистре. В качестве ответной меры Порты направила войска для изгнания «коварных» из Бухареста и Ясс, а также приказала захватившим Банат татарам выступить против войск Михая. Однако в январе 1595 г. эти силы были разгромлены в сражениях при Путинея, Стэнештах и Шерпэнештах. Тем временем румыны, заняв Рушук, Силистру, Брэилу и разбив ряд посланных против них османских корпусов, проникли на Балканы. Войска Арона Водэ осадили Бабадаг, сербы и болгары присоединились к румынам.

Султан не мог допустить продолжения вспыхнувшего в румынских княжествах восстания, которое угрожало серьезными военно-политическими и экономическими потерями для империи. Оно могло стать толчком для покоренных христиан Балканского полуострова. Кроме того, Порты лишалась тонны золота, 20 тыс. овец, 2 тыс. лошадей, 10 тыс. мешков ячменя, а также значительного количества масла, меда и других продуктов, доставляемых ежегодно из Валахии. Согласно хронике Бальтазара Вальтера, столько же поставляли Молдова и Трансильвания. Поэтому к Дунаю была выдвинута армия приблизительно в 50 тыс. османских солдат во главе с великим визирем Синан-пашой. У Михая было 8 тыс. своих воинов, а также 2 тыс. трансильванцев под командованием Альберта Кирали; в целом он мог собрать до 15 тыс. человек. Господарь нуждался в военной помощи Жигмонда Батори, однако тот,

воспользовавшись тем, что был признан сюзереном румынских господарей, назначил господарем вместо менее покладистого Арона Водэ принявшего его условия Штефана Рэзвана. При участии валашского митрополита, двух епископов и крупных бояр 20 мая 1595 г. в Алба-Юлии был подписан договор между Трансильванией и Валахией, согласно которому Михай подчинялся Жигмонду и становился его наместником в Бухаресте, а трансильванское собрание совместно с двенадцатью боярами должно было устанавливать объем дани. Господарь издавал документы от имени Жигмонда Батори, а печать трансильванского князя признавалась в качестве общегосударственной. Жигмонд был объявлен князем трех государств («милостью Божьей князь Трансильвании, Молдавии и закарпатской Валахии»), а Михай стал «почетным и великим воеводой нашей закарпатской страны». Будущие договоры должны были заключаться с согласия Жигмонда; смертную казнь в отношении бояр также следовало применять впредь лишь с его согласия. Господарь не мог лишать бояр должностей, греки не допускались к государственным постам, иностранцы не могли владеть собственностью в стране, также следовало вернуть всех бежавших из боярских владений крепостных. Все православные церкви Трансильвании переходили под юрисдикцию митрополии в Тырговиште. Трансильвания обещала оказывать военную помощь в борьбе против османов, восстанавливались старые границы Валахии с Молдовой и по Дунаю — по течению реки от Брэилы до Оршовой. В тексте договора сочеталось стремление части валашского боярства ограничить господарскую власть и желание трансильванского князя стать верховным сюзереном трех княжеств. Хотя Михай пришлось на время по разным причинам согласиться с положениями договора (необходимость военной поддержки против турок и достижение ряда благоприятных для страны условий, отсутствие всякой поддержки со стороны Молдовы или германского императора Рудольфа II), он расценил действия бояр как измену.

В начале августа 1595 г. турецкие войска перешли Дунай. Из-за огромного перевеса сил противника господарь не мог пойти на сражение на открытом пространстве. Поэтому он выбрал для битвы местность возле села Кэлугэрени между Джурджу и Бухарестом, где расположенные в тылу лесистые холмы обеспечивали хорошую возможность отхода, а лежавшие перед фронтом болота Няжлова и Кылништи позволяли противнику идти лишь колонной

по деревянному мосту. В состоявшейся 13 – 23 августа 1595 г. битве Михай добился успеха: четыре паши, семь санджак-беев и 3 тыс. османских солдат полегли на поле боя, а румыны захватили пять пушек и одно знамя пророка. Для окончательной победы необходимо было продолжить бой на следующий день и преследовать турок до Дуная, но Михай не мог позволить себе этого. Ему пришлось отступить с войсками в сторону Карпат и в ожидании Жигмонда стать лагерем возле села Стоенешть.

В это время турки заняли Бухарест, превратили монастырь Раду-Водэ в мечеть, захватили Тырговиште и поставили в деревнях субашей, угрожая превратить страну в турецкую провинцию. На пути следования османских войск крестьяне прятались, нападая на мелкие отряды. В октябре 1595 г. с севера выступил Жигмонд Батори во главе 22 тыс. секеев и 15 тыс. воинов, собранных знатью и городами. В его войске было 63 пушки. Из Молдовы Штефан Рэзван послал 3 тыс. воинов с 22 пушками. Обе столицы были освобождены, а турок преследовали до Джурджу. Не успевшие перейти реку османы были уничтожены, 8 тыс. пленных освобождены. При поддержке трехсот итальянцев, отправленных герцогом Тосканским и специализировавшихся в проведении осадных работ, 20 октября (30 по новому стилю) 1595 г. была захвачена крепость Джурджу. Султан отстранил Синана от командования турецкими войсками. Так, при помощи союзников Михая удалось предотвратить захват румынских княжеств, однако его страна была опустошена и господарю пришлось принять меры по ее восстановлению.

Рассчитывая на заговоры бояр против Михая, Порта отказалась от идеи создания турецкой провинции к северу от Дуная и объявила новым господарем Раду (сына Михни Потурченца). Поляки выдвинули на престол Молдовы Иеремию Могилу, а его брата Симеона надеялись посадить на валашский трон (1596). Стратегическая концепция польского канцлера и гетмана Яна Замойского сводилась к организации антиосманской обороны на линии Дуная, но для этого следовало подчинить Молдову и Валахию. Тем временем Михай разгромил и ликвидировал остатки турецких войск и изгнал из страны татар. В октябре 1596 г. турки одержали победу над армией Священной Римской империи в битве при Мезекерестеше. В декабре 1596 г. Михай в Алба-Юлии лично изложил высшему руководству Трансильвании детали создавшегося положения, уточнив при этом, что если выступят все силы

христианства, то турок легко можно будет одолеть, в противном же случае ему придется заключить с ними мир. Жигмонд не отличался особой решительностью и энергией, поэтому Михай начал переговоры с Портой. Седьмого января 1597 г. султан издал фирман, утверждавший его на престоле Валахии. Страна по-прежнему оставалась под османским сюзеренитетом.

Валашский господарь рассматривал заключенный мир как необходимую передышку. Убедившись в том, что «шапка оказалась слишком тяжела» для Жигмонда, Михай в феврале 1597 г. направил посольство к Рудольфу II с предложением принять под свое покровительство Валахию и предоставить средства для содержания армии. Используемые прежде Михаем вооруженные силы, состоявшие из крупных и мелких бояр, придворных, пехотинцев и конников, не могли постоянно оставаться в боевой готовности. Были необходимы наемники, которых он собирался найти среди румын, казаков, венгров, сербов, болгар, албанцев, балканских влахов. В июле 1597 г. от императора Рудольфа в Тырговиште поступили первые средства на содержание определенного числа солдат (он обещал деньги для 4 тыс. воинов). Обмен посольствами между Михаем и Рудольфом продолжался, пока в июне 1598 г. в монастыре Дялу не был подписан договор, согласно которому валашский господарь ежемесячно получал деньги на содержание 5 тыс. солдат, причем предполагалось дальнейшее увеличение этого числа до 10 тыс. Кроме того, Михаю посылали оружие и боеприпасы. Господарь обязывался изгнать османов «из Трансильвании, Валахии и Венгрии», а при необходимости император и его брат эрцгерцог Максимилиан должны были двинуть ему на помощь войска из Трансильвании и других областей. В случае наступления османов на Венгрию Михай должен был направить туда свои войска. Господарь Валахии перешел под сюзеренитет императора без выплаты дани, но при условии ежегодного «подарка чести», император же признал наследные права семьи Михая на валашский престол при сохранении всех прав и границ страны. При необходимости Михай мог получить замок в Венгрии или Трансильвании. Согласно договору, румынский господарь пользовался особым почетом, а брат императора отмечал, что тот «стал защитной стеной для этих стран», т. е. Валахии и Трансильвании.

Узнав о договоре, турки перешли к репрессиям и попытались заменить господаря. Валашские войска в 1598 г. снова перешли на южный берег Дуная и приняли участие в сражениях при Никопо-

ле, Видине и Кладове. По возвращении к ним присоединились 16 тыс. сербских и болгарских крестьян, которые поселились в Валахии. Верный своим обещаниям Михай направил 1,5 тыс. воинов для снятия осады с Оради, подвергшейся нападению татар. Тем временем в Трансильвании Жигмонд Батори отказался от престола, передав его своему двоюродному брату кардиналу Андрашу Батори, верному протезе канцлера Замоиского. Польским ставленником был и господарь Молдовы Иеремия Могила. Оба они желали «доброе мира» с турками и добивались устранения Михая. В Константинополе стало известно о затруднительном положении Михая Храброго, который не мог выплатить жалованья наемникам из-за того, что Батори присвоил деньги, предоставленные папой. Некоторые бояре готовили против него заговор. Сохранились даже письма валашских бояр, добивавшихся замены Михая Симеоном Могилой, рассчитывая в этом на помощь Трансильвании, Молдовы и Польши. Свой выбор они обосновывали чувством национального единства: «...ибо мы все одного обряда и языка, и господари происходят из особого рода».

В этих условиях у Михая не было выбора. На время он наладил отношения с турками, которые не могли согласиться с польской кандидатурой и в августе 1599 г. подтвердили его права на престол. Еще в июле того же года Михай отправил миссию к Рудольфу II и получил согласие императора на предложенный им план дальнейших действий. Валашскому господарю предстояло вступить в Трансильванию, изгнать Андраша Батори и от имени императора занять это княжество. Михай перешел с войсками через горы и стал лагерем около села Прежмер. К нему присоединились секеи, недовольные правлением представителей династии Батори. В районе села Тэлмачу к войскам Михая присоединились силы во главе с братьями Бузеску. В сражении при Шелимбере 18(28) октября 1599 г. при относительно равных силах (по 20 тыс. человек с каждой стороны) валашская армия одержала победу, и Михай беспрепятственно вступил в столицу Трансильвании, где представители власти и знати, а также католический епископ присягнули на верность румынскому господарю, признанному собранием сословий князем Трансильвании. Он сообщил Порте о занятии Трансильвании и получил фирман, подтверждавший его права на престол (в Валахии остался его сын Николай Пэтрашку). Переговоры с императором оказались сложнее, так как Рудольф II рассматривал Трансильванию как свое приобретение, а румынский госпо-

дарь надеялся установить там собственную власть. Господарь открыто заявил представителям габсбургского двора в лице посланников Карло Маньо, Давида Унгнада и Михая Шекели, что хочет установить в Валахии и Трансильвании свое наследное правление. Лишь после битвы под Мирэслэу (22 сентября 1600 г.) император признал Михая губернатором Трансильвании — но не князем.

Несмотря на трудности, господарь правил Трансильванией довольно успешно. Это была страна с необычной для него структурой, с древними и прочно установленными законами. Ему пришлось сотрудничать со знатью и сословиями, с четырьмя признанными «религиями», с сословным собранием и т. д. Михай сохранил все учреждения, официальные языки, прежнюю структуру, пытаясь тем самым обеспечить преемственность их деятельности. Однако он предпринял также ряд мер, разрывавших связь с прошлым, которая в новых условиях могла быть лишь частичной. Впервые румынский господарь из-за Карпат при поддержке румынских войск стал верховным правителем Трансильвании, и он не мог оставаться безучастным к судьбе своих новых подданных румын, многочисленных и бесправных. Именно меры в пользу румын нанесли удар по его господству, так как нерумынские институты власти ревниво следили за тем, чтобы не допустить превращения Трансильвании с преобладающим румынским населением в румынское государство, подобное Валахии и Молдове. С определенного момента сословия, прежде всего знать, отказались от сотрудничества с господарем и стали готовить заговор против «Валаха».

Еще летом 1598 г. Михай намеревался выступить против Иеремии Могилы; осенью 1599 г. конфликт с господарем Молдовы обострился из-за предоставления последним убежища Жигмонду Батори. Вена не одобрила этого, опасаясь непредвиденных последствий (возможности открытого конфликта с Польшей). Михай самостоятельно принял решение в этом вопросе, и в мае 1600 г. его войска вступили в Молдову, где практически не встретили серьезного сопротивления. Часть бояр присягнула ему на верность, и до назначения нового господаря там было образовано господарское наместничество. Митрополитом страны стал Дионисий Ралли.

Лето 1600 г. стало кульминацией правления Михая Храброго. Он сделался единоличным правителем всех трех княжеств, населенных румынами, и принял титул: «Михай Воевода, милостью Божьей господарь Валахии, Трансильвании и всей Молдовы».

Михай, однако, имел множество врагов среди венгерской знати, сторонников семьи Могилы, своих противников в Валахии, поляков и др. Недовольная его налоговой политикой, беспорядками, действиями наемников, не получивших вовремя жалованье, и «влашским» правлением в целом, трансильванская знать открыто выступила против. Она проигнорировала призыв господаря принять участие в работе сословного собрания в Себеше и собралась в Турде, где избрала своим руководителем Штефана Чаки и провозгласила начало восстания против «валашского тирана». К восставшим примкнули трансильванские города, саксы, М. Шекели, генерал Баста и в битве под Мирэслэу 18 сентября 1600 г. Михай потерпел поражение. Предоставление ему императором права губернатора Трансильвании оказалась запоздалой мерой. Михай перешел в области к югу от реки Муреш, а восставшие заняли Алба-Юлию, где учинили расправу над представителями господаря, снесли построенную тремя годами ранее православную церковь, осквернили могилу похороненного там бывшего господаря Молдовы Арона Водэ. В сентябре – октябре 1600 г. в Молдову и Валахию вошли польские войска. Следуя через Сибиу, Фэгэраш и Брашов, Михай перешел в Валахию, где ему пришлось столкнуться с отрядами поляков и Симеона Могилы. В битвах при Нэнах, Чептуре, Букове и Куртя-де-Арджеш он потерпел поражение, и бояре выдвинули на валашский престол Симеона Могилу.

В этих условиях Михай Храбрый вновь двинулся через Карпаты, следуя через Деву, Беюш, Орадю, Дебрецин, Токай и Братиславу, прибыл в январе 1601 г. в Вену, где был принят эрцгерцогом Маттасом, братом императора. Михай составил меморандумы для императора и тосканского герцога Козимо, в которых изложил принципы своей политики и обосновал их полезность для Священной лиги. Он добился приема у императора, с которым встретился в Праге 1 и 5 марта 1601 г. Тем временем венгерская знать Трансильвании восстала против Габсбургов, арестовала и выдворила за пределы княжества их представителя Басту, провозгласив князем Жигмонда Батори. Для императора княжество оказалось потерянным, и Михай был единственным, кто мог бы его вернуть. Именно поэтому Михай получил от императора необходимые денежные средства и вернулся в Трансильванию. По дороге он встретил генерала Басту, с которым теперь был вынужден сотрудничать. В июле 1601 г. Михай узнал, что валашские бояре во главе с братьями Бузеску изгнали Симеона Мо-

гилу. В битве под Гурэслэу 24 июля (3 августа) 1601 г. (недалеко от города Залэу) объединенные силы Михая и Басты нанесли поражение войскам Жигмонда, которым помогали Иеремия Могила и турки. После этого Михай с войсками направился к Клужу (11 – 15 августа), где встретил представителей валашских бояр, которые вновь обратились к нему с просьбой занять престол страны. Следуя в направлении Алба-Юлии, Михай 17 августа 1601 г. достиг Турду, но к этому времени углубились разногласия между ним и Бастой. Было ясно, что итальянец завидует успехам румына и сам стремится стать правителем Трансильвании. В угоду отдельным кругам из руководства империи Баста 19 августа 1601 г. при помощи немецких и валлонских наемников убил Михая. Кантакузинская летопись так пишет об этом: «Его красивое, как дерево, тело упало, ибо он не знал [о нападении] и не успел своей храброй рукой схватить острую саблю». Убийцы отрубили господарю голову и надругались над телом, которое лишь спустя несколько дней было предано земле сербами. Пахарник Туртуря сумел тайно вынести голову Михая в монастырь Дялу, где она была с почестями погребена.

Как справедливо отмечал историк Н. Йорга, впоследствии «ни один румын не мог задумываться об объединении страны, не вспомнив об этой великой личности, о поднятых во имя высшей справедливости мече и секире, о его чистом взгляде, исполненном совершенной трагической поэзии...». И действительно, на протяжении XVIII – XX вв. личность Михая Храброго приобрела масштабы национального символа. Его достижения, зачастую преувеличенные, использовались в качестве примера создания единого и независимого румынского государства. Как бы то ни было, Михай Храбрый остается важнейшей фигурой своей эпохи — рубежа средневековья и нового времени. После блестящих успехов в борьбе с Портой господаря по праву считали крупным военачальником Восточной Европы, способным добиться освобождения Константинополя от османов. Характер его отношений с Османской империей позволял Михая и некоторым его современникам рассматривать Валахию как щит христианского мира. Благодаря проводимой Михаем Храбрым политике в первые десятилетия XVII в. значительно ослабел османский натиск на румынские княжества и Трансильванию. Хотя объединение трех государств было осуществлено не по национальным, а по военно-политическим соображениям, румыны впервые в своей истории оказались под властью одного

правителя. Уже тогда, особенно в Трансильвании, его действия вызвали проявления чувства национальной гордости. Некоторые его современники, изъясняясь в стиле позднего гуманизма, расценили объединение 1600 г. как *restitutio Daciae*, т. е. восстановление единства древней Дакии. Эта недолго просуществовавшая Дакия Михая Храброго территориально в общих чертах соответствовала современной Румынии. Правление Михая положило начало переходу от инстинктивной к осознанной общерумынской солидарности, от средневековой народности к новоевропейской нации.

Несмотря на заботу о своих личных интересах, в международных отношениях Михай Храбрый выступал членом «христианской республики». В рамках крупнейшего союза европейских государств, каким являлась в то время Священная лига, он стал вассалом и союзником князя Трансильвании, а затем — габсбургского императора. Этим он продемонстрировал европейский характер своего народа и решительно присоединился к общим усилиям по защите европейской цивилизации.

Примечания

¹ DRH, C, XIII. № 92. P. 159 – 165.

² DRH, D, I. № 42. P. 78 – 80.

³ См.: *Bogdan I. Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul și Țara Ungurească in sec. XIV – XVI. V. I. București, 1905. P. 282 – 284.*

⁴ *Hurmuzaki. I/2. P. 217.*

⁵ См.: *Bonfinius A. Rerum Ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Ed. Ioannes Sambucus. Basilea (Basel), 1568. Decades II. Liber X. P. 377.*

⁶ См.: *Mihăescu et. a. Fontes Historiae Daco-Romanae, IV. București, 1982. P. 409.*

⁷ См.: *Hurmuzaki. I/2. P. 567 – 568.*

⁸ *Holban M. Călători. I. P. 128.*

⁹ Цит. по: *Neagoe M. et. a. Războieni. Cinci sute de ani de la campania din 1476. Monografie și culegere de texte. București, 1977. P. 128 – 130.*

¹⁰ Цит. по.: *Mihăilă G. Contribuții la istoria culturii și literaturii române vechi. București, 1972. P. 176 – 179.*

¹¹ *Iorga N. Acte și fragmente... Vol. III. P. 101.*

¹² *Hurmuzaki. III/1. P. 175.*

V. Молдова, Валахия и Трансильвания в XVII в.

Международная обстановка

На развитие Молдовы, Валахии и Трансильвании в XVII в. оказывали влияние великие державы региона и их борьба за гегемонию. Начало столетия ознаменовалось продолжением войны Священной лиги против Османской империи (1593 – 1606), завершившейся подписанием Житваторокского мирного договора, условия которого до 1633 г. еще не раз дополнялись и уточнялись. После нескольких десятилетий мира конфликт возобновился; после сражения при Сент-Готарде был заключен мирный договор в Вашаре (1664), не принесший каких-либо перемен в балансе сил двух держав. Семнадцатый век завершился очередной войной между Османской империей и христианскими державами, объединившимися в новую Священную лигу (1684 – 1699). Окончательную точку поставил Карловицкий мир (1699), закрепивший положение империи Габсбургов как великой державы этого региона Европы.

Юридический статус Молдовы, Валахии и Трансильвании по отношению к Порте. Зависимость румынских княжеств от Османской империи проявлялась в виде покровительства со стороны Порты и выплаты дани княжествами, юридический статус которых определялся принципами исламского права. Сохраняя свою государственность, внутреннюю административную и законодательную автономию, они были обязаны, помимо выплаты дани, преподносить подарки (называемые «пешкеш») высшим сановникам, а также согласовывать с Портой свою внешнюю по-

литику и торговлю и оказывать поддержку военной силой, экономическими и трудовыми ресурсами во время походов османской армии.

Первоначальный статус Молдовы и Валахии подвергся в XVII в. значительным изменениям. Господари стали назначаться из числа проживавших в Стамбуле греков. В отношении князей Трансильвании обычно соблюдался принцип утверждения лица, избранного местными сословиями, однако бывали случаи, когда сюзерен навязывал собственных кандидатов на престол. Отношения между князем и Портой регулировались путем так называемых ахднаме («присяг», мирных договоров, «капитуляций»). После 1658 г. их заменили бераты, что означало приравнивание статуса трансильванских князей к статусу господарей Молдовы и Валахии, однако частая в двух княжествах практика конфискации имущества господаря после его смерти не распространялась на Трансильванию.

В Молдове и Валахии сохранились существовавшие ранее принципы утверждения господарей. Как правило, румынским господарям вручались по два бунчука (исключением был Георгий Дука). Правом чеканить монету пользовались только князья Трансильвании, тогда как румынские господари делали это лишь в чрезвычайном порядке. Инициативы в области внешних сношений должны были получить одобрение Порты. В качестве главнокомандующих вооруженными силами господари были обязаны поддерживать турецкую армию во время войн, хотя иногда они вели военные действия и самостоятельно.

Что же касается экономических обязательств, то основная дань (харадж) выплачивалась ежегодно: обычно 1 апреля Валахией, 1 мая Молдовой и в декабре Трансильванией. В XVII в. Порта начала требовать досрочной выплаты дани. За некоторыми исключениями, например в правление Матея Басараба, размер дани не менялся, однако к ней добавлялись разнообразные дополнительные поборы: пешкеш (подарки) и рушфет (взятки). Дань Трансильвании выросла с 15 тыс. червонцев в начале века до 40 тыс. в 1658 г. В период 1609 — 1632 гг. дань Валахии составляла 40 тыс., а Молдовы — 35 — 40 тыс. червонцев. К концу своего правления валашский господарь Константин Брынковяну выплачивал 92 тыс. червонцев. Порта ввела ряд новых поборов: плату за большой султанский фирман (мукарер), за утверждение трехлетнего или годичного пребывания на княжеском престоле.

Часть территории с румынским населением находилась под управлением османов — вся Добруджа (в составе бейлербейлика Силистра), крепости Турну, Джурджу и Брэила, а также санджаки Бендеры и Аккерман. Частью бейлербейлика Тимишоара стали санджаки Тимишоара, Молдова-Веке, Липова, Ченад, Арад, Инеу. В 1660 г. был образован бейлербейлик Орадя.

Наследие Михая Храброго

Валахия: правление Раду Шербана (1602–1610, 1611). Начатая в 1593 г. борьба против османского владычества не прекратилась после смерти Михая Храброго. Война Священной лиги приобрела более широкий размах и продолжалась до 1606 г. В борьбу за власть в Валахии вступили две боярские группировки, ориентированные на Порту и Священную Римскую империю. В ситуации, когда сразу после убийства Михая Храброго на валахский престол при поддержке Польши был возведен Симеон Могила, сторонники Габсбургов поддержали бывшего пахарника (чашника) Шербана, богатейшего боярина того времени, во владениях которого находилось более семидесяти сел и деревень. Потерпев поражение от Симеона Могилы под Тырговиште, Шербан бежал в Трансильванию. В ноябре 1601 г. он представился главнокомандующим императорских войск в городе Деж, а через неделю присягнул на верность императору Рудольфу II, за что Габсбурги, заинтересованные в открытии нового антиосманского фронта, пообещали Шербану военную и финансовую поддержку. В июле 1602 г. Шербану удалось победить Симеона Могилу и стать фактическим правителем страны (1602–1610). Однако он не был признан Портой, так как группировка проосманских бояр выступала в поддержку кандидатуры Раду Михни. Раду Шербан возглавил несколько антиосманских кампаний на юге Дуная и одержал победу над крымским ханом. По требованию Габсбургов он в 1603 г. принял участие в борьбе против князя Трансильвании Мозеша Секея, который погиб в бою под Брашовом.

Годы пребывания на престоле убедили Раду Шербана в том, что стабильность его власти зависит не от Вены, а от Порты. Это заставило его предпринять ряд успешных дипломатических шагов, чтобы добиться своего признания в качестве господаря (декабрь 1604 г. — январь 1605 г.). Порта установила дань в размере

Румынские земли в XVII в.

32 тыс. червонцев, т. е. намного меньше суммы, выплачиваемой прежде Михаем Храбрым. Мирный договор, заключенный в Житватороке (1606) между двумя враждующими империями, утвердил статус-кво, существовавший до начала военных действий. Господарь Раду Шербан заключал соглашения — «конфедерации» — с князем Трансильвании: в августе 1605 г. со Штефаном Бочкаи, в 1607 — с Жигмондом Ракоци и в 1609 г. — с Габриелем (Габором) Батори. Мечтая о новом объединении Молдовы, Валахии и Трансильвании, Раду Шербан восстановил связи с империей и улучшил отношения с господарем Молдовы Константином Могилой. Во время похода Габриеля Батори в Валахию в декабре 1610 г. — марте 1611 г. он бежал в Молдову и остановился в городе Роман. Новым господарем Валахии стал назначенный Портой Раду Михня. В июле 1611 г. Раду Шербан низложил турецкого ставленника и вступил со своими войсками на территорию Трансильвании, где в бою под Брашовом победил Габриеля Батори. Однако достигнутый при поддержке императора успех не обеспечил ему возвращения престола Валахии, в третий раз занятого Раду Михней, которого поддержала огромная турецкая армия. Раду Шербану пришлось удалиться в изгнание, во время которого он находился в Польше, Венгрии и при императорском дворе.

Восстановление османского сюзеренитета и внутренняя оппозиция. Под давлением Порты и при поддержке туркофильской боярской группировки на престол Валахии был возведен Раду Михня (1611 — 1616). Сторонники бывшего господаря, находившегося на чужбине, несколько раз пытались вернуться к власти (1611, 1612, 1616), но безуспешно. Раду Михня казнил заговорщиков, конфисковывал и отдавал военным их владения. Средством укрепления финансового положения стала продажа господарских имений. Их число уменьшилось, но казна пополнилась значительными суммами. Раду Михня был человеком образованным, получившим воспитание в школах Афона, Венеции и Падуи, приверженцем дипломатии, а не военных действий. Несмотря на это, он по приказу Порты вместе с господарем Молдовы Штефаном II Томшей в 1613 г. выступил против Габриеля Батори, который был лишен власти и заменен Габриелем (Габором) Бетленом. В правление Раду Михни начался процесс переселения в румынские княжества греков, что вызвало недовольство местного боярства. В июле — августе 1616 г. Раду Михня был возведен Портой на пре-

стол Молдовы, что положило начало практике, позднее ставшей обычной. Престол Валахии стал объектом соперничества разных претендентов, в результате на некоторое время был поставлен господарский наместник, правивший страной до назначения Александра Илиаша (1616 – 1618). В его правление резко увеличилось число осевших в Валахии греков, за что господарю и дали прозвище Грек. С другой стороны, поддерживаемая Раду Шербаном прогабсбургская группировка бояр сохраняла к нему стойкую неприязнь.

Шестого июня 1618 г. произошло восстание. Оно было начато боярами, выступавшими против турок и греков. Илиаш Грек лишился престола, а его место занял Гавриил Могила (1618 – 1620), правление которого было очень кратким и не оставило заметных следов. В 1619 г. новый господарь заключил союз с Габриелем Бетленом, благодаря которому на следующий год, получив приказ покинуть трон, смог найти убежище в Трансильвании. Женившись в 1622 г. на богатой венгерской дворянке Елизабете Золеми, он до самой смерти (1635) оставался при дворе трансильванского князя. На престол Валахии вернулся Раду Михня (1620 – 1626), занимавший одновременно и престол Молдовы. Вместе с турками он принял участие в антипольской кампании 1621 г. и играл важную роль посредника в мирных переговорах в Хотине. В 1622 г. он подписал с Габриелем Бетленом договор о взаимопомощи. В 1623 г. Раду Михня возвел на престол Валахии своего малолетнего сына Александра Кокона (1623 – 1627), чем вызвал недовольство бояр.

Недолго занимали престол господари Александр Илиаш (1627 – 1629) и Леон Томша (1629 – 1632). Правление последнего не было спокойным, так как прошло под знаком враждебности местного боярства к грекам, чье влияние на господаря значительно возросло. К недовольным примкнула и часть греков, благодаря бракам приспособившихся к местным условиям. Движение против господаря началось в 1630 г., и, поскольку часть недовольных заручилась покровительством Дьёрдя Ракоци I, власть господаря оказалась под вопросом. Оживленная переписка между господарем и князем Трансильвании о возвращении беженцев в Валахию не помогла разрешению конфликтной ситуации. В битве под Бухарестом в сентябре 1631 г. Леон Томша сумел победить повстанцев, поддержанных трансильванскими войсками, но не смог предотвратить бегство в Трансильванию враждебно настроенных бояр, среди которых был и будущий господарь Матей из Брынко-

вени. Леону Томше удалось продержаться на престоле до июля 1632 г., когда он был низложен после многочисленных жалоб, поступивших в Порту, и благодаря усилиям князя Дьёрдя Ракоци I. На его место был поставлен Раду Илиаш, сын господаря Молдовы Александра Илиаша.

Молдова между Польшей и Портой. Если Трансильвания играла роль буферного государства между Османской и Габсбургской империями, Молдова оказалась между османами и Польшей. Несмотря на усиление зависимости румынских княжеств от Порты, Польша продолжала настаивать на своих «законных» правах в Молдове и Валахии. Проводниками польских интересов в Молдове выступало семейство Могила. Возвратившись на престол после кратковременного правления Михая Храброго, Иеремия Могила (1595 – 1606) был сторонником польско-турецкого союза. Заключая договор со Штефаном Бочкай, он попытался возвести на престол Валахии Симеона Могила (1605). Воспользовавшись временным ослаблением османского давления во время войны турок со Священной лигой, он сумел добиться от Порты ряда выгод, в том числе займа в 40 тыс. червонцев и получения права на семейное наследование господарского титула членами своей семьи. Умелым дипломатическим лавированием Иеремии Могиле удалось избежать полного подчинения страны Польше, после того как польский канцлер Ян Замойский помог Иеремии взойти на престол.

Внутренняя политика господаря была отмечена тенденцией переноса в Молдову — при поддержке полонофильского крупного боярства — опыта шляхетской Речи Посполитой. Иеремия Могила восстановил крепость в Сучаве. Однако его попытка основать княжескую династию не увенчалась успехом. Несмотря на признание Портой и Польшей наследования господарского престола, бояре сумели добиться сохранения своего права избирать господаря. Именно они возвели на престол Симеона Могила (1606 – 1607), которого очень скоро сменил Константин Могила (1607 – 1611). Правление последнего не было спокойным. Он был большим поклонником Польши и Габсбургов, но при этом сблизился и заключил союз с валашским господарем Раду Шербаном, которому в 1611 г. предоставил временное убежище в Молдове. Он заключил договор и с Габриелем Батори, взяв на себя обязательство выплачивать тому в качестве ежегодного «подарка» 8 тыс. флоринов.

Сближение Константина Могилы с Габсбургами привело к его низложению в сентябре 1611 г. и возведению на престол Штефана II Томши (1611–1615), осуществленному при вооруженном вмешательстве Порты. Новый господарь попытался продолжить политику балансирования между Польшей и Портой, отдавая, однако, большее предпочтение проосманской ориентации. После провала попытки бывшего господаря Константина Могилы вернуть с польской поддержкой престол Штефан II Томша добился укрепления своего престижа в глазах Польши. Отношения между двумя государствами были урегулированы посредством договора. Во внутренней политике Штефан Томша принял решительные меры против крупного боярства, к которому принадлежала и семья Могила. Тем не менее в ноябре 1615 г. семейству удалось при польской поддержке устранить Томшу и возвести на престол Александра Могилу. В 1616 г. вмешалась Порта, навязав своего ставленника Раду Михню (1616–1619). Новый господарь попытался смягчить противоречия, проявив благосклонность к семейству Могила и к Польше. Непосильное налоговое бремя привело в 1617–1619 гг. к нескольким крестьянским восстаниям. Турецко-польский договор в Яруче (1617), в подписании которого участвовал и господарь, предусматривал возвращение Молдове крепости Хотин и обеспечивал Раду Михне относительную стабильность в условиях продолжавшейся борьбы за престол. В этих обстоятельствах господарь заключил договор с князем Трансильвании Габриелем Бетленом, а также тайное соглашение с поляками.

Через два года на престол Молдовы ненадолго взошел хорват Гаспар Грациани (1619–1620), заезжий авантюрист, которому удалось войти в доверие к Порте. Поддерживая хорошие отношения с Габсбургской империей, этот господарь начал сближение с Польшей в целях возобновления антиосманской борьбы. Его политических взглядов, однако, не разделял Габриель Бетлен. Узнав о намерениях Грациани, Порта низложила его в августе 1620 г. Большая часть европейских государств в это время участвовала в Тридцатилетней войне, поэтому надежды Грациани на возобновление борьбы против османского ига были беспочвенны. Польша, непосредственно заинтересованная в ослаблении Турции, была единственной страной, поддержавшей его, однако безуспешно. В сентябре 1620 г. господарь был убит боярами.

Начатая в этих условиях турецко-польская война закончилась мирным договором в Хотине (1621). Низложив Александра Илиа-

ша (1620 – 1621), Порта вернула на престол Молдовы Штефана II Томшу (1621 – 1623), за кратким правлением которого последовало возвращение Раду Михни (1623 – 1626). Его титул на этот раз звучал так: господарь и воевода Молдовы и Валахии. Таким образом он практически объединил под своей властью оба княжества. Это было кратковременное, но спокойное правление, ибо господарь поддерживал хорошие отношения как с Портой, так и с князем Трансильвании и другими христианскими странами. Его сменили господа из семейства Могила. Наиболее известен среди них Мирон Барновский (1626 – 1629), который издал «постановления» о возвращении беглых крестьян, об улучшении работы канцелярии господаря, принял меры по организации церковной жизни. Он продолжал балансирование между крупными державами, хотя предпочитал ориентироваться на Польшу, будучи тесно связан с польскими магнатами. Данное обстоятельство, а также внутреннее недовольство привело к его низложению в 1629 г. Последовали смутные годы частых перемен на престоле, продолжавшиеся до 1634 г., когда господарем Молдовы сумел стать ворник Лупу.

Трансильвания: реставрация и террор. Начавшийся с 1597 г. кризис политической власти в Трансильвании, вызванный противоречивой политикой Жигмонда Батори, обусловил трудное положение княжества. Впервые со времени создания самостоятельного княжества начался рост влияния сторонников Габсбургов, что оказало заметное влияние на политику Трансильвании. Частые смены правителей, связанные с возвращением Жигмонда Батори (третий раз в 1601 г., четвертый раз в 1601 — феврале 1602 г.), а также генерала Басты и эмиссаров императора Рудольфа II (1602 – 1603, 1603 – 1604), нарушили политическую стабильность и вызвали серьезный кризис. Попытки Басты, ставшего губернатором, высшим комиссаром и главнокомандующим страны, создать наемную армию, а также грабежи, налоговое бремя, чума, голод, насильственная католизация и попытки Рудольфа II превратить Трансильванию в австрийскую провинцию вызвали недовольство во всех сословиях. Туркофильская часть знати объединилась вокруг Мозеша Секея, который добился поддержки Порты в обмен на обещание уступить османам крепости Липова и Инеу. В мае – июне 1603 г., опираясь на военную поддержку турок, Мозеш Секей восстал против власти Габсбургов в Тран-

сильвании. Для восстановления статус-кво валашский господарь Раду Шербан по просьбе Вены ввел в Трансильванию войска и 17 июля 1603 г. одержал победу в бою под Брашовом. Мозеш Секей пал на поле битвы, а румынский господарь с июля по сентябрь 1603 г. стоял во главе Трансильвании. Спустя некоторое время генерал Баста и императорские эмиссары восстановили контроль императора над провинцией (1603 — апрель 1604 г.).

Часть сословий Трансильвании, недовольная сложившейся обстановкой, сделала ставку на Иштвана Бочкай, бывшего сторонника Габсбургов, перешедшего на сторону проосманских сил. Хороший военачальник и умелый дипломат, он сумел добиться поддержки гайдуков и секеев обещаниями восстановить прежние свободы. Постепенно он приблизил к себе и остальные сословия. Особенно ярко это проявилось после того, как Порта признала его князем Трансильвании и послала ему в ноябре 1604 г. символы власти. Для полного успеха ему оставалось добиться поддержки саксов и города Сибиу, хранивших верность Габсбургам и питавших надежду на их возвращение при поддержке валашского господаря Раду Водэ.

Военные успехи Бочкай в борьбе против Габсбургов (захват крепостей Сату-Маре, Уйвар, Токай и прилегающих к ним территорий) укрепили его внутреннее положение и внешнеполитический престиж. Собравшиеся на общем собрании в Медиаше 14 сентября 1605 г. трансильванские сословия присягнули на верность князю Иштвану Бочкай, явившемуся с многочисленной свитой на торжество, в котором участвовали также послы румынских господарей и султана. Пятого августа 1605 г. в Тырговиште было заключено соглашение о союзе между Трансильванией и Валахией. В ноябре 1605 г. Порта утвердила за Бочкай титул короля Средней Венгрии и на десять лет освободила Трансильванию от выплаты дани. По возвращении в Трансильванию Бочкай был вынужден уступить туркам крепости Липова и Инеу. Созванное в Клуже в апреле 1606 г. общее собрание обсудило ситуацию, сложившуюся после назначения Бочкай королем Венгрии, и приняло решение сохранить свободу провинции и право свободного избрания князя.

После переговоров с представителями Рудольфа II в июне 1606 г. в Вене был подписан мирный договор, на основании которого Бочкай сохранил титул князя Трансильвании и контроль над крепостями Сату-Маре и Токай, а также округами Берег и Угоча.

Князь Трансильвании внес свой вклад в заключение мира в Житватороке (ноябрь 1606 г.), которым был положен конец войне, начатой в 1593 г. Восстановленный статус-кво между двумя империями сохранялся до 1663 г. Трансильвания оставалась автономным княжеством под сюзеренитетом Порты. Таким образом на время был положен конец вооруженному вмешательству Габсбургов в трансильванские дела.

Князь добрососедства. Неожиданная смерть князя Штефана Бочкай вновь привела к политической дестабилизации. В своем завещании Бочкай назначил наследником Валентина Другета из Хомонни, правителя комитатов Зампен и Марамуреш, пользовавшегося поддержкой Порты. Однако сословия избрали энергичного Сигизмунда Ракоци (1607 – 1608), прежнего заместителя князя, сняв таким образом кандидатуры Валентина Другета и Габриеля Батори. Настаивая на своем праве определять властителя провинции, сословия требовали, чтобы им становился представитель трансильванской знати. В условиях продолжения борьбы за власть сословия пытались лавировать между двумя великими державами. Под давлением двух сторон Жигмонд Ракоци отказался от престола в пользу молодого Габриеля Батори.

При этом сословия еще более энергично отстаивали свое право на свободный выбор князя, стремясь сохранить мир с обеими великими державами и хорошие отношения с обоими румынскими княжествами, требовали использовать гайдуков исключительно для защиты страны, отстаивали свободы секеев и т. д. Демарши перед Портой в пользу князя Габриеля Батори, осуществленные при содействии господаря Валахии и крымского хана, закончились успешно. Новый князь в ноябре 1608 г. был признан Портой, получив символы власти и освобождение страны от выплаты дани на три года. Переговоры с Габсбургами оказались сложнее, так как проходили под давлением выступлений гайдуков. Подписанием договоров с Валахией и Молдовой в 1608 г. князь добился возвышения над соседними господарями. Его попытка завоевать признание посредством авторитарной внутренней политики при поддержке прибывшей из Венгрии знати вызвала недовольство сословий, так как были затронуты привилегии секеев и саксов, а многие представители местной знати стали жертвами террора. В конце 1610 г. Габриель Батори вторгся в Валахию и на короткое время принял титул господаря этого княже-

ства. Потерпев поражение от Раду Шербана в битве под Брашовом (1611), Габриель Батори впал в немилость как Порты, так и Габсбургов. В лице его соперника Габриеля Бетлена турки нашли самого подходящего кандидата на престол князя Трансильвании. В результате османского похода, совершенного осенью 1613 г. при участии войск валашского господаря Раду Михни и молдавского господаря Штефана II Томши, правлению Габриеля Батори был положен конец.

Габриель Бетлен и его эпоха

Начало правления. Собранные 22 октября 1613 г. на общем собрании в Клуже сословия учли пожелание Порты и согласились с избранием Габриеля Бетлена на престол Трансильвании. Его торжественная инаугурация проходила в присутствии турецких и румынских войск во главе с румынскими господарями. При этом трое соседей, находившихся под сюзеренитетом Османской империи, присягнули друг другу в вечной дружбе и обязались при необходимости оказывать взаимную помощь. Условия, выдвинутые собранием новому князю, которые тому следовало отстаивать перед Портой, свидетельствовали о настойчивом стремлении сословий добиться точного соблюдения в будущем принципа *libera electio** князя и исключения возможности применения положения *qui non est patriota vel ex sanguine hungarico*** , а также обеспечения дружественных отношений с румынскими княжествами. В результате изданный в июле 1614 г. султаном Ахмедом I фирман учитывал эти требования сословий и устанавливал дань Трансильвании в пользу Порты в размере 10 тыс. червонцев.

Пришедший к власти при поддержке османов Габриель Бетлен был хорошо знаком с политической реальностью своей эпохи. Обладая качествами дипломата, он убедился, что только хорошие связи с Портой и румынскими княжествами могут обеспечить ему спокойное и стабильное правление. Под угрозой возможной поддержки Габсбургами других претендентов на престол, признаваемый ими лишь в качестве «воеводы» или «губернатора», Габриель Бетлен уступил давлению турок и в 1616 г. отдал им крепость

* Свободного избрания (*лат.*).

** Кто не является патриотом или [человеком] венгерской крови (*лат.*).

Липова, однако сумел сохранить Инеу и добиться новой отсрочки выплаты дани, выставив на стороне Порты в войне против Польши войско численностью в 12 тыс. человек. При этом послам князя удалось сыграть роль посредников между воюющими сторонами и способствовать заключению ими в сентябре 1617 г. мира в Яруче. Согласно этому договору Польша обязывалась не вмешиваться в дела Молдовы, Валахии и Трансильвании. Личное участие князя в кампании против поляков в 1617 г. вместе с господарем Валахии Александром Илиашем и господарем Молдовы Раду Михней имело следствием подписание 26 сентября 1617 г. в Сороке договора о союзе и добрососедстве между Габриелем Бетленом и молдавским господарем. Позже князь подписал аналогичный документ в форме «конфедерации» (1619) с новым господарем Валахии Гаврилом Могилой, возведенным на престол при его личной поддержке.

Политика подчеркнутой лояльности Габриеля Бетлена по отношению к Порте привела к ухудшению его отношений с перешедшим на сторону поляков и Габсбургов господарем Молдовы Гаспаром Грациани, так как князь добивался у турок его замены (1620). В это время в Валахии вновь пришел к власти Раду Михня, с которым Габриель Бетлен в 1622 г. обновил в Клуже заключенный ранее договор о дружбе. Дипломатическая борьба против Александра Илиаша, Гаспара Грациани, Раду Михни и Мирона Барновского свидетельствует о стремлении Габриеля Бетлена стать покровителем румынских господарей. Перед лицом подобной политики авторитарного князя, опиравшегося на сильную армию, румынским господарям пришлось прибегнуть к помощи Порты. После неоднократных жалоб валашского господаря в 1628 г. турки категорически запретили Габриелю Бетлену вмешиваться в дела господарей Валахии и Молдовы.

Княжеская власть. Политика реформ. Для укрепления своей власти и авторитета новому князю необходимо было заручиться поддержкой сословий, недовольных произволом его предшественника. В феврале 1614 г. Габриель Бетлен возвратил саксам город Сибиу, изменил состав и принципы деятельности сословного собрания, уменьшив число избираемых делегатов на две трети, тогда как остальных князь теперь назначал сам из числа доверенных ему лиц. Таким образом Бетлен исключил возможность любой действительной оппозиции со стороны собрания, превратив учреждение

представительной власти в свой послушный инструмент. К этому дополнилось введение в княжеский совет новых людей, отличавшихся не знатным происхождением, а опытом и личными достоинствами. Поскольку авторитет князя прежде всего имел в основе финансовую независимость от сословий, Габриель Бетлен настойчиво преследовал цель увеличения собственных доходов. Отсюда и проводимая им налоговая, торговая, денежная, военная и социальная политика.

Реформы начались с изменения условий изданных после 1585 г. актов дарения и причисления к знати, что было необходимо для увеличения княжеских владений и доходов казны. В 1616 г. князь в соответствии с решениями общего собрания 1608 г. приказал провести инвентаризацию списков (*connumeratio*) налогоплательщиков, что означало возвращение к прежней системе обложения налогом каждого хозяйства. Сохраняя в целом традиционную налоговую систему, Габриель Бетлен попытался укрепить свою власть, оказывая влияние на торговлю, горное дело, чеканку монет и ремесленное производство. Все эти экономические меры позволили князю обеспечить реальную независимость от сословий и принять ряд мер, направленных на централизацию княжества.

С той же целью Габриель Бетлен приступил и к расширению социальной основы своей власти. Он считал необходимым ограничить влияние представительного собрания и провести военную реформу, создав хорошо подготовленную, отлично вооруженную и мобильную постоянную армию из наемников. Значение наемников и увеличение роли пехоты наряду с появлением нового огнестрельного оружия изменили не только военную тактику (пехота сменила традиционную дворянскую конницу), но и подход князя к вопросам социальной политики. Этим объясняется пожалование дворянских титулов как выходцам из податных сословий, так и представителям категорий, освобожденных от налогов. С целью предотвращения вступления зависимых крестьян в наемные войска и их вхождения в ряды знати собрание сословий в 1620 г. потребовало от князя отказаться от этой практики и вернуть беглых крепостных, лишив румынских крестьян права на ношение оружия, а с 1623 г. и права ездить верхом.

Реформы Габриеля Бетлена коснулись и церкви. Он сохранил положение, существовавшее в отношениях между признанными религиями, и проявлял толерантность к православной церкви,

не отказываясь, однако, от намерения добиться перехода румын в кальвинизм, что следует из его переписки с патриархом Кириллом Лукарисом. Склонность князя к реформам проявилась и в области образования. Детям крепостных он дал право посещать сельские школы, наказывая владельцев деревень, сопротивлявшихся этому предписанию (1624). С целью обеспечить процесс формирования нового поколения хорошо подготовленных служащих, необходимых для проведения политики реформ, Габриель Бетлен основал в Алба-Юлии Академическую коллегия (1622), создав при ней богатую библиотеку и пригласив известных профессоров из-за границы.

Трансильвания и Тридцатилетняя война. Приход к власти Габриеля Бетлена, происходивший под нажимом султана и при поддержке господарей румынских княжеств, привел к обострению отношений Трансильвании с Габсбургами. Императорские войска вторглись в западные районы княжества, где им удалось на некоторое время захватить такие важные стратегические крепости, как Киоар, Тэшнад и Ексед. Наряду с военными действиями Габсбурги прибегли к дипломатическим шагам по дискредитации Бетлена на международной арене и по поддержке Дьёрдя Хомонни, выступавшего с притязаниями на княжеский престол. Успехи трансильванских войск и укрепление власти Габриеля Бетлена вынудили Вену заключить с ним 6 мая 1615 г. договор, в котором признавалась его власть и давались обещания возвратить захваченные крепости.

Начало Тридцатилетней войны дало Габриелю Бетлену повод выступить против Габсбургов под предлогом поддержки восставших чешских протестантов (1619–1622). Вторжение состоялось с согласия Порты, а переговоры с чехами прошли при посредничестве Марка Черчела, сына бывшего господаря Валахии. Стремительным броском Бетлену удалось захватить Братиславу (октябрь 1619 г.), Кошице, Нове-Замки, Трнаву и Нитру. Вскоре Вена оказалась в окружении и осаде (ноябрь 1619 г.), от продолжения которой Габриель Бетлен, однако, отказался, так как получил известие о подготовке вторжения в Трансильванию претендента на престол Дьёрдя Хомонни, поддерживаемого поляками. Чтобы продолжить военные действия, князь обратился к Порте с просьбой прислать 2 тыс. пехотинцев из Молдовы и тысячу конников из Валахии.

Тем временем съехавшаяся на общее собрание в Банской Быстрице часть знати Северной Венгрии* предложила ему королевскую корону. Учитывая позицию Порты и выдвинутые ранее условия трансильванских сословий, князь подписал так называемые *Diploma regis***, однако принять корону отказался, чем вызвал разочарование венгерской знати и ее окончательный переход на сторону Габсбургов. После того как Габриель Бетлен одержал ряд побед на поле боя, воюющие стороны 5 января 1622 г. подписали в Микулове мирный договор, согласно которому Габриель Бетлен отказался от титула короля Венгрии, переданного Фердинанду Габсбургу вместе с комитатами на западе Венгрии. Сам же Габриель Бетлен добился признания себя князем Трансильвании, к чему добавил титул избранного князя Священной Римской империи и герцога Опольского и Ратиборского***, а также права пожизненного владения комитатами Сату-Маре, Берег, Угоч, Борсод, Абауй, Земплен и Саболч в Северной Венгрии — и ежегодной выплаты 50 тыс. флоринов на содержание наемников и крепостей. Хотя положения мирного договора не вполне удовлетворили Габриеля Бетлена, подвластное ему княжество Трансильвании имело немалый международный вес.

Добившись установления союзных отношений с некоторыми протестантскими князьями и согласия Порты, Габриель Бетлен в августе 1623 г. в очередной раз начал военные действия против Габсбургов, на сей раз, однако, не столь успешные. Подписанный в Вене 8 мая 1624 г. новый мирный договор повторил с некоторыми изменениями условия мирного договора, заключенного в Микулове. Габриель Бетлен отказался от Опольского и Ратиборского герцогств, но сохранил за собой право пожизненного владения семью комитатами и права вечной собственности для Трансильвании на города Бая-Маре, Бая-Сприе и Ексед. Несмотря на это, князь продолжал создавать антигабсбургскую протестантскую коалицию, начав в сентябре 1626 г. новую военную кампанию против Вены. Она оказалась весьма короткой и закончилась подписанием 20 декабря 1626 г. мирного договора в Братиславе, в котором повторялись условия прежних договоров, что означало окончатель-

---

* Территория сегодняшней Словакии.

** Королевские грамоты (лат).

*** Ополе и Ратибор — города в Силезии, в то время принадлежавшей Габсбургам, центры старинных польских княжеств.

ный отказ Бетлена от политики противостояния Габсбургам. Более того, к концу жизни князь предложил Вене свое участие в матриониальных планах императорской семьи. Это шло вразрез с его политикой, проводимой в течение всей жизни, и с его стремлением сохранить хорошие отношения с Османской Портой и соседними румынскими княжествами, что представлялось гарантией укрепления страны. Однако следует заметить, что этот поворот в политике Габриеля Бетлена, а также его попытки добиться со шведской и русской помощью польской короны остались лишь проектом, так как 15 ноября 1629 г. князь скончался.

Несмотря на ряд неудач, правление Габриеля Бетлена остается в истории Трансильвании периодом значительных успехов, достигнутых авторитарными методами правления. Князю удалось подавить сопротивление сословий, проводить активную внешнюю политику и добиться укрепления своего престижа в глазах Порты и европейских протестантских государств. Возведенный на престол вопреки воле сословий, он сумел укрепить свою власть, начать реформы, позволившие увеличить княжеские доходы и не только выступать послушным вассалом Порты и добрым соседом румынских княжеств, но и осуществлять захват территорий, находившихся под властью католиков Габсбургов. Участием в Тридцатилетней войне Габриелю Бетлену удалось интегрировать Трансильванию в систему европейских союзов и при турецкой и румынской поддержке добиться ряда побед, обеспечивших княжеству важную роль в системе европейского политического равновесия того времени.

Смерть Габриеля Бетлена вызвала немалую озабоченность Порты. Османам удалось посадить на престол супругу покойного князя Екатерину Бранденбургскую, которой предстояло править с помощью Иштвана Бетлена. Сословие знати воспользовалось этой ситуацией, чтобы ликвидировать результаты реформ Габриеля Бетлена и ограничить княжескую власть. Внутреннее положение осложнялось возобновлением религиозных конфликтов. Тайно принявшая католицизм и поддержанная Иштваном Чаки Екатерина Бранденбургская вступила в открытый конфликт с протестантской партией, возглавляемой Иштваном Бетленом. Борьба за власть между группировками знати привела к удовлетворению притязаний Дьёрдя Ракоци (1630 – 1648), а Екатерина Бранденбургская была вынуждена отказаться в сентябре 1630 г. от престола.

Эпоха авторитарного правления в Валахии, Молдове и Трансильвании

Валахия: Матей Басараб. В обстановке нарастающего недовольства местного боярства усилением в княжестве левантинского элемента в августе 1632 г., при трансильванской военной помощи и поддержке пашей Силистры и Очакова, на престол Валахии вступил Матей Водэ. Уже в октябре 1632 г. ему пришлось столкнуться с войском поддерживаемого Портой претендента Илиаша, которого он разгромил в битве под Обилешти, после чего стал добиваться перед Портой своего утверждения на престол господаря. Переговоры оказались сложными, однако связи с высокопоставленными османскими сановниками, поддержка Дьёрдя Ракоци I и немалые финансовые средства сделали свое дело. Матей Водэ был представлен султану и остался на месяц в Константинополе, откуда в марте 1632 г. возвратился со всеми почестями, подобающими господарю Валахии. Ценой успеха стало увеличение ежегодной дани княжества с 45 тыс. до 130 тыс. талеров. Следуя установившейся традиции, новый господарь в сентябре 1632 г. принял имя Басараб, или Басарабэ, представив себя в качестве внука Нягое Басараба.

Слышавший среди современников хорошим хозяином и талантливым военачальником Матей Басараб начал свое долгое правление (1632—1654) с принятия ряда внешне- и внутривластных мер. Он позволил вернуться в страну изгнанным боярам и сумел умелыми действиями приблизить к себе боярство, что надолго избавило его от заговоров и оппозиционных выступлений. До конца пребывания на престоле он поддерживал местное боярство в противовес левантинцам. Подобно политическим режимам Дьёрдя Ракоци I в Трансильвании и Василя Лупу в Молдове, его власть отличалась авторитарным характером.

Большая часть дарственных актов была издана господарем в пользу церквей и монастырей, а сам он основал и восстановил почти тридцать церквей. Построенные им культовые сооружения имелись и на горе Афон, и в Трансильвании, и в Болгарии. Вызвав недовольство церковных кругов, Матей Басараб воспротивился подчинению в 1639 г. валашских монастырей афонскому православному центру, предотвратив тем самым утечку богатств из княжества. Наряду с традиционным войском страны он содержал на-

емников, увеличил число вооруженных огнестрельным оружием пехотинцев, создал корпус наемных аркебузирова. Господарь распорядился издать в 1652 г. кодекс, названный «Исправление Закона», оказал поддержку в организации работы типографии, бумажной фабрики, стекольного предприятия, железных и медных приисков в Бая-де-Арамэ и Бая-де-Фиер, выкупленных у левантинских арендаторов соляных копей и таможен. Налоговая политика Матей Басараба отличалась излишней суровостью. Проведенная им в 1634 г. реформа в этой области, называемая «талер» (по названию монеты, требуемой для выплаты налогов), имела крайне негативные последствия для крестьян, что привело к их массовому бегству.

Правление Матей Басараба было отмечено прочными связями с трансильванскими князьями Ракоци и с господарем Молдовы Василием Лупу. Примерно одинаковым для них всех оказался способ вступления на престол с помощью военной силы и финансовых средств, потраченных на получение утверждения со стороны Порты. Их готовы были защитить при необходимости наемные армии. В июле 1635 г. Матей Басараб с Дьёрдем Ракоци I заключил договор о союзе, который был продлен в 1638, 1640, 1647 и 1650 гг. (последний с Дьёрдем Ракоци II).

Отношения с Молдовой после вступления в 1634 г. на молдавский престол Василия Лупу оставались напряженными, особенно после неудачных попыток молдавского господаря в 1635–1637 гг. захватить Матей Басараба в плен. Их личные противоречия тайно подогревались и Портой. Василий Лупу был намерен добиться престола Валахии для своего сына Иоанна; в ответ Матей Басараб поддержал Иоанна Могилу, претендента на престол, жившего в Трансильвании. Вторжение Василия Лупу в Валахию в 1637 г., совершенное с согласия Порты, не дало ожидаемого результата. Поддержанный трансильванскими войсками Матей Басараб не решался вступить в бой, а Василий Лупу в конечном итоге получил приказ об отступлении в Молдову. В более выигрышном положении оказался господарь Валахии, который осенью 1637 г. добился утверждения на престоле. Конфликт вновь вспыхнул в 1639 г., когда Василий Лупу добился у султана престола Валахии для своего сына и низложения Матей Басараба. Однако поход господаря Молдовы закончился неудачей: 3 декабря 1639 г. он потерпел поражение в битве у села Ненишорь, на реке Яломица. Впоследствии оба господаря были утверждены на своих престолах. После 1648 г. отношения между ними вновь стали ухудшаться. Матей

Басараб заручился поддержкой Дьёрдя Ракоци II, в то время как Василий Лупу, опиравшийся на помощь казаков и татар, вынашивал планы захвата престолов Валахии и Трансильвании. В условиях готовившегося боярского заговора под предводительством великого логофета Георгий Штефана трансильванские и валашские войска в 1635 г. вторглись в Молдову с целью низложения Василия Лупу. Успех сопутствовал им всего месяц. При поддержке казаков гетмана Тимоша Хмельницкого Василий Лупу вернул себе престол и с одобрения великого визиря попытался устранить Матея Басараба, предоставившего убежище претенденту Георгию Штефану. Спустя день после битвы, происшедшей 26 мая 1653 г. у села Шопля, стороны вновь сразились у села Финта, используя там все имевшиеся в их распоряжении силы. Невыполнение валашским господарем перед боем у Финты обещания выплатить жалованье, а также подстрекательство претендента на валашский престол Константина Шербана вызвали волнения среди наемников. Намерения Матея Басараба применить силу и обложить наемников налогами для преодоления финансового кризиса так и не были реализованы. Страдая от раны, полученной в сражении у Финты, господарь 9 апреля 1654 г. скончался.

В течение своего пребывания на престоле Матей Басараб не раз бывал поставлен Портой в весьма трудное положение, из которого всегда находил выход. Ему не было чуждо стремление освободиться от турецкой опеки, присоединившись к возможной антиосманской коалиции. В ходе Тридцатилетней войны по предложению польского короля Владислава IV господарь Валахии был назначен «генералиссимусом всего Востока» с миссией освобождения проживавших к югу от Дуная христиан, однако переговоры о заключении союза остались безрезультатными. Смерть Матея Басараба положила конец не только его длительному правлению, но и периоду спокойствия и относительного благосостояния в стране.

Молдова: Василий Лупу. Вступление на престол Молдовы Василия Лупу (1634 – 1653) положило начало периоду сравнительного благополучия в этом княжестве. Большой почитатель культуры, новый господарь пользовался доверием Порты и поддерживал туркофильски настроенные политические силы Молдовы. Умелой политикой ему удалось добиться расположения местного боярства, которое, как и в Валахии, противилось проникновению левантинцев и укреплению власти господаря. Василий Лупу сумел

вернуть в страну и крупных бояр пропольской ориентации, а также мелких и средних бояр, которых наделил поместьями. Составленный из родственников и приближенных к нему лиц, совет господаря оказывал ему активную поддержку. Правда, к концу его правления в совете выросло и число греков.

Первоначально Василий Лупу пытался проводить сбалансированную налоговую политику, но постепенно увеличил объем податей с крестьян, а также в 1646 г. отказал им в праве переселиться в другие владения. Василий Лупу проявлял особую заботу о внешней торговле, особенно с Польшей, что благоприятствовало экономическому развитию страны. Будучи хорошим хозяйственником, господарь занялся восстановлением господарских дворов в Яссах и Сучаве, крепостей Нямц и Сучава. В области законодательства он издал в 1646 г. «Румынскую книгу наставлений» — сборник адаптированных к условиям Молдовы византийских и западных законов. Всячески поддерживая церковь, получавшую от него много даров, он основал ряд новых монастырей и церквей, например церковь Трех Иерархов и монастырь Голия в Яссах. По инициативе и при поддержке господаря в 1642 г. в Яссах состоялся собор, обсудивший и принявший «Православное исповедание» митрополита Киевского Петра Могилы. Поддерживая Константинопольскую патриархию, господарь проявил себя ее истинным покровителем. Развивал он связи и с другими православными центрами, такими, как Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский патриархаты. Он поддерживал монастыри Афона, православную церковь на Балканах и на востоке (Киев, Львов) и даже в Венеции.

На международной арене Василий Лупу проводил сбалансированную политику, правда под покровительством Порты, сторонником которой он был. Это позволило Молдове сохранить прежний объем дани Османской империи. Отношения с князем Трансильвании Дьёрдем Ракоци I первоначально были довольно прохладны, однако в 1637 г. Василий Лупу заключил с ним соглашение. В 1638—1639 гг. Василий Лупу воспользовался посредническими услугами Дьёрдя Ракоци I для достижения договоренности с Матеем Басарабом. О богатстве и престиже господаря Молдовы в глазах Порты было хорошо известно в Трансильвании. Василий Лупу, и это был беспрецедентный случай, хотел сблизиться с Дьёрдем Ракоци I с помощью брака сына трансильванского князя и своей дочери Марии. Однако брак так и не состоялся.

Несмотря на это, в 1646 – 1650 гг., в правление Дьёрдя Ракоци II, договор 1638 г. между Молдовой и Трансильванией был продлен. К валашскому господарю Матею Басарабу Василий Лупу был настроен враждебно, что не раз приводило к прямым военным столкновениям между ними. Кампании 1635, 1637, 1639 и 1653 гг. не привели к восхождению Василия Лупу или его ставленников на престол Валахии. Договор, подписанный с Матеем Басарабом в 1639 г. при посредничестве Дьёрдя Ракоци I, оказался лишь паузой в череде конфликтов. Достигнутое в 1644 г. примирение между господарями Молдовы и Валахии также было кратковременным. Война возобновилась в 1653 г., причем на этот раз Дьёрдь Ракоци II встал на сторону Матея Басараба.

Геополитическое положение Молдовы обязывало господаря поддерживать связи с поляками, казаками и татарами. По политическим соображениям Василий Лупу предпочел выдать дочь Марию замуж за литовского магната Януша Радзивилла, ставшего великим литовским гетманом. С помощью этого союза Молдову пытались вовлечь в антиосманский альянс, к которому, кроме поляков, должны были присоединиться казаки, Матей Басараб и Дьёрдь Ракоци. Польский сейм не поддержал этой инициативы, проект остался нереализованным. Восставшие после смерти польского короля Владислава IV запорожцы во главе с гетманом Богданом Хмельницким при поддержке татар выступили против Польши. Возвращаясь в 1649 г. из похода, они пересекли границу Молдовы, где встретили сопротивление Василия Лупу. В ответ в 1650 г. казацко-татарские войска опустошили Молдову. Под давлением превосходящих сил господарь Молдовы обещал руку своей дочери Руксандры сыну гетмана Тимошу Хмельницкому. Брак был заключен в 1652 г.

В 1653 г. Василий Лупу при помощи трансильванцев и валахов был лишен престола великим логофетом Георгием Штефаном. Застигнутый врасплох, он отступил в Хотин и чуть позже (май 1653 г.) с помощью казаков своего зятя вернул престол и сам вторгся в Валахию. Проиграв битву с Матеем Басарабом под Финтой, войска Василия Лупу потерпели и ряд других поражений. Победитель Георгий Штефан был возведен на господарский престол, а бывший господарь ушел сначала к казакам и татарам, а позднее прибыл в Стамбул. Ему так и не удалось добиться своего восстановления на господарском престоле, однако в 1659 г. сын Василия Штефэницэ Лупу стал господарем Молдовы.

Долгое (20 лет) правление Василия Лупу в целом оказалось периодом экономического процветания и роста значения Молдовы в ее отношениях с соседними странами. Власть Василия была авторитарной, как и власть Матая Басараба в Валахии, при этом его правление было отмечено заметным развитием культуры и духовной жизни. Нельзя, однако, не отметить исключительного властолюбия господаря, ставшего причиной целого ряда конфликтов с Валахией.

Трансильвания: князя семейства Ракоци. Дьёрдь Ракоци I начал свое правление в условиях заметного падения авторитета княжеской власти. По этой причине он активно занялся ее укреплением и устранением соперников в борьбе за престол. Результатом стало возобновление авторитарной политики, сходной с политикой его предшественника Габриеля Бетлена. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в начале правления нового князя: в июне — июле 1631 г. ему удалось добиться от собрания восстановления княжеской монополии на торговлю воском, медом и скотом и пересмотра дарственных актов, совершенных после смерти Бетлена. При Дьёрде Ракоци I княжеский совет начал вновь играть роль, подобную той, которую играл при Бетлене. В 1634 — 1644 гг. князь никого не назначал на должность канцлера, но при этом канцелярия работала весьма эффективно. Достаточно сказать, что в ее штате числилось около двадцати хорошо подготовленных писарей. Большое внимание уделялось службе передачи информации и почте, которая становилась все более быстрым и эффективным учреждением.

Укрепление княжеского авторитета отражалось и на деятельности общих собраний, созываемых князем. Если в 1630 г. сословия созывались шесть раз, то после восхождения на престол Дьёрдя Ракоци собрания стали собираться значительно реже. Дьёрдь Ракоци I правил семнадцать лет. В течение десяти из них собрание созывалось раз в год, в течение семи лет — два раза в год. Исключением из правила стал 1636 г., когда в связи со сражением под Салонтой (с турками, поддерживавшими бывшего губернатора Иштвана Бетлена) состоялись пять общих и частичных собраний сословий.

Рост княжеского авторитета определялся прежде всего экономическим могуществом самого князя. Придя к власти, он первым делом восстановил налог с имений, при этом увеличив его.

Для этого он прибегал ко всем известным средствам, в том числе насильственным. Аресты, суды, заканчивавшиеся смертными приговорами, конфискации имущества соперников стали для князя обычными способами увеличения числа имений, подлежащих налоговому обложению, а главное, средством расширения княжеских владений. Ракоци считал, что фундаментом княжеской власти должно быть финансовое могущество, поэтому боролся не столько за деньги, как его предшественник Габриель Бетлен, сколько за увеличение семейных владений, обеспечивающих укрепление его власти. Дьёрдю Ракоци I удалось увеличить число собственных имений с десяти до тридцати двух; в 1648 г. ему принадлежало почти 27 тыс. семей крепостных, что составляло более 100 тыс. душ. Это огромное богатство приносило князю доходы, позволявшие ему не зависеть от сословий.

Военные и дипломатические успехи. Участию Трансильвании в Тридцатилетней войне на стороне антигабсбургской коалиции (германские протестантские князья, Франция, Швеция и другие страны) предшествовал ряд подготовительных мероприятий: установление добрососедских отношений с румынскими княжествами, получение одобрения Порты (1643), обязательства сословий избрать Дьёрдя Ракоци II (1642) на престол страны. Военные приготовления включали восстановление и укрепление пограничных крепостей (Орадя, Инеу, Мункач, Сэкуйени, Лугож), назначение их комендантами доверенных лиц князя и вооружение армии, состоявшей преимущественно из наемников. В сражениях наряду с трансильванской армией приняли участие тысяча солдат из Валахии и около семисот — из Молдовы; к ним должны были присоединиться и турецкие войска. За первыми успехами последовали неудачи, обусловленные нарушением союзных договоров: турецкая военная помощь не соответствовала ожиданиям, союзники не дали обещанных денег, координация военных действий с союзными войсками осуществлялась с трудом. Более того, католическая знать Венгрии весьма неприязненно отнеслась к насаждению на захваченных территориях протестантизма. Сепаратный мирный договор между Дьёрдем Ракоци I и Фердинандом Габсбургом был заключен в Линце 16 сентября 1645 г. В соответствии с ним к Трансильвании на правах вечного владения отходили пять из семи комитатов, полученных Габриелем Бетленом в 1622 г. Участие Дьёрдя Ракоци I в Тридцатилетней войне привело к росту

притязаний Порты, увеличившей объем дани до 15 тыс. червонцев для Трансильвании, к которым добавились 7 тыс. червонцев от полученных во владение графств. Окончательные условия Вестфальского мирного договора (1648), в котором официально признавалось участие Трансильвании в Тридцатилетней войне, привели к дальнейшему росту престижа страны.

Политика создания конфедерации трех государств. Дьёрдь Ракоци I пытался восстановить традиционные отношения дружбы и взаимопонимания с соседними румынскими государствами. Более того, весной 1631 г. князь обнародовал фирман, в котором обязался поддерживать дружеские отношения с обоими румынскими господарями и оказывать им при необходимости помощь, в том числе и лично. Дружеские отношения с Матеем Басарабом основывались на том, что последний оказал Дьёрдю поддержку в борьбе за престол. Подобные обязательства носили взаимный характер.

Первый договор о сотрудничестве между Матеем Басарабом и Дьёрдем Ракоци I был подписан в июле 1631 г. Осенью 1636 г., перед битвой под Салонтой, когда Ракоци узнал о своем низложении и ожидал нападения со стороны турок, посол Матея добился у трансильванских сословий документа (*assecuratoria*), в соответствии с которым те обязывались оказывать господарю и боярам «всякую поддержку и помощь», «в любой ситуации» и «в любом случае». При этом боярам предоставлялось убежище в Трансильвании, а Валахию следовало включить в будущий мирный договор с турками. Отношения добрососедства между Дьёрдем Ракоци I и Матеем Басарабом развивались в духе союзнических соглашений. Подписанный в 1635 г. договор был подтвержден в 1638, 1640 и 1647 гг. Правда, семья Ракоци пыталась обходить положения договора о помощи против турок и выступать в роли покровителя господаря, пользуясь его трудностями. Дьёрдь Ракоци сделал этот подход явным при заключении договора о сотрудничестве с господарем Молдовы в сентябре 1638 г. В этом договоре князь и Василий Лупу присягали друг другу на верность и брали на себя обязательства хранить верность Османской Порте и оказывать взаимную поддержку, в случае если одна из сторон подвергнется нападению. Матею Басарабу не столько предписывалось отказаться от выступления против господаря Молдовы, сколько запрещалось участвовать в любых военных кампаниях без согласия на то Ракоци.

За присоединением Валахии и Молдовы в 1647 г. к антиосманской коалиции последовало вовлечение в этот альянс Трансильвании. Вследствие изменения ее внешней политики Матей Басараб обновил договор о сотрудничестве с Дьёрдем Ракоци I (1647). Теперь уже в нем говорилось об обязательствах взаимной помощи против турок. Антиосманский «крестовый поход» не состоялся из-за смерти польского короля, враждебного отношения польских правящих кругов и украинского восстания против Польши под руководством Богдана Хмельницкого. В сложившейся ситуации Дьёрдь Ракоци I обратился к традициям семейства Батори, решив обеспечить путь своей семье к польской короне, — добился с помощью казаков польского престола для своего сына Жигмонда. Он также пытался устроить брак Жигмонда Ракоци и Руксандры, дочери Василия Лупу. Неожиданная смерть трансильванского князя и решение вопроса о наследовании польского престола коронацией брата покойного короля привели к провалу этого предприятия. Более того, вторжение казаков в Молдову и брак Руксандры и Тимоша Хмельницкого превратили Василия Лупу в опасного соседа для Дьёрдя Ракоци II.

Новый князь возобновил прежние договоры о союзе между Трансильванией и Валахией (1651), а Матей Басараб согласился на выплату 5 тыс. флоринов и присылку двух турецких коней в обмен на военную помощь против турок. Но главным общим интересом двух государей была борьба против Василия Лупу, настойчиво добивавшегося у Порты престола Трансильвании для брата и трона Валахии для сына. Дело дошло до вторжения трансильванцев и валахов в Молдову, в результате которого Василий Лупу был изгнан, а на престол возведен Георгий Штефан (1653). Возвращение Василия Лупу с помощью казаков и победы, одержанные им в борьбе против Георгия Штефана и его сторонников, стали причиной молдавско-казацкого выступления против Валахии и кровавой битвы под Финтой (1653), победителем в которой стал Матей Басараб, поддержанный отрядом из Трансильвании. С помощью трансильванцев и валахов Георгий Штефан в июле 1653 г. был вновь возведен на престол и в том же году добился утверждения Портой. Это означало укрепление союза трех государств, союза, пережившего Матея Басараба, ибо новый государь продолжил внешнюю политику своего предшественника. Авторитет Дьёрдя Ракоци II в глазах новых государей вырос, ибо они были обязаны ему за помощь, оказанную при их возведении на пре-

стол. Однако участие Георгия Штефана и Константина Шербана в военных действиях, развязанных князем Трансильвании вопреки воле и согласию турок, привело к их низложению.

Противоречия между князьями. После смерти Дьёрдя Ракоци I на престол в 1648 г. вступил его сын Дьёрдь Ракоци II, признанный сословиями преемником умершего князя. Он добился официального утверждения Портой в обмен на увеличение дани и выплату долгов за два комитата, оставшихся под его властью. Попытка князя править страной авторитарно, по примеру своего отца, сначала натолкнулась на сопротивление сословий, пытавшихся восстановить свои утраченные позиции. С целью систематизации законов и решений, принятых сословиями, было отдано распоряжение собрать их в один кодекс, под названием *Arrgobatae constitutiones** (1653). По отношению к Молдове и Валахии Дьёрдь Ракоци II продолжал политику добрососедства, однако не проявил политической мудрости своего отца. Возникший в 1656 г. вопрос о наследовании польского престола привел к вторжению князя в Польшу с войском в 40 тыс. своих воинов, при поддержке 2 тыс. молдаван, 2 тыс. валахов и 2 тыс. казаков. После первых успехов (захват Кракова и Варшавы в марте – мае 1657 г.) Порта, согласия которой князь предварительно не запросил, распорядилась о его скорейшем возвращении в страну. На помощь полякам пришли татары, а шведы — союзники Дьёрдя Ракоци II под натиском датчан были вынуждены возвратиться домой. В битве против татар и поляков под Черным Островом, 22 июля 1657 г., войско князя потерпело сокрушительное поражение. Многие воины оказались в плену. Подписанный в июле 1657 г. мирный договор с поляками стал капитуляцией Дьёрдя Ракоци II, принявшего на себя обязательство выплатить значительные репарации. За этим последовало официальное низложение Портой как трансильванского князя, так и румынских господарей, сотрудничавших с ним, — Константина Шербана и Георгия Штефана. Вторжение в Польшу открыло путь вмешательству турок в дела Трансильвании, нанеся удар не только по ее статусу в системе отношений с Портой, но и по стабильности господарской власти Молдовы и Валахии. Под давлением Порты и с согласия части знати князем был избран Франциск (Ференц) Редעי.

* Принятие постановления (лат.).

Вновь заняв, вопреки Порте, престол в январе 1658 г., Дьёрдь Ракоци II попытался восстановить связи с румынскими господами — союзниками, также находившимися в трудном положении. Вмешательство оказалось неудачным: Константин Шербан, господарь Валахии, и Георгий Штефан, господарь Молдовы, были вынуждены в конечном итоге искать убежища в Трансильвании. Под османским давлением, под угрозой превращения страны в турецкую провинцию во главе с пашой, на общем собрании сословий 23 августа 1658 г. князем «был избран» бывший бан Лугожа и Карансебеша, представитель знати кальвинистского вероисповедания и румынского происхождения Акош Барчай. Пользуясь этим, Порта увеличила дань Трансильвании до 40 тыс. червонцев, обязав ее к тому же выплатить 500 тыс. червонцев в счет военных репараций, и захватила крепости Инеу, Лугож, Карансебеш, а позже Орадя (1660), а также ликвидировала оборонительную систему из приграничных крепостей. С другой стороны, сословия укрепили свою власть в ущерб позициям нового князя. Лишившись содействия части сословий, продолжавших поддерживать Дьёрдя Ракоци II, тот заключил договор о союзе и военном сотрудничестве с господарем Молдовы Георгием Гикой. С той же целью он вел переговоры с валашским господарем Раду Михней III, однако они не привели к ожидаемому результату. В ходе переговоров с Веной Акош Барчай пытался добиться ее отказа от помощи Дьёрдю Ракоци II, который, однако, в августе 1659 г. силой вернул себе княжеский престол и вступил в антиосманский союз с господарем Валахии Раду Михней III. Его попытка возвести на престол Молдовы Константина Шербана преследовала цель создать общий антиосманский фронт. Хрупкий союз был разрушен вмешательством турок, вернувших на престол Акоша Барчай. В битве под Клужем в мае 1660 г., в которой вместе с турками принимали участие татары и войска новых господарей Молдовы и Валахии, Дьёрдь Ракоци II потерпел поражение. Получив тяжелое ранение, он в июне 1660 г. скончался в Орадя.

Бывшие сторонники покойного князя объединились вокруг Яноша Кемени, только что освобожденного из татарского плена, в который он попал в ходе кампании в Польше. Порта не признала Яноша Кемени князем, и ему пришлось обратиться за поддержкой в Вену в обмен на значительные территориальные уступки. Он также безуспешно пытался восстановить союз с господами Молдовы и Валахии. Акош Барчай тем временем совер-

шил роковую ошибку, доверившись новому избраннику сословий с надеждой на мирное решение, — по приказу Яноша Кемени он был убит. Призванные им на помощь габсбургские войска сумели захватить основные крепости страны. Вмешательство турок и гибель Яноша Кемени в битве под Селеушу-Маре (около Сигишоары) 23 января 1662 г. стали решающими факторами. Собравшиеся по приказу Порты сословия 14 сентября 1661 г. избрали князем Михаила Апафи (1661 — 1690). Так завершился крайне трудный для Трансильвании период (1657 — 1661). На карте появилось небольшое княжество, с сильно урезанной в пользу османов территорией.

Антиосманские коалиции и конфедерации. Власть над Молдовой Георгия Штефана (1653 — 1658) была признана Портой во многом благодаря дипломатической поддержке Дьёрдя Ракоци II. Новый правитель реорганизовал господарский совет, заменив родственников Василия Лупу своими близкими. Поскольку главное внимание он уделял войску, населению приходилось страдать от грабежей и жестких мер, применявшихся при сборе налогов на содержание наемных солдат (молдавских и валахских пехотинцев, немецких конников и др.). В марте 1654 г. среди наемников то и дело вспыхивали распри, нередко прямо при дворе господаря.

Занимавшаяся прежде Георгием Штефаном должность великого логофета (главы господарской канцелярии) Василия Лупу дала ему возможность хорошо изучить дипломатическое закулисье. Новый господарь Молдовы сохранял хорошие отношения с валахскими господарями. С Польшей отношения были нестабильными и определялись сиюминутными интересами. Послы господаря начали переговоры с русским царем, с которым в 1656 г. подписали договор, состоящий из 10 статей. Он был утвержден патриархами Антиохийским и Иерусалимским. В благодарность за полученную от Дьёрдя Ракоци II помощь Георгий Штефан, нарушив приказ Порты, направил более 2 тыс. воинов для участия в польской кампании трансильванского князя (1657). Поражение Ракоци в этой войне имело плохие последствия и для Георгия Штефана. Низложенный в 1658 г., он бежал в Трансильванию. Попытка вернуть себе престол в июне того же года оказалась безуспешной. После того как на молдавский престол взошел Георгий Гика, для Георгия Штефана начались долгие годы изгнания: сначала он находился в Трансильвании, где в октябре 1659 г.

согласился уступить престол Молдовы Константину Шербану, потом в Верхней Венгрии, Вене и России, где был принят самим царем (1663). Впоследствии он перебрался в Стокгольм, потом в Штеттин; там он скончался, так и не успев возвратиться в Россию, где получил право на жительство. Правление Георгия Штефана положило конец долгой эпохе спокойствия, невмешательства Порты и высокого престижа Молдовы на международной арене. Занявшие его место представители семейства Гика, положили начало периоду, когда продолжительность правления не превышала трех лет. Характерной его чертой стало постоянное образование боярских группировок, в которых особую роль играли боярские семьи Русет и Купэреску.

В Валахии 19 апреля 1654 г. совет страны избрал господарем Константина Шербана, внебрачного сына бывшего господара Раду Шербана. Его избрание было утверждено Портой 11 июня 1654 г. Сначала новый господарь пользовался расположением войска, но, когда в феврале 1655 г. по призыву бояр он попытался принять меры по его сокращению, вспыхнул мятеж. Пешие и конные солдаты, к которым присоединились крестьяне и горожане, в первую очередь выступили против боярства. По призыву Константина Шербана в Валахию вступили Дьёрдь Ракоци II с почти с двенадцатитысячным войском и господарь Молдовы Георгий Штефан. Битва против двадцати тысяч восставших, возглавленных казначеем Хризей, избранным ими своим вождем, произошла 26 июня 1654 г., у села Шопля, на реке Теляжене. Хотя восставшие потерпели поражение, они продолжали сопротивляться вплоть до 1657 г., когда Хризя, бежавший из тюрьмы в Трансильвании, был убит. Следуя примеру Матея Басараба, Константин Шербан 11 июля 1655 г. заключил с князем Дьёрдем Ракоци II договор о союзе, в котором признал сюзеренитет трансильванского князя. Низложенный в январе 1658 г. Портой господарь Валахии нашел убежище в Трансильвании. В октябре 1659 г. Константин Шербан попытался занять престол Молдовы, однако потерпел неудачу. Вернувшись в Трансильванию, он в апреле – мае 1660 г. попытался, но также безуспешно, занять престол Валахии. В конце января следующего года провалилась еще одна его попытка взойти на молдавский престол. После этого Константин Шербан бежал в Польшу.

Надеясь получить преданного господара, Порта 29 января 1658 г. назначила правителем Валахии Михню III (1658 – 1659), объявившего себя сыном господара Раду Михни. Плохо оценив

обстановку, новый господарь сразу же попытался освободить Валахию от турецкого владычества. Он пересмотрел роль конницы и наемных пехотинцев и приложил усилия, чтобы снабдить армию оружием. Стремясь к миру, боярство не поддержало его, отрицательно отнесясь к проектам сотрудничества с Дьёрдем Ракоци II. Двенадцатого октября 1659 г. Михня III выступил против турецких наместников Джурджу, Брэилы и Турну, а также вторгся за Дунай. Четвертого октября 1659 г. он подписал в замке Бран договор о союзе с Дьёрдем Ракоци II. Однако, одержав 23 ноября 1659 г. победу при Фрэцешти, Михня в декабре того же года потерпел поражение в бою с турецко-татарскими войсками и был вынужден отступить в Трансильванию. Изгнанный с земель секеев, он уехал в Сату-Маре, где 5 апреля 1660 г. скончался. Вероятно, он был отравлен.

Так завершился период усилий по объединению трех государств для совместной борьбы против Османской империи. Провал этих попыток, предпринимавшихся под покровительством трансильванского князя, была обусловлена прежде всего отсутствием необходимой военной мощи и поддержки со стороны какой-либо великой державы.

Валахия, Молдова и Трансильвания во второй половине XVII — начале XVIII в.

Боярское соперничество в Валахии. Начавшийся в конце правления Матея Басараба кризис господарской власти продолжался до 1678 г. В это время местное и ассимилированное боярство сгруппировалось в две политические фракции — вокруг семьи Кантакузино и семьи Бэяну. Последнюю называли «греческой», хотя в действительности греки входили в обе группировки. Различия между фракциями определялись не национальной принадлежностью, а материальными интересами и борьбой за сановные должности и влияние. В декабре 1659 г. на престол Валахии взошел бывший купец, бывший великий ворник южной части Молдовы и бывший капукехая (представитель господаря при Порте) Георгий Штефан Гика (1658 — 1659). Приехав из Молдовы, он не сумел справиться с ситуацией и при помощи постельника Константина Кантакузино передал престол своему сыну Григорию Гике (1660 — 1664). Тот пытался заключить договор о сотрудничестве с князем

Трансильвании Михаем Апафи и по приказу Порты принял участие в походе против его соперника Яноша Кеменя. Тайно поддерживая отношения с императором, он в ноябре 1664 г. бежал из Бухареста, стремясь избежать возмездия турок. Пробравшись через Молдову и северную часть Трансильвании, он оказался в Вене, где оставался семь лет.

Новым «избранником» Порты на престоле Валахии стал Раду Леон (1664 – 1669). Не принадлежа ни к одной из боярских группировок, он, однако, поддерживал греков, чем вызвал недовольство местных бояр, которым в марте 1669 г. удалось добиться его низложения. Антоний Водэ из Попешти (1669 – 1672), его наследник, не обладал реальной властью и зависел от семейства Кантакузино. Спустя три года Порта «отдала» престол Григорию Гике (1672 – 1673), вернувшемуся в Стамбул после долгих лет странствий по Европе. Он попытался оттеснить семейство Кантакузино. В 1673 г. Григорий принял участие в Хотинской войне с поляками; заключив соглашение с Яном Собеским, он способствовал поражению турок. Семейство Кантакузино и османы решили, что именно он виноват в неудаче, и отдали престол Георгию Дуке (1673 – 1678), бывшему господарю Молдовы.

Победа семейства Кантакузино. Правление Шербана Кантакузино. Несмотря на первоначальную поддержку со стороны семьи Кантакузино, новый господарь попытался помочь пришедшей в упадок семье Леурдяну. Это привело к переселению в Валахию из Молдовы бояр семейства Русет (Купэреску). Жалобы подвергнутых гонениям членов семьи Кантакузино привели к низложению с валашского престола Георгия Дуки, который после этого вновь был назначен господарем Молдовы в благодарность за услуги, оказанные им в войнах против Польши. Престол Валахии достался Шербану Кантакузино (1678 – 1688); его восхождение на престол Валахии означало победу не только группировки Кантакузино, но и всего крупного боярства страны, а также начало авторитарного правления. Образованный человек, прирожденный дипломат, богатый владелец многочисленных имений, Шербан Кантакузино, возможно под давлением Порты, стремился мирными средствами разрешить конфликт с партией семьи Бэяну, сохранив за ее членами занимаемые ими должности. Результаты не соответствовали ожиданиям, и господарь изменил политику, пойдя на самые суровые меры. Однако в 1688 г., чтобы

навсегда помириться с непокорным семейством, он выдал свою дочь Смранду замуж за сына великого логофета Ивашко Бэяну. Группировка Кантакузино, в свою очередь, отошла от господаря.

В области внутренней политики правление Шербана Кантакузино характеризуется невыносимым налоговым бременем, обусловленным требованиями Порты и безмерной роскошью господарского двора. Поддерживая развитие торговли, важного источника доходов, Шербан Кантакузино одновременно занимался строительством дорог и мостов. При нем крестьяне начали выращивать кукурузу. Он восстановил старый господарский двор в Бухаресте, ряд собственных дворцов и построек (например, дворец в Куру-Чесме, на берегу Босфора в Константинополе), воздвиг монастырь Котрочени. Шербан Кантакузино поддерживал развитие культуры и образования, заложил здание будущей господарской Академии св. Саввы, способствовал изданию религиозных книг, прежде всего Библии на румынском языке (1688). Не забыл он и православную церковь Трансильвании, ходатайствуя перед князем Михаем Апафи за бесосновательно заключенного в тюрьму православного митрополита Савву Бранковича. Немалое внимание он уделял армии, стремясь обзавестись надежным наемным войском, — особенно после 1683 г., когда вновь заговорили о создании антиосманского союза христианских государств.

Международные контакты, особенно с Молдовой и Трансильванией, осуществлялись под надзором Порты. Отношения с Георгием Дукой, господарем Молдовы, долгое время оставались напряженными. Контакты с князем Апафи, напротив, поначалу были дружественными, так как Шербан Кантакузино в свое время с молчаливого согласия князя странствовал по Трансильвании. Однако ряд событий привели валашского господаря и трансильванского князя к взаимным обвинениям перед Портой. С одной стороны, попытки обращения православных в кальвинизм и заключение в тюрьму Саввы Бранковича вызвали протест валашского господаря; с другой стороны, Шербан Кантакузино оказал финансовую поддержку группировке Чаки и Кристофора Паско, представителей трансильванской знати, нашедших убежище в Стамбуле, что вызвало гнев князя.

В 1683 г. Шербан Кантакузино, Михай Апафи и Георгий Дука, участвуя в осаде Вены османами, тайно помогали осажденным. Начиная с этого момента внешняя политика Шербана Кантакузино определялась влиянием Священной лиги (Австрия, Польша,

Венеция и Россия). Главным лицом в ней сначала был Ян Собеский, король Польши и спаситель Вены, поэтому господарь Валахии вел с ним (через Трансильванию) оживленную тайную переписку (часть писем была перехвачена трансильванским князем). После того как на международной арене место Польши заняла Австрия, которая одержала ряд побед в Венгрии, Шербан Кантакузино стал ориентироваться на Габсбургов. Под возрастающим давлением Австрии и по собственным политическим соображениям господарь Валахии и князь Михай Апафи заключили в июне 1685 г. договор о добрососедстве, в котором отсутствовал даже намек на покровительство султана или христианского императора, а также на военное сотрудничество. Когда Валахия стала соседкой Габсбургской империи, незаметно прибравшей к рукам Трансильванию, Шербан Кантакузино пытался, поддерживая тайные сношения с русским царем и используя политику проволочек, спасти Валахию, которой угрожала австрийская военная оккупация. В то же время он (хотя это не доказано), вероятно, пытался поднять восстание на балканских территориях, находившихся под турецкой властью. Весной 1688 г. господарь провел переговоры с императором Леопольдом I, стремясь добиться своего признания в качестве союзника, а не подчиненного и получить определенные гарантии будущего статуса Валахии и своей семьи. Ему действительно удалось добиться гарантий независимости страны, права наследования господарской власти членами семьи Кантакузино, религиозной свободы и военной помощи в обмен на выплату суммы в 75 тыс. талеров.

Когда в июне 1688 г. императорские войска под командованием генерала Ветерани все же вошли в Валахию и заняли Оршову, Шербан Кантакузино принял решение отправить посольство к императору. Это было тем более необходимо, так как в сентябре 1688 г. турки потеряли Белград. Неожиданная смерть господаря привела к отзыву посольства, уже находившегося на пути к Вене. Переговоры не состоялись. Подчинение Валахии Леопольду I и ее превращение в театр военных действий были отложены на неопределенный срок.

Константин Брынковяну: взлет и падение. На освободившийся престол семейство Кантакузино собиралось возвести Константина Брынковяну (1688—1714) — чтобы не допустить наследования трона несовершеннолетним сыном покойного господаря,

Георгия Кантакузино. В тот момент такой выбор казался лучшим, если учитывать богатство и происхождение Константина, а также его образованность и дипломатический опыт, приобретенный им при господарском дворе своего дяди Шербана Кантакузино. Новый избранник добился признания Портой и в первые годы правления пользовался поддержкой бояр и группировки Кантакузино. Стольник Константин Кантакузино стал его советником по внешним делам и главой господарской канцелярии. Командование армии оказалось в руках других членов семьи Кантакузино, которые входили также и в совет господаря, где, кроме них, заседали близкие родственники Константина Брынковяну и его жены, боярыни Марики, внучки господаря Антония Водэ из Попешти.

Долгое правление дало Константину возможность проводить достаточно активную внутреннюю и внешнюю политику. Константин Брынковяну организовал современную канцелярию с дьяками и писарями, знавшими турецкий, латинский, венгерский, польский и другие языки, и с опытными «дипломатами», среди которых были Теодор Ладислау Диндар, Петру Грейнер (для сношений с Трансильванией и Веноей), братья Давид и Теодор Корбя (для связей с Трансильванией и Россией), Андрей Вольф (занимался польскими делами). Константин поддерживал развитие высшего образования, обновив в 1694 г. господарскую академию в Бухаресте, для службы в которой он пригласил иностранных преподавателей. Он построил дворцы в Потлоджи, Могошоае, восстановил господарскую резиденцию в Бухаресте и Тырговиште. Им было сделано множество подарков церквям Валахии, Греции, Сербии, Герцеговины, Албании, Трансильвании, Иерусалима, Александрийской и Антиохийской патриархиям, церквям на горе Синай и др.

Огромные расходы, которых требовали многочисленные и роскошные дворцы, а также все бóльшие аппетиты Порты, обусловили жесткую налоговую политику. К тридцати семи существовавшим податям в 1689 г. добавился налог на крупный рогатый скот, которым облагались все, в том числе бояре и монастыри, что породило массовое недовольство. Константин Брынковяну пытался реформировать налоговую систему, введя «единый налог», т. е. выплату фиксированной суммы ежеквартально, что, однако, было трудно выполнимо ввиду постоянного роста размера податей. Были приложены усилия к лучшему учету расходов и доходов государства посредством составления реестров. Есть свидетель-

ства о начале отделения расходов господаря от общих расходов страны.

Отношения с семьей Кантакузино зашли в тупик в 1703 г., когда Брынковяну, согласившись платить дань вдвое больше прежней, получил право пожизненного правления и предпринял попытки превратить свою власть в наследную. Противоречия между господарем и Кантакузино выявились в вопросах внешней политики, поскольку Брынковяну избегал открыто поддерживать куруцев* Франциска (Ференца) Ракоци II, развивать связи с русским царем. Константин Брынковяну пытался, причем не без успеха, добиться признания в Молдове. Не симпатизируя Константину Кантемиру, он координировал свою политику с Константином Дукой, ставшим его зятем. Однако Антиох и Димитрий Кантемиры Константина Брынковяну не устраивали.

В отношениях с Трансильванией господарь Валахии особое внимание уделял поддержке православной церкви, подвергавшейся настоящей травле со стороны католической империи. Он предоставил материальную помощь, необходимую для строительства таких культовых сооружений, как православная церковь в Фэгэраше (1698), монастыри в Сымбэта-де-Сус (1700) и Окна-Сибиулуй, остро реагировал на попытки обособить трансильванских православных от Угровлашской митрополии и Константинопольской патриархии. При посредничестве Т.-Л. Диндара, своего резидента в Сибиу, Брынковяну ходатайствовал о признании своего права владения определенными территориями Трансильвании в случае возникновения у него и его семьи необходимости в убежище. С началом движения куруцев Ференца (Франциска) Ракоци II валашский господарь косвенным образом поддерживал их, предоставляя убежище. В отношениях с Австрией Константин Брынковяну проявил себя незаурядным политиком. Он отказался от подписания договора, согласованного с Шербаном Кантакузино, а в 1689 г., когда австрийские войска под командованием генерала Доната Гейсслера захватили Бухарест, попросил помощи у татар и турок, заставив императорские войска в спешке отступить. Вместе с турецко-татарскими и молдавскими войсками Брынковяну участвовал в битве под Зэрнешти (август 1690 г.), в которой генерал Гейсслер был взят в плен. Этот успех на неко-

---

* Куруцами в конце XVII — начале XVIII в. назывались участники антигабсбургской борьбы в Венгрии.

торое время повысил престиж господаря. Пусть и формально, но отношения с Веной улучшились. Господарь оказал ряд услуг Габсбургскому дому. Габсбурги также шли ему навстречу. При этом Брынковяну остался подданным Порты и поддерживал трансильванских повстанцев.

Мирный договор, подписанный в Карловицах (1699), утвердил новую расстановку сил в Европе и установил границы между Османской и Габсбургской империями. Валашский господарь по условиям мира получил статус, аналогичный тому, что ранее имели князья Трансильвании. Обе великие державы нуждались в господаре, которому могли доверять, а Константин Брынковяну умел принаравливаться к новым правилам политической игры и прибегать, когда нужно, к помощи других держав, в частности России. Он проявлял интерес и к антиосманской коалиции, хотя и не делал этого открыто. Начало русско-турецкой войны в 1710 г., а также поражение русско-молдавских войск в битве при Стэнилешти на Пруте в 1711 г. поставили Брынковяну в трудное положение. Конфискация имущества боярина Тома Кантакузино и его сторонников, бежавших в Россию, обострила конфликт с семейством Кантакузино, а победа Османской империи в 1711 г. привела к изменению отношения Порты к господарю. Имея на руках обвинения в адрес господаря со стороны Кантакузино, османы все неприязненнее относились к дипломатической игре, которую вел Брынковяну. Низложенный 14 марта 1714 г. господарь был отправлен с семьей в Стамбул, а его огромные имения конфискованы. Четырнадцатого августа 1714 г. он и его четыре сына были обезглавлены в присутствии султана в Семибашенном замке. Это событие поразило современников.

Теперь семья Кантакузино выдвинула на престол Валахии Штефана (1714—1716), сына стольника Константина Кантакузино. Его господарство было кратковременным и невыразительным, — по сути, власть принадлежала семье Кантакузино, склонной к продолжению начатых ранее дипломатических игр. Но ситуация изменилась. Стамбульский сюзерен, уверенный в своем могуществе и стремившийся к реваншу, больше не желал терпеть нестабильности в Молдове и Валахии. В январе 1716 г. Штефан Кантакузино был низложен и доставлен в Стамбул вместе с семьей и своим отцом, стольником Кантакузино, где в июне 1716 г. был казнен. На его место был назначен Николай Маврокордат, что положило конец власти местных правителей в княжествах.

В истории Валахии и Молдовы начался новый период, господарей-фанариотов (греков, выходцев из константинопольского квартала Фанар), который был подготовлен всем предшествующим политическим развитием, когда в румынских княжествах селились многочисленные представители средиземноморского мира, а Порта назначала чужеземцев на престол, сокращая сроки их правления до двух или трех лет.

Молдова: борьба боярских фракций. Верный Порте, Георгий Гика был в 1659 г. доставлен в Валахию. По распоряжению Порты он отправил свои войска в Трансильванию для борьбы вместе с турками и татарами против Дьёрдя Ракоци II. Правление Георгия в Валахии было недолгим, сам он — политически незрелым, а сложившаяся ситуация — крайне неблагоприятной. Голод 1660 г., налеты саранчи, грабительские походы татар и турок, а также ненависть крупных бояр не способствовали его популярности. Он умер от тифа в 1661 г., когда отправился на помощь силистринскому паше. Боярство, особенно из группировки семьи Купэреску, объединилось вокруг великого ворника северной части Молдовы, старого Евстратия Дабижи, добившись его признания Портой. Его господарство (1661 — 1665) было спокойным. Евстратий поддерживал хорошие отношения с соседями и попытался заключить союз с князем Трансильвании. По приказу Порты он вместе с Григорием Гикой и Михаем Алафи принял участие в кампаниях 1663 и 1664 гг. в Верхней Венгрии. Он попробовал — единственный случай в политической истории господарей Молдовы XVII в. — заняться денежной чеканкой, выпуская фальшивые польские, литовские, прусские монеты, ходившие по всей стране. Его наследники на престоле — Георгий Дука и Александр Илияш продолжили эту практику.

Старого Дабижи на престоле Молдовы на несколько месяцев сменил Георгий Дука, бывший великий казначей, за которым последовал Александр Илияш (1666 — 1668). Новый господарь, румын по происхождению, но воспитанный в Стамбуле, нуждался в переводчике, чтобы понимать своих подданных. Он оказался в долгу у многочисленных кредиторов, в подавляющем большинстве греков, с помощью которых он фактически купил престол. Александр Илияш уделял особое внимание деятельности канцелярии, в которой работали секретари, владевшие латинским, польским (Станислав Кенарский) и венгерским (дьяк Матей)

языками. Поддерживая православие, он принял в Яссах православного митрополита Трансильвании Савву Бранковича, собиравшегося с согласия Михая Апафи посетить Россию (1688). Тем временем, заключив с Габсбургами мир в Вашваре (1664) и захватив Кандии (1669), Порта смогла сосредоточить внимание на Польше. Молдова, являвшаяся ее соседкой, позволила османским войскам, направлявшимся на север страны, воспользоваться своей территорией.

Вскоре на молдавском престоле вновь оказался Георгий Дука (1668 — 1672). На этот раз он окружил себя многочисленными кредиторами, чем вызвал недовольство местных бояр. При нем были достигнуты некоторые успехи во внешней политике. Так, для урегулирования отношений с Трансильванией были назначены комиссии по расследованию взаимных претензий начиная с 1657 г. В результате часть спорных вопросов была решена. Дука сохранил в господарской канцелярии дьяков со знанием венгерского, латинского и турецкого языков, которые участвовали в переговорах и посольствах, отправляемых господарем в соседние страны. Тем не менее недовольство в стране нарастало и в декабре 1671 г. приняло форму восстания во главе с двумя боярами — Хынку Михальчей и Апостолом Дурой. Они заставили Георгия Дуку отказаться от престола. На его место собранием страны был избран Хынку. Однако при военной поддержке Турции Георгий Дука в феврале 1672 г. вновь вернулся на престол Молдовы. Предводители восстания Хынку и Дура скрылись в Польше, но этим сопротивление не закончилось. Поход султана Мехмеда IV летом 1672 г. положил конец правлению Георгия Дуки в Молдове. На его место Портой по требованию бояр был назначен Штефан Петричейку (1672 — 1674).

Правление Штефана прошло под знаком турецко-польских войн. Некоторое время ходили слухи о возможном назначении в Молдову османского паши. После заключения Бучачского мира (октябрь 1672 г.), по которому Польша, признав потерю крепости Каменец* и Подолии, согласилась выплачивать дань в пользу турок, эта угроза отпала. Тем не менее опасения превращения Молдовы в турецкую провинцию не были лишены оснований, так как в Каменец был назначен паша, а территория княжества практически превратилась в коридор, по которому перемещались

* В настоящее время г. Каменец-Подольский Хмельницкой области.

турецкие войска и провиант. Однако польский сейм не ратифицировал договор. Когда польско-турецкая война возобновилась, Порта тайно поручила Штефану Петричейку вести переговоры с Яном Собеским. Штефан Петричейку и валашский господарь Григорий Гика воспользовались этим, чтобы предложить свои услуги в случае возможного создания антиосманского союза, в который они пытались (но безуспешно) вовлечь и князя Михая Апафи. Однако за победой поляков при Хотине последовали возобновление борьбы за польский престол и утрата Польшей интереса к антиосманскому союзу. Господарь Молдовы, имевший неосторожность открыто перейти на сторону поляков, был вынужден покинуть престол и отправиться в изгнание в Польшу и Россию, надеясь, впрочем, на будущее возвращение.

На его место турки назначили грека Думитрашку Кантакузино (1673 – 1675), бывшего капукехая (представителя) Молдовы при Порте. Это правление также прошло под знаком польско-турецкой войны. Сам господарь, правда, не участвовал в военных действиях, но при его посредничестве Порта предприняла попытку возобновить переговоры с Яном Собеским. Эту миссию поручили Миرونу Костину, которому помогали трансильванцы, однако они так и не добились ожидавшихся Портой результатов. По Молдове прокатились эпидемия чумы и грабежи татар, оставшихся здесь на зимовку. Низложенного вскоре Думитрашку Кантакузино заменил другой грек, Антоний Русет (1675 – 1678), правление которого также прошло под знаком польско-турецких и русско-турецких конфликтов. По мирному договору в Зоравне (1676), заключенному между поляками и турками благодаря усилиям Мирона Костина, признавалось османское владычество над Подольем и Правобережной Украиной, что положило конец четырехлетней войне. По требованию султана господарь Молдовы участвовал в походах против русского царя и казаков.

Низложенного без веских оснований Антония Русета на престоле Молдовы сменил Георгий Дука (1678 – 1683), который в 1681 – 1683 гг. был также гетманом украинских казаков*. Его отношения с господарем Валахии были напряженными, а связи с трансильванским князем полностью зависели от Порты. Власть, которой добился Георгий Дука, вызвала зависть соседей. По при-

---

* Георгий Дука получил от турецкого султана Правобережную Украину, где на некоторое время установилась власть Османской империи.

казу Порты господарь Молдовы в 1680 — 1681 гг. безуспешно пытался сблизиться с Яном Собеским. По распоряжению той же Порты молдавские войска участвовали в военных действиях против Габсбургов в Венгрии, а позднее вместе с Шербаном Кантакузину и Михаем Апафи — в осаде Вены (1683). Это имело для молдавского господаря печальные последствия, так как Ян Собеский, одержавший победу над турками, был ближайшим его соседом. Пока молдавское войско возвращалось через Трансильванию домой, престол Молдовы с помощью поляков занял Штефан Петричейку. Не ожидавший такого исхода, Георгий Дука был вывезен в Польшу, где и скончался.

Однако и Штефан Петричейку был вынужден в скором времени уступить престол бывшему господарю Думитрашку Кантакузину (1684 — 1685). Окруженный греческими кредиторами и ненавидевшим его народом, он скончался в Константинополе.

Правление Кантемиров. Избранный боярами, господарь Константин Кантемир (1685 — 1693) добился признания у Порты, став основателем династии Кантемиров. Его довольно долгое господство прошло в обстановке борьбы между двумя боярскими партиями, сплотившимися вокруг семей Русетов (Купэреску) и Костинов под влиянием конфликта между турками и государствами Священной лиги, прежде всего Польшей и Габсбургской империей. Господарь Константин Кантемир добился своего признания военным путем — этот опыт он приобрел в Польше. Находясь между двумя боярскими группировками с разными внешнеполитическими предпочтениями, господарь сумел верно оценить ситуацию. Он поддержал клан Костинов, вернув из Польши Мирона Костина и других членов семьи, но не поддался на уговоры присоединиться к антиосманской борьбе — прежде всего потому, что его сын Антиох был заложником в Константинополе. После походов Яна Собеского в Молдову по приказу господаря были убиты заподозренные в предательстве Мирон Костин и его брат Величко.

Отношения с Трансильванией ограничивались решением пограничных вопросов. Под давлением Габсбургов, стремившихся расширить свое господство на земли к востоку от Карпат, Константин Кантемир заключил с ними тайный договор в Сибиу (1690). В соответствии с его положениями о мире с императором должно было быть объявлено, когда императорские войска дойдут до Брэилы, что помогло бы избежать грабежей со стороны турок.

Договор также предусматривал сохранение престола для семьи Кантемиров. Он так и не вступил в силу: Константин Кантемир умер, а габсбургские войска до Брэилы не дошли. Сначала Константина Кантемира поддерживал Шербан Кантакузино, господарь Валахии, однако со временем их отношения заметно охладились вследствие разных подходов к международным делам. Планы заключения брака Димитрия Кантемира, сына господаря, с Касандрой, дочерью Шербана Кантакузино, были осуществлены уже позднее. Константину Брынковяну Константин Кантемир не доверял. Господарь Валахии попытался воспрепятствовать вступлению на престол Молдовы молодого Димитрия Кантемира (1693) и сумел добиться в Стамбуле назначения на господарский трон Константина, сына Георгия Дуки (1693 – 1695). После двадцатидневного правления Димитрий Кантемир вернулся в Константинополь.

Два года господарства Константина Дуки прошли в обстановке войн между поляками, турками и татарами. Огромное влияние на Молдову оказывал Брынковяну. Константина Дуку на престоле Молдовы сменил Антиох Кантемир (1695 – 1700), а его младший брат Димитрий взял на себя роль представителя господаря при Порте. Чтобы повысить престиж своей семьи, Антиох Кантемир заключил давно запланированный брачный союз между Касандрой, дочерью покойного господаря Шербана Кантакузино, и своим братом Димитрием. Годы его правления были омрачены враждебными отношениями с Брынковяну, в результате интриг которого Георгий Дука вернулся на молдавский престол (1700 – 1703). За ним последовал Михай Раковицэ (1703 – 1705). Ненадолго вернувшись (1705 – 1707) к власти, Антиох Кантемир не был поддержан своим братом Димитрием. Тем не менее ему удалось улучшить отношения с Брынковяну. За ним на престол вновь взошли Михай Раковицэ (1707 – 1709) и Николай Маврокордат (1709 – 1710), сын великого драгомана Александра Эксапорита. Нестабильность и кратковременность этих правлений во многом были обусловлены борьбой между Россией и Османской империей за территории в Приазовье и Северном Причерноморье.

В лице нового господаря Димитрия Кантемира (1710 – 1711) Порта надеялась найти властителя, соответствующего наступившим новым временам. Годы, проведенные в Стамбуле — сначала в качестве заложника, потом на должности капукехая своего брата при Порте, он использовал для того, чтобы получить солидное образование. Владевший многими иностранными языками, Ди-

митрий стал одним из выдающихся ученых своего времени и пользовался влиянием среди дипломатов христианских стран, аккредитованных при Порте. Высокообразованный человек, автор трактатов, известных во всей Европе, он был сведущ и в военном деле.

Сразу же после восхождения на престол Димитрий Кантемир попытался положить конец вражде боярских группировок. Он отстранил ворника Йордаке Русета и заменил его сыном Мирона Костина Николаем. Он омолодил господарский совет, введя туда тех, кто разделял его мнение по политическим вопросам. Принципы управления страной были дополнены идеями просвещенного абсолютизма, что отчасти напоминало режим Петра Великого в России. Кантемир добивался права наследования престола членами своей семьи и поддерживал православную церковь. Он заключил соглашение с патриархом Иерусалима и восстановил часть монастырей у Гроба Господня. Решения, принятые господарским советом, были выгодны мелкому боярству, тогда как крупное боярство было настроено по отношению к нему враждебно. Кантемир стремился получить также и престол Валахии и заявил о своих притязаниях, объединив в одном гербе геральдические знаки Молдовы и Валахии.

В области внешних сношений Димитрий Кантемир ориентировался на Россию Петра Великого. Он сумел воспользоваться тем, что турки обычно поручали румынским господарям вести переговоры с христианскими странами. Переговоры с русскими закончились 13 апреля 1711 г. заключением договора в Луцке. Он состоял из 16 статей, в которых был определен будущий статус страны по отношению к России и права господаря по отношению к сословиям. По договору Молдова присоединялась к антиосманской борьбе, а в ее городах и крепостях должны были расположиться русские войска. Страна вступала под покровительство царя, а семья Кантемиров получала наследственные права на престол. В случае поражения господарю гарантировалось получение убежища в России и материальное возмещение за потерю дворцов в Константинополе. Договор оставался в тайне до выступления русских войск в мае 1711 г.

В Прутском походе участвовал сам Петр Великий. В лагерь под Стэнилешти на Пруте приехал и Тома Кантакузино, спэтар Константина Брынковяну. Русские войска, количественно намного уступавшие турецким, столкнулись с большими трудностями. Царю

пришлось начать мирные переговоры с османами, которые, вопреки сопротивлению короля Швеции Карла XII, воевавшего на турецкой стороне, завершились 23 июля 1711 г. Русские войска ушли из Молдовы, а вместе с ними покинул страну и Димитрий Кантемир. Господарь Молдовы и его семья были приняты при царском дворе. Остаток жизни бывший господарь провел в России. Он получил титул князя, а после смерти Касандры (1713) женился на русской княжне. Это время он посвятил научным изысканиям, результатом которых стали труды *Descriptio Moldaviae** (1716) и *Historia Moldo-Vlachica*** (последняя также выходила под названием «Хроника стародавности романо-молдо-влахов»). Димитрий Кантемир скончался в 1723 г. и был похоронен в Москве.

Негативный опыт с последним из местных господарей Молдовы заставил Стамбул пойти на радикальные меры, чтобы избежать повторения подобного. Начался период правления греков-фанариотов, при которых был заметно изменен статус господаря и страны в целом.

Трансильвания между анархией и твердой властью: правление Михая Апафи. Начало правления Апафи вплоть до заключения мирного договора в Вашваре (1664) было в высшей степени трудным. Он был поддержан Портой, но не имел достаточной финансовой и материальной опоры, поэтому столкнулся с растущим влиянием сословий и княжеского совета. Годы спокойствия и мира, последовавшие за заключением Вашварского мирного договора, дали Михая Апафи возможность укрепить свою власть. Постепенно сословные собрания вновь начали созываться ежегодно или раз в два года, а мнения советников, хотя и учитывались, перестали быть обязательными. Важная роль в восстановлении политического равновесия принадлежала канцлеру и княжескому советнику Яношу Бетлену. Дионисию Банфи, великому капитану Клужа и главнокомандующему трансильванской армии, удалось посредством дипломатических переговоров и применения военной силы ограничить притязания турок, желавших расширить границы пашалыка Орадя. Однако после 1674 г., когда Дионисий Банфи был казнен по обвинению в превышении своих полномочий, территория Джилэу все же была включена в состав этой

* «Описание Молдавии» (лат.).

** «Молдо-влашская история» (лат.).

турецкой провинции. Вокруг князя сложилась небольшая группировка знати, частично поддерживавшей политику Апафи, но со временем начавшей подменять собой князя. Лидером этой группы объявил себя княжеский советник Михай Телеки, сила которого возросла после казни Дионисия Банфи и отстранения Паула Белди. После прихода в Трансильванию австрийских войск (1685) власть Апафи была сведена к минимуму. Княжеством практически руководил Михай Телеки, возглавивший делегацию на переговорах, в ходе которых был определен статус Трансильвании под властью Габсбургов.

Между Габсбургами и османами. По приказу Порты князь во главе армии лично участвовал в турецких кампаниях 1663 и 1664 гг. Мирный договор, заключенный в Вашваре, положил конец борьбе между Османской и Габсбургской империями, узаконив положение, сложившееся в Трансильвании после волнений 1657–1661 гг. В целом Михай Апафи оставался верным Порте, предпочитая во время польско-турецкой войны 1672–1674 гг. не выступать открыто в качестве сторонника антиосманского союза. Столь же осторожную политику он проводил и по отношению к Габсбургам, благодаря чему ему удалось избежать конфликта с ними. После 1670 г. в Трансильвании нашли убежище венгры, восставшие против Вены. Определенную роль здесь играла и Франция, которая по соглашению от 31 мая 1677 г., подписанному между Михаем Апафи и лидером восставших протестантов на севере Венгрии Имре Текели, брала на себя обязательство оказывать финансовую и военную поддержку их движению. Однако заключив мир в Нимвегене (1679), Людовик XIV перестал финансировать движение, направленное против Габсбургов, и Михай Апафи утратил роль руководителя восстания реформатов. Убежденная настойчивыми уговорами Имре Текели, Порта в 1681 г. нарушила условия Вашварского договора, вновь развязав войну против Габсбургов, в которой принял участие и Михай Апафи. Кампания 1683 г., закончившаяся поражением турок у стен Вены, означала конец османского владычества в Венгрии и стала началом конца Михая Апафи.

Политика добрососедства. Сразу же после прихода к власти Михай Апафи попытался восстановить добрососедские отношения с румынскими княжествами, используя с этой целью румын-

ских дипломатов (или лиц, говорящих на румынском языке). В договорах, заключенных под покровительством Порты с Григорием Гикой, господарем Валахии, или с Евстратием Дабижей, господарем Молдовы, учитывалось реальное положение Трансильвании, политический статус в ее отношениях с султаном, который существенно изменился. Частые смены господарей в Молдове и Валахии постоянно приводили к пересмотру условий договоров. После 1683 г., в момент военных успехов Священной лиги, Михаил Апафи заключил с Шербаном Кантакузино тайное соглашение о союзе под покровительством Вены (июнь 1685 г.), за которым последовали переговоры с Константином Кантемиром, господарем Молдовы, имевшие целью заключить аналогичное соглашение.

Отношения Трансильвании с Польшей при Апафи имели изменчивый характер. После неудачных попыток создания антиосманского союза при посредничестве господаря Молдовы Штефана Петричейку, что совпало по времени с выступлением Яна Собеского под стены Вены, вновь встал вопрос о военном сотрудничестве с польским королем. Скорее всего, трансильванцы вели двойную дипломатическую игру. В результате Михай Апафи добился расположения Порты и утверждения в 1684 г. на княжеском престоле своего несовершеннолетнего сына Михая Апафи II. Дальнейшие успехи императорских войск нейтрализовали Польшу как главного участника антиосманской борьбы и имели прямым следствием изменение внешнеполитического курса Трансильвании, которая отныне ориентировалась на Вену.

Развитие культуры и искусства. Культура Молдовы и Валахии

Семнадцатый век был временем развития старых культурных традиций и вместе с тем эпохой перелома в культурной жизни. У румын этот перелом проявился в распространении идей позднего Возрождения и в постепенной замене церковного и канцелярского славянского языка румынским. Начиная с времен Михая Храброго в господарских канцеляриях стали появляться документы, написанные кириллицей на румынском языке, а церковнославянский все более ограничивался церковной средой. Это явление облегчило доступ к письменным документам и способствовало приданию культуре светского характера.

Образование. Самые большие успехи в области образования были достигнуты Василием Лупу и Матеем Басарабом. Пользуясь поддержкой митрополита Киевского, Василий Лупу в 1640 г. основал в Яссах Васильевскую коллегию с преподаванием на латинском языке. Для нее было построено отдельное здание и приглашены известные преподаватели из Киева и Москвы, которых впоследствии заменили преподаватели из Греции. По тому же образцу Матей Басараб в 1646 г. основал в Тырговиште так называемую *Schola Graeca et Latina*^{*}, где греческий и латинский являлись языками преподавания для учащихся пятилетних курсов. Известность этой школе принесли ее преподаватели, особенно Пантелеймон Лигарид. Господарь Валахии поддерживал и образование на церковнославянском языке — в 1640 г. он основал Славянскую школу при митрополии Тырговиште.

Позднее, в 1680 г., Шербан Кантакузино основал в Бухаресте коллегию под руководством Иеремии Какавеласа, Иоанна Комнина и других известных преподавателей. В 1694 г. Константин Брынковяну преобразовал эту школу в Академию св. Саввы, ставшую известной не только в Валахии, но также на Балканах и православном Востоке. В Молдове традицию коллегий, начало которой положил Василий Лупу, продолжил Антиох Кантемир, возобновивший в 1707 г. работу господарской академии в Яссах.

Многие молодые бояре обучались за рубежом. Наряду со школами Константинополя это были школы и университеты Падуи, Рима и Венеции (Раду Михня, стольник Кантакузино), Киева (сыновья боярина Удриште Нэстурела), Москвы, Львова (Григорий Уреке), Бара (Мирон Костин), Оксфорда, Парижа, Вены. Одним из инициаторов обучения в европейских университетах был господарь Константин Брынковяну. Так в румынские княжества проникали европейские идеи.

Книгопечатание. Типографии занимались книгопечатанием под покровительством господарей и церквей. Первые книги имели религиозное содержание. Однако во второй половине XVII в. издавалось все больше книг другой тематики. Появились издания на румынском языке. Преобладали переводы с церковнославянского или греческого, но печатались и оригинальные работы. Наряду со старославянскими и румынскими выходили книги на гре-

^{*} Греческую и латинскую школу (лат.).

ческом и арабском языках, востребованные на православном Востоке.

В Валахии книгопечатание развивалось благодаря заботам господаря Матея Басараба, по распоряжению которого в 1637 г. открылась типография в Кымпулунг-Мусчеле. При монастыре Говора типография начала действовать в 1637 г., потом она была перемещена в монастырь Дялу под Тырговиште, где работала до 1652 г. В 1672 — 1715 гг. в Бухаресте работала типография митрополии, впоследствии ставшая господарской. К концу века открываются типографии в Бузэу (1691 — 1706) — при тамошнем епископстве, под покровительством Антима Ивирянэ, — и в Снагове (1696 — 1701). В 1705 — 1707 гг. действовали типография в Рымнику-Вылче, под покровительством все того же Антима Ивирянэ, а также в Тырговиште (1708 — 1719).

В Молдове типографское дело зарождается при Василии Лупу: в 1642 г. при помощи Петра Могилы открывается типография при монастыре Трех Святителей в Яссах. В 1643 г. здесь были напечатаны «Казания» Варлаама (или «Румынская книга поучений»*) и другие книги религиозного характера. Деятельность типографии прекратилась, скорее всего, с концом правления Василия Лупу. Во второй половине XVII в. книгопечатание развивалось усилиями господаря Дуки Водэ и митрополита Дософея, который в 1679 г. вновь открыл типографию Василия Лупу. В 1679 г. начал работать типографский станок, привезенный из России (1681 — 1686). В целом можно сказать, что в Молдове типографий было меньше, чем в Валахии, но независимо от того, где издавались книги, они получали распространение по всему православному миру.

Библиотеки. Библиотеки существовали главным образом при монастырях, где хранились книги и рукописи религиозного характера. Одной из самых известных была библиотека Барновского монастыря в Яссах, в которую вошла библиотека коллегии Василия Лупу. Богатые библиотеки появились при коллегии Трех Святителей в Яссах и при Академии св. Саввы в Бухаресте. Новшеством стало создание крупными боярами светских библиотек, например библиотеки Удриште Нэстурела в Херэшти-Ильфове (середина XVII в.), стольника Константина Кантакузино и Михая

---

* Иначе — «Учительное евангелие».

Кантакузино. О библиотеке стольника в Мэрджиени известно, что она состояла из 407 томов на греческом, латинском, итальянском, французском, турецком языках. Некоторые из них попали туда из библиотеки Филипешти де Пэдуре, постельника Кантакузино.

Религиозная и юридическая литература. Значительную часть книжной продукции XVII в. составляла религиозная литература. Впервые были переведены на румынский основные богослужебные книги православия (Литургия, Библия). Эти переводы способствовали распространению в церковных богослужениях румынского языка. В предисловиях и примечаниях можно найти намеки на осознание переводчиками этнического и языкового единства румын Молдовы, Валахии и Трансильвании. Среди изданных в то время книг выделяется «Румынская книга поучений» или «Казания» митрополита Варлаама (1643), пользовавшаяся широкой популярностью в Трансильвании: известно, что там разошлось более 600 экземпляров. Был напечатан перевод с русского на румынский «Учительного Евангелия» (Говора, 1642). Митрополит Дософтей осуществил стихотворный перевод Псалтыри (так называемая Униевская псалтырь, 1673), а также Литургии (1697), Молитвенника (1681) и Житий святых в четырех томах (1682 – 1686).

В Валахии в 1680 г. издана Литургия (часть текста была набрана на румынском языке), за ней последовали Евангелие (1682) и Апостол (1683), уже полностью напечатанные по-румынски. Затем вышла в свет в Бухаресте румынская Библия (1688), изданная под покровительством господаря Шербана Кантакузино. Над переводом работали братья Раду и Шербан Гречану, которым помогали Николай Милеску Спэтару (Спафарий) и стольник Константин Кантакузино. Это издание Библии является великолепным памятником румынского языка конца XVII в. Она была обращена ко всем румынам и быстро получила известность на всем православном пространстве, населенном румынами. В конце XVII в. прославился Антим Ивириану, епископ Рымникский, позднее митрополит Валашский, автор написанных на румынском языке «Притч, или Дидахий», а также ряда религиозных работ полемического характера.

В ответ на кальвинистскую и католическую пропаганду был напечатан декрет состоявшегося в 1642 г. в Яссах церковного собора. Потом появился «Ответ на кальвинистский катехизис» (1645), в котором оспаривались кальвинистские воззрения на основопо-

лагающие вопросы христианской веры. В конце XVII в. при поддержке Константина Брынковяну в ответ на католическую пропаганду, усилившуюся в Трансильвании, с греческого на румынский были переведены «Учебник против папского раскола» Максима Пелопоннесского (Снагов, 1699) и работа Петра Могилы «Православный катехизис» (Бузэу, 1699).

Ввиду отсутствия кодифицированных законов в XVII в. были предприняты попытки восполнения этого пробела. Свой вклад в кодификацию внесли господари Матей Басараб и Василий Лупу. Прежде правосудие совершалось по старому византийскому законодательству, проникшему в румынскую среду при посредстве греков и славян. Первым шагом к изменению в этой области стало издание (при поддержке Удриште Нэстурела) «Говорского сборника» (1640) для духовенства, переведенного Михаилом Моксой с церковнославянского языка. В Молдове под покровительством Василия Лупу в 1646 г. в Яссах издается «Румынская книга наставлений» (или «Правила»), переведенный с греческого кодекс законов. К нему добавились разные приложения из гражданского, уголовного, международного, канонического права. Еще один шаг вперед был предпринят в 1652 г. изданием в Тырговиште труда «Исправление закона» (при поддержке митрополита Штефана). К переводам с греческого в ней были добавлены юридические «Синтагмы» Матая Властареса и фрагменты уже упоминавшихся «Правил» Василия Лупу. Эта книга, изданная за счет господара Матая Басараба, на протяжении многих десятилетий являлась юридическим справочником, которым пользовались как светские деятели, так и церковнослужители во всем румынском православном мире.

Историография. Историческая литература XVII в. представлена летописями, хрониками, работами книжников, обучавшихся в школах Польши или Италии. Испытывая интерес к древней истории, особенно к классическим авторам, они в своих трудах указывали на происхождение румын от древних народов и на латинскую основу румынского языка, распространенного в Молдове, Валахии и Трансильвании, а также подчеркивали непрерывность проживания романского населения в Дакии после ухода оттуда римлян.

В Молдове вышло сочинение Григория Уреке «Летопись земли Молдавской от Драгоша Водэ до Арона Водэ» (1359 – 1594), в котором постулируется идея родового единства румын: «Мы из Рима

исходим». Логофет Мирон Костин, воспитанный, как и Г. Уреке, в польских католических коллегиях, создал «Летопись земли Молдавской от Арона воеводы» (1594 – 1661). Мирон Костин был и автором ряда работ на польском языке, пользовавшихся признанием в ту эпоху. Среди них — написанное в 1686 – 1691 гг. сочинение «О происхождении молдаван», где доказывается латинское происхождение румын «Хроника Молдавской и Мунтянской страны», в которой он вновь возвращается к данному вопросу. Николай Костин продолжил начатую традицию, обратившись к самым истокам Молдавского государства. Он создал «Летопись земли Молдавской от сотворения мира» (доведена до 1601 г.), воспользовавшись при этом древнегреческими и латинскими источниками. Летописи распространялись в рукописях и списках. Со временем в них вносились изменения, исправления, добавления — ныне трудно отличить оригинал от поздних списков. Изложение Николаем Костиным исторических событий продолжил Ион Некулче, автор работы под названием «Летопись земли Молдавской от Дабижи Водэ до второго правления Константина Маврокордата» (1661 – 1743), которой предшествовал составленный им сборник легенд и исторических преданий, известный под названием «Несколько слов».

На развитие историографии в Валахии в значительной мере повлияло противостояние боярских партий. Для семейства Кантакузино была написана «История Валахии» или «Хроника Кантакузинов» (с 1290 до 1690 г.), автором которой был Стойка Лудеску, а Раду Попеску создал «Историю господарей Валахии (1270 – 1728)» для представителей семьи Бэляну. Выполненной по заказу боярской партии можно считать и работу логофета Раду Гречяну, сторонника господаря Константина Брынковяну, называвшуюся «История Валахии с октября 1688 г. до марта 1714 г.». В конце XVII в. наиболее известным валахским историком был стольник Константин Кантакузино, образованный боярин, хорошо знавший историю Древней Греции и Древнего Рима. В его главной работе, «Истории Валахии», рассматривался вопрос о латинском происхождении румын, их единстве и непрерывности проживания на территории бывшей Дакии. Незаконченная (или частично утерянная) рукопись излагает, к сожалению, историю страны только до прихода гуннов.

Художественная и научная литература. Интерес к изящной словесности вырос вследствие ее светского характера и распрост-

ранения письменности на румынском языке. Так, Николай Милеску Спэтару (Спафарий) описал свое путешествие во главе русской миссии в Китай, составив карту маршрута. Этот труд вызвал большой интерес читающей публики. Спафарию принадлежат также переводы с греческого языка Ветхого Завета и перевод труда под названием «Аритмологион» (т. е. нумерология). Стольник Константин Кантакузино составил карту Валахии, отпечатанную в 1718 г. господарским секретарем Антонио Мария дель Кьяро в Венеции. На территории княжеств ходили в списках басни Эзопа, а также «Житие святых Варлаама и Иоасафа, или Дарственный цветок». Это была нравоучительная литература. Многочисленные переводы вызвали необходимость составления словарей. В 1649 г. появился «Славянско-румынский лексикон и толкование имен». Теодор Корбя составил латинско-румынский словарь под названием *Dictiones latinaecum Valachica interpretatione**.

Культура Трансильвании

Образование. На развитие образования большое влияние оказал протестантизм, идеологи которого считали воспитательную деятельность одной из основных целей общества. В Трансильвании особой популярностью пользовались идеи Яна Амоса Коменского, сторонника обучения детей на родном языке.

Для православных учеников открылись школы при монастырях в Алба-Юлии и Сымбэта-де-Жос, при церквях в Шкей-Брашовулуй, в Марамуреше и т. д. Эти школы в основном готовили будущих священников и церковных певцов. Пользовавшиеся поддержкой центральной власти румыны, обращенные в кальвинизм, имели гораздо больше учебных заведений, преподавание в которых велось на румынском языке. Это были школы в Лугоже, Карансебеше, Хацеге и Сигету-Мармацией, а также в Фэгэраше. Развитие начального образования было поддержано решениями собрания страны 1624 и 1635 гг., согласно которым сыновьям крепостных предоставлялось право посещать школу даже без согласия владельца. Церковный собор 1657 г. потребовал от священников заниматься после церковной службы обучением детей письму. Часть румынской молодежи обучалась в коллегиях и лицеях

* «Латинские речения с валашским переводом» (лат.).

Алба-Юлии, Аюда, Клужа, Бая-Маре, Тыргу-Муреша, Орэштии и других городов. В определенные периоды действовали и католические начальные школы. Особым признанием пользовались школы с преподаванием на румынском языке в городе Карансебеше, основанные Георгием Буитулом. Благодаря школам, особенно кальвинистским, в Трансильвании со временем появились румынские культурные и политические деятели, хотя их по сравнению с численностью румынского населения княжества было очень мало. Среди них можно назвать Михаила Халича-отца. Уровень подготовки выпускников этих школ позволил некоторым из них работать в качестве дьяков в княжеских и господарских канцеляриях Молдовы и Валахии. Это уроженцы Фэгэрашского края Петру Бонер де Реча, Иоан де Дридиф, Матей Литтератус Венецкий, Штефан Бонер де Реча, Иоан де Мындра, а также Петру Будаи из Хацега и многие другие. Георге Бранкович, дьяк, знавший венгерский язык, приходившийся братом митрополиту Савве Бранковичу, состоял на службе у князя Михая Апафи, ставшего впоследствии и господарем Валахии.

Книгопечатание и библиотеки. Румынское книгопечатание пользовалось некоторой поддержкой трансильванских князей, особенно семьи Ракоци и Михая Апафи, а также господарей и церковных иерархов румынских княжеств. Приехавшие в Трансильванию по приглашению господарей и митрополитов печатники работали в румынской типографии в Алба-Юлии, где издавали книги религиозного содержания, такие, как «Кальвинистский Катехизис» (1640), Псалтырь, или Новый Завет (1648). Во второй половине XVII в. книгоиздание продолжили автор притч Иоан Зоба из Винцы и Михаил Иштванович, посланник господаря Константина Брынковяну. Им был в 1699 г. напечатан «Кириакодромион», по сути ставший ответом трансильванцев на «Казания» Варлаама. Доказательством распространенности книг и понимания их ценности были личные библиотеки, такие, как библиотеки Михаила Халича или Саввы Бранковича, а также Акация Барчаи, князя румынского происхождения, обладавшего, между прочим, сочинением Никколо Макиавелли «Государь».

Научная литература и историография. Наряду с религиозной литературой издается много переводов, а также ведется активная работа по составлению словарей. Инициатива в этой области при-

надлежала Теодору Корбе, автору «Латинско-румынского лексикона», составленного по образцу труда Альберта Молнара «Латинско-венгерский лексикон». Габриел Ивул, интересовавшийся философией и теологией, под влиянием иезуитов написал несколько работ, напечатанных в Кошице, Загребе и Вене. Появились и первые исторические произведения на румынском языке, такие, как «Хроника» протопопа Василе из Шкей-Брашовулуй или «Хроника» Георгия Бранковича, а также написанная на венгерском языке католическим аббатом румынского происхождения Иоанном Кайони «Хроника в стихах». К жанру хроник, по существу, относятся и дневники Франциска Себеша, Теодора Корби и др. Лирический жанр представлен поэзией Габриела Ивула, Михаила Халича-младшего, Теодора Корби, а также «Стихотворной псалтырью».

Искусство в Молдове и Валахии

Приоритет в возведении разного рода каменных сооружений принадлежал государству и церкви. Преобладала культовая архитектура — храмы и монастыри, построенные на средства всех сословий во главе с господарем и крупным боярством. Как и в предыдущем столетии, церкви были чем-то большим, чем просто местом отправления культа. Колокольни превращаются в сторожевые вышки со стенами высотой до 10 м, толщиной до 1,5—2 м и несколькими многоярусными башнями, связанными между собой переходами для стражников.

К выдающимся памятникам архитектуры конца XVI в. в Молдове относятся Галатский монастырь (1583) и церковь Ароняну (1594) в Яссах, возведенные при митрополите Афанасии Кримке, собор Драгомирненского монастыря (1607), который в 1629 г. Мирон Барновский окружил крепостными стенами. Эти культовые постройки означали новый этап в развитии зодчества Молдовы. В устремленных ввысь каменных сооружениях характерные черты местного зодчества переплетались с валашским поясом, разделявшим стены по высоте, с элементами польской, русской, итальянской и восточной архитектуры. Тогда же были воздвигнуты монастыри в Секу (1602), Замке (1607) и Молдовице (1612), все окруженные крепостными стенами.

Годы правления Василия Лупу оказались наиболее благоприятными для культовой архитектуры. Хотя особого стиля создано не

было, памятники тех лет отличаются подчеркнутой торжественностью — примером служит церковь Трех Святителей в Яссах (1639). Ее здание выделяется прежде всего контрастом между массивным архитектурным решением и позолоченной мелкой скульптурой. Построенный и расписанный в 1650—1660 гг. собор Голийского монастыря свидетельствует об органичном соединении восточных, русских, польских влияний и местных традиций эпохи перехода от Возрождения к барокко. К выдающимся достижениям первой половины XVII в. относится возведенный в 1642—1644 гг. монастырь Агапия. Традиция строительства монастырей со стенами или без них были продолжены и во второй половине XVII в. В 1655 г. господарь Георгий Штефан основал монастырь Кашин, а Георгий Дука воздвиг в окрестностях Ясс монастырь Четэцуя, при строительстве которого были использованы многочисленные архитектурные элементы церкви Трех Святителей. Был восстановлен также Путнянский монастырь.

В гражданской архитектуре успехи выглядели скромнее. Василий Лупу восстановил и перестроил сгоревший в 1624 г. господарский дворец в Яссах, дополнив его каменной турецкой баней. Интерьер дворца отделан в византийском и восточном стиле, с использованием изразцов, азиатской голубой керамики, восточных ковров и иностранной мебели. В главном корпусе находился большой дом господаря, отдельно стояли дома его супруги и сыновей. Господари строили здания также и внутри монастырских стен или на церковных дворах. Так, Евстратий Дабижа возвел господарский дворец в монастыре Бырнова, другой дворец был возведен позднее при монастыре Четэцуя (1609). Господарские постройки появились при церкви Трех Святителей. При строительстве боярских дворцов или усадеб использовались новые архитектурные элементы. Это были каменный или деревянный терем, крыльцо и высокий первый этаж над сводчатым подвалом.

Иконопись, представленная работами местных художников, развивалась в том же направлении, что и в XIV в. В росписи церквей и монастырей появились светские мотивы, главным образом портреты их основателей. Надгробия, а также фасады культовых и гражданских построек украшались каменной скульптурой. Развивалось искусство вышивки, испытывавшее сильное восточное влияние.

В XVII в. серьезные успехи в развитии культовой архитектуры были достигнуты в Валахии. Наряду со скромными деревянными

церквами начали строиться каменные и кирпичные — на средства господарей и крупного боярства. Правда, начало века не предвещало особых достижений. Исключением в этот период стала церковь Раду Михни в Бухаресте (1614—1623), сооруженная по образцу монастыря в Арджеше. Правление Матая Басараба вошло в историю архитектуры если не особым стилем, то по меньшей мере появлением в стране многочисленных религиозных сооружений. Чтобы компенсировать отсутствие обычных крепостей, активно строились монастыри-крепости, игравшие важную роль в обороне края. На их территории строили иногда и господарские дворцы (Арнота, Бребу, Динтр-ун-Лемн, Корнэцел и др). Монастырские храмы были с одним куполом (Арнота, Плумбуита, Динтр-ун-Лемн) или двумя (монастырь Тисмана). Были возведены церкви Святых Архангелов и Стеля в Тырговиште, церковь Антим в Бухаресте и др. В этот период появились и трехглавые храмы, как, например, соборы монастырей Дялу под Тырговиште, Бребу у Плоешти (1650), Гура Мотрулуй (1653) в Олтении. Во второй половине XVII в. в церковных сводах стали использоваться опоры (по образцу церкви Куртя-де-Арджеш), а также продолговатое преддверие храма. На фасаде вместо облицовочного кирпича появилась штукатурка. К числу таких памятников относятся митрополичий собор в Бухаресте (1654—1658), церкви Котрочень (1679) и Вэкэрешти в Бухаресте (1716—1717), Хурези в Олтении. Храмы, воздвигнутые боярами при своих усадьбах, отличались прямоугольным планом и колокольной в передней части. К такому типу относятся церковь, построенная Строе Леурдяну в 1641—1646 гг. в Голешти, и церковь Крецулеску в Бухаресте (1722). Господарь Матей Басараб оказал поддержку при строительстве церквей почти во всех крупных городах (Бухаресте, Тырговиште, Гергице, Плоешти, Питешти, Крайове). Во второй половине XVII в. усиливается восточное влияние, исходящее из Константинополя (церковь Доамней под Бухарестом, 1699).

Важным этапом в развитии архитектуры стали периоды господства Шербана Кантакузино и Константина Брынковяну. Наряду с многочисленными «типовыми» постройками (церкви в Филипешти-де-Пэдуре, Котрочени, Хурези, Св. Георгия Нового в Бухаресте, Фундений-Доамней) складывается особый стиль, названный «брынковянским». Культовые сооружения несут на себе отпечаток удачного соединения местных идей, готических традиций и восточных влияний.

Внимание современников привлекали дворцы и боярские дома Кантакузинов в Бухаресте, Филипешти-де-Пэдуре или Тырговиште, а также возведенные Константином Брынковяну господарские дворцы в Могошоае (1702) и Потлоджи (1698). Гражданские сооружения в монастырях строились по таким же планам. В центре находился господарский дворец, а рядом с ним — кельи, кухня и другие хозяйственные сооружения. Появились постоянные дворы для путешественников. Первоначально они были деревянными. Вокруг них располагались склады и даже места для сбыта товаров. Наиболее известен был постоянный двор Шербана Кантакузино в Бухаресте, построенный в 1683 — 1686 гг.

В живописи, развивавшейся в церковной и монастырской среде, существовали «школы», например школа живописца Пырву Муту. Каменной и деревянной резьбой, особенно популярной в XVII в., украшали двери, окна, колонны, перила. Развиваются ювелирное дело, миниатюра и другие виды искусства.

Искусство Трансильвании

В культовой архитектуре Трансильвании сохранялись традиции прошлых эпох. В православных селах строились в основном деревянные церкви (большая часть из них не сохранилась). В более крупных и богатых местностях, пользовавшихся финансовой поддержкой влиятельных людей, сооружались каменные церкви. Так, бывший господарь Молдовы Георгий Штефан, находясь в изгнании в Трансильвании, способствовал возведению церкви в Тинзуде (уезд Бихор), Матей Басараб помогал строить церковь в Турну-Рошу (1653), а Константин Брынковяну — церкви в Фэгэраше и монастырь в Сымбэте. Протестантские (лютеранские и кальвинистские) общины возводили главным образом каменные церкви.

Гражданская архитектура носила печать итальянского Возрождения. В Трансильвании работало немало итальянских мастеров. В XVII в. был построен ряд крупных зданий, выполнявших не только роль жилищ, но и оборонительных сооружений. К ним относится замок в Фэгэраше — княжеская резиденция, в которой в случае опасности укрывалась княжеская семья. Замок имел толстые стены с бастionsами на углах, наполненный водой ров и подъемный мост. В том же стиле был построен и замок в Ракошу-де-

Жос (1625) — с угловыми бастионами, в которых находились и жилые помещения. Те же архитектурные принципы были использованы при строительстве замков в Медиешу-Аурит и Лэзаре. Последний был возведен из камня и кирпича, а фасад его был покрыт росписью. Он также был окружен стеной с бастионами, амбразурами и переходами для стражи. К сооружениям подобного типа относится и замок в Ернуте, воздвигнутый Дьёрдем Ракоци II по проекту итальянца Агостино Серены и ставший во второй половине XVII в. княжеской резиденцией.

Кроме таких замков, были и дворцы, более похожие на обычное жилище, но все же сохранявшие черты военных сооружений. К этой категории относятся построенный в начале XVII в. дворец в Четатя-де-Балтэ и Магна-Курия в Деве (1621), а также дворцы Бонцида и Криш. Особняком на этом фоне стоит дворец, построенный в 1668 — 1675 гг. по французским образцам Миклошем Бетленом в своем имении в Сынмиклэуше. Сооруженный на открытом месте, этот дворец воспринимался современниками как нечто совершенно необычное. Дворцы-крепости, как правило, имели сводчатые подвалы, служившие складами или убежищами, а также два этажа: первый для прислуги, второй для хозяина.

VI. Эпоха Просвещения в румынских землях

Новые политические режимы: габсбургский и фанариотский. Становление габсбургского режима в Трансильвании совпало по времени с военными и политическими событиями, предшествовавшими Карловицкому миру. Четвертого декабря 1691 г. Трансильвании была пожалована грамота Леопольда, регламентировавшая жизнь страны в течение последующих ста пятидесяти лет. В этом документе было выражено стремление к полной интеграции княжества в Габсбургскую монархию, но с учетом тогдашних реалий (в том числе международной обстановки) предполагалось сохранение им определенной автономии. После отделения Трансильвании от Венгрии грамота служила австрийской администрации юридическим обоснованием при подчинении местных учреждений, что вполне соответствовало централистским и абсолютистским тенденциям. В то же время в период нестабильности грамота обеспечила сохранение княжеской власти (в лице Апафи II), признала официальные конфессии и политические «нации», сословные привилегии, конституцию, законы княжества (*Approbatæ et Compilatae*) и положение Трипартитум Вербечи, за исключением права на сопротивление. В сущности, гарантировалось преимущество трех политических «наций» — привилегированных сословий, которые наряду с представителями официально признанных конфессий имели право занимать государственные должности. Монарх назначал немецкого генерала-коменданта своим представителем, осуществлявшим связь с местной властью. Таким образом, военная власть подчинялась непосредственно Придворному военному совету (*Hofkriegsrat*). Права императора были еще более рас-

ширены так называемой резолюцией Алвици (1693) и грамотой, касающейся религии (1693). Все это сделало императорскую власть неоспоримой. После образования в 1693 г. новой административной единицы — губернии — в Вене была создана Придворная канцелярия Трансильвании (1694), представлявшая собой верховное ведомство во главе с придворным канцлером и шестью советниками, фактически выполнявшими функции трансильванского правительства.

Наряду с губернией появилось казначейство, в свою очередь также приспособленное к новым централистским требованиям. Это учреждение было подчинено императорско-королевской палате и находилось вне влияния местного общества. Через своих чиновников и министерства казначейство проводило экономическую политику в духе тогдашней придворной науки. В сфере юриспруденции действовала *Tabula Regia in Magno Transilvaniae Principatu judiciaria*^{*}, заседавшая в Тыргу-Муреше. Правосудие осуществлялось в двух судах. Первым была *Tabula continua*^{**} для графств, округов и саксонских престолов; вторым судом являлся *Fogit Revisorium*^{***}, который пересматривал дела первой инстанции.

Военные силы составляли четыре полка конницы и два пехотных полка, постоянно находившиеся в княжестве и содержавшиеся на государственные средства. К религиозным институтам относились официально признанные в конце XVI в. конфессии, к которым присоединились греко-католические епископства в Блаже и Ораде, а с 1762 г. — восстановленное православное епископство. В XVIII в. было официально признано и иудейское исповедание, также имевшее свои учреждения.

Империя в Трансильвании использовала старые институты в своих централизаторских целях и создавала новые, становившиеся инструментом абсолютной монархии. Интеграционные процессы вели к ослаблению местной автономии и к созданию учреждений, способствовавших унификации форм правления. Сходную цель преследовала католическая церковь, стремившаяся добиться религиозного равновесия после ста лет господства кальвинизма. Так, в истории Трансильвании открылась новая глава, когда церковные и политические структуры сумели изменить рас-

^{*} Королевский суд в великом княжестве Трансильвании (лат.).

^{**} Постоянный суд (лат.).

^{***} Наблюдательный совет (лат.).

становку сил, прежде благоприятную для реформации, особенно в дворянской среде, где ранее преобладали кальвинисты.

Объединение русинов и румын с римской церковью. Присоединение русинской и румынской церквей к римско-католической стало одной из составных частей контрреформации, отвечающей как долгосрочным интересам католицизма, так и политике Габсбургов. В католической церкви жила идея объединения церквей, начало ему было положено на Ферраро-Флорентийском соборе, продолжением стали Брестская уния в Речи Посполитой и провозглашенная в середине XVII в. (1646) уния в русинском регионе Верхней Венгрии. По мере того как развивалось наступление на реформацию, императорский двор пытался изменить структуру вероисповеданий в Трансильвании путем распространения католицизма. Объединение румынской православной церкви с католической предусматривалось в меморандуме, известном под названием *Einrichtungswerk*. Он был издан в 1686 г. комиссией под руководством Леопольда Коллониха: укрепление римской церкви следовало осуществить присоединением «раскольников». Заявление епископа Дъера соответствовало политике империи, которая считала католическую церковь главной опорой в государстве, население которого принадлежало к разным конфессиям.

В Трансильвании религиозное объединение встретило как неприятие, так и понимание, связанное со стремлением румынской церковной элиты к интеграции в политическую систему империи. Особенно священников привлекали выгоды, предоставляемые грамотой 1692 г., хотя грамота Леопольда (1691) игнорировала православную церковь, утвердив систему трех «наций» и четырех официальных конфессий. Румынское духовенство было недовольно давлением со стороны кальвинизма, протестантскими попытками извращения учения и обрядности (при том что статус румынского духовенства оставался неизменным).

Подготовленная иезуитами первая попытка объединения церквей при митрополите Теофиле (1697) закончилась принятием четырех пунктов Ферраро-Флорентийского собора и оформлением требований румынского духовенства предоставить ему те же привилегии, льготы и право неприкосновенности, какими обладало латинское духовенство. Более важным было требование поддержавшего унию светского населения предоставить ему доступ к высшим должностям, которые могли занимать представители

политических «наций» и официальных конфессий, право на получение образования в латинских школах для сыновей священников. Суммируя решения собора, декларация объединения, подписанная Теофилом, подтверждала четыре пункта Флорентийской унии и формулировала три требования, обращенные к императору, в которых были подытожены стремления румынского народа: равные права с представителями официальных конфессий, передача церквям приходских домов, подчинение румынского духовенства епископу, а не политической власти. Эти требования свидетельствовали об осознании народом собственных нужд, противоречивших положениям императорской конституционной грамоты. Таким образом, даже если объединительный собор был недостаточно представительным, а некоторые его документы были составлены иезуитами, требования светского характера четко выражали устремления румын, которые могли сформулировать лишь их представители.

По неясным причинам акт об объединении церквей, принятый при Теофиле, не обрел силы, так что новый владыка Афанасий Ангел был избран с одобрения кальвинистского суперинтенданта. Рукоположенный согласно традиции в Бухаресте новый митрополит сыграл первостепенную роль в объединении с римской церковью.

Императорская резолюция от 14 апреля 1689 г. даровала православным униатам привилегии, какими обладали католики и не только католики. На основе энциклики Коллониха от 2 июня исключалась возможность объединения с другими конфессиями, помимо католической. Энциклика, изданная уполномоченным Святого Престола в лице примаса Венгрии и архиепископа Стригоньского, обуславливала предоставление привилегий румынскому духовенству и защиту светских и церковных румынских учреждений принятием пунктов Флорентийского собора. Таким образом, императорская грамота 1692 г., резолюция 14 апреля 1698 г. и энциклика 2 июня того же года образовали своего рода триптих, ставший основой перехода православного духовенства в унию. Религиозное объединение дало румынам возможность эмансипации в будущем, вопреки оппозиции сословий и протестантских конфессий. Высшее сословие увидело в унии удар по своим привилегиям, связанный с отменой старинных повинностей духовенства, что вело к существенным моральным потерям для дворянства и создавало угрозу традиционной политической системе. По этим причинам

сословия независимо от религиозной принадлежности решительно высказались против унии, нарушившей, на их взгляд, предусмотренное грамотой Леопольда устройство княжества.

В этой обстановке Афанасий Ангел созвал 7 октября 1698 г. собор, которому предшествовал созыв законодательного собрания Трансильвании. В присутствии епископов и протопопов было провозглашено объединение с католической церковью. Акт был подписан 38 иерархами, представлявшими лишь часть епархий. Хотя в ходе собора на участников оказывалось давление, уния стала реальностью и новой точкой отсчета в политике Трансильванской губернии и сословии.

Собор принял решение об унии при участии протопопов и большого количества других священников вместе с двумя-тремя главами епархий. Но его не одобрили трансильванские сословия, выступавшие против предоставления льгот румынскому духовенству и расширения привилегий латинского духовенства. Наиболее решительным было сопротивление кальвинистов, преобладавших в дворянской среде.

В этой обстановке венский двор, колебавшийся из-за оппозиции, в момент подписания Карловицкого мира 16 февраля 1699 г. выпустил грамоту, в которой, признав унию, гарантировал униатам привилегии и официальную защиту. Грамота Леопольда непосредственно касалась признавшего унию с Римом румынского духовенства, которое освобождалось от многих повинностей в пользу дворян и обеспечивалось приходами и имуществом.

Издание грамоты натолкнулось на сопротивление католического духовенства и сословий, выразившееся в ходатайствах перед двором. Специальные комиссии проводили расследования, в ходе которых верующие должны были отвечать на вопросы о своем вероисповедании. Хотя ответы были двусмысленными или неточными, румынское духовенство в целом выполняло решения владыки, так что перед епископом Афанасием и его церковью открылся путь переговоров и возможность выдвижения требований, обращенных к императорскому двору.

В этих условиях в сентябре 1700 г. был созван собор с участием протопопов, присяжных, сельских священников и троих представителей от крестьянства. Собор составил манифест, призывавший к объединению с римской церковью согласно императорскому указу и энциклике католической епархии при условии предоставления обещанных привилегий. Собор представлял румынскую

униатскую церковь, к которой теперь принадлежала большая часть румынского населения Трансильвании. В его решениях упоминались меры, направленные на изменение церковного порядка в духе католической реформы, что повлияло в будущем на деятельность униатской церкви в сфере культуры и образования.

Переговоры в Вене, проведенные Афанасием в 1701 г., занимают важное место как в истории унии, так и в истории Трансильвании в целом. Протокол признания униатской церкви и достижение ее иерархией политического равенства с духовенством латинского обряда, защита со стороны местных властей, основание школ, отмена повинностей духовенства — все это свидетельствует о преемственности и значительном сходстве провозглашенной унии с решениями первого собора. Румыны получили вторую грамоту Леопольда об объединении с католической церковью (1701), в которой было выполнено главное пожелание румынского духовенства: предоставление привилегий, льгот и полномочий, которыми пользовались епископы и духовенство католической церкви. Священнослужители были освобождены от повинностей, налогов, пошлин, податей и оброков и тем самым уравнены с дворянством, а принявшему унию населению была обеспечена интеграция в сословное общество Трансильвании, что означало признание его равноправия.

Однако грамота предусматривала назначение латинского богослова из иезуитов на должность *auditor causarum generalium**. Он должен был наблюдать за действиями епископа и обеспечивать соблюдение чистоты вероучения. В духе контрреформации и католической реформы предусматривались меры против влияния кальвинизма, изъятие кальвинистских катехизисов, цензура изданий, основание школ в городах Алба-Юлия, Хацег и Фэгэраш. Грамота обязывала протопопов и священников признать символ веры согласно *formula tridentina*** , исключить из литургии поминание константинопольского патриарха и заменить его именем папы. Епископа обязали точно воспроизвести католический катехизис, изданный в Тирнавии, и затем представить книгу на обсуждение католическим богословам. Что касается положения прочего духовенства, то ему следовало показать свои знания на особом экзамене.

* Следователь по общим делам (лат.).

** Тридентской формуле (т. е. формуле, принятой на Тридентском соборе католической церкви, положившем начало контрреформации).

Значение второй унионной грамоты Леопольда состоит в том, что она реализовала основные требования, выраженные в ходе соборов и переговоров. В сущности, она повторяла тридентские принципы католической реформы. Таким образом, эта грамота сводила воедино устремления румын, дух контрреформации, интересы империи и принципы католической реформы. Она явилась успехом высшего католического клира, которому в ходе переговоров удалось разработать программу освобождения румын в рамках церкви. При этом в грамоте были выражены сформулированные Афанасием Ангелом требования, отражавшие позицию трансильванского румынского духовенства.

Восстание Ференца II Ракоци. Вскоре австрийский режим столкнулся с восстанием Ференца (Франциска) II Ракоци (1703—1713), продолжившего борьбу против власти Габсбургов. Он привлек на свою сторону крепостных и придал освободительному движению общенародный характер. Ракоци был магнатом, имел огромное состояние и вышел из семьи, традиционно оппозиционной Габсбургам. Просвещенный человек, воспитанный на французской культуре, он с терпимостью подходил к религиозным вопросам.

Восстание носило «национальный» характер и выражало недовольство дворянства, в массе своей протестантского, политикой контрреформации. Социальный характер ему придало вовлечение крестьян, имевших собственные цели. Антигабсбургская позиция Ракоци обусловила поддержку им православия. Он противопоставил Афанасию православного епископа Иоанна Цирку, однако причины этого были на самом деле политическими: Ракоци был солидарен с кругами, противившимися эмансипации румын посредством унии с католицизмом.

Укрепление габсбургского режима в Трансильвании происходило параллельно с австрийской экспансией. Австро-турецкая война 1716—1718 гг. благодаря победам Евгения Савойского завершилась Пожаревацкими (Пассаровицкими) мирными договорами (1718). Империя поглотила две населенные румынами области, Олтению и Банат, обеспечив тем самым стабильность своей власти в Карпатах. Олтения была возвращена Валахии после Белградского мира 1739 г., Трансильванское княжество и Банат продолжали оставаться частью империи. К этому времени относится начало политических реформ в духе просвещенного абсолютизма.

Абсолютистская политика Марии Терезии. Эпоха Марии Терезии (1740 – 1780) открывает новый этап в истории имперских реформ, имевших важные последствия для Трансильвании, пережившей все трудности и противоречия начала нового правления. Мария Терезия открыла этап абсолютистских реформ в Австрии в духе господствовавшего тогда прагматизма. При помощи своих советников, особенно Гаугвица, она провела ряд коренных реформ, действуя против сословий с целью восстановления престижа австрийской монархии. Налоговые и правовые новшества, отделение администрации от правосудия, реорганизация армии — все это способствовало созданию государства современного типа.

К преобразованиям, кардинально повлиявшим на Трансильванию, относилась сословная реформа, с помощью которой венский двор вмешался в отношения между дворянством и крестьянами. Стараниями императора законодательным собранием в 1714 г. был принят закон, согласно которому полнонадельные крепостные работали на господ четыре дня в неделю, а прочие — три дня. Однако дворянство, с трудом мирившееся с вмешательством государства в отношения собственности, не соблюдало решений законодательного собрания.

В этих условиях было принято постановление от 25 февраля 1747 г., по которому крепостные, не имевшие собственных орудий труда и скота, работали четыре дня в неделю, а те, у которых был собственный скот, — три дня. Сталкиваясь с масштабными миграциями, представлявшими собой *morbus transilvanicus** и наносившими ущерб финансам в период внешнеполитической активности империи, венский двор решил распространить на Трансильванию венгерский регламент 1767 г. Это решение привело к петиции генерала Хадича (1768), в которой ясно демонстрировалось, что причиной миграции является жестокость крепостного права. В 1769 г. временный указ *Certa puncta*** повторял положения предыдущего указа 1747 г. и увеличивал сроки барщины и размеры отведенных крепостным и свободным крестьянам участков. Другие положения касались монополий сеньора, режима использования пастбищ и лесов. В юридическом плане указ признавал за крепостным право обращаться к общине и даже право возглавлять ее. В сущности, это постановление сохраняло более высокие, чем

* «Трансильванскую болезнь» (лат.).

** Определенные пункты (лат.).

в Венгрии, рабочие нормы. Отведенные крепостным земельные участки отдавались в распоряжение владельца, что, по словам Давида Продана, утвердило «его полное владение всей землей в пределах его имения». Тем не менее ознакомление крестьян с текстом постановления способствовало укреплению в крестьянской среде представлений о собственных правах. После его обнародования крестьянские массы осознали возможность изменения своего состояния.

Попытки регламентации не решали серьезных проблем трансильванских крепостных, но благодаря указу 1769 г. удалось несколько ограничить размер повинностей и предупредить крестьянские восстания. Крепостным в Трансильвании было в основном румынское население, составлявшее подавляющее большинство жителей. Магнаты и дворянство, в основном венгры, стремились увеличить повинности крепостных румын. Даже по сравнению с другими крепостными их повинности были особенно тяжелыми. Было тяжелее и их экономическое положение. Крепостные румыны отличались от своих хозяев национальностью и языком, традициями и далеко не всеми признаваемой религией.

Положение румынского населения ухудшилось из-за отсутствия четкого политического статуса, из-за того, что румыны не имели представителей в местной и центральной администрации княжества. Это обуславливало приниженное положение их культуры и не позволяло развивать городскую жизнь на уровне прочих наций. Преобладание среди румын крепостных определило их интерес к реформам в период, когда государство стремилось увеличить платежеспособность крестьянства.

Реформаторская деятельность охватила все сферы государственной жизни. В экономической области она приняла форму меркантилизма, в юридической — выразилась в попытках отделения юстиции от администрации. Крестьяне получили возможность подавать жалобы на землевладельца.

Реформы эпохи Марии Терезии касались также вопросов культуры, образования и церкви. Государственный совет (*Staatsrat*) начинал обсуждать положение различных вероисповеданий, состояние унии, ослабленной антикатолическими движениями (Виссарион Сарай и Софроний). В Трансильвании реформы определили политику толерантности в эпоху Иосифа II. Хотя Мария Терезия была убежденной католичкой, она, действуя в интересах государства и следуя решениям Государственного совета,

по предложению Бартенштейна эдиктом 1759 г. восстановила православие в правах, чтобы спасти таким образом унию. Создание нового православного епископства, находившегося под контролем венского двора, отвечало и требованиям православного населения, решительно выступавшего против унии. Несмотря на то, что в семидесятые годы XVIII в. успехи контрреформации в Трансильвании из-за принуждения к переходу в католичество становятся более заметными, основание епископства придало православной церкви законный статус.

В середине столетия венский двор решил сформировать пограничные полки, два румынских и три «саксонских», — два пехотных и один конный, к которым присоединился в 1768 г. отряд из Баната. Эти пограничные полки обеспечивали оборону страны, ограничивали миграцию, а также способствовали росту свободного румынского населения. Задуманные как инструмент новой власти, эти полки способствовали развитию самосознания румын благодаря появлению у них своей военной элиты.

Реформы Марии Терезии имели важные последствия для будущего развития княжества. Просвещенный абсолютизм, находившийся под влиянием наук и идей просвещения, по преимуществу прагматический, пытался добиться равновесия между реформированием управленческих, правовых, общественных и религиозных структур и устремлениями различных социальных слоев княжества.

Реформы способствовали созданию образовательного центра в Блаже, что соответствовало плану, предусмотренному документами унии, который разработал Иннокентий Мику. В середине XVIII в. венский двор присоединился к программе католической реформы. При Марии Терезии в ходе преобразований школы, особенно благодаря *Ratio educationis** (1777), с развитием сети деревенских школ и повышением уровня образования духовенства появилась интеллектуальная элита, воспитывавшаяся в Римском или Венском католическом университете и ставшая рупором идей национального освобождения.

В целом для политики Марии Терезии характерен поиск среднего пути между просвещенным абсолютизмом и теми законодательно-правовыми положениями, на которых основывался сослов-

---

* *Ratio educationis* (система образования) — ряд распоряжений о проведении коренных реформ в сфере образования (создание учебных округов и т. д.).

ный режим. На этом этапе воплощались в жизнь идеи Просвещения, что выражалось в создании новых государственных органов.

Эпоха Иосифа II и румыны. Новые веяния стали ощутимы в Трансильвании уже в последние годы правления Марии Терезии, но полностью утвердились лишь при Иосифе II. Занимаясь реформами и объединением имперских структур в течение десяти лет до своего восшествия на престол, Иосиф II в качестве соправителя предпринял несколько путешествий по империи. Первое путешествие в Трансильванию, в 1773 г., заставило императора, интересовавшегося реальным положением в регионах, серьезно задуматься. Он отмечал, что румыны являются «самым древним и многочисленным населением», «замученным и обремененным несправедливостями, сносящим произвол дворянства каждый день, а может быть, каждый час». Издание эдикта о толерантности (1781) противоречило старинной конституции Трансильвании и привело к появлению там оппозиции в среде представителей политических наций и официальных конфессий. Этому приспособленному к условиям княжества документу прилагались постановление 1782 г. и патент того же года, определявшие толерантность как отмену ограничений для некаатоликов. В Трансильвании, как свидетельствовал специальный указ 1783 г., появилась возможность доступа православных и вообще всех румын к государственным функциям.

Реформы также привели к усилению борьбы румынских общин в королевских владениях против привычки саксов рассматривать румын как крепостных. Началась масштабная подача петиций. Движение охватило и город, и деревню; особенно ярко проявили себя купцы Брашова. Упразднив местные автономии и установив единое гражданство, реформы предоставили румынам новые возможности. В свою очередь реформа образовательной системы документом *Norma Regia*, несмотря на некоторые отступления от *Ratio educationis*, создала новые рамки для культурных инициатив, имевших важные последствия для воспитания нового поколения румынской интеллигенции.

В целом политика Иосифа II, заключавшаяся в реформировании местных органов и ограничении привилегий, предоставляла румынам возможность эмансипации. Она отчасти соответствовала требованиям румынской политической программы: равенство наций, гражданство, право на занятие должностей, на образова-

ние и ремесла. В свою очередь социальная программа и разговоры о патенте по отмене крепостного права создали благоприятный климат для развития идеи социального освобождения, становившейся все более популярной по мере того, как противоречия между империей и дворянством делались все глубже.

Реформаторская политика Иосифа II способствовала распаду системы политических наций, предоставляя возможности развития другим общественным слоям. Этим и объясняется сопротивление дворянства, выступившего против нововведений в уверенности, что новые отношения будут побуждать румын, сербов и всех угнетенных выдвигать свои требования. Начатые по причинам, связанным с интересами государства, реформы обусловили значительный социальный прогресс, вовлекая новые общественные силы в борьбу против феодального строя, который империя была намерена приспособить к своим новым экономическим потребностям. Но и здесь были свои ограничения. В сущности, габсбургский режим основывался на договоре, подписанном империей с доминирующими классами. Противоречия между политическими нациями и империей не изменяли принципов, зафиксированных в грамоте Леопольда, ни в одном из ключевых вопросов, и румыны по-прежнему не признавались в качестве политической нации. Постоянный отказ, на который наталкивались их требования, свидетельствует о силе этого договора между дворянством и империей в течение всего XVIII в.

Политика Иосифа II привела в Трансильвании к тому, что из представителей всех национальностей сформировалось реформаторское поколение интеллигентов, противостоявшее дворянству и включавшее чиновников местной администрации, преподавателей, представителей свободных ремесел. При Иосифе II среди прихожан двух румынских церквей появилась румынская элита, принявшая программу императора. Реформы Иосифа внушали крестьянам мысль о «добром императоре», любящем народ и противостоящем дворянству.

Начало Французской революции привело к кризису политики Иосифа II и наступлению новой эпохи, прошедшей под знаком реформаторского эксперимента в итальянском духе в правление Леопольда II (1790 – 1792).

Фанариотский режим в Молдавии и Валахии. В начале XVIII в. — в Молдавии после ухода Димитрия Кантемира в 1711 г., а в Вала-

хии после свержения последнего местного государя Штефана Кантакузино (1714–1716) — Османская империя создала новый политический режим в румынских княжествах. Отныне более ста лет ими управляли князья, принадлежавшие в основном к влиятельным семьям константинопольских греков-фанариотов.

Фанариоты стали инструментами османской власти в Молдавии и Валахии, позволявшими осуществлять контроль над княжествами без формальной отмены их внутренней автономии. Решение Порты основывалось на старинной традиции османско-фанариотского соглашения, закрепленного в новой политической обстановке выдвижением на авансцену наиболее активных и влиятельных элементов, связавших свою судьбу с империей.

Греки-фанариоты, присутствовавшие на территории Валахии и Молдавии и раньше, в начале XVIII в. заняли важное место в управлении империей и администрации княжеств. Это явление не было чем-то касавшимся исключительно Дунайских княжеств; оно носило более общий характер и проявлялось в зависимости от юридического статуса стран, находившихся под османской властью, — либо на уровне политического и отчасти церковного руководства, как в румынских государствах, либо только в церковной иерархии, как на землях к югу от Дуная.

Возвышение фанариотов было предопределено новым политическим положением в Центральной и Юго-Восточной Европе, где упадок Османской империи привел к росту освободительного движения и, в частности, к попыткам румынских государств при помощи великих христианских держав освободиться от османской зависимости. Союз Кантемира с Россией и его участие в русско-турецкой войне, присоединение черногорцев, а затем Тома Кантакузино — близкого сотрудника Константина Брынковяну — к движению против османского ига стали для турок убедительными аргументами в пользу господарей-фанариотов. Более того, экономические перспективы в условиях упадка Османской империи также заставляли обратиться к помощи константинопольских греков. Еще более серьезными были политические последствия русского и австрийского соседства на Дунае, в том числе действия России, использовавшей в своих интересах и во имя православия освободительную борьбу балканских народов.

Установление фанариотского режима в Молдавии и Валахии было ответом Порты на вытеснение Османской империи из Центральной Европы. Включение Трансильвании в Габсбургскую

империю и признание этого факта Карловицким миром (1699) превратили княжества в форпосты на австрийской границе. В условиях сохранения османского сюзеренитета над Молдавией и Валахией Османская империя решила установить там новую политическую систему. В 1711 г. в Молдавии и в 1716 г. в Валахии назначением Николая Маврокордата началась фанариотская эпоха (впрочем, он бывал господарем и прежде). Это не было простой заменой одного князя другим, а изменением самого политического режима и юридического статуса румынских государств.

Перемены касались основных учреждений, характера правления господаря, господарского совета и политико-административной системы в целом. Порта непосредственно назначала господарей из влиятельных греческих семей, Маврокордатов и Ипсиланти (а также из некоторых румынских) без согласия страны и без соблюдения традиционных избирательных процедур. За некоторыми исключениями, срок господарства не был велик, а господа превращались в обычных чиновников Порты и легко переводились из одного княжества в другое. Не обладая никакой инициативой в своих отношениях с великими державами, они стали верными исполнителями султанских поручений. Новый статус привел также к упадку вооруженных сил, которые ограничивались теперь обеспечением охраны господаря и обеспечением внутреннего порядка. Господари опирались на окружавшую их фанариотскую клику, но при этом зависели и от местных бояр, сотрудничавших с властью в обмен на обеспечение своего привилегированного положения.

С фанариотским режимом связана систематическая эксплуатация богатств Дунайских княжеств приходившей в упадок Османской империей, более не располагавшей ресурсами новых захваченных территорий. Неспособная обеспечить свои нужды эффективной организацией экономики, подорванная к тому же кризисом политической системы, империя придает особое экономическое значение традиционным повинностям — хараджу и другим податям, к которым добавляется продажа господарских престолов.

Политическое значение Дунайских княжеств и их хозяйственная ценность привели к разработке плана реформ, преследовавших двойную цель — укрепление положения господаря по сравнению с боярами и повышение экономической состоятельности налогоплательщиков.

Реализации этих реформ мешали колебания Порты, а также постоянное вмешательство турок в дела княжеств, не дававшее времени на их проведение, не в последнюю очередь сопротивление бояр. Нарастание кризиса в Османской империи и серия русско-австро-турецких войн способствовали росту национально-освободительного движения, имевшего и антифанариотскую направленность.

Политическая жизнь при фанариотах. Новый политический режим утвердился как в Молдавии (1711), так и в Валахии (1716) со вступлением на престол Николая Маврокордата, сына Александра Маврокордата Эксапорита, посредника при заключении Карловицкого мира. Николай помнил уроки своего первого правления (1710), сопровождавшегося проявлениями недовольства со стороны бояр, и, заняв трон во второй раз, обратился к сотрудничеству с более широкими общественными слоями, что оказалось полезным для сохранения внутреннего равновесия. Тем не менее молдавские летописцы верно уловили направленность нового режима, не скрывая антифанариотских чувств, которые проявились позднее в политической ориентации на австрийцев и русских.

В эпоху фанариотского правления русско-турецкие войны не раз приводили к крушению режима и замене фанариотской администрации русской. В ходе войны 1768–1774 гг. на международном уровне возник «румынский вопрос», ставший частью «восточного вопроса». В этом контексте, путем петиций и делегаций, бояре добивались ликвидации османского суверенитета и замены его русским. В боярских петициях предлагались различные формы правления — от включения в империю до сохранения местной автономии. К концу войны, когда подобные решения оказались невозможными, бояре обоих княжеств смирились с сохранением прежней автономии при ограничении давления со стороны османов.

Политическая история фанариотского режима характеризуется значительными территориальными потерями. В 1713 г. Порта превращает Хотин в часть империи, а по условиям Пожаревацкого мирного договора (1718) Валахия теряет Олтению, перешедшую под власть Австрии; в 1775 г. империя поглощает и северную часть Молдавии. После заключения Кучук-Кайнарджийского мира (1774), еще сильнее подчеркнувшего упадок Османской империи и рост значения России в Восточной и Юго-Восточной Европе,

Румынские земли в XVIII — начале XIX в.

начинается разложение фанариотского режима. В условиях обострения кризиса империи фанариотский режим становится недееспособным, несмотря на попытки реорганизации в правление Александра Ипсиланти в Валахии (1774 — 1782). Произвол османских властей и новые волны греков из Фанара препятствуют проведению реформ и обеспечению стабильности, к которой стремилась империя. Политическая жизнь княжеств все более зависит от политических и военных столкновений великих держав.

Новая русско-австро-турецкая война (1787 — 1792) опять превратила территорию княжеств в театр военных действий и привела к установлению австрийской власти в Валахии и частично в Молдавии.

Очаковский кризис, возникший как следствие стремления России к расширению посредством захвата земель, принадлежавших Османской империи, убедил великие державы — особенно Англию — в необходимости сохранения *status-quo* в Юго-Восточной Европе. Хотя мирные договоры, подписанные Османской империей с Австрией в Систове (1791) и с Россией в Яссах (1792) в момент, когда на Западе происходили важные события — восстание в Нидерландах и революция во Франции, — не изменили статуса княжеств, в истории Юго-Востока Европы открылась новая глава. При Константине Ипсиланти (1799 — 1801) и Александре Морузи (1802 — 1807) действия великих держав в регионе, а также связи с Россией и освободительным процессом на Балканах еще более усилили антиосманские настроения в княжествах. В 1805 г. Россия оккупировала Молдавию и Валахию и начала новую войну с Турцией (1806 — 1812), в которой приняли участие румынские добровольцы. Подписание Бухарестского мира (1812) привело, однако, к потере Молдавией территорий между Прутом и Днестром, отошедших к России, и имело следствием временное продление жизни фанариотского режима.

В последние годы правления господарей-фанариотов признаки распада империи становились все более очевидными. Они проявлялись в кризисе авторитета центральной власти, которая не могла больше остановить волну общего недовольства. В этот период в османских фирманах отражается значительная часть требований населения, что стало явным прогрессом и показывало стремление Порты путем разрешения отдельных вопросов сохранить себя в новых условиях, созданных Французской революцией. Под влиянием идей демократической революции на ру-

мынскую политическую жизнь рождается революционная программа XIX в.

Фанариотские реформы. Политика реформ начала проводиться при первом фанариотском государе, Николае Маврокордате, уделявшем особое внимание проблемам современности. Для своего сына, Константина Маврокордата, он разработал настоящую программу, в которой были представлены основные принципы просвещенного правления. На первом этапе фанариотские реформы были направлены на стабилизацию положения крестьянской массы в целях повышения эффективности налоговой системы. Реформаторская деятельность достигла пика при Константине Маврокордате, в особенности после Белградского мира (1739), возвратившего Валахии Олтению. Возвращение Олтении, где австрийцы своими реформами изменили отношения между боярами и крестьянами, поставил фанариотский режим перед альтернативой — продолжать процесс реформ или восстановить в Олтении старые законы.

Фанариоты выбрали первый вариант, так как реформы являлись обязательным условием укрепления режима в условиях высокой мобильности крестьян, препятствовавшей действию налоговой системы. К этому добавилась необходимость создания единых структур в стране после возвращения Олтении. Порта также была заинтересована в эффективности системы. С одобрения Константинополя Константин Маврокордат (1730–1769), занимавший по очереди престол и в Молдавии, и в Валахии, приступил к осуществлению программы реорганизации налоговых, административных и юридических учреждений с целью рационализации государственного устройства. Начиная с большой грамоты 1741 г. реформы, проведенные по очереди в обоих княжествах, были нацелены на формирование умеренной монархии и органов власти на основе общественных собраний. Это свидетельствует о стремлении не столько к просвещенному деспотизму, сколько к просвещенному абсолютизму, готовому к сотрудничеству с различными общественными слоями. Воплощение в жизнь этого ведущего принципа осуществилось посредством мероприятий во всех областях общественно-политической жизни. Налицо было стремление обеспечить стабильную платежеспособность крестьян и усиление роли государства в регулировании отношений собственности. Дополнительные административные и юридические меры

должны были укрепить контроль государства в политической и экономической сфере. Реформы Константина Маврокордата привели к отмене крепостного права в 1746 г. в Валахии и в 1749 г. в Молдавии и не позволили боярам путем фиксирования барщины вернуть крестьян в их прежнее, крепостное состояние, что означало конец крепостничества в румынских княжествах. Регулирование центральной властью отношений между землевладельцами и крестьянами позволяло сохранять определенное равновесие, ограничивая привилегии бояр и обеспечивая эффективность налоговой политики. Социальные реформы в Дунайских княжествах предшествовали подобным инициативам в Центральной и Восточной Европе.

Программа реформ, несмотря на некоторые отступления и нарушения со стороны Порты, оказалась особенно эффективной во второй половине XVIII в.; князя-фанариоты успешно проводили ее в последней трети XVIII и в начале XIX в. Александр Ипсиланти (1774 – 1782, 1796 – 1797) приложил новые усилия с целью реорганизации финансовой сферы и установил точные сроки выплаты податей, что способствовало росту благосостояния страны. Попытка отделить управление от правосудия, создание новых юридических инстанций и разработка законодательства стали реальным прогрессом на пути модернизации государства. Более того, благодаря тому что реформы проводились Константином Маврокордатом сразу в двух государствах, было достигнуто единство обоих княжеств, что выразилось, помимо прочего, в объединении их гербов на гербовом щите господаря. Реформы администрации, юстиции и церкви, распространение культуры и в особенности меры, направленные на решение аграрного вопроса, соответствовали общим реформистским тенденциям эпохи, направленным на модернизацию феодального общества.

После начала Французской революции на первый план в международной политике выдвигается так называемый восточный вопрос, т. е. проблема регламентации отношений с Портой. Составной его частью стала борьба за изменение политического статуса румынских княжеств.

Под знаком национального духа. Иннокентий Мику: вероисповедание и нация. В истории румынского народа XVIII в. является временем начала движения за политическое освобождение и перехода к программной деятельности во имя нации. Новым оп-

ределяющим элементом стал выход румын на политическую арену Трансильвании. Если прежде речь шла лишь о привилегиях православной церкви, полученных от отдельных князей, то в XVIII в., первоначально благодаря греко-католической унии, румынский вопрос принял невиданные прежде масштабы.

Для Габсбургов заключение унии сыграло важную роль в установлении некоторого равновесия, выгодного для них, но вместе с тем способствовавшего формулированию политических требований румын. Восстановление позиций католицизма и организация нового греко-католического епископства, статус которого был определен в грамотах Леопольда I и Карла VI, во многом обусловили характер румынского политического движения. Но по-настоящему сильным новое епископство стало после того, как император 25 февраля 1729 г. назначил епископом Иннокентия Мику. Тот был не только епископом румын-униатов в Трансильвании, но также, и, возможно, в большей степени, политическим деятелем, способным понять новые проблемы. Заняв 23 сентября 1732 г. епископскую кафедру, он одновременно получил титул барона и место в законодательном собрании Трансильвании, что было необходимо для развертывания намеченной им программы.

Первый этап политической деятельности трансильванских румын имел важные результаты: укрепление греко-католической епархии, организацию представительства в Блаже (1737), получение императорских грамот о материальном обеспечении епископства, что позволило в будущем функционировать учебным заведениям. С другой стороны, более точное определение программы и приобретение политической деятельностью национального характера (вместо прежнего конфессионального) обеспечило ей более широкую социальную поддержку.

Политические условия эпохи Марии Терезии открыли новый этап в румынской политической жизни. Требования румын в связи с политическими волнениями в империи и трудностями, с которыми столкнулась новая власть, стали более решительными. Уловив новые веяния, епископ обращается прямо к двору с длинной петицией под названием *Supplex Libellus**, в которой содержались многочисленные приложения, представлявшие собой подлинное досье по румынскому вопросу. Глубоко убежденный в том, что об-

* «Книжица прошений» (лат.).

ладает неотразимыми аргументами, чувствуя свою силу благодаря полученным привилегиям и грамотам, Иннокентий Мика в пышном барочном стиле рисует всеохватывающую картину положения румынского народа, ссылаясь на его историческое прошлое и описывая общественные и политические условия его существования. Он напоминает об императорских грамотах и юридических обстоятельствах, противопоставляя им злоупотребления и многочисленные нарушения законов, угнетение румын и создаваемые для них экономические и культурные преграды.

Никто прежде в Трансильвании не описывал так точно и пронизательно реальную картину положения румын и историческое значение румынского вопроса. Для Иннокентия Мику это служило обоснованием его политических требований. Он стремился к тому, чтобы румын также считали признанной нацией, чтобы они стали «сословием» (*statum constituere*) и их права были утверждены в законодательном порядке. Он актуализировал и прежние требования, сгруппировав их вокруг центрального вопроса и подчеркнув в духе века неразумность сохранения крепостного права, названного им рабством, и порожденного им невежества. Особую роль в деревне Мику отводил образованному человеку. Обращаясь к грамотам и историческим фактам, но особенно к настоящему положению дел, проводя аналогии с польской конституционной системой, он требовал провозглашения румын четвертой трансильванской нацией, ее представительства в сословном собрании и в местных учреждениях.

Подписанная от имени униатского румынского духовенства петиция, направленная венскому двору, на деле представляла румынскую программу. В условиях войны за австрийское наследие Иннокентий Мику добавил новые требования: право на представительство светского населения и созыв общего собора. Он также обещает предоставить империи солдат — румынские полки, но при этом затрагивает и вопросы городской жизни. Добиваясь создания придворной комиссии для рассмотрения требований, он доказывал, насколько важен румынский вопрос. Хотя в императорском рескрипте 1743 г. и были отражены неясные тенденции к улучшению, основное требование решительно отвергалось, так как император не желал покушаться на систему трех наций и четырех признанных конфессий. Рескрипт подтвердил грамоту Леопольда, но в него также было включено несколько новых постановлений, касавшихся униатского духовен-

ства. Обсуждение рескрипта в законодательном собрании Трансильвании вылилось в отрицание румынских постулатов, несмотря на рекомендации императорского двора. Собрание соглашалось признать права, предусмотренные для униатов, только за теми, кто обладал церковными и дворянскими прерогативами. Также было категорически отказано признать униатов равными католикам. Направленный двору ответ законодательного собрания (собравшегося в трансильванском городе Сибиу) и проведенные переговоры свидетельствуют об анахронической позиции дворянства политических наций. Седьмого августа 1744 г. Мария Терезия утвердила статьи VI и VII закона, касавшиеся румын; заинтересованная в примирении с дворянством, она согласилась с ограничениями. Реагируя на действия румын, требовавших восстановления своих прав, привилегированные нации использовали в качестве оружия историографию: во второй половине XVIII в. историки оспаривали древность румынского народа и непрерывность его проживания на территории Трансильвании. В этой обстановке началось антикатолическое движение против унии, угрожавшее перерасти в народное восстание.

Двадцать пятого июня 1744 г. Иннокентий Мику созывает общий собор, на котором наряду с церковными деятелями присутствуют и светские лица, и представители крестьян, что предвосхищает будущее общее собрание румын. На соборе Иннокентий обрисовал положение, создавшееся после отказа принять требования румынского народа, и просил участников одобрить продолжение им хлопот в этом направлении в Вене, куда его как раз пригласили. По дошедшим до нас известиям, собор обусловил свое согласие на унию выполнением национальных требований. Этот факт вызвал резкую реакцию императорского двора, который под влиянием привилегированных наций начал расследование деятельности епископа и стал оказывать на него давление. В Вене Иннокентий Мику разработал новую петицию, в которой требовал применения на практике третьего пункта второй униатской грамоты, подчеркивая, что это является стремлением духовенства и народа. Он добивался более широкого представительства духовенства в законодательном собрании и места советника в губернии. Противодействие императорской бюрократии заставило его в конце 1744 г. уехать в Рим.

Римское изгнание стало последним этапом его политической деятельности. Он попытался привлечь к румынскому вопросу

внимание папского престола и заручиться его поддержкой. Уже в первый год пребывания в Риме Иннокентий обновляет церковные и национальные постулаты, стремясь достичь равенства прав духовенства и находящегося под его юрисдикцией народа с правами остальных «наций». В петициях, направленных папе Бенедикту XIV в период, когда в Трансильвании проявились антикатолические настроения, Мику связывает судьбу унии с выполнением политических требований.

Религиозные движения в Трансильвании и восстановление православия. В середине века, в период наибольшей политической активности епископа Иннокентия Мику, началось антикатолическое движение с целью восстановления православия. Вызванное приездом в страну сербского монаха Виссариона Сарая, это движение распространилось из Баната на юг Трансильвании, привлекая массы крестьян, отказывавшихся от унии. Движение развивалось на фоне кризиса греко-католической епархии, ослабленной неудачей попытки восстановить свои права и укрепить греко-католическую церковь. На соборе, созванном в городе Блаже (1744) с участием крестьян независимо от их вероисповедания, был поставлен вопрос о целесообразности унии.

Движение Виссариона стало настоящим катализатором скрытого недовольства. К расследованию деятельности епископа Мику, обвиненного в поддержке движения, добавились другие неприятности, приведшие к отходу от унии ряда высших иерархов. На Блажском соборе 1747 г. церковная элита приняла решение продолжать борьбу за восстановление национальных прав; деревенские общины обусловили свое согласие на унию возвращением епископа в епархию.

Новые волнения под руководством Софрония привели к возвращению множества деревень к старой вере. Не обошлось и без влияния императорского декрета, допустившего восстановление православия, а также воздействия со стороны Сербской митрополии и русского двора. Восстание, однако, обладало собственной внутренней динамикой, так как недовольство крестьян имело куда более глубокие корни.

Движение Софрония привело к изгнанию униатского духовенства, захвату церквей, организации крестьянских собраний; иногда мятежники использовали ложные документы, особенно циркуляры, распространяли слухи о поддержке Россией трансильванского

православия, о согласии венского двора и Карловицкой митрополии с требованиями восставших. Движение привело к появлению ярких жалоб, разработанных элитой духовенства и включавших социально и национально окрашенные нападки на папство.

Во время восстания Софрония появился ряд петиций, обращенных к императрице, которые были разработаны на соборах в Златне и Алба-Юлии и содержали требования, сформулированные в ходе коллективного рассмотрения вопросов. В Алба-Юлии 14 февраля 1761 г., на соборе, созванном окружными посланиями, была представлена программа, в которой участники требовали следующее: православного епископа, освобождения арестованных, назначения священников и протопопов, льгот для духовенства, не признавшего унию, невмешательства государственных чиновников в дела церкви. Своими решениями собор пытался организовать православную церковь, обеспечить ее легализацию, а также остановить дворянский произвол, успокоить восставших и восстановить канонический порядок в церкви.

Распространение восстания на север, в Марамуреш, Сату-Маре и венгерские области наводит на мысль о едином движении в княжестве. Румыны этих регионов решительно выступили против унии, что свидетельствует об общей ментальности и солидарности православных. Восстание Софрония примечательно и другими аспектами: переговорами с официальными лицами и военным командованием, введением войск, репрессиями и восстановлением униатской церкви, а также навязыванием отвергшим унию румынам епископа, призванного стать инструментом венского двора.

При сопоставлении изложенных фактов с уровнем крестьянской ментальности начала XVIII в., выявившимся в реакции на унию, можно заметить отчетливое осознание крестьянами своей принадлежности к православной церкви, выразившееся в массовом отказе от унии и в требованиях восстановления православной иерархии. Рассматривая эти события наряду с восстанием Хории, в ходе которого также поднимался религиозный вопрос, можно отметить отождествление «румынской веры» с народом, глубоко укорененное в коллективном сознании. Это осознание народом своей принадлежности к «румынской вере» еще не имело в середине XVIII в. идеологического и теоретического обоснования. Тем не менее можно было наблюдать изменения в коллективной психологии и утверждение некой вероисповедной солидарности, ста-

вшей результатом диалога крестьянских общин с сельской интеллигенцией. Петиции от имени общин, в которых присутствовали элементы, отражавшие убеждения сельской элиты или влияние со стороны, не только были многочисленны, но совпадали по времени с новым направлением, намеченным реформаторской политикой в области вероисповедания. Свидетельством является собор в Алба-Юлии (1761), участие в котором церковной элиты вылилось в принятие ряда положений, далеких от требований крестьян. Сравнивая взгляды, выраженные в решениях собора, с положениями коллективных прошений, можно отметить появление некоторых расхождений между лидерами движения и массами его участников. После первых успехов движение, по мнению местной элиты, следовало ограничить, чтобы излишним радикализмом оно не помешало утверждению восстановленного православия.

Политическое движение в Валахии и Молдавии. Параллельно с событиями в Трансильвании разворачивается политическое движение в Валахии и Молдавии. Установление фанариотского режима в княжествах не привело к отказу от попыток освобождения из-под османской власти. Идея завоевания независимости на основе программы Шербана Кантакузино и Димитрия Кантемира в условиях новой серии австро-русско-турецких войн вновь вышла на первый план. Преемственность освободительной программы ярко проявилась в ходе австро-турецкой войны 1716 – 1718 гг., во время которой в Валахии действовала антиосманская группировка, возглавляемая сторонниками семьи Кантакузино. В Молдавии также заявила о себе антифанариотская оппозиция, что было связано с победами австрийцев и возможностью вооруженного вмешательства России, за которое бывший господарь Димитрий Кантемир высказался в меморандуме, обращенном к царю Петру I.

Начало русско-австро-турецкой войны 1735 – 1739 гг. вновь воскресило планы освобождения балканских народов. Вступление русской армии в Молдавию выявило открытое стремление к освобождению из-под османской власти в союзе с Россией. Важную роль в политических и военных действиях сыграли братья Кантемиры, сыновья бывшего господара Димитрия.

Однако захват австрийцами Олтении не оставлял сомнений в их намерениях превратить румынские княжества в имперские провинции. Бояре Валахии вновь попытались напомнить о правах семейств Кантакузино и Кантемиров на престолы княжеств. Они

послали своих политических представителей в Россию, чтобы восстановить связи с Кантемирами. В политической переписке того времени от имени двух княжеств — «этой страны, Молдавии, и нашей (Валахии)» — говорилось о необходимости их освобождения. Румынские политические деятели все чаще говорят об опасности, которую представляет империя Габсбургов для независимости румынских государств и одновременно выражается идея возвращения Олтении Валахии. Результаты внешнеполитических демаршей валашских бояр способствовали, в свою очередь, тому, что в ходе Немировского мирного конгресса (1737) зашла речь и о признании независимости Молдавии и Валахии. Хотя требование предоставления независимости румынским княжествам, внесенное в документы конгресса, так и не воплотилось в жизнь, сама деятельность внутренних политических сил стала значительным шагом вперед на пути к обретению независимости.

Политическая переписка свидетельствует, что в результате деятельности внутренней оппозиции румынский вопрос стал составной частью «восточного вопроса». В этой же переписке можно встретить новое понятие «родины», знаменующее собой дальнейшее развитие самосознания румынского общества.

Идея независимости еще сильнее проявилась в ходе войны 1768 — 1774 гг., когда те же политические силы во главе с семьей Кантакузино вновь заявили о стремлении освободиться от османского господства. В 1769 г. Михай Кантакузино в меморандуме, представленном Фокшанскому конгрессу (1772), потребовал восстановления старинных прав и независимости Валахии. Деятельность местных политических сил проявилась и в масштабной политической аргументации, сопровождавшей меморандумы, направленные представителям России, Австрии и Пруссии, в которых обсуждались отношения румынских государств с Портой.

Одновременно заинтересованность в четком определении характера отношений с Портой проявляется и в Молдавии. Происходит синхронизация политических демаршей, основанных на ссылок на историческое право. Восприняв идеи Кантемира об отношениях с Портой (указание князя на злоупотребления османских властей и ссылка на «капитуляции»), бояре пытаются добиться независимости княжеств. В 1772 г. румыны предлагают создание буферного государства под покровительством великих держав. Однако, несмотря на воздействие внешних факторов,

княжества при заключении Кучук-Кайнарджийского мира (1774) все же не добились независимости. Тем не менее на основании мирного договора Порте пришлось признать за представителями княжеств в Константинополе ряд привилегий. Участие румынских добровольцев в войне против Османской империи и масштабная внешнеполитическая деятельность, решения, принятые после политических меморандумов, и дискуссии в дипломатических кругах о новом статусе Дунайских княжеств — все это способствовало укреплению антифанариотского и, следовательно, антиосманского крыла. Политическая деятельность в обоих княжествах своей синхронностью и сходством требований отражала активизацию внутренней политической жизни и новую направленность освободительного движения.

Семидесятые годы XVIII в. ознаменовались развитием национального движения, которое все более подпитывалось диалогом между политикой и культурой. Провозглашение политических идей в произведениях этого периода способствовало заметному распространению румынской политической идеологии. С другой стороны, единство действий и требований, выдвигаемых Молдовой и Валахией, оказывало влияние на румын Трансильвании, которые в том же десятилетии, вооруженные новыми аргументами, почерпнутыми из истории румынских княжеств, попытались добиться нового статуса греко-католической церковной иерархии и высокого сана митрополита для глав румынских церквей в империи Габсбургов. Таким образом, в 70-х годах XVIII в. наблюдается тесная связь между освободительным политическим движением и формированием национального сознания.

Несмотря на сходство национальных программ, в румынском политическом движении выявляются различные приоритеты, что было связано со специфическим политическим статусом: в Дунайских княжествах это восстановление независимости, а в Трансильвании — интеграция румын в конституционную систему.

Кризис просвещенного деспотизма. Восстание Хории. В середине 80-х годов, в эпоху непрерывных реформ, в Трансильвании вспыхивает одно из самых значительных по размаху и международному резонансу крестьянских восстаний в Европе XVIII в.

Начавшись с местных инцидентов в Западных Карпатах, имевших место в начале десятилетия, волнения резко усилились в связи с набором в армию, объявленным Иосифом II 31 января 1784 г.

в целях усиления системы местной обороны. Известие о предполагаемой вербовке в пограничные полки, сформированные в предыдущие годы, вызвало живой интерес среди крепостных крестьян, которых привлекала возможность обрести свободу, предоставляемая зачислением в армию. Попытка перекрыть поток желающих, отменив рекрутский набор, вызвала бунты в Западных Карпатах, где обстановка была давно уже накалена вследствие более ранних столкновений, искры которых так и не были погашены.

Во время новых волнений на передний план выдвинулась фигура Хории, прежнего руководителя крестьянских делегаций, которые неоднократно направлялись в Вену. Хория обладал особым авторитетом благодаря тому, что был принят императором (в апреле 1784 г.). Эта аудиенция способствовала росту популярности Хории как крестьянского предводителя. Встреча Хории с Иосифом II усилила веру крестьян в «доброе императора», и они стали видеть в Хории человека, ниспосланного провидением. Возобновление рекрутского набора в октябре 1784 г. побудило крестьян еще более активно записываться в армию. Вместе с тем все большим становилось недовольство крепостных феодальным гнетом.

Усиливалась и неуверенность в силе императора, подпитываемая противоречиями между реформаторским курсом и консерватизмом дворянства. Двадцать восьмого октября в комитате Зарандулуй, в селении Брад, бывший солдат императорских войск Кришан, один из будущих руководителей восстания, от имени Хории созвал крестьян на собрание, где объявил им об имеющемся якобы приказе императора о раздаче оружия и освобождении от барщины. Тридцать первого октября в селе Местьякэн собрались крестьяне из соседних комитатов. Оттуда с именем Хории они направились к крепости Алба-Юлия, чтобы получить оружие. На этом же собрании в речи, произнесенной Кришаном перед собравшимися, были четко обозначены перспективы освобождения от крепостного гнета и уменьшение феодальных повинностей.

Отныне восстание охватывает все новые территории, былая готовность записываться в армию перерастает в стремление покончить с дворянством. Повстанцы расправляются и с дворянами, и с чиновниками, выступая под самыми разнообразными лозунгами, главным из которых был «Долой дворянство и крепостничество!».

По мере того как восстание ширилось и распространялось на села Трансильванской равнины, в него вовлекались и венгерские крестьяне. Движение приобрело всеобщий характер, в той или иной мере охватив все крепостное крестьянство. В атмосфере всеобщего подъема крестьяне, уверенные в своей победе, обобщили свои требования в ультиматуме от 11 ноября 1784 г., адресованном дворянам, укrywшимся в крепости Дева. В этом ультиматуме крестьяне коротко и ясно изложили те мысли, которые вдохновляли их на борьбу: «Помещики комитата и все его владельцы пусть поклянутся на кресте»; «Помещикам не быть больше»; «Пусть зарабатывают на службе и навсегда покинут свои владения»; «Пусть платят подати, как весь простой люд»; «Помещичьи земли должны быть поделены между простыми людьми». Мысли, выраженные в ультиматуме, отражали общие требования крепостного крестьянства всех помещичьих владений. В сжатой и четкой форме в нем с крестьянским радикализмом были обобщены все предыдущие лозунги и другие требования, которые крестьяне выдвигали раньше во время различных переговоров: упразднение дворянства и феодальной собственности, т. е. упразднение не только феодальных отношений, но и всех помещичьих владений и крепостнических отношений независимо от национальных различий, освобождение всех крестьян — в первую очередь румынских, представлявших собой большинство крепостных.

Формулировки ультиматума подчеркивали основные социальные требования. В них не было и намека на намерение лишь несколько модернизировать феодальные отношения, чем полностью отвергалась реформаторская практика двора. Этот акт предлагал собственно крестьянское, революционное и устремленное в будущее решение национального вопроса через освобождение нации от крепостного рабства. Требования, изложенные в ультиматуме и являвшиеся концентрированным выражением всего опыта крестьянской жизни, вызрели в социально-политической и идеологической обстановке реформ Марии Терезии и Иосифа II, в которой особенно были распространены идеи ликвидации дворянских привилегий и необходимости налогообложения этого класса, что обсуждалось даже на уровне государственного совета. Ультиматум обобщил основные социальные требования крестьян, но в то же время под влиянием атмосферы реформ выразил идею превращения дворянства в полезный для государства класс, который платил бы налоги в государственную казну.

Достигшее своего пика восстание продолжалось. В свою очередь административный аппарат и армия предпринимали попытки обуздать его. Повстанческие действия крестьян прерывались переговорами, вмешательством церковной верхушки и интеллигенции, что облегчало усмирение мятежников. Военное командование, используя веру крестьян в «доброе императора» Иосифа II, сумело погасить основное пламя восстания еще до получения конкретных приказов. А когда император решил двинуть армию на его подавление, крестьяне были вынуждены перейти к обороне. Несмотря на успехи, которых добились восставшие, 7 декабря у селения Михэлень полковник императорской армии Край сломил сопротивление крестьянского войска. Временно заключенное перемирие, переговоры и действия армии решили судьбу восстания в горах и в стране в целом. Войско Хории распалось, и руководители восстания были вынуждены 14 декабря укрыться высоко в горах. Их преследовали, и 26 декабря они были схвачены и заключены в тюрьму в Алба-Юлии. Их ожидал самый строгий суд по кодексу, принятому во времена Марии Терезии. Судебным решением от 25 февраля руководители восстания были приговорены к казни через колесование. Казнь состоялась 28 февраля на глазах множества крестьян, согнанных специально, чтобы они могли увидеть, как будут наказаны те, кто осмелится подняться на борьбу.

Возглавленное Хорией восстание благодаря своему размаху получило широкий отклик в Европе — известия о нем передавались по дипломатическим каналам, проникли в прессу, в литературные и исторические сочинения от Пиренейского полуострова до Скандинавии, итальянских и германских государств, Франции, Нидерландов — и в Америке.

Восстание Хории позволило Жаку-Пьеру Бриссо развернуть широкую дискуссию о практике просвещенного деспотизма, особенно йозефинизма. Назвав приговор — преступлением и усомнившись в праве наказывать борцов за свободу, этот будущий участник Французской революции на примере восстания Хории поставил перед обществом принципиальный вопрос. Он высказался в защиту восставших румын во имя права на сопротивление, сравнивая румынский пример с примером Американской революции и с гуманистическими идеями века.

Последствия восстания сказались на обществе в целом: вскоре был издан рескрипт об отмене крепостного права в Трансильвании (1785).

Несмотря на то, что положения этого рескрипта начали применяться в других землях короны еще с 1781 г., введение его в действие в княжестве было отложено из-за сопротивления, оказанного дворянством. Тем не менее благодаря восстанию в Трансильвании была отменена личная зависимость крепостных крестьян от помещиков и им было дано право перехода, упраздненное законодательным актом после восстания Дожи. Хотя феодальные порядки не были полностью отменены, издание рескрипта способствовало их расшатыванию, одновременно ускоряя и другие социальные процессы, поскольку давало крестьянам право обучаться ремеслам и работать в любом месте. В целом упразднение личной зависимости открыло новую фазу в развитии феодальных отношений и дало новые импульсы освободительному движению.

Восстание сыграло огромную роль в утверждении прав румынского населения. Поскольку в восстании участвовали главным образом румыны, оно имело яркий социальный и национальный характер. Крестьянство, поднявшееся на борьбу против господ феодалов, фактически боролось с теми, кто защищал средневековые порядки. В 1784 г. в борьбе столкнулись крестьянство, в основном представленное румынами, и дворянство, в подавляющем большинстве венгерское. Социальный и национальный аспекты придали восстанию двойственный характер. Начатое снизу, оно, по существу, пыталось решить румынскую проблему. Спустя некоторое время интеллектуальная элита страны стала искать политического решения этого вопроса. Последующее развитие событий сблизило оба аспекта в рамках национальной борьбы, и они слились в единый румынский вопрос.

Национальное движение в период демократической революции. *Supplex Libellus Valachorum*. В конце XVIII в. национальное движение в центре и на юго-востоке Европы вступает в новую фазу развития.

В условиях Французской революции — и до, и после смерти Иосифа II — происходит кризис реформаторской политики, отмеченный приостановкой реформ и ростом влияния дворянства, заинтересованного в восстановлении старых порядков. Борясь за *restitutio in integrum*, т. е. за их восстановление в целом, дворянство попыталось воспользоваться трудностями, с которыми столкнулась империя, чтобы аннулировать все завоевания реформаторской эпохи, стремясь к реставрации своих исключительных

прав на землевладение и восстановление политического положения, существовавшего до реформ. С этой целью оно организовало широкую оппозицию централизаторской политике, направленную главным образом против реформ Иосифа II. Однако, стремясь вернуться к старым порядкам, дворянство вынуждено было считаться с ростом революционного сознания в империи, с политическими условиями, несовместимыми с реакционным курсом, и, наконец, с сопротивлением, оказанным поколением, воспитанным в духе идей Просвещения, и представителями разных национальностей.

В этой конфликтной обстановке в правление Леопольда II (1790—1792) начался новый период реформ, в основу которых был положен менее догматический опыт Тосканы, где более широко использовался диалог с местными учреждениями. Сохранив основное направление реформаторского курса, Леопольд II смягчил централистские тенденции, считаясь со сложившимися конституционно-юридическими структурами и добившись на некоторое время компромисса с дворянством. Это принесло свои плоды, поскольку в стране распространился революционный дух, вынуждавший дворянство вступать в диалог с Веней, за который выступали и национальные движения Венгрии и Трансильвании.

Одним из первых результатов политики Леопольда было восстановление в Венгрии и Трансильвании сословного режима. Созыв сейма сначала в Венгрии, а затем в Трансильвании (1790) дал возможность привилегированным нациям предъявить Вене свои требования, но в то же время открыл поле деятельности для румын. Созванный сейм отражал характер режима политических наций и конфессий. Из 417 участников 296 получили свои места по праву рождения и по должности и лишь 121 были избранными представителями. С социальной точки зрения 350 членов представляли дворянство, из них 116 были крупными магнатами. С национальной венгры (вместе с секеями) составляли около 90%, саксы — 10%, тогда как румын представлял один-единственный участник — греко-католический епископ Иоанн Боб, получивший место в соответствии со своим саном.

Возродив дворянскую антиреформаторскую программу, дискуссии в сейме упрочили тенденцию возвращения к старым установлениям, к политике привилегированных наций, ко всем ограничениям, касавшимся румын, к которым добавилось враждебное отношение, вызванное восстанием Хории. Неприязненным было

отношение большинства депутатов и к социальной программе реформ, к законодательству времен Иосифа, к праву на свободное перемещение, которое было ограничено настолько, что сделалось практически недействительным.

В ходе непрерывных волнений национальное движение под лозунгом восстановления прав приобрело новые акценты, новые активные направления как среди румын, так и среди сербов и представителей других народов. Новое поколение интеллигенции, сформировавшееся в условиях йозефинизма и Просвещения, борьбы за осуществление национальной политической программы и реформ, более многочисленное, чем прежде, отличалось разнообразием социальной и профессиональной структуры и было представлено в Риме и Вене людьми с высшим образованием, церковными иерархами, историками, филологами, юристами, офицерами пограничных войск.

Уже первые политические выступления показали, что движение приобретает крайне многообразные формы. Одной из них была подача петиций, индивидуальных или коллективных, от имени офицеров пограничных полков или видных представителей интеллигенции. В меморандумах вновь поднимались вопросы, звучавшие в прежних политических программах, которые благодаря сотрудничеству с выдающимися деятелями культуры дополнялись новыми положениями. В знакомых и понятных формулировках, приспособленных к новым условиям, они выражали главное — требование равенства с другими национальностями и права участвовать в государственной жизни. Опираясь на новые доктрины, изложенные в меморандумах, их авторы в соответствии с логикой просветительства призывали к договоренностям, соотнесенным с этническим характером края в прошлом. Действия были направлены на соглашение с государственными властями, но при этом оказывалось давление и на епископат, с тем чтобы возродить политическую роль церкви, которую та когда-то играла. Пройдя через поиски конфессионального решения проблемы, такого, как написание петиции от имени греко-католического духовенства, румынская элита в конце концов остановилась на нецерковном политическом решении национального вопроса.

Центром этой деятельности стал город Орадя, где греко-католический епископ, видный деятель культуры Игнатий Дарабант решил поддержать национальное движение. Над так называемым *Supplex Libellus Valachorum* трудились ведущие представители

интеллектуальной жизни эпохи, такие, как Самуил Мику, Георге Шинкай, Петру Майор, Иоан Пиуариу Молнар, Иосиф Мехеши, Ион Будаи Деляну, Иоан Пара, историки и юристы, представители духовенства и мирян, униаты и православные. В этом меморандуме, подписанном от имени нации ее свободными классами (*Clerus, Nobilitas, Civicusque Status Universae Nationis in Transilvania Valachicae**), все постулаты были обобщены в пяти основных пунктах: 1. Отказ от возмутительных и оскорбительных обозначений румын как лишь терпимого и признаваемого населения и восстановление румынской нации во всех гражданских правах. 2. Возвращение нации места, которое она занимала в политической жизни в средние века. 3. Духовенство, дворянство и простой люд румынской нации ни в чем не должны уступать соответствующим сословиям трех прочих наций. 4. Право иметь в сейме своих представителей пропорционально численности румынского населения и право занимать другие государственные должности. 5. Административным единицам, где румынское население составляет большинство, должны быть даны румынские или смешанные названия или сохранены их наименования по названиям рек и крепостей. И наконец, обобщая программу, меморандум требовал, чтобы жители княжества независимо от национальности и вероисповедания пользовались в соответствии с их состоянием и положением равными свободами и преимуществами и могли занимать одинаковые должности.

Четко аргументированный с исторической точки зрения и подкрепленный положениями демографического характера, меморандум выражал основные требования нации, которые оформились в течение последних шести десятилетий. Имея конституционный характер, меморандум предусматривал согласно веяниям эпохи полное восстановление нации в гражданских правах, равенство ее с политическими нациями, пропорциональное представительство в общественной жизни. Полностью отвечая требованиям времени, в условиях умеренной политики Леопольда, сдержанно относившегося к новшествам, меморандум требовал восстановления прежних свобод.

Политическая направленность эпохи Леопольда II была ясно видна в достигнутых результатах; отвечая на возвращение дво-

---

* Духовенство, дворянство и городские сословия всей валашской нации в Трансильвании (*лат.*).

рянству всех прав, *Supplex* от имени румынской нации также требовал *reintegratio**. Под этим предлогом румыны выдвинули новые требования, касавшиеся изменения конституционной системы. Своей формулировкой и рационалистической аргументацией эти требования практически подразумевали ниспровержение существующих политических ценностей. Каждое из выдвинутых в *Supplex* требований было четко аргументировано и направлено против власти привилегированных сословий. Если бы эта национальная программа была принята, она помогла бы превратить княжество в румынский край посредством превращения румын в численно преобладающую политическую нацию со своим представительством.

Положения документа отражали преемственность и были продолжением политической борьбы предшествующего периода. Те требования, которые выдвигались во времена Иннокентия Мику, приобрели теперь логическую завершенность, единство и дополнительную аргументацию. Новое поколение вводит в текст идеи, рожденные в атмосфере Просвещения, — идеи демократической революции, равенства граждан в правах. Этот важный документ практически первым открыто ссылается на французскую «Декларацию прав человека и гражданина». Эволюция в современном духе и соответствие документа новым веяниям заметны и в том, как меморандум *Supplex* трактует понятие нации.

Судьба меморандума была предрешена внутренними политическими отношениями в империи, компромиссом между венским двором и дворянством перед угрозой европейского революционного взрыва. Посланный сейму Трансильвании, он был отвергнут все теми же привилегированными классами, которые еще раз решили сохранить старую конституцию и традиционные формы правления. Но действия румынского населения также вошли в противоречие с централизаторской и объединительной концепцией империи, которая не могла пойти на принятие решений, способствовавших формированию национальной индивидуальности румын. Перед лицом экспансии демократической революции имперская политика по-прежнему была скована жесткими конституционными рамками провинциальных учреждений, и власти предпочли новшествам соглашение с дворянством, а потребностям времени — феодализм.

---

* Восстановления (лат.).

Когда этот важный политический документ был отвергнут сеймом, за ним последовал второй (1792), составленный и отправленный от имени двух епископов: Иоанн Боб представлял греко-католическую церковь, а Герасим Адамович — православную. Несмотря на то, что были добавлены исторические аргументы и заметно сокращена национальная составляющая, ограниченная требованиями прав для православных церковных организаций, второй меморандум постигла судьба первого.

Новый меморандум отразил стремление румынских политических лидеров расширить социальную базу национального движения. Авторы этого послания вновь в решительных выражениях выдвинули идею национального конгресса, сформулированную и в первом меморандуме, требуя созыва собрания по типу иллирийского, в котором принимали бы участие не только представители военного, дворянского, духовного и гражданского сословий, но и низших слоев населения. По сравнению с первым меморандумом тональность второго была гораздо радикальнее, отражая эволюцию румынского общества в направлении идеалов демократической революции. Впрочем, после того как требования первого меморандума были отвергнуты, национальное движение стало приобретать все более заметный протестный характер. Венский двор, столкнувшись с острыми проблемами на внешней арене, был заинтересован в сохранении мира внутри страны, чтобы иметь возможность сконцентрировать силы на решении внешнеполитических задач. Его внимание надолго оказалось прикованным к внешней политике, и высшему духовенству было запрещено заниматься политическими вопросами.

Политическое движение, возникшее вокруг меморандума, впервые объединило в едином осознанном порыве различные социальные слои, заинтересованные в приобретении нового политического статуса. Хотя поставленные цели не были достигнуты, интеллигенция показала свое политическое настроение и силу, а также и то, какое место она занимает в обществе. Работа продолжалась в самых различных сферах, а представленная программа вызвала яростную полемику не только среди представителей привилегированных наций, но и в среде румынского образованного клана. Положения программы распространялись в обществе по вертикали, их совершенствование продолжалось в новых условиях, что впоследствии нашло отражение в политической деятельности революционного поколения 1848 г.

Национальное движение в Валахии и Молдове. После заключения Кучук-Кайнарджийского мира политическая деятельность военного времени, целью которой было добиться определенных прав, продолжилась составлением меморандумов, разработанных внутренней оппозицией, к которой присоединились широкие тайные движения против новых господарей — фанариотов Александра Ипсиланти и Григория III Гики. В обстановке возвращения к фанариотской системе, которой не существовало в период войны, боярство выступало за устранение иностранных правителей. Заговор в Молдавии в 1778 г., направленный против Константина Морузи, перерос в сильное антифанариотское движение, имевшее большое значение для нового курса оппозиции, вышедшей за рамки составления петиций. Начались конкретные действия с целью смены правителей.

Сразу же после 1774 г. наряду с подпольными и оппозиционными действиями возникло множество связанных с надеждами, которые были порождены возникновением «восточного вопроса», проектов политической реорганизации румынских княжеств. Составление петиций отражало в общих чертах развитие событий на международной арене, способствовавших консолидации внутренней оппозиции. Именно этим объясняется тот факт, что между 1802 и 1807 гг. в связи с политикой наполеоновской Франции число таких меморандумов росло, а в последующие годы — вплоть до революции под руководством Тудора Владимиреску — уменьшилось, после чего они опять стали появляться все чаще.

Движение выдвинуло новых выдающихся личностей из среды бояр — таких деятелей культуры, как Михай Кантакузино, Енэкицэ Вэкэреску, которые были основными авторами меморандумов и исторических записок, и таких представителей духовенства, как Кезарие из Рымника, Яков Стамати и Леон Геука. В начале XIX в. к ним присоединились писатели из среды мелкого и среднего боярства, городская интеллигенция — все, кто тесно связывал национальное движение с европейским политическим процессом.

В меморандумах и проектах реформ затрагивались вопросы, касавшиеся характера и смысла исторического развития княжеств (отправной точкой были идеи, сформулированные еще Димитрием Кантемиром): способ реализации намеченных реформ, социально-экономические вопросы, проблемы преобразования государственных учреждений, возможные формы правления.

В этом круге вопросов центральное место занимало обсуждение международного статуса княжеств — центральный пункт румынской политической программы.

Идеи широкого национального движения, охватив теоретически подготовленные слои населения, тесно связанного с просветительством, нашли свое выражение в многочисленных брошюрах и памфлетах, социально-политической и исторической литературе, проникнутой критическим духом. Наиболее популярные жанры многое заимствовали из сочинений XVIII в., что значительно облегчало общение представителей различных слоев населения и усиливало внимание общества к новым идеям. Хотя политическая программа не была обобщена в едином фундаментальном документе, все меморандумы и проекты реформ в целом так или иначе касались ее, подчеркивая главное требование — восстановление независимости путем упразднения турецко-фанариотского господства. В политических меморандумах оттоманское господство и фанариоты обвинялись в упадке княжеств, в них давался всеобъемлющий и критический анализ фанариотской системы. Предлагавшиеся в них решения имели главным образом реформистский характер. Они выражали все возрастающую озабоченность проблемами экономического развития, сельского хозяйства, развитием мануфактур, торговли, но при этом подчеркивали необходимость упразднения турецкой монополии. В то же время, поскольку авторы этих документов принадлежали в большинстве своем к боярскому сословию, в них были чрезвычайно слабо отражены социальные вопросы. Особый акцент в этих меморандумах делался на проблемах управления, на его законодательных, юридических и исполнительных аспектах, обсуждались вопросы власти князя, его этнического происхождения, избрания, срока и ограничения круга его полномочий. Новые концепции, получившие распространение в румынских княжествах, были приспособлены к интересам боярства и заключали в себе представления о будущей политической структуре и формах управления государством. Но несмотря на предлагаемые авторами политических программ формы правления — республика, конституционная или представительская монархия, просвещенный или дворянский абсолютизм, — обсуждение их в обществе способствовало тому, что общественное мнение осваивалось с возможными альтернативами и приходило к мысли о необходимости изменения существующих структур.

Более того, ссылки на международный статус княжеств в целом также выражали общественное мнение, которое высказывалось за восстановление независимости или за сохранение и укрепление автономии. Требование нового политического статуса, выдвинутое румынскими политическими деятелями, совпадало с целями некоторых европейских держав, непосредственно вовлеченных в «восточный вопрос» и заинтересованных в ликвидации османского господства. По мере углубления кризиса фанариотского режима все более явной становится тенденция к сведению основных политических требований в единую систему. Главное место и на этот раз, на закате фанариотского режима, занимало требование восстановления независимости княжеств от Константинополя и возвращения власти местным господарям. В эпоху Реставрации наиболее активные с политической точки зрения социальные силы, пользуясь терминологией просвещения, решительно требовали возвращения к политическому статусу румынских княжеств, которым те обладали до установления османского владычества. Другими словами, они хотели видеть княжества суверенным государством, даже если в условиях господства боярской идеологии оно останется пленником социальных установок прошлого. В эпоху, когда буржуазия еще была слабо развита и крайне неоднородна в национальном отношении, боярство становилось носителем новых идей, которые корректировало в зависимости от различных интересов составлявших его слоев. В целом же политическая программа благодаря выдвинутым в ней требованиям национального характера в той или иной мере смогла объединить все социальные слои формирующейся нации.

Румынские княжества и «восточный вопрос»

Эволюция «восточного вопроса», прогресс, обусловленный Французской революцией, и распространение революционного духа в Юго-Восточной Европе сказались и на политической ситуации в румынских княжествах. В конце XVIII в., в тесной связи с международной ситуацией на континенте формируется новый политический климат, способствовавший политико-территориальным изменениям на юго-востоке Европы.

После заключения Кучук-Кайнарджийского мира, который не разрешил международных разногласий, «восточный вопрос»

обострился в связи с началом новой войны. Российская империя и Австрийская монархия продолжали демонстрировать свои экспансионистские намерения, а Англия и Франция все более активно действовали в границах османских владений. Встреча Екатерины II и Иосифа II в Могилёве открыла дорогу к созданию антиосманского союза. Окончательный текст русско-австрийского договора (май 1781 г.), дававший взаимные гарантии владениям обеих сторон, был направлен против Османской империи. Последующее уточнение взаимных обязательств дало повод и к уточнению намерений обеих держав в отношении румынских княжеств.

Екатерина II предложила создать буферное государство под названием Дакия, состоящее из Молдовы и Валахии во главе с монархом, исповедующим православную религию. Государство должно было быть независимым, и ни Россия, ни Австрия и никакое другое государство не могло аннексировать его. Хотя «Дакийское королевство» так и осталось проектом, важным был сам факт признания общности судеб румынских княжеств. Однако в действительности обе империи продолжали преследовать собственные интересы в отношении Османской империи. Австро-русский союз облегчил экспансию России, которой договоренность 1782 г. позволила занять Очаков. В результате начавшейся в 1787 г. войны и побед, одержанных Суворовым при Фокшанах и на реке Рымник, а также австрийского наступления в конце 1789 г. Молдова и Валахия оказались заняты союзниками. После выхода Австрии из войны и заключения мира в Систове (август 1791 г.) Россия осталась в одиночестве. Мир с Турцией, который был заключен в Яссах 9 января 1792 г., подтвердил требования предыдущих договоров, обязав Порту уважать права Молдовы и Валахии. Война дала местным силам новую возможность принять участие в борьбе против османского господства, а европейской дипломатии — повод проявить открытый интерес к княжествам. Проект создания «Дакийского королевства» и стремление Австрии завладеть занятыми территориями привели к возобновлению дискуссии о международном статусе Валахии и Молдовы. Инцидент в Очакове показал Англии направление политических устремлений России и убедил ее в необходимости проводить политику по защите европейских владений Оттоманской империи.

В конце XVIII в. на Юго-Восточную Европу оказывали все большее влияние последствия Французской революции. С одной

стороны, распространение революционных идей и восприятие их румынским политическим движением в соответствии с уровнем его развития стимулировали разработку новых проектов реформ, а с другой — начался новый этап в восточной политике Франции. Открытие французских консульств в княжествах (1796) говорило о расширении содержания «восточного вопроса» и способствовало диалогу Франции с румынским обществом в духе новых идей. Присутствие Франции в регионе и экспансионистские цели России заставляли проявлять все больший интерес к судьбе княжеств и Англию.

В этих условиях наполеоновская политика, для которой «восточный вопрос» представлял собой средство достижения широко-масштабных целей на Востоке, имела следствием направление петиций Наполеону (1802). Боярство просило защиты против турок и в 1807 г. направило Наполеону новый меморандум. В связи с присутствием Франции на юго-востоке Европы Талейран после создания в 1805 г. третьей антифранцузской коалиции включил судьбу княжеств в план своей европейской дипломатии. Он посоветовал Наполеону предложить Австрии аннексировать княжества и Болгарию. Это лишило бы Россию возможности экспансии в направлении Константинополя и противопоставило бы ее Австрии. Последующие события не позволили осуществиться проектам, связанным с «восточным вопросом», и не оправдали ожиданий в княжествах. Напротив, в результате перемирий, завершивших конфликт великих держав, Россия 28 мая 1812 г. включила в состав своих владений территорию между Днестром и Прутом, точно так же как в 1775 г. Австрия аннексировала северную часть Молдовы.

С точки зрения румынских требований результаты этого этапа истории «восточного вопроса» в XVIII в. представляли для княжеств неоспоримый прогресс. Их политическая судьба обсуждается на международном уровне, выносятся на повестку дня различных переговоров и в конце концов фигурирует в заключенных мирных трактатах. Фирманы, сенеды и хатишерифы, которые Порты обязана была предоставить княжествам в 1774–1802 гг., изменили их юридический статус. Султанская власть была вынуждена гарантировать княжествам их привилегии и учитывать в своей политике положения договоров, заключенных между иностранными державами. В этих условиях национальное движение получило новый импульс, хотя по-прежнему развивалось в ус-

ловиях османского сюзеренитета, который сохранялся, поскольку заинтересованные стороны не смогли решить вопрос о разделе Османской империи.

Эпоха реакции в Трансильвании и кризис фанариотского режима. События 1790 – 1792 гг. заставили две большие империи, Османскую и Габсбургскую, понять, что новые обстоятельства требуют изменения их традиционной политики. В то время как Османская империя постоянно капитулировала перед лицом внутреннего и внешнего давления и пыталась проводить политику уступок в ответ на требования Дунайских княжеств, Австрийская империя скатывалась в сторону реакции.

Глубокий кризис фанариотского режима менял ситуацию еще более серьезно. Кучук-Кайнарджийский мир, определивший ведущую роль России в Восточной и Юго-Восточной Европе, приблизил падение режима фанариотов. Хотя этот режим был после заключения мира восстановлен, он разлагался на глазах, чему способствовали преобразования, происшедшие в Юго-Восточной Европе. Военные поражения Османской империи и вмешательство европейских держав в турецко-румынские отношения создали широкие возможности для развития национально-освободительного движения. В этих условиях Порта была вынуждена пойти навстречу требованиям румынских княжеств, четко определить их денежные обязательства и отказаться от произвола при закупке румынских товаров. В 1802 г. Порта несколько изменила саму политическую систему, установив семилетний срок правления господарей-фанариотов. Вынужденная идти на уступки, империя попыталась создать климат, необходимый для разрешения противоречий, существовавших между фанариотским режимом и враждебными ему внутренними политическими силами.

Войны и сложность «восточного вопроса» в целом, темп изменений, происходивших на политической арене Юго-Восточной Европы, явились определяющими факторами в модификации характера турецко-фанариотского пакта. Внимательно следя за эволюцией политической ситуации в Европе, фанариоты постепенно отходили от политики, проводимой Портой; господарь Константин Ипсиланти (1802 – 1806) решительно стремился к освобождению от османского господства. Будучи связан с Россией и освободительным движением на Балканах, он поддержал сербское восстание под руководством Карагеоргия (1804). Ростки демокра-

тической революции были подавлены полицейскими мерами. Планы создания собственной армии и проект основания «Дакийского королевства», рожденный в семье Ипсиланти, явились ярким свидетельством понимания господарем-фанариотом национальных интересов румынских княжеств. События конца XVIII — начала XIX в. ясно показали, что национальное движение в румынских княжествах было нацелено на политическое решение, способствовавшее освобождению от турецко-фанариотского владычества. В то же самое время последний господарь-фанариот Молдовы Михай Шуцу (1819 — 1821) сблизился с руководителями национально-освободительного движения в Греции.

В правление Франца I (1792 — 1835) австрийская внутренняя политика в Трансильвании все более отходила от реформаторского курса и в конце концов сделалась реакционной. Полиция, цензура следили за любым проявлением свободной мысли. Рационализм сметали волны иррационализма, росло влияние ультрамонтанского католицизма и монашеских орденов. Запретив национальную политическую деятельность, режим обязал глав румынской церкви заниматься сугубо церковными делами, практически отняв у них возможность использовать традиционные методы в национально-политических целях. Установка на иррациональное, подержанная властями, была отмечена и в области культуры, которая все более ориентировалась на религию и конформизм.

В 1794—1795 гг. империя подавила «якобинское» движение в Венгрии под руководством Мартиновича, сумевшего вовлечь в свою тайную деятельность и представителей румынских интеллектуальных кругов. Успехи Французской революции окончательно убедили дворянство пойти на сотрудничество с тронем. Режим начал использовать в своих интересах конституционные методы и работу с сеймом, поскольку император был убежден, что перед угрозой, которую несут социальные крестьянские движения и национальная политическая деятельность, дворянская оппозиция уже не представляет собой реальной политической опасности. Начиная с 1794 г. сейм доказал это в полной мере, приняв по наиболее острым социальным и национально-культурным вопросам такие решения, которые говорили, что его политика полностью совпадает с косной политикой государства.

В новых, тесных рамках, суженных режимом до предела, национальное движение стало приспособливаться к обстановке, вырабатывая новые способы самовыражения посредством куль-

туры, начинавшей отныне приобретать все более политическую окраску.

И все-таки благодаря некоторым представителям интеллектуальной элиты предшествующего поколения политическая деятельность продолжалась. В 1804 г. был разработан новый меморандум, также названный *Supplex*, в котором наряду с преемственностью прежних политических идей прослеживалось внимание к социальным проблемам и к вопросам общерумынского характера. Среди множества политических и культурных инициатив происходило движение и в конфессиональной сфере, — например, попытки воссоединения, предпринятые в конце века православным и греко-католическим духовенством. При этом национальному вопросу придавалось большее значение, чем конфессиональному, а активная работа в области культуры и внимание интеллигенции к острой крестьянской проблеме создали в Трансильвании накануне революции Тудора Владимиреску основу, на которой будут разрабатываться новые планы политических действий. В то время как политические деятели в Дунайских княжествах, решительно выступая за достижение национальной независимости и разрыв отношений с Османской империей, выдвигали, по сути, традиционные требования, в Трансильвании преемственность программы, предложенной в меморандуме *Supplex* 1791 — 1792 гг., и новые национальные акценты в политической деятельности, ставшие результатом проникновения новых идей в широкие интеллектуальные слои, предвещали уже зарю новой эпохи.

Просвещение и общество. В начале XVIII в. в румынском культурном пространстве распространяются новые идеи предпросветительского характера. Димитрий Кантемир в конце XVII в. в своих ранних философских сочинениях, например в «Диване», излагая православные догмы, проявлял нонконформистские настроения, выражая и высказывая дерзкие мысли, близкие к идеям протестантов-антитринитариев. В начале XVIII в. он уже занимался проблемами, созвучными с ценностями раннего просветительства. К сфере интересов ранних просветителей относится географический труд этого господаря, ученого и энциклопедиста *Descriptio Moldaviae**, написанный в духе немецкой науки о государстве (*Staatenkunde*). Вдохновленный идеями политического освобождения

---

* «Описание Молдавии» (лат.).

ния румынских княжеств, Димитрий Кантемир в своих исторических сочинениях *Historia Moldo-Vlachica** и *Hronicon a vechimii romano-moldovo-vlachilor*** посвятил многочисленные страницы вопросу латинского происхождения румынского языка и румынского народа, подчеркивая идею его принадлежности к той цивилизационной общности, которую он связывал с понятием румынской земли как первоначальной родины всех румын. Господарь явился продолжателем гуманистических идей XVII в. Используя научную аргументацию, он придал идее латинского происхождения форму идеологической доктрины.

В связи с политическим развитием Европы Димитрий Кантемир посвятил Османской империи серьезное исследование *Historia incrementorum atque decrementorum Aulae Othomanicae****, написанное на основе изучения турецких источников и ставшее знаменательной вехой в развитии тюркологии. Переведенный на английский, немецкий и французский языки, этот труд стал важным источником информации о войнах Османской империи на юго-востоке Европы. Господарь написал также книгу о мусульманской религии («Система турецкого вероисповедания»), получившую широкую известность.

Значительным трудом румынской историографии в Трансильвании стала «История церкви Шкей-Брашова», автором которой был Раду Темпя II (1691 – 1742). Она была посвящена истории центра православного сопротивления унии с римской церковью.

В Валахии историографическая традиция была продолжена историческими трудами об эпохе Константина Брынковяну и другими сочинениями, посвященными первой половине XVIII в. Из плеяды валашских летописцев выделяется Ион Некулче (1672 – 1745), историк и мемуарист, который сам был непосредственным участником многих описываемых им событий. В целом в румынской историографии, за исключением трудов Кантемира и стольника Кантакузино, по-прежнему преобладали жанры летописи, хроники и исторических записок, в которых участники событий пытаются передать атмосферу эпохи и выделить основные ее проблемы. Издаются также сочинения, посвященные событиям современности, например «История осады Вены».

* «Молдо-валашская история» (лат.).

** «Хроника древностей романо-молдо-валашских» (молд./рум.).

*** «История возвышения и упадка османского двора» (лат.).

Контрреформация на юго-востоке Европы вызвала реакцию православной церкви в виде целого ряда публикаций на греческом и румынском языках, оспаривавших положения католического вероучения. Особенно значительным был вклад Антима Ивириану, развернувшего антикатолическую полемику, направленную против унии. В своем сочинении *Tomul bucuriei* («Книга радости», 1705) он выдвигал аргументы против папского примата и против католического прозелитизма, проводимого кардиналом Коллонихом.

В этот период, отмеченный бурным политическим развитием и насыщенный религиозными диспутами, утверждается православный рационализм и происходит распространение таких книг западного происхождения, как *Floarea darurilor* («Цветок даров») и *Pilde filozofesti* («Философские примеры»). Пропаганда в конце XVII — начале XVIII в. идеи *translatio studii** была характерна для тех представителей румынской интеллигенции, которые ратовали за интеграцию своего народа в европейскую цивилизацию.

Независимо от межконфессиональных отношений в румынском пространстве контрреформация и католическая реформа в Трансильвании имели следствием обсуждение политического и социального положения румын. Не менее важную роль в формировании национальной программы играл «латинизм», восходивший к идеям Димитрия Кантемира и утвердившийся как масштабное идеологическое движение. При этом решение проблемы происхождения народа было связано с необходимостью поддержать его политические требования. В середине XVIII в. национальная идеология оформилась в типичную для нового времени политическую программу, в которой равное место занимали естественное и историческое право, а также идея преодоления профессиональных предрассудков.

Таким образом румынские просветители отталкивались от концепций, сформулированных в начале века деятелями раннего европейского Просвещения или изложенных в трудах Кантемира. В эпоху расцвета идей исторического права аргументация в пользу освобождения от османского господства посредством договоров и соглашений и «латинская» идея становятся лейтмотивом новой культуры.

---

* «Перенос науки» (лат.). Подразумевается усвоение западных научных идей и знаний.

В середине XVIII столетия в Трансильвании создается ряд новых культурных учреждений. Рядом с культурными центрами, существовавшими уже в XVII в., такими, как Брашов, Сибиу, Аюд, Алба-Юлия и Клуж, очаг греко-католической культуры формируется в резиденции греко-католических епископов, которой стал город Блаж. Здесь создаются гимназическое и высшее учебные заведения (1754), возникают греко-католические монастыри, открываются типография и библиотеки, живущие европейской духовной жизнью. Петр Павел Аарон открывает новые школы и покровительствует выпуску книг теологического содержания, в которых защищаются основы унии, соединившей католическое вероучение и греческую обрядность.

В таких сочинениях, как *Floarea Adevărilor* («Цветок истины», 1750), в латинской версии *Flosculus Veritatis* (1753) и *Doctrina Christiana** (1757), излагались основные положения католической реформы. Распространение новой доктрины происходило посредством поучений, разработанных еще в «Римском катехизисе» (1566), с помощью перевода «Вульгаты» и других книг, написанных в духе контрреформации. Ориентация на образование в католическом духе предшествовала светскому этапу просвещения, начавшемуся в 70-х годах XVIII в., когда идеи, высказанные интеллектуалами из среды духовенства, получили новое развитие.

Инициативы в области культуры определили развитие историографии и филологии на всем румынском пространстве. История была призвана обосновать право Валахии и Молдавии на независимость от турецкой Порты, тогда как в Трансильвании «латинская» идея способствовала эмансипации румын и их интеграции в более широкое европейское сообщество с помощью католицизма.

Для развития просвещения в Трансильвании большое значение имело знакомство нового поколения интеллигенции с работами немецкого философа Кристиана Вольфа. Благодаря переводам и изучению философских трудов венгерская и румынская культура шли в ногу с философией века. Несомненных успехов добивается и филология. В своем сочинении *Elementa linguae dacoromanae sive valachicae*** Самуил Мику стремился показать латинскую грамматическую структуру румынского языка. Лексикографы и грамматисты этого времени разработали научный инст-

* «Христианское вероучение» (лат.).

** «Начала дако-романского или валахского языка» (лат.).

рументарий для будущих поколений исследователей, а историки достигли немалых успехов в определении национальной идентичности румын, саксов и венгров.

В Молдове и Валахии идеи Просвещения, попав на благодатную почву, благодаря развитию контактов с западной культурой вступали во взаимодействие с демократическими, что заметно расширило взгляды элиты на местное общество и его связи с европейской цивилизацией. Румынская интеллигенция развернула дискуссии о формах правления, которые нашли отражение в проектах реформирования общества. В конце XVIII—XIX в. распространяются идеи просвещенного абсолютизма, конституционной монархии и республики.

В последней трети XVIII в., в особенности в 70-х годах, в церковных и светских кругах Трансильвании и Дунайских княжеств все более утверждается национальное румынское сознание. Если в Валахии и Молдавии в это время основным выразителем национальных чаяний выступало крупное боярство, то в Трансильвании просветительские идеи, подчиненные идее освобождения нации, выражали деятели церковных греко-католических и православных кругов и интеллигенция, вышедшая из среды мелкопоместного дворянства.

Историография эпохи Просвещения отличается чрезвычайным разнообразием и богатством — большое внимание уделяется и истории отдельных провинций, и общей истории румынского пространства. Сложность политической жизни Центральной и Восточной Европы придавала особое звучание историческим сочинениям, отражавшим национальные политические чаяния. При этом сохраняется традиция летописных хроник XVII в., которая обогащается, однако, историческими трудами иного типа. Михай Кантакузино пишет «Историю Румынской земли», где особое внимание уделяет экономическим вопросам, не лишенным политического подтекста. Одновременно он работает над «Генеалогией семьи Кантакузино». Дионисий Экклезиарх дает описание эпохи в «Хронографе», вписывая национальную историю в общий исторический контекст. В том же ряду стоит и «Хроника» протосингела Наума Рымничану, в которой сведения из политической истории перемежаются информацией об экономике, финансах и государственных институтах.

В эпоху Просвещения в Трансильвании зарождается историография нового типа. Трансильванские ученые поддерживают

постоянные контакты с европейскими историками, главным образом немецкого происхождения. Румынская историография Трансильвании заявляет о себе трудами Самуила Мику. Это прежде всего *Brevis Historica Notitia** (1778), сочинение на латинском языке, адресованное научным кругам и написанное под сильным влиянием позднего Просвещения. Будучи глубоко убежден в необходимости распространения исторических знаний, Самуил Мику пишет «Краткое изложение румынской истории», в котором идеи Просвещения находят выражение в трактовке истории культуры, религиозной жизни и политической проблематики. В работе *Istoria și lucrurile și întâmplările românilor* Самуил Мику попытался подробнее изложить историю румынского исторического пространства и румынского народа. Однако это сочинение осталось на уровне традиционной «*historia rerum gestarum*»**: несколько провинциальные рассуждения автора перемежаются в нем главами общего характера, посвященными религиозной жизни и культуре.

Румынскую историографию XVIII в. обогатил своими энциклопедическими знаниями и Георге Шинкай, автор целого ряда сочинений под общим названием *Rerum Spectantium ad universam gentem daco romanam****, в котором он на основе повествовательных источников широко представил историю румын с древнейших времен до XVIII в. Опираясь на эти труды, он создал *Hronica românilor și amai multor neamuri* («Хроника румын и многих других народов») — сочинение, которое заложило основы обобщающих трудов по румынской истории в XIX в. Усвоив концепцию Самуила Мику, Георге Шинкай внес огромный вклад в развитие исторической науки и выдвинул идею необходимости интеграции румынской истории в общеевропейскую.

В атмосфере утверждения национализма, ориентированного на просвещение румын, Петру Майор пишет свою *Istoria pentru începutul românilor în Dacia* («История происхождения румын в Дакии», 1812), в которой полемический дух в сочетании с вольтерьянскими нотками уже предвещает эпоху раннего романтизма. Будучи представителем формации просветителей и приверженцем католической реформы и реформаторской политики в целом,

* «Краткое историческое известие».

** «Истории деяний» (лат.).

*** «Обзор истории всего дако-романского [или: дако-римского] народа» (лат.).

Петру Майор развивал в своих трудах политические идеи, выраженные в меморандуме *Supplex*. Еще один выходец из духовной среды, Ион Будаи-Деляну, в своем сочинении *De originibus populorum Transylvaniae** пытается объяснить генезис трансильванского населения в соответствии с политическими идеями века. В его трудах переплетаются разнообразные культурные влияния, идеи немецких, главным образом гёттингенских, а также французских и английских просветителей. Лексикографические и исторические труды Будаи-Деляну, в которых он выступает демократическим сторонником идеи современной нации, написаны под влиянием идей Шлецера. Будаи-Деляну стоит у истоков идеи объединения румынских княжеств.

В эпоху Просвещения в румынской поэзии и прозе находят отражение мотивы европейской литературы. Со своей комической эпопеей «Цыганиада» Ион Будаи-Деляну занял видное место в румынской словесности. Большой шаг вперед делает поэт Енэкицэ Вэкэреску, который нередко отходит от лэутарского духа поэзии прежних времен. Важную роль в проникновении новых идей в румынское общество Дунайских княжеств играет греческая культура. Этому способствует как деятельность господарских академий в Бухаресте и Яссах, так и интерес румынских интеллектуалов к западным сочинениям, с которыми они знакомились как в оригинале, так и в греческих переводах. В последней трети XVIII в. на основе классицизма возникают новые литературные жанры, а в произведениях Костаке Конаки и Алеку Вэкэреску заявляет о себе зарождающийся романтизм.

С художественной точки зрения конец эпохи Просвещения ознаменован появлением новых идей. Совершается переход от литературы чисто церковного содержания к светскому художественному творчеству; то же явление наблюдается в области архитектуры и живописи, где все явственнее звучит призыв к использованию собственного художественного языка. В этот период благодаря тесным связям с Западом особенно заметным становится влияние немецкого (особенно австрийского) искусства. Воздвигаются монументальные сооружения — дворец графа Банфи в Бонциде и дворец его сына Георге Банфи в Клуже, представляющие собой великолепные архитектурные памятники в стиле трансильванского барокко. Эти примеры послужили импульсом для

---

* «О происхождении народов Трансильвании» (лат.).

строительства многочисленных дворцов трансильванской знати. Во второй половине XVIII в. в городе Блаж по проекту архитектора Мартинелли строятся греко-католический собор и семинария.

В целом благодаря тесной связи между просветительским и национальным духом Просвещение внесло значительный вклад в интеграцию румынской культуры в европейскую. Его влияние обусловило создание многих самостоятельных оригинальных произведений. Филологические изыскания в области лексикографии и грамматики и концепция латинизма помогли определить место румынского языка в романской языковой группе.

VI. Румыны в период реформ и демократических революций (1820–1859)

«Восточный вопрос» и румынские княжества

«Этерия» и революция 1821 г. под руководством Тудора Владимиреску. Бесспорно, что Французская революция и особенно Наполеоновские войны придали в начале XIX в. «восточному вопросу» новый смысл: отстаивание национальной идеи, утверждение самого понятия «национальность» привели к осложнению международных отношений на юго-востоке Европы. Рост движения за национальное и социальное освобождение на Балканах (сербы, болгары, греки) приблизил революционную волну и к границам румынских княжеств. Многочисленные меморандумы, направленные, особенно начиная со второй половины XVIII в., в адрес великих держав, свидетельствовали о стремлении румынских бояр добиться изменения международного статуса княжества и обновления внутренних социально-экономических структур, однако оказались недостаточными и малоэффективными. Для реализации национально-политической программы (устранение турецко-фанариотской власти) патриотически настроенная элита Валахии и Молдовы отказалась от петиций и решила прибегнуть к восстанию. Тудор Владимиреску оказался человеком, способным обеспечить военную организацию стихийных народных масс. Этот мелкий боярин из Олтении занимал различные должности в местной администрации, поддерживал широкие связи с сельским населением, а затем приобрел достаточный военный опыт в качестве командующего пандурами (румынскими добровольцами) в рядах российской армии во время русско-турецкой

войны 1806 – 1812 гг. Трое представителей крупного боярства: Григоре Брынковяну, Григоре Гика и Барбу Вэкэреску, входившие в Национальную партию Валахии, создали после смерти последнего фанариотского господаря Александра Шуцу временный политический орган под названием «Управленческий комитет», а 15/27 января 1821 г. уполномочили Тудора Владимиреску поднять «вооруженный народ» для достижения «общего блага для христиан и нашей родины»¹.

Выступление румын должно было стать частью более широкого процесса и начаться одновременно с восстанием греков под руководством тайного общества «Этерия» (*Philike Hetairia*), основанного в 1814 г. в Одессе. Все эти действия пользовались поддержкой со стороны России, которая выступала в качестве защитника прав проживавших в османских владениях христиан. В период 1815 – 1820 гг. в различных городах румынских княжеств были созданы филиалы (попечительские советы) «Этерии», куда входили греческие купцы, помещики, представители духовенства, а также румынские бояре. В планах членов «Этерии» по подготовке восстания греков на Балканах значительная роль отводилась румынским княжествам. Народному восстанию в Олтении под руководством Т. Владимиреску предстояло сдерживать натиск турок, а созданные в Молдове опорные отряды «Этерии» должны были в это время беспрепятственно продвинуться к югу Дуная и освободить Грецию. Заключенное в январе 1821 г. соглашение между Владимиреску, с одной стороны, и Йордакием Олимпиотом и Иоаном Фармаке (этеристские военачальники в Бухаресте) — с другой, предусматривало для «достижения общей цели» организацию диверсий, вносящих беспорядок среди турок.

Вечером 18/30 января 1821 г. Владимиреску покинул Бухарест и направился в Олтению для осуществления согласованного с этеристами и патриотически настроенными боярами плана военных действий. Он начал с укрепления некоторых монастырей в Олтении, концентрации сил пандуров и распределения оружия, хранившегося в его укрепленной усадьбе в Чернецах. К пандурам присоединились и некоторые крестьяне, что позволило создать ядро национальной армии, названное в документах того времени Народным собранием. 23 января/4 февраля 1821 г. Тудор призвал народ к восстанию, огласив текст Падешской прокламации, в которой на понятном для народа языке, цитируя Библию, обосновал свой призыв к борьбе, ссылаясь на право угнетенных во имя граж-

данских и общечеловеческих свобод оказать вооруженное сопротивление. «Никакие правила и законы не мешают человеку противостоять насилию... Приходите, братья, чтобы силой покарать зло ради нашего общего блага. Выбирайте среди нас тех руководителей, которые могут быть лучшими»².

На первый взгляд Падешская прокламация давала понять, что восстание под руководством Т. Владимиреску носило только антифеодальный характер и было направлено против румынского и греко-фанариотского боярства. Свидетельством тому стало крестьянское движение, которое приобрело широкий размах; часть румынского населения вступила в Народное собрание, а другая, действуя параллельно, избрала традиционные формы крестьянских выступлений времен средневековья. Однако революция 1821 г. имела преимущественно национальную окраску. Тесные связи лидеров румынского движения с «Этерией», работы по укреплению стен монастырей в Олтении (Тисмана, Стрехая, Мотру) и превращение их в опорные пункты по военной организации Народного собрания, строгая дисциплина, установленная Тудором, подтверждали истинную цель восстания в Валахии. Из соображений безопасности из-за некоторых сомнений относительно организационной эффективности членов «Этерии», а также из-за возможного вмешательства России на стороне румын и греков Владимиреску пытался отвлечь подозрения Порты. Для предотвращения возможной интервенции турок в официальных документах революции не говорилось о ее антиосманской направленности, но эта цель часто подчеркивалась самим Тудором. Она нашла окончательное подтверждение в ходе революционных событий летом и осенью 1821 г., когда в меморандумах, направленных великим державам, бояре добивались признания данных событий частью «восточного вопроса». В эти годы действия румын не были единичным явлением. На борьбу против османского господства на Балканах поднялись также сербы и греки. В течение февраля 1821 г. был разработан программный документ под названием «Требования румынского народа», который содержал положения о внутренней реорганизации страны. В числе неотложных революционных требований предусматривались ликвидация административного произвола, упразднение внутреннего таможенного контроля, снижение налогов, создание национальной армии и др. Все эти шаги Владимиреску, направленные на модернизацию румынского общества, не должны были полностью

подорвать экономическую и политическую власть боярства, поставившего его во главе восстания. Хотя возглавлявшееся Тудором движение должно было обеспечить сплочение всех внутренних сил для свержения турецко-фанариотского правления, тем не менее были приняты меры для сдерживания социального накала революции и предотвращения насильственных действий крестьян против бояр.

Во главе революционной армии Владимиреску отправился из Олтении в сторону Бухареста и достиг его окрестностей в конце марта 1821 г. Одновременно из Молдовы подошли и силы «Этерии» во главе с Ипсиланти, которым предстояло перейти Дунай и вступить в борьбу за освобождение Балкан от турок. Однако международная ситуация не благоприятствовала развитию революционного движения. На конгрессе Священного союза в Лайбахе русский царь осудил действия Т. Владимиреску и Ипсиланти и отрекся от них, предоставив туркам возможность подавить их. В этих условиях для придания легитимности созданному политическому режиму в Бухаресте Тудор был вынужден идти на сотрудничество с боярами. На протяжении почти двух месяцев Владимиреску правил в Валахии подобно настоящему господарю, и неслучайно в народной памяти он остался как «господарь Тудор». Он стремился также к сотрудничеству с политической элитой Молдовы, где социально-экономические и политические условия напоминали ситуацию в Валахии. Это намерение Владимиреску свидетельствовало о национальном антиосманском характере событий 1821 г. Тудор призвал диван (правительство) в Бухаресте тесно сотрудничать с яским правительством, ибо, «будучи едины в помыслах и действиях с Молдовой, мы смогли бы на основе взаимопомощи добиться справедливости в обоих княжествах»³.

Грабежи и насилия со стороны этеристских сил, отказавшихся перейти Дунай, а также вступление турецких войск в Валахию в начале мая значительно осложнили обстановку в стране. Понимая, что его армия численностью 6 тыс. человек вместе с дезорганизованными этеристскими войсками без поддержки со стороны России не имела шансов на успех в случае столкновения с турками, Владимиреску продолжил переговоры с ними, не проявляя открыто и официально никакой враждебности. Одновременно его войска начали отступление в сторону Олтении в надежде, что под прикрытием укрепленных монастырей они смогут оказать

продолжительное сопротивление османской армии до возможной интернационализации событий и вмешательства великих христианских держав на стороне греков и румын. Тудор отказался действовать против турок вместе с этеристскими отрядами и обязался не атаковать их. Ипсиланти расценил такое решение как предательское нарушение предыдущих соглашений. Члены «Этерии» стали готовить покушение на жизнь Т. Владимиреску. Скоро румынская революционная армия распалась, а в начале июня этеристские войска потерпели поражение в столкновениях с турками при монастыре Нучет и в Дрэгушанах.

Революция 1821 г. охватила и Молдову, однако основные события развернулись в Валахии. Иностранные наблюдатели отмечали, что по своим причинам, подготовительным действиям и общему настрою масс она была общенациональным румынским явлением. Национально-политические итоги революции были одинаковыми для Валахии и Молдовы. Возглавлявшееся Тудором Владимиреску революционное выступление румын, впервые заявивших о себе как о единой нации, открыло дорогу к эпохе идеалов свободы и национального объединения, положив начало модернизации румынского общества в обоих княжествах. В ноябре 1843 г. М. Когэлничану отмечал: «Всеми достигнутыми успехами мы обязаны событиям 1821 г., ибо они побудили наш дремавший до той поры национальный дух»⁴.

Расширение внутренней автономии. Восстановление власти местных господарей. О необходимости ликвидации фанариотского гнета заявлял не только сам Тудор Владимиреску, это подчеркивалось в десятках меморандумов и петиций, отправленных боярами Валахии и Молдовы в 1821 – 1822 гг. в адрес Турции, Австрии и России. В результате этих усилий 1/13 июля 1822 г. Порта назначила Ионицэ Санду Стурдзу на престол Молдовы, Григория Дмитрия Гику господарем в Валахии, а также согласилась исключить греков-фанариотов из гражданской и церковной администрации княжеств.

Восстановление власти местных румынских господарей стало первой важной уступкой со стороны Османской империи на пути расширения внутренней автономии румынских княжеств. Восстановление института местных господарей в «эпоху национального возрождения» имело для румын особый, символический характер и означало восстановление старых свобод, которыми Вала-

хия и Молдова пользовались до фанариотов. Ведомство господаря становится символом национальных интересов и центром движения за национальную солидарность.

В период правления И.С. Стурдзы и Г.Д. Гики (1822–1828) главный внутренний конфликт сводился к противостоянию между крупным консервативным боярством и требовавшим изменений мелким и средним боярством. В области внешней политики этот период был отмечен соперничеством между Россией и Турцией за расширение или сохранение влияния над румынскими княжествами. Крупные европейские державы стали проявлять все большую заинтересованность судьбой этого региона, ибо необходимость сохранения равновесия на европейском континенте обязывала их следовать новым геополитическим стратегиям. В этих условиях Россия начала менять свою политику в отношении княжеств, отказавшись от аннексий и территориальных компенсаций, и в целях усиления своего политического и экономического влияния установила официальный протекторат над Молдовой и Валахией.

Каждый кризис в русско-турецких отношениях завершался подписанием договоров и соглашений, в которых особое внимание уделялось румынским княжествам. Так, 25 сентября/7 октября 1826 г. в Аккермане было подписано соглашение между Турцией и Россией, к которому прилагался специальный документ о Валахии и Молдове. Он как нельзя лучше отражал изменения международной конъюнктуры в «восточном вопросе» и статусе Дунайских княжеств. Если до этого румынские государства рассматривались как составные части Османской империи, то в отдельном приложении о княжествах уточнялось, что они являются самостоятельными политическими образованиями.

На основании этого документа диваны (государственные советы) обоих княжеств получали право избирать господарей на семилетний срок из числа местных бояр, однако Турция и Россия должны были утверждать этот выбор. В течение двух лет княжества освобождались от выплаты ежегодной дани, которую они платили Порте, а также получали право свободно торговать своим зерном после выполнения поставок для нужд Порты. Заключение этого соглашения Россия добилась новых успехов на пути расширения своего политического влияния в устье Дуная.

Россия и Адрианопольский мирный договор. Вскоре после подписания Аккерманского соглашения русско-турецкое соперничество привело к войне 1828 – 1829 гг., в ходе которой румынские княжества были заняты русскими войсками, остававшимися на их территории до 1834 г. Исполнительная власть господарей в княжествах была передана назначенному царем председателю двух диванов; председатель первого находился в Яссах, а его заместитель — в Бухаресте. На протяжении русской военной оккупации в 1828 – 1834 гг. должность председателя двух диванов занимали граф Федор Петрович Пален (1828 – 1829), генералы Петр Желтухин (1829) и Павел Дмитриевич Киселев (1829 – 1834).

Русско-турецкий мирный договор был подписан 2/14 сентября 1829 г. в Адрианополе. Он содержал отдельное приложение о Дунайских княжествах, подтверждая тем самым их политическую идентичность. В плане международных отношений договор представлял собой шаг на пути интернационализации румынского вопроса, был новым благоприятным фактором для утверждения румынской нации. Согласно Адрианопольскому мирному договору, были упразднены турецкие райи Брэила, Джурджу и Турну, а их территории присоединены к княжествам. Граница с Османской империей устанавливалась по течению Дуная, что позволило создать санитарные и карантинные кордоны. Диваны княжеств получили право выбирать господарей из числа местных бояр пожизненно. Порта обязывалась соблюдать административную и законодательную автономию княжеств. Экономическая монополия Порты в виде обязательных для княжеств поставок была ликвидирована, признавалась полная свобода торговли Молдовы и Валахии, свобода судоходства на Дунае на собственных судах. Турция также обязывалась соблюдать разработанные русской военной администрацией принципы по внутренней реорганизации княжеств. Ослабив влияние Порты, Россия сумела укрепить свое влияние, добиваясь официального признания за собой статуса силы, покровительствующей Молдове и Валахии.

Благоприятные для румынских княжеств положения Аккерманского соглашения и Адрианопольского мирного договора были навязаны Турции в результате умелых действий российской дипломатии, которая преследовала в регионе собственные интересы. Эти интересы, тем не менее, соответствовали требованиям румынского общества, заявленным во время революции 1821 г. и после нее в десятках меморандумов бояр в качестве неотлож-

ных задач развития румынской нации. Россия присоединилась к этим требованиям национальных сил, стремясь стать выразителем их интересов и укрепить свое влияние.

Балто-Лиманская конференция 1849 г. Установленный мирным договором 1829 г. юридический и политический статус румынских княжеств оставался в силе почти три десятилетия. Режим османского сюзеренитета и российского протектората часто оспаривался национальными силами, а в наиболее решительной форме это произошло в ходе революции 1848 г. В целях подавления революции в Молдове и Валахии обе державы действовали сообща и для сохранения своих позиций ввели на территорию княжеств войска, которые оставались там до 1851 г. С политической точки зрения двойное подчинение княжеств (сюзеренитет Порты и покровительство России) было восстановлено подписанием Балто-Лиманской конвенции 19 апреля/1 мая 1849 г.

Этот международно-правовой документ ограничивал автономию румынских княжеств, предоставляя султану право назначать господарей сроком на семь лет. Часть полномочий упраздненных Народных собраний (мини-парламентов) была передана вновь созданным комиссиям или диванам *ad hoc*, в состав которых вошли «доверенные» лица из числа крупных бояр и высшего духовенства. Предусматривалось сохранение в княжествах оккупационных войск России и Турции (25 – 30 тыс. солдат) до полного наведения порядка с последующим сокращением их числа до 10 тыс. человек с каждой стороны. Пятая статья соглашения содержала уточнение относительно присутствия в Валахии и Молдове турецкого и российского чрезвычайных комиссаров, обладавших довольно широкими полномочиями по осуществлению контроля за действиями господарей. В период 1849 – 1856 гг. Порта назначила господарями Барбу Штирбей в Валахии и Григория Александра Гику в Молдове. Несомненно, что Балто-Лиманское соглашение восстановило российско-турецкий кондоминиум и явилось шагом назад по сравнению с предыдущими двумя договорами, но, к счастью для румын, оно действовало лишь несколько лет.

Крымская война и юридический статус румынских княжеств. Резкое ухудшение отношений между Россией и Турцией привело осенью 1853 г. к возникновению нового военного конфликта,

получившего название «Крымской войны»; в него с 1854 г. были втянуты и другие страны. Было положено начало новому этапу в эволюции «восточного вопроса», хотя крупные европейские державы по-прежнему действовали, руководствуясь собственными интересами. В ходе этого очередного военно-политического и экономического кризиса румынам удалось поставить вопрос о княжествах на международном уровне и добиться максимальной выгоды для себя в деле обеспечения дальнейшего государственно-национального строительства. Данный успех был достигнут в результате упорных и настойчивых действий, предпринятых революционной эмиграцией в крупных европейских столицах при огромной симпатии и поддержке со стороны европейского общественного мнения. Русские войска, находившиеся в румынских княжествах с лета 1853 г., были заменены в 1854 г. австрийским контингентом, который оставался здесь до весны 1857 г. В этот период участились официальные дипломатические контакты профранцузски настроенного господара Григория Александра Гики, а также частные визиты революционеров Молдовы и Валахии, находившихся в эмиграции в крупнейших европейских городах.

Вопрос объединения румынских княжеств официально был предложен вниманию европейской дипломатии на конференции послов в Вене в марте 1855 г. В ходе дебатов 26 марта о замене одностороннего протектората России над Дунайскими княжествами режимом коллективных гарантий великих держав представитель Франции, барон Франсуа Адольф де Буркене, в меморандуме французского правительства выдвинул идею объединения двух княжеств. По его мнению, путем создания единого румынского государства — буфера в устье Дуная — можно было бы лучше обеспечить целостность Османской империи. «Среди существующих возможностей по обеспечению Молдове и Валахии стабильности и достаточной силы нам кажется, что первой должно быть объединение двух княжеств в одно государство»⁵. Румынский вопрос вышел за рамки кабинетных дискуссий великих держав и стал частью европейского общественного сознания, а ряд известных общественных деятелей и ученых публиковали в прессе того времени статьи в поддержку румын. В этих условиях в феврале 1856 г. в Париже открылся мирный конгресс, на котором представитель Франции, граф Валевский, предложил вариант объединения Молдовы

и Валахии, а в ходе дебатов была высказана идея об их объединении под скипетром иностранного государя. Мнения участников конгресса по данному вопросу разделились следующим образом: Франция, Россия, Сардиния и Пруссия открыто поддержали идею объединения, Австрия и Турция решительно выступили против, а Англия воздержалась.

Согласно подписанному 18/30 марта 1856 г. Парижскому мирному договору, румынские княжества оставались под сюзеренитетом Порты, но перешли под коллективную гарантию семи подписавших его стран. Значительным достижением в этой связи стало включение в договор положения о запрещении любому из этих семи государств-гарантов осуществлять одностороннее политическое или военное вмешательство в дела княжеств; это обстоятельство способствовало созданию благоприятного международного контекста для достижения основной цели румынского народа — достижения объединения и независимости. Порты обязалась соблюдать законодательную и административную автономию княжеств. Мирный договор определил новый статус Дуная и урегулировал судоходство на реке, а княжества, в свою очередь, получили право иметь своих представителей в постоянной комиссии Дунайских государств. Молдове были возвращены три уезда на юге Бессарабии (Кагул, Болград и Измаил), что вызвало напряженность в отношениях с Россией в течение последующих десятилетий. Одновременно было решено узнать мнение самого румынского народа относительно его будущего. Турции надлежало обеспечить созыв в Яссах и Бухаресте чрезвычайных собраний, члены которых должны были высказаться по вопросу объединения княжеств. Великие державы решили образовать в Бухаресте комиссию из представителей семи государств, перед которой поставили задачу изучить положение в княжествах и дать рекомендации по реорганизации их политических учреждений.

На этом этапе развития «восточного вопроса» румыны впервые с начала нового времени добились наиболее благоприятного политического и юридического статуса. Как в Аккерманском соглашении и Адрианопольском договоре, вопрос о румынских княжествах в Парижском мирном договоре 1856 года занял особое место, положив конец попыткам Порты считать их составной частью или обычной провинцией Османской империи.

Государственная и политическая жизнь в княжествах (1822–1848)

Внутреннее реформистское движение. Правление Ионицэ Санду Стурдзы в Молдове и Григория Дмитрия Гики в Валахии началось в условиях жесткой и дорогостоящей турецкой военной оккупации. Господари столкнулись с многочисленными трудностями, прежде всего финансового и социально-политического характера. Вставшие в ходе революции под руководством Тудора Владимиреску многочисленные вопросы внутреннего развития требовали неотложного решения. Оба господаря пытались (в основном безуспешно) добиться лучшего распределения налогов, реорганизации территориально-административных структур, развития образования, возрождения национальной армии и т. д., хотя в целом реформистские намерения этих местных господарей сыграли положительную роль в дальнейшем развитии румынского общества.

Главным внутренним явлением в эти годы стало идеологическое и политическое противоборство между крупными консервативными боярами и либеральными слоями населения, представленного мелкими и средними боярами, купечеством, интеллигенцией и т. д. (которых часто называли «карбонариями», «новаторами»). Именно эти социальные силы лучше всего выражали требования времени и стремление к модернизации румынского общества. Политический подъем в годы правления первых местных господарей отчетливо проявился в содержании отправленных в Россию и Турцию многочисленных меморандумов и проектов реформ, разработанных как крупными боярами, так и представителями либерально-прогрессивного лагеря. Свидетельством тому может служить ряд названий таких меморандумов и петиций: «Поправки к закону после испытаний, которым подверглась страна в 1821 г. со стороны чужеземцев» (1822), «Конституция карбонариев» и «Глас народа Молдовы» (составлены Ионицэ Тэуту в 1822 г.), а также проект реформы Евфросина Потеки (1827) и др.

Проблематика этого широкого реформаторского движения отмечена стремлением к новому и касается прежде всего государственного и социального переустройства. Наиболее четко концепции реформаторского движения этого периода отразились в «Конституции карбонариев», составленной 13 сентября 1822 г. И. Тэуту в Молдове. Документ содержит подробное изложение необходи-

мых мер по реорганизации государственных структур и отмечен, с одной стороны, сильным влиянием идеологических принципов Французской революции, а с другой — тенденцией к частичному сохранению существующего режима. Общенациональные вопросы представлены в либеральном, новаторском духе, а в качестве первоочередной задачи указывается на необходимость отмены единоличного олигархического режима крупного боярства. Предлагалось разделение власти в государстве, принятие мер по развитию экономики и реформированию всех учреждений страны: судебных учреждений, администрации и т. д. Предложенная Тэуту модель политического устройства не отличалась особой демократичностью, ибо предполагала сохранение боярских привилегий. Автор требовал более широкого участия в политической жизни мелких и средних бояр, представителей интеллигенции и молодой буржуазии, что в итоге сводилось к расширению социальной базы существующего аристократического режима. Несмотря на неоднозначный характер, «Конституция карбонариев» представляет собой первую попытку нового времени заложить в румынских княжествах основу конституционной традиции, которая в последующие десятилетия получит достойное продолжение.

Органические регламенты. Через десять лет после проекта И. Тэуту в княжествах были введены первые своды законов конституционного характера под названием «Органические регламенты». Среди наиболее важных достижений Аккерманского соглашения 1826 г. было положение об образовании в княжествах боярских комиссий по подготовке мер и общих принципов осуществления внутренней реорганизации обеих стран. До начала русско-турецкой войны 1828 — 1829 гг. из-за оппозиции Порты комиссии так и не смогли приступить к практической деятельности. В период председательства генерала П.Ф. Желтухина в диванах Валахии и Молдовы (февраль — октябрь 1829 г.) под началом российского консула Минчака были образованы две комиссии, в состав которых входили четыре представителя боярства.

Первоначальной основой деятельности комиссий стали десятки меморандумов и петиций, в которых представители боярства в 1821 — 1827 гг. выдвигали предложения о необходимости проведения реформ, в значительной мере отражавшие реальное положение в румынском обществе. К ним добавились разработанные в Санкт-Петербурге специальные Инструкции, которые опреде-

ляли рамки дозволенных Россией преобразований в княжествах. При абсолютном господстве в Европе консервативного духа Священного союза подготовленные для Дунайских княжеств проекты регламентов не могли быть радикальными. Не нарушая существующие социальные структуры, Инструкции все же предусматривали ряд прогрессивных реформ, которые удовлетворяли политические требования как боярской верхушки, так и других социальных слоев, придавая более унифицированный характер принципам реорганизации обеих стран.

Окончательно отредактированные в период правления П.Д. Киселева Органические регламенты вступили в силу 1 июля 1831 г. в Валахии и 1 января 1832 г. в Молдове. Их положения были почти тождественны, что предопределяло сходные пути развития обоих княжеств. Регламенты учреждали концепцию и принципы существования современного государства. Введением положения о пожизненном избрании господарей чрезвычайные Народные собрания устанавливали режим конституционной монархии по образцу европейских государств. Особый смысл приобретал принцип разделения властей, в соответствии с которым очередное Народное собрание назначало законодателей. Законодательный орган, состоявший из представителей крупного и уездного боярства, утверждал бюджет и налоги, обсуждал законопроекты исполнительной власти, дорабатывал или отклонял их, представляя свои решения на одобрение господарю. Последний осуществлял исполнительную власть с помощью Административного совета, который фактически играл роль правительства. Господарь обладал правом законодательной инициативы, утверждал законы, назначал всех шестерых министров (глав департаментов). Тем самым закладывались основы новой судебной системы, что благотворно повлияло на создание ряда новых учреждений, необходимых для становления капиталистических отношений и рыночной экономики.

Другие положения Органических регламентов способствовали успешной модернизации административных, экономических, налоговых, культурных структур общества; были устранены многие пережитки старого режима. В сельском хозяйстве регламенты сохранили основы полуфеодальных отношений, установив «нарт» (барщину). Нормы трудовой повинности крестьян по отношению к хозяину-помещику увеличились, что в дальнейшем привело к росту их недовольства. Бояре не только обеспечили себе политическое господство, но и закрепили свое привилегированное

экономическое положение. Регламенты также подтвердили протекторат России над румынскими княжествами, и до 1848 г. османский сюзеренитет оставался скорее формальным. Впоследствии русский протекторат превратился в препятствие дальнейшему развитию Валахии и Молдовы.

Хотя Органические регламенты содержали ряд прогрессивных положений, которые способствовали процессу модернизации в различных областях румынского общества, в сельском хозяйстве они закрепили и даже усилили зависимость крестьян от помещиков-землевладельцев. Они узаконили право вмешательства России во внутренние дела румынских княжеств, и это обусловило их противоречивый характер. Регламенты представляли собой весьма необычную смесь нового и старого, прогресса и регресса. Своими неоднозначными и противоречивыми положениями они способствовали появлению в последующие годы ряда политических и общественных движений, что привело к революционному взрыву 1848 г. Однако, будучи основополагающими законами княжеств, регламенты намечали рамки развития общества и государственных учреждений, что явилось важной вехой в процессе разработки документов и положений конституционного характера. По мнению румынского историка А.Д. Ксенопола, введение в княжествах Органических регламентов означало «...победу закона над существовавшим до этого произволом, а также рождение современной идеи государства как единого организма, действующего на основе установленных социальных норм и законов»⁶.

Господари периода Органических регламентов. После введения Органических регламентов генерал П.Д. Киселев оставался во главе румынских княжеств до апреля 1834 г., после чего Россия и Турция в соответствии с новыми законами-регламентами назначили первых господарей — Александра Гику в Валахии и Михаила Стурдзу в Молдове. Вскоре после вступления в силу регламенты были нарушены, так как они предусматривали пожизненное избрание господарей (внеочередными) Народными собраниями.

Валахия. Деятельность Александра Гики (1834—1842) в Валахии проходила под знаком сильной оппозиции со стороны Народного собрания, что вызвало напряженность внутри страны. Хотя до настоящей «парламентской борьбы» было еще далеко, дейст-

вия оппозиции в эти годы сильно ограничивали власть господаря. Александру Гике удалось добиться принятия в 1838 г. дополнительной статьи к Органическому регламенту, запрещающей изменение основополагающего закона без согласия России и Турции. Событие стало поводом для широкого выступления оппозиции и разработки под руководством полковника Иона Кымпиняну нового проекта Конституции. Национальная и либеральная программа Кымпиняну (обретение независимости, создание представительного политического режима и т. д.) не увенчалась успехом, а движение было подавлено.

Господарь, из-за сложного финансового положения увеличивший прямые налоги почти на 30% и включивший в правительство своих братьев, быстро потерял популярность и получил враждебно настроенную оппозицию в лице бояр, жаждавших власти. Подавление движения Иона Кымпиняну и революционных выступлений 1840 г., ущемление национальных чувств политической элиты (в результате принятия дополнительной статьи к Органическому регламенту), стремление выслужиться перед Россией, а также вмешательство русского консула Петра Рюкмана во внутренние дела Валахии окончательно подорвали позиции Александра Гики. После совместных русско-турецких консультаций в октябре 1842 г. он был отправлен в отставку. Тем не менее в период его правления были достигнуты определенные успехи в реорганизации судебной системы, применении законов, унификации законотворческой деятельности, развитии народного образования в сельской местности. Заключение в 1842 г. соглашения с Австрией об экстрадиции также имело особое значение для будущей автономии Валахии.

Георгий Бибеску (1842 – 1848) был избран 20 декабря 1842 г./ 1 января 1843 г. Он стал единственным господарем, занявшим престол в соответствии с положениями Органического регламента. Бибеску получил юридическое образование в Париже, имел богатый управленческий опыт в период правления Александра Гики и разбирался в политической деятельности Народного собрания. Молодой господарь Георгий Бибеску казался для Валахии подарком судьбы.

В начале правления Г. Бибеску сохранял хорошие отношения с Народным собранием, что позволило ему провести через законодательный орган несколько важных законопроектов в целях улучшения положения крестьян. Он занялся реорганизацией судебной

системы, режима содержания в тюрьмах, строительством мостов, урбанизацией, развитием образования в сельской местности и другими преобразованиями, направленными на модернизацию общества и государственных учреждений. Из-за консервативной позиции Народного собрания и возникших в связи с этим трудностей в феврале 1844 г. господарь издал постановление о фактическом роспуске Народного собрания и до декабря 1846 г. осуществлял руководство при помощи указов и распоряжений. Эти действия свидетельствовали о демократических устремлениях Бибеску, о его желании продолжить процесс модернизации общества. Избранное посредством всеобщих выборов в ноябре 1846 г. новое Народное собрание намного успешнее сотрудничало с господарем, устранившим из политической жизни мешавшую ему оппозицию. Вот почему начиная с 1847 г. принимаются важные законы, например закон об освобождении крепостных цыган, живших в государственных и церковных владениях; законы об установлении контроля государства над доходами церкви, о натурализации иностранцев, об изменении судебной процедуры и т. д. Ловко нейтрализуя боярскую оппозицию, господарь смог обеспечить своему режиму бóльшую политическую стабильность и сохранить нормальные отношений как с Россией, так и с Турцией.

Молдова. Человек не простой, в чем-то весьма противоречивый, Михаил Стурдза (1834—1849) был ловким политиком и умелым деятелем в сфере хозяйственных мероприятий, которому удалось утвердить себя в качестве авторитарного господаря и даже пережить революционные события 1848 г. Его политическое кредо основывалось на порядке, политической стабильности и социальном равновесии. В этом смысле М. Стурдзе больше всего подходит определение просвещенного монарха. Проявив твердость перед Народным собранием, с которым он эффективно сотрудничал в вопросах законодательной и административной деятельности, Стурдза сумел добиться принятия в 1835 г. дополнительной статьи к Органическому регламенту без особого сопротивления оппозиции. Принятые господарем меры решающим образом способствовали модернизации внутренних структур Молдовы. Большие надежды на него возлагали сторонники объединения двух княжеств.

В наибольшей степени качества М. Стурдзы проявились в области правосудия и законодательства, где он добился упрощения

судебных процедур, образования специализированных судов, применения принципа обязательного приговора по каждому делу, перевода на румынский язык и издания кодексов законов (французский уголовный кодекс), настаивал на соблюдении принципа разделения властей в государстве. После ряда попыток господарю удалось добиться принятия в марте 1844 г. закона об установлении контроля государства над доходами митрополии и епископств. Упорными были усилия Стурдзы по улучшению дорог и услуг в области здравоохранения, по благоустройству городских центров. Посредством принятия ряда законодательных мер он попытался повысить уровень жизни крестьян. Важным оказался вклад господаря в развитие высшего образования и основание в 1835 г. Михайлянской академии, которая сыграла особую роль в подготовке новых поколений ученых и государственных служащих для Молдовы. Нельзя не отметить социально-экономическое, политическое и нравственное значение освобождения в 1844 г. проживавших в государственных и церковных владениях цыган-крепостных. Как и в Валахии, закон о чинах 1835 г. приравнял боярские чины к должностям в гражданской администрации и причислил к знати значительную часть выходцев из низов, что привело к существенному изменению состава боярства.

Михаил Стурдза попытался ограничить действие иностранной юрисдикции, посредством которой консулы великих держав осуществляли контроль над своими подданными, так называемыми судитами, проживавшими в Молдове. В 1837 г. он заключил с Австрией соглашение об экстрадиции бродяг и нищих, причем этот документ стал своеобразным символом, ибо он, согласно определению А.Д. Ксенопола, был «первым признаком международного возрождения, первым признанием юридической состоятельности румынского государства»⁷. На международной арене господарь проводил политику балансирования между Турцией и Россией, не подвергая опасности автономию страны и обеспечивая себе свободу рук для проведения реформ внутри страны.

Движения протеста в преддверии революции 1848 г. Социальная напряженность, возникшая во время событий 1821 г., сохранялась и в последующие десятилетия. В Валахии, к примеру, в 1826 г. вспыхнуло движение протеста под руководством бывших сподвижников Тудора Владимиреску — Симиона Мехединцяну

и Гицэ Куцуя. Они организовали в Олтении вооруженный отряд в составе около 300 человек и распространили прокламацию, в которой призывали народ к восстанию против существующего режима, однако движение было подавлено. В апреле того же года власти Молдовы раскрыли заговор; они арестовали и допросили около 300 человек. После принятия Органических регламентов повсеместно проходили акции социального протеста и выступления барщинных крестьян.

Навязанные регламентами многочисленные ограничения, жесткий контроль российских консулов в Бухаресте и Яссах, а также рост политического влияния аристократии способствовали углублению недовольства в рядах румынской элиты. Представители либерального боярства и других прогрессивных слоев населения стали выдвигать требования демократизации внутренней политической жизни, укрепления автономии, достижения независимости и объединения княжеств. Национальная идеология в этот период перехода от Просвещения к романтизму 1848 г. становилась идейной основой борьбы за национальные интересы. Откликом на европейский революционный подъем 1830 г. (во Франции, Польше и других странах) явился небывалый размах национально-политического движения во всех румынских провинциях. На всех территориях, населенных румынами, усиливались связи и сотрудничество не только между интеллигенцией и либеральным боярством, но и между представителями национальных движений других народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Период 1834 — 1848 гг. характеризуется разнообразием форм борьбы за проведение общественно-политических преобразований и устранение иностранного господства — от легальной оппозиции в Народных собраниях до тайных революционных обществ, созданных по образцу масонских лож и карбонарских вент.

Легальная оппозиция в Народных собраниях Валахии и Молдовы развивалась от оппозиции отдельных лиц к объединенной политической оппозиции, направленной против режима регламентов и вмешательства России во внутренние дела княжеств. Дух протеста присутствовал среди представителей власти и общественных объединений, в публикуемых брошюрах и статьях, а также в текстах обращений к великим державам. Наиболее ярким примером легального выражения протеста стало движение во главе с полковником Ионом Кымпиняну в Валахии. Вокруг него объединились все либеральные и патриотические силы, которые в 1838 г. опублико-

вали два программных документа — проект Конституции и Документ объединения и независимости, в которых отстаивались радикальные идеи объединения и освобождения княжеств, идеи реформирования и модернизации румынского общества в демократическом духе. Движение под руководством И. Кымпиняну знаменательно тем, что наряду с законными действиями оно использовало и дипломатические каналы, обратившись после переговоров с лидером польской эмиграции в Париже князем Адамом Ежи Чарторыйским к великим державам с просьбой о поддержке совместного выступления румын и польских повстанцев. На грани между законом и заговором разворачивалось движение во главе с Л. Раду в 1838 – 1839 гг. в Молдове под названием «Конфедеративный заговор». В целях ослабления аристократического политического режима предлагались меры по отмене льгот крупного боярства, проведению социальных и культурных реформ, таких, как введение национальной валюты, освобождение цыган, обеспечение свободы слова и печати. Необычным стало предложение об образовании федерации государств в составе Молдовы, Валахии и Сербии.

Так же, как и в Европе эпохи Реставрации, в румынских княжествах периода регламентов было создано несколько тайных обществ с типичным для эпохи реформ налетом романтизма. Эти общества использовали различную тактику: от заговоров и покушений до создания революционных организаций и восстания. В новых политических условиях для достижения национальных и демократических свобод утвердился революционный путь как альтернатива малоэффективному легальному протесту. Наиболее известный эпизод подпольного движения имел место в Валахии в 1840 г., когда группа молодых людей (Н. Бэлческу, французский профессор Ж.А. Вайант и др.) объединилась вокруг Д. Филипеску и обратилась к народу с призывом к восстанию. Их программа включала серьезные социальные, демократические и национальные требования: независимость, протекторат великих европейских держав, провозглашение республики, освобождение крестьян и наделение их землей на основе долгосрочного договора об аренде. Власти арестовали лидеров движения и приговорили их к различным срокам тюремного заключения. Наиболее важной чертой деятельности нового поколения борцов-революционеров стало их обращение к социальным вопросам и удачная попытка сочетания последних с решением национальных проблем. Все это стало предвестием революционных событий 1848 г.

После создания Н. Бэлческу, И. Гикой и майором К. Теллом осенью 1843 г. тайного общества «Братство», конспиративное движение революционеров в Валахии значительно окрепло. Распространив свою сеть и в Молдове, оно готовило румынскую политическую элиту к революции как единственному способу решения социальных и национальных проблем. В документах того времени отмечены такие конспиративные действия в Молдове, как заговор во главе с И. Поповичем в 1839 г. и деятельность общества «Сыновья колонии Траяна». В преддверии революции 1848 г. усиливались связи между руководителями движений всех румынских провинций, а заговоры все чаще готовились под легальным прикрытием (с 1845 г. «Братство» действовало под прикрытием Литературного общества), а имение К. Негри-Мынжина вблизи города Галац стало настоящим румынским революционным центром, где встречались многие представители национального движения. Представители румынской интеллигенции в Париже объединились в Общество румынских студентов. В ходе заседания общества 1 января 1847 г. Н. Бэлческу произнес пламенную речь, в которой отразились национальные особенности программы общества в столице Франции. «Нашей целью остается достижение национального объединения румын. Достигнутое вначале единство чувств превратится со временем в политическое единство... Румынизм является нашим знаменем, под которым предстоит объединиться всем румынам»⁸.

Наряду с демократическими идеалами все тайные или полуподпольные общества и ассоциации также постоянно руководствовались идеалами объединения и независимости. Формула Дако-Романии нашла широкое отражение в документах и программах революционных движений, в публикациях того времени. Как часть общеевропейского процесса, тайные общества на местах внесли свой вклад в укрепление революционного сознания, приближая тем самым события 1848 г.

Общественная и экономическая ситуация в княжествах (первая половина XIX в.). Начало модернизации

Население и условия жизни. В письменных источниках того времени отмечается рост числа населенных пунктов, прежде всего

сел и посадов (городских поселений), расширение сети путей сообщения, развитие внутреннего рынка, приведшего к расслоению внутри общества. Это свидетельствовало о переходе от характерной для феодального строя унитарности (единообразия) общественных структур к диверсификации общества Нового времени. Согласно оценкам Николае Шуцу, накануне революции 1848 г. в Молдове было 44 города и посада, а также 1933 села (393 монастырских, 448 крестьянских и 1092 боярских). В более населенной Валахии число сел в течение 1831 – 1838 гг. выросло с 3560 до 3584.

Несмотря на довольно частые в первой половине XIX в. эпидемии чумы и холеры, продовольственные кризисы, неурожаи и разрушения вследствие военных действий, количество населения быстро росло, улучшалась общая демографическая ситуация. Например, если в 1803 г. количество жителей Молдовы достигло 528 784 человек, то в середине XIX в., согласно Н. Шуцу, население княжества насчитывало 1 462 105 человек. Особенно резкий его прирост произошел после 1829 г., когда из-за упразднения османской торговой монополии страна добилась экономического роста. Об этом свидетельствует увеличение числа семей с 221 521 в 1831 г. до 292 421 в 1849 г. Одновременно был зарегистрирован и быстрый рост городского населения как результат возникновения новых поселений в период действия Органических регламентов и усиления процесса миграции из сельской местности в городские центры. В 1831 – 1845 гг. число жителей в посадах и городах Молдовы возросло со 129 тыс. до 265 тыс. человек, что практически означало удвоение населения за этот период. Если в 1832 – 1845 гг. в столице Молдовы Яссах наблюдался относительно умеренный рост (с 48 тыс. до 65 тыс. человек), то в других городах княжества данный показатель был более значительным: Ботошани — с 14 тыс. до 28 тыс. человек, Галац — с 8 тыс. до 22 тыс., Бакэу — с 2 тыс. до 6 тыс., Пятра-Нямц — с 3 тыс. до 8 тыс. человек. Следует уточнить, что рост городского населения в Молдове был обусловлен не только притоком жителей из сельской местности, но и переселением значительного количества евреев из Галиции. Другим источником роста населения к востоку и югу от Карпат стало продолжение многовекового процесса переселения румын из Трансильвании в Молдову и Валахию. В основе этого процесса продолжала оставаться древняя традиция перегона овец с летних пастбищ на зимние и наоборот. Согласно статистике того време-

ни, количество перегонщиков овец из Трансильвании в Валахию в 1834 г. достигло 9800, а в 1835 г. — почти 14 тыс. человек.

В 1820 г., накануне революции под руководством Тудора Владимиреску, население Валахии составляло 1 795 130 жителей, однако темпы его роста в период Органических регламентов оказались более скромными по сравнению с Молдовой. Если в 1832 г. здесь проживало 1 993 000 человек, то в 1849 г. — уже 2 500 000 (согласно подсчетам Н. Шуцу). К югу от Карпат в этот период также был отмечен значительный рост городского населения. В период 1810—1853 гг. число жителей столицы Валахии Бухареста удвоилось (с 32 до 65 тыс.). Аналогичные процессы происходили в эти годы и в других городах: Бузэу — с 3 до 7 тыс., Джурджу — с 2 до 7 тыс. человек.

В этническом и религиозном отношении население княжеств состояло из компактно проживавших православных румын, однако в первой половине XIX в. вследствие продолжавшихся миграционных процессов в районах, расположенных к югу и востоку от Карпат, обосновалось несколько десятков тысяч евреев. В 1838 г. в Молдове было зарегистрировано 55 280 евреев, а в Валахии — 5960. Евреи в этот период сыграли важную роль при основании ряда городских поселений в Молдове. Согласно статистическим данным, в первой половине XIX столетия в обоих румынских княжествах проживали и представители других национальностей. Н. Шуцу, например, указывал, что в Молдове жило свыше 12 тыс. цыган, а в целом в княжествах было зарегистрировано около 6 тыс. армян, почти 8 тыс. русских липован (старообрядцев), нескольких тысяч сербов и болгар, поселившихся здесь после русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 гг., а также несколько тысяч немцев и венгров.

Социальная структура. Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения обоих княжеств, накануне революции 1848 г. подверглось значительному расслоению. До введения Органических регламентов крестьянство в зависимости от фискальных обязанностей делилось на три категории: зажиточные, середняки и бедняки. Часть крестьян несла определенные повинности в пользу землевладельцев. Это были скутельники, послушники, ополченцы и слуги. Регламенты упразднили эти категории, упростив тем самым социальный состав населения. До революции 1848 г. барщинные крестьяне составляли 70% сельского населения

Молдовы и почти 75% — Валахии. Важное место занимали свободные крестьяне, так называемые рэзешь в Молдове и мошнень в Валахии. Статистика периода Органических регламентов отмечает и другие социальные категории, например кэпэтэеров, т. е. людей, лишенных постоянного местожительства. Согласно переписи 1845 г., в Молдове было отмечено 8369 таких лиц, являвшихся источником наемной рабочей силы, столь необходимой в начале становления капиталистических отношений. Имелась также категория беженцев, прибывших из-за рубежа, в основном из Трансильвании. После вступления в силу Органических регламентов продолжали существовать и такие социальные группы, как мазилы и рупташи, происходившие из рядов рэзешей и платившие подати, а также категории, полностью освобожденные от выплаты налогов, например привилегеты или нямурь (родственники).

Определенные изменения произошли и внутри боярского сословия, количественный рост которого был обусловлен проникновением в его состав представителей нижних слоев общества вследствие приравнивания должностных чинов гражданской администрации к боярским званиям. В Молдавии число боярских семейств возросло с 410 в 1810 г. до 3325 в 1853 г. Аналогичная ситуация сложилась и в Валахии, где в 1829 г. проживало 1311 боярских семей, а в 1858 г. их число достигло 3160. Получение привилегий при вхождении в боярское сословие делало это весьма заманчивым. В связи со своим приобщением к рыночной экономике боярство постепенно стало переходить в категорию буржуазии. В результате тесных контактов с европейским миром произошли качественные изменения в ментальности данной социальной группы. Этому способствовали прямые контакты выехавшей на учебу молодежи с западными реалиями (особенно во Франции), многочисленные путешествия представителей элиты после отмены фанариотского режима, а также связи с русским офицерством во время протектората России над княжествами (1828 – 1834).

Своеобразным показателем процесса обновления румынского общества до 1848 г. являлся состав городского населения, расслоение которого отражало социально-экономическую и политическую динамику эпохи. Наиболее важную категорию жителей городов в этот период составляли купцы и ремесленники (мастера), разделенные в зависимости от их экономического потенциала на три гильдии, или ступени. При относительно скромном товаро-

обороте большинство купцов и ремесленников принадлежали к третьей гильдии. Согласно переписи 1845 г., в посадах и городах Молдовы торговым делом были заняты 3901 местный (коренной) купец, 6049 евреев и 1066 судетов (иностранных подданных). Данный источник указывает и на наличие 4620 местных мастеров (4275 принадлежали к третьей гильдии), 5135 евреев и 1092 иностранных подданных. Большинство представителей купечества и ремесленников находилось в столице. Наряду с купцами и ремесленниками в городах жили бояре, чиновники административных учреждений, интеллигенция, лица свободных профессий, духовенство и т. д. В 1832 г. в городах Валахии было зарегистрировано 14 747 купцов и ремесленников, которые вносили значительный вклад в развитие городов и посадов княжества.

Экономическая жизнь. В первой половине XIX в. сельское хозяйство продолжало оставаться основной отраслью экономики. Адрианопольский мирный договор и вступление в силу Органических регламентов оказали положительное влияние на эту отрасль и предопределили ее коренные изменения, которые можно было бы назвать «аграрной революцией». Среди проблем, которые возникли после присоединения к европейской системе товарооборота, следует назвать следующие: увеличение производства рыночных товаров, повышение стоимости земли, расширение помещичьих угодий наряду с уменьшением наделов барщинных крестьян и ростом их повинностей. Возрос интерес землевладельцев и государства к модернизации и более рациональному использованию сельскохозяйственных земель, к использованию новых машин и оборудования для повышения производительности труда и снижения его трудоемкости. Появились агрономы, землемеры, управляющие и ветеринары, началось профильное агрономическое и экономическое обучение в Школе Св. Саввы в Бухаресте и в Михаилянской академии в Яссах. В 1834 г. в Валахии было создано Сельскохозяйственное общество, а в Молдове образовалась Центральная агрономическая комиссия, появились образцовые фермы, где использовались импортные сельскохозяйственные машины.

В первые десятилетия XIX в. было еще преждевременно говорить о реальном подъеме промышленного производства. Отсутствие предпринимателей и капиталов, свободной рабочей силы и политической стабильности стали причинами отсталости в промышленности. Большинство существовавших и вновь созданных

мануфактур не могли достичь уровня «передовых» предприятий, к которым можно было отнести такие, как текстильное предприятие Н. Бэляну в Драгомирешти-Ильфове, кожевенную фабрику в Байе, кирпичный завод и завод сельскохозяйственного оборудования в Яссах, стеклянное производство в Комэнешти и др. В период регламентов освоение недр ограничивалось добычей соли и мазута. Исключением стала добыча угля в Комэнешти для механической мельницы в Яссах.

Достаточно скромный до Адрианопольского мирного договора товарообмен приобрел широкий размах после отмены османской торговой монополии, что способствовало развитию внутреннего рынка, который в начале 1848 г., после упразднения таможни между Валахией и Молдовой, развивался особенно быстрыми темпами. Все более активными становились торгово-экономические связи княжеств с Трансильванией. Присоединение к европейской системе товарооборота происходило в основном через дунайские порты Брэила и Галац, добившиеся в 1837 г. статуса *porto franco*. Особый интерес представляло развитие путей сообщения, строительство дорог, обеспечение судоходства на внутренних реках. В 1845 г. в Валахии был принят закон о дорогах, а в 1847 г. создано Управление общественных работ, в рамках которого действовал инженерный отдел. Аналогичные процессы происходили и в Молдове.

Культура и национальная идеология. В этот период до объединения княжеств в 1859 г. национальные и демократические идеалы румынского народа ярче всего проявились в области культуры. После 1830 г. все еще живые идеи, обогащенные элементами романтизма, создали национальную идеологию, проникнув во все слои населения. Первая половина XIX в. стала также периодом становления системы образования, а румынский язык доказал свою способность выражать самые тонкие чувства и переживания. В эти годы были заложены основы изучения национальной истории, театра, печати.

В период Органических регламентов были достигнуты действительно значительные успехи в области образования. К примеру, в 1846/47 учебном году в Валахии действовало 2309 школ, в которых училось 48 545 учеников. Благодаря деятельности таких просветителей, как Г. Асаки, И. Хелиаде-Рэдулеску, П. Поенару, Г. Лазэр и др., получило развитие среднее образование и были заложены

основы высшего. Коллегии им. Св. Саввы в Бухаресте и Крайове, Васильевская гимназия и Михайлянская академия в Яссах стали кузницами кадров, столь необходимых для модернизации экономики, администрации, юстиции, армии, и центрами воспитания национально-патриотических чувств молодого поколения.

Важным достижением этого периода стал перевод национальных культурных учреждений на национальную основу. Культура перестала быть достоянием боярского сословия и превратилась в инструмент просвещения и развития всего общества. Активно включились в этот процесс такие культурные учреждения, как созданное в 1827 г. по инициативе Д. Голеску и И. Хелиаде-Рэдулеску Литературное общество в Бухаресте, Консерватория в Яссах (1837), Филармоническое общество (1838), Литературная ассоциация Румынии (1845) во главе с Я. Вэкэреску и др.

В общем процессе социально-экономического и национально-политического возрождения активно участвовала печать. Многие газеты и журналы включали в свои названия слова «Дакия», «Румыния», подчеркивая тем самым желание издателей обратиться ко всему румынскому народу. Вне зависимости от срока деятельности эти издания внесли значительный вклад в гражданское и научно-культурное воспитание, а также в распространение идей о национальном объединении и независимости. Большой успех по обе стороны Карпат имели такие газеты и журналы, как «Румынская пчела», «Румынская лютня», «Румынский курьер», «Молдавско-румынский пахарь», «Румыния». Важную роль в пропаганде национальной истории сыграли журналы «Румынский архив» и «Литературная Дакия» (1840), издававшиеся в Яссах под руководством М. Когэлничану, и «Исторический журнал для Дакии» (1845), выпускавшийся в Бухаресте Н. Бэлческу и трансильванцем Аугустом Требониу Лаурианом.

Румынские территории под чужеземным господством в первой половине XIX в.

Трансильвания. Термин «Трансильвания» обозначал административную и территориальную единицу, состоявшую из Великого княжества Трансильвания (Ардял), тогдашней провинции Габсбургской империи, которая располагалась внутри Карпатского горного массива, с автономными органами власти (губернатор,

собрание сословий, губерния), а также включала территорию Баната, Кришаны и Марамуреша (последние два известны и под названием «Партиум»), входившие в состав Венгрии. Обе части Трансильвании подчинялись венскому двору. Большую часть населения этих территорий составляли коренные румыны. Согласно переписи 1850 г., национальный состав Великого княжества Трансильвания был следующим: 1 225 619 румын (59,4%), 536 843 венгров (26%), 192 270 немцев (9,3%), 78 884 цыган (3,8%), 15 606 евреев (0,7%), 7687 армян (0,4%), остальные 4736 жителей были болгарами, сербами, словаками и др.⁹

До середины четвертого десятилетия XIX в. над Великим княжеством Трансильвания тяготел консервативный абсолютистский режим канцлера Меттерниха. В 1811 – 1834 гг. законодательное собрание княжества не действовало. Надзор венского двора за положением в Трансильвании осуществлялся губернатором и главнокомандующим императорской армией, которые назначались непосредственно Веней. После нового созыва собрания в 1834 г. было выдвинуто несколько предложений относительно проведения социальных и политических реформ, которые, однако, не затрагивали основу существовавшей феодальной системы.

Несмотря на то что румыны составляли в Трансильвании почти 60% населения, они продолжали оставаться вне политической жизни, не имея своих избранных депутатов в сословном собрании, в состав которого входили только представители «трех привилегированных наций» в лице венгерской знати и верхушки саксов и секеев. Только некоторые мелкие чиновники на уровне графств и центральной администрации были ассимилированы венгерским господствующим классом. Возвращаясь к программе, выдвинутой в конце XVIII столетия в документе *Supplex Libellus Valachorum*, румынская элита из числа духовенства, интеллигенции, офицеров пограничных частей и купечества, а также епископы обеих конфессий (Василе Мога — представитель православной церкви, Иоан Лемени — греко-католической) представили в 1834, 1837 и 1842 гг. несколько петиций в адрес венского двора и Собрания княжества. В этих петициях выдвигалось требование о предоставлении румынской нации равных (наряду с остальными привилегированными группами) прав и о признании румын в качестве четвертого официального сословия.

Выдвинутые в 1834 и 1837 гг. меморандумы содержали в основном конкретные и насущные вопросы, которые были связаны

с судьбой румын, проживавших на королевских землях (на территории саксонских владений), а также вопросы образования и вероисповедания. Постепенно, однако, в текстах меморандумов и действиях румынской элиты наряду с требованиями восстановления прав румынской нации стали выдвигаться социальные и демократические требования. Национальное движение все теснее переплеталось с социальным, а сама румынская элита, происходившая из низших слоев общества, пыталась укрепить связи с этими самыми «низами», в первую очередь с крепостными крестьянами. И здесь на первый план выходит светская интеллигенция, которая становится ведущей политической силой вместо церковной. В дальнейшем румынское национальное движение в Трансильвании приобретает все более явный светский характер.

Принятие Собранием в 1842 г. закона о постепенном введении венгерского языка в качестве официального в Трансильвании, где венгры составляли лишь четверть всего населения, являлось покушением на национальную идентичность румын и саксов, представители которых немедленно выступили в защиту языка и национальных прав, осуждая в статьях и манифестах намерения венгерской знати. Со стороны румын наиболее решительно выступил преподаватель гимназии в городе Блаж Симион Бэрнуциу, который в опубликованной в феврале 1842 г. статье обратился к авторам данного законопроекта со следующими словами: «Разве вы не замечаете, что ваше желание несправедливо, безнравственно, крайне неразумно и недальновидно... Прислушиваться к мнению людей не обязательно, однако ни саксы, ни румыны не подчинятся, ибо не могут принять такой убийственный для румынской нации закон»¹⁰. Некоторые реально мыслящие лидеры саксов заняли аналогичную позицию, сославшись на демографическую ситуацию в Трансильвании. Пастор Стефан Людвиг Рот писал в 1842 г.: «Страна не нуждается в официальном языке, потому что у нас уже есть такой язык. Это не немецкий, не венгерский, а валашский. Сколько бы ни старались представленные в Собрании нации, мы ничего не можем изменить. Такова реальность»¹¹. В итоге император отклонил законопроект в той редакции, в которой он был предложен трансильванской венгерской знатью. Свою несостоятельность и неспособность адаптироваться к социально-политической действительности венгерская знать еще раз продемонстрировала во время принятия Собранием Трансильвании в 1847 г. закона,

предполагавшего усиление гнета над крепостным крестьянством, бóльшую часть которого составляли румыны.

Представители румынской элиты Баната и Партиума также выступили с требованием улучшения их политического, религиозного и культурного положения в составе Венгрии. Наряду с открытыми действиями (петиция румын из православной епархии Арада в 1814 г. по вопросу о назначении румынского епископа, меморандум православного протопопа Тимишоары Василе Георгиевича и т. д.) они принимали участие в тайных обществах. В 1830 г. в Лугоже была предпринята попытка создания подпольного общества либерального характера под названием «Конституция», в которое были вовлечены представители различных местных социальных слоев: купечества, ремесленников, духовенства, интеллигенции. В горном регионе Баната в 1834 г. возникла подпольная организация, которая поддерживала связь с польской эмиграцией и видными представителями румынских княжеств в целях подготовки всеобщего восстания в восточных провинциях Габсбургской империи.

Буковина. В первой половине XIX в. Буковина в рамках Габсбургской империи была лишена собственной администрации и входила в состав Галиции. С конца XVIII в. до середины XIX в. население Буковины выросло в три раза, в основном за счет переселения различных этнических групп, что привело к изменению его состава. Так, если в 1786 г. в Буковине проживало 135 494 человека, среди которых румын — 91 823 (68%) и русинов — около 32 000 (24%), то в 1848 г. картина была следующей: из 377 561 жителя румын было 209 293 человек (55,4%), русинов — 108 907 (29%), а остальные 59 381 человек (16%) составили немцы, евреи, словаки, поляки и др.

При абсолютистском режиме Меттерниха румынская православная церковь оказалась под юрисдикцией сербской митрополии в Карловце. Вопреки запрету пользоваться румынским языком в религиозных школах румыны сумели сохранить свою элиту из числа духовенства, бояр, интеллигенции и либеральной буржуазии, которая выступала в защиту языка и национальной идентичности. Существенную роль в развитии румынского образования сыграл епископ Буковины И. Бэлошеску, которому в конце третьего десятилетия XIX в. удалось основать в Черновцах Теологический институт и семинарию. В 1848 г. в этом городе была открыта

школа для подготовки учителей с преподаванием на румынском языке. Представители боярской семьи Хурмузаки способствовали сохранению культурных связей с румынскими просветителями и в княжествах, и в Трансильвании.

В ходе революции 1848–1849 гг. в Буковине собрались революционеры из Валахии, Молдовы и Трансильвании (А. Руссо, М. Когэлничану, В. Александри, А. Пумнул, Дж. Барициу и др.), которые сотрудничали с братьями Хурмузаки. Во время революции румынская элита Буковины попыталась добиться прежде всего отделения провинции от Галиции на условиях автономии в составе империи. Ее основной программный документ под названием «Петиция страны» включал экономические, социальные, культурные, религиозные и политические требования румын, чьи усилия не оказались напрасными. Согласно австрийской Конституции, принятой 20 февраля/4 марта 1849 г., Буковина была отделена от Галиции, получив статус автономного герцогства, с местными органами власти и правом быть представленной во всех центральных органах власти в Вене.

Бессарабия. После присоединения в 1812 г. территории между Прутом и Днестром Россия приступила к созданию новой административной структуры, названной Бессарабией. В течение нескольких десятилетий переходного периода была достигнута полная интеграция этой провинции в состав Российской империи. В 1818 г. царь Александр I определил город Кишинев столицей края и издал документ под названием «Устав об образовании Бессарабской области», который предусматривал сохранение и соблюдение старых законов и обычаев Молдовы, а также право свободно пользоваться румынским языком. Устав играл роль областной конституции довольно либерального характера. Во главе Бессарабии стоял военный губернатор, а административные и судебные органы являлись светскими и выборными. Первоначально были созданы благоприятные условия для ее развития в духе исторических традиций, и составлявшие подавляющее большинство населения румыны приняли новый политический режим без особого сопротивления.

Проводившаяся после 1825 г. царем Николаем I политика централизации и ограничения прав привилегированных областей империи привела к упразднению автономии Бессарабии. На основании одобренного 29 января 1829 г. царем «Регламента» М.С. Во-

ронцова вся исполнительная власть в области была сосредоточена в руках назначенного Петербургом генерал-губернатора. Административные посты заняли русские чиновники, а русский язык стал официальным. Начался всесторонний процесс русификации, ставший для румынской элиты тяжелым испытанием, последовали аресты и ссылки. Одновременно царские власти переселили в Бессарабию значительное количество немцев, болгар, гагаузов, русских, украинцев и др.

Благодаря усилиям митрополитов Гавриила Бэнулеску-Бодони (1812 – 1821) и Думитру Сулимы (1821 – 1844) в Бессарабии удалось построить свыше 200 православных церквей и сохранить румынский язык в богослужении. Печатались церковные книги и школьные учебники для всего населения Бессарабии. Однако после назначения в 1848 г. русского митрополита началась русификация румынской церкви и школы.

Добруджа. Геостратегическая позиция Добруджи в качестве коридора на пути к Константинополю, вокруг которого на протяжении веков сталкивались интересы крупных держав, не способствовала ее стабильности и развитию. После четырех веков османского господства в начале XIX в. Добруджа оставалась частью турецкого пашалыка на Дунае с административным центром в городе Руцуке. В ходе русско-турецких войн 1806 – 1812 и 1828 – 1829 гг. регион понес тяжелые материальные и людские потери, о чем свидетельствуют в своих записках побывавшие здесь путешественники (Ганс Христиан Андерсен, Михаил Чайковский, Ион Ионеску де ла Брад и др.). Турецкие власти прибегли к колонизации и в первой половине XIX в. переселили сюда русских, болгар, немцев, татар и др., которые либо селились в уже существующих поселениях, в которых жили в основном румыны, либо основывали новые.

Документы тех времен отмечают непрерывность такого важного явления экономической жизни Добруджи, как перегон овец из Трансильвании, Молдовы и Валахии на здешние зимние пастбища. Прибытие пастухов с отарами на зимовку (причем часть пастухов окончательно оседала в Добрудже) способствовало сохранению связей между румынами различных провинций. Еще до революции 1848 г. в Хыршове образовалась «старостия моканов» (моканами называли пастухов из Трансильвании), чтобы отстаивать интересы пастухов перед турецкими властями. Скром-

ная культурная и религиозная жизнь румын в Добрудже проходила в церквах, монастырях и начальных школах в Бабадаге, Туртукае, Кокошу. Для мусульманского населения султан издал в 1846 г. распоряжение об организации учебных заведений нового типа.

Революция 1848–1849 гг. в Румынии

Консервативный дух, навязанный Европе после 1815 г. суровой антидемократической политикой Священного союза, вызвал многочисленные социальные и национально-политические движения в разных частях континента. Однако лишь в 1848 г. Европа стала свидетелем масштабного революционного движения, которое, постепенно распространяясь из Франции на восток, охватило Германию, Италию, Габсбургскую империю, румынские княжества. Хотя революция 1848–1849 гг. стала делом всей румынской нации, вследствие особых условий, сложившихся в каждой провинции, она началась не одновременно и развивалась с неодинаковой интенсивностью.

Молдова. Личная власть Михаила Стурдзы и соседство России не способствовали началу всеобщего восстания в Молдове. Революция вспыхнула в Яссах 27 марта/8 апреля 1848 г. Началом ее стало собрание в гостинице «Петербург» около 1000 оппозиционно настроенных мелких и средних бояр, купечества, интеллигенции, горожан, образовавших комиссию для выработки требований. При активном участии поэта В. Александри была составлена Петиция-прокламация бояр и видных деятелей Молдовы, тридцать пять пунктов которой отразили умеренную программу реформ. Умеренность и осторожность ее авторов проявились и в том, что документ передали господарю М. Стурдзе для утверждения. Такой подход яссских лидеров можно объяснить близостью столицы Молдовы от Прута: находившиеся там русские войска были готовы выступить в любое время в случае массовых революционных волнений. Низкий уровень революционной активности весной 1848 г. в Яссах и других городах Молдовы был вызван этнической и религиозной неоднородностью молодой буржуазии, по-разному реагировавшей на революционные призывы. В отличие от Валахии, где тайное общество «Братство» сумело добиться широкого распространения революционных идей, в Молдове

преобладали умеренные настроения; революционеры избрали путь постепенных преобразований.

Некоторые пункты Петиции-прокламации были еще более умеренными, чем положения Органических регламентов, и сводились к требованию министерской ответственности, личной безопасности, реформы школы и национального банка и т. д., а другие резко отличались от умеренности регламентов: образование нового представительного общественного собрания, отмена цензуры, упразднение воинских частей, состоящих из албанцев, создание национальной гвардии, которая стала бы ядром национальной армии. Господарь отклонил выдвинутые требования и принял репрессивные меры, задержав авторов программы и отправив их в распоряжение турецких властей в Добрудже. По дороге некоторым из них удалось бежать и укрыться в Трансильвании. В Брашове яские революционеры 12/24 мая 1848 г. подготовили новую программу под названием «Наши принципы реформирования Родины», которая звучала скорее как клятва и не была обнародована в то время. Ее подписали 15 человек: В. Александри, А. Руссо, Дж. Сион, К. Негри и др. «Принципы...» отличались радикальностью социальных и национальных требований, в частности предполагались отмена барщины для крестьян и наделение их земель без выкупа, предоставление гражданских прав и свобод, объединение Молдовы и Валахии в единое независимое государство.

Революционные события в Валахии летом 1848 г. не остались без последствий в Молдове. Несмотря на строгие порядки, установленные Стурдзой, и присутствие русских войск почти на всей территории княжества, имели место волнения и движения социального протеста, а на севере Молдовы формировались вооруженные отряды для свержения господаря. По предложению Черновицкого революционного комитета в Молдове было создано общество «Спасение Родины» с целью сбора денег для организации вооруженного сопротивления. Тяжелые последствия эпидемии холеры, которая парализовала на время всю страну, помешали в итоге новой вспышке революции в Молдове. Правда, ряд известных политических деятелей Молдовы создал в августе 1848 г. революционный комитет в Черновцах во главе с М. Когэлничану и разработал другой программный документ, под названием «Требования национальной партии Молдовы», дополненный впоследствии проектом Конституции Молдовы. Новая программа и 120 статей проекта Конституции представили в сжатой форме

основные требования румынской нации: объединение Молдовы с Валахией, полная внутренняя и внешняя автономия, упразднение чинов и привилегий, свобода личности и печати, отмена барщины и наделение крестьян землей за выкуп, секуляризация монастырского имущества. Находившиеся в Валахии, Буковине и Трансильвании революционеры из Молдовы приняли активное участие в событиях, способствовавших реализации требований румынского народа.

Валахия. В отличие от Молдовы летом 1848 г. на юге Карпат вспыхнула настоящая революция, ибо здесь тайному обществу «Братство» удалось выработать четкую революционную программу, взяв за образец Францию. После возвращения Н. Бэлческу и других деятелей из Парижа подготовка к выступлению была завершена. Революционный комитет в составе 13 членов (Н. Бэлческу, И. Хелиаде-Рэдулеску, А.К. Голеску, И. Гика и др.) при поддержке членов «Братства» приступил к реализации политических и военных задач восстания. Комитет планировал одновременное выступление в ряде городов уездов Прахова, Вылчя, в городах Излаз и Бухарест.

Из-за репрессивных мер, принятых властями, революция началась 9/21 июня 1848 г. только в Излазе. В поддержку революции выступили воинские части во главе с майором К. Теллом и капитаном Н. Плешояну, а также исправником уезда Романаши Г. Магеру. Перед собравшимися в Излазе солдатами и гражданским населением И. Хелиаде-Рэдулеску зачитал текст Прокламации и революционную программу, написанную на доступном для масс языке с использованием цитат из Библии. «Пришло время нашего освобождения; румынский народ поднимается по зову ангела-спасителя и узнает о своем праве на суверенитет. Мир вам, ибо вам благовествует свобода. Румынский народ поднимается и вооружается для того, чтобы держать в узде и поставить на место противников народного счастья»¹². Все двадцать две статьи Прокламации содержали программу реформ в румынском обществе: административная и законодательная самостоятельность страны, реальная внутренняя автономия, равноправие граждан, отмена барщины и наделение крестьян землей за выкуп, избрание господаря на пятилетний срок новым представительным общественным собранием, создание национальной гвардии. Согласно этому документу, над Валахией сохранялся сюзеренитет Порты без рус-

ского протектората. В конце собрания было образовано временное правительство (И. Хелиаде-Рэдулеску, Ш. Голеску, К. Телл, Н. Плешояну и священник Раду Шапкэ), а ее участники отправились через Каракал в Крайову, где население присягой выразило поддержку Излазской программе.

Под давлением массовых манифестаций 11/23 июня 1848 г. господарь Георгий Бибеску был вынужден согласиться с революционной программой и образованием нового временного правительства, однако неодобрение русским консулом революционных действий побудило господаря отречься 13/25 июня от престола, покинуть страну и выехать в Трансильванию. С этого момента в Валахии установился революционный режим, определявший внутреннюю и внешнюю политику страны. В качестве государственных учреждений действовали временное правительство, обладавшее исполнительными и законодательными функциями, комиссары по пропаганде и национальная гвардия. Во многом революционный режим подражал французскому, что объяснялось длительным пребыванием или учебой румынских лидеров во Франции, а также их личными связями с французскими революционерами.

Пытаясь стабилизировать обстановку и заручиться поддержкой масс, временное правительство созвало 15 июня 1848 г. в Филарете народное собрание, участники которого одобрили революционную программу и присягнули на верность Конституции, выразив тем самым доверие и поддержку новому режиму. С первых дней своей деятельности временное правительство (возглавлявшееся из политических соображений митрополитом Неофитом) приняло ряд важных декретов об отмене боярских привилегий и равноправии граждан, об отмене цензуры, утверждении трехцветного флага с девизом «Справедливость, братство», о предоставлении прав евреям, образовании национальной гвардии и армейского корпуса под руководством Г. Магеру. Для обнародования программы революции и привлечения крестьян на сторону революционного режима комиссары по пропаганде выехали в села. Во избежание возможного вооруженного вмешательства России и Турции в революционную программу не была включена задача объединения Валахии и Молдовы. Однако эта идея нашла широкое отражение на страницах революционной прессы, в переписке и в тесном сотрудничестве революционеров обоих княжеств. Так, в опубликованном в середине июня 1848 г. воззвании

К.А. Росетти «К нашим братьям из Молдовы» открыто говорилось: «Все валахи и молдаване являются румынами, братьями и составляют единую нацию... Давайте пожмем руки, как братья, и поможем друг другу. В единстве наша сила, и только так мы сможем отстоять нашу свободу перед любым врагом»¹³.

19 и 28 июля 1848 г. Временному правительству пришлось дать отпор двум контрреволюционным попыткам, предпринятым консерваторами при поддержке некоторых армейских частей. Обе попытки были сорваны благодаря энергичному участию жителей Бухареста, которые воздвигли баррикады и сражались против заговорщиков. И.К. Брэтиану и Анна Ипэтеску, мобилизовав массы, сумели освободить членов временного правительства, а руководители заговора (полковники И. Одобеску, И. Соломон и майор Локустяну) были арестованы. Заговор был подготовлен крупными землевладельцами, которых напугала возможность отмены барщины и освобождения крестьян. Создание комиссии по собственности, составленной из представителей крестьян и бояр, и сопротивление помещиков привели к затягиванию решения аграрного вопроса и снижению уровня доверия крестьян к революционному режиму.

Временное правительство Валахии предприняло и ряд внешнеполитических шагов, начав переговоры с Портой и добиваясь сотрудничества с лидерами венгерской революции; оно также отправило своих представителей в Париж и немецкий парламент во Франкфурте. Однако 19 июля турецкие войска перешли Дунай и заняли позиции в Джурджу. Между временным правительством и османским специальным эмиссаром Сулейман-пашой велась усиленная переписка, в результате чего удалось добиться компромисса, согласно которому турки признали ряд пунктов революционной программы, потребовав заменить революционную власть господарскими наместниками в лице И. Хелиаде-Рэдулеску, Н. Голеску и К. Телла. В Константинополь отправилась валашская делегация, чтобы получить согласие султана на продолжение внутренних реформ.

Встревоженная размахом и радикализмом событий в Валахии, Россия стала оказывать давление на Турцию с целью применения силы против бухарестского революционного режима. В знак протеста против турецкого вмешательства лидеры революции организовали 6 сентября 1848 г. в Бухаресте массовое народное собрание, где сожгли Архондологию (перечень боярских чинов)

и Органические регламенты — символы феодального режима и занятой Россией враждебной позиции по отношению к революции. Новый османский эмиссар Фуад-паша выступил с войсками и 13 сентября 1848 г. вошел в столицу. В присутствии более чем двухсот революционеров и бояр Фуад-паша зачитал текст прокламации, в которой осуждалась революция и объявлялось о восстановлении режима регламентов. Многие лидеры революции были арестованы, а турецкие войска приступили к захвату столицы. С румынской стороны были предприняты робкие попытки оказания вооруженного сопротивления, особенно в районе Дялул-Спирий, где бухарестские пожарники и войсковая часть проявили героизм в неравном бою с превосходящими силами противника. Вступление царских войск на территорию Валахии свело на нет последние надежды на возможное восстановление революционного режима и возобновление восстания на землях к югу от Карпат осенью 1848 г.

Трансильвания. Начало в марте 1848 г. революции в столице Габсбургской империи, Вене, а также в Праге, Братиславе и Пеште вызвали волнения и в Трансильвании, где венгерская революционная программа получила широкую известность. Во многих местах венгры, секеи и саксы стали вооружаться, создавая свои национальные и гражданские гвардии. До конца марта некоторые лидеры румын относились с симпатией к провозглашенным венгерской революцией либеральным и прогрессивным принципам. Однако учатившиеся проявления нетерпимости со стороны венгерской знати и ее стремление совместно с представителями местных властей, где большинство также составляли венгры, добиться присоединения Трансильвании к Венгрии вызвали протесты со стороны румынской элиты. Для румын, представлявших большинство населения этой провинции, обещаний свободы личности и прогресса, содержащихся в программных документах венгерской революции, было недостаточно. Не имея представительства в законодательных и исполнительных органах власти, они в духе романтических представлений о нации требовали признания своего языка, своего происхождения и равноправия с остальной частью населения. Включение Трансильвании в состав Венгрии на условиях признания лишь одной венгерской нации и одного венгерского языка в качестве официального делало невозможной реализацию этих требований.

Румынская элита Трансильвании в этот период занялась разработкой идеологических и тактических принципов своей революционной программы. Постепенно в ходе проведенных при участии румынских лидеров мероприятий были определены основные задачи румынской революционной программы, которые вписывались в рамки легальности и четко выраженного реформизма. Первым итогом работы стало появление программного документа — манифеста от 25 марта 1848 г. под названием «Провокация», составленного С. Бэрнуциу. В документе отвергалась идея объединения Трансильвании с Венгрией, пока румын не признают в качестве самостоятельной нации, обладающей политическими правами, в документе содержался призыв к солидарности всех румын независимо от их социального положения и политических взглядов. В начале апреля появился манифест преподавателя А. Пумнула под названием «Прокламация», который распространялся по всей Трансильвании учениками, уезжавшими на каникулы, и в котором подтверждалась идея признания прав румынской нации и соблюдения принципов равенства, свободы, братства и сотрудничества румын с венграми, секеями и саксами. Автор призывал: «Румыны... скажите венграм, секеям и саксам, что мы их любим как своих собственных братьев, ведь мы живем в одной стране. Докажите словом и делом, что мы их любим, но вправе требовать взаимной любви... Скажите им во весь голос, что мы хотим добиться человеческих прав не мечом, а здравым смыслом, и поэтому нужно встретиться и определить наши права»¹⁴. Главная заслуга А. Пумнула заключалась в том, что он выдвинул в своем манифесте идею о необходимости созыва национального собрания. При отсутствии собственных политических учреждений и представительства в законодательном собрании княжества будущее национальное собрание румын приобретало ярко выраженный демократический и репрезентативный характер.

В попытке разделить румын центральные властные органы Трансильвании прибегли к диверсии и предоставили право каждой в отдельности религиозной общине (православной и греко-католической) провести собственное собрание, однако потерпели неудачу. Путем запугивания и арестов власти попытались воспрепятствовать приезду представителей румын Трансильвании на общенациональное собрание. Несмотря на все трудности, 18/30 апреля 1848 г. в городе Блаже состоялось первое представительное собрание румын, в котором приняли участие почти 4 тыс. человек

из числа интеллигенции, купечества, мелкой знати, священников, крестьян. На нем не было принято ни одного программного документа, а ее участникам предложили созвать большее количество румын на следующее общенациональное собрание. Важнее всего оказалось то, что в национальном движении трансильванских румын началось преодоление раскола по религиозному признаку. Собрание способствовало процессу укрепления связей между элитой и крестьянскими массами, начало которому было положено в конце XVIII в. после восстания под руководством Хории в 1784 г. и составления в 1791 г. программного документа *Supplex Libellus Valachorum*, и который завершился в ходе революции 1848 г. в середине XIX в.

По всей Трансильвании участились акты неповиновения румынских, венгерских и секейских крепостных крестьян, которые отказывались от выполнения повинностей в отношении феодалов. Учитывая, что этот социальный протест имел ярко выраженный национальный характер, так как большинство крепостных составляли румыны, командование австрийских войск по требованию венгерской знати выслало против них регулярные части, а в некоторых местах выступили отряды гражданской гвардии. Одновременно румынские лидеры продолжали готовиться к проведению следующего национального собрания в Блаже. Главный идеолог румынского национального движения того времени — С. Бэрнуциу выступил 2/14 мая 1848 г. в соборе Блажа перед представителями интеллигенции, приехавшими на второе национальное собрание, с речью под названием «Румыны и венгры», в которой были представлены теоретические и программные основы состоявшегося 3/15 – 5/17 мая 1848 г. второго национального собрания румын. В нем участвовало около 40 тыс. человек, в основном крестьяне со всей Трансильвании, а также делегаты от революционеров Молдовы и Валахии. Попытавшись и на этот раз создать препятствия и ограничить число участников, власть была вынуждена признать, что собрание проходило в спокойной атмосфере, и оценить по достоинству зрелость румынской нации. Участники собрания присягнули на верность румынскому народу, Отечеству и австрийскому императору, а также одобрили программу румынской революции из 16 пунктов под названием «Национальная петиция».

Принятый в Блаже документ основывался на романтическом понимании нации и государства и во многом был похож на другие

программы европейских демократических революций. В первом пункте выдвигалось требование предоставления румынской нации равных прав с остальными нациями Трансильвании. Румыны требовали отмены крепостного права без какого-либо выкупа, предоставления экономических и политических свобод, отмены цензуры, развития образования на румынском языке на всех уровнях. Последний, шестнадцатый пункт предусматривал созыв учредительного собрания при участии румын наряду с представителями других наций, на котором следовало обсудить вопрос включения Трансильвании в состав Венгрии. В Блаже был достигнут первый успех на пути создания постоянного Национального комитета (с центром в Сибиу) в составе епископа А. Шагуна, С. Бэрнуциу, А. Папиу-Илариана, А. Пумнула, К. Романа и др.

Весной 1848 г. румыны Баната, включенного в состав Венгрии еще в конце XVIII в., разработали под руководством Е. Мургу программный документ, в котором добивались предоставления провинции автономии, ее прямого подчинения императору, а также демократических прав и свобод. Избранные в законодательное собрание Венгрии некоторые лидеры румын Баната, Кришаны и Марамуреша отнеслись нейтрально к венгерской революции. Их политические, социальные и культурные требования во многом были схожи с требованиями румын-трансильванцев.

Созванное 29 мая 1848 г. в Клуже собрание княжества проигнорировало «Национальную петицию» и приняло решение о включении Трансильвании в состав Венгрии. В условиях революционных событий в Вене император Фердинанд I утвердил решение трансильванского законодательного собрания, лишив тем самым румын права на национальную идентичность. В течение лета бунты крестьян против знати усилились, а общественное движение приобретало все более национальную окраску. Знать прибегла к насилию против крестьян, в большинстве своем румын. Карательные меры были приняты против румынского населения в Михальце, Луне и других местах. Венгерские власти совместно с командованием австрийских войск пытались запугать членов Национального комитета в Сибиу — вплоть до ареста некоторых румынских деятелей.

В течение лета румынским революционерам удалось привлечь на свою сторону офицеров и солдат двух румынских пограничных полков из Нэсэуда и Орлата. Непримируемость венгерской знати и применявшиеся против румын репрессии обусловили созыв

3/15 и 16/28 сентября 1848 г. в Блаже нового национального собрания, где в присутствии примерно 60 тыс. участников было отвергнуто решение о присоединении Трансильвании к Венгрии, а также выдвинуто требование о прекращении казней и репрессий со стороны венгерского революционного правительства. Объявив о разрыве с венгерским правительством, румынская элита надеялась добиться возможного союза с либеральной и конституционной Австрией. В меморандуме, принятом на третьем национальном собрании и направленном австрийскому парламенту, выдвигалась идея создания румынского автономного государства в составе Австрии на основе объединения Трансильвании, Молдовы и Валахии. «Ни в одном другом государстве народы не добивались стольких гарантий для своих свобод и национальной идентичности, как в Австрии, на основе справедливых и либеральных решений парламента... Мы стремимся к свободному объединению свободных народов под эгидой внутри свободной и сильной Австрии... Мы просим не только за нас, но и за наших братьев из Дунайских княжеств»¹⁵.

Третье национальное собрание в Блаже стало новым достижением на пути развития румынского революционного движения в Трансильвании. Румыны перешли к реализации первого пункта программы, принятой в мае 1848 г., где говорилось о предоставлении права на национальное самоопределение. Революционным путем было положено начало создания на демократических основах военных и гражданских административных органов. Постоянный Национальный комитет в Сибиу занялся созданием префектур и легионов, административных и военных органов национального самоуправления. В районах с этнически неоднородным населением к руководству местными административными органами привлекли и представителей других национальностей. Важный вклад в создание легионов и префектур внесли А. Янку, А. Север, А. Бэтрыняну, С. Балинт, И. Бутяну и др.

В начале октября 1848 г. командование императорской армии в Трансильвании осудило венгерское революционное правительство и аннексию Трансильвании Венгрией, объявив о восстановлении австрийского конституционного режима. На территории Трансильвании вспыхнула Гражданская война, в которой румыны действовали на стороне австрийской армии против венгерских революционных войск. Румынские революционеры, однако, не подчинились императорской армии полностью. В Западных Карпатах

Аврам Янку создал Военный совет, который ведал региональной администрацией и организацией военного сопротивления венгерским войскам. Зимой 1848/49 г. усилились связи между трансильванскими, банатскими и буковинскими революционерами в целях создания румынского этнического блока в составе Габсбургской монархии. В переданном 25 февраля 1849 г. новому императору Францу Иосифу I меморандуме депутаты Буковины, Баната и Трансильвании требовали объединения всех румын империи и федерализации монархии по национальному принципу.

До марта 1849 г. венгерская армия во главе с польским генералом Бемом сумела занять значительную часть территории Трансильвании, за исключением районов, оставшихся под контролем австрийских (крепость Алба-Юлия) или румынских войск (Западные Карпаты). На захваченных территориях венгерская знать учинила жестокую расправу над выступившими против венгерского правительства румынскими и саксонскими революционерами и крестьянами. В Западных Карпатах народная армия А. Янку добилась некоторого преимущества над наступающими венгерскими частями, которые стремились захватить последний оплот румынского сопротивления. После 13 сентября 1848 г. валашские революционеры (Н. Бэлческу, Ч. Болияк, Г. Магеру и др.), чтобы не попасть в плен к туркам, эмигрировали в Трансильванию и попытались воспользоваться имевшимися связями с польскими эмигрантами в Париже, чтобы добиться примирения между румынскими революционными силами во главе с Аврамом Янку и венгерскими революционерами в лице Лайоша Кошута. В переговоры активно включился и румынский депутат венгерского парламента из города Бихор (Партиум) — И. Драгош, однако они оказались безрезультатными как для румын, так и для венгров.

В это время австрийская армия при поддержке русских войск, находившихся в Дунайских княжествах еще с лета 1848 г., перешла в контрнаступление. Лишь к середине июля 1849 г. благодаря усилиям Н. Бэлческу, А. Янку и Л. Кошута был подписан «Проект примирения», а 16/28 июля 1849 г. венгерский парламент принял закон о национальностях, который предоставлял проживавшим в Венгрии румынам право пользоваться родным языком в администрации округов с преобладающим румынским населением, признавал самостоятельность православной церкви и т. д. Однако решение законодательного собрания, собранного в Клуже, об аннексии Трансильвании Венгрией оставалось в силе. В письме

А. Янку, адресованном Л. Кошуту, указывалось, что трансильванские румыны не могут выступить вместе с венграми, но будут сохранять нейтралитет при их столкновениях с русскими и австрийскими частями. «Изучив переданные через представителя румынской эмиграции господина Бэлческу мирные предложения со стороны уважаемого венгерского правительства, мы вынуждены выразить свое сожаление, что в нынешних условиях не можем обсуждать с нашими венгерскими братьями вопрос о восстановлении мира... Тем не менее, доказывая наши братские чувства в отношении венгерской нации, мы решили сохранить нейтралитет в отношении венгерской армии, не атаковать ее и защищаться только в случае, если последуют атаки с ее стороны»¹⁶. Этот первый успех на пути к взаимопониманию и сотрудничеству между венгерскими и румынскими революционными силами был достигнут слишком поздно, потому что 13 августа 1849 г. в Ширии (близ Арада) венгерская армия капитулировала. Командование австрийской армии потребовало, чтобы румыны также сложили оружие. Непобедимые в боях с венгерской революционной армией легионы А. Янку были вынуждены разоружиться. Так завершилась военная страница румынской революции в Трансильвании. В дальнейшем румынские политические лидеры в Вене приложили немало усилий для достижения целей, намеченных Блажской революционной программой.

На пути к национальному объединению

Идеология и политика. Тенденции, предшествовавшие национальному объединению. Идея объединения румынских княжеств неслучайно появилась на волне революционного подъема 1848 г. Она обрела очертания еще в конце XVIII столетия в текстах боярских меморандумов и проектов в качестве высшей цели будущего развития румын. Процесс национального возрождения, усилившийся после революции 1821 г., выдвинул на повестку дня вопрос об объединении Молдовы и Валахии. Утвердив в 1831 – 1832 гг. единые нормы и модели развития для обоих княжеств, Органические регламенты подготовили почву для унификации административных структур. Идея объединения в эти годы прямо и косвенно присутствовала в политической легальной и конспиративной деятельности; этого желали и утвержденные

регламентами руководители — господа (такие, как Михаил Стурдза или Ион Гика), к словам которых прислушивалось все общество. Стремление румын к объединению отмечали и аккредитованные в Яссах и Бухаресте иностранные дипломаты. Это видно из донесения от 17 мая 1834 г. барона Буа-ле-Комта: «Оба княжества, связанные общим происхождением, языком, историей и политической позицией, в настоящее время стремятся слиться в едином государстве»¹⁷.

Хотя в период революции 1848 г. вопрос объединения княжеств не ставился в официальных программных документах, он нашел отражение во многих речах, газетных статьях и действиях революционных сил. Распоряжением от 19/31 июля 1848 г. русское правительство предписывало своим дипломатическим представителям обратить особое внимание на то, как румынские революционеры трактуют вопрос о национальном объединении, уточняя при этом: «Их план на будущее очевиден и вытекает из их программы, а их прокламации ничего не скрывают. Он состоит в восстановлении... единства их старой нации путем объединения провинций и образования нового самостоятельного и независимого государства под названием дако-румынского королевства»¹⁸. Военное вмешательство Турции и России в 1848 г. и восстановление регламентского режима вследствие заключения в 1849 г. Балто-Лиманской конвенция временно отсрочили реализацию этой цели. Однако в последующие годы вопрос о единстве княжеств занял прочное место на страницах многочисленных меморандумов, брошюр и статей, которые были написаны в эмиграции ведущими революционными деятелями. Необходимость национального единства рассматривалась поколением 1848 г. не столько в связи с историческим прошлым, сколько в качестве единственного условия прогресса в будущем и продвижения румынской нации к вершинам цивилизации и достойному месту рядом с ведущими европейскими народами.

Политическая эмиграция 1848 г. и Европа. Поражение европейских революций в 1848 — 1849 гг. вызвало новую волну политической эмиграции. Румынские революционеры наряду с венгерскими, польскими, немецкими и итальянскими активно включились в общеевропейское демократическое движение, которое готовило новую революцию на континенте. Д. Брэтиану был представителем румын в Центральном европейском демократи-

ческом комитете, основанном в Лондоне в 1850 г. по инициативе Дж. Мадзини, Ледру-Роллена и др.

Еще с осени 1848 г. румынская революционная эмиграция предприняла ряд попыток самоорганизации. В начале следующего года в Париже члены бывшего господарского наместничества Валахии (И. Хелиаде-Рэдулеску, Н. Голеску и К. Телл) попытались выступить в качестве официальных представителей эмиграции. К.А. Росетти, В. Мэлинеску и Д. Брэтиану образовали в июне 1849 г. в Париже Румынский демократический комитет, а 2 декабря 1849 г. Н. Бэлческу основал Румынскую ассоциацию — руководящий орган эмиграции.

Объединению эмиграции препятствовали разногласия и личное тщеславие, различие идеологических и тактических взглядов. В то время как некоторые лидеры поддерживали радикальные революционные изменения (И.К. Брэтиану, К.А. Росетти), другие делали упор на умеренные и постепенные преобразования (И. Хелиаде-Рэдулеску, И. Гика, К. Негри). Все, однако, сходились в том, что основными целями румын в будущем должны оставаться объединение и национальная независимость. Для распространения этих идей издавались книги и брошюры, газеты и журналы («Будущая Румыния», «Румынская республика», «Румынская молодежь»). Пресса эмиграции открыто выражала убеждения не только революционеров, но и патриотов Валахии и Молдовы.

Отступление европейских революционных сил после 1852 г. отдало возможность осуществления румынами своей национальной программы в контексте общеевропейского движения. В сложившихся условиях наиболее реальным путем для достижения этих целей оставались дипломатические средства. К счастью для румын, в середине 60-х годов XIX в. «восточный вопрос» стал основным на европейской политической арене, обеспечив тем самым благоприятную почву для осуществления их национальных целей (1853 – 1856 гг. — Крымская война и последующие мирные переговоры).

Идея объединения Молдовы и Валахией заняла ведущее место на страницах газет «Тимпул» («Время»), «Патрия» («Родина»), «Литературная Румыния», «Звезда Дуная» и др. Унионистское движение приобрело особый размах в Молдове, где франкофильский господарь Григорий Александр Гика открыто поддержал выступавшую за объединение Национальную партию. С целью узнать мнение других стран весной 1855 г. он отправил с дипломатичес-

кими миссиями К. Негри и Д. Ралета в Вену и Константинополь. Постепенно вопрос об объединении княжеств привлек всеобщее внимание в европейских столицах, сделавшись важным моментом в планах великих держав по поддержанию европейского политического баланса.

Вследствие усилий румынской революционной эмиграции и дипломатических инициатив господаря Г.А. Гики на открытии в феврале 1856 г. Парижского мирного конгресса румынский вопрос приобрел общеевропейское звучание. Идею объединения румын поддержал ряд известных европейских политиков и деятелей культуры (граф Валевский, Е. Реньо, Мишле, Деспрэ, Кинэ и др.). Мирный договор, подписанный 18/30 марта 1856 г., фактически сделал румын полноправными участниками процесса объединения и выразителями этой идеи. На Турцию была возложена ответственность за созыв в Яссах и Бухаресте внеочередных собраний, которым предстояло высказаться относительно будущей политической организации княжеств.

Возникновение объединительного движения (1856–1858). Добившись благосклонной позиции Европы, румыны незамедлительно приступили к действиям. Лидеры движения за объединение в обоих княжествах приложили значительные усилия для его пропаганды и выявления внутренних предпосылок. В целях координации действий в обоих княжествах весной 1857 г. был создан Центральный комитет по объединению.

В связи с тем что сроки пребывания господарей на престолах княжеств подходили к концу, Порта назначила каймакамов (заместителей господарей) в Молдове и Валахии для подготовки выборов в чрезвычайные собрания. Заместителем в Молдове был назначен консервативно настроенный Н. Конаки-Вогориде, который при поддержке представителей Австрии, Турции и определенных внутренних сил прибег к грубым подлогам, вычеркнув из избирательных списков многих сторонников объединения. Вследствие громкой отставки пыркэлаба города Галац Александру Иоана Кузы и протестов прогрессивных деятелей противозаконные действия Конаки-Вогориде получили широкий внутренний и международный отклик. В августе 1857 г. на встрече в городке Осборне на о. Уайт французский император Наполеон III и британская королева Виктория достигли компромисса в румынском вопросе: Франция отказывалась от поддержки идеи полного объединения

Румыния после 1856 г.

княжеств под скипетром иностранного принца, а Англия согласилась не признавать результаты выборов в Молдове и высказалась за проведение новых.

Только крупные бояре и духовенство участвовали в прямых выборах; мелкая знать, лица свободных профессий и крестьяне голосовали через выборщиков. В октябре 1857 г. в Бухаресте и Яссах открылись два чрезвычайных собрания, которые все же являлись репрезентативными, хотя и пользовались ограниченными правами, ибо были созваны по требованию великих держав лишь для выяснения мнения румынского народа в вопросе об объединении. Тем не менее собрания с большим энтузиазмом приняли резолюцию об объединении Молдовы и Валахии, предложив название будущего суверенного государства — Румыния, а также выразив согласие с приходом к власти иностранной династии. Собрание в Молдове превысило свои полномочия, обсуждая также вопросы будущей внутренней организации и особенно крестьянский вопрос.

Предложения чрезвычайных собраний и доклад Комиссии европейских держав в Бухаресте стали предметом переговоров представителей семи стран-гарантов в мае 1858 г. в Париже, результатом которых стало подписание 7/19 августа 1858 г. документа под названием «Конвенция», явившегося по существу новой Конституцией княжеств, заменившей Органические регламенты. Вопреки желанию румын Конвенция предусматривала новое название молодого государства — Объединенные Княжества Молдовы и Валахии, сохранение двух господарей, двух правительств, двух законодательных собраний и двух столиц. Румынские требования были учтены лишь частично — в вопросе о создании единого командования вооруженными силами (в расположенном на границе между княжествами городе Фокшаны находились Центральная комиссия и Верховный кассационный суд для разработки единого законодательства будущего объединенного государства). Конвенция не высказалась в четко обозначенной форме против объединения, предоставляя румынскому народу возможность самому найти устраивающее его решение. Выражение «Собственными силами» стало лозунгом сторонников объединения, и, как писал Д. Ралет осенью 1858 г., «сейчас нам предстоит воспользоваться предоставленной скромной возможностью спокойно собраться, используя свои материальные и духовные ресурсы»¹⁹.

Примечания

¹ См.: Documente privind Istoria României. Răscoala din 1821. V. 1. București, 1959. P. 196.

² Ibid. P. 207.

³ Ibid. V. 2. P. 33.

⁴ Цит. по: *Bodea C.* 1848 la români. O istorie in date și mărturii. V.1. București, 1982. P. 223.

⁵ Români la 1859. Unirea Principatelor Române in conștiința europeană. Documente externe. V. 1. București, 1984. P. 52.

⁶ *Xenopol A.D.* Istoria românilor din Dacia Traiană. V. 11. București, 1930. P. 110.

⁷ Ibid. V. 12. București, 1930. P. 178.

⁸ Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. P. 319 – 320.

⁹ По данным: *Az 1850. evi erdelyi nepszamlalas, kiadja a Kozponti Statizstikai Hivatal Leveltara.* Budapest.

¹⁰ Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. P. 194.

¹¹ Ibid. P. 197.

¹² Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. P. 533.

¹³ Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. P. 548.

¹⁴ *Revoluția de la 1848 – 1849 din Transilvania.* V. 1. 2 martie — 12 aprilie 1848. București, 1977. P. 451 – 452.

¹⁵ Цит. по: *Bodea C.* 1848 la romani. V. 2. P. 911.

¹⁶ Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. V. 2. P. 1101 – 1102.

¹⁷ Цит. по: *Bodea C.* Op. cit. V. 1. P. 88

¹⁸ *Români la 1859.* V. 1. P. 16

¹⁹ Documente privind Unirea Principatelor. V. 3 (Corespondență politică. 1855 – 1859). București, 1963. P. 396.

VIII. Румыны в период становления национальных государств (1859–1918)

Под знаком «политики свершившегося факта». От объединения княжеств к провозглашению королевства (1859–1881)

Касаясь периода становления наций в Европе, Н. Йорга использовал новое понятие «свершившийся факт» как «элемент новшества, оригинальное нововведение, изобретенное румынами...». В этой связи значимой является оценка Кавура: «Объединение княжеств и проведение народного голосования представляются началом новой эры в политическом устройстве Европы». К «свершившимся фактам» историки относят двойное избрание князя (господаря) Александра Иоанна Кузы, меры по укреплению этого государства, секуляризацию собственности монастырей, государственные перевороты 2 мая 1864 г. и 11 февраля 1866 г., возведение на престол иностранного правителя, принятие Конституции 1866 г. и провозглашение государственной независимости Румынии.

Для всех этих событий характерна одна общая черта: проявление воли румын обоих княжеств, что позволило Румынии самостоятельно решить свою судьбу вопреки ограничительным мерам со стороны некоторых европейских держав, особенно соседних. Применение тактики «свершившегося факта» являлось естественным ответом политических деятелей Румынии на решения, принятые державами-гарантами в ходе международных конгрессов и конференций, которые в большинстве случаев противоречили воле румынского народа.

Двойное избрание князя Александра Иоанна Кузы (5–24 января 1859 г.). Согласно Парижской конвенции, в княжествах образовались временные комиссии (каймаками) в составе трех членов, перед которыми ставилась задача организации выборов в чрезвычайные собрания, избирающие затем обоих князей. В Чрезвычайном собрании Молдовы главенствующая роль принадлежала представителям унионистского движения национальной партии, выступавшей за объединение, а в собрании Валахии — консерваторам, которые поддерживали идею объединения, но под скипетром бывшего регламентского господаря — Г. Бибеску. В столице Молдовы Яссах господарем единогласно был избран Александр Иоанн Куза. После отклонения кандидатуры Г. Стурдзы, сына бывшего регламентского господаря Михаила Стурдзы, он стал единственным кандидатом, за которого проголосовали все сторонники движения за объединение, в том числе консерваторы. Полковник Куза, командующий вооруженными силами страны, был известен как один из лидеров революции 1848 г. Особой популярностью он пользовался после своей громкой отставки с поста начальника уезда Галац в связи с фальсификацией выборов в Чрезвычайное собрание (*Adunarea ad hoc*) Молдовы. Все же с его именем связывали надежды на осуществление наказов этого собрания. Идея избрания Кузы в Бухаресте укрепила надежды сторонников объединения. В Парижской конвенции не содержалось четкого указания на избрание одного и того же человека в обоих княжествах. Под напором массовых демонстраций, руководимых членами унионистского движения, консерваторы начали терять свое влияние, следствием чего и стало единогласное избрание Кузы.

Двойное избрание Кузы стало наиболее приемлемым выходом в условиях, созданных решениями Парижской конференции. В связи с этим бельгийский дипломат в Константинополе Ж. Журес отмечал, что «свершившийся факт» «удивил и даже привел в замешательство дипломатию, которая вовсе не ожидала такого результата от румын». Ссылаясь на это решение как на пример политической зрелости, достойный подражания, И.К. Брэтиану-отец 1 июня 1883 г. на заседании палаты депутатов, посвященном обсуждению поправок к Конституции, заявил: «Помню, когда избрали господаря Кузу, не только молодые государства, но и Англия были изумлены нашим политическим умением преодолеть ограничения, навязанные Европой. С тех пор мы действовали аналогично и поэтому добились того, чего хотели»¹. Избрание одного

князя на оба престола стало началом рождения современной Румынии.

Политика реформ в период объединения. Проводя активную внешнюю политику, умело используя международное положение, создавшееся после войны между Францией (в союзе с Сардинией) и Австрией, Куза добился признания двойного избрания всеми европейскими державами-гарантами, правда, только на время своего правления. Миссия Кузы была трудной: он был вынужден сотрудничать с двумя правительствами, двумя парламентами (в Бухаресте и Яссах). Сразу же после избрания он начал осуществлять реформы: объединил вооруженные силы, административные органы, телеграф, валюту, что стало важным шагом на пути к объединению. Используя различные дипломатические средства, Куза добился согласия держав-гарантов и турецкого султана на объединение княжеств. В Воззвании к населению страны от 11/23 декабря 1861 г. он заявил: «Объединение свершилось, образовалась румынская нация... Пятого и 24 января вы оказали доверие одному князю, и ваш избранник представляет вам сегодня единую Румынию». Бухарест стал столицей страны, где действовали единое правительство и единый парламент, который 24 января 1862 г. собрался на первое историческое заседание. Порты в качестве сюзерена отказалась признать новое название страны, но во всех официальных внутривнутриполитических документах использовалось название «Румыния».

В новых политических условиях князь-объединитель смог продолжить и расширить программу реформ, разработанную совместно с его советником Михаилом Когэлничану. Одной из первых реформ стала секуляризация монастырских земель (закон от 13 декабря 1863 г.), вследствие которой примерно 25% территории страны было возвращено во владение государства. Следует отметить, что основная часть земель принадлежала монастырям, находившимся в ведении патриархий или монашеских центров Греции и Ближнего Востока. Секуляризация этих земель и земель местных монастырей стала очередным свидетельством способностей князя и его советников сломить сопротивление Порты и остальных держав стремлению молодого румынского государства к независимости. Путь к аграрной реформе, краеугольному камню всего процесса обновления, был значительно труднее, ибо наряду с внешним сопротивлением (соседние империи не поддер-

живали «революционные» мероприятия, которые укрепляли новое государство у устьев Дуная) упорное сопротивление оказывали крупные помещики, занимавшие господствующее положение в парламенте. После ряда неудачных попыток единственной возможностью для решения вопроса стал государственный переворот, который произошел 2 мая 1864 г. Куза распустил Национальное собрание и обнародовал новый Основной закон под названием «Статут, дополняющий Парижскую конвенцию». Дав ему такое название, он хотел предотвратить недовольство держав-гарантов. В действительности же Парижская конвенция была заменена местной Конституцией, принятой в результате проведения плебисцита. Установился авторитарный режим. Законодательный орган был подчинен князю, который обладал правом выступать с законодательными инициативами и налагать вето на законопроекты, принятые парламентом. Согласившись на это дополнение, власти Константинополя и представители держав-гарантов признали Статут, а также право Бухареста принимать законы без согласования с ними.

В новых политических условиях 14/26 августа 1864 г. был обнародован Закон об аграрной реформе. В статье 1 говорилось: «Барщинные крестьяне остаются полными владельцами земельных участков, находящихся в их пользовании, в размерах, определенных настоящим законом»². Размеры участков устанавливались в зависимости от наличия у крестьян тягловой силы. Статья 10 предусматривала, что «на всей территории Румынии раз и навсегда отменяются барщина, оброк»³ и другие повинности, существовавшие со времен средневековья. Крестьян обязывали внести определенную сумму откупных с рассрочкой на 15 лет. Сумма равнялась стоимости полученной земли. В результате действия Закона об аграрной реформе 1864 г. землей были наделены свыше 500 тыс. семей, получивших около 2 млн га. В соответствии с законом крестьяне могли претендовать лишь на две трети каждого поместья (лесные угодья вообще не были охвачены реформой), и тем не менее аграрная реформа вызвала огромный отклик среди крестьян, которые в лице князя А.И. Кузы увидели человека, который принес им экономическую независимость и статус граждан страны. Аграрная реформа 1864 г. заложила основы рыночной экономики в сельском хозяйстве Румынии.

Программа реформ Кузы предусматривала реформы образования, судопроизводства и армии. В декабре 1864 г. был обнародован

Закон об общественном образовании, согласно которому образование стало единым на всей территории страны. Устанавливались сроки обучения: начальное четырехлетнее, обязательное и бесплатное; семилетнее и трехлетнее университетское. В октябре 1860 г. открылся Ясский университет, старейшее высшее учебное заведение Румынии, а в июле 1864 г. — Бухарестский университет. В те же годы были созданы Консерватории в Яссах и Бухаресте, художественные школы, учительские семинарии и многочисленные гимназии в основных городах страны. В декабре 1864 г. были обнародованы Уголовный кодекс (составленный на основе французского и прусского кодексов) и Гражданский кодекс (в качестве модели были использованы французский и итальянский кодексы). Оба кодекса унаследовали также и ряд положений местного законодательства, существовавшего до этого. Учитывая необходимость укрепления обороноспособности страны, государь особое внимание уделил вооруженным силам, что выразилось в принятии комплекса мер: объединение армий обоих княжеств, реорганизация процесса подготовки военных, увеличение численности призывников, привлечение французской военной миссии, отправка на учебу во Францию румынских офицеров, оснащение пехотных и артиллерийских частей современным оружием, создание ряда предприятий по производству вооружения и боеприпасов и т. д. В конце своего правления Куза писал императору Наполеону III о том, что Румыния располагает армией численностью 40 тыс. человек (регулярные войска — 20 тыс., пограничники — 12 тыс. и резервисты — 8 тыс.), оснащенной винтовками и пушками французского производства. Эти части стали ядром армии, с помощью которой Румыния боролась за свою независимость в войне 1877 – 1878 гг.

К числу проводившихся в годы правления Кузы реформ относятся также принятие Закона о сельских коммунах, Закона об уездных советах, Закона о бухгалтерском учете, Закона о Счетной палате, Закона о Государственном совете, Закона о торговых палатах, Закона о введении системы мер и весов, Закона о деятельности церкви (назначение митрополитов и епископов, утверждение автокефалии румынской церкви, связи которой с Константинопольской патриархией отныне сводились лишь к соблюдению некоторых церковных догматов), Закона об экспроприации в общественно полезных целях, Закона о пенсиях и др.

В памяти будущих поколений Куза остался как основатель современной Румынии. Он может быть приравнен к Кавуру и Бис-

марку, которые в других исторических условиях заложили основы итальянского и немецкого государств.

Возведение на престол иностранной династии (10 мая 1866 г.). После сравнительно короткого правления, впоследствии названного «славным», во время которого А.И. Куза сумел осуществить программу радикальных реформ, он был вынужден отречься от престола, уступив место иностранному претенденту. Событие 11 февраля 1866 г. оценивалось по-разному — от «революции» до «национального предательства». Эти споры не прекращаются в исторической литературе и по сей день.

Среди причин, которые обусловили свержение Кузы, следует отметить следующие.

а) При избрании князя в существовавших тогда исторических условиях вопрос об иностранном правителе оставался открытым, а его правление рассматривалось как временный этап для осуществления наказов Чрезвычайных собраний. Большинство политических деятелей после завершения объединения и подготовки условий для возведения на престол иностранного правителя сочли уход Кузы необходимым. Как это ни странно, но успехи государя во внутренней и внешней политике ускорили процесс его отстранения.

б) Политические лидеры, которые готовили событие 11 февраля, были уверены в необходимости внезапного отречения и приглашения иностранного принца во избежание дискуссий между европейскими державами по румынскому вопросу, ибо это могло поставить под удар с таким трудом достигнутое объединение княжеств.

в) Вынужденное отречение стало возможным только после создания «чудовищной коалиции» между радикальными либералами и консерваторами, которые были заинтересованы в устранении Кузы и возведении на престол иностранного принца (после этого коалиция распалась).

г) Социально-экономические и политические условия способствовали подготовке и осуществлению этого сговора. Проводившийся Кузой политический курс, его отношение к радикальным либералам и консерваторам, режим личной власти, результаты реформ, экономические трудности, действия придворной камарильи, ряд политических ошибок, среди которых удаление М. Когэлничану, некоторые обстоятельства личной жизни и болезненная реакция на критику со стороны прессы привели к созданию обстановки недовольства в стране.

д) Действия «чудовищной коалиции» во многом поощрялись изменением отношения к князю со стороны Франции.

е) Немаловажной причиной было и политическое кредо господаря Кузы. Уже в момент своего двойного избрания он писал в ноте, адресованной державам-гарантам: «Страна потребовала объединения под скипетром иностранного принца. Что касается меня лично, я всегда поддерживал эту идею, и мое избрание никак не изменило эти убеждения. Без каких-то личных амбиций, не желая ничего другого, кроме благосостояния моей страны, считаю необходимым заявить, что всегда буду готов вернуться к частной жизни и не стану рассматривать этот шаг в качестве жертвы...»⁴.

К концу правления с чувством исполненного долга князь отмечал в своем обращении по случаю открытия парламентской сессии 5/17 декабря 1865 г.: «Во главе страны или рядом с вами, я всегда буду вместе со страной, за страну, не преследуя иной цели, кроме как исполнения народной воли и национальных чаяний Румынии. Желая быть понятым; я никогда не стану препятствием любым действиям, способным укрепить политическую систему, в становление которой мне выпала честь внести свой вклад»⁵. Куза не предпринимал и не поддержал ни одной инициативы для возвращения на престол. Единственное, что его огорчало, — это то, что армия, ради организации которой он приложил значительные усилия, была вовлечена в сговор 11 февраля 1866 г.

В тот же день, 11 февраля 1866 г., было образовано Господарское наместничество, которое создало законодательные палаты. Во главе нового правительства стал Ион Гика, лидер «чудовищной коалиции», который поддерживал тесные связи с Портой. В качестве господаря Румынии он предложил графа Филиппа Фландрского, брата бельгийского короля Леопольда II. Для политической элиты Бухареста это послужило сигналом к тому, что следует ориентироваться на достижение независимости и установление политического режима по образцу Бельгии, небольшой страны, располагавшейся на перекрестке интересов ряда крупных держав. Однако именно «своеобразное» положение Бельгии не позволило кандидату, на которого пал выбор, принять предложение: Наполеон III не благоволил бельгийской короне, представлявшей Орлеанский королевский род, претендовавшей на французский трон. В сложной, но не лишенной определенного элемента везения политической обстановке Ион К. Брэтиану-отец убедил Карла Людвиг Гогенцоллерна-Зигмарингена, сына князя Карла Антона Гогенцоллерна-Зигмарин-

гена, уступившего в 1849 г. свое княжество Пруссии, вступить на престол Румынии под именем Кароля I. Это предложение было поддержано Наполеоном III, являвшимся родственником молодого принца, а также канцлером О. фон Бисмарком, который с присущей ему проницательностью увидел в новом господаре Румынии «опору» германского влияния в Юго-Восточной Европе.

Продолжая политику «свершившегося факта», наместничество 2/14 – 8/20 апреля 1866 г. организовало плебисцит, в ходе которого подавляющее большинство граждан с правом голоса выразили согласие с возведением на престол Румынии иностранной династии, первым представителем которой стал Кароль I. Новый господарь 10/22 мая 1866 г. присягнул перед представителями нации, заявив, что почувствовал себя румыном с того момента, как вступил на землю своей новой родины. Порта, хотя и была недовольна тем, как разворачивались события, была вынуждена уступить и согласиться с европейскими державами, которые приняли новый статус-кво, а также с решительной политикой лидеров Бухареста, во главе которых теперь находился родственник прусского короля Вильгельма I и французского императора Наполеона III. Этим очередным «свершившимся фактом» Румыния, к названию которой Европа уже начала привыкать, открыла следующую страницу в своей истории, завершившуюся в 1918 г.

Завоевание государственной независимости (1877–1878). Проведение Кузой и Каролем I политики «свершившегося факта», в том числе принятие Конституции, привело к тому, что великие державы свыклись с идеей широкой автономии Румынии и ее стремлением к полной независимости. Румынское правительство заключило ряд соглашений с европейскими государствами, в том числе торговое с Австро-Венгрией, в которых косвенно признавалась независимость страны по отношению к Османской империи. И все же Порта настойчиво продолжала считать «объединенные княжества» своей «привилегированной провинцией». Новая вспышка восточного кризиса в 1875 г., грозившая очередной русско-турецкой войной, представляла собой удобный случай для разрыва «вековых связей» с Портой. В то время внешние условия не благоприятствовали Румынии. В ответ на попытку румынского Министерства иностранных дел в январе 1876 г. дипломатическим путем прозондировать позицию держав-гарантов относительно независимости и обеспечения нейтралитета страны евро-

пейские канцелярии не обещали соответствующей политической поддержки. Более того, в отдельных случаях реакция была даже враждебной.

Политическое руководство Румынии тем не менее заняло решительную и твердую позицию. Подтверждением тому стало заявление Брэтиану в парламенте. «...Даже если все европейские государства... скажут, что Румыния должна оставаться турецкой провинцией, нам не следует с этим смириться»⁶. Державам-гарантам была адресована нота протеста в резкой форме, а на всей территории страны развернулись широкие антиосманские выступления, участники которых требовали начать военные действия. Подчеркивая новое положение Румынии, И.К. Брэтиану (премьер-министр) и М. Когэлничану (министр иностранных дел) обратились к русскому царю Александру II и канцлеру А.М. Горчакову с просьбой о встрече в Крыму (сентябрь-октябрь 1876 г.) для подписания конвенции об условиях движения российских войск в направлении Балкан. Подписанная 4/16 апреля 1877 г. в Бухаресте конвенция стала предлогом для Порты рассматривать Румынию в качестве противника, по отношению к которому возможны карательные меры (набеги вооруженных отрядов, грабежи, артобстрелы населенных пунктов на берегу Дуная и др.). Общественность, пресса, армия потребовали от правительства принять адекватные меры. Расположенная в городе Калафат на Дунае румынская батарея «Штефан чел Маре» («Штефан Великий») 26 апреля/8 мая 1877 г. ответила на действия турецкой армии, обстреляв город Видин и корабли, находившиеся в этом порту. Стороны фактически находились в состоянии войны. 29 апреля/11 мая палата депутатов и 30 апреля/12 мая 1877 г. сенат приняли резолюцию об официальном объявлении войны Порте.

В сложившихся условиях 9/21 мая 1877 г. парламент принял резолюцию, провозглашавшую государственную независимость Румынии. В ходе заседания палаты депутатов Михаил Когэлничану отметил: «Господа депутаты, без каких-либо колебаний или страха я заявляю... что мы являемся свободной и независимой нацией»⁷. Среди первых шагов, предпринятых новой Румынией, стали учреждение ордена «Звезда Румынии» и отмена дани Порте. Отныне эти средства стали использоваться на нужды армии. На следующий день, по случаю годовщины вступления на престол, князь Кароль I принял поздравления от членов правительства, сенаторов и депутатов, которые еще раз подчеркнули огром-

ное значение провозглашения независимости страны. В стране прошли многочисленные манифестации. Румыния выразила готовность участвовать в русско-турецкой войне для признания своей независимости, но Россия отказалась от этого предложения. Такая позиция России была обусловлена, во-первых, тем, что она не могла принять выдвинутое Каролем I условие о признании самостоятельности румынской армии. Во-вторых, недооценив могущество турецкой армии и надеясь на легкую победу, Россия не желала ни с кем делить лавры.

Роль румын сводилась к поддержке российских войск во время их перехода через Дунай и взятия крепости Никополь. Речь шла об участии в военных действиях по требованию великого князя Николая Николаевича в особо критический момент кампании; о мобилизации армии численностью 100 тыс. человек, из которых 60 тыс. должны были участвовать в боевых действиях; о проведении операции у Плевны с участием около 40 тыс. военнослужащих и 108 пушек (из 190 бывших в наличии); об осуществлении верховного командования румынско-российскими войсками в решающей битве при Плевне, которое после трудных переговоров было поручено князю Каролю I. Можно говорить о решающем вкладе румынских войск в захвате первого Гривицкого редута; о капитуляции Плевны, занятии Видина и др. Героизм румынских солдат был отмечен европейской общественностью и прессой. Следует отметить, что для покрытия военных расходов правительство обратилось к народу. Проявив невиданный энтузиазм, значительная часть населения страны пожертвовала деньги и материальные ценности для нужд армии. Значительный вклад внесли и румыны, проживавшие на территории, занятой Австро-Венгрией. Многие добровольцы из Трансильвании, Баната и Буковины вступили в ряды румынской армии.

Если уже в ходе боев русско-румынское союзничество сталкивалось с определенными трудностями, то подписание (19/31 января 1878 г.) перемирия, а затем Сан-Стефанского мирного договора (19 февраля/3 марта 1878 г.) поставило обе армии на грань открытого конфликта. Ссылаясь на то, что независимость Румынии не получила международного признания, а гарантии, предоставленные подписанной в апреле 1876 г. конвенцией, были направлены против Турции, Россия отказала Румынии в праве участвовать в переговорах. Несмотря на то что Сан-Стефанским мирным договором признавались независимость Румынии и присоединение

к ней Добруджи, Змеинового острова и дельты Дуная, Россия заняла южную часть Бессарабии (Кагульский, Болградский и Измаильский уезды), переданную Молдове после Парижского мирного конгресса 1856 г.

Под давлением остальных держав, прежде всего Австро-Венгрии, Великобритании и Германии, недовольных ростом влияния России на Балканах, был созван Берлинский конгресс (1/13 июня — 1/13 июля 1878 г.). Представители Румынии И.К. Брэтиану и Когэлничану официально не были допущены на заседания. Они смогли представить свою позицию только в ходе короткого выступления: их «выслушали, но не услышали». Была признана независимость Румынии, Сербии и Черногории. За Румынией признали право присоединить Добруджу, остров Змеиный и дельту Дуная, однако она была вынуждена уступить России южную часть Бессарабии. Признание ее независимости де-юре было отложено по требованию некоторых великих держав до выполнения двух условий: изменения Конституции в части предоставления права гражданства евреям и ликвидации последствий дела Штрусберга (речь шла о крахе немецкой компании, которая заключила крупный контракт на строительство железных дорог в Румынии). После выполнения этих условий (первое было выполнено частично: предоставление гражданства евреям включало ряд оговорок и ограничений) Великобритания, Германия и Франция в феврале 1880 г. признали независимость Румынии.

Обретение государственной независимости означало коренное изменение позиции румынского государства среди европейских стран. Ликвидация османского сюзеренитета и режима коллективных гарантий, навязанного великими державами, означала качественный скачок, который привел к изменению статуса румынского государства, отныне являвшегося не автономным, а независимым. Это стало решающим фактором в духе консолидации общества и дальнейшего развития страны.

Провозглашение королевства (март 1881 г.). Важным следствием завоевания государственной независимости стало провозглашение в марте 1881 г. королевства, что может быть также отнесено к категории «свершившегося факта». В результате принятых Берлинским конгрессом решений Румыния — небольшое государство, расположенное в очень сложном геополитическом регионе, — хотя и стала независимой, но попала под новое экономиче-

ское и политическое влияние. Наибольшее давление оказывала Австро-Венгрия, которая прежде всего преследовала свои цели в дунайском вопросе и хотела гарантий в противодействии растущему национальному движению в Трансильвании и Буковине. Австро-венгерский представитель в Бухаресте Хойош «советовал» Брэтиану отложить провозглашение королевства до решения дунайского вопроса и пытался заручиться гарантиями того, что изменение статуса Румынии не приведет к усилению национальной борьбы румын из Австро-Венгрии.

Не дожидаясь согласия Австро-Венгрии, которое позволило бы предотвратить возможные дипломатические осложнения, румынское правительство 14/26 марта 1881 г. провозгласило королевство, в очередной раз доказав готовность политических руководителей Румынии самостоятельно решать задачи общенационального характера. Несмотря на то что вопрос о провозглашении королевства обсуждался политиками как в Румынии, так и за ее пределами, момент и способ его осуществления стали неожиданностью даже для самых заинтересованных лиц — австро-венгерских политических деятелей. Тот же Хойош, который в ходе встречи с румынским премьер-министром в феврале 1881 г. предчувствовал, что Бухарест намеревался поставить Европу перед свершившимся фактом, писал в Вену, что провозглашение королевства произошло неожиданно.

Дальнейшее развитие событий в княжествах, а затем и в Румынии, и выбранная политиками тактика, направленная на укрепление собственных позиций на международной арене, позволяют сделать вывод о существовании «румынской модели» строительства государства в «эпоху становления наций». За исключением событий 11 февраля 1886 г., политические события из серии «свершившихся фактов» получили широкую поддержку масс, еще раз подтвердив самобытность подобных политических действий.

Политическая солидарность в борьбе за создание Великой Румынии

Необходимость политической солидарности. Завоевание государственной независимости, присоединение Добруджи и провозглашение королевства стали заключительным этапом борьбы за осуществление идей революции 1848 г.: создание единого и не-

зависимого государства всех румын. Когда агрессивная политика соседних империй и великих держав достигла апогея, только укрепление национального единства позволило бы румынам сохранить себя как нацию и обеспечить свое будущее. Весьма примечательными в этом отношении являются слова, написанные 17 августа 1914 г. историком Н. Йоргой: «Империализм, который позволяет Лондону господствовать над пятью континентами, Петербургу требовать Балканы и Маньчжурию, Вене желать присоединения Сербии и Украины, а Берлину мечтать о Малой Азии и дороге до Багдада, он [империализм] навис над всеми нами, делая нас униженными и ограбленными подданными. Этот незаконно-рожденный продукт преступных амбиций прошлого века, этот грубый монстр попирает народы и право, например Люксембург или Бельгию. Это самый опасный враг для всех нас. Мы сможем жить и выжить только при помощи национальной идеи»⁸.

Хотя в конце XIX — начале XX в. казалось, что румынская дипломатия ориентирована не столько на защиту национальных интересов, сколько на иные цели, иностранные наблюдатели быстро поняли ее истинные намерения. Так, в письме от 21 октября/3 ноября 1913 г. министру иностранных дел Австро-Венгрии начальник Генштаба Ф.К. Гётцендорф подчеркивал: «Идея Великой Румынии настолько окрепла, что Трансильвания и Бессарабия стали ближайшими целями Румынии, хотя ее взор направлен пока именно только в сторону Трансильвании, но не Бессарабии»⁹. В ходе встречи в мае 1914 г. с немецким генералом Х.И. Мольтке-младшим он же уточнял: «Румыния потеряна для нас. Считается, что отношения с ней ухудшились по нашей вине. На самом деле наша политика была лишь поводом для сокрытия истинных чувств и причин. Вопрос о Великой Румынии поднимается вот уже на протяжении тридцати лет. Одно время он отошел в тень, но Балканский кризис вновь выдвинул его на повестку дня»¹⁰.

Объединение политических и общественных лидеров королевства, а также территорий, находившихся в конце XIX — начале XX в. в составе других государств, стало насущной необходимостью. Только совместными и согласованными действиями можно было обеспечить реализацию национальной идеи. Чувство единства, национальное самосознание, тот «национальный инстинкт», о котором говорил Таке Йонеску, проявились в эти десятилетия с особой силой. Постоянная связь между румынами королевства и румынами отчужденных провинций, их участие в политических

Румыния после 1878 г.

и культурных мероприятиях страны, контакты между политическими лидерами провинций и политических партий Румынии, демонстрации солидарности румын — жителей королевства с теми, кто был против притеснений их сограждан за границей, — вот далеко не полный перечень примеров, свидетельствующих о национальной солидарности.

Среди многих важных мероприятий, в которых участвовали сотни и даже тысячи румын из отчужденных провинций, наиболее известны торжества 1904 г. в Путненском монастыре по случаю четырехсотлетия со дня кончины господаря Штефана Великого, юбилейной выставки в Бухаресте в 1906 г., празднование пятидесятилетия объединения княжеств (1909), массовое народное собрание в городе Блаж (Трансильвания, 1911) по случаю пятидесятой годовщины общества «Астра» и др. О приезде трансильванских румын на торжества в Бухарест осенью 1906 г. дипломатический представитель Австро-Венгрии в Румынии писал так: «Под звуки трех военных оркестров трансильванских румын... с энтузиазмом встречали общественные деятели из Бухареста, а также множество простых людей... Гостей приветствовали с особым воодушевлением, возгласы "Добро пожаловать!" и букеты цветов сопровождали их на всем пути»¹¹. Значительную роль в организации действий солидарности сыграла «Культурная лига», которая официально начала свою деятельность 24 января 1891 г. Она координировала действия всех сил, прежде всего деятелей культуры, на всех территориях, населенных румынами. «Культурная лига» боролась за развитие национального самосознания, против национального гнета, ее члены открыто говорили о том, о чем не могли говорить политические деятели королевства.

Продолжая традиции революции 1848 г. и правления Кузы, политические деятели Румынии и румыны из отчужденных провинций в целях выработки наиболее приемлемых путей реализации национальных идеалов сохраняли свои связи. Не всегда удавалось достичь полного единства взглядов относительно тактики действий, но конечная цель всеми понималась одинаково. Известно, что румынское правительство — официально и неофициально — оказывало финансовую помощь румынам из отчужденных провинций. Говоря о единстве всех румын для достижения национальных идеалов, Димитрие Ончул, вице-председатель «Культурной лиги», в своем выступлении по случаю торжеств осенью 1911 г. подчеркивал: «Отклик представителей всех румын на при-

зыв Лиги свидетельствует о высоком уровне осознания культурного единства всей нации. Этот отклик дает ощущение счастья всем тем, кто посвятил свою жизнь идеям национальной культуры и национального единства, ибо почва, в которую упали семена, посеянные нами, принесет в нужное время десятикратный урожай»¹². Такие же чувства владели и румынскими солдатами, которые в момент перехода Дуная в 1913 г. скандировали: «На Трансильванию!».

Политические деятели и партии Румынии действовали в том же направлении. В понимании конечной цели между либералами и консерваторами существовало полное единство. Об этом свидетельствуют иностранные наблюдатели, заявления лидеров политических партий. Так, австро-венгерский дипломат граф Палявичини после поездки в Румынию заявил, что румынские политические деятели «едины в одном, а именно в том, что рано или поздно Румыния возьмет на себя решение национальных задач, хотя сейчас этому противостоят монархии (австро-венгерская, например. — *Авт.*)»¹³. Понимание сути событий венским дипломатом соответствовало действительности: он понял одну из основных целей румынской политики. Взяв курс на внутреннее обновление и реализацию национальных идеалов, Румыния, будучи небольшим государством, не могла позволить себе иметь слабую дипломатию и допустить разные мнения в вопросах внешней политики. Безусловно, и в то время проявлялись внутривнутриполитические разногласия, расхождения относительно средств и методов действий, но они не затрагивали единства мнений о необходимости решения общенациональных задач и проведения внешнеполитического курса в соответствии с национальными интересами. И либералы, и консерваторы были убеждены в необходимости сохранения единства действий правящих партий. В связи с этим министр Н. Лаховари 30 марта 1899 г. заявлял в парламенте: «Считаю, что во внешней политике все румыны солидарны, политика всех правительств не может быть ни предательской, ни безответственной, когда речь идет об общенациональных интересах»¹⁴. Более определенно данная мысль была высказана им и в другом случае: «Если мы можем быть разобщены внутри страны, то перед иностранцами мы должны выступать единым целым...»¹⁵. Поддерживая идею о том, что партийная принадлежность не должна определять внешнюю политику, П.П. Карп, один из лидеров консерваторов, бывший представителем своей страны в Вене во время правления

либералов, отмечал: «Нам следует обеспечить полную преемственность и на деле доказать, что независимо от внутренних противоречий консерваторы и либералы имеют единую цель, ибо внешняя политика может быть национальной только тогда, когда ее поддерживают все»¹⁶.

Солидарность правящих политических партий в конце XIX — начале XX в. стала хорошей репетицией перед началом испытаний, которые не замедлили последовать: Балканские войны, начало Первой мировой войны, участие в ней Румынии, заключение перемирия и сепаратного мирного договора.

От союза с Центральными державами к сближению с Антантой. Отношения, сложившиеся с Россией в ходе войны 1877 – 1878 гг., а также в результате заключения Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского конгресса, несколько ослабили общую удовлетворенность от завоевания независимости. Вопреки ожиданиям, румынским политикам скоро пришлось признать, что великие державы, прежде всего соседние империи, не желали признавать новый статус ряда государств Юго-Восточной Европы, в том числе Румынии, без определенных политических и экономических компромиссов. Получение признания и сохранение политической независимости становились не менее трудной задачей, чем ее завоевание. Новая геополитическая ситуация на европейском континенте, рост влияния Германии и ослабление Франции вынуждали Румынию искать союзников, которые обеспечили бы ей гарантии и поддержку для укрепления независимости и продолжения реформ.

Возможности для заключения союза были ограничены. Россия исключалась по вышеизложенным причинам. Франция потеряла свои позиции и влияние периода Наполеона III, а в ходе Берлинского конгресса проявляла сдержанность, порой даже враждебность, присоединившись к Германии и Великобритании, которые признали независимость Румынии только в феврале 1880 г. Отношения с Австро-Венгрией отличались особой щепетильностью из-за национального вопроса и экономических интересов. С установлением дуализма усилилась борьба румын, находившихся под австро-венгерской оккупацией, за свои национальные права, а Торговое соглашение 1875 г. имело катастрофические последствия для экономики Румынии, в особенности для промышленности и кустарного производства, чего нельзя было допустить в новых

условиях после завоевания независимости, когда у власти оказались либералы, сторонники политики протекционизма.

Германия оставалась той страной, которая могла обеспечить Румынии наибольшую выгоду при наименьших потерях. После франко-прусской войны 1870 – 1871 гг. и Берлинского конгресса она стала самой влиятельной державой на европейском континенте. Это было обусловлено как военной мощью Германии, так и высокими темпами развития ее экономики, прежде всего промышленности. Германия, как и прежде, являлась основным экономическим партнером Румынии, в том числе в области торговых связей и предоставления кредитов румынскому государству. Наличие представителя немецкой династии на троне в Бухаресте нельзя ни переоценить, ни недооценить, стремясь понять причину сближения Румынии и Германии. Кароль I активно участвовал в проведении внешней политики страны, хотя важнейшие решения в этой сфере принимались только по инициативе и с согласия политических лидеров. Следует учитывать и такое немаловажное обстоятельство: страны не имели общей границы, и это исключало возможный конфликт из-за взаимных территориальных претензий.

Выбор Румынии был определен и образованием в 1882 г. Тройственного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Однако сближение с «основным ядром» Союза зависело от характера отношений с Веней и Будапештом. Задача румынских дипломатов оказалась очень трудной, учитывая, что австро-венгерская дипломатия стремилась добиться максимальной выгоды, вынуждая Румынию согласиться с продлением срока действия Торгового соглашения 1875 г. и отказаться от поддержки румынского национального движения в Трансильвании. Искусно действуя в традициях политики «свершившихся фактов» и пользуясь поддержкой берлинской канцелярии, которая сдерживала агрессивность Вены и Будапешта, румынское руководство во главе с И.К. Брэтиану сумело наметить путь для вступления в Союз.

Необходимо уточнить, что германская дипломатия, и прежде всего канцлер Отто фон Бисмарк, действовали далеко не из гуманных побуждений, а, наоборот, из точного политического расчета. Тройственный союз добивался контроля над юго-восточным соседом и обретения союзника при возможном столкновении с Россией. Для любого политического наблюдателя или государственного деятеля становилось ясно, что Румыния имела определен-

ные преимущества: будучи расположена между Австро-Венгрией и Россией, она занимала стратегически выгодную позицию в зоне Карпат, Дуная и черноморского побережья; являлась крупнейшим государством в Юго-Восточной Европе, по территории и населению превосходя страны к югу от Дуная; имела такие важные для военных нужд сырьевые ресурсы, как пшеница и нефть; располагала многочисленной, оснащенной и боеспособной армией, проверенной в войне 1877 – 1878 гг. Таким образом, можно сделать вывод; заключение договора стало результатом совместных усилий германской, австро-венгерской и румынской дипломатии при незначительном давлении со стороны Берлина и Бухареста.

В ходе переговоров Брэттиану отклонил попытку австро-венгерского министра иностранных дел Кальноки внести в договор статью, согласно которой румынское правительство обязывалось не допускать проведения на своей территории политических мероприятий против Австро-Венгрии. Таким образом было предотвращено создание юридической основы для вмешательства Вены и Будапешта во внутренние дела Румынии. Кроме того, в случае принятия статьи любая открытая поддержка румын, проживавших на территориях, занятых Австро-Венгрией, стала бы невозможной.

Союзный договор между Румынией и Австро-Венгрией был подписан 18/30 октября 1883 г. в Вене. В тот же день к нему присоединилась Германия, а Италия — через пять лет, 3/15 мая 1888 г. Договор состоял из вводной части и семи статей. Подтвердив оборонительный характер союза, стороны заявляли о взаимной поддержке в случае внешней агрессии на условиях военно-политического сотрудничества, предусмотренных в этом документе. Устанавливался пятилетний срок действия договора с правом автоматического продления на три года при условии, что стороны не требуют его денонсирования или пересмотра в течение последнего года до окончания срока действия. Договор являлся секретным, и до начала Первой мировой войны в Румынии он был известен только королю и его ближайшему окружению. Договор оказался выгодным для всех сторон, в особенности для Румынии. Австро-Венгрия обеспечивала свой юго-восточный фланг, а Германии он придавал уверенность в том, что Австро-Венгрия сможет противостоять возможному наступлению России и получить свободу маневра на западе. Румыния, будучи небольшим государством, недавно обретшим независимость, все же смогла обеспе-

чить свою безопасность, необходимую для проведения реформ, нацеленных на приближение к уровню развития европейских стран. Этот договор оказался успешным шагом румынской дипломатии под руководством Кароля I и Брэтиану.

Продление договора стало настоящим испытанием для дипломатов всех сторон и очень точным барометром развития международных отношений в Восточной Европе. Трудности возникли по разным причинам: это и рост национальной борьбы румын в Трансильвании, обостривший национальный вопрос между Румынией и Австро-Венгрией; и «таможенная война» между ними; уход канцлера Бисмарка, одного из главных авторов договора; и сохранение договора в тайне от румынских политических лидеров; и попытки австро-венгерской дипломатии добиться больших для себя выгод при выработке новых условий договора; и значительные изменения на международной арене, отмеченные русско-французским и англо-русским сближением после заключения «сердечного согласия» между Англией и Францией; и повышенный интерес Румынии к судьбе румынского населения в балканском регионе и др.

После длительных и трудных переговоров 13/25 июля 1892 г. в Синае был подписан договор между Румынией и Австро-Венгрией. Хотя договор был почти идентичен предыдущему, он рассматривался как новый, а 11/23 и 16/28 ноября того же года Германия и Италия подписали акты о присоединении к нему. Как и в предыдущем случае, договор заключался сроком на четыре года с правом продления на три года при отсутствии требований о его денонсации или пересмотре в течение последнего года до окончания срока его действия. Важным моментом стало продление договора в Бухаресте 4/17 апреля 1912 г. и последующее присоединение к нему Германии (в июле) и Италии (в ноябре того же года). Сохранилось положение о пятилетнем сроке действия с правом продления на три года при условии, если стороны не требуют денонсации. Однако в начале XX в. автоматическое продление договора не давало никаких гарантий для его действия в кризисной ситуации. Изменения на международной арене затронули отношения между партнерами, прежде всего между Румынией и Австро-Венгрией. После аннексии Боснии и Герцеговины двуединая монархия стала проводить все более агрессивную политику в отношении Балкан, считая Болгарию последовательным и заинтересованным союзником. Новые ориентиры австро-венгер-

ской внешней политики ускорили процесс «отчуждения» Румынии и ее сближения с Антантой.

Балканские войны стали последним испытанием для договора, заключенного в 1883 г. и продлевавшегося в течение трех десятилетий. Балканские государства считали, что настало время покончить с османским господством (Порта была ослаблена в результате войны с Италией; 1911 г.). Вскоре после начала (26 сентября/9 октября 1912 г.) военных действий между Турцией и Черногорией последовало (17/30 октября) наступление Греции, Болгарии и Сербии, которые объединились, преследуя общую цель. Турецкие войска терпели поражения на всех фронтах, и тогда Порта предложила перемирие. После возобновления боев великие державы, опасаясь потери контроля над ситуацией, вмешались и навязали подписание в мае 1913 г. Лондонского перемирия.

В этот период особенно востребованной оказалась румынская дипломатия. Румыния высказалась за сохранение статус-кво на Балканах, однако в условиях территориальных переделов ее правительство оставило за собой право пересмотра своей позиции. Для предотвращения агрессивных устремлений Болгарии, которые усилились после провозглашения ее королевством, и в результате активной поддержки со стороны Австро-Венгрии в противовес Сербии румынские дипломаты высказались за изменение южной границы Добруджи. Помимо стратегических интересов, не удовлетворенных в 1878 г., требование мотивировалось необходимостью компенсации за включение румын в состав других Балканских государств. Не признавая раздел освобожденной территории, Болгария, подстрекаемая австро-венгерской дипломатией, без объявления войны 17/30 июня 1913 г. напала на своих союзников. И тогда румынское правительство приняло решение направить свои войска за Дунай. Румыны не встретили сопротивления, и Болгария была вынуждена просить о мире. В знак признания роли Румынии обсуждение условий и подписание мирного договора состоялись в Бухаресте (20 июля/10 августа 1913 г.). Работа мирной конференции проходила под председательством румынского премьер-министра Т. Майореску. Это была первая мирная конференция нового времени, в которой участвовали только малые государства. Австро-Венгрия выступила с предложением созыва — по примеру Сан-Стефанского договора — конгресса великих держав для пересмотра принятых решений, учитывая, что Болгария стала «главной проигравшей сторо-

ной», уступив ряд недавно освобожденных территорий Греции, Турции, Сербии и Румынии.

Однако Франция и Россия из разных соображений поддержали Румынию, чей «отход» от Тройственного союза и сближение с Антантой достигли завершающей фазы. Приход к власти либерального правительства под председательством Иона Брэтиану-сына в 1908 г. еще больше ускорил этот процесс. В новой международной обстановке, возникшей в значительной мере в результате Балканских войн, Румыния была вынуждена выработать такую внешнеполитическую стратегию, которая обеспечила бы разрешение национального вопроса, прежде всего освобождение румын, проживавших на территориях, занятых Австро-Венгрией. Знаковым событием «нового направления» стал визит (1/14 июня 1914 г.) русского царя Николая II с семьей в Констанцу. Хотя Брэтиану не взял на себя никаких обязательств перед Антантой, не желая обострять отношения с Австро-Венгрией и Германией, становилось ясно: Румыния все менее считала себя связанной обязательствами перед Тройственным союзом.

Участие Румынии в Первой мировой войне. *Нейтралитет (1914–1916)*. Начало войны застало Румынию в весьма сложном положении. Оказавшись между враждующими сторонами, она имела немного шансов на сохранение нейтралитета. Историческая традиция, в соответствии с которой румынская территория становилась полем боя для армий соседних государств, давала повод для беспокойства. Принимая соответствующее решение, руководство страны вынуждено было учитывать отношения с Тройственным союзом и то обстоятельство, что уровень экономического развития Румынии и оснащенность ее армии не соответствовали требованиям современной войны. Армии великих держав имели на вооружении броневики, самолеты, пулеметы и т. д., а в Румынии функционировали только три предприятия по производству легкого вооружения и боеприпасов. Бухарестское правительство вынуждено было также учитывать и позиции общественности, которая симпатизировала Франции и поддерживала сограждан из Австро-Венгрии. Оно также должно было получить гарантии великих держав во избежание повторения событий 1878 г., когда в конце войны Россия повела себя скорее как противник, а не союзник. Таким образом, хотя румынские политики ясно осознавали, что национального единства нельзя достичь без

участия в войне, без «дани» кровью, начало Первой мировой войны, возможность которой стала явной после Балканских войн, застало Бухарест неподготовленным. На смену энтузиазму, вызванному заключением мира в августе 1913 г., очень скоро пришло чувство обеспокоенности, даже страха перед последствиями участия страны в большой войне.

Для принятия решения 21 июля/3 августа 1914 г. в Синае состоялось заседание Коронного совета. Этот политический орган не был предусмотрен Конституцией и созывался королем для проведения консультаций по требованию правительства, за которым оставалось право окончательного решения. В Совете участвовали политические лидеры страны: премьер-министр, члены правительства, бывшие председатели правительства, руководители политических партий и др. Впервые Коронный совет был созван 2 апреля 1877 г. для обсуждения вопроса об обострении восточного кризиса, в который была вовлечена и Румыния. В заседании Совета в Синае участвовали король Карл I и наследный принц Фердинанд, председатель Совета министров, Брэтиану, члены правительства, председатель палаты депутатов М. Ферекиде, бывшие премьер-министры Т. Росетти и П.П. Карп, представители Консервативной партии: А. Маргилман (председатель), И. Лаховари и И.К. Грэдиштяну; представители Консервативно-демократической партии: Т. Ионеску (председатель), К. Кантакузино-Пашкань. Несмотря на то, что между Брэтиану и лидерами оппозиционных партий Маргилманом и Ионеску предварительно было достигнуто принципиальное соглашение об объявлении нейтралитета, заседание Коронного совета проходило в напряженной обстановке. Это стало следствием выступления Карла I, который, объявив о существовании соглашения с Тройственным союзом (многие из участников заседания слышали о них впервые), бескомпромиссно поддержал вступление Румынии в войну на стороне Центральных держав. За исключением Карпа, который поддержал короля, ссылаясь на русскую угрозу для румынского государства, все выступавшие, к удивлению Карла I, высказались против вступления в войну на стороне Центральных держав и потребовали соблюдения нейтралитета. То обстоятельство, что в договоре не было положения, обязывавшего Румынию поддерживать Австро-Венгрию и Германию в случае их военных действий (а не наоборот), послужило убедительным доказательством необходимости соблюдения нейтралитета. К тому же централь-

ные державы даже не проинформировали Румынию о начале войны. С убедительной речью выступил Брэтиану, который представил трезвый анализ положения Румынии к началу мировой войны. Результатом обсуждений стало принятие решения о временном нейтралитете, о выжидательной позиции. Совет министров распространил коммюнике для прессы, в котором указывалось о решении Румынии «принять все меры для защиты своих границ».

Для понимания решения Коронного совета необходимо также учесть позицию Италии, которая незадолго до этого объявила о своем нейтралитете. На основании соглашения, подписанного 18 сентября/1 октября 1914 г. в Петрограде, взамен добровольного нейтралитета Румынии Россия гарантировала ее территориальную целостность и признавала ее права на территории Австро-Венгрии, населенные румынами.

В течение двух лет нейтралитета румынские политики занимались решением исключительно военных проблем: рамки действия и соблюдения нейтралитета, выбор союзников, сроки начала военных действий и др. Будучи более едиными и дисциплинированными, либералы во главе с имевшим вес Брэтиану, который отличался осторожностью и... умением молчать, выступали за соблюдение нейтралитета и подготовку вступления в войну только в самый подходящий момент. В рядах консерваторов вопросы, связанные с войной, еще больше усилили разногласия. Сторонники А. Маргиломана выступали за неукоснительное соблюдение нейтралитета и сохранение хороших отношений с Центральными державами, а сторонники Н. Филипеску требовали скорейшего вступления в войну на стороне Антанты. На съезде партии в мае 1915 г. произошел окончательный разрыв, за которым последовало сближение и «объединение» последних с Консервативно-демократической партией Т. Ионеску. Король Фердинанд при поддержке королевы Марии (племянница английской королевы Виктории и двоюродная сестра царя Николая II) был твердым сторонником Антанты и вместе с Брэтиану предпринимал усилия для вступления в войну на стороне Антанты.

Рост национального движения в королевстве и провинциях, входивших в состав других государств, особенно в Трансильвании, сыграл важную роль при принятии окончательного решения и ускорил его реализацию. На съезде в декабре 1914 г. Лига за культурное единство всех румын (образованная в 1891 г.) была пе-

реименована в Лигу за политическое единство всех румын и избрала комитет в составе: В. Лукачиу (председатель), Н. Йорга (секретарь), С. Мындреску, Т. Ионеску, Н. Филипеску, О. Гога. Лига развернула бурную деятельность по организации кампаний в прессе, митингов и массовых демонстраций, в ходе которых общественность убеждали в необходимости участия в войне для объединения нации.

Предоставленная нейтралитетом передышка была использована правительством в целях обеспечения экономических, военных и дипломатических условий для начала военных действий. После того как Румыния в результате вступления в войну Болгарии и Турции на стороне Центральных держав фактически оказалась на перекрестке военных действий, ее внешняя торговля, особенно экспорт зерновых, оказалась под ударом. Аналогичное положение сложилось и в области импорта, прежде всего закупок вооружения и боеприпасов, которые были прерваны из-за того, что правительство оказалось вынужденным использовать окольные маршруты сначала по Северной Европе, потом по российским железным дорогам. Румыния получила кредиты на сумму 2 млрд золотых леев от Антанты для закупки вооружения и боеприпасов во Франции. Было создано Главное управление вооружения во главе с инженером А. Салиньи.

Особенно трудными оказались дипломатические усилия по выработке условий и определению времени вступления Румынии в войну. Центральные державы продолжали оказывать давление на Бухарест, пользуясь поддержкой таких политических лидеров, как П.П. Карп, А. Маргилман, К. Стере и др. Они обещали улучшить положение румын, проживавших в Австро-Венгрии, и уступить часть Буковины и Бессарабии. Страны Антанты придерживались неодинаковой и не всегда четкой позиции в этом вопросе, что объяснялось различием интересов великих держав и ходом войны. Они были едины в одном: необходимо скорейшее вступление Румынии в войну при минимальных гарантиях со стороны Антанты. На переговорах о предоставлении великими державами военно-политических гарантий проявились качества Иона Брэтиану, рискнувшего вызвать на себя огонь сторонников и противников в случае неучастия страны в войне, которая могла завершиться победой одной из воюющих сторон и потерей возможности освобождения отчужденных провинций. Основное сопротивление политике Румынии исходило от России: она отвер-

гала претензии Румынии на Буковину, где уже находились царские войска, и не хотела брать на себя новые военные обязательства в связи с увеличением протяженности Восточного фронта. В сложившейся военно-политической обстановке летом 1916 г. требования Франции стали приобретать ультимативный характер, а Россия, напротив, была готова на уступки в надежде, что эти условия будут пересмотрены в конце войны. В начале августа 1916 г. переговоры завершились.

Военные и политические соглашения между Румынией и Антантой (4/17 августа 1916 г.). Политическое соглашение с румынской стороны было подписано Брэтиану и главами дипломатических миссий Франции, Великобритании, Италии и России, аккредитованных в Бухаресте (Сент-Олер, Барклай, Фасчотти и Поклевский-Козел). Военное соглашение подписали Брэтиану в качестве министра обороны Румынии и военные атташе четырех государств — членов Антанты. Политическое соглашение¹⁷, которое благодаря его значимости в исторической литературе именуется договором, предоставляло гарантии территориальной целостности Румынии и признавало ее права на территории Австро-Венгрии, населенные румынами. В статье 4 уточнялось: граница переданных Румынии земель будет проходить по Тисе (в Трансильвании), Дунаю (в Банате) и Пруту (в Буковине). В статье 1 Военного соглашения¹⁸ предусматривалось, что Румыния вступит в войну на стороне Антанты и начнет наступление против Австро-Венгрии не позднее 15/28 августа 1916 г., т. е. ровно через восемь дней после наступления в районе Салоник. Предусматривалось также, что одновременно с румынским наступлением в Трансильвании русские войска возобновят свои действия в Буковине, русский флот обеспечит безопасность порта Констанца, русские сухопутные войска совместно с румынскими защитят Добруджу от возможной атаки со стороны Болгарии, а страны Антанты должны были организовать поставку оружия и боеприпасов для Румынии в объеме 300 тонн ежедневно и др. Безусловно, подписание договора с Антантой стало успехом румынской дипломатии, и прежде всего Брэтиану. Четыре великие державы признали права Румынии на румынские территории в Австро-Венгрии и обязались подтвердить их на будущей мирной конференции.

Военные действия в 1916 г. Для ратификации договора с Антантой 14/27 августа 1916 г. в королевской резиденции Котрочень заседал Коронный совет под председательством короля Фердинан-

да, который безусловно поддержал решение своего правительства. П.П. Карп вновь был единственным среди выступавших, кто, ссылаясь на русскую угрозу, потребовал вступления в войну на стороне Центральных держав. С впечатляющей речью выступил Брэтиану-сын. Взяв на себя всю ответственность, он подчеркивал особую важность исторического момента. «То, что четыре самые крупные державы мира признали обоснованность наших требований и подтвердили в официальном документе этнические границы румынского народа по ту сторону Карпат, позволит нашему народу сделать шаг вперед — может быть, как никогда важный»¹⁹. В тот же вечер посланник Румынии в Вене Е. Маврокордат представил Министерству иностранных дел Австро-Венгрии уведомление об объявлении войны, а в Бухаресте были опубликованы декрет о мобилизации и Обращение короля Фердинанда I ко всем румынам.

В ночь с 14/27 на 15/28 августа 1916 г. румынская армия вошла в Трансильванию. За несколько дней она захватила города Брашов, Фэгэраш, Меркуря-Чук, Одоржей и подошла к городам Сибиу и Сигишоара. Высокий моральный дух румынских солдат питался тем энтузиазмом, с которым их встречали соотечественники по ту сторону Карпат. Очень скоро, однако, ход военных действий резко изменился, и не в пользу Румынии. Первоначальное замешательство противника в результате неожиданного румынского наступления сменилось ответными действиями хорошо вооруженных крупных сил. В Трансильванию с Западного фронта были стянуты имевшие боевой опыт части, оснащенные артиллерией и пулеметами, а с юга последовало наступление немецких и болгарских войск. Поражение румынской армии в битве при Туртукае (24 августа/6 сентября) нарушило равновесие на румынском фронте. Несмотря на отчаянные попытки оказать сопротивление на карпатских перевалах, в Добрудже и на Дунае, включая отчаянные попытки перенести боевые действия южнее этой реки, противник, имея превосходство в вооружении и живой силе, перешел Карпаты в долине реки Жиу, занял Крайову, угрожая Бухаресту. Битва на реке Арджеш была проиграна, и 23 ноября/6 декабря 1916 г. противник занял столицу. Тяжелые бои шли и в Восточных Карпатах, особенно в долине Ойтуз, где наступление австро-немецких войск было остановлено ценой тяжелых потерь. После занятия противником в начале января 1917 г. городов Фокшаны и Брэила фронт стабилизировался по линии Восточных

Румыния в годы Первой мировой войны

Карпат и реки Сирет на юге Молдовы. Королевская семья, правительство и парламент переехали в город Яссы, ставший столицей страны. Армия, резервисты, новобранцы и значительная часть гражданского населения отошли в Молдову. После почти пяти-месячных боев противник занял Олтению, Валахию и Добруджу, угрожая румынскому государству полной ликвидацией.

Причины этого разгрома можно разделить на две группы — внешнего и внутреннего характера. К первой относится неудачно выбранный момент вступления Румынии в войну (приостановка и/или неэффективность боевых действий на Западном фронте, замедление темпов наступления русских войск в Галиции и союзников в районе Салоник, что позволило стянуть немецкие войска в Трансильванию, а немецкие и болгарские войска к Дунаю), численное превосходство и лучшее оснащение немецких и австро-венгерских войск, «русская осечка» (русские войска не выполнили взятых на себя обязательств по прикрытию южной части фронта в Добрудже и вступили в бой только после того, как линия фронта укрепилась на юге Молдовы). Кроме того, союзники не обеспечили своевременное снабжение румынской армии вооружением и боеприпасами. Среди внутренних причин следует отметить недостаточную материальную оснащенность наступательной операции, неподготовленность румынской армии к боевым действиям на широком фронте или на нескольких фронтах одновременно. Слабое оснащение армии как закономерный результат уровня экономического развития и неумелого руководства военного министерства, нехватка офицеров и слабая подготовка 800 тыс. солдат, многие из которых были призваны в армию чуть ли не перед началом наступления, а также ряд ошибок, допущенных командованием из-за нерешительности, отсутствия профессионализма, трусости и др., привели к поражению при Туртукае.

Военные действия 1916 г. закончились для Румынии разгромом, но ее вступление в войну не было напрасным. Несмотря на тяжелые потери, румынская армия численностью около миллиона человек отошла в Молдову и представляла собой весьма значительную военную силу. К тому же в результате тяжелых боев с августа по декабрь 1916 г. противник также понес тяжелые потери. Германия и Австро-Венгрия были вынуждены перевести в Румынию значительные силы с Западного и Центральноевропейского фронтов, облегчив тем самым задачи союзников, прежде всего

Франции. После стабилизации обстановки на фронте центральные державы были вынуждены держать в Румынии группировку численностью около 500 тыс. человек, что являлось значительным фактором, уравновешивавшим силы воюющих сторон. В целом вступление Италии и Румынии в Первую мировую войну после получения гарантий своих территориальных требований в значительной мере ускорило распад Австро-Венгрии.

Военные действия летом 1917 г. Зима 1916/17 г. стала испытанием для молодого румынского государства. Перенаселенный город Яссы, страдающий от холода и болезней, стал столицей «сопротивления до последнего», как заявил об этом Н. Йорга 14/27 декабря 1916 г. в парламенте, заседавшем в здании Национального театра. Для преодоления критической ситуации было сформировано новое правительство под председательством Брэтиану, в которое с июля 1917 г. помимо либералов вошли и четыре представителя Консервативно-демократической партии во главе с Т. Ионеску в должности вице-премьер-министра. Главная задача правительства сводилась к реорганизации и переоснащению армии, оставшейся единственной надеждой в деле защиты государственности. В результате новой мобилизации численность военнослужащих выросла до 700 тыс. человек, из которых примерно 450 тыс. составляли боеспособные части. Значительную роль в реорганизации армии и обучении румынских солдат сыграла французская военная миссия во главе с генералом Бертло, состоявшая из 1500 человек, в том числе 300 офицеров. В результате бесперебойной доставки вооружения и боеприпасов из Франции в войска поступили новые пушки, пулеметы, гранаты и др., что позволило сократить отставание от противника.

Для поднятия морального духа солдат, в основном бывших крестьян, была возобновлена законодательная деятельность по завершению аграрной и избирательной реформ. С целью обеспечения соответствующих условий правительство выступило с проектом конституционных поправок. Он был принят парламентом, а король Фердинанд обратился с двумя посланиями к солдатам-крестьянам, обещая им землю и право голоса после окончания войны.

Возобновление боевых действий летом 1917 г. застало румынскую армию значительно лучше обученной и оснащенной, чем год назад. К этому следует добавить и высокий моральный дух, вызванный обещанием перемен и решимостью не упустить «по-

следний шанс» для сохранения румынской государственности. Самые тяжелые бои развернулись в последней декаде июля и в первые три недели августа. Вторая румынская армия под командованием генерала А. Авереску добилась успеха в районе Мэрэшти, освободив около 500 кв. км с 30 населенными пунктами, захватив почти 3 тыс. пленных и значительное количество военных трофеев. Контрнаступление немецкого генерала А. Макензена с целью вывода Румынии из войны встретило упорное сопротивление. Кульминационной точкой стали бои 6/19 августа 1917 г. под Мэрэшешти, в которых румынские солдаты под командованием генералов К. Кристеску и Е. Григореску выстояли под девизом «Они не пройдут», вписав одну из самых славных страниц в историю румынского народа. Попытки противника пройти через долину Ойтуз с целью ослабить сопротивление защитников позиций в Мэрэшешти также провалились.

Проявленный летом 1917 г. героизм спас Румынию, а также честь румынской армии в Первой мировой войне. Мужество румынского солдата было отмечено и за рубежом. Так, Д. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании, 21 августа 1917 г. писал румынскому правительству: «Восстановление румынской армии и оказанное в столь важный момент для общего дела упорное сопротивление в особо трудных условиях являются великолепным примером стойкости, вдохновляемой идеей свободы для свободного народа»²⁰. Битва за Молдову имела особое значение для установления «равновесия» на Восточном фронте. Была пресечена попытка наступления войск Центральных держав на востоке. Учитывая дальнейшее развитие политических событий в России, эти бои оказались последними крупными сражениями в этой части Европы.

Перемирие. Сепаратный мир. Возобновление войны. Революция в России привела к хаосу на Восточном фронте: русские части оставляли позиции или отказывались воевать. Положение еще более усложнилось после 7 ноября 1917 г., когда правительство большевиков объявило о своем намерении заключить сепаратный мир, а 20 ноября/3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры между Россией и Германией. Румыния вновь оказалась в очень трудном положении: будучи связанной с Антантой соглашениями, заключенными в августе 1916 г., она осталась одна перед военно-политическим натиском Германии и Австро-Венгрии. Несмотря на принятое 19 ноября/2 декабря 1917 г. Коронным со-

ветом (в нем участвовал и генерал Бергло) решение о продолжении сопротивления, выступление русского генерала Щербачева в пользу перемирия и заключение 22 ноября/5 декабря 1917 г. в Брест-Литовске перемирия между Россией и Германией вынудили Румынию подписать 26 ноября/9 декабря 1917 г. в городе Фокшаны перемирие с Центральными державами.

На смену правительству Брэтиану пришло правительство во главе с генералом А. Авереску, но Центральные державы настаивали на заключении сепаратного мира. После подписания 18 февраля/3 марта 1918 г. в Брест-Литовске сепаратного мира между Россией и Центральными державами Румыния оказалась в полной изоляции, без какого-либо шанса выстоять перед наступлением противника со всех сторон. В надежде на отсрочку унижительной развязки или на облегчение кабальных условий в Яссах было сформировано правительство консерваторов во главе с А. Маргиломаном. Однако эти надежды оказались тщетными. Центральные державы навязали Румынии очень жесткие условия мира, который был подписан 24 апреля/7 мая 1918 г. в Бухаресте. Мирный договор выражал империалистические притязания Центральных держав и их стремление отомстить Румынии. Претворение в жизнь положений договора началось с усиления экономического грабежа занятой противником территории и изоляции незанятой части Молдовы, которая находилась под юрисдикцией румынского государства.

Успехи Антанты на Западном фронте и на Балканах осенью 1918 г. привели к изменению соотношения сил, что позволило Румынии вновь объявить мобилизацию и 28 октября/10 ноября 1918 г. во второй раз вступить в войну. Первая мировая война закончилась заключением перемирия в Компьенском лесу 29 октября/11 ноября 1918 г., однако румынская армия почти в течение года была вынуждена участвовать в боях для защиты западной границы от Венгрии, которая не признавала принятого 1 декабря 1918 г. в Алба-Юлии решения об объединении Трансильвании с Румынией.

Участие Румынии в Первой мировой войне потребовало огромного напряжения всех сил²¹. Потери в боях составили около 220 тыс. человек, что было равно 3% всего населения страны (соответствующий показатель во Франции составлял 3,6%, в Великобритании — 1,25, в Италии — 1,24, в Бельгии — 0,96, в США — 0,12%), а также 80 тыс. гражданских лиц, раненных и пропавших

без вести. Согласно подсчетам, которые учитывали и присоединившиеся провинции, кровавая дань, принесенная румынским народом в войне за объединение, составила около 800 тыс. человек.

Представленные в адрес Комиссии по вопросам репараций данные о материальных потерях исчислялись суммой в 31 млрд леев золотом, к которой следует добавить 2 млрд леев, выпущенных Генеральным банком на территории, занятой противником, а также секвестрованный советским правительством золотой запас Румынии (на сумму примерно 1 млрд леев золотом), разрушение противником при отступлении предприятий нефтяной промышленности, суммы, внесенные в счет сепаратного мирного договора, долги перед Францией, Англией, США, Италией и Бельгией по закупке вооружения на сумму свыше 2 млрд леев золотом и др.

Великое объединение

Исторический контекст. Румыния вступила в Первую мировую войну с целью освобождения румынских территорий, оккупированных Австро-Венгрией. Договор от 4 августа 1916 г. между Румынией и четырьмя крупными державами Антанты признавал историческое право Румынии на эти территории. С XI – XIII вв. Трансильвания (межкарпатская территория, а также Банат, Кришана и Марамуреш) поочередно была занята Венгрией, Османской империей, Габсбургской монархией. Перед Первой мировой войной она находилась во владении Австро-Венгрии. В результате «торга» с Османской империей, в котором участвовали Россия и Пруссия, Габсбургская империя в 1775 г. заняла Буковину. Несмотря на то что в августе 1916 г. Румыния, будучи союзницей России, не могла надеяться на освобождение Бессарабии (отторгнутой Российской империей еще в 1812 г.), румынское правительство не отказалось от этой цели, тем более что центральные державы предложили свою поддержку.

Наряду с историческим правом (именно на этом пространстве происходило формирование румынского народа и на протяжении ряда столетий существовали средневековые румынские государства) имеет значение и то, что в начале XX в., вопреки усиленному процессу ассимиляции, румыны составляли здесь большинство.

В драматической ситуации 1917—1918 гг. находившееся в Яссах правительство продолжало дипломатическую борьбу за национальные идеалы. В столицы многих союзных государств были отправлены делегации политических и культурных деятелей, которые часто являлись выходцами с территорий, занятых Австро-Венгрией. Значительную поддержку идее создания единой Румынии оказали К. Анджелеску, Т. Ионеску, К.И. Истрати, Д. Хурмузеску, Т. Лалеску, С. Мындреску, О. Тафрали, И. Урсу, Д. Войнов, Л. Лукачиу, В. Стойка, О. Гога и др.

Вследствие снижения военной мощи Австро-Венгрии в Трансильвании и Буковине активизировались румыны. Особое значение имело создание в России батальонов трансильванских и буковинских добровольцев из числа австро-венгерских военнопленных. Первые из них прибыли в Яссы в начале июня 1917 г. Торжества по случаю принятия ими присяги королю Фердинанду и королевству Румыния стали проявлением «румынского патриотизма». От имени добровольцев лейтенант Виктор Делеу заявил: «Мы стали гражданами Румынии, а точнее — Великой Румынии».

В международном плане Декларация прав народов России (которая предусматривала право народов на самоопределение) благоприятствовала стремлению бессарабцев к объединению, а Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона, в которых поддерживалась «необходимость автономного развития угнетенных народов Австро-Венгрии», способствовали объединительному движению трансильванцев и буковинцев.

Образование Великой Румынии явилось частью более широкого исторического процесса, который охватил центральную и восточную часть Европы и в ходе которого завершились национальные объединительные процессы, а на карте Европы появились новые государства вследствие распада Австро-Венгрии и изменения политической системы в России. Выбранный Румынией путь объединения с отчужденными провинциями стал результатом длительных переговоров между лидерами национального движения Бессарабии, Буковины, Трансильвании и находившимся в Яссах румынским правительством.

Объединение Бессарабии с Румынией. События в России способствовали активизации национально-освободительной борьбы угнетенных царизмом народов, в том числе румын, проживавших

на территории между Днестром и Прутом. Действия бессарабских румын были обусловлены революционными событиями в России, развитием событий на Восточном фронте (перемирие, сепаратный мир), а также позицией, занятой правительством в Яссах. Взаимодействие этих факторов привело в итоге к принятию 27 марта/9 апреля 1918 г. решения об объединении.

Важным моментом в развитии объединительного процесса стало образование 3/16 апреля 1917 г. в Кишиневе Молдавской национальной партии, которая ставила перед собой задачу достижения широкой автономии для Бессарабии, о чем она неоднократно заявляла в последующие месяцы, в том числе на Съезде народов России, состоявшемся в сентябре в Киеве.

20 октября/2 ноября 1917 г. в Кишиневе прошел Съезд молдавских солдат, в работе которого участвовали 800 делегатов, представлявших 250 тыс. бессарабских солдат и офицеров со всех фронтов. Съезд принял решение о предоставлении территориальной и политической автономии Бессарабии, утвердил программу демократических реформ и принял постановление о создании руководящего органа провинции под названием «Сфатул Цэрий» («Совет края»). Он состоял из 150 депутатов, представлявших граждан всех национальностей, разных вероисповеданий, политических взглядов, профессиональных и культурных сообществ и т. д. Национальный состав этого органа был следующим: румыны* — 105 человек, украинцы — 15, евреи — 14, русские — 7, немцы — 2, болгары — 2, гагаузы — 2, поляки — 1, армяне — 1, греки — 1. Председателем был избран Ион Инкулец.

Сфатул Цэрий 2/15 декабря 1917 г. принял Декларацию о провозглашении автономии Молдавской Демократической Республики. В качестве исполнительного органа был создан Совет генеральных директоров во главе с Пантелемоном Ерханом.

Однако очень скоро ситуация в Бессарабии резко ухудшилась. Воцарившаяся анархия, спровоцированная большевистскими агитаторами, действиями многочисленных групп русских солдат, ушедших с фронта, и украинских вооруженных отрядов, поставила под угрозу безопасность путей сообщения, арсеналов оружия, созданных с согласия царского правительства в годы войны, и личную безопасность граждан всех национальностей. По многочисленным просьбам официальных органов власти Кишинева,

* Речь идет о восточнороманском населении Бессарабии.

прежде всего Совета генеральных директоров, 10/23 января 1918 г. части румынской армии вступили в Бессарабию, объявив, что целью этого шага является восстановление и поддержание порядка. В тот же день советское правительство заявило о разрыве дипломатических отношений с Румынией и секвестровало ее золотой запас, находившийся в Москве.

В дальнейшем события разворачивались еще более стремительно. В условиях нарастания давления России и Украины, а также роста поддержки со стороны румынского правительства в политических кругах Кишинева начала муссироваться идея независимости Молдавской Демократической Республики. Сфатул Цэрий 24 января/6 февраля 1918 г. единогласно принял Декларацию о ее независимости. Политические связи между Яссами и Кишиневом окрепли. Особую роль в этом сыграл К. Стере, бессарабец по происхождению, эмигрировавший в Румынию еще в конце XIX в. Принятие решения об объединении было ускорено также претензиями со стороны Украины на отдельные части Бессарабии. Следует отметить и роль Германии, которая еще в начале войны обещала поддержку освобождения Бессарабии, а в новых условиях выступила против Украины на стороне Румынии.

В торжественной обстановке Сфатул Цэрий 27 марта/9 апреля 1918 г. проголосовал за принятие решения, согласно которому «Молдавская Демократическая Республика (Бессарабия) в своих исторических границах между Прутом, Днестром, Дунаем, Черным морем, старой австрийской границей объединяется с Румынией». Результат голосования («за» — 86 голосов, «против» — 3, воздержавшихся — 36) и принятая программа реформ более радикальных, чем цели румынского правительства, свидетельствуют о том, что Сфатул Цэрий действовал вне всякого давления со стороны румынской армии, которая не превысила отведенной ей роли по поддержанию порядка и защиты границы между Бессарабией и Украиной. Приглашенный после голосования в зал заседания Сфатул Цэрий румынский премьер-министр А. Маргиломан произнес краткую речь, в которой заявил, что от имени румынского правительства принимает к сведению решение об объединении, закончив выступление словами: «Да здравствует единая и неделимая Румыния!».

К. Стере был избран на пост председателя Сфатул Цэрий, а И. Инкулец и Д. Чугуряну назначены государственными минис-

трами румынского правительства. Декретом-законом от 9/22 апреля 1918 г. король и правительство ратифицировали решение об объединении Бессарабии с Румынией. В те дни в Яссах состоялись многочисленные демонстрации с участием бессарабских делегатов в поддержку этого решения.

В декабре 1918 г. в новом историческом контексте, возникшем после объединения Трансильвании с Румынией, Сфатул Цэрий отказался от прежних условий, выдвинутых при голосовании 27 марта/9 апреля 1918 г. (относительно проведения аграрной реформы, административного устройства Бессарабии, представительства в парламенте и др.).

Объединение Буковины с Румынией. Процесс объединения проходил непросто. Во-первых, национальный состав в Буковине был не в пользу румын. Вследствие жесткой ассимиляторской политики и заселения земель представителями других национальностей перед началом Первой мировой войны при населении провинции в 800 тыс. человек численность румын здесь составляла около 300 тыс., чуть больше было украинцев. Немцы, поляки, венгры, армяне и др. составляли около 200 тыс. человек. Во-вторых, за годы войны территория Буковины трижды занималась русскими войсками и столько же раз австро-венгерской армией. Сдержанное, а иногда и доброжелательное отношение украинского населения к царским войскам привело к репрессивным действиям со стороны австро-венгерских властей. Среди румынской политической элиты отсутствовало единство, большинство ее представителей выступали за объединение с Румынией, а небольшая часть — во главе с А. Ончулом — предлагала договориться с украинскими лидерами в целях раздела данной провинции между Румынией и Украиной.

Революция в России, переговоры о сепаратном мире, ход военных действий на западе и в центре Европы ускорили процесс подготовки проектов реорганизации Австро-Венгерской империи. Делегация украинской Центральной рады на переговорах в Брест-Литовске потребовала объединения Галиции, Буковины и Закарпатской области в единое целое в составе Австро-Венгрии. Центральные державы в обмен на поставки зерна согласились на некоторые территориальные уступки в пользу Украины. Это способствовало распространению слухов о том, что Буковина была «продана за продовольствие». В «Манифесте к моим вернопод-

данным» от 3/16 октября 1918 г. император Карл I провозглашал федерализацию Австро-Венгерской империи путем создания шести государств: австрийского, венгерского, чешского, югославского, польского и украинского. О румынах Трансильвании и Буковины даже не упоминалось.

Борьба буковинских румын активизировалась в новых исторических условиях, которые сложились летом и осенью 1918 г. Пример бессарабцев, трансильванцев и других народов, проживавших на территории Австро-Венгрии, вдохновил румын Буковины. Создание украинских военизированных отрядов во главе с военнослужащими бывшей австро-венгерской армии и дезорганизация государственных учреждений активизировали борьбу за объединение с Румынией.

На состоявшемся 6/19 октября 1918 г. в Яссах собрании румын-эмигрантов из Австро-Венгрии была принята Декларация об отклонении идеи федерализации империи, которая расценивалась как «отчаянная попытка приговоренной к распаду империи». Через несколько дней в первом номере газеты «Гласул Буковиней» («Голос Буковины») была опубликована передовая статья С. Пушкариу под названием «Чего мы желаем», ставшая программой борьбы румын Буковины и Трансильвании.

14/27 октября 1918 г. в Черновцах состоялось Народное собрание румын Буковины, на котором была принята Резолюция о провозглашении данного собрания учредительным, об избрании Национального совета в составе 50 членов и Исполнительного комитета во главе с Янку Флондором. В ответ 3/16 ноября 1918 г. в Черновцах Собрание украинцев приняло решение о включении большей части Буковины в состав Украины. Действия украинских военизированных отрядов стали приобретать все более насильственный характер, угрожая деятельности Румынского национального совета. В сложившихся обстоятельствах последний обратился к правительству Румынии за военной помощью. Восьмая румынская дивизия под командованием генерала Якоба Задика 11/24 ноября 1918 г. вошла в Черновцы и восстановила там порядок. В результате стало возможным проведение 15/28 ноября 1918 г. Всеобщего съезда Буковины во дворце Митрополии, в котором участвовали 74 делегата от Румынского национального совета, 13 — от украинского, 7 — от немецкого и 6 — от польского населения. Присутствовали также бессарабская делегация, в состав которой входили П. Халип-

па, И. Пеливан, И. Буздуган, Г. Казаклиу, и трансильванская в составе Г. Крашана, В. Делеу, В. Освадэ. В единогласно принятой Съездом Декларации об объединении Буковины с Румынией, текст которой зачитал Я. Флондор, указывалось, что «Буковина в своих границах между Черемушем, Колачином и Днестром безоговорочно и навеки объединяется с королевством Румыния».

Были отправлены телеграммы правительствам стран Антанты. Их ставили в известность о принятии решения об объединении Буковины с Румынией. Делегация во главе Я. Флондором выехала в Яссы для вручения текста Решения об объединении королю Фердинанду. На торжественном приеме по этому случаю Флондор заявил: «Вручаем Вашему Величеству, Королю всех румын, Декларацию об объединении всего Буковинского края... Этот успех является не военным завоеванием, а возвращением в отчий дом отчужденных братьев, которые в лице Вашего Величества находят давно потерянного и столь желанного своего родителя». 19 декабря 1918 г./1 января 1919 г. был опубликован Декрет-закон, подписанный королем Фердинандом и премьер-министром Брэтиану о признании объединения Буковины с Румынией. Другим декретом Я. Флондор и И. Нистор назначались государственными министрами от Буковины в правительстве Румынии.

Объединение Баната, Кришаны, Марамуреша и Трансильвании с Румынией. После установления австро-венгерского дуализма (1867) и включения Трансильвании в состав Венгрии борьба румын за автономию, а потом за объединение с Румынией усилилась. Вручение императору Меморандума в 1892 г., осуждение и заключение в тюрьму его авторов поставили трансильванский вопрос на повестку дня европейской общественности. В Румынии все, от короля и до студентов, участвовавших в уличных манифестациях, поддержали собратьев из-за Карпат. Непреклонность венгерского правительства по отношению к требованиям румын способствовала радикализации программы руководства Национальной партии Трансильвании, которое выдвинуло задачу объединения с Румынией.

Процесс подготовки и реализации акта объединения осенью 1918 г. имеет ряд характерных особенностей: отсутствие румынской армии в Алба-Юлии и, следовательно, внешнего давления на

принятие данного решения; достижение согласия между лидерами Румынской национальной и Социал-демократической партий как свидетельство национального единства румын на самом высоком уровне; избрание 1228 делегатов на демократических принципах и их участие в Национальном собрании на основе полученных мандатов придали историческому акту от 1 декабря 1918 г. плебисцитный характер. Положения Резолюции об объединении свидетельствовали о высоком европейском уровне румынской политической элиты, которая приняла данное решение с учетом межнационального мирного сосуществования в будущем с теми, кто находился в составе Венгрии и Австрии.

Ход событий доказывает огромное желание всех румын — от политических руководителей и до жителей самых отдаленных горных районов — объединиться. В годы войны были приняты различные меры для объединения с румынами, проживавшими на Западе. В апреле 1918 г. в Париже был создан Национальный комитет румын Трансильвании и Буковины под председательством Траяна Вуя. В июне в Италии появился Действительный комитет румын Трансильвании, Баната и Буковины, руководимый Симионом Мындреску, а в Вашингтоне основана Румынская национальная лига под руководством В. Стойки. Стремительное развитие событий на фронтах и движение народов Австро-Венгерской империи оказали существенное влияние на политику румын. 29 сентября/12 октября 1918 г. в городе Орадя на конференции Исполнительного комитета Румынской национальной партии была принята Декларация, в которой выражалось желание румын, проживавших в Венгрии и Трансильвании, определить свое будущее на Национальном собрании. Данное предложение прозвучало и в речи А. Вайда-Воевода 5/18 октября 1918 г. на заседании парламента в Будапеште.

18/31 октября в Будапеште образовался Румынский центральный национальный совет (именуемый в дальнейшем Национальным советом), председатель Штефан Чичио-Поп. В его состав вошли шесть представителей Румынской национальной партии и шесть представителей Социал-демократической партии. В начале ноября Совет переехал в город Арад. Были предприняты огромные усилия по созданию румынских национальных советов на всей территории Трансильвании. 7/20 ноября Центральный национальный совет выступил с предложением созыва 18 ноября/1 декабря 1918 г. Национального собрания в Алба-Юлии. Выбор

делегатов происходил на собраниях народных представителей. Такого доверия удостоивались представители всех социальных слоев: учителя, священники, крестьяне, адвокаты, студенты, военнослужащие и др. Им предстояло выразить мнение жителей городов и сел, политических партий, церковных, культурных и профессиональных обществ.

18 ноября/1 декабря 1918 г. в Алба-Юлии 1228 делегатов и депутатов приняли решение об объединении с Румынией. Текст Резолюции об объединении, представленный Василием Голдишем, был утвержден единогласно. Свыше 100 тыс. румын, приехавших в Алба-Юлию, с энтузиазмом приветствовали данное решение. Его принятие 1 декабря в Алба-Юлии с соблюдением демократических принципов, массовое представительство населения со всех объединяемых территорий придают особый смысл событиям 1918 г. в истории румын, и значение упомянутых событий нельзя ни преувеличить, ни преуменьшить. Резолюция об объединении представляет собой документ, в котором переплетались национальные и социальные задачи, принципы обусловленного и безоговорочного объединения. Вот несколько положений этого документа.

«I. Национальное собрание всех румын Трансильвании, Баната и Венгрии, созданное 18 ноября/1 декабря 1918 г. в Алба-Юлии, в котором участвуют их законно избранные представители, провозглашает объединение этих румын и всех земель, населенных ими, с Румынией. Национальное собрание особенно подчеркивает неотъемлемое право румынской нации на всю территорию Баната между Мурешем, Тисой и Дунаем.

III. 1. Абсолютная свобода для всех совместно проживающих народов. Каждый народ осуществляет образование, деятельность учреждений и судопроизводства на своем языке с участием своих представителей и получает право быть представленным в парламенте и правительстве пропорционально своей численности.

2. Равноправие и полная свобода для всех признанных государством вероисповеданий.

3. Полное соблюдение истинно демократических принципов во всех областях общественной жизни. Выборы в представительные органы коммун, уездов или в парламент проводятся при всеобщем, прямом, равном, тайном, пропорциональном голосовании всех мужчин и женщин, достигших 21 года»²².

Делегация во главе с В. Голдишем, А. Вайда-Воеводом, М. Кристей, Ю. Хосу выехала в Бухарест, чтобы представить текст Декларации об объединении королю Фердинанду и правительству. Декретом, опубликованным в «Правительственном вестнике» от 13/26 декабря 1918 г., было узаконено принятое в Алба-Юлии историческое решение: «Указанные в резолюции Национального собрания в Алба-Юлии от 18 ноября/1 декабря 1918 г. территории навсегда остаются объединенными с королевством Румыния».

Международное признание. Румыния участвовала в Парижской мирной конференции (1919 – 1920), имея статус государства с ограниченными интересами. Румынская делегация во главе с премьер-министром Брэтиану, а позже с А. Вайда-Воеводом столкнулась с большими трудностями, отстаивая независимость и суверенитет и добиваясь признания ее вклада в войну, а также применения статей подписанного в августе 1916 г. договора с Антантой. После длительных переговоров 10 декабря 1919 г. Вайда-Воевод подписал в Сен-Жермене договор с Австрией, в котором признавалось объединение Буковины с Румынией. Не менее трудными оказались переговоры относительно договора с Венгрией, которая не признавала ни решения, принятого в Алба-Юлии, ни заключения международных экспертов по вопросу об установлении границ. Румынию вынудили сделать ряд важных уступок. Румыно-венгерская граница была проведена намного восточнее по сравнению с линией, предусмотренной в договоре с Антантой. Румыния также должна была согласиться с Сербией на раздел территории Баната. Румынские делегаты И. Кантакузино и Н. Титулеску 4 июня 1920 г. в Трианоне подписали договор с Венгрией, в котором признавалось принятое в Алба-Юлии решение об объединении.

Решение вопроса о Бессарабии и на этот раз было осложнено. Отсутствие русской делегации на конференции делало невозможным официальное признание Россией сложившегося положения. Двадцать восьмого октября 1920 г. Франция, Великобритания, Италия, Япония и Румыния подписали договор, в котором признавалось объединение Бессарабии с Румынией. Под давлением СССР Япония этот договор не ратифицировала.

Мирные договоры 1919 – 1920 гг. имели огромное значение для румын. Великие державы признали решения об объединении,

принятые в Кишиневе, Черновцах и Алба-Юлии, а также вклад и жертвы Румынии во имя достижения победы Антанты в Первой мировой войне.

Место объединенной Румынии в новой Европе

Завершение в 1918 г. процесса национально-государственного объединения имело значительные последствия для Румынии в территориальном, демографическом, социально-экономическом, политическом и мировоззренческом плане.

Политическое устройство. В первые послевоенные годы в странах Европы господствовали демократические режимы. Только в России уже в 1917 г. был создан тоталитарный режим, а в Венгрии с 1920 г. установилась диктатура. После двух десятилетий число стран с авторитарными (диктаторскими) режимами значительно возросло: Албания, Австрия, Болгария, Эстония, Германия, Греция, Италия, Югославия, Латвия, Литва, Польша, Португалия, Румыния, Испания. Необходимо уточнить, что Румыния стала одной из последних стран, где был установлен авторитарный стиль правления во главе с королем Каролом II (февраль 1938 г.).

Румыния и международные отношения. Общеизвестно, что после Парижской мирной конференции в Европе образовались две большие группы стран: в первую вошли государства, заинтересованные в соблюдении подписанных договоров, сохранении проведенных границ и обеспечении мира, а во вторую — государства, добивавшиеся аннулирования договоров, пересмотра границ, проводившие политику ревизионизма вплоть до разжигания новой войны. Решительные антиревизионистские и антивоенные действия Румынии в составе Малой Антанты, Балканской Антанты и Лиги Наций известны. Но в итоге Румыния стала одной из жертв начавшейся войны и политики применения силы со стороны Германии, СССР, Италии, Венгрии и Болгарии, потеряв летом 1940 г. около трети своей территории и населения. Под угрозой со стороны соседних государств, а также Германии и Италии единая Румыния рухнула. События после июня 1940 г. необходимо рассматривать в общем контексте Второй мировой войны. Нельзя судить о Румынии, как это порой делается в некоторых работах, исходя

только из ее участия в войне на стороне Германии, обходя вниманием ее последовательную политику за сохранение мира на всем протяжении межвоенного периода, а также участие после 23 августа 1944 г. в антигитлеровской коалиции.

Для исследования межвоенного периода, как и других этапов истории румын, обязательными становятся методы взвешенного, всестороннего подхода, без преувеличения достижений или неудач, без использования штампов, без поспешных выводов, основанных на политической конъюнктуре. Несмотря на то что итоги Великого объединения (в плане территориальном, демографическом и экономическом) были значительными, экономический кризис и необходимость восстанавливать разрушенное хозяйство привели к тому, что последующий период был слишком коротким и не смог привести к ощутимым стабильным результатам.

Конституционный строй

Конституция 1866 г. Политическая система современной Румынии основана на Конституции, принятой 30 июня 1866 г. Учредительным собранием и обнародованной 1 июля 1866 г. Каролем I. Конституция 1866 г. была разработана и принята в очень сложных внутренних условиях. И либералы, и консерваторы пытались навязать собственные концепции относительно политического устройства, поэтому споры по этому вопросу были очень горячими. К тому времени достигнутая ранее договоренность между этими группировками с целью свержения Кузы исчерпала себя. Однако противостояние и споры о направлениях, путях и особенно о темпах развития страны продолжала нарастать, и вопрос о Конституции стал первым поводом для их обострения.

Конституция утверждала принципы государственного суверенитета, наследной монархии, неприкосновенности и освобождения от ответственности господаря, представительного правления, разделения властей, ответственности министров и др. Конституцией также гарантировались равенство перед законом, свобода совести, прессы, образования, собраний, неприкосновенность жилища и личности, право объединения; Конституция запрещала смертную казнь, цензуру, привилегии и классовые монополии.

На основе принципа разделения властей в государстве законодательная власть осуществлялась совместно парламентом

(который состоял из палаты депутатов и сената) и господарем: исполнительная власть — господарем и министрами (их назначал и смещал господарь); судебная власть осуществлялась судами и трибуналами. Имущество объявлялось «священным и неприкосновенным». С целью противостояния новой аграрной реформе помещикам удалось внести положение, согласно которому «ничто не может быть экспроприровано, кроме как в случаях общественно полезной необходимости на законном основании и после предварительного возмещения ущерба» (статья 19). Предусматривалось также, что «полученные крестьянами наделы и гарантированное законом об аграрной реформе возмещение собственникам ущерба никогда не будут оспариваться».

Обозначенные в разделе III принципы проведения выборов носили отпечаток консервативных взглядов на конституционный строй. Для избрания в палату депутатов все граждане с правом голоса распределялись на четыре коллегии (категории) согласно имущественному цензу, т. е. социальному происхождению. В I коллегию входили крупные собственники с годовым доходом свыше 300 галбенов (червонцев), во II коллегию — земледельцы-собственники с доходом от 100 до 300 галбенов, в III коллегию — промышленники и торговцы, отставные офицеры, преподаватели, государственные пенсионеры и лица свободных профессий. Эти три коллегии имели право прямого голосования. Последняя, IV коллегия состояла из крестьянства. От каждых 50 представителей избирались делегаты, которые, в свою очередь, выбирали одного депутата от каждого уезда. Для выборов в сенат все граждане с правом голоса распределялись на две коллегии. Первая состояла из жителей сельской местности с доходом свыше 300 червонцев, а вторая — из городских и сельских собственников с доходом до 300 червонцев. Депутаты избирались сроком на четыре года, а сенаторы — на восемь лет, однако каждые четыре года половина состава сената обновлялась путем жеребьевки. Исключенные таким образом сенаторы имели право снова выставлять свои кандидатуры на выборах.

Подготовка и принятие Конституции 1866 г. проходили в сложной международной обстановке. Великие державы, ссылаясь на режим коллективных гарантий, попытались навязать свою волю румынским лидерам, которые пришли к власти после свержения господаря Кузы. В Париже была созвана конференция представителей держав-гарантов, а их представители в Бухарес-

те рекомендовали временному правительству отказаться от любых самостоятельных действий во внутренней и внешней политике. Более того, страны-соседи были готовы пойти на вооруженное вмешательство. Временное правительство устояло перед внешним давлением, действуя в соответствии с интересами румынского государства. Оно начало подготовку к выборам в Учредительное собрание, предприняло шаги для возведения иностранного правителя на престол и приняло меры для обеспечения безопасности страны.

Принятие Конституции стало политическим актом, означавшим коренное изменение соотношения внутренних и внешних факторов, решающим шагом на пути устранения режима коллективных гарантий и османского сюзеренитета. Стремление к независимости отчетливо проявилось в том, что в тексте Конституции ничего не говорилось о сюзеренитете Порты или режиме коллективных гарантий. К тому же статья 1 официально подтверждала название страны — Румыния, а государь наделялся фактически теми же прерогативами, что и руководители независимых государств. Такое же значение имели и положения о неприкосновенности государства, соблюдении территориальной целостности и запрещении прохода через территории Румынии любой иностранной армии без предварительного заключения соответствующего соглашения.

В итоге напрашивается общий вывод о том, что принятый в 1866 г. Основной закон имел в целом либеральный характер и являлся важным прогрессивным явлением. Конституция 1866 г., несмотря на недостатки, обусловленные тем, как она была задумана, и прежде всего нарушением или отказом от применения ее положений, устанавливала новые рамки для будущего развития страны, создав благоприятные условия для процесса обновления страны и интеграции Румынии в капиталистическую Европу.

До 1914 г. Конституция 1866 г. дважды подвергалась изменениям. Первый раз — в 1879 г., когда в целях соблюдения условий Берлинского мирного договора была пересмотрена статья 7. Положение, в соответствии с которым «только иностранцы христианского вероисповедания могли получить гражданство», было заменено новой формулировкой, согласно которой «иностранцы вне зависимости от вероисповедания, подданные того или иного государства, могли получить гражданство». Натурализация осуществлялась законным путем и в индивидуальном порядке. Вто-

рое изменение произошло в 1884 г. и коснулось статей, связанных с главой государства (который с 1881 г. стал королем), а также с территорией страны, правами прессы, системой выборов, земельными угодьями.

Политические партии власти. Одновременно с установлением конституционного строя противоречие между либералами и консерваторами переместилось в плоскость определения направлений, путей и темпов развития страны, т. е. стратегии строительства современного общества. Историки единогласны в том, что Национал-либеральная партия (НЛП) возникла в июне 1875 г., а Консервативная партия — в феврале 1880 г., когда их руководители подписали решения о принятии политических программ своих организаций. Среди политических деятелей, которые внесли свой вклад в создание НЛП, были И.К. Брэтиану, Д. Брэтиану, М. Когэлничану, И. Кымпиняну, И. Гика, Д. Джиани, К.А. Росетти, А.Г. Голеску, К. Грэдиштяну, Д.А. Стурдза, Г. Вернеску, Н. Флева и др. В числе основателей Консервативной партии были Л. Катарджиу, Т. Майореску, П. Маврогени, В. Погор, Т. Росетти, генерал И.Е. Флореску, Н. Лаховари и др.

Разграничение идейных течений либералов и консерваторов сопровождалось процессом кристаллизации доктрин партий власти, ставших идеологической основой их деятельности. Отвергать наличие этих доктрин, особенно после 1878 г., значит отрицать обсуждение, в зависимости от интересов руководящих структур, таких вопросов, как цель, пути и темпы развития Румынии, сводить процесс обновления страны лишь к борьбе за власть между политическими группировками, которые якобы стремились прежде всего получить власть и лишь потом думали о судьбе страны.

Процесс становления либеральной доктрины происходил одновременно с укреплением позиций НЛП в политической жизни страны и был обусловлен новыми задачами развития общества, высоким темпом преобразований, а также противоборством с консервативными силами. Среди основных программных задач либеральной партии выделялись задачи политического и экономического укрепления страны, обеспечения политической независимости путем достижения независимости экономической, укрепление экономических и политических позиций буржуазии, что предполагало социально-экономическое обновление во всех областях, а также консолидацию национальных сил. Для румын-

ского либерализма нового времени характерно преобладание национальных интересов. Достижение указанных в программе целей предполагало экономическую политику на основе покровительства и поддержки национальной промышленности, участия иностранного капитала на определенных условиях, введения протекционистского таможенного тарифа, осторожной и уравновешенной финансовой политики и др. Суть либеральной доктрины выражалась в лозунге «Собственными силами!», который был выдвинут до 1977 г., а после завоевания независимости стал девизом партии в борьбе против консерваторов.

Выработка доктрины консерваторов происходила на основе традиционных консервативных идей, выдвинутых жунимистами. Хотя отношения между традиционным крылом партии и жунимистской группировкой в организационных аспектах складывались не всегда удачно (сближения, слияния, расколы), их идеологическая основа неизменно была общей; жунимисты внесли значительный вклад в разработку принципов деятельности партии по целому ряду социально-экономических и политических вопросов. Основная задача консерваторов сводилась к развитию страны в соответствии с интересами помещиков. Понимая, что страна стоит перед необходимостью обновления, консерваторы пытались придать этому процессу более эволюционный характер. Будучи сторонниками такого развития, они добивались постепенного, без социальных потрясений реформирования социально-экономических и политических структур. Исходя из этого, они обвиняли либералов в сползании страны на ошибочный — «революционный» — путь, в проведении реформ, которые не соответствовали требованиям времени. Либералам вменялось в вину и то, что они взяли за образец «чуждые формы» западной цивилизации, вносили семена в неподходящую почву, стремясь ускорить процесс обновления, способствовали возникновению общества «гибридного» типа, которое только усилиями консерваторов можно вернуть на правильный — традиционный — путь. Данную теорию, известную также под названием «форма без содержания», консерваторы приняли на вооружение в политической борьбе против либералов.

Это вело к явному искажению действительности в угоду партийным интересам. В силу сложившихся условий и необходимости ускорения развития страны противоречия имели вполне закономерный характер, однако вопрос о несовместимости

между «формой» и «содержанием» не ставился. Это нормально для общества, переживающего период обновления при сохранении многих пережитков прошлого и отсутствии сильной буржуазии; для общества, вынужденного противостоять экономическому и политическому давлению великих держав и неспособного добиться равновесия между потребностями и возможностями. В действительности речь шла не о подражании или заимствовании «форм», чуждых Румынии. И в самом деле, кому было подражать? Англии, Франции, Германии, находившимся на ином уровне развития? России, которая в тот период сталкивалась с не меньшими трудностями, чем Румыния? Естественно, Румыния проходила через этапы, свойственные всем капиталистическим странам. Необходимость экономического и политического укрепления страны после завоевания независимости выдвинула задачу ускорения темпов роста. Только так можно было добиться укрепления и сохранения политической независимости, создания условий для реализации национальных идеалов и завершения процесса объединения всех румынских земель.

В принципе обе партии власти сходились во мнении, что страна нуждалась в модернизации. Национал-либеральная партия выступала за развитие промышленности, консолидацию национальных сил, укрепление экономической независимости, за другие меры, позволяющие обеспечить действительную политическую независимость. На это указывают либеральная доктрина и законодательная деятельность НЛП. Консерваторы же рассматривали модернизацию как поэтапный, эволюционный процесс, который бы не подвергал опасности их экономические и политические позиции и не затрагивал бы структурные основы общества. Каждый раз, когда вставал вопрос о преобразованиях, способных нарушить равновесие между внутренними политическими и экономическими силами, помещики и их политическая партия оказывали упорное сопротивление. Яркое свидетельство тому — позиция П.П. Карпа на заседании парламента в марте 1907 г. и отношение Консервативной партии к реформам в 1913–1914 гг. Тем не менее консерваторы оказались в какой-то мере причастными к процессу обновления, ибо были вынуждены решать новые задачи, выдвинутые ходом развития общества. Представители Консервативной партии в парламенте всегда исходили из классовых интересов помещиков: их позиция

при обсуждении законодательных мер в сельском хозяйстве (заключение арендных договоров, увеличение налогов и численности жандармов), их отношение к вопросу об иностранном капитале или о таможенной политике являются ярким тому свидетельством.

Процесс обновления страны происходил в условиях непрекращавшегося политического противоборства. После прихода к власти консерваторы сохранили лишь те принятые либералами законы, которые нельзя было отменить без ущерба для развития страны.

Монархия. Десятого мая 1866 г. на престол Румынии взошел Кароль I, положив тем самым начало самому длительному правлению в истории страны: 48 лет 4 месяца и 17 дней. Идея о приглашении иностранного принца появилась в прессе еще в период между революциями 1821 и 1848 гг. Позже к ней вновь вернулись в том числе и в дипломатической переписке периода Крымской войны (1853 – 1856). Эта идея основывалась на ряде соображений. Политические лидеры румынских княжеств надеялись, что возведение на престол представителя западноевропейской династии (исключалась только возможность приглашения представителей Австрии, России и Турции) сможет предотвратить давление и угрозы со стороны соседних империй, а также обеспечить поддержку государств Западной Европы. В качестве примера приводились Греция и Бельгия, которые в свое время прибегли к такому решению. Присутствие иностранного принца должно было положить конец многочисленным претензиям на престол со стороны местных знатных семей. Неслучайно Каролю I и его наследникам запрещалось вступать в брак с представительницами местных боярских семей.

Кароль I Гогенцоллерн-Зигмаринген 10/22 мая 1866 г. принес присягу перед парламентом Румынии. 1866 – 1914 годы вошли в историю как период серьезных достижений и не менее серьезных провалов. Естественно, что ответственность за это несут все политики, в том числе исполнительная власть. Именно под таким углом зрения следует оценивать роль Кароля I в политической жизни страны. Согласно принятой в 1866 г. Конституции, государь имел весьма сильные позиции в политической системе. Ему были обеспечены неприкосновенность, главенство в исполнительной власти, право законодательной инициативы (совместно

с парламентом), должность верховного главнокомандующего вооруженными силами и др. Хотя Конституция провозглашала принцип представительного правления, в действительности исполнительная власть пользовалась правом господаря распускать парламент, назначать и отзывать министров.

Уже в начальный период своего правления, особенно в 1870–1871 гг., на фоне частой смены правительств и усилившейся борьбы между либералами и консерваторами за обеспечение главенствующего положения на политической арене, Кароль I высказал недовольство рядом положений Конституции, которые он считал слишком демократичными для такого уровня развития страны. Господарь добивался внесения ряда поправок в Конституцию с целью расширения своих прерогатив и установления авторитарного режима. В связи с этим он пытался заручиться поддержкой государств-гарантов, а внутри страны рассчитывал на помощь консерваторов. Хотя Кароль не сумел достигнуть этой цели, тем не менее он значительно укрепил свои политические позиции.

Используя особый характер отношений между либералами и консерваторами, а также недостатки существовавшей политической системы, Кароль I открыто вмешивался в действия политических партий, особенно Консервативной. Он поддерживал или провоцировал разногласия, иногда способствовал их улаживанию с целью обеспечения своего господствующего положения в политической жизни. Кароль поддержал создание и сохранение двухпартийной системы и механизма правления, основанного на принципе поочередного пребывания у власти Национал-либеральной и Консервативной партий. Он воспротивился попыткам создания третьей партии и неоднократно заявлял, что необходимо сохранить лишь две сильные партии. Свидетельством тому стало отношение господаря к соответствующим инициативам Г. Пану, а позже Т. Ионеску. Последнему удалось организовать и укрепить собственную Консервативно-демократическую партию, но Кароль допустил ее участие в правительстве только в составе консервативной коалиции.

Отдельную страницу периода правления Кароля I составляет его внешнеполитическая деятельность. Взойдя на трон с целью укрепления позиций Румынии на европейской арене, он с самого начала особое внимание уделял международным отношениям. Укрепление его позиции и престижа на международной арене

произошло после завоевания Румынией независимости, провозглашения королевства и присоединения страны к Тройственному союзу. Кароль I поддерживал действия по продлению договора от 1883 г. и проявил особую активность в ходе Балканских войн. Следует учитывать, что в данный период во главе правительств находились такие известные политические деятели, как И.К. Брэтиану, Д.А. Стурдза, П.П. Карп, Л. Катарджиу, Т. Майореску, И.И.К. Брэтиану; Министерством иностранных дел руководили М. Когэлничану и Т. Ионеску. В тот исторический период партии власти, вопреки разным тактическим подходам к общим вопросам развития страны и ближайшим задачам внешней политики, в целом проводили единый внешнеполитический курс.

Факты политической жизни свидетельствуют о том, что исполнительная власть принимала решения в зависимости от позиций политических партий. Это положение было убедительно доказано событиями, последовавшими после начала Первой мировой войны. В конце своего длительного пребывания на троне, на протяжении которого Кароль I активно участвовал в проведении внешней политики страны, он был вынужден уступить позиции, которую заняли лидеры обеих партий власти на заседании Коронного совета в Синае, поддержавшие (за исключением П.П. Карпа) необходимость сохранения нейтралитета. Кароль весьма трудно пережил события, последовавшие за объявлением Румынией нейтралитета.

Безусловно, что возведение иностранного принца на престол страны способствовало укреплению румынского государства и активизации процесса интеграции страны в Европу. Бесспорно и то, что государь, а впоследствии король Кароль I был наделен такими личными качествами, как реалистичный взгляд на мир, методичность в работе, терпение и высокая гражданская ответственность. Все эти качества отметил известный политик и писатель Т. Майореску. «Упорство, с которым принц добивался своей цели, его настойчивость и терпение, нежелание льстить, неуклонное выполнение повседневных обязанностей, отказ от интриг и услуг приспешников, от любого вмешательства в личную жизнь, образцовая семейная жизнь — все эти черты характера, резко отличавшие его от предыдущих правителей, были скорее его личными качествами»²³. В свою очередь И.Г. Дука отмечал: «Короче говоря, Кароль I был личностью... Методично, терпеливо, на протяжении

долгих лет он вынашивал свои идеи и никогда открыто не выказывал своих намерений. Когда тучи сгущались над его головой, он умел переждать, чтобы потом, когда небо становилось ясным, с большим достоинством двигаться дальше»²⁴.

Кароль I обладал качествами настоящего политического деятеля. Постепенно, особенно после кризиса 1870 – 1871 гг., он начал вникать во все детали внутреннего положения страны, все глубже осознавая позиции и интересы Румынии на европейском континенте. Кароль считал себя румыном и первым должностным лицом государства. Весьма интересным в этом отношении представляется мнение князя фон Бюлова, «Кароль Кароль I — один из самых лучших людей и наиболее мудрых правителей, которых я встретил, а я за свой век имел дело со многими коронованными особами... Его твердость основывалась на умении терпеть, упорстве и чувстве долга; он верил в свое предназначение»²⁵. Правление Кароля I способствовало установлению и сохранению политической стабильности, в которой страна нуждалась в период глубоких социально-экономических и политических преобразований. За годы его правления были достигнуты поставленные вначале цели: политическая стабильность и рост престижа страны в Европе.

Парламентская жизнь. Заседания палаты депутатов и сената, которые ежегодно проходили в течение четырех – пяти месяцев и в ходе которых законы обсуждались в целом и по статьям, обычно сопровождалась острым идейным противостоянием. Такие известные политики и деятели культуры, как М. Когэлничану, И.К. Брэтиану-отец, Т. Майореску, Д.А. Стурдза, П.П. Карп, Н. Йорга, Т. Ионеску, И.Г. Дука, И.И.К. Брэтиану-сын, В. Ласкэр, П.С. Аурелиан, С. Харет и др., затрагивали в своих выступлениях основные вопросы развития общества, средства и темпы его развития. Парламент, осуществляя свое право контроля над исполнительной властью и претворением в жизнь принятых законов, сыграл очень важную роль в политической жизни страны. Свидетельством тому являются многочисленные запросы депутатов и сенаторов, за которыми следовали отставки министров, а иногда и кабинета в целом.

Парламент, несмотря на ограниченность своих прав, злоупотребления и слабость некоторых его членов, все же способствовал демократизации общества и укреплению значения страны как фактора прогресса и стабильности в Юго-Восточной Европе.

Политический популизм. Хотя конституционный режим основывался на принципе представительности, реальное участие в политической жизни основной части граждан с правом голоса было значительно ограничено. При населении численностью свыше 6 млн человек в выборах в 1901 г. участвовали лишь 74 332 человека. Правом прямого участия в выборах в палату депутатов пользовались 93 250 человек (1,3% всего населения страны), а на выборах в сенат — 27 260 (0,34%). Выборы были всего лишь видимостью проявления воли народа. Формально выражая интересы всего общества, политические партии на самом деле, помимо ответственности, получали все преимущества, будучи выразителями государственных интересов.

Другой формой проявления популизма было нарушение принципов действия конституционного режима. Превышение исполнительной властью своих полномочий выразилось в том, что в ходе выборов находящаяся у власти партия всегда обеспечивала себе большинство в парламенте. Данное обстоятельство объяснялось и низким политическим уровнем основной массы выборщиков. Популизм был характерен как для либералов, так и для консерваторов. Как отмечал К. Бакалбаша, «что касается свободы выборов, то режим консерваторов ничем не отличался от режима либералов; выборы проводились по одинаковой схеме»²⁶.

Экономическое развитие в процессе обновления. Общие положения

Неотъемлемыми частями процесса модернизации в Румынии этих десятилетий стали индустриализация, рационализация, а также секуляризация и бюрократизм. С учетом этих составляющих элементов немецкий историк Л. Майер выделил следующие этапы процесса модернизации в Румынии: 1829 — 1853 гг., 1856 — 1875 гг., 1878 — 1907 гг., 1918 — 1938 гг.²⁷ При этом он основывался на ряде важных внутренних и внешних для Румынии событий, а именно: Адрианопольский мир, Крымская война, война за независимость, восстание 1907 г., Первая мировая война.

Важным остается вопрос о том, каким образом румынская политическая элита восприняла новые идеи и сумела стать во главе процесса модернизации и интеграции Румынии в европейское

сообщество того времени. Образование современного румынского государства и завоевание независимости страны выдвинули перед политической элитой задачу изучения общих условий сближения Румынии с европейскими государствами. В ходе проведения реформ румынское общество стало перед необходимостью приобщения к требованиям и темпам развития передовой Европы. Основная часть представителей румынской политической элиты (свыше 75%) обучались в Западной Европе, будучи таким образом в непосредственном контакте с «европейской цивилизацией». «Ответственные» за модернизацию Румынии еще в годы учебы убедились в том, что единственный путь для обеспечения будущего своей страны — это ее развитие «вместе» с Европой. В связи с этим существенным оставался вопрос о том, определились ли находившиеся у власти партии либералов и консерваторов со своей стратегией модернизации страны.

Анализ происходивших на политической арене событий показывает, что обе партии власти были согласны с необходимостью модернизации, однако расходились в вопросе о ее путях и темпах. Переход власти от одной партии к другой, их конкуренция стала выражением такого политического механизма, который сформировался в результате целого ряда социально-экономических и политических факторов, а не являлся результатом противоположных точек зрения на направления, пути и темпы модернизации.

Уже в начальный, а также в последующие периоды высказывались различные оценки относительно «сути», «смысла» модернизации. Существовала и существует до сих пор «критическая» интерпретация процесса модернизации Румынии в конце XIX — начале XX в. Либеральный лозунг «собственными силами» стал программным для выходящей на арену буржуазии, которая ясно осознавала, что ее политическое влияние зависит от укрепления экономики в целом и этого можно было достигнуть только собственными усилиями.

Основным источником идей консервативной партии в процессе становления стало крыло жунимистов. В организационном плане отношения между традиционной частью консерваторов и группировкой жунимистов развивались весьма неоднозначно, сопровождаясь то сближениями, то размежеваниями. Однако базовые принципы оставались общими. Жунимистам принадлежала важ-

ная роль при разработке критериев оценки социально-экономических и политических процессов в зависимости от уровня развития страны. Будучи сторонниками эволюционного пути, консерваторы выступали за постепенное преобразование социально-экономических и политических структур, отвергая социальные потрясения.

В ходе этого противоборства между партиями власти соотношение сил постепенно менялось в пользу либералов, что было следствием укрепления экономических и политических позиций буржуазии. Данные изменения коснулись и обстановки внутри либеральной партии, где заявили о себе молодые силы во главе с Ионом Брэтиану-сыном, поддерживавшие реформаторский курс в стране. Объявление осенью 1914 г. о проведении новых реформ и созыве Учредительного собрания означало победу либералов.

Данное решение стало предметом оживленных дискуссий. Первыми выступили жунимисты и вся Консервативная партия, которые обвиняли либералов в том, что выбрали ошибочный революционный путь проведения реформ, не соответствующий сложившимся реалиям. Согласно мнению консерваторов, либералы навязывали ускоренный процесс модернизации и, подражая Западу, заимствовали «формы» западной цивилизации, внедряя их в неподготовленную «почву», способствуя тем самым созданию общества гибридного характера. Нормальное развитие страны могло быть обеспечено только консерваторами.

Среди «критиков» модернизации Румынии в межвоенный период следует отметить Ш. Зелетина и Е. Ловинеску. В своей работе «Румынская буржуазия. Ее происхождение и историческая роль» (Бухарест, 1925), а также в некоторой степени в исследовании «Неолиберализм» (Бухарест, 1927) Ш. Зелетин пытался доказать, что румынская экономика прошла через все этапы экономического развития Запада. По его мнению, единственная разница между процессами в Западной и Восточной Европе — это отставание в один или полтора века. После заключения Адрианопольского мирного договора (1829) экономика румынских княжеств переориентировалась на западную экономику, что обусловило начало ее модернизации. Хотя внешний фактор сыграл в этом существенную роль, автор считает, что важный вклад в это внесла находящаяся на подъеме румынская буржуазия. По мнению Е. Ловинеску, основным фактором процесса модернизации стало влия-

ние западных идей. Таким образом, модернизация трактуется им как революционный процесс, идущий сверху вниз.

Характерные черты процесса модернизации. Весьма сложным и неоднозначным остается вопрос о характерных чертах процесса модернизации. Необходимость сопоставления и сравнения с предыдущими и последующими историческими периодами, а также с аналогичными процессами в других странах представляется очевидной. Для процесса обновления в Румынии характерны следующие черты: достижение независимости и начало глубоких преобразований, значительное усиление роли государства, укрепление связей между промышленностью и сельским хозяйством, высокий темп процесса преобразований и давление извне.

Завоевание независимости и начало модернизации. Эта взаимосвязь нашла отражение уже в программе революции 1848 г. Еще до объединения румынский народ руководствовался идеями национального единства, выдвинутыми революцией 1848 г. Новый этап в истории — достижение независимости и проведение всесторонних преобразований — привел к созданию современного румынского государства, завоеванию государственной независимости и усилению национальной борьбы румын в провинциях, находящихся под иностранным господством. Реформаторская политика господаря А.И. Кузы создала условия для модернизации. Конституция 1866 г. расширила ее базу. Завоевание государственной независимости обеспечило все необходимые условия для консолидации такой политической и административной системы, которая способствовала бы ускорению этого процесса.

Обновление румынского государства происходило под девизом защиты национальных интересов, приобщения к европейским ценностям и создания предпосылок для завершения процесса государственного объединения. Необходимость достижения темпов развития, характерных для передовых европейских стран, была очевидной, однако все это осложнялось отсутствием финансовых и материальных ресурсов, квалифицированной рабочей силы, а также многочисленными препятствиями внешнеполитического характера. После объединения княжеств в 1859 г. и завоевания государственной независимости в 1878 г. европейские державы, как и прежде, проводили в отношении Румынии полити-

ку, нацеленную на удовлетворение собственных интересов и укрепление своего влияния.

Румынские политические круги добивались ограничения давления и вмешательства извне. В годы, предшествующие Первой мировой войне, процесс модернизации достиг наивысшей точки, а румынские политические силы приложили максимум усилий для осуществления национальных идеалов. Вопросы государственного устройства и независимости не были чужды и румынскому населению, проживающему по другую сторону Карпат.

Роль государства. В странах, ставших на путь модернизации позже, потребовалась государственная поддержка для преодоления проблем периода становления рыночной экономики, оказания поддержки слабым предпринимателям, обеспечения взаимодействия всех экономических факторов. Роль государства в процессе обновления румынского общества проявилась в создании государственной собственности и современных учреждений, а также в регулировании экономической деятельности. Важнейшей мерой по созданию государственной собственности стало принятие в декабре 1863 г. Закона о секуляризации монастырских земель, вследствие которого свыше 25% земельных угодий были возвращены государству. Закон имел не только политическое значение — он способствовал скорейшему проведению аграрной реформы. Процесс формирования современной администрации начался при господаре А.И. Кузе с принятия законов о создании сельских и уездных органов власти, о пенсиях, органах судопроизводства, вооруженных силах, образовании и др. Земельный закон 1864 г. устанавливал юридические рамки имущественных прав, свободы личности и трудовых отношений, что создавало условия для развития рыночных отношений. Вместе с тем положения Земельного закона и Конституции 1866 г. о ликвидации монопольных прав крупных собственников стали решающим фактором для устранения препятствий на пути развития производства и торгового обмена.

В последующий период были предприняты новые шаги для модернизации страны: пущена в оборот национальная монета (1867), введена метрическая система мер (1866) в результате присоединения к Международной метрической конвенции (1881), приняты Закон о производственных и коммерческих марках (1879), Закон о торговле (1886), Закон о патентах и изобретениях (1906) и др. Коренным преобразованиям были подвергнуты центральные

и местные органы власти. Была продолжена реорганизация министерств, начатая в период правления А.И. Куза. Еще до Первой мировой войны были приняты законы, внесшие существенные дополнения в законодательство.

Значительное внимание было уделено православной церкви. Закон о секуляризации монастырских земель и твердая позиция А.И. Куза в отношении Константинопольской патриархии положили начало автокефалии Румынской православной церкви. В новых условиях, которые сложились после завоевания независимости и достижения международного признания, переговоры с Константинопольской патриархией успешно завершились в апреле 1885 г. Подписанный патриархом и десятью митрополитами акт признания автокефалии Румынской православной церкви был отправлен в Бухарест. Наряду с провозглашением королевства в марте 1881 г., это стало еще одним шагом на пути укрепления независимости и международного положения Румынии.

Вопрос о роли государства в экономике стал предметом острых дебатов между либералами и консерваторами в ходе обсуждения путей и темпов модернизации общества. Принятые в этот период законы еще более усилили роль государства в экономической жизни. В связи с этим следует отметить прежде всего Закон о содействии развитию промышленности (1887), участие государства в строительстве железных дорог, вокзалов, портов, а также создание государственных монополий и др.

Укрепление связей между промышленностью и сельским хозяйством стало решающим фактором в развитии рыночной экономики. Индустриализация, будучи основным фактором процесса модернизации, обусловила необходимость накопления капиталов и создания квалифицированной рабочей силы, проведения политики протекционизма и поддержки национальной экономики. Именно этим объясняются дискуссии по вопросу о соотношении промышленность/сельское хозяйство между политическими партиями и в румынском обществе в целом. В условиях, когда процесс модернизации сопровождался острой нехваткой финансовых средств и сильной конкуренцией извне, а основные капиталы вкладывались в наиболее прибыльные отрасли, вмешательство государства оказалось необходимым и своевременным. В результате политики протекционизма и поддержки определенных отраслей было достигнуто и повышение жизненного уровня крестьянства.

Ускорение темпов развития. Высокие темпы модернизации, а также плотность и численность населения позволили Румынии значительно «оторваться» от своих соседей в Юго-Восточной Европе. Так, в 1913 г. по объему внешней торговли Румыния превосходила Сербию, Болгарию и Грецию вместе взятых, а строительство железных дорог было начато на 10 лет раньше. Если в 1862 г. в Румынии функционировало всего 45 промышленных предприятий, то в 1901 г. их число достигло 2 тыс. По сравнению с 1866 г. в 1906 г. объем производства нефтепродуктов возрос на 8400%, а сахара — на 4500%. Если в 1894 г. телефонная сеть в Румынии охватывала лишь 177 абонентов, то в 1913 г. их число составляло 18 тыс. Аналогичная картина складывалась и в отношении бюджета страны. В период 1864 — 1914 гг. доходная часть бюджета выросла с 60,1 млн до 608,5 млн леев, а расходная — с 62,3 млн до 512,2 млн леев.

Все социально-экономические показатели тех лет свидетельствуют о высоком темпе экономического развития Румынии. Румыния 1914 г. коренным образом отличалась от страны, на престол которой Кароль I взошел в 1866 г. В начале своего правления он должен был добираться от Бухареста до Ясс в течение 60 часов, в конце же его правления это расстояние можно было быстро преодолеть напрямую по железной дороге или автотранспортом. В Яссы можно было позвонить и по телефону. Высокие темпы роста позволили сократить отставание Румынии от высокоразвитых западных стран и способствовать тем самым ее интеграции в Европу того времени.

Меры по сокращению давления извне. В истории малых и средних стран, прежде всего тех, что расположены в представляющих интерес для многих регионов, важное значение имеет соотношение внутренних и внешних факторов. В этом смысле Румыния не является исключением. После объединения и завоевания независимости, прилагая максимум усилий для своего возрождения, Румыния постоянно сталкивалась с внешним экономическим и политическим давлением, в том числе с военной угрозой. Австро-Венгрия добивалась решения Дунайского вопроса в свою пользу и получения гарантий для сдерживания роста национально-освободительного движения румын, проживавших на ее территориях.

Учитывая сравнительно невысокий уровень развития румынской экономики, давление извне имело для страны весьма пагуб-

ные последствия. Нередко для удовлетворения экономических интересов использовались политические рычаги, например «дело Штрусберга», «таможенная война» между Румынией и Австро-Венгрией. Экономическое давление обычно усиливалось во время кризисов, когда трудности Румынии достигали максимального уровня. Имея в виду попытки великих держав и ряда западных промышленных компаний в Румынии навязать свою волю, В.И. Брэтиану 30 марта 1913 г. на заседании палаты депутатов заявил: «Мы справедливо указываем им, что они не принесут никакой пользы этой стране, если попытаются навязать нам принципы прошлого турецкого режима. Для пользы своего дела они должны отказаться от колониальной политики и соблюдать в отношении нас принципы европейского права, подобные тем, что существуют в их странах»²⁸.

Население. В период 1859 – 1914 гг. демографическая ситуация характеризуется следующими показателями: 1860 г. — 3 917 541 человек²⁹, 1866 г. — 4 115 000³⁰, 1877 г. — 4 479 813³¹, 1899 г. — 5 956 690³², 1912 г. — 7 160 682 человек³³. Плотность населения — 33 чел./кв. км в 1859 г. — достигла уровня 45,3 чел./кв. км в 1899 г.³⁴ По сравнению с Европой плотность населения в Румынии (50 чел./кв. км в 1906 г.) была меньше, чем в Западной Европе (63 чел./кв. км), но больше, чем в целом на континенте (41 чел./кв. км), и почти в два раза больше, чем в Восточной Европе (27,4 чел./кв. км)³⁵.

Соотношение городского и сельского населения Румынии было следующим: 1859/1860 г. — в городах проживало 17,6%, в сельской местности — 82,4%³⁶. В 1899 г. городское население составляло 18,8%, а сельское — 81,2%³⁷. На протяжении четырех десятилетий городское население возросло почти на 90%, а сельское — на 46%. Естественный прирост наблюдался в основном в сельской местности. Увеличение численности городского населения почти на 500 тыс. человек было обусловлено следующими факторами: естественный прирост — 65 тыс. человек, приезжие из-за границы — 250 тыс., приток сельских жителей — 185 тыс.³⁸

Еще одним важным показателем процесса обновления страны является развитие *грамотности и образования*. Согласно переписи населения 1899 г., только 22% жителей были грамотными. Среди городского населения умели читать и писать 49,4%, в сельской местности — лишь 15,2%³⁹.

Согласно переписи 1899 г., население Румынии по своему вероисповеданию распределялось следующим образом⁴⁰:

Религиозная принадлежность (в процентах)						
Православные	Иудеи	Католики	Протестанты	Мусульмане	Армяне-григорианцы	Русские старообрядцы
91,5	4,5	2,5	0,4	0,7	0,1	0,3

Как видно, подавляющее большинство составляли православные, доля которых в сельской местности достигала 95,9%, а в городах — 72,5%⁴¹.

На втором месте находились представители иудейской религии, которые составляли 45 человек на каждую тысячу жителей страны. По этому показателю Румыния входила в число первых стран Европы⁴²: 46,8 — в Австрии (1900), 44,2 — в Венгрии (1900), 40,6 — в России (1897), 24 — в Голландии (1899), 10,4 — в Германии (1900), 9 — в Болгарии (1900), 3,9 — в Швейцарии и т. д.

В тесной связи с вероисповеданием находился и этнический состав населения страны. Немаловажным является показатель гражданства. В 1899 г. он был следующим: из 100 жителей 92% были гражданами Румынии, 3,2% являлись иностранными подданными и 4,7% не пользовались покровительством румынского государства⁴³.

Согласно переписи 1899 г., структура населения выглядела так⁴⁴:

ГРАЖДАНСТВО	Молдова	Мунтения	Олтения	Добруджа	РУМЫНИЯ
<i>Румыны</i>	1 606 470	2 487 960	1 149 124	245 742	5 489 296
<i>иностранное подданство</i>					
австро-венгерские	24 529	62 302	14 160	3 117	104 108
германские	1 352	4 975	910	399	7 736
болгарские	1 001	4 618	1 240	1 105	7 964
французские	330	1 049	65	120	1 564
греческие	4 808	9 871	1 159	4 219	20 057
итальянские	1 818	4 024	1 396	1 603	8 841
русские	1 694	1 131	37	1 339	4 201

ГРАЖДАНСТВО	Молдова	Мунтения	Олтения	Добруджа	РУМЫНИЯ
сербские	197	1 117	2 616	59	3 989
турецкие	2 632	10 843	3 540	5 974	22 989
других государств	309	1 019	78	220	1 626
Евреи	2 510	2 383	694	272	5 859
<i>евреи под румынским покровительством</i>	193 282	58 142	4 187	877	256 488
<i>другие иностранцы под румынским покровительством</i>	7 190	10 083	2 037	2 762	22 072
Итого	1 848 122	2 659 517	1 181 243	267 808	5 956 690

Следует уточнить, что среди «австро-венгров» числились и представители румынского населения Трансильвании, Буковины, Баната, и другие подданные Габсбургской монархии, которые проживали в Румынии. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении турецких подданных, в числе которых было много румын-македонцев, проживавших в Румынии и сохранивших османское подданство⁴⁵. Как видно из приведенных выше данных, в категорию «иностранцы под румынским покровительством», входили 256 488 евреев и 22 072 подданных других государств, представлявших 47 человек на каждую тысячу населения.

Социальные преобразования. Согласно статистическим данным, крестьянство составляло свыше 80% населения страны. Вследствие аграрной реформы 1864 г. крестьяне стали владельцами земельных участков, и это сыграло важную роль в становлении румынской рыночной экономики. Однако спустя три десятилетия после реформы примерно 300 тыс. крестьянских семей владели участками площадью до 2 га, а 300 тыс. крестьян были безземельными. Они зависели от условий сельскохозяйственных арендных договоров или ростовщиков. С учетом этих обстоятельств уровень жизни приблизительно трети населения страны оставался очень низким. Такова была плата крестьян — наиболее нуждающейся части населения — за процесс обновления страны. Возможностями, которые давала модернизация, смогли воспользоваться лишь зажиточные крестьяне, владевшие участками свыше 10 га, которых следует отнести к «среднему классу». Наибольшей частью крестьянства (в том числе зажиточной, терпев-

шей ощутимые убытки в условиях засухи или увеличения налогов) процесс модернизации воспринимался как улучшение жизни лишь для «городских господ» или для тех, кто «эмигрировал» в город.

После заключения Адрианопольского договора в период модернизации процесс становления «среднего класса» достиг самых высоких темпов. Проведенный в 1901 – 1902 гг. так называемый «промышленный опрос» указывал на наличие в категории «мелкой промышленности» свыше 61 тыс. кустарных и специальных предприятий (мельницы, пилорамы, валяльные машины и др.), что означало такое же число собственников, представлявших «средний класс». Согласно «опросу», в «крупной промышленности» были заняты около 2400 человек, доходы которых также приравнивали их к «среднему классу». К этой категории следует отнести бродячих ремесленников, а также работавших в сфере обслуживания на селе, не охваченных «опросом».

Определенную часть «среднего класса» составляли представители свободных профессий. Данные начала XX в. свидетельствуют о деятельности 1325 адвокатов, оплативших свой «патент», к которым следует добавить учителей, преподавателей и врачей. Число чиновников государственных учреждений составляло около 100 тыс., половина из которых имела жалованье, приравненное к доходам «среднего класса», а остальная часть была близка по зарплате к наемным рабочим. «Средний класс» в сельской местности был представлен крестьянами, владевшими земельными участками в пределах 10 – 50 га, торговцами, священниками, учителями, арендаторами. По своим доходам большинство из них относились к «среднему классу», однако существовала определенная прослойка, экономические возможности которой достигали уровня крупных владельцев. Сравнительно короткий период времени, а также разрыв между потребностями и возможностями сдерживали процесс становления подлинного среднего класса, который своим вкладом и экономической мощью мог бы занять господствующее положение в румынском обществе.

Перед началом Первой мировой войны наемные рабочие в промышленности и на транспорте представляли социальную прослойку (свыше 250 тыс. человек), которая могла бы стать еще одним социальным классом. Если к ним прибавить 120 тыс. мелких ремесленников, а также наемных рабочих в сфере торговли,

общее число рабочих, занятых в промышленности, торговле и на транспорте, составило бы почти 400 тыс. человек. Большинство из них были уроженцами сельской местности, где перенаселение становилось острой социальной проблемой. Многие из числа обедневших ремесленников находили себе «приют» на промышленных предприятиях.

Крупные владельцы составляли две большие группы: землевладельцы и предприниматели в области промышленности, финансов, торговли, страхования и др. В начале XX в. землевладельцы (помещики) представляли очень важную экономическую силу страны. Они владели примерно 60% сельхозугодий. В Румынии существовали более 2 тыс. поместий площадью свыше 500 га и 3,3 тыс. — от 100 до 500 га. В составе парламента в 1911 г. почти 50% депутатов и сенаторов были крупными землевладельцами. Процесс обработки этих земель ничем не отличался от методов, используемых в первой половине XIX в., а поскольку большинство их владельцев сдавали свои угодья в аренду, то они фактически порвали всякую связь с сельской средой. Такое положение усугублялось значительными финансовыми трудностями помещиков. Помещичья прослойка быстро менялась, будучи охваченной процессом «обуржуазивания» общества. Многие из них вкладывали свои средства в промышленные и торговые предприятия, в банки или нефтяную промышленность. Они продолжали числиться в «экономической элите» Румынии и после Первой мировой войны.

Владельцы крупных капиталов в промышленности, финансовой сфере, торговле, страховых компаниях (крупная буржуазия) значительно укрепили свои позиции в результате принятия Закона о поддержке промышленности в 1887 г. и Закона о недрах в 1895 г., а также создания в 1880 г. Национального банка и кредитной системы в обстановке подъема добывающей промышленности, расширяющегося процесса преобразований в стране. Несмотря на господствующее положение иностранного капитала (в нефтяной промышленности, например, ему принадлежало 95% всех акций), в эти годы сформировалась крупная местная буржуазия, представленная Национал-либеральной партией. Она контролировала Национальный банк Румынии и под лозунгом «Собственными силами» защищала интересы местных предпринимателей.

Экономическое развитие

Аграрный вопрос. В отношении аграрного вопроса с самого начала необходим общий подход, включающий все аспекты этой проблемы: социальный, политический, экономический и национальный. В период с 1864 г. до Первой мировой войны для определения аграрной ситуации были использованы такие формулировки, как «полуфеодалная», «полукрепостническая», «крепостническая», «неокрепостническая» и др. Ведущее место в сельском хозяйстве этого периода занимали арендные отношения. В 1913 г. примерно 55% площади поместий свыше 1000 га сдавались в аренду, а по некоторым источникам, этот показатель составлял около 70%. Основная цель арендаторов сводилась к получению наибольшего дохода за самое короткое время, и достигалась она путем жесткой эксплуатации крестьянского труда. Широкий размах в сельской местности приобрело *ростовщичество*, которое также способствовало сохранению низкого уровня жизни крестьянства. Предоставленные государством весьма незначительные ссуды способствовали тому, что крестьяне оказывались беззащитными перед помещиками и арендаторами, кредиты которых выдавались под крайне высокий процент или при условии выполнения большого объема работ. Тяжелое положение в сельской местности усугублялось экономическими кризисами и частыми засухами.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в конце XIX — начале XX в. жизненный уровень в Румынии был одним из самых низких в Европе. Неслучайно в прошлом веке именно там вспыхнуло единственное крестьянское восстание на европейском континенте. Помимо бедности, был высок уровень заболеваемости, который объяснялся отсутствием достаточного количества медицинских работников, больниц и др.

Аграрный вопрос был тесно связан с процессом демократизации политической жизни. Отсутствие земельных наделов сопровождалось и отсутствием политических прав. Согласно статистическим данным того периода, в 1911 г. из более чем 6 млн жителей правом голоса пользовались лишь 74 332 человека. Неслучайно осенью 1913 г. И.И.К. Брэтиану объявил об одновременной разработке проектов аграрного и избирательного законов.

Балканские войны и сложная международная обстановка вынуждали политическое руководство Румынии заботиться об ук-

реплении положения внутри страны. Этого можно было достигнуть прежде всего путем решения аграрного вопроса, что позволило бы вести более активную внешнюю политику. Для завершения процесса национального и политического объединения румынского народа — основной внешнеполитической задачей страны — необходимо было срочно решить аграрный вопрос.

Решение данного вопроса путем проведения радикальной аграрной реформы наряду с введением всеобщего избирательного права стало возможным в новом историческом контексте, который сложился после окончания Первой мировой войны.

Индустриализация. Неотъемлемой частью модернизации в Румынии, как и во всех странах, стала индустриализация. Дискуссии по поводу соотношения промышленности и сельского хозяйства охватили широкие круги политической элиты, интеллигенции и всей общественности страны. Споры развернулись вокруг двух основных вопросов: о соотношении промышленность/сельское хозяйство, которое должно определить стратегию процесса модернизации, и о характере таможенной политики (свободный обмен или протекционизм). Постепенно сложились два направления — сторонников теории «Румыния — преимущественно аграрная страна» (Н. Суцу, И. Гика, И. Страт) и сторонники теории индустриализации страны (М. Когэлничану, Д.П. Марциан, Б.П. Хашдеу, П.С. Аурелиан, А.Д. Ксенопол, В.И.К. Брэтиану). В пользу обеих теорий приводились доводы экономического и политического характера.

Исход этих споров был определен не только соотношением сил на политической арене Румынии, но и общим развитием международных экономических отношений. В 1876 г. консервативное правительство Румынии заключило торговые соглашения на основе свободного обмена с Австро-Венгрией, Германией, Францией, Россией и др. В результате иностранные промышленные товары, в основном из Австро-Венгрии и Германии, составили жесткую конкуренцию румынским товарам более низкого качества, препятствуя тем самым укреплению промышленности страны. После достижения независимости и истечения срока торгового соглашения с Австро-Венгрией либеральное правительство ввело в 1886 г. протекционистский таможенный тариф, согласно которому вместо 7% общей пошлины на импорт промышленных товаров была установлена ввозная пошлина в пределах 8 – 20%. Эта

мера оказала положительное воздействие на развитие местной промышленности. В 1904 г. либералы для импорта промышленных товаров подняли таможенную пошлину до уровня 10 – 30%.

Протекционистская политика Национал-либеральной партии воплотилась в принятом в 1887 г. Законе о мерах по поощрению национальной промышленности. Рядом преимуществ пользовались крупные предприятия с постоянным капиталом свыше 50 тыс. леев, где имелось 25 рабочих мест и использовались современные механизированные установки, а также те, где 2/3 штата состояло из румынских специалистов. Закон 1887 г. был дополнен принятым в 1912 г. консерваторами Законом о поощрении национальной промышленности, который предоставил льготы предприятиям, использующим в качестве сырья сельскохозяйственные продукты. В их число вошли мельницы, пивоварни, заводы по производству спирта и ремесленные мастерские с четырьмя наемными рабочими, а также некоторые предприятия, которые имели свыше 20 рабочих или двигатели минимальной мощностью в 5 л. с. Значительную роль в развитии нефтяной промышленности сыграл принятый в 1895 г. Закон о недрах, который установил четкие рамки процесса добычи нефти.

Участие иностранного капитала. Изучение вопроса об участии иностранного капитала в экономике Румынии до и после Первой мировой войны порой сталкивается с трудностями методологического характера. Нередко в работах исследователей встречаются противоречивые данные. В 1915 г. доля иностранного капитала в румынской промышленности составляла 80,4% и около 95% в нефтяной отрасли⁴⁶.

Особое значение для развития румынской промышленности стало приобретать участие иностранного капитала в виде предоставления внешних займов. Первый такой 16%-ный заем в объеме 916 тыс. фунтов стерлингов и сроком на 22 года был предоставлен в 1864 г. лондонским банком «Штерн». В период 1866 – 1914 гг. наибольшая часть внешних займов была получена из Германии, которая неслучайно стала основным торговым партнером Румынии.

Привлечение иностранного капитала путем прямых инвестиций или оказания займов стало характерной чертой для всех стран, которые приступали к осуществлению реформ с опозданием на десятилетия или столетия. Румыния в период правления Кароля I предоставляла ряд гарантий для иностранных инвесторов:

политическая и экономическая стабильность (закрепленная германской династией), наличие стратегического сырья (пшеница и нефть), высокий уровень развития страны и тенденция ее интеграции в Европу, ответственный правящий класс, экономическое законодательство европейского характера, обеспечивающее гарантию и поддержку иностранных инвестиций.

Создание условий для развития культуры

Как об этом было сказано выше, около 75% румынской элиты сформировалось на Западе, особенно во Франции. Лидеры, осознающие возможность влияния на дальнейшую судьбу своей страны, поставили своей целью создание социальных и государственных учреждений по образцу развитых стран, что позволило бы сократить существующий разрыв с Западной Европой.

С целью обеспечения новых условий для развития культуры было необходимо заложить основы современного образования. Значительную роль в этой области сыграл господарь А.И. Куза, который в ноябре 1859 г. распорядился о разработке принципов деятельности деканов юридических факультетов и градации ученых званий в университетах. С открытием трех вузов: Консерватории музыки и красноречия, Университета с четырьмя факультетами (юридический, философско-филологический, наук и теологический) и Института искусств — город Яссы становился в октябре 1860 г. «столицей» высшего образования. Через четыре года в Бухаресте были созданы аналогичные учебные заведения: Университет с тремя факультетами (юридическим, философско-филологическим и наук), Консерватория музыки и красноречия, Школа изобразительных искусств.

В период господарства Кузы был принят Закон об общественном образовании (декабрь 1864 г.), на основе которого была создана единая система обучения на всей территории страны и установлены сроки [учебы]: начальное — 4 года, неполное среднее — 7 лет, высшее — 3 года. Начальное образование было обязательным и бесплатным — положение, которое существовало не во многих странах мира. Положения данного закона оставались в силе до конца XIX в., до принятия «Закона Пони» (1896) и «Закона Харета» (1898), авторы которых были министрами образования того времени. Разработанный С. Харетом закон устанавливал

8-летний срок неполного среднего образования, разделенного на два цикла (начальный и продвинутый — высший) с введением современного, классического и реального обучения на продвинутом этапе.

Усилия по организации образования на современной основе нашли отражение в итогах проведенной в 1899 г. переписи: 24 гимназии, 19 мужских лицеев, 11 женских школ неполного среднего образования, 10 мужских и 2 женские средние школы, 5 церковных семинарий, 2 высших ремесленных училищ, 2 военных лицея. В области высшего образования были основаны медицинские факультеты в Бухаресте (1869) и Яссах (1879), Бухарестская национальная школа по строительству мостов и дорог (1881), Бухарестский институт архитектуры (1897).

Перепись населения 1859/60 г. не содержала графу относительно грамотности населения. По самым оптимистическим оценкам, число грамотных составляло около 10%. Согласно переписи 1899 г., данный показатель поднялся до уровня 22%, а в 1912 г. — почти до 40%. В этом отношении Румыния отставала от передовых стран Европы, однако предпринимала значительные усилия по сокращению своего отставания в области как среднего, так и высшего образования.

Развитие образования, в особенности высшего, выдвинуло на повестку дня вопрос о создании публичных библиотек. В период господства А.И. Кузы в 1864 г. было принято Положение о публичных библиотеках, на основании которого библиотека Национального колледжа Св. Саввы стала Центральной библиотекой Бухареста, а библиотека Ясского университета — Центральной библиотекой города Яссы. В 1867 г. была создана библиотека Румынского академического общества, которая в 1898 г. стала публичной научной библиотекой.

Также с целью приобщения к европейским принципам в 1885 г. был принят закон об обязательном предоставлении всеми типографиями трех экземпляров каждого издания в центральные библиотеки Бухареста и Ясс, а также в библиотеку Румынской академии. В этот период были созданы такие учреждения, как Национальный музей древности (1864) и Комиссия общественных памятников (1874).

Особое значение имело образование Румынской академии. В августе 1867 г. Румынское литературное общество стало Румынским академическим обществом во главе с И. Елиаде Рэдулеску.

Законом от 30 марта/10 апреля 1879 г. Румынское академическое общество было объявлено общенациональным учреждением под названием Румынская академия и имело три отделения: литературы, истории и научных исследований. Утвержденный в июне – июле 1879 г. (с последующими изменениями в 1881, 1884, 1887 гг.). Общий устав Румынской академии определил принципы деятельности академической библиотеки, издания научных работ, заслуги каждого члена Академии и т. д. Следуя духу «европейской интеграции», в ряды Румынского академического общества, а затем Румынской академии были приняты такие известные европейские деятели науки и культуры того времени, как Э. Квинет, Ж.А. Убичини, Ж. Юнг, К. Лампрехт, Ж.А. Пуанкаре, Виктор Эммануэль III, Е.А. Леконт де Нуа, Е. Де Мартон, Е. Пико, Ф. Миклошич и др.

Стремление к новому проявилось и в создании различных обществ, ассоциаций, фондов, в деятельности которых принимали активное участие деятели политических, научных и культурных учреждений. Значительную роль сыграли общество «Румынский Атенеум» (Яссы, 1860, реорганизованное в 1865 г. в Бухаресте), «Жунимя» («Молодежь», Яссы, 1860), Общество естественных наук (Бухарест, 1865), Общество физико-математических наук (1868), Географическое общество (1875), Общество медицинских наук (1877), Общество румынских архитекторов (1891), Национальное сельскохозяйственное общество (1897), Общество румынских писателей (1912), Национальное общество морского судоходства (1913), Румынский олимпийский комитет (1914). Особую значимость приобрел Фонд Кароля I, созданный 3/15 мая 1891 г. на основе подаренного королем здания и суммы в 200 тыс. лей. С самого начала библиотека фонда имела около 3,5 тыс. книг. В 1911 г. Кароль I купил земельный участок и начал строительство специального здания для фонда, которое было завершено 9 мая 1914 г. Фонд Кароля I развернул активную деятельность после окончания Первой мировой войны.

Обеспечение новых условий для развития культуры выдвинуло задачу строительства соответствующих для того времени зданий. В мае 1882 г. парламент принял Закон об учреждении и возведении зданий социального назначения. В палате депутатов текст проекта был представлен комитетом под председательством М. Когэлничану. Согласно данному закону, принадлежавшие различным министерствам здания (казармы, госпитали, лицеи, гимназии, соборы, церкви, Дворец юстиции, Дворец парламента,

Центральное государственное издательство и др.) должны были «возводиться постепенно и по мере возможности, однако как можно скорее». Финансовые аспекты закона 1882 г. в области культуры и образования были уточнены и дополнены принятым в апреле 1886 г. Законом о строительстве зданий для начальных школ и культурных учреждений. Первыми в списке числились лицеи-интернаты в Бухаресте и Яссах, лицеи «Матей Басараб» в Бухаресте, «Лауриан» в Ботошане и «Кодряну» в Бырладе, средняя школа «Василе Лупу» и Центральная женская школа в Яссах, семинария в Бухаресте и семинария «Вениамин Костаке» в Яссах, здания Ясского университета, а также музея, библиотеки, Центрального архива и академии в Бухаресте.

В период правления Кароля I в Румынии были возведены многочисленные общественные здания, которые до нынешнего времени составляют гордость румынской архитектуры и градостроительства. В Бухаресте, например, были построены здания Университета, Национального банка, Главпочтамта, Министерства сельского хозяйства, мэрии, Центрального сберегательного банка, Атенеул, Дворец юстиции, дворец Кантакузино, Дворец палаты депутатов парламента, Дом офицеров, Институт архитектуры, библиотека Фонда Кароля I. В Яссах были построены Собор Митрополии, Национальный театр, Университет, Национальный лицей, лицей-интернат, Дворец культуры (завершенный после окончания Первой мировой войны).

После полувекового процесса модернизации Румыния добилась полной интеграции в Европу того времени. Свидетельством тому стали достижения в духовной сфере. Именно в этот период приобрели известность далеко за пределами страны такие деятели, как Г. Антипа, П.С. Аурелиан, В. Бабеш, И. Кантакузино, Х. Коандэ, М. Эминеску, Н. Григореску, С. Харет, Д. Хурмузеску, Н. Йорга, Т. Майореску, А. Миллер, Д. Помпею, П. Пони, Э. Раковицэ, Т. Вуя, А.Д. Ксенопол.

Выводы; традиции и современность в румынском обществе. Для румынской историографии важным остается вопрос о завершении процесса модернизации в Румынии. Утверждается, например, что «обновление, болезненное, но необходимое, постепенно стало реальностью»⁴⁷. Статистические данные и результаты анализов румынских и иностранных специалистов свидетельствуют, что к 1914 г. Румыния добилась значительных преобразований по всем

направлениям. Начатый почти сто лет тому назад процесс приобщения к современной европейской цивилизации достиг высоких темпов развития и охватил все политические и социально-экономические стороны. Румыния постепенно стала европейской страной, связанной через все «каналы» с цивилизованным миром.

Политическая элита несла всю ответственность за разработку стратегии процесса реформирования, за достигнутые результаты и недостатки. И либералы, и консерваторы находились во главе процесса преобразований. Хотя они придерживались разных точек зрения относительно путей и темпов проведения реформ, обе партии взаимно дополняли свои действия по осуществлению правления страной, что и обусловило высокие темпы модернизации. Значительную роль при этом сыграл Кароль I, сумевший обеспечить необходимую политическую стабильность в условиях, когда ширилось движение социального протеста. С экономической точки зрения, Румыния 1914 г. коренным образом отличалась от Румынии и 1866 г., и 1878 г.

В итоге можно отметить, что накануне Первой мировой войны «социально-экономический механизм Румынии в целом и каждая взятая в отдельности отрасль своими тенденциями, направлениями развития подтверждали свой явно капиталистический характер, со всеми механизмами и принципами действия рыночной экономики, ее специфическими социальными структурами, преимуществами и недостатками, проблемами и противоречиями»⁴⁸.

Румыны за пределами Румынии Трансильвания в период 1850–1914 гг.

Неоабсолютистский и либеральный режим (1849–1866). После подавления революции Габсбурги установили в Трансильвании абсолютистский режим правления. Усиление процесса централизации государственных учреждений и онемечивание подчиненных провинций стали основными чертами политики Вены в шестом десятилетии XIX в. Вопреки этому неоабсолютистский режим при поддержке министра внутренних дел Александра фон Бака решился на некоторые послабления подданным народам в области экономики, образования и вероисповедания.

Румынская элита понимала значимость экономических, культурных и религиозных учреждений для развития своего народа

и поэтому приложила максимум усилий в целях их укрепления. Претворение в жизнь императорских постановлений 1853 — 1854 гг. о ликвидации феодальных отношений и наделении крестьян землей оказали благотворное влияние на экономическое развитие в сельских районах. Одновременно в провинции происходил рост числа румынских чиновников центральных и местных органов власти. Наряду с расширением сети церковных сельских школ, открылся Православный теолого-педагогический институт в городе Сибиу, подготовительные курсы в Хацеге, Герле и Нэсэуде, Теологическая семинария в Герле, гимназия в Брашове, первая женская школа в Брашове и др. Значительное влияние на развитие образования оказали румынские типографии в Сибиу и Брашове, а также ряд местных культурных обществ (Объединение румынских женщин Брашова, Просветительское общество в Ораде и др.). Период неоабсолютизма был отмечен также борьбой за автономию румынских церквей, целью которой было создание собственных митрополий. В 1853 г. было получено согласие Вены на образование униатской Греко-католической митрополии Алба-Юлии и Фэгэраша, а осенью 1855 г. А. Стерка-Шулуциу стал митрополитом.

Неудачи Австрии в 1859 г. в войне против Франции и рост национального движения внутри империи заставили венский двор отказаться от абсолютистской системы правления. В силу изданных в октябре 1860 г. и в феврале 1861 г. императорских указов были восстановлены местные автономии провинций империи и было положено начало либерального режима.

Трансильванская румынская элита проявила особую активность, и в начале 1861 г. в городе Сибиу было созвана Национальная конференция под председательством униатского митрополита А. Стерка-Шулуциу и православного епископа А. Шагуны. Данное сотрудничество свидетельствовало о первостепенной важности национальных интересов и преодолении противоречий религиозного характера. Были предприняты также меры организационного характера в целях обеспечения условий для развития румынской культуры. Осенью 1861 г. в городе Сибиу было создано Трансильванское общество румынской литературы и культуры румынского народа (АСТРА), которое до объединения в 1918 г. было важнейшей культурной организацией трансильванских румын.

Созванный летом 1863 г. на основе избирательного закона парламент Трансильвании в городе Сибиу предоставил и румынам

возможность участвовать в выборах. Его состав отражал произошедшие политические преобразования в провинции. Если до 1848 г. местный парламент был представлен только тремя привилегированными нациями, за исключением румын, то в 1863 г. в него вошли 48 депутатов румын, 44 венгра и 33 сакса (трансильванские немцы). Законодательная деятельность Сословного собрания в 1863–1864 гг. стала ярким свидетельством участия представителей румынского населения в политической жизни Трансильвании. После многовекового запрета наступил либеральный период, когда произошло раскрепощение и представители румынской нации добились естественного права на участие в политической жизни провинции. Принятие Собранием Закона о равноправии румынской нации и ее вероисповедания и Закона о введении румынского языка в административных органах обеспечило румынам равные права с остальными жителями Трансильвании. Другим важным достижением стало данное в декабре 1864 г. императором Францем Иосифом I разрешение на создание Православной митрополии в Сибиу во главе с А. Шагуна и вывод румынской православной церкви из-под духовной юрисдикции сербской митрополии в Карловицах.

Румыны в период австро-венгерского дуализма (1867–1914). К середине седьмого десятилетия XIX в. политические процессы в австро-венгерской империи развивались явно не в пользу трансильванских румын. Поражения Австрии в войнах с Италией и Пруссией, а также растущая оппозиция венгерского правительства вынудили монархию начать переговоры с венграми в целях спасения империи.

Состоявшаяся 8 июня 1867 г. в Будапеште коронация Франца Иосифа I в качестве короля Венгрии утвердила новую дуалистскую форму организации империи. Это означало разделение империи Габсбургов на два государства, каждое со своим парламентом и правительством, общими оставались лишь финансы, вооруженные силы и внешняя политика. Как отмечал политический деятель того времени А. Роман, установление дуализма означало *unio duarum nationum contra plures* («объединение двух наций против многих»). Трансильвания полностью потеряла свою автономию и подверглась политической и административной интеграции в составе Венгрии. Вся законодательная деятельность будапештского парламента после 1867 г. была направлена на созда-

ние однородного венгерского национального государства. Процесс ассимиляции в Трансильвании демонстрирует те изменения, которые произошли в структуре населения периода 1880—1910 гг. Из общего числа 4 081 662 жителей, зарегистрированных в 1880 г., румыны представляли 2 231 165 человек (54,9%), венгры — 1 024 742 человека (25,2%), немцы — 487 145 человек (12%). По прошествии трех десятилетий доля румынского населения снизилась до 53,7%, немецкого — до 10,7%, а венгерского — выросло до 31,6%.

Устанавливая для Трансильвании избирательный ценз выше, чем в других регионах Венгрии, закон 1874 г. ставил румын в невыгодное положение. Даже иностранцы (Р. Сетон-Уотсон) отмечали, что формирование избирательных округов и проведение самих выборов проводились в ущерб интересам трансильванских румын и саксов. С помощью ряда законов об образовании венгерские власти не только ввели, но и увеличили количество часов, предусмотренных для изучения венгерского языка в церковных школах других национальностей. Были закрыты сотни школ под предлогом незнания учителями или учениками официального языка Венгрии. Правители воспользовались законом о прессе для ограничения размаха национального движения, часто ссылаясь на «недопустимость проведения агитации против венгерской нации». Только в период 1886—1908 гг. против представителей румынских газет в Трансильвании было возбуждено 353 судебных дела, закончившихся приговорами в целом к 132 годам тюремного заключения и внушительной по тем временам суммой штрафов в 93 тыс. крон.

Борьба против дуализма. Образование политических партий. Реакция румын на установление дуализма не заставила себя долго ждать, и проявилась она (как и в период революции 1848 г.) в форме представительных национальных собраний. Тысячи румын отметили 3/15 мая 1868 г. в городе Блаже 20-летие Великого национального собрания, которое состоялось 3/15—5/17 мая 1848 г., и приняли соответствующий политический документ, в котором выдвигалось требование восстановления политической и административной автономии Трансильвании на основании статей, принятых парламентом в Сибиу в 1863—1864 гг., и создания на демократической основе нового местного законодательного органа. Положения этого документа нашли широкий отклик

благодаря его публикации на страницах ведущих румынских, немецких, итальянских, французских и даже венгерских газет.

После установления дуализма в рядах румынской политической элиты проявились две основные тенденции, которые определили всю политическую атмосферу, сохранились в Венгрии до Первой мировой войны. Проводимая И. Рациу и Г. Бариц концепция *пассивности* означала отказ от участия в политической жизни (в выборах) и представляла своеобразную форму протеста против создания основ государства без предварительной консультации с населением, против юридической силы дуализма. С другой стороны, проявилось течение *активности*, представители которого выступали за участие в политической жизни, в парламентской борьбе и во всех мероприятиях на местах в целях поддержки и защиты прав румынского населения. Лидерами этого движения стали митрополит А. Шагуна и ведущие румынские деятели из Баната, Кришаны и Марамуреша — территорий, входивших в состав Венгрии еще с 1860 г.

Образование политических партий стало общеевропейским явлением второй половины XIX в. Стремясь достигнуть организованности и координации национального сопротивления, проживающие в пределах венгерского государства румыны в условиях дуализма были вынуждены ускорить процесс создания политических партий. В начале 1869 г. в Тимишоаре состоялась Национальная конференция румын Баната. На конференции были заложены основы современной политической партии румын Баната и Венгрии. В политической программе партии в первую очередь ставилась задача укрепления солидарности с остальными народами Венгрии и со всеми трансильванскими румынами. Дуализм оспаривался с демократических и либеральных позиций. Весной 1869 г., по инициативе И. Рациу, И. Мэчелариу и В. Романа, недалеко от Сибиу была созвана Национальная конференция трансильванских румын, на которой была образована Национальная партия румын Трансильвании во главе с И. Мэчелариу. Принятая программа основывалась на принципах революции 1848 г. и предусматривала: автономию Трансильвании, равноправие всех народов, демократизацию политической жизни и государственных учреждений и др. В качестве тактики борьбы было предложено следовать принципам пассивности.

В условиях усиления ассимиляторской политики после 1875 г., когда премьер-министром Венгрии стал К. Тисса, возникла необ-

ходимость укрепления политической организации румын, проживающих в пределах венгерского государства. В начале 1881 г. Г. Бариц съездил в Бухарест для обсуждения с политическим руководством Румынии вопросов борьбы за отстаивание интересов румын, находящихся под господством венгерского государства. После предварительной подготовки, в мае 1881 г. состоялась Национальная конференция румын Трансильвании и Баната, на которой созданные в 1869 г. партии объединились и образовали Румынскую национальную партию Трансильвании, Баната и Венгрии. В ее программе содержалось требование восстановления автономии Трансильвании, использования румынского языка в деятельности государственных и судебных органов, назначения чиновников из рядов румын пропорционально их количеству в составе населения, соблюдения принципов автономии румынских церквей и школ, пересмотра Закона о национальностях 1868 г. для обеспечения гарантии сохранения национальных черт всех проживающих народов на территории многонационального венгерского государства. Председателем партии был избран Н. Попя, а П. Козма стал вице-председателем.

Выдвинутое во время конференции в мае 1881 г. в Сибиу предложение о подготовке текста обращения к европейскому сообществу с протестом по поводу дуалистского режима было претворено в жизнь в 1882 г., когда Г. Бариц опубликовал на румынском, венгерском, немецком и французском языках пространный документ под названием «Мемориал», который получил широкое распространение не только в Венгрии, но и в других европейских странах.

Другим важным событием стало издание И. Славичем в 1884 г. (также в Сибиу) первой ежедневной румынской газеты в Трансильвании под названием «Трибуна». Появление «Трибуны» стало новой точкой отсчета в румынском национальном движении Трансильвании. На ее страницах часто публиковались мнения политических лидеров, которые не шли ни на какие компромиссы с венгерскими властями. Под выдвинутым И. Славичем лозунгом «Солнце для румын всходит в Бухаресте» ставилась задача популяризации общерумынских культурных ценностей и сближение культурного и политического развития трансильванских румын с реальностями Румынии.

Меморандистское движение. После ряда ежегодных конференций был поставлен вопрос о подготовке нового политического

документа. В начале последнего десятилетия XIX в. на фоне охлаждения отношений между Веной и Будапештом лидеры Румынской национальной партии (РНП) посчитали, что настал момент представить императору обращение с протестом. Весной 1892 г. текст «Меморандума» был полностью отредактирован, и политическую ответственность за его подготовку взял на себя Центральный комитет Румынской национальной партии во главе с председателем И. Рациу, вице-председателями и членами руководящего органа Дж. Поп де Бзешть, Е. Броте, В. Лукачиу, Ю. Корояну, С. Албини и др. Несмотря на то что делегация численностью до 300 человек приехала в Вену для вручения документа императору, Франц Иосиф I отказался принять ее и отверг «Меморандум», который был отправлен правительству в Будапеште. Для румынской элиты действия венского двора прояснили многое и традиционная лояльность трансильванских румын по отношению к Габсбургам пошла на убыль. «Меморандум» оказался последним документом, направленным императору. Этим завершилось начатое в конце XVIII в. румынское петиционное движение.

Обоснованность содержащихся в «Меморандуме» обвинений в адрес политики венгерских властей была отмечена и иностранными наблюдателями. Так, немецкий генеральный консул в Будапеште доносил 16 июля 1892 г. в канцелярию рейха: «Венгерское общество остается закрытым перед румынской интеллигенцией, и румынам постоянно напоминают об отношениях как между баринном и холопом, ибо румынам если не официально, то в действительности запрещена всякая государственная карьера и участие в парламенте вследствие установленного высокого избирательного ценза; они не имеют возможности высказать свое мнение или организовать собственное самоуправление»⁴⁹. Меморандум не смог изменить положение румын, проживающих в пределах венгерского государства, однако он сыграл важную роль в укреплении общерумынской солидарности и приобретении симпатии европейской общественности по отношению к делу трансильванских румын. В 1893 г. венгерское правительство возбудило судебное дело против членов Центрального комитета РНП, обвиняя их в «агитации против венгерского государства». Процесс состоялся в Клуже в мае 1894 г., а обвиняемые в качестве защиты воспользовались услугами адвокатов румын, словаков и одного серба. Суд проигнорировал доводы защиты и выступления в их поддержку, осудив на различные сроки заключения

в тюрьме (от 6 месяцев до 5 лет) 15 из 29 обвиняемых, а также предъявил им судебные издержки в виде крупных денежных сумм. Во время процесса румынские политические лидеры повели себя с особым достоинством, а председатель РНП И. Рациу заявил, что «существование народа не обсуждается, оно проявляется само по себе». Процесс меморандистов вызвал широкие выступления солидарности и поддержки обвиняемых. Во многих городах Трансильвании и Румынии состоялись митинги и демонстрации, были отправлены телеграммы с одобрением их действий, опубликованы многочисленные статьи и брошюры. На страницах французской, английской, итальянской, бельгийской прессы появились материалы, в которых было высказано понимание и выражены чувства симпатии в отношении румын Трансильвании. Меморандистское движение способствовало усилению сотрудничества между угнетенными народами, проживавшими в пределах венгерского государства, которое воплотилось в организации Конгресса национальностей в Будапеште в 1895 г.

В конце XIX в. в Трансильвании получило распространение явление, характерное для многих европейских регионов, — эмиграция в Америку. Помимо высокой плотности населения и отсутствия земельных участков, эмиграция из Трансильвании во многом была определена и той дискриминацией, которой подвергались проживающие здесь национальности. Именно этим объясняется высокий уровень эмиграции среди румынского и немецкого населения провинции. В период 1899 — 1914 гг. из Трансильвании выехало свыше 300 тыс. человек, из которых более 50% составляли румыны, 23% — немцы, 22% — венгры, а остальную часть составляли словаки, сербы, евреи и др.

Румынское национальное движение в начале XX в. Новое поколение румынских политических деятелей, которые проявили себя в ходе меморандистского движения, полностью убедились в необходимости обратиться к народу, к крестьянским массам для поддержки национальной программы. Все отчетливее проявилась и ориентация на Румынию для нахождения путей объединения всех румын. Новые лидеры убедились в том, что необходимо было усилить активность и борьбу парламентскими методами.

В начале 1905 г. в городе Сибиу состоялась Национальная конференция румын, на которой была принята новая программа РНП и было положено начало официальной линии активной политики.

Программа 1905 г. отличалась от программы 1881 г. тем, что она содержала новые социально-экономические задачи и более реалистическую оценку существующих политических условий. В нее были включены такие цели, как обеспечение гарантии сохранения политической самостоятельности румынской нации, использование румынского языка в административных и судебных органах, а также в армии, соблюдение демократических прав и свобод, оказание поддержки крестьянству, разработка социального и экономического законодательства в пользу рабочих и др. Использование после Национальной конференции в городе Сибиу активной тактики означало усиление деятельности не только политической элиты, но и всех национальных объединений.

В результате участия после 1905 г. в предвыборных кампаниях несколько представителей РНП были избраны в парламент Венгрии и совместно с сербскими и словацкими депутатами образовали клуб национальностей, выступая против законодательных проектов, которые ограничивали возможности народов, находящихся под господством венгерского правительства.

В 1910 г. и в 1913–1914 гг. проводились переговоры между представителями РНП и будапештского правительства, которые завершились безрезультатно из-за позиций, занятых обеими сторонами: венгерское правительство настаивало на сохранении принципа неделимости национального венгерского государства, а РНП предлагала ввести форму национального самоопределения, которая со временем могла привести к отделению Трансильвании от Венгрии.

Буковина

После 1849 г. в Буковине господствовал авторитарный, неоабсолютистский режим. Как следствие революции 1848 г. и многочисленных протестов и петиций со стороны буковинских румын, австрийская Конституция от 4 марта 1849 г. предоставила этой провинции определенную автономию. Однако лишь в 1862 г. румынская элита смогла добиться полного политического и административного отделения Буковины от Галиции и установления автономии провинции, а также образования местного парламента. Буковина получила статус графства и до 1918 г. оставалась в прямом подчинении венского правительства, а император лично

назначал своего губернатора. После революции 1848 г. в Буковине наметился значительный рост населения. Если в 1848 г. здесь проживали 377 581 человек, то в 1869 г. численность населения достигла 511 354 человека, а по последней перед Первой мировой войной переписи населения 1910 г. было зарегистрировано 794 929 жителей. Вследствие проводимой властями политики колонизации и поддержки иммиграционных процессов удельный вес румын в составе всего населения провинции постоянно падал с 55,4% в 1848 г. до 40,5% в 1869 г. и достиг отметки 34,4% в 1910 г. В Буковине проживали и другие национальности: украинцы (составляли около одной трети всего населения в начале XX в.), немцы, евреи, поляки, словаки и др. Венский двор преследовал цель создать в Буковине этническую и религиозную мозаику, добиться создания здесь нового типа подданного — *Homo bucovinensis*, без родины и без национальности, верного императору и его политике.

По сравнению с прошлыми десятилетиями румынское национальное движение приобрело более широкий размах. Появился ряд газет и журналов на румынском языке («Буковина», «Газета Буковины», «Пробуждение Буковины», «Политический журнал» и др.). При поддержке православной церкви в период 1848—1862 гг. были открыты 81 сельская школа, подготовительные курсы в Черновцах и лицей с преподаванием румынского языка в городе Сучаве. По образцу трансильванской АСТРА в 1862 г. было создано Общество румынской культуры и литературы в Буковине, которое издавало собственную газету, выделяло стипендии для румынских учеников и студентов, поддерживало публикацию научных литературных и исторических статей. Усилиями Г. Хурмузаки в 1875 г. в Черновицком университете была создана кафедра румынского языка и литературы. Особую активность в национально-культурном плане проявило студенческое общество «Арбороаса», за что и было впоследствии запрещено австрийскими властями. Широкую деятельность развернуло и Общество румынских автономистов, созданное в 1872 г. представителями румынских знатных семей Хурмузаки, Сбиера, Морариу. В это же направление вписалась и деятельность политического общества «Конкордия» (Согласие), созданного в городе Черновицы. Ее члены являлись наиболее радикально настроенными представителями молодой интеллигенции в вопросе о политических, религиозных и культурных правах буковинских румын. В 1882 г. была

образована Румынская национальная партия Буковины во главе с Я. Зоттой, однако ее деятельность во многом затруднялась трениями между старыми и молодыми политическими деятелями, имеющими разные взгляды относительно вопросов политической жизни.

Важным событием для буковинских румын стали культурные мероприятия, организованные в 1871 г. в монастыре Путна (место погребения Стефана Великого) по случаю 400-летия его строительства. В них участвовали известные политические и культурные деятели со всех территорий, населенных румынами: М. Эминеску, И. Славич, А.Д. Ксенопол, М. Когэлничану, Я. Мурешану, Гр. Точилеску и др. В период деятельности митрополита С. Морариу-Андреевич (1880 – 1895) были достигнуты значительные успехи не только в церковной политике, но также в области культуры и образования — открытие в 1883 г. первой румынской типографии, написание фундаментального труда по истории Буковинской православной церкви 1775–1893 гг., строительство православного кафедрального собора, Дворца митрополии и др. Важным событием стало участие около 2 тыс. буковинцев в юбилейной выставке, которая состоялась в 1906 г. в Бухаресте.

Бессарабия

В результате переписи населения 1852 г. в Бессарабии были зарегистрированы 990 274 жителя, из которых около двух третей были румынами. Точно так же, как и австрийские власти в Буковине, царские власти и крупные землевладельцы прибегли к колонизации для укрепления своего политического и экономического господства на территории, расположенной между Днестром и Прутом. В результате иммиграции русских, украинцев, немцев, евреев, болгар, гагаузов и др., удельный вес румын постепенно сокращался. В 1900 г. население Бессарабии достигло уровня 2 041 000 жителей, из которых румыны (или молдаване, как они назывались в русских статистических материалах) составляли около 56%, а в 1912 — почти 48%. Естественно, что необходима критическая оценка этих данных, ибо сведения о национальном составе провинции проходили соответствующую «обработку». Весьма примечательны в этом отношении выводы высокопоставленного русского чиновника, который в 1890 г. отмечал, что «не-

обходимо ускорить процесс превращения молдавских крестьян в русских» для устранения возможности проявления прорумынских выступлений в регионе.

Начатый в конце третьего десятилетия XIX в. процесс русификации в Бессарабии усилился во второй половине века. В плане оказания сопротивления этой политике в Кишиневе в 1845–1848 гг. был предпринят ряд попыток прорумынски настроенных деятелей издать газету «Ромынул» («Румын»). Типография Кишиневской епархии в 1853 г. возобновила публикацию церковных книг и брошюр на румынском языке, но в 1883 г. прекратила эту деятельность. После 1860 г. преподавание румынского языка в Кишиневском лицее, а также греческого уже велось на альтернативной основе.

Согласно Парижскому мирному договору 1856 г., Молдавскому княжеству были переданы три южных уезда Бессарабии с населением около 117 тыс. человек. Проведенные А.И. Кузой реформы в Румынии получили распространение и на юге Бессарабии, способствуя развитию этого региона. Значительные успехи имели место в области культуры. В 1864 г. была создана Измаильская православная епископия во главе с М. Штефэнеску. Результатом его усилий стало открытие в городе Измаиле гимназии, теологической семинарии и свыше 100 сельских школ.

Положение территории между Прутом и Днестром значительно изменилось после того, как в 1871 г. Бессарабия была превращена из «области» в обычную российскую «губернию». Этим были нарушены местные традиции и обычаи, а также немногие оставшиеся права местного населения. Румынский язык был полностью исключен из административных органов и даже из богослужения. Назначенный царским правительством епископ П. Лебедев возглавил кампанию по русификации церкви и сферы образования. Священники, не знавшие русского языка, лишались приходов, из церквей изымались книги на румынском языке, преподавание в школах велось только по-русски.

В конце XIX в. небольшая группа представителей интеллигенции и студентов создала ряд ассоциаций с целью распространения румынского языка и поддержания национального самосознания. В ходе этого движения особенно заявили о себе И. Пеливан, внесший важный вклад в сохранение идентичности румын Бессарабии, а также представители бессарабской знати, объединившиеся вокруг П.В. Дическу. Определенные попытки создания политических организации были предприняты во время первой русской

революции 1905 – 1907 гг., когда издавались газеты «Бессарабия» («Бесарабия») и «Молдованул» («Молдованин»), на страницах которых нашли отражение различные точки зрения прорумынских кругов Бессарабии в отношении царских властей. В 1913 г. П. Халиппа при финансовой поддержке В. Строеску издавал в Кишиневе журнал «Кувынт Молдовенеск» («Молдавское Слово»).

Примечания

- ¹ *Brătianu I.C.* Acte și cuvântări. Т. 8. București, 1939. P. 199.
- ² Цит. по: *Hamangiu C.* Codul general al României. Ediția a II-a. Т. 2 (1856 – 1900). București, f.a. P. 78.
- ³ *Ibid.* P. 79.
- ⁴ Цит. по: *Chiriță Gr.* Preludiile și cauzele detronării lui Cuza Vodă. In: *RI*, № 3. 1976. P. 371.
- ⁵ *Ibid.* P. 366.
- ⁶ Цит. по: *Adăniloie N.* Independența națională a României. București, 1986. P. 139.
- ⁷ *Istoria Românilor.* Т. 1. Constituirea României moderne (1821 – 1878). București, 2003. P. 659.
- ⁸ *Iorga N.* Voința obștii românești. București, 1983. P. 15.
- ⁹ 1918 la Români. Desăvirșirea unității național-statale a poporului român. Documente externe. 1879 – 1916. Т. 1. București, 1985. P. 351.
- ¹⁰ *Oprescu P.* Problema națională în politica externă a României din preajma primului război mondial. In: *RI*. № 11. Т. 36. 1983. P. 1095.
- ¹¹ 1918 la Români... P. 286.
- ¹² *Ibid.* P. 322.
- ¹³ Цит. по: *Pavel T.* Mișcarea românilor pentru unitate națională și diplomația Puterilor Centrale Т. 2. Timișoara, 1983. P. 107.
- ¹⁴ *Lahovari N.* Discursuri parlamentare. Т. 2. București, 1915. P. 140 – 141.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 214.
- ¹⁶ *Carp P.P.* Discurs în Adunarea Deputaților. DAD. 1899/1900, 1899, 26 noiembrie. P. 45.
- ¹⁷ См.: 1918 la Români... P. 765 – 767.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 771 – 774.
- ¹⁹ *Duca I.G.* Memorii. Т. 1. București, 1992. P. 282.
- ²⁰ Цит. по: *Giurescu C.C., Giurescu D.C.* Istoria Românilor. Din cele mai vechi timpuri pînă astăzi. București, 1971. P. 598.

- ²¹ См.: *Kirițescu C.* Istoria războiului pentru întregirea României. T. 2. București, 1989. P. 496 – 501.
- ²² 1918 la Români. Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Documente externe. T. 2. 1916 – 1918. București, 1983. P. 1246 – 1247.
- ²³ *Maiorescu T.* Istoria politică a României sub domnia lui Carol I / Ediție, post-față și indice de St. Neagoe. București, 1994. P. 113.
- ²⁴ *Duca I.G.* Amintiri politice. T. 1. München, 1981. P. 94.
- ²⁵ Din viața Regelui Carol I. Mărturii. București, 1939. P. 320.
- ²⁶ *Bacalbașa C.* Bucureștii de altădată. T. 2. București, 1928. P. 183.
- ²⁷ *Maier L.* Studii de modernizare a României. Intre pacea de la Adrianopole și urcarea pe tron a lui Carol al II-lea (1829 – 1930) // România on obiectiv. Limbă și politică. Identitate și ideologie in transformare. München, 1998. P. 16.
- ²⁸ *Vintilă I.C.* Brătianu, Scrieri și cuvântări... București, 1940. P. 177.
- ²⁹ Breviaire Statistique, Institutul Central de Statistică. București, 1940. P. 9.
- ³⁰ *Colescu L.* Progresele economice ale României indeplinite sub Domnia M.S. Regelui Carol I (1866 – 1906). București, 1907. P. 6.
- ³¹ Bréviaire Statistique... P. 9.
- ³² *Colescu L.* Progresele economice... P. 48.
- ³³ Bréviaire Statistique... P. 9.
- ³⁴ *Colescu L.* Analiza rezultatelor recensământului general al Populației României de la 1899. București, 1944. P. 40.
- ³⁵ *Colescu L.* Progresele economice... P. 48.
- ³⁶ *Berindei D.* Societatea românească in vremea lui Carol I (1866 – 1876). București, 1992. P. 74.
- ³⁷ *Colescu L.* Analiza rezultatelor... P. 44 – 45.
- ³⁸ Ibid. P. 38.
- ³⁹ Ibid. P. 109.
- ⁴⁰ Ibid. P. 84.
- ⁴¹ Ibid. P. 85 – 90.
- ⁴² Ibid. P. 88.
- ⁴³ Ibid. P. 95.
- ⁴⁴ Ibid. P. 93.
- ⁴⁵ Ibid. P. 94 – 95.
- ⁴⁶ *Axenciuc V.* Evoluția economică a României. Cercetări statistico-istorice. 1859 – 1947, I, Industria. București, 1992. P. 453.
- ⁴⁷ *Bulei I.* Lumea românească la 1900. București, 1984. P. 48.
- ⁴⁸ *Axenciuc V.* Introducere in istoria economică... P. 214.
- ⁴⁹ Diplomația europeană și mișcarea memorandistă (1892 – 1896), coord. C.M. Lungu. București, 1995. P. 104.

IX. Румыния в 1919–1947 гг.

После присоединения в 1918 г. новых территорий площадь Румынии достигла 295 049 кв. км. Население возросло с 7,9 млн человек в 1915 г. до 14,7 млн в 1919 г. и до 18 057 028 человек согласно переписи 1930 г. С точки зрения численности населения Румыния занимала восьмое место в Европе. Состав населения в 1930 г. был следующим: румыны — 71,9%, венгры — 7,9, немцы — 4,4, украинцы — 3,2, русские — 2,3, евреи — 4, болгары — 2, цыгане — 1,5, татары и турки — 1,5, гагаузы — 0,8, чехи и словаки — 0,35, поляки — 0,3, греки — 0,1, армяне, албанцы и др. — ниже 0,1%. Этнические меньшинства проживали во всех регионах страны, наиболее заметными они были в Трансильвании, Бессарабии и Буковине. В Трансильвании — провинции с наибольшей вероятностью межэтнических конфликтов — согласно переписи 1930 г. румыны составляли 57,8% населения, венгры — 24,4, немцы — 9,8%. После 1918 г. значительная часть румын проживала за пределами румынского государства. Речь шла примерно об одном миллионе человек, расселенных на территории СССР, Югославии, Болгарии, Венгрии, Албании, Чехословакии, США, Канады, Австралии. В этот период зарегистрирован значительный рост демографических показателей. При рождаемости 35 человек на каждую 1000, Румыния занимала первое место в Европе, однако первое место она занимала и по уровню детской смертности. В межвоенный период население Румынии увеличилось на 4,4 млн человек, а в 1939 г. в стране проживало 19 933 803 человека¹.

Интегрирование объединенных провинций. Основные законодательные меры. Идеиная борьба

Одной из наиболее важных проблем, которая стояла перед румынскими властями на протяжении всего межвоенного периода, была необходимость достижения законодательного и административного единообразия и интегрирования объединенных провинций. Стоял вопрос о выборе соответствующего пути для решения данной задачи: сохранение на определенное время существующего законодательства, выбор и применение законодательства одной из провинций для всей страны или выработка новых по своей форме и содержанию законов. Поначалу на объединенных территориях продолжали действовать учреждения с провинциальными полномочиями: Великий национальный совет в Трансильвании, Национальный совет в Буковине и Сфатул Цэрий в Бессарабии². Действовали также Управляющий совет в Трансильвании, Совет государственных секретарей в Буковине и Совет директоров в Бессарабии. Декретами от 9 апреля, 11(24) декабря и 18(31) декабря 1918 г. были сохранены действующие законы на территории Бессарабии и Буковины. Аналогичное положение получило распространение и в Трансильвании с принятием 24 января 1919 г. декрета № 1 Управляющего совета. В Бессарабии сохранились российские законы, в Буковине — австрийские, а в Трансильвании — венгерское право и австрийский гражданский кодекс. Вопросы внешней и финансовой политики, а также касающиеся армии, путей сообщения и таможни были переданы в ведение правительства в Бухаресте.

В период с декабря 1918 г. по апрель 1920 г. процесс законодательного и административного объединения развивался по двум направлениям. С одной стороны, распоряжения правительства обязательные для Старого королевства, постепенно начинали действовать и на присоединившихся территориях. С другой стороны, провинциальные органы власти принимали собственные меры. Прежде всего имелось в виду полное или частичное упразднение некоторых местных законов, которые противоречили новым условиям после 1918 г. Положение всех трех провинций не было одинаковым. Например, торговый, уголовный и процессуальный румынские кодексы были введены в Бессарабии еще в конце 1918 г. Согласно решениям Великого национального со-

брана в Алба-Юлии, принятым 1 декабря 1918 г., в Трансильвании до 10 апреля 1920 г. действовал Управляющий совет. Изданные им декреты дополняли действовавшие законы предыдущего периода. Временные провинциальные органы прекратили свою деятельность в апреле 1920 г., когда была образована Центральная комиссия по проблеме объединения при кабинете Председателя Совета Министров.

Положения законов, принятых в Бухаресте после 1918 г., действовали с учетом местных условий на всей территории Великой Румынии. Например, изданный 29 ноября 1918 г. закон о выборах, обязательный для Старого королевства и Бессарабии, который был введен в Буковине и Трансильвании лишь в августе 1919 г., основывался на тех же принципах: всеобщее, равное, прямое, обязательное и тайное избирательное право для каждого мужчины, достигшего 21 года. Сохранились некоторые различия лишь в отношении выборного процесса и регистрации результатов. Аграрная реформа, которой был посвящен целый ряд декретов и специальных законов, принятых в Бессарабии (март 1920 г.), Старом королевстве (17 июля 1921 г.), Трансильвании (20 июля 1921 г.), имела всеобщий характер. Всеобщим стал и григорианский календарь, получивший в апреле 1919 г. распространение на всей территории страны благодаря его введению в Старом королевстве и в Бессарабии.

В ноябре 1919 г. состоялись первые в истории Великой Румынии выборы на основе всеобщего избирательного права. Поскольку ни одной из политических партий не удалось получить абсолютного большинства голосов, образовался парламентский блок, в который вошли представители Румынской национальной партии Трансильвании, Крестьянской партии Старого королевства, Крестьянской партии Бессарабии, Национал-демократической партии, Демократической партии объединения Буковины и независимой группировки Николая Лупу. Парламентский блок сформировал правительство под председательством Александра Вайда-Воеводы, лидера трансильванских румын, назначенного 1 декабря 1919 г. Двадцать девятого декабря 1919 г. на торжественном заседании первого парламента Великой Румынии под председательством Николае Йорги был принят закон о ратификации объединения Бессарабии, Буковины и Трансильвании с Румынским королевством.

После 1918 г. внутри традиционных румынских политических партий произошел целый ряд структурных, организационных

и программных изменений, которые были вызваны необходимостью приспособления к новым историческим условиям. Бывшие провинциальные партии (прежде всего Румынская национальная партия Трансильвании) особое внимание уделяли расширению своей социальной и региональной базы, тем более что подобная тенденция наблюдалась внутри партий Старого королевства. Партии воссоединенных провинций стремились вместе с тем сохранить хотя бы на время свое влияние среди своих бывших избирателей. Свидетельством тому стали результаты парламентских выборов 1919 – 1922 гг.³

Реформы, объявленные в годы Первой мировой войны и продолженные в первые послевоенные годы, привели к изменению предыдущих социально-политических структур и положили начало новой Румынии с точки зрения вновь образованных институтов. Либеральная программа, которая обсуждалась еще в 1913 г. и начала осуществляться с 1917 г., когда король Фердинанд подписал декреты об аграрной реформе и введении всеобщего избирательного права вместо цензовой выборной системы привела к ликвидации экономического господства крупных помещиков и их политической монополии, изменив тем самым соотношение внутренних сил на политической арене⁴.

Интерес к вопросу о достижении законодательного единообразия и осуществлении интеграции проявился не только среди политических деятелей страны. Юристы, руководители различных учреждений, ученые и деятели культуры выступали на различных собраниях, а также на страницах прессы, принимая участие в дискуссиях на тему определения наиболее оптимальных путей для достижения этой цели⁵. В связи с этим возобновились и стали более активными дискуссии, целью которых был поиск путей и средств, обеспечивавших дальнейшее развитие страны. В первом десятилетии межвоенного периода интеллектуальная и политическая элиты страны вступили в полемику относительно направлений развития страны. На первый план выдвинулось несколько группировок, среди которых наиболее заметными были сторонники европейской ориентации (неолиберализм), традиционалисты (национализм), цэрэнисты (сторонники крестьянства) и даже марксисты. Единогласным было мнение о том, что в Румынии все более заметно проявлялось сходство с Западной Европой, однако единства по поводу пути дальнейшего развития и обновления страны достигнуто не было.

Сторонники европейской ориентации рассматривали Румынию как часть Европы и настаивали на том, что страна, не имея другого выбора, должна идти по пути социального и экономического развития, следуя примеру промышленно развитых стран Запада. Самыми известными представителями этого течения были Еуджен Ловинеску (литературный критик) и Штефан Зелетин (экономист и социолог). К ним также примкнули некоторые представители интеллигенции, группировавшиеся вокруг журнала «Вяца Ромыняскэ», среди них были Гарабет Ибрэилян, Михаил Раля, а также будущий министр иностранных дел Михаил Манойлеску. Все они считали, что ведущая роль в развитии Румынии должна принадлежать местной буржуазии. Они выдвинули теорию протекционизма, которая была сформулирована в лозунге «собственными силами». Особое внимание они уделяли вопросам использования собственных ресурсов и роли государства в экономике.

Их оппонентами выступали традиционалисты. Отвергая западное влияние, они предлагали модель развития, основываясь на местных традициях, на традициях деревенской среды и всего того, что имело восточное происхождение. Самыми известными сторонниками традиционализма были основатели журнала «Гындирия» («Мысль»), за которыми закрепилось название «гындиристы» (мыслители). Внутри этой группы наметилось два основных течения. Правое течение представлял Никифор Крайник. Поставив во главу угла своей концепции деревенский мир, он считал, что вся румынская культура исторически неразрывно связана с религией и проникнута созидательной силой православия. По мнению Крайника, традиция означает не застой, а живую, динамичную, соответствующую национальной специфике силу и поэтому Румыния должна оставаться верной своим традициям, чтобы преодолеть выравнивание и единообразие цивилизации, навязываемое Западом. В отличие от Никифора Крайника известный философ Лучиан Блага предложил более современный подход к вопросу о национальной специфике и путях развития Румынии. Подобно всем «гындиристам», Блага подверг критике современное ему общество со свойственной тому тенденцией к урбанизации. Именно деревенский мир, как он считал, может служить единственным утешением. Блага восхищался немецкой культурой, которая, как он считал, побуждала к опоре на собственные силы, хотя и была лишена того динамичного влияния, каким об-

ладала французская культура. Последней он отводил роль модельера, ибо она добивалась приспособления чужой культуры к собственным нуждам. Другим известным представителем традиционализма был Нае Ионеску. Он поддерживал идею о несовместимости Румынии и Западной Европы, считая, что будущее развитие страны должно основываться на социальных и экономических принципах государственности, а также на православии. Отвергая абстрактность городской жизни и чрезмерную рациональность, свойственную промышленности, он отрицал их приемлемость для румын с их созерцательностью и непривычностью к капиталистической дисциплине. Идеи Нае Ионеску вдохновляли молодое поколение конца 20-х — начала 30-х годов и были заимствованы крайне правыми силами, сформировавшимися в межвоенный период.

Значительное влияние на румынское общество оказало течение цэрэнистов, представителями которых были Вирджил Маджару, Ион Михалаке, Константин Стере, Константин Рэдулеску-Мотру и др. Уделяя внимание деревне и крестьянскому хозяйству, они предлагали ряд социальных и экономических мер по созданию государства, политика которого соответствовала бы интересам крестьянства, составлявшего большинство населения страны. Вмешательство государства в экономику они рассматривали как необходимость, а промышленности отводили роль поддержки сельского хозяйства в целях получения новой прибыли. Они утверждали также, что Румыния не располагает достаточными средствами и предлагали привлечь иностранный капитал⁶.

В межвоенный период в Румынии нашли распространение марксистские идеи. Наиболее важные из них провозглашались социал-демократами и коммунистами. Социал-демократы Лотар Рэдэчяну и Илие Москович пытались приспособить марксистскую теорию к конкретным условиям Румынии. Коммунисты, находившиеся под влиянием III Интернационала, считали, что в Румынии необходима революция для отстранения буржуазии от власти и установления диктатуры пролетариата для создания всеобщего равенства среди граждан, исключаящего эксплуатацию человека. Наиболее известными сторонниками этих идей были Петре Константинеску-Яши, Лукрециу Пэтрэшкану и Александру Доброджану Геря⁷.

Политическая жизнь в период 1918–1937 гг.

Политические партии. Прямым следствием объединения 1918 г. и реформ, осуществлявшихся в годы Первой мировой войны, а также после ее окончания, стало полное искоренение политической системы, при которой в Старом королевстве господствовали две партии — национал-либералы и консерваторы. Вследствие принятия законов о всеобщем избирательном праве и аграрной реформе, партия консерваторов распалась. После 1918 г. лишь однажды, в 1922 г., консервативная группировка под руководством Таке Ионеску сумела прийти к власти, однако на выборах, состоявшихся в конце того же года, она не получила ни одного места в парламенте. Консервативная партия исчезла с политической сцены Румынии.

Национал-либеральная партия (НЛП) и после войны продолжала играть важную роль в политической жизни страны. Либералы находились у власти с 1914 по 1918 г. (с небольшим перерывом в марте — ноябре 1918 г.), когда они, подобно другим либеральным партиям Европы, проиграли ими же организованные выборы на основе всеобщего избирательного права. После короткой передышки, связанной с реорганизацией и расширением своего влияния на присоединенных территориях, либералы вновь вернулись к власти в период 1922 — 1928 гг. (с перерывом в марте — ноябре 1927 г.) и 1933 — 1937 гг.⁸ В 1922 — 1927 гг. либералам удалось добиться самого большого успеха. Основу Национал-либеральной партии составляла финансовая олигархия, объединившаяся вокруг Румынского банка и руководимая семьей Брэтиану. Вынужденные считаться с условиями, сложившимися после 1918 г., либеральные лидеры разработали новую программу, которая предусматривала: необходимость принятия новой конституции, осуществление административного и законодательного единства, достижение экономической стабилизации, ограничение доступа иностранного капитала в экономику страны путем претворения в жизнь принципа «собственными силами», а также установление равноправия между всеми гражданами и др. В целях укрепления собственных организаций в присоединенных провинциях Национал-либеральная партия объединилась с Крестьянской партией Бессарабии и Демократической партией объединения Буковины, а в Трансильвании сумела привлечь на свою сторону ряд представителей румынской

элиты. Председателем партии был избран Ион И.К. Брэтиану, а в состав высшего руководства вошли Винтилэ Брэтиану, И.Г. Дука, Константин И.К. Брэтиану, Георге Брэтиану, Константин Анджелеску, Георге Тэтэреску и др. Основным печатным органом партии стала газета «Вииторул» («Будущее»)⁹.

Кончина Иона И.К. Брэтиану в ноябре 1927 г. вызвала изменения в руководстве этой политической партии. Во главе партии оказался Винтилэ Брэтиану, но уже через год либералы отошли от власти. После смерти Иона И.К. Брэтиану внутри НЛП образовалось несколько фракций. В 1930 г., несмотря на проведенную реорганизацию, в партии продолжали существовать разногласия. Георге Брэтиану создал «НЛП Георге Брэтиану» (программа которой предусматривала нравственное обновление страны, введение строгих принципов экономии, сокращение пошлин и налогов, установление жесткого контроля над имуществом чиновников и др.), а Константин Арджетоаяну, также отошедший от либералов, основал собственную политическую партию «Аграрный союз». В декабре 1930 г. на пост председателя НЛП был избран И.Г. Дука. Его попытки восстановить престиж партии не увенчались успехом, через три года он был убит представителями крайне правых сил. Лидером партии стал Константин (Дину) Брэтиану. Национал-либеральная партия вернулась к власти в 1934 г., однако король Кароль II назначил главой правительства не председателя НЛП, а Георге Тэтэреску, члена партии «младо-либералов».

В начале межвоенного периода Национал-либеральная партия не имела равного себе по силе политического конкурента, благодаря этому обстоятельству на нее не оказывалось внешнего давления, а уровень внутреннего напряжения снизился. К тому же, лидеру либералов Иону И.К. Брэтиану удавалось находить общий язык с королем Фердинандом. Подобное положение изменилось в 1926 г., когда на румынской политической сцене появилась Национал-цэрэнистская партия, образовавшаяся в результате слияния Национальной партии Трансильвании (под руководством Юлиу Маниу) с Крестьянской партией Старого королевства. В качестве председателя партии был избран Юлиу Маниу. Другими видными деятелями партии были Александру Вайда-Воевод, Ион Михалаке, Николае Лупу и др. Хотя по сравнению с либералами Национал-цэрэнистская партия пользовалась более широкой поддержкой со стороны электората, все же у власти она находилась довольно непродолжительное время в 1928 – 1931 гг. и в 1932 – 1933 гг.¹⁰

Руководители национал-цэрэнистов, обладавшие чувством патриотизма, но лишенные политической ловкости и гибкости, которыми обладали либералы, допустили ряд тактических ошибок, среди которых оказался их предвыборный союз с крайне правыми силами в 1937 г. Этому сопутствовал и их неудачный приход к власти именно в период мирового экономического кризиса. Программа партии содержала весьма важные положения, такие как обеспечение прав и свобод граждан, проведение административной реформы в целях децентрализации и укрепления местного самоуправления, выведение правосудия из-под влияния политических сил и др. Новая партия уделяла особое внимание сельскому хозяйству, исходя из соображений о том, что Румыния должна остаться аграрной страной. Основным ее печатным органом стала газета «Дрептатя» («Справедливость»). Лишившись власти, Национал-цэрэнистская партия оставалась одной из главных оппозиционных сил по отношению к диктаторским режимам, выступая за сохранение демократической системы, основанной на положениях Конституции 1923 г. В то же время партия не была лишена внутренних противоречий и соперничества, а многие ее деятели либо перешли в другие партии, либо создали собственные политические группировки. Например, Н. Лупу сформировал новую Крестьянскую партию, пытаясь при этом восстановить бывшую партию под тем же названием, а Э. Филипеску перешел в ряды Народной партии¹¹.

Помимо Национал-либеральной и Национал-цэрэнистской партий у власти чередовались такие политические силы, как Народная партия (во главе с маршалом Александру Авереску, которая была представлена в правительстве в 1920 – 1921 гг. и в 1926 – 1927 гг.), Националистическо-демократическая партия, возглавляемая известным историком Николаем Йоргой (1931 – 1932), Национал-христианская партия под руководством Октавиана Гоги и А.К. Кузы (1937 – 1938). На политической сцене Румынии проявили себя и такие партии, как Социалистическая партия, Демократическая партия объединения Буковины (руководитель Ион Нистор), Крестьянская партия Бессарабии (руководитель Ион Инкулец), были представлены также партии национальных меньшинств (Венгерская партия, Венгерский союз, Немецкая партия, Народная партия швабов, Еврейская партия, Еврейский союз) и др.

В результате влияния извне в Румынии появились партии крайне левых и крайне правых сил, которые, однако, в межвоен-

ный период так и не смогли получить необходимого количества голосов на выборах для взятия власти. По сравнению с другими европейскими странами влияние левых партий на румынской политической арене было ограниченным. В ноябре 1918 г. Социал-демократическая партия Старого королевства была переименована в Социалистическую партию и окончательно разорвала отношения со II Интернационалом. После состоявшегося 1 декабря 1918 г. голосования за объединение их провинции с Румынией, трансильванские социал-демократы приняли решение о взаимодействии с Социалистической партией Старого королевства с целью достижения единства рабочего движения по всей стране. На состоявшемся в мае 1919 г. съезде Социалистической партии Старого королевства была принята предвыборная программа, к которой примкнули остальные социалистические партии страны и которая предусматривала введение всеобщего избирательного права для лиц, достигших 18-летнего возраста, экспроприацию всей помещичьей земли, национализацию промышленности, проведение реформ в пользу рабочих и др. Съезд принял также решение о включении в состав Исполнительного Комитета четырех представителей Трансильвании, а также по два представителя Буковины и Бессарабии, что по существу означало объединение социалистических партий¹².

В 1921 г. Социалистическая партия разделилась на сторонников III Интернационала (коммунистов) и тех, кто выступал за сохранение социал-демократической линии. В октябре 1922 г. состоялся II съезд Коммунистической партии Румынии, на котором был избран генеральный секретарь (Георге Кристеску), сформирован Центральный Комитет и принят ее устав. Согласно уставу Коммунистическая партия Румынии находилась на положении отдела Коминтерна, безоговорочно приняв в качестве собственных лишь цели и задачи Коминтерна. На всем протяжении межвоенного периода численность КПР была незначительной. Вследствие принятой программы и проводимой антинациональной идеологии, а также после кровавых инцидентов в местечке Татарбунары в 1924 г. вблизи румыно-советской границы компартия была объявлена вне закона¹³.

На крайне правом фланге румынской политической борьбы оказалось легионерское движение, которое было опутано мистицизмом, поощряло ненависть и нетерпимость, антисемитизм и антизападные настроения. В первой половине 20-х годов роль пра-

вых политических партий была абсолютно незначительной. Начало легионерского движения относится к 1922 – 1923 гг., когда Корнелиу Зея Кодряну создал Ассоциацию христианских студентов, а затем профессор Ясского университета А.К. Куза основал Лигу национально-христианской защиты, в которую вошло и общество Кодряну. Данная организация выступала против политических партий, высказывалась за ограничение роли парламента и за усиление роли монархии в политической жизни страны. Лига национально-христианской защиты создала собственные военизированные отряды, под названием «лэнчиеры» (уланы), которые часто прибегали к насилию, в основном против евреев. Однако внутри Лиги возник конфликт между ее лидером А.К. Кузой и его ближайшим сотрудником Зея Кодряну. Первый придавал Лиге значение широкого надпартийного национального движения и поддерживал идею проведения воспитательных мер в целях изменения менталитета масс. В то время как Кодряну стремился сделать из нее хорошо организованную партию, которая должна была развернуть усиленную антисемитскую кампанию и использовать любые средства (включая убийства) для достижения своей цели. Он добивался распространения своих идей через прессу и на открытых собраниях.

В 1927 г. Корнелиу Зея Кодряну основал Легион Михаила Архангела, который после 1930 г. получил название «Железная гвардия» и имел много общего с экстремистскими партиями нацистской Германии и фашистской Италии (прославление вождя, форма приветствия, форма одежды, антисемитизм), а своих членов и сочувствующих вербовал прежде всего из числа городской молодежи, включая студентов, а также из рядов сельских священников, рабочих, крестьян и лиц, находившихся на обочине общественной жизни. После убийства в 1933 г. либерального премьер-министра И.Г. Дуки «Железная гвардия» была объявлена вне закона, однако в следующем году она была преобразована в политическую партию под названием «Все для Отечества». На выборах в 1937 г. легионерская партия заняла третье место, получив наибольшее число голосов за все время своего существования. После устранения ее лидера по приказу короля в 1938 г. легионерская партия, которую возглавил Хоря Сима, пользовавшийся определенной поддержкой со стороны гитлеровской Германии, вновь вернулась в 1940 г. на румынскую политическую арену¹⁴.

Парламент представлял законодательную власть, а его деятельность осуществлялась на основе Конституции 1923 года. Он состоял из двух палат (сенат и палата депутатов), а пост председателя парламента занимал, как правило, известный политический или культурный деятель страны. Палата депутатов состояла из депутатов (проживавших в Румынии и достигших 25-летнего возраста), которые избирались взрослым населением путем всеобщего, прямого, равного, обязательного и тайного голосования. Часть сената составляли члены по праву, к которым относились наследники трона, достигшие 18 лет, митрополит страны, епархиальные епископы двух румынских вероисповеданий, главы признанных государством церквей, президент Румынской академии, бывшие председатели Совета Министров, общий стаж которых на этом посту составлял четыре года, бывшие министры с общим стажем в шесть лет, бывшие председатели парламентских палат, бывшие председатели местных парламентов Трансильвании, Буковины и Бессарабии. Члены парламента могли обратиться с запросами в правительство, а министры были ответственны за свои действия перед законодательным органом. Большинство в парламенте принадлежало представителям Национал-либеральной и Национал-цэрэнистской партий, а в ходе заседаний были приняты важные документы для румынского общества: ратификация мирных договоров, утверждение объединительных актов Трансильвании, Буковины и Бессарабии с Румынским королевством, административный закон, аграрная реформа, закон о выборах, бюджет и др. Самым важным законодательным актом стало принятие в марте 1923 г. новой Конституции. В ней Румыния провозглашалась национально единым и неделимым государством, населению которой гарантировались наиболее передовые гражданские права и свободы, что позволило считать ее одной из самых демократичных конституций своего времени. Конституция гарантировала гражданам личную свободу, неприкосновенность жилья, свободу совести, свободу слова и печати. В ней содержались положения, гарантировавшие право собственности. Согласно основному закону страны власть принадлежала народу, который осуществлял ее через своих избранных на основе записанных в конституции принципов, в том числе принципа разделения властей¹⁵.

Правительство. Согласно Конституции 1923 г. исполнительная власть осуществлялась от имени короля. В период с 1918 по

1940 г. в Румынии сменилось 38 кабинетов. Были приняты меры для достижения законодательного единства и интеграции присоединенных провинций, была организована система денежного обращения с введением в 1920 г. единой монеты, проведена аграрная реформа, был принят закон о территориальном единстве, были подготовлены законы об экономическом и культурном развитии страны.

Одной из важнейших задач большинства правительств в первые послевоенные годы было проведение аграрной реформы. Закон об аграрной реформе в Олтении, Валахии, Молдове и Добруджи был принят 17 июля 1921 г., а 30 июля — для Трансильвании, Баната, Кришаны и Марамуреша, а также для Буковины. Эти законы обобщали принятые в 1917—1920 гг. законодательные акты в данной области. По существу, они имели единый характер с учетом некоторых своеобразных особенностей каждой провинции. Общим стало положение о невозможности продавать или закладывать полученную землю до ее полного выкупа. Следует, однако, заметить, что самые большие наделы были выделены в Трансильвании, где политическое сознание крестьянства было наиболее развитым, и либералы стремились заручиться значительной поддержкой¹⁶.

На основе нового фундаментального закона в июле 1925 г. был принят закон о территориальном единстве, а в марте 1926 г. — новый закон о выборах. Согласно закону об административном устройстве Румыния была разделена на уезды (руководимые префектами), а те, в свою очередь, делились на волости (руководимые преторами), которые состояли из городских или сельских коммун и деревень, возглавляемых примарями. Новым законом 1938 г. об административном устройстве было введено дополнительное звено — цинуты, каждый из которых объединял несколько уездов. По всей стране было образовано 10 цинутов, во главе которых король назначал своих заместителей.

Что касается избирательного законодательства, то наряду с принятыми в 1918—1920 гг. положениями в марте 1926 г. был опубликован закон об «избирательном бонусе», согласно которому партия, добившаяся 40% общего числа голосов, получала 50% парламентских мест. Остальная часть мандатов распределялась между всеми партиями, участвовавшими в выборах, с учетом партии, выигравшей «избирательный бонус». Хотя этот закон противоречил положениям Конституции 1923 г., так как благоприятст-

вовал одной лишь политической партии, он был сохранен до 1939 г. К числу важных законодательных актов относились законы о развитии образования (о начальном образовании в 1924 г. и о среднем в 1928 г.), об устройстве судебных органов и др.

После объединения Трансильвании с Румынией почти 8% населения страны составляли греко-католики. Православная и Греко-католическая церковь были признаны «национальными церквами» и пользовались поддержкой правительства. В феврале 1925 г. отдельным законом митрополит Валахии был возведен в сан патриарха Румынской православной церкви. Первым патриархом стал Мирон Кристя. В мае 1928 г. был утвержден закон об общих принципах действия культов, который предусматривал, что наряду с православным существовали и такие вероисповедания, как греко-католическое (униатское), католическое, реформатское, лютеранско-евангелическое, унитариянское, армяно-григорианское, иудейское и мусульманское. Были приняты и другие законы в духе возникших новых реальностей¹⁷.

Правосудие представляло третью власть в государстве. Согласно конституции судебные решения выносились на основании закона и исполнялись от имени короля. Судьи становились бессменными. В 1924 г. был принят закон об устройстве судебных органов. Согласно этому закону представители судейского сословия не могли занимать другие общественные должности, быть избранными в парламент или в коммунальные и уездные советы, не имели права занимать административные должности или быть избранными в ревизионные комиссии коммерческих обществ, но пользовались правом преподавать на юридических факультетах страны или в вузах по месту жительства¹⁸.

Монархия. Согласно конституции и уставу королевской семьи король назначал премьер-министра, назначал и отзывал министров, утверждал законы, имел право заключать соглашения и договоры, чеканить монету, присваивать награды, являлся главнокомандующим вооруженных сил. Любой официальный документ государя подписывался министром, в ведении которого находился рассматриваемый вопрос. Согласно конституции король открывал парламентские сессии, зачитывая свою тронную речь, на которую палата депутатов и сенат формулировали ответы. Король объявлял о закрытии сессии и мог созывать внеочередные

парламентские сессии. Король имел право распускать обе палаты одновременно или одну из них. Декрет о роспуске должен был предусматривать организацию новых выборов в течение двух месяцев и начало работы новых законодательных палат в течение трех месяцев¹⁹.

Король Фердинанд, правивший в 1914 – 1927 гг., сыграл важную роль в образовании и укреплении нового объединенного государства. Пятнадцатого октября 1922 г. в кафедральном соборе Объединения в Алба-Юлии состоялась церемония коронации Фердинанда и королевы Марии в качестве государей объединенной Румынии. В годы его правления претворялась в жизнь программа по завершению объединительного процесса, развития и модернизации общества, что происходило на фоне кризиса династии в 1925 г., когда наследный принц Кароль отказался от этого права и выехал за рубеж вместе со своей возлюбленной Еленой Лупеску. Все попытки Фердинанда убедить Кароля вернуться оказались тщетными, и тогда на совместном заседании 4 января 1926 г. обе палаты парламента, приняв к сведению факт отказа наследного принца от трона, провозгласили Михая, сына Кароля, наследником короля Фердинанда. Каролю запрещалось возвращаться в страну, были предусмотрены также меры в отношении тех, кто мог бы выступить против этого принятого в январе 1926 г. решения. В 1927 г. король Фердинанд скончался, и наследником стал его малолетний внук Михай. Был создан регентский совет, в который вошли принц Николае (брат Кароля), Патриарх Румынии Мирон Крестя и председатель Кассационного суда Георге Буздугана, которого после его кончины заменил Константин Сэрэцяну.

После смерти Фердинанда в стране развернулась усиленная кампания в поддержку возвращения Кароля и возведения его на трон. Во главе этой кампании стояла Национал-цэрэнистская партия, которая в действительности таким образом добивалась отстранения либералов от власти. После длительных переговоров с национал-цэрэнистскими лидерами Кароль вернулся в страну 6 июня 1930 г., и через два дня парламент провозгласил его королем Румынии под именем Кароль II. При нем находилась «королевская камарилья», состоявшая из значительного числа приближенных к нему лиц²⁰.

Вопрос о роли Кароля II в истории Румынии был и остается предметом постоянных дискуссий. Для многих Кароль II, который рассматривается как предшественник фашизма и предатель

демократии, был тем не менее человеком своего времени, который, хотя и не сумел полностью решить всех проблем периода 30-х годов, по крайней мере, стремился к их преодолению. В его деятельности проявилось отсутствие уважения и доверия к принципам демократии межвоенного периода. Его политическое кредо — авторитарная система правления, при которой государь становился решающим политическим фактором и инициатором всех политических действий. Свидетельством тому стало его отношение к Юлиу Маниу, который обеспечил его возвращение из изгнания и которому Кароль ответил неблагодарностью. Маниу поддерживал идею существования демократии под контролем конституционной монархии, Кароль, со своей стороны, считал, что премьер-министр должен быть лишь исполнителем воли короля. Разрыв между королем и Юлиу Маниу расценивается как окончание демократического эксперимента. Отставка Маниу с поста премьер-министра, официальной мотивировкой которой стали внебрачные связи Кароля с Еленой Лупеску, не смогла скрыть действительной причины этого разрыва, а именно отказ короля уступить пальму первенства главе правительства и подчиниться национал-цэрэнистской политике. Одновременно с обвинениями в адрес Елены Лупеску (еврейкой по происхождению) Маниу затронул еврейский вопрос, который в 30-е годы все больше присутствовал в выступлениях политических лидеров и деятелей культуры²¹.

Румынская политическая жизнь в 1930-х годах была отмечена крахом демократических учреждений. Либералы и национал-цэрэнисты утратили свое господство, которым обладали в предыдущее десятилетие. За отставкой Юлиу Маниу с поста премьер-министра последовал период министерской чехарды²². В апреле 1931 г. было образовано правительство национального единства под председательством Николая Йорги. В отличие от предыдущих данный кабинет не был сформирован по партийному принципу, все его члены были назначены королем. Такое правительство во всем отвечало интересам короля, который мог таким образом обойтись без поддержки крупных политических партий. Политика правительств в период 1931 — 1933 гг. не отличалась особой динамичностью, а специально принятые меры для решения социальных и экономических вопросов не привели к каким-либо результатам.

Образование нового национал-цэрэнистского кабинета под председательством Александра Вайда-Воеводы (июнь 1932 — сентябрь 1933 г.) также не могло считаться лучшим решением вопроса. Тем более что вследствие экономического кризиса и подавления силовыми методами рабочего движения (например, забастовка железнодорожников в феврале 1933 г.) произошло значительное снижение популярности партии²³. Осенью 1933 г. национал-цэрэнистское правительство было заменено другим — национал-либеральным во главе с И.Г. Дукой. Новый премьер-министр предпринял меры для ликвидации последствий экономического кризиса и снижения напряженности в стране. Он занял непримиримую позицию в отношении «Железной гвардии», которая была им распущена. Железнодорожники отомстили ему за это, убив его в декабре того же года.

Назначенный на место И.Г. Дуки 4 января 1934 г. лидер «молодого либералов» Георге Тэтэреску возглавил правительство с самым долгим пребыванием у власти в истории межвоенной Румынии. До 17 ноября 1937 г. оно проводило в жизнь программу, придавшую значительный импульс развитию национальной экономики, в особенности промышленности, оно поддержало таможенный протекционизм, выдачу кредитов новым предприятиям и др. Особое внимание было уделено вооруженным силам, которые были модернизированы (с учетом роста проявления ревизионизма на международной арене), сельскому хозяйству также была оказана поддержка путем выдачи кредитов и принятия ряда мер, способных улучшить техническое оснащение и качество продукции в этой области. Во время нахождения у власти правительства Тэтэреску был достигнут значительный экономический рост, в результате чего в 1937 г. уровень социального производства повысился на 70% по сравнению с 1932 г., а национальный доход вырос на 60%²⁴. В этот период возросла роль монархии. Преступив рамки своих полномочий, установленных конституцией, Кароль оказывал влияние на правительство, которое в свою очередь приняло ряд законодательных мер, позволявших ему полностью контролировать ситуацию в стране. В действительности предложения о принятии законов, имевших целью укрепление полномочий исполнительной власти и ослабление роли парламента и оппозиции, исходили в основном от самого Кароля.

Период 30-х годов в значительной мере был отмечен все более возрастающей напряженностью между королем и крупными поли-

тическими партиями, с одной стороны, и между королем и крайне правыми силами — с другой. После убийства И.Г. Дуки впервые после 1862 г. вновь была введена цензура, а правительство получило право действовать на основе исключительно королевских декретов. Расколу внутри либерального крыла способствовали приверженец старой брэтианской традиции Георге Брэтиану (сын И.И.К. Брэтиану, незаурядный историк, но весьма посредственный политик) и приближенный к королю Георге Тэтэреску. Либералы, хотя и добившиеся значительных успехов в социально-экономической и культурной областях, начали постепенно терять свою популярность, что привело их к поражению на выборах в конце 1937 г.²⁵

Румынское общество в межвоенный период

В социальном отношении объединение 1918 г. и проведенные в последующие годы реформы оказали значительное влияние на румынское общество, несмотря на то что экономическую основу продолжало составлять сельское хозяйство, а большая часть населения страны проживала в сельской местности. В межвоенный период наметился глубокий разрыв между городом и селом вследствие неравномерного развития процесса модернизации. В сельской местности этот процесс шел медленнее и это отражалось на уровне и качестве жизни. Стремление к обновлениям более всего проявлялось в городе, который был более восприимчив к новшествам. Значительно возросла численность городского населения в результате развития промышленности, а также вследствие роста числа молодежи, обучавшейся в лицеях и вузах. В 1930 г. горожане составляли 20% общего числа населения страны. Самые крупные и многонаселенные города находились в Трансильвании, а самые небольшие — в Олтении. Что касается Бухареста («Маленького Парижа», как в то время называли его), то он представлял собой столицу Юго-Восточной Европы, этот статус он долго сохранял за собой, но утратил его сразу после установления коммунистического режима в Румынии.

Значительные успехи были достигнуты в области образования. В 1930 г. около 70% горожан и примерно 50% сельских жителей были грамотными. Средний уровень посещаемости школ составлял 57%, однако он был различным в каждой провинции: в Банате —

Румыния в межвоенный период

72%, в Трансильвании — свыше 67%, в Старом королевстве — 56%. На другом полюсе находилась Бессарабия лишь с 38%. Правительства межвоенной Румынии предпринимались значительные усилия с целью развития образования в стране. Закон 1924 г. увеличивал начальный четырехгодичный курс обучения до семи классов и вводил обязательность начального образования для молодежи до 18 лет. Наибольшего развития достигло высшее образование. В 1922 г. в Румынии существовали четыре университета (в Клуже, Бухаресте, Черновицах и Яссах), Торговая академия в Клуже, Юридическая академия в Ораде и Теологический институт в Кишиневе²⁶. Довольно большое число специалистов высокого уровня в области науки и культуры проявили себя в стране и за рубежом в период между двумя мировыми войнами. Румынская школа в области математики, медицины, истории, биологии, географии, социологии, политехнических наук, строительства, авиации, архитектуры, изобразительных искусств и др. достигла мирового уровня. Были созданы такие исследовательские учреждения, как Центральный институт статистики, Институт национальной и всеобщей истории, Институт химии, Институт вакцины и сыворотки, Институт социологии, Институт энергетики и др. Важную роль в развитии науки и культуры сыграла Румынская академия, которая имеющимися в ее распоряжении средствами способствовала прогрессу в этих областях. Помимо публикации работ представителей румынской интеллигенции, академия издала в переводе ряд трудов иностранных авторов. Имена многих ученых, литераторов и артистов стали известны как в Европе, так и во всем мире, их работы удостоивались международного признания. Среди них были Хенри Коандэ, Герман Оберт, Николае Паулеску, Ион Кантакузино, Константин И. Пархон, Траян Лалеску, Димитрие Густы, Михаил Манойлеску, Николае Йорга, Василе Пырван, Георге И. Брэтиану, Мирчя Элиаде, Эмил Чоран, Николае Титулеску, Джеордже Энеску, Константин Брынкушь²⁷.

Наряду с образовательной системой и исследовательскими центрами важную роль в общественной жизни сыграли радио и пресса. Благодаря их распространению по всей территории страны и в связи с повышением интереса со стороны все большего числа граждан к информации о политике, спорте и государственной элите, а также о внешней политике — пресса пользовалась особым спросом. Согласно статистике число периодических изданий возросло с 16 в 1918 г. до 2351 в 1935 г. Ежедневно печаталось

около 4,5 млн экземпляров газет и журналов, из них примерно 1 млн на языках национальных меньшинств. Число семей, имевших радиоприемники, возросло с 8 тыс. в 1927 г. до 350 тыс. в 1939 г. Около миллиона жителей страны регулярно слушали программы национального радио.

Положение национальных меньшинств в межвоенной Румынии

После 1918 г. Румыния столкнулась с таким вопросом, как интеграция национальных меньшинств, проживающих в объединенных провинциях²⁸. В связи с этим румынскими правительствами был разработан ряд культурных, образовательных и политических программ для осуществления соответствующей работы среди граждан нерумынской национальности. На основании декрета-закона от 30 декабря 1918 г. (12 января 1919 г.) о гражданстве, дополненного декретом-законом, принятым в мае 1919 г., всем гражданам Румынии, независимо от национальности, были предоставлены равные гражданские и политические права. Конституция 1923 г. не только подтвердила положения данных декретов-законов, но и обеспечила им более устойчивую юридическую основу.

Оказавшись в положении национального меньшинства, некоторые представители этих национальностей недружелюбно восприняли введение румынской администрации в объединенных провинциях, обвиняя ее в проведении политики ассимиляции. Действительно, в целях укрепления своих позиций на присоединенных территориях и в стремлении обеспечить замену бывшей венгерской, австрийской и русской администрации румынской, государство поддерживало представителей румынской элиты. Однако осуществлению этих задач более всего благоприятствовали образовательная система и экономическое развитие, способствовавшие укреплению позиций румын, проживавших в основном в сельской местности.

Национальные меньшинства Трансильвании особенно недоверчиво и подозрительно восприняли развитие румынской культуры. Венгры, которые прежде относились к господствующей нации, трудно свыкались с новой для них ситуацией и не хотели мириться с существованием румынских органов власти на терри-

тории, принадлежавшей до 1918 г. Венгрии. На всем протяжении межвоенного периода многие из них надеялись, что положения Трианонского мирного договора будут аннулированы. Многие представители интеллигенции предпочитали уединение в местах культурной автономии, созданных церковью и религиозными школами, многие из них внесли значительный вклад в восстановление или организацию культурных обществ, издавали собственные газеты и журналы. После 1918 г. венгры создали ряд партий и политических группировок, представлявших их интересы. В январе 1921 г. образовался Венгерский союз, который ограничился лишь переговорами с румынским правительством об ограничении проводимой весьма активно аграрной реформы в Трансильвании. Наиболее радикальные силы, недовольные деятельностью Венгерского союза, создали Венгерскую народную партию. Вскоре обе политические организации объединились под общим названием «Венгерский союз». В конце декабря 1922 г. образовалась Венгерская партия, программа которой предусматривала достижение национальной автономии. В местах, где территориальная автономия оказывалась невозможной, данная партия стремилась к административной автономии. Участвуя в выборах, Венгерская партия каждый раз получала то количество мест в парламенте, которое соответствовало удельному весу этого национального меньшинства в общей численности населения страны. Внутри Венгерской партии происходили трения, которые приводили к ощутимым расколам. В результате одного из них образовался МАДОСЗ (1934), находившийся под контролем Коминтерна²⁹.

Что касается немцев, представлявших наиболее многочисленное после венгров национальное меньшинство, то они смогли вписаться в законодательные рамки межвоенной Румынии, защищать собственные интересы и развивать свои традиции. В связи с этим наиболее заметным явлением после 1918 г. оказалась «регерманизация» швабов, которые в период австро-венгерского дуализма подверглись значительной мадьяризации. Проживавшие на территории Румынии немцы смогли свободно получать образование на родном языке, а также имели собственные газеты, журналы и другие печатные издания. В 1922 г. в Румынии выходили 71 наименование газет и журналов на немецком языке, а в 1934 г. число немецких изданий достигло 176. Немцы создали Германскую партию, которая в целом применяла тактику сотрудничества со всеми партиями, оказавшимися у власти, надеясь

таким образом более успешно добиваться разрешения основных своих задач в области образования и вероисповедания³⁰.

Положение евреев оказалось иным по сравнению с другими меньшинствами, так как вследствие проведенных после войны реформ (особенно аграрной) стало проявляться усиление национализма антисемитского характера, который был подхвачен тогда некоторыми известными представителями культурной и политической элиты. Подобно венграм и немцам, евреи представляли собой категорию населения, проживающего в основном в городах, у которого был более высокий уровень развития и которое сумело создать более многочисленную профессиональную и экономическую элиту, нежели румыны. В отличие от остальных меньшинств, более компактно проживавших в отдельных регионах, евреи проживали в городах по всей территории страны, представляя тем самым городскую элиту всех провинций.

С политической точки зрения национальные меньшинства Румынии, в качестве носителей самобытной культуры, создали ряд политических группировок, или партий, которые представляли их интересы в парламенте страны и в местных органах власти.

Внешняя политика в 1919–1937 гг.

Приоритетными внешнеполитическими задачами Румынии в межвоенный период стали достижение международного признания объединения 1918 г. и обеспечение территориальной целостности страны. Если решение первой из них было обеспечено в ходе работы Парижской мирной конференции (1919–1920), то достижение желаемых результатов в решении второй задачи предполагало многочисленные попытки вступления в двусторонние и многосторонние международные союзы. Большинство стран Центральной и Юго-Восточной Европы были заинтересованы в сохранении положения, достигнутого в конце Первой мировой войны, однако часть из них проводила ревизионистскую политику. В данном контексте румынская дипломатия добивалась создания системы безопасности путем установления нормальных отношений с бывшими противниками в годы войны и проведения политики мирного решения разногласий между государствами. В 1921 г. Румыния вместе с Чехословакией и Югославией участвовала в создании Малой Антанты (оборонительного и антиревизи-

онистского союза). Она заключила соглашение, а в 1926 г. подписала договор о сотрудничестве с Польшей. Также в 1926 г. Румыния заключила Договор о дружбе и сотрудничестве с Италией. Бухарест был прямо заинтересован в заключении договора с Францией, стремясь таким образом предотвратить любые проявления агрессии со стороны соседних государств, прежде всего Венгрии и Советского Союза. В 1928 г. Румыния присоединилась к пакту Бриана – Келлога, в 1929 г. она подписала Московский протокол, а также Лондонскую конвенцию об определении агрессора и Договор о ненападении и согласии 1933 г. Подписанием в 1934 г. в Афинах пакта о Балканской Антанте Румыния, Греция, Югославия и Турция взаимно гарантировали неприкосновенность своих границ. Рассматриваемый поначалу как договор, к которому примкнула бы и Болгария (отвергнувшая это предложение), текст пакта был подготовлен в Белграде (2–4 февраля 1934 г.) и подписан 9 февраля в Афинах министрами иностранных дел четырех стран. Документ предусматривал обязательство для каждой из подписавших его сторон не предпринимать никаких собственных действий без предварительной консультации с остальными членами пакта.

Румынская дипломатия развернула широкую деятельность и на европейском уровне, активно участвуя в работе Лиги Наций и других международных форумах. И все же на протяжении межвоенного периода Румыния не сумела добиться разрешения спорного с Советским Союзом вопроса о Бессарабии³¹. В марте 1924 г. в Вене начались румыно-советские переговоры, которые выявили точку зрения каждой из сторон. Румынская сторона придерживалась мнения о том, что установление взаимных отношений между обеими странами обусловлено признанием акта объединения Бессарабии с Румынией и, следовательно, границы по реке Днестр. Советская сторона, в свою очередь, ссылаясь на право наций на самоопределение, предложила организовать плебисцит в Бессарабии. Двусторонние переговоры были прерваны, румынская делегация, отклонив советские предложения, выразила при этом готовность продолжить переговоры. Положение усугубилось во второй половине 1924 г., когда в Бессарабии, вблизи румыно-советской границы, произошли кровавые столкновения между частями румынской армии и проникшими на ее территорию советскими агентами, поддержанными некоторыми местными жителями, разделявшими прорусские и прокоммунистические настроения. Ин-

цидент был ликвидирован румынскими властями, однако в октябре того же года Москва приняла решение о создании на левом берегу Днестра Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украинской Советской Социалистической Республики.

Румыно-советские переговоры были возобновлены в 1934 г. Николаем Титулеску и Максимом Литвиновым. Путем обмена дипломатическими нотами, правительства обеих стран взаимно гарантировали суверенитет каждой из сторон и обязались воздерживаться от любого вмешательства во внутренние дела. Николае Титулеску был наделен румынским правительством полномочиями для заключения договора о взаимной помощи с Советским Союзом. В 1935 г. начались переговоры по подготовке и заключению данного договора, однако он так и не был ратифицирован, поскольку советская сторона отложила его рассмотрение на осень 1936 г., а в августе того же года Н. Титулеску был снят с поста министра иностранных дел Румынии. Советское руководство отказалось от продолжения переговоров, и вопрос о заключении двустороннего договора остался нерешенным³².

Международная обстановка на всем протяжении 1930-х годов, усиление роли Германии и отсутствие решительности со стороны западных демократий вынудили Румынию после 1936 г. переориентировать свою внешнюю политику в целях предотвращения собственной дипломатической изоляции. В этой новой обстановке, когда надежды на возвращение утраченных вследствие Трианонского мирного договора территорий не покидали ни одно из межвоенных венгерских правительств, а Бухарест не шел ни на какие уступки, которые могли бы ослабить его суверенитет над Трансильванией, вопрос о статусе этой провинции стал одним из приоритетных в румынской внешней политике. Начиная с 1930 г. Венгрия, стремившаяся к восстановлению былых границ, проводила внешнюю политику, все более ориентированную на тоталитарные государства, а также на другие европейские державы. В связи с этим сближение Венгрии с Италией и намерение первой добиться заключения военного союза с Римом серьезно обеспокоили Румынию, тем более что Италия, хотя и ссылавшаяся на мирные средства, все же поддерживала идею пересмотра Трианонского договора³³. В середине 30-х годов Германия настаивала на том, чтобы Венгрия осознала невозможность продолжения своей ревизионистской политики и заняла более умеренную по-

зицию, которая позволила бы ей решить приоритетные задачи. В отношении Румынии Гитлер «рекомендовал» пересмотр ее внешней политики³⁴.

Аншлюс Австрии и прежде всего позиция, занятая великими державами в данном вопросе, обеспокоили Румынию, которая усматривала в этом проявление серьезных притязаний Германии по отношению к Чехословакии. Бухарест настаивал на том, чтобы великие державы, и прежде всего Великобритания, высказали свою позицию по вопросу о Чехословакии, будучи всерьез заинтересованным в судьбе этой страны. Подписание Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938 г.) привело к усилению давления ревизионизма на Румынию, а развитие событий на международной арене в 1938 – 1939 гг. активизировало венгерские притязания в отношении Трансильвании³⁵.

Авторитарные режимы 1938–1944 гг.

Авторитарный режим Кароля II. С точки зрения основных своих государственных учреждений Великая Румыния перестала существовать с момента установления первой диктатуры в своей истории, а выборы 1937 г. впервые предоставили возможность открытого и прямого противоборства между силами демократии и авторитаризмом. Однако вопреки тому, что в ходе избирательной кампании политические партии распространили программы и призывы, содержавшие их позиции по всем насущным вопросам румынского общества, главное состязание в избирательной кампании состоялось между национал-либералами, находящимися у власти, и национал-цэрэнистами. Впервые в истории Румынии было использовано радио в избирательной кампании, когда в одной из передач премьер-министр призвал избирателей голосовать за либералов. В свою очередь, лидер национал-цэрэнистов Юлиу Маниу потребовал от Совета румынского общества радиовещания предоставления права на реплику, но получил отказ³⁶.

Состоявшиеся в напряженной обстановке, но без явных признаков насилия, выборы преподнесли настоящий сюрприз. Впервые в истории Румынии партия, находившаяся у власти, потерпела поражение. Национал-либеральная партия получила относительное большинство (35,9%) и наибольшее количество мест

в парламенте, однако не смогла преодолеть 40%-ного рубежа, необходимого для получения «избирательного бонуса», а следовательно, обеспечить себе полное господство в парламенте. Национал-цэрэнистская партия получила 20,4% от общего количества поданных голосов, а крайне правые силы — 15,58%.

Результаты выборов привели к отставке премьер-министра Георге Тэтэреску (28 декабря 1937 г.). Сложившаяся политическая ситуация позволила Каролю II назначить главой правительства Октавиана Гога, лидера Национал-христианской партии правого толка, которая получила на выборах лишь 9,15% от общего количества голосов. За спиной слабого правительства Кароль готовился установить собственный режим. Так, 10 февраля 1938 г. король заявил о необходимости создания правительства национального единства, а уже на второй день образовалось правительство под председательством патриарха Мирона Кристя, которое чрезвычайным декретом ввело осадное положение, усилило цензуру, назначило новых префектов из рядов военных, запретило проведение новых выборов и др. Введением 20 февраля 1938 г. новой конституции, Кароль упразднил Конституцию 1923 г. Согласно новому основному закону принцип разделения властей в государстве формально сохранялся, однако значительно усиливалась роль монархии, а парламент должен был заседать только по инициативе короля. Большинство статей были идентичны статьям Конституции 1923 г. Среди нововведений было положение о том, что король является «главой государства», министрам же вменялась политическая ответственность только перед королем, при этом они были обязаны отвечать на запросы со стороны членов парламента.

Запрещенные по указанию монарха партии смогли все же сохранить свои организационные структуры, ибо король надеялся таким образом расположить их к новому политическому режиму. Либералы и цэрэнисты не приняли предложение о сотрудничестве, выступив с протестом против диктатуры и требуя восстановления предыдущей парламентской системы. Кароль в свою очередь создал новую партию под названием «Фронт национального возрождения», открытую для всех граждан. Все государственные служащие были обязаны состоять членами этой партии — условие, без которого они не могли занимать свои должности. Это была первая массовая партия в истории Румынии.

Кароль отменил существующий закон о выборах и обнародовал в мае 1939 г. новый закон, согласно которому женщинам пре-

доставлялось право голоса. Однако новый закон содержал и ряд ограничений: вводился, например, определенный возрастной ценз (в выборах в палату депутатов могли принимать участие граждане, достигшие 30 лет), становилось обязательным для каждого выборщика быть грамотным. Был введен запрет на политическую пропаганду в церквях. Кароль также создал Королевский совет, членов которого назначал он сам, выступил инициатором новой административной реформы, вследствие которой наряду с существовавшими органами вводилось новое звено под названием «цинут» (охватывающий несколько уездов) во главе с королевским резидентом. Были созданы десять цинутов: Олт, Арджеш, Море, Дунай, Нистру, Прут, Сучава, Алба-Юлия, Криш, Тимиш. В плане экономической политики новый режим характеризовался усилением роли государства в этой области.

Значительные изменения происходили и в социальной области: профсоюзы были распущены, а на основании декрета от 12 октября 1938 г. были созданы корпорации рабочих, служащих и ремесленников, перед которыми ставилась задача защиты профессиональных интересов ее членов. Режим Кароля II был заинтересован в привлечении на свою сторону молодежи. На основании декрета от 15 декабря 1938 г. все юноши в возрасте 7–18 лет и девушки в возрасте 7–21 года были обязаны записаться в организацию «Стража Цэрий» («Защита Отечества»), верховным лидером которой являлся сам король. В октябре 1939 г. был создан Студенческий национальный фронт, в состав которого автоматически были включены все студенты³⁷.

В отношении крайне правых сил был принят ряд жестких мер, в первую очередь против легионеров, в которых Кароль видел основных политических противников.

Драматические события, разыгравшиеся на международной арене, снизили эффективность попыток короля установить контроль над политическими силами страны. Национальное согласие, которого он добивался, так и не было достигнуто. Под давлением событий на Европейском континенте режим Кароля постепенно делал крен вправо и не столько по убеждениям, сколько по причинам политической необходимости. И все же режим Кароля отличался от фашистской или нацистской диктатуры, в его политике национализм и антисемитизм проявлялись значительно умереннее, а гражданские права и свободы частично оставались в силе и после объявления конституции в феврале 1938 г.

Внешняя политика Румынии в 1938–1940 гг. Начиная с 1938 г. Румыния постепенно теряла своих союзников на международной арене, и это происходило в условиях, когда наметилось усиление ревизионистского давления со стороны соседних государств. Вопреки росту влияния Германии на Румынию, руководство страны продолжало соблюдать свои обязательства, исходя из ранее созданной системы союзных отношений. Однако вследствие усиления давления на нее, Румыния была вынуждена заключить в марте 1939 г. экономическое соглашение с Германией, результатом которого стало ее полное экономическое подчинение немецкому рейху. После начала Второй мировой войны Румыния объявила о своем нейтралитете, однако быстрые темпы немецкого наступления весной 1940 г. и капитуляция Франции застали врасплох руководство страны, оставшееся без внешних союзников.

Положение стало трагичным, когда 26 июня 1940 г. Советский Союз, воспользовавшийся достигнутой годом ранее договоренностью с Германией (пакт Риббентропа – Молотова), потребовал от Румынии в ультимативной форме срочной эвакуации Бессарабии и северной части Буковины. Германия посоветовала Румынии уступить советским требованиям, с тем чтобы не нарушать мир в Балканском регионе. Аналогичным образом поступили Италия, Греция и Югославия. Бухарест был поставлен перед выбором: уступить территориальным претензиям или оказывать военное сопротивление в течение нескольких недель, которое неизбежно закончилось бы разделом страны между СССР, Венгрией, Болгарией и даже Германией. Большинство членов Королевского совета высказались за принятие советских требований, чтобы все-таки сохранить румынскую государственность. Попытки румынской стороны договориться с советским руководством встретили резкий отказ, а эвакуацию пришлось завершить в течение 4 дней — срок, который не был соблюден со стороны СССР. Советские войска вступили на эти территории 28 июня, спровоцировав многочисленные столкновения. Румыния уступила территорию площадью в 50 762 кв. км с населением около 3 млн 770 тыс. человек.

Первого июля 1940 г. Румыния отказалась от англо-французских гарантий, а 4 июля было создано прогерманское правительство И. Джигурту (в него вошли и три представителя легионеров), которое развернуло антисемитскую кампанию. Восьмого августа 1940 г. Кароль II подписал два указа, один из которых определял

Румыния в 1940 г.

юридический статус жителей еврейской национальности в Румынии, а второй запрещал браки между румынами и евреями. Этими законами Румыния примкнула к нацистской политике в отношении евреев, пытаясь тем самым заручиться поддержкой Берлина перед территориальными претензиями со стороны Венгрии и Болгарии.

В связи с возникшей после 26 июня 1940 г. опасностью румыно-венгерского военного конфликта, в отношении которого СССР не остался бы в стороне, Германия в адресованном лично королю Каролю II письме, призвала Румынию приступить к разрешению территориальных споров с Венгрией и Болгарией. Что касается трансильванского вопроса, советское руководство считало — это следовало из выступлений Молотова, — что претензии Будапешта вполне оправданны, и это подстегнуло, в свою очередь, усиление венгерской ревизионистской кампании. Английский посланник в Будапеште передал в Лондон сообщение о том, что Венгрия не потерпит, чтобы Румыния уступила только Советскому Союзу, и обратилась к Бухаресту через Югославию с требованием обсудить ее территориальные претензии³⁸.

В этой сложной обстановке румынская дипломатия была вынуждена начать переговоры с Венгрией и Болгарией для решения существующих разногласий. Если спор с Болгарией был разрешен путем заключения в городе Крайове договора от 7 сентября 1940 г. и уступки Кадрилатера (южная часть Добруджи), восстанавливавших существовавшую между обеими странами границу до балканских войн (1913), то с Венгрией никакой договоренности достигнуто не было. В этих условиях, озабоченный перспективой возникновения румыно-венгерского военного конфликта, Гитлер созвал в Вене представителей обеих стран. Риббентроп (со стороны Германии) и Чиано (министр иностранных дел Италии) методом диктата «разрешили» 30 августа 1940 г. румыно-венгерский спор, установив новую границу, которая поделила Трансильванию между двумя странами, оспаривавшими ее. Румыния была вынуждена уступить Венгрии территорию площадью в 43 492 кв. км и населением в 2 667 007 человек, из которых румыны составляли 50,2%, венгры — 37,1, немцы — 3% и др.³⁹ Этим решением Берлин и Рим сознательно превращали трансильванский вопрос в постоянный очаг регионального напряжения, делая его предметом состязания между Румынией и Венгрией, что первоначально играло на руку Германии, а затем Советскому Союзу.

Румыния в годы правления Иона Антонеску. Территориальные потери 1940 г. серьезно пошатнули авторитет режима Кароля II. В тот момент внутренний политический режим был против каких-либо территориальных уступок, что было сложно понять общественности страны. Недовольство населения, однако, было направлено в адрес короля, который был вынужден 4 сентября 1940 г. поручить создание нового правительства генералу Иону Антонеску (который зарекомендовал себя как неподкупный военный, неоднократно критиковавший ситуацию в армии и обратившийся к Каролю с очень резким письмом после эвакуации из Бессарабии). На следующий день генерал приостановил действие конституции, распустил парламент и потребовал от короля передать ему управление государством. Пользуясь поддержкой со стороны гитлеровской Германии, а также по предложению основных политических партий Антонеску вынудил короля отречься от престола. Кароль II подписал 6 сентября 1940 г. акт самоотречения и на следующий день навсегда покинул страну. Новым королем стал его девятнадцатилетний сын Михай, однако важнейшие полномочия по управлению государством Антонеску возложил на себя и стал именоваться «кондукэторул статулуй» (вождь государства). Король оставался верховным главнокомандующим вооруженных сил, за ним сохранялось право чеканить монету и присваивать награды, принимать верительные грамоты иностранных послов и посланников, назначать премьер-министра, объявлять амнистии и помилования⁴⁰.

В самом начале своего правления Ион Антонеску предпринял попытку сотрудничества с основными деятелями Национал-либеральной и Национал-цэрэнистской партий, которые, однако, ответили ему отказом⁴¹. В этих условиях он вынужден был сотрудничать с легионерами, которых ввел в правительство. После прихода к власти И. Антонеску приступил к осуществлению первых внутривластных мер. За провозглашением Румынии 14 сентября 1940 г. национал-легионерским государством последовало обнародование многочисленных указов, имевших целью устранение всех последствий режима Кароля II. Одновременно с внутривластными мерами И. Антонеску предпринял первые шаги по укреплению союза с Германией, начав переговоры для заключения румыно-германского экономического соглашения. Гитлер, в стратегических планах которого Румыния занимала очень важное место, согласился сотрудничать с И. Антонеску.

Десятого октября 1940 г. первые немецкие воинские части вошли в Румынию, а 23 ноября Румыния присоединилась к Тройственному пакту.

Вскоре после прихода к власти между И. Антонеску и легионерами выявились серьезные разногласия, поскольку каждая из сторон рассматривала свой союз как временное соглашение. Отношения между ними крайне обострились после расправы в ноябре 1940 г. над 64 бывшими политическими деятелями, офицерами высшего и низшего звена, содержащимися в тюрьме Жилава (под Бухарестом), а также из-за убийства известных деятелей румынской культуры и политики Николая Йорги и Вирджила Маджару. Этими преступлениями, а также многочисленными выступлениями открыто антисемитского и вообще ксенофобского характера легионерское движение полностью дискредитировало себя. Поэтому Гитлер предпочел Антонеску, а не легионеров, поведение которых, по его мнению, могло привести к дестабилизации внутреннего положения страны. Четырнадцатого января 1941 г. И. Антонеску нанес Гитлеру визит, во время которого ему стали известны детали плана нападения на Советский Союз, он получил свободу действий для устранения своих политических противников. По возвращении в страну И. Антонеску подавил организованный легионерами путч. Двадцать седьмого января 1941 г. он сформировал новое правительство, состоявшее в основном из генералов, а с 14 февраля государство перестало считаться национал-легионерским.

И. Антонеску принадлежала вся законодательная и исполнительная власть, он контролировал правосудие и фактически пользовался всей полнотой власти, соблюдая тем не менее действовавшие до 1940 г. законодательные положения, к которым добавились законы военного времени. Он не имел политической партии, на которую бы мог опираться, в парламентскую демократию он в действительности не верил и правил страной, используя авторитарные методы. Политические партии были запрещены, но на самом деле Национал-либеральная и Национал-цэрэнистская партии продолжали свою деятельность.

Что касается политики правительства Антонеску по отношению к евреям, то оно претворяло в жизнь целый ряд принятых им расистских и антисемитских законов. Дискриминационное законодательство и осуществляемые в соответствии с ним меры означали чистки, лишение недвижимости и другой собственнос-

ти, введения различных обложений и повинностей, однако «тотальная чистка» в Румынии не проводилась. Произошел и ряд кровавых инцидентов. В конце июня 1941 г. в Яссах было расстреляно 500 евреев, уроженцев Бессарабии и Буковины, которым ставилось в вину, что они якобы стреляли в румынских и немецких солдат. В июле 1941 г. вице-председатель правительства Михай Антонеску предложил выдворить евреев из этих двух провинций и отправить их в лагеря. В сентябре началась депортация евреев в Транснистрию, их число достигло 110–120 тыс. человек. В северной части Трансильвании, которую Румыния уступила Венгрии в августе 1940 г., весной 1944 г. началось сосредоточение евреев в гетто, а в мае того же года их стали отправлять в Освенцим. Всего было выслано около 130 тыс. человек. Многим евреям из северной части Трансильвании, отошедшей к Венгрии, удалось спастись: они бежали сначала в Румынию, а оттуда в Палестину⁴².

После подавления легионерского путча и установления военной диктатуры И. Антонеску стал еще более привержен Германии. Он присоединился к войне против Советского Союза с целью освобождения Бессарабии и северной части Буковины, а также рассчитывая на возвращение северной части Трансильвании, вопрос о которой он не раз обсуждал с Гитлером. В начале 1944 г. Гитлер выразил намерение пересмотреть Венский договор, заявив, что в создавшейся ситуации он не считает себя более обязанным перед венгерским народом и не может оставаться единственным гарантом Венского арбитража. Гитлер попросил И. Антонеску не оглашать этого заявления, дабы не спровоцировать партизанского движения в Венгрии. В годы войны Ион и Михай Антонеску начали создавать комиссию по подготовке документов, необходимых для будущей мирной конференции. В 1942 г. было создано Бюро по вопросам мира. Несомненно, важное место в деятельности этой комиссии принадлежало вопросу о Трансильвании, а подготовленные ею в то время материалы были использованы в ходе переговоров с целью заключения Парижского мирного договора⁴³.

Вступив в июне 1941 г. в войну против СССР на стороне Германии без заключения какого-либо военного соглашения, в котором бы оговаривались четкие рамки сотрудничества Бухареста с Берлином, румынская армия сумела до конца июля освободить Бессарабию и восстановить там румынскую администрацию. Од-

на из главных целей, ради которой Румыния выступила вместе с Германией на Восточном фронте, была таким образом достигнута, однако 27 июля 1941 г. Гитлер потребовал от Антонеску продолжить наступление за Днестром. В ходе состоявшейся между ними 6 августа встречи в Украине Гитлер поставил перед румынской армией задачу наступления в направлении Одессы и Крымского полуострова. Румынии было также предоставлено право сформировать свою администрацию в Транснистрии, а И. Антонеску было присвоено маршальское звание. Война за освобождение Бессарабии и северной части Буковины была положительно воспринята общественностью страны. Когда по радио 22 июня 1941 г. было зачитано обращение «Солдаты, приказываю вам перейти реку Прут», население ответило на него со всем энтузиазмом, надеясь и рассчитывая таким образом стереть из памяти свежие еще воспоминания об унижениях годичной давности, но когда Антонеску продолжил военное наступление восточнее Днестра, поддержка со стороны населения и политических сил резко снизилась. К тому же участие румынских войск в боях за Днестром обеспокоили англо-саксонских союзников СССР.

Румыния участвовала во Второй мировой войне с 22 июня 1941 г. по 12 мая 1945 г. Этот период в зависимости от характера военных действий и преследуемых целей делится на три этапа: 1) Восточная кампания (22 июня 1941 г. — 23 августа 1944 г.), в ходе которой Румыния совместно с Германией сначала участвовала в освобождении Бессарабии и северной части Буковины, а затем продолжила военные действия на территории Советского Союза; 2) Военные действия с 23 по 31 августа 1944 г. на своей территории с целью изгнания из страны ставших вражескими немецко-фашистских войск; 3) Западная кампания (1 сентября 1944 г. — 12 мая 1945 г.), в ходе которой Румыния, перешедшая на сторону антигитлеровской коалиции, участвовала в освобождении северной части Трансильвании, а затем боролась против немецких войск на территории Венгрии, Чехословакии и на севере Австрии⁴⁴.

Устранение Антонеску. Статус Трансильвании. Уверенность в том, что Германия проиграет войну и Румынии необходимо выйти из этой войны, начала проявляться еще в конце 1942 г. и особенно в 1943 г., когда немецкая армия упустила стратегическую инициативу на Восточном фронте. Румыния тогда вступила в переговоры с западными державами в целях заключения перемирия.

Румыния в годы Второй мировой войны

Переговоры велись как от имени короля и оппозиционных партий, так и со стороны Антонеску, но они не привели к какому-либо конкретному результату. В этих условиях Антонеску постоянно откладывал разрыв союзных отношений с Берлином, надеясь в конечном итоге добиться заключения перемирия с Объединенными Нациями на выгодных условиях.

Дальнейшее развитие событий и сложившаяся ситуация на фронте в начале лета 1944 г. (советские войска заняли не только Буковину и часть Бессарабии, но и часть Запрутской Молдовы) вынудили политические силы страны принять срочные меры для предотвращения оккупации всей страны и превращения румынской территории в театр военных действий. В этих условиях на повестке дня возник вопрос о создании блока внутренних политических сил, которые выступили бы против Германии и, следовательно, против военного режима маршала Антонеску. Однако этому решению препятствовала сдержанность лидеров главных политических партий относительно сотрудничества с компартией. Учитывая, что в ходе переговоров о выходе Румынии из войны против СССР, западные союзники рекомендовали румынским представителям обратиться к советскому руководству для заключения перемирия, национал-либералы и национал-цэрэнисты были вынуждены согласиться с участием коммунистов в политическом блоке, направленном против Антонеску. Создание в июне 1944 г. Национально-демократического блока, в состав которого вошли представители либералов, цэрэнистов, социал-демократов и коммунистов, стал политической основой переворота 23 августа 1944 г.⁴⁵

В августе 1944 г. положение на фронте значительно осложнилось вследствие вступления советских войск в восточную часть Румынии, перед руководством страны встала необходимость заключения перемирия. 23 августа 1944 г. И. Антонеску был вызван в королевский дворец, где король потребовал от него подписания перемирия. Отказавшись выполнить это требование, маршал Антонеску был арестован вместе с вице-председателем Совета Министров Михаем Антонеску. Вечером того же дня король Михай выступил по радио с обращением⁴⁶, в котором сообщалось общественности страны и всему миру о том, что Румыния разорвала союз с Германией, вышла из войны против Объединенных Наций, имеет новое правительство и принимает участие в войне против фашистской Германии за освобождение Трансильвании.

События 23 августа 1944 г. означали, помимо разрыва со странами «оси» и устранения Антонеску, вступление Румынии в сферу советского влияния. Последовавший за этим период стал одним из самых драматических этапов в истории румынского народа, когда при поддержке Красной Армии и при участии коммунистов был установлен политический и экономический режим, означавший подчинение Румынии ее восточному соседу. Он оказал влияние на самые разнообразные сферы жизни, в том числе и на область культуры.

Сразу после обнародования обращения короля вечером 23 августа 1944 г. румынская армия перешла на сторону советских войск в антигитлеровской войне. На протяжении сентября – октября 1944 г. румынские войска приняли участие в боях за освобождение трансильванских уездов, занятых Венгрией в 1940 г., а в дальнейшем вместе с Красной Армией участвовала в боях на территории Венгрии и Чехословакии.

После устранения И. Антонеску было сформировано правительство во главе с Константином Сэнэтеску⁴⁷, в состав которого наряду с большинством военных впервые в истории Румынии вошли и представители Коммунистической партии. Кабинет Сэнэтеску действовал в направлении создания необходимых условий для активного участия Румынии в антигитлеровской войне и выполнения положений перемирия. Одновременно среди наиболее важных задач, стоявших перед премьер-министром, было достижение урегулирования правового международного статуса Румынии в новой обстановке и освобождения части трансильванской территории, занятой Венгрией вследствие Венского диктата 30 августа 1940 г.

Утром 29 августа 1944 г. румынская правительственная делегация вылетела в Москву для переговоров по проекту перемирия. Но к участию в дискуссиях и консультациях относительно положений, включавшихся в этот документ, румынская делегация не была допущена, а 10 сентября 1944 г. ей был передан отредактированный в окончательной форме текст перемирия⁴⁸. Он содержал 20 статей и шесть приложений, определявших правовой международный статус Румынии до подписания мирного договора. Текст перемирия содержал положения военного, политического, экономического, финансового, административного и территориального характера, но в целом из этого документа, подписанного 12 сентября 1944 г., не следовало, что Румыния вышла из антисоветской войны

по собственной воле, без какой-либо помощи извне и что она безоговорочно присоединилась к коалиции Объединенных Наций.

Согласно перемирию Венский арбитраж был признан недействительным, и на этом основании 10 октября 1944 г. король Михай подписал закон № 487 об образовании Румынского комиссариата по управлению освобожденными регионами Трансильвании, представлявшего румынское правительство на этих территориях. При комиссариате был создан консультативный комитет, в ведение которого входили подготовка и принятие решений по всем важнейшим вопросам управления северной частью Трансильвании⁴⁹. Предполагалось, что вопрос о статусе Трансильвании окончательно решен, однако в действительности положение оказалось несколько иным, поскольку уже в ходе наступления румыно-советских войск на местах давали о себе знать определенные неясности и сложности, вызванные советской стороной, не позволявшие департаменту в полной мере выполнять свои функции. Таким образом, когда освобождение Трансильвании было достигнуто в значительной степени собственными силами, когда румынские части 25 октября 1944 г. окончательно очистили эту территорию от противника, продолжая наступление по другую сторону границы, отказ советской стороны предоставить Румынии действительное право суверенитета над этим краем становился все более очевидным. Вообще говоря, уже с момента подписания перемирия можно было заметить, что принятое решение о северной части Трансильвании и признании за Румынией права на эту территорию в той формулировке, которая была внесена в текст документа, содержало ряд неясностей. Согласно статье 19 перемирия союзные правительства признали решение Венского арбитража несуществующим и согласились с тем, чтобы Трансильвания (вся или большая ее часть) была возвращена Румынии, что подлежало утверждению при мирном урегулировании. Тем временем, начиная с октября 1944 г., из высказываний советских представителей или членов Румынской компартии часто можно было услышать идею о том, что Трансильвания будет передана Румынии только при условии восстановления истинной демократии, а право определять, что является истинной демократией останется за советским руководством, а никак не за румынским правительством.

В ноябре 1944 г. резко изменилась внутренняя политическая обстановка в стране. Отставка премьер-министра К. Сэнэтеску

дала советским представителям и румынским коммунистам надежду на захват в скором будущем власти в стране. Однако решение короля вновь поручить формирование правительства генералу Сэнэтеску отсрочило претворение в жизнь этих надежд, несмотря на то что в новом кабинете коммунисты получили больше мест. С этого момента вопрос о Трансильвании был превращен в настоящий предмет шантажа, для всех становилось очевидным, что возвращение этой провинции Румынии возможно лишь при условии согласия короля на создание коммунистического правительства. Таким образом, ссылаясь на некие соображения безопасности и необходимость предотвращения межэтнических столкновений, в ноябре 1944 г. Сталин ввел в северной части Трансильвании советскую военную администрацию⁵⁰. До 6 марта 1945 г. оба румынских премьер-министра — К. Сэнэтеску и Н. Рэдеску⁵¹ неоднократно обращались с просьбой о выводе советской администрации и восстановлении румынских учреждений, но их попытки результатов не дали. Положение в северной части Трансильвании оставалось без изменений до прихода к власти правительства П. Гроза (6 марта 1945 г.). В целях использования вопроса о Трансильвании и аграрной реформы для получения весьма необходимого в момент прихода к власти политического капитала Председатель Совета Министров Румынии П. Гроза и министр иностранных дел Г. Тэтэреску обратились 8 марта 1945 г. с письмом лично к Сталину с просьбой об установлении румынской администрации в северной части Трансильвании. На следующий день Сталин сообщил о согласии советского правительства относительно восстановления румынской администрации, однако не на основе суверенного права Румынии на эту территорию, а в качестве вознаграждения для правительства Гроза⁵². Свидетельством того, что эти действия являлись своеобразной формой политического шантажа, служит то обстоятельство, что советская сторона ссылалась в этом вопросе на положения перемирия как при введении советской администрации в ноябре 1944 г., так и в письме Сталина от 9 марта 1945 г., адресованном премьер-министру П. Грозе. Бессарабия и северная часть Буковины были включены в состав СССР, что было закреплено как в тексте соглашения о перемирии, так и в заключенном позднее мирном договоре.

Установление коммунистического режима в Румынии

Сразу после событий 23 августа 1944 г. вопрос о приходе к власти компартии еще не стоял открыто на повестке дня. На своем пути к власти коммунистам с самого начала пришлось преодолеть три важных препятствия. Во-первых, у них не было поддержки со стороны избирателей. В те дни нельзя было отрицать, что государственный переворот был осуществлен королем. Во-вторых, у КПР отсутствовал «революционный опыт» и, в-третьих, Красной Армии требовалась стабильно налаженная связь с центрально-европейской частью фронта⁵³. В отличие от компартий других восточноевропейских стран, румынские коммунисты не могли сослаться на какие-либо заслуги в организации антифашистского сопротивления. Безусловно, многие деятели компартии провели долгие годы в заключении, но никто из них не пользовался авторитетом в масштабах всей страны. В целом населению Румынии были свойственны антикоммунистические настроения. Единственным из руководства КПР, который сумел более или менее положительно себя зарекомендовать, был Лукрециу Пэтрэшкану, представлявший коммунистов на межпартийных переговорах о создании антифашистского блока, которое проходили накануне 23 августа 1944 г.⁵⁴ В дальнейшем внутри самой КПР образовались три группировки: «бухарестцы» во главе с Л. Пэтрэшкану, освобожденные из заключения и представленные Георгием Георгиу-Дежем, а также вернувшиеся из Москвы деятели во главе с Анной Паукер и Василе Лукой. Каждая из них вступила в состязание с остальными за лидерство в партии. Для укрепления своих позиций руководство КПР применило при поддержке с советской стороны хорошо известную тактику: использование различных политических партий, как, скажем, Фронт земледельцев, для пополнения своих рядов. Анна Паукер сыграла самую активную роль в осуществлении политики открытых дверей для каждого желающего вступить в ряды компартии. Развитие политической линии КПР шло тремя этапами: беспрепятственное пополнение рядов партии, захват власти, внутривнутрипартийная чистка и выработка идеологии⁵⁵.

Опираясь на поддержку патриотических военизированных отрядов и командования советских частей, румынские коммунисты

начали кампанию против правительства генерала Сэнэтеску, выдвинув ряд требований и тяжелых обвинений в адрес «традиционных» партий. На фоне происходивших событий 5 декабря 1944 г. в Бухарест прибыл заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский. Под давлением с его стороны король согласился на отставку второго правительства Сэнэтеску, сумев, однако, сформировать кабинет, в котором не оказалось коммунистического большинства. На этот раз глава государства добился создания правительства под председательством генерала Николая Рэдеску, который оказался по сравнению со своим предшественником гораздо более твердым сторонником конституционной демократии⁵⁶.

Период с 6 декабря 1944 г. по 9 марта 1945 г. был отмечен особым драматизмом, агитационные кампании набирали силу под жестким контролем со стороны коммунистов над средствами массовой информации. Ссылаясь на решения Ялтинской конференции, которые на первый взгляд благоприятствовали восточно-европейским демократиям, Н. Рэдеску начал противиться усилению роли военизированных рабочих отрядов (подчиненных компартии) и сумел сохранить отношения с лидерами Национал-цэрэнистской и Национал-либеральной партий, удостоившихся неприязненного отношения со стороны советского командования⁵⁷. Напряжение достигло кульминации в феврале 1945 г., когда Н. Рэдеску в своей речи в кинотеатре «Аро», переданной по радио, заявил, что Анна Паукер, Василе Лука и остальные руководители компартии действуют по указанию извне и вовсе не думают о благе страны⁵⁸. 25 февраля 1945 г. коммунисты организовали в Бухаресте и во многих других городах массовые демонстрации, завершившиеся кровавыми столкновениями, а 27 февраля А.Я. Вышинский вновь прилетел в Румынию. Заявив о неспособности правительства обеспечить порядок, он потребовал от короля передачи власти другому лицу. Монарх предпринял попытку сформировать правительство под председательством князя Б. Штирбея, однако оказанное на него давление со стороны представителя советского руководства, вынудило короля согласиться на создание 6 марта 1945 г. кабинета коммунистического большинства во главе с доктором Петру Гроза, лидером Фронта земледельцев. Чтобы обеспечить себе необходимую популярность, правительство П. Грозы выступило с рядом предложений, в том числе касавшихся аграрной реформы, эффективность которой

оказалась весьма слабой. В правительство были допущены и представители других политических сил для создания видимости многопартийности его состава, а также с целью получения одобрения со стороны западных союзников и создания видимости демократического правления. В декабре 1945 г. под давлением представителей западных стран на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было принято соответствующее решение, в результате которого советская сторона согласилась с необходимостью расширения состава румынского правительства в целях обеспечения проведения парламентских выборов, намеченных на 1946 г. На протяжении избирательной кампании вплоть до ноября 1946 г. компартия применяла все возможные средства для запугивания и устрашения населения. Но на состоявшихся 19 ноября 1946 г. выборах демократические партии (особенно Национал-цэрэнистская партия) добились значительного успеха, они получили почти 80% от общего числа голосов избирателей, однако коммунисты сфальсифицировали эти результаты, что привело к протестам со стороны демократических партий.

Одновременно с действиями по укреплению своих внутренних позиций правительство уделило особое внимание Парижской мирной конференции. Румынская делегация во главе с либералом Г. Тэтэреску приехала в Париж 29 июля 1946 г. и в ходе состоявшихся дискуссий отстаивала необходимость признания для Румынии статуса как одной из воюющих держав и полного устранения для нее последствий Венского диктата 1940 г. Были также затронуты экономические и политические вопросы. Согласно подписанному 10 февраля 1947 г. мирному договору⁵⁹ Румынии была возвращена вся территория Трансильвании, однако Бессарабия и северная часть Буковины были переданы Советскому Союзу. Румынии были навязаны обязательства по выплате высоких военных репараций (в основном в пользу СССР), она была также вынуждена согласиться на присутствие на своей территории союзных (советских) войск в течение 90 дней — якобы для налаживания линии связи с частями Красной Армии, дислоцированными в центре Европы. В действительности советские войска находились на территории Румынии до 1958 г.

Мирным договором предусматривалось также обязательство ликвидации профашистских организаций и наказания военных преступников. Это положение обеспечивало коммунистам воз-

возможность злоупотреблений и произвола в ходе беспрецедентной кампании, поддержанной советским руководством и направленной против оппозиции. В ходе кампании преследовалась цель физического устранения политических противников и всех тех, кто проявил себя во время предыдущих режимов (политические деятели, служащие, представители интеллигенции и т. д.). Решением Совета Министров от 30 июля 1947 г. Национал-цэрэнистская партия, наиболее популярная партия того времени, была объявлена вне закона, а осенью того же года ее руководители во главе с Юлием Маниу были арестованы и преданы суду. Национал-либеральная партия самораспустилась, а Социал-демократическая партия слилась с Коммунистической партией Румынии. Почти все руководители ликвидированных партий были уничтожены в тюрьмах коммунистического режима⁶⁰.

Помимо действий по устранению политической оппозиции, в период 1945 — 1947 гг. начался и постепенно усиливался процесс советизации Румынии, особенно в области экономики. Национальный банк — традиционная цитадель либералов — был национализирован, за этим последовало создание централизованной экономики по советской модели.

После физического устранения основных политических противников единственным препятствием, которое оставалось на пути коммунистов, стремившихся к полному захвату власти, был король Михай. Румынские коммунисты, исходя из чисто стратегических соображений, сохранили монархию, учитывая при этом символический смысл и традицию монархических настроений в стране, а также принимая во внимание популярность, которой пользовался молодой король Михай. Устранение Г. Тэтэреску из правительства привело к усилению противоречий между кабинетом министров и главой государства, чьи полномочия все более ограничивались. В ноябре 1947 г. Михай вылетел в Лондон, чтобы присутствовать на церемонии бракосочетания будущей королевы Великобритании Елизаветы II. Будучи в английской столице он связался с наиболее влиятельными западными политическими деятелями, однако никакой поддержки с их стороны добиться не смог⁶¹. По возвращении короля в страну к нему 30 декабря 1947 г. явились П. Гроза и Г. Георгиу-Деж и в ультимативной форме потребовали подписать за себя и своих наследников акт об отречении от престола. Под давлением и не ощущая какой-либо поддержки, король вынужден был подписать акт об отречении и по-

кинуть страну вместе королевой-матерью в сопровождении нескольких членов его свиты. Вечером того же дня Румыния была провозглашена республикой. Был образован Президиум Народной Республики Румынии, роль которого была номинальной, ибо последнее слово оставалась за компартией⁶².

Примечания

¹ Recesământul general al populației României din 29 decembrie 1930. Vol. I–X. București, 1938–1940; Istoria Românilor, VIII, România întregită (1918–1940). București, 2003. P. 31–35.

² Istoria contemporană a României. Cluj-Napoca, 2001. P. 31.

³ Ibid. P. 53.

⁴ *Georgescu V.* Istoria românilor de la origini până în zilele noastre. București, 1992. P. 204.

⁵ Istoria contemporană a României. P. 43.

⁶ *Hitchins K.* România 1866–1947. București, 1996. P. 315–343.

⁷ Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 48.

⁸ *Georgescu V.* Op. cit. P. 204–205.

⁹ Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 223.

¹⁰ *Georgescu V.* Op. cit. P. 205.

¹¹ Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 223–224.

¹² *Scurtu I., Buzatu Gh.* Istoria românilor în secolul XX (1918–1948). București. P. 118.

¹³ *Georgescu V.* Op. cit. P. 206–207.

¹⁴ Ibid. P. 209; Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 242–249.

¹⁵ Monitorul Oficial, nr. 282 от 29 мартя 1923 г.; Constituțiunea României din 1923, București, 1925; Constituția din 1923 în dezbaterile contemporanilor, București, 1990; Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 183–184.

¹⁶ *Fischer-Galați St.* România în secolul al XX-lea. Iași, 1998. P. 47.

¹⁷ Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 208–209.

¹⁸ Ibid. P. 189–190.

¹⁹ Ibid. P. 192.

²⁰ Istoria contemporană a României. P. 93–98.

²¹ *Fischer-Galați St.* Op. cit. P. 64–65.

²² *Hitchins K.* Op. cit. P. 443.

²³ *Fischer-Galați St.* Op. cit. P. 66.

²⁴ Istoria Românilor. Vol. VIII. P. 327.

- ²⁵ *Georgescu V.* Op. cit. P. 210.
- ²⁶ *Ibid.* P. 217 – 219.
- ²⁷ *Istoria Românilor.* Vol. VIII. P. 640 – 752.
- ²⁸ *Minoritățile naționale din România: 1918 – 1925, Documente.* București, 1995; *Scurtu I., Dordea I.* *Minoritățile naționale din România, 1925 – 1931, Documente.* București, 1996.
- ²⁹ *Edroiu N., Pușcaș V.* *Maghiarii din România.* Cluj-Napoca, 1995. P. 20 – 24.
- ³⁰ *Bolovan S.P., Bolovan I.* *Germanii din România. Perspective istorice și demografice.* Cluj-Napoca, 2000. P. 62 – 64.
- ³¹ *Relațiile româno-sovietice. Documente.* Vol. I. 1917 – 1934. București, 1999.
- ³² *Istoria Românilor.* Vol. VIII. P. 501 – 505.
- ³³ *Dobrinescu V.F.* *România și Ungaria de la Trianon la Paris (1920 – 1947). Bătălia diplomatică pentru Transilvania.* București, 1996. P. 106.
- ³⁴ *Hillgruber A.* *Hitler, Regele Carol și Mareșalul Antonescu. Relațiile germano-române (1938 – 1944),* București, 1994. P. 62.
- ³⁵ *Dobrinescu V.F.* Op. cit.
- ³⁶ *Istoria Românilor.* Vol. VIII. P. 377.
- ³⁷ *Ibid.* P. 391 – 396.
- ³⁸ *Dobrinescu V.F.* Op. cit. P. 166.
- ³⁹ *Manoilescu M.* *Dictatul de la Viena. Memorii iulie-august 1940.* București, 1991; *V. Pop,* *Bătălia pentru Ardeal.* București, 1992; *Crainic N.* *Zile Albe. Zile Negre. Memorii.* București, 1991.
- ⁴⁰ *Istoria Românilor.* Vol. VIII. P. 598.
- ⁴¹ *Buzatu Gh.* *România cu și fără Antonescu. Documente, studii, relatări și comentarii.* Iași, 1991.
- ⁴² *Carmilly-Weinberger M.* *Drumul vieții. Operațiunea de salvare a evreilor refugiați pe granița ungaro-română on Transilvania on 1936 – 1944.* Cluj-Napoca, 1996.
- ⁴³ *Dobrinescu V.F.* *România și Ungaria de la Trianon la Paris (1920 – 1947). Bătălia diplomatică pentru Transilvania.* București, 1996. P. 192.
- ⁴⁴ *Scurtu I., Buzatu Gh.* Op. cit. P. 405 – 406.
- ⁴⁵ *Klein G.* «Inceputurile rezistenței antisovietice în România (23 august 1944 — 6 martie 1945)» — 6 Martie 1945. *Inceputurile comunizării României,* București, 1995. P. 298; *23 August 1944. Documente, 1944 – 1945.* București, 1985.
- ⁴⁶ *România, marele sacrificat al celui de-al II-lea război mondial. Documente, I.* București, 1994. P. 249 – 250.
- ⁴⁷ *Sănătescu C.* *Jurnal.* București, 1993.
- ⁴⁸ *România, marele sacrificat...* P. 310 – 314.
- ⁴⁹ *Sălăgean M.* *Administrația sovietică în Nordul Transilvaniei (noiembrie 1944 — martie 1945).* Cluj-Napoca, 2002. P. 42 – 43.

- ⁵⁰ Ibid. P. 71 – 146.
- ⁵¹ *Giurescu D.C.* Guvernarea Nicolae Rădescu. București, 1996.
- ⁵² România, viața politică în documente 1945. București, 1994. P. 197.
- ⁵³ *Porter I.* Operațiunea «Autonomus». În România pe vreme de război. București, 1991. P. 300.
- ⁵⁴ *Tismăneanu V.* Condamnați la fericire: experimentul comunist în România. Sibiu-Brașov, 1991. P. 6.
- ⁵⁵ *Porter I.* Op. cit. P. 290 – 300.
- ⁵⁶ *Frunză V.* Istoria stalinismului în România. București, 1990. P. 180 – 182.
- ⁵⁷ *Mourin M.* Histoires des nations européennes. III. Depuis la deuxième guerre mondiale (1945 – 1962). Paris, 1963. P. 402.
- ⁵⁸ *Frunză V.* Op. cit. P. 181.
- ⁵⁹ România, viața politică în documente 1947. București, 1994. P. 60 – 75.
- ⁶⁰ *Micu M.* Dosar Ana Pauker. București, 1991. P. 112 – 113.
- ⁶¹ *Baciu N.* Agonia României 1944 – 1948. Dosarele secrete acuză. Cluj-Napoca, 1990. P. 256.
- ⁶² România, viața politică în documente, 1947... P. 308 – 311.

Х. Коммунистический режим в Румынии 1948–1989 гг.

Специфический коммунизм?

Немногим политическим доктринам, появление которых было обусловлено конкретными потребностями общества и которые рассматривались в качестве «национальных программ», удалось утвердиться в Румынии. Ориентированные на западные или восточные модели развития румыны давали себя убедить в правильности выбранного пути, задумываясь только об одном: как приспособить эти модели к румынским реалиям. Не стало исключением и отношение к новой для Румынии коммунистической концепции, которая провозглашала нехарактерную для политической ментальности страны политику насилия. Официально представленный как окончательный разрыв с прошлым, коммунизм унаследовал от этого прошлого значительно больше, нежели предполагали его лидеры.

Подобно своим предшественникам межвоенного периода, которые ориентировались на Запад, коммунистическая элита находилась во власти комплекса провинциальной неполноценности по отношению к советскому коммунизму. Находившиеся во время войны в Румынии члены компартии с подозрением и страхом смотрели на своих «титированных» товарищей, которые в эти годы работали в Коминтерне, Отделе внешних связей ЦК ВКП(б) или в управлениях Красной Армии и НКВД. Заботясь прежде всего о своем политическом выживании, являвшемся основным, по их мнению, условием достижения успехов, коммунисты Румынии проявили завидную последовательность в сохранении для Ру-

мынии традиционной неспособности к политическим союзам. На протяжении 1948—1989 гг. КПР прошла этапы тесного сближения с Москвой и явно выраженного отдаления от нее. Румынские коммунисты проявили исключительную способность улавливать нюансы международной политики и использовать их в своекорыстных интересах.

Единственной чертой, отличавшей румынский вариант коммунизма от всех остальных, была приверженность сталинизму. В большей или меньшей степени, по убеждению или по принуждению, с незначительными оттенками, сталинизм оставался основой режима на всем протяжении коммунистического правления вплоть до 1989 г. Почему румынский коммунизм основывался на принципах сталинизма? Вопреки расхождениям с СССР во внешней политике после 1956 г. КПР с особым пристрастием относившаяся к сохранению внутренней стабильности, не выходила за рамки строгой ортодоксальности, исключив таким образом возможность советского силового вмешательства. После смерти Сталина, преодолевая югославский кризис в 1953—1956 гг. и столкнувшись с взрывоопасными ситуациями в Восточной Германии, Чехословакии, Польше и Венгрии, Советский Союз практически перестал навязывать другим странам модели внутреннего развития, ограничиваясь охраной «внешней стены» лагеря. Обеспечение принадлежности к советской системе путем военного сотрудничества и стремление сохранить руководящую роль компартии служили единственной причиной советского военного вмешательства в Восточной Европе. Пока эти два принципа, лежавшие в основе социалистического лагеря, оставались незыблемыми, все вопросы можно было решить путем переговоров. Румыны хорошо усвоили этот урок и каждый раз успешно сдавали экзамены, действуя так, как этого требовала система.

Таким образом, попытка периодизации истории коммунистического режима в Румынии на основе анализа изменений в способах осуществления власти является практически невозможной. По сравнению с коммунистическими режимами Польши, Венгрии и Чехословакии, попытавшимися после смерти Сталина изменить отношения с народом, румынский режим «торговался» со своими подданными и преуспел в этом настолько, что смог оказаться в роли официального «диссидента», ни на миг при этом не подвергая себя опасности. Не общественность, а сама компартия Румынии стала носителем идей плюрализма, она оказывала со-

противление советским угрозам, мнимым или, по крайней мере, не столь опасным, как пытались представить их румынскому обществу правящие круги.

В качестве основных критериев оценки деятельности коммунистического режима румынские и иностранные исследователи рассматривают процессы внутреннего развития находившихся у власти группировок, а также особенности их внешней политики. Если исходить из этих соображений, румынский режим может показаться весьма непостоянным. Тем не менее все его действия не выходили за те рамки, которые были установлены югославским или китайским режимами сразу после смерти Сталина.

Борьба за власть в качестве основополагающего фактора коммунистического правления позволяет выделить четыре этапа. На каждом из них происходили коренные изменения в структурах и программах группировок, находившихся у власти вследствие занятия ключевых постов в партии и государстве.

Первый этап — этап «борьбы за право войти в доверие» охватывает период 1948 — 1952 гг. Он открылся началом процесса коммунистических реформ и завершился устранением «антипартийной группировки» во главе с Анной Паукер. В этот период две группировки, стоявшие на одинаковой платформе, но имевшие разное происхождение, вели скрытую борьбу за право применения на практике советской модели. Устранение Анны Паукер, Теохарие Джеорджеску и Василие Луки, оцениваемое большинством историков как победа «национальной группировки», означало как раз победу сталинизма в условиях развязывания в самом СССР борьбы против «космополитизма», ибо без этой победы их удаление от властных структур было бы невозможным.

Второй этап — этап укрепления «внутренней» группировки относится к периоду 1952 — 1965 гг., а точнее — с момента назначения (2 июня 1952 г.) Георгиу-Дежа председателем Совета Министров и до принятия Декларации Румынской рабочей партии (РРП), посвященной международному коммунистическому и рабочему движению и смерти Дежа. На протяжении довольно длительного времени осторожная и всегда сохранявшая за собой возможность пересмотра своей политики победоносная группировка сумела добиться перехода от классической советской модели к режиму с внешними признаками национальной специфики.

Выработанный как ответ на реформаторскую политику Хрущева вариант румынского социализма — обеспеченный поддерж-

кой Мао, который, в свою очередь, выступал против СССР со сталинистских позиций — за короткое время приобрел явно выраженную антисоветскую направленность. Учитывая ограниченный характер возможных изменений, а вернее, необходимость сохранения и укрепления своей власти, перемены в Румынии времен Дежа были скорее продолжением взятого до 1953 г. политического курса, но теперь уже по инициативе внутривластных сил и с национальной окраской. Это был период, когда румынские коммунисты проявляли себя наследниками сталинизма. Как результат в 1958 г. они демонстрировали проявление самого жесткого режима Восточной Европы.

Ослабление административных структур советского происхождения, вывод советских войск из Румынии, сопротивление внедрению некоторых проектов по линии СЭВ и Декларация о независимости обеспечили Дежу положение абсолютного диктатора и позволили ему завоевать репутацию национального лидера.

Первые шаги по выходу из-под советской опеки сопровождались несколькими волнами репрессий — в 1953, 1956 и 1958 гг. Начатый в 1961 г. робкий процесс либерализации достиг своей кульминации в 1963 г., когда многие репрессированные были амнистированы, освобождены из тюрем, но сам репрессивный аппарат не был затронут, была лишь ослаблена интенсивность его деятельности. Партия и государство имели все необходимое (учреждения, законы и принципы действия), чтобы вернуться к политике террора, если возникнет такая необходимость.

Третий этап охватывает период 1965—1974 гг. — он начался с прихода к власти Николае Чаушеску и закончился его назначением на пост президента Румынии. С точки зрения изменений внутри властных структур этот период коммунистического правления можно рассматривать следующим образом — была продолжена та же внутренняя и внешняя политика, усилия же новых лидеров были направлены на дискредитацию «отцов-основателей» и создание базы для собственной власти. Фактически к руководству РРП — КПП пришли представители второго эшелона. Перемены внутри руководящих органов партии и попытки вступить в диалог с обществом не привели к изменению роли компартии, а лишь обострили ее «чутье», заставив быть внимательнее к предписаниям нового лидера. Сдержанная либерализация в сфере общественной и культурной жизни проводилась согласно положениям, взятым из выступлений лидера и официальных партийных

документов без принятия соответствующих законов, которые могли бы обеспечить реальную независимость общества или деятелей культуры от партии.

Н. Чаушеску появился на международной арене, выступив с осуждением советского вторжения в Чехословакию в августе 1968 г., прозвучавшим как открытый вызов Советскому Союзу. С этого момента деятельность КПР приобрела двойственный характер: с одной стороны, проводилась макроэкономическая либерализация, с другой стороны, все более ужесточалась внутренняя политика.

Столкнувшись с внешней опасностью, которая на самом деле была весьма иллюзорной, Н. Чаушеску выбрал путь мобилизации партии и страны под руководством энергичного лидера, предлагавшего Румынии идеологическую смесь примитивного коммунизма с романтическим национализмом. Наступление на гражданское общество началось в чисто сталинском стиле — с требования призвать к порядку деятелей «культурного фронта», за которым последовало применение статей Уголовного кодекса, предписывавших гражданам в обязательном порядке сообщать о связях с иностранными гражданами, а также ставить на учет в милиции пишущие машинки. В тех условиях подобные меры объяснялись опасностями для режима, безусловно, мнимыми.

Учреждение должности президента Социалистической Республики Румыния (СРР) в 1974 г. явилось попыткой приспособить государственный строй к тем изменениям, что происходили в господствовавшей идеологии, проявлявшимся в слиянии коммунистических принципов с элементами румынского королевского патернализма. Кроме своего символического значения, вводимая должность президента с закреплением его полномочий в Конституции должна была стать свидетельством отказа от коммунистических догм. Впредь Н. Чаушеску считал себя вправе прибегать как к румынским традициям, так и к использованию коммунистических канонов для принятия решений по вопросам внутренней, и внешней политики.

Никаких изменений в руководящих органах в период 1974 – 1989 гг. фактически не произошло. Главной целью стало укрепление роли супруги диктатора в политической жизни. Н. Чаушеску никогда не приходилось сталкиваться с организованной оппозицией внутри партии. Вследствие ослабления позиций Румынии на международной арене и исчерпания благоприятных последствий

макроэкономической политики предыдущего периода консервативные тенденции в области идеологии приобрели постоянный характер.

Борьба за право войти в доверие 1948–1952 гг.

1947 год стал поворотным в отношениях не только между Востоком и Западом, но и между Советским Союзом и Восточной Европой — будущей зоной его влияния. В результате огромных усилий советское руководство сумело в странах Восточной Европы, за исключением Чехословакии и Венгрии, привести к власти коммунистические партии. Предполагалось, что основное влияние в этом регионе будет принадлежать Москве, хотя поначалу ничто не предвещало скорого преобразования этих стран по советскому образцу. Не заявляя о своих намерениях создать такую внешнеполитическую модель, которая предполагала бы превращение стран Восточной Европы в послушных сателлитов, СССР вел молчаливое наступление, не давая ни США, ни Великобритании повода для вмешательства в политическое устройство оккупированных или освобожденных стран. Осенью 1947 г. советское руководство было вынуждено официально закрепить свое господствующее положение в Восточной Европе, создав Информационное бюро коммунистических партий*. Как и в случае с другими странами, ситуация с Румынией полностью вписывается в «ортодоксальный» сценарий, который привел к монополии компартии. «Отторжение Сталиным Восточной Европы и его отказ смягчить советский контроль над ней определили американскую и английскую внешнюю политику после Второй мировой войны»¹. Деятельность компар-

---

* В сентябре 1947 г. в Варшаве состоялась конференция коммунистических партий стран Восточной Европы, Франции и Италии с целью создания органа по «информационной координации» всех компартий. Такая необходимость была вызвана провозглашением «Плана Маршалла», в котором советское руководство увидело угрозу сфере своего влияния, созданной после войны. Другой причиной стала возрастающая тенденция Югославии, Болгарии и Чехословакии действовать по своему усмотрению без предварительной консультации с Москвой. Глава советской делегации А. Жданов выдвинул теорию о разделении мира на два «лагеря» — «демократический» и «империалистический», между которыми существуют якобы непримиримые противоречия. Создание Информационного бюро коммунистических партий (Коминформ)

тии Румынии в этот период осуществлялась под руководством двух лидеров — Георге Георгиу-Дежа и Анны Паукер. Первый, избравшийся еще в 1945 г. на пост Генерального секретаря КПР, пользовался формальным авторитетом, объединяя вокруг себя значительную часть коммунистов, которые в годы войны находились в тюрьмах или на нелегальном положении.

Деж родился в 1901 г. в бедной семье в одном из сел Правобережной Молдовы и абсолютно соответствовал идеальному образу коммуниста. Став членом партии с момента ее создания, Деж обратил на себя внимание властей участием в агитационной деятельности и участившимися нарушениями дисциплины на железных дорогах, что могло быть чревато катастрофами. За участие в качестве местного лидера коммунистического движения в рабочих забастовках 1930-х годов он был приговорен к заключению и освобожден лишь после устранения Антонеску летом 1944 г.

Годы, проведенные в тюрьме (1933 – 1944), позволили ему стать неформальным лидером тех партийцев, которые находились в заключении. Совместно с Эмилем Боднэрашем он смог добиться смещения, а затем и ликвидации генерального секретаря КПР Штефана Фориша. Неизвестный Москве, которая с подозрением относились ко всем коммунистическим лидерам, выдвигавшимся на видное место без поддержки советских чиновников (как это оказалось в случае с В. Гомулкой), Деж был вынужден с осени 1944 г. делить власть со старым деятелем Коминтерна Анной Паукер.

Она родилась в 1893 г. в Правобережной Молдове. Урожденная Рабинович, она получила фамилию Паукер после брака с коммунистическим деятелем Марчелом Паукером. В ряды Социалистической партии вступила в 1915 г. и проявила себя в 1917 – 1918 гг., участвуя в подготовке ряда рабочих стачек. В 1922 г. ее избирают членом ЦК КПР. В 1925 г. Анна Паукер была

явилось следствием решения Сталина о создании координационного центра, который бы включал прежде всего компартии Восточной Европы. Налаживание его активной деятельности, которое произошло в короткие сроки, объясняется стимулирующими факторами не только со стороны сферы советского влияния, но и со стороны Запада, прежде всего США. В равной степени Коминформ мыслился как ответ на проявившуюся со стороны балканских компартий тенденцию действовать самостоятельно и в то же время как реакция на попытки поддержать американские интересы. В качестве его местонахождения был выбран город Белград, где находилась и редакция печатного органа «За прочный мир, за народную демократию». — *Примеч. авт.*

арестована, но сумела бежать из тюрьмы и эмигрировала в Советский Союз, где работала в румынском отделе Коминтерна. В 1934 г. нелегально вернулась в Румынию и была назначена секретарем КПР, однако вскоре ее вновь арестовывают и приговаривают к 10 годам лишения свободы. В 1940 г. Румыния и Советский Союз обменялись заключенными — Анна Паукер была передана советским властям взамен на одного жителя Бессарабии, который содержался в СССР.

Наделенная острым умом и обладавшая инстинктом выживания, Анна Паукер очень скоро стала руководителем румынского отдела Коминтерна. Подобно немецким, венгерским, болгарским или финским коммунистам в годы войны она была зачислена в штат VII отдела Политического управления Красной Армии, которое занималось вопросами деморализации и перевоспитания солдат противника. В этом качестве Анна Паукер активно участвовала в создании просоветских дивизий из числа румынских военнопленных, которые впоследствии составили ядро вооруженных сил коммунистической Румынии, став военной опорой партии при захвате ею власти.

Сталин повсюду подогревал междоусобную борьбу за власть, имея целью сохранение действенного контроля над партиями и предотвращение любой идеологической ереси. С этой точки зрения румынские коммунисты ничем не отличались от своих собратьев из других восточноевропейских стран. Политика Сталина принесла желаемые результаты. За право войти в доверие к Москве развернулась настоящая борьба между группировкой коммунистов, вернувшихся из СССР (Анна Паукер, Василе Лука и примкнувший к ним «местный» Теохарие Джеорджеску), и группировкой Георгие Георгиу-Дежа, поддержанной бывшим советским агентом Эмилом Боднэрашем, которая демонстрировала крайние проявления догматизма. В силу ограниченности мировоззрения и внутренних распрей ни одна из сторон не могла принимать сколь-нибудь важных решений без консультации с советниками или дипломатами из Москвы и не получив их согласия.

Четвертого февраля 1948 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Румынией и Советским Союзом. Будучи одним из первых договоров, заключенных между СССР и странами региона, он послужил политическим сигналом для начала процесса создания советским руководством

единой системы безопасности с целью подчинения стран Восточной Европы Советскому Союзу. Основанный на идее совместной обороны против Германии или другого государства, «открыто или иным путем» присоединившегося к ней, договор замышлялся как ответ на попытки Запада создать аналогичный союз. Подписанный со сроком действия на 20 лет и предусматривавший возможность продления еще на пять лет, этот договор определял лишь общие рамки сотрудничества между двумя странами без каких-либо конкретных положений.

Принятое в конце 1947 г. на последнем съезде Социал-демократической партии решение об объединении с коммунистами позволило Коммунистической партии Румынии распространить свой контроль на рабочее движение и стать официальной партией всего пролетариата. В результате масштабной кампании по приему в партию, ответственность за организацию которой возлагалась на Анну Паукер, КПП превратилась в массовую партию: теперь она насчитывала в своих рядах 1 млн 60 тыс. членов, включая 250 тыс. бывших членов СДП. Это, впрочем, не являлось свидетельством особой популярности коммунистов или поддержки со стороны румынского общества реформ крайне левого характера. Приход КПП к власти давал шанс тем, кто пытался искупить свои грехи за сотрудничество с военной диктатурой и участие в легионерском движении, а также тем, кто стремился сделать карьеру в партийных и государственных органах. Молодые неквалифицированные рабочие, в основном бывшие легионеры, солдаты созданных в СССР румынских дивизий, лица, занятые в административных структурах, обслуживавших Красную Армию, бывшие социалисты, а также чиновники из учреждений, контролируемых коммунистами, пополнили ряды партии в ходе организованной кампании. Таким образом была решена задача превращения КПП в массовую партию. В этих условиях, при отсутствии революционно-романтических традиций, которые возникли во время подпольной борьбы партии Болгарии и Югославии или в процессе парламентской деятельности, как в Чехословакии, членами КПП с самого начала ее правления оказались не самые лучшие люди. Оппортунистами, карьеристами и малограмотными маргиналами при весьма незначительном количестве убежденных членов партии в КПП была создана идеальная атмосфера для частых изменений курса и отсутствия идейного инкомыслия.

Под давлением советского руководства, которое считало необходимым всячески умалять заслуги членов партии в годы войны, румынские коммунисты начали кампанию за ужесточение условий принятия новых членов в свои ряды с целью обеспечения идеологического единства. На I съезде Румынской рабочей партии (название КПР возникло после слияния с СДП), состоявшемся 21 – 23 февраля 1948 г., генеральным секретарем был избран Георге Георгиу-Деж, а А. Паукер, В. Лука и Т. Джеорджеску стали членами Секретариата. Генеральный секретарь Деж во всем зависел от группировки, руководимой А. Паукер, которая составляла большинство в Секретариате и могла отклонить любое предложение генерального секретаря или даже снять его с поста.

Были определены жесткие условия вступления в партию с целью предотвращения проникновения в ее ряды «представителей эксплуататорских классов». По образцу ВКП(б) обязательным стал кандидатский стаж для приема в члены компартии. Принятая в ноябре 1948 г. резолюция ЦК РРП положила начало массовой чистке, имевшей целью укрепление идеологической дисциплины в партии и создание более четкой организационной структуры в соответствии со стоявшими перед ней задачами. В политическом и организационном плане коммунистам необходимо было отказаться от непродуманных действий периода борьбы за власть и приступить к новому этапу деятельности, когда в стране осталась единственная партия власти, которая должна была осуществлять тотальный контроль над обществом, экономикой и государственным аппаратом. В результате чистки было исключено 192 тыс. «враждебных эксплуататорских элементов» и была расширена организационная структура. По советской модели в Центральном Комитете были созданы отделы по вопросам молодежи, женщин, крестьян, рабочих, профсоюзов, развития промышленности. Партия готовилась к проведению широких реформ.

Парламент, избранный 19 ноября 1946 г., объявил о своем самороспуске 25 февраля 1948 г. Были назначены выборы в Великое национальное собрание, которое должно было принять новую конституцию страны. На выборах 28 марта 1948 г. победу одержал Национально-демократический фронт, получивший 93,2% голосов и 405 депутатских мест. Это были последние выборы периода социализма, в которых, помимо партии власти, участвовали и другие политические силы — Национал-либеральная партия (Петру Бежан) и Крестьянско-демократическая партия (Николае Лупу).

По случаю годовщины прихода к власти коммунистов 6 марта 1948 г. был опубликован текст Конституции Народной Республики Румынии, а 13 апреля 1948 г. основной закон был единогласно принят Великим национальным собранием. Новая конституция страны провозглашала, что «вся власть принадлежит народу и исходит от народа» посредством Великого национального собрания и народных советов. Великое национальное собрание являлось «верховным органом государственной власти», который принимал законы, объявлял войну и заключал мир. Президиум этого органа и Совет Министров были ответственны только перед Великим национальным собранием. Вопреки признанию частной собственности на землю, частных торговых учреждений и промышленных предприятий, не исключалась возможность проведения национализации в случаях, когда этого «требовали высшие интересы». Демократические права были гарантированы при условии, что «преследуемые цели не противоречат демократическому порядку, предусмотренному Конституцией». В целом новая румынская конституция была составлена по образцу сталинской конституции 1936 г. с тем уточнением, что Румыния находится на этапе перехода от капитализма к социализму.

Первой важной мерой, предпринятой Великим национальным собранием, стало принятие 11 июня 1948 г. Закона о национализации промышленности, транспорта, страховых компаний и банков. Этот шаг был тщательно подготовлен, так как преследовал цель — лишить политическую оппозицию экономической базы и передать компартии все средства производства. После установления в декабре 1945 г. контроля над Министерством промышленности КПР сумела через Комиссию по экономическому восстановлению на основе учета всех предприятий воссоздать реальную картину положения в экономике страны. Более того, еще 28 декабря 1946 г. был принят специальный закон о национализации Национального банка Румынии, что позволило установить прямой контроль государства над всеми кредитными учреждениями.

Принятый в июне 1948 г. закон к 1950 г. затронул 1060 предприятий, т. е. около 90% промышленного производства. Закон предусматривал возмещение убытков бывшим собственникам путем выдачи государственных облигаций, но правительство данного обязательства не выполнило. Национализация не коснулась советско-румынских совместных предприятий (совромы), в которых 50% собственности принадлежало Советскому Союзу. Фор-

мально оставаясь совместными предприятиями, в действительности они стали средством экономической эксплуатации, поскольку на них распространялось право экстерриториальности и право пользования налоговыми льготами. Из-за нехватки квалифицированных и политически «благонадежных» специалистов национализация на начальном этапе вызвала хаос. Именно поэтому несколько позже в экономике было введено планирование. Лишь после эксперимента с принятием годового плана в апреле 1950 г. Политбюро одобрило пятилетний план, который был узаконен 16 декабря 1950 г. Основанный на «продуманной и дальновидной концепции», этот план был всего лишь повторением советской модели, ибо основной упор в нем делался на развитие машиностроения, на рост производства электроэнергии и повышение производительности труда на 57%. Главной его целью было превращение Румынии «в страну с развитой социалистической промышленностью и механизированным социалистическим сельским хозяйством».

В августе 1948 г. настала очередь сферы образования. Все церковные школы и действовавшие под покровительством иностранных государств учебные заведения были закрыты, а всем остальным была навязана советская модель обучения. В Румынии были введены в качестве обязательных идеологические предметы и делался особый упор на преподавание точных наук. Преобразование учебных заведений сопровождалось чистками среди преподавательского состава, особенно в вузах. Начиная с 1948 г. сотни представителей интеллигенции были сняты с занимаемых должностей, а многие предстали перед судом. Созданная в 1866 г. и имевшая автономный статус, предоставленный законом от 1879 г., Румынская академия должна была подчиниться интересам официальной политики. Опубликованный 9 июня 1948 г. декрет предусматривал, что она «становится государственным учреждением» и «должна проводить свою деятельность с учетом необходимости укрепления и развития Румынской Народной Республики». Председатель Президиума Великого национального собрания К.И. Пархон, симпатизировавший социалистам еще в годы войны, назначил примкнувшего к коммунистам агронома Т. Сэвулеску на должность генерального секретаря академии. На основании ряда принятых законов Академия РНР была переподчинена Совету Министров, а Т. Сэвулеску стал ее президентом.

Одновременно государство предприняло полицейские меры, направленные против церкви, преследуя цель полного подчинения ее государству. Принятый 4 августа 1948 г. Закон о вероисповеданиях предусматривал установление тотального контроля со стороны Министерства культов над всеми конфессиями, деятельность которых разрешалась только при условии признания ими Конституции и безоговорочной поддержки «государственного строя». Представители всех конфессий были обязаны представлять в министерство уставы, на основании которых они действовали, а государство в ответ на это обязалось выплачивать денежное содержание священнослужителям. В результате, как и в Советском Союзе, в Румынии появилась официальная церковь, в отношении которой государство проявляло терпимость, в то время как другие вероисповедания были запрещены. Лишенная какой-либо поддержки извне и находившаяся в полной зависимости от государственных средств, не имевшая традиции противостояния власти, православная церковь сравнительно легко была подчинена политическим интересам. Компартия получила право окончательного решения во время выборов патриарха и членов Синода, а также Национального церковного совета. Вместо патриарха-антикоммуниста Никодима 24 мая 1948 г. патриархом был избран старый знакомый Дежа — Юстиниан Марина. Обычный сельский священник, он в августе 1944 г. приютил в своем доме Г. Георгиу-Дежа, когда будущий генсек нелегально перебрался в Бухарест. Координируя свои действия с политикой партии Марина направлял деятельность церкви в поддержку усилий государства по устранению последствий войны и голода. Рядовые священнослужители не были повинны в подчинении народных масс антирелигиозной политике государства и в годы репрессий часто оказывались в лагерях и тюрьмах.

Римско-католическая церковь, отношения которой с государством регламентировала заключенная 10 мая 1927 г. конвенция с Ватиканом, отказалась принимать выдвинутые ей условия. Семнадцатого июля 1948 г. румынское правительство в одностороннем порядке денонсировало конвенцию с Ватиканом, а ряд католических иерархов и священников был арестован. Осенью 1948 г. руководство страны попыталось силой подчинить себе римско-католическую церковь, решив сократить число епископств с шести до двух и намереваясь заменить строптивых иерархов на более сговорчивых. Вследствие решительной реакции Ватикана и международно-

го давления румынским лидерам пришлось отказаться от первоначальных планов и ограничиться предоставлением римско-католической церкви полуофициального статуса. Оставаясь незарегистрированной, не имея поддержки государства и практически не имея возможности вести активную деятельность, римско-католическая церковь оказалась на положении конфессии, которую терпит государство.

Иначе сложилась судьба греко-католической церкви. Спекулируя на положении Румынской православной церкви, коммунистический режим добивался ее подчинения, обещая поддержать возвращение греко-католической церкви в лоно «церкви-матери». 1948 г. был отмечен началом кампании обещаний и нажима на униатов с целью заставить их вернуться в православие. Первого октября 1948 г. в Клуже был созван съезд, который должен был принять решение о возвращении «блудного сына». Все прошло как и планировалось — 38 делегатов и 423 священника высказались в пользу православия. Ожидалось, что это вызовет бурную реакцию со стороны греко-католической церкви, что, в свою очередь, оправдает принятие репрессивных мер. Греко-католическое руководство приняло решение об отлучении участников съезда от церкви, а власти прибегли к многочисленным арестам среди иерархов и священников. В начале ноября 1948 г. греко-католические епископства были ликвидированы, а 1 декабря 1948 г., в день, когда отмечалась годовщина объединения Трансильвании с Румынией, были закрыты приходы, и греко-католическая церковь прекратила свое существование. На тот момент среди ее последователей насчитывалось около 1,5 млн верующих, а в ее собственности находилось 1725 культовых зданий. Часть верующих присоединилась к Румынской православной церкви, а часть продолжала тайно выполнять свои обряды. Культовые и административные здания, а также школы, за исключением тех, что перешли в собственность румынской православной церкви, были секвестрованы государством. Как и в рабочем движении, раскол внутри Румынской православной церкви был устранен силовыми методами.

Пленум ЦК РРП от 3 – 5 марта 1949 г. принял решение о «социалистическом преобразовании сельского хозяйства», что означало проведение коллективизации. На своем начальном этапе эта политика предусматривала постепенное объединение земельных наделов. Как и в СССР, основная цель коллективизации состояла

в том, чтобы ограничить в правах зажиточное крестьянство и запретить ему вступать в коллективные хозяйства. К концу 1949 г. удалось создать всего 56 коллективных хозяйств, крестьяне не проявляли в этом деле особого энтузиазма, поэтому применение силовых методов становилось неизбежным. Вскоре после начала коллективизации около 80 тыс. крестьян оказались в тюрьмах. Страна фактически превратилась в огромный судебный зад: почти 30 тыс. крестьян были осуждены на политических процессах, обвиненные в саботировании линии партии, направленной на коллективизацию сельского хозяйства. Официально этот процесс завершился в 1962 г.: 60% сельхозугодий страны перешли в собственность коллективных хозяйств, а 30% были отданы госхозам. В районах, где создание крупных коллективных хозяйств было невозможно, в личном пользовании крестьян осталось 9% общего фонда пахотной земли.

Репрессии распространились не только на крестьянство. Захват коммунистами власти явился причиной возникновения движения сопротивления среди различных слоев населения. Более всего это проявилось среди офицеров, судей, адвокатов и студентов, а также среди сторонников демократических партий или крайне правого движения, которые не принимали участия в проводимых властями преобразованиях.

Объединившись в небольшие группы (от 5 до 20 человек), участники сопротивления действовали в основном в горных и лесных районах страны, где власть коммунистов осуществлялась, как правило, через примаров (сельских старост) и участковых жандармов. При активной поддержке местных крестьян члены этих отрядов вели среди населения пропаганду идеи о неизбежности войны между СССР и США.

Начатые в 1948 г. коммунистами реформы привели к усилению движения военного сопротивления по всей стране. В Банате, например, действовала организация «Национальное движение сопротивления за Короля и Отечество», которая 8 октября 1948 г. распространила текст обращения к народу, в котором говорилось о неизбежности падения коммунистического режима. Генеральный департамент государственной безопасности обнаружил в области Клужа «Организацию бойцов сопротивления в горах Родна» под руководством лейтенанта Л. Бодиу². Среди наиболее известных групп сопротивления был отряд «Гайдуки Мусчела» во главе с Г. Арсенеску, которого силы безопасности сумели аре-

ствовать лишь в 1960 г. Особое место в антикоммунистическом движении сопротивления Румынии принадлежит организации «Голос крови». Созданная еще в конце 1945 г., она имела около 2 тыс. сторонников в Бухаресте и свыше 3 тыс. по всей стране, большинство из них были действующими или находившимися в запасе офицерами. В мае 1946 г. организация «Голос крови» распространила воззвание, носившее характер политической программы, в которой среди прочих ставились задачи возвращения Румынии статуса «независимого государства, основанного на национальной идее», соблюдения «человеческого достоинства» и свободы прессы, сохранения частной собственности в экономике, объявления амнистии для политзаключенных, создания крестьянских кооперативов исключительно на добровольной основе и проведения преобразований в армии без влияния политики, решения национального вопроса путем обмена населением и развития отношений добрососедства с другими странами, а также ставилась задача взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела на взаимной основе с Советским Союзом³.

В докладе Генерального департамента государственной безопасности (1951) указывалось, что из 804 арестованных участников движения сопротивления 88 человек были членами НЦП Маниу, 79 — являлись бывшими членами «Фронта земледельцев», руководимого П. Грозой, 73 — были «железнодорожниками», 42 — оказались бывшими коммунистами и 15 — были членами НЛП⁴. После проведения национализации и принятия новых планов экономического развития коммунистический режим начал кампанию против крупных промышленников, которые подозревались в финансовой поддержке движения сопротивления. Одним из наиболее громких оказалось дело, по которому проходила группа, состоявшая из шести промышленников во главе с Р. Ксенополом и А. Димитриу, обвиненных во вредительстве на собственных шахтах, организованном якобы с целью спровоцировать энергетический кризис.

Новым для Румынии стало применение насильственного труда в широком масштабе. Сопротивление процессу советизации страны, а также потребность в дешевой рабочей силе активизировали появление значительного количества лагерей подневольного труда. Двадцать пятого мая 1949 г. ЦК РРП принял решение о строительстве канала Дунай — Черное море. Аргументация влас-

тей в пользу экономической необходимости данного проекта выглядела весьма неубедительной. Есть предположение, что в действительности проект имел целью создание прямого пути через Черное море и Дунай и канал Одер – Рейн для обеспечения доступа Советского Союза к Югославии. Это строительство стало идеальным условием для создания лагерей подневольного труда, через которые прошли все «противники режима»: члены бывших демократических партий, зажиточные крестьяне, представители интеллигенции, священники, сионисты, трансильванские немцы, сербы, проживавшие на границе с Югославией. В начале 50-х годов в разных лагерях находилось около 80 тыс. человек, половина из них работали на строительстве канала Дунай – Черное море и содержались в 8 лагерях. Кроме них, на строительстве были заняты 20 тыс. вольнонаемных.

Массовые репрессии предполагали и создание соответствующего аппарата. В начальный период «народной власти» коммунисты при поддержке СССР ограничились установлением своего контроля над главными силовыми ведомствами, оставшимися после старого режима – полицией, жандармерией и Специальной службой информации (ССИ), главой которой был назначен советский гражданин, офицер МГБ Сергей Никонов. Советский гражданин П. Гончарук, уроженец Бессарабии, стал руководителем румынской контрразведки, представитель советского МВД П. Боднаренко возглавил политический и административный отделы КПР, обеспечивавшие контроль над идеологической подготовкой членов партии и сбором информации среди них. Процесс советизации страны потребовал создания репрессивных органов по советскому образцу. Летом 1948 г. в составе руководимого Т. Джеорджеску МВД был организован Генеральный департамент государственной безопасности — ведомство, которое должно было заменить известную в прошлом «Сигуранцу», с более широкими полномочиями, распространявшимися на всю страну. Новая политическая полиция коммунистического режима полностью копировала модель созданного большевиками в 1917 г. ЧК. Созданная для решения в основном внутренних задач, она строилась как сугубо военное ведомство — кадровые офицеры, все виды вооружения, набор личного состава по принципу, используемому классическими армиями. Руководство Генерального департамента государственной безопасности обеспечивали три советских офицера: П. Боднаренко

(директор) и его помощники А. Никольский (Б. Грюмберг) и В. Мазур.

Центральные структуры Генерального департамента государственной безопасности состояли из десяти основных отделов, включая отделы внутривластной информации, борьбы с саботажем, разведки, уголовных и политических расследований; в них входили также вспомогательные службы по перлюстрации почты, осуществлению сыска и прослушиванию телефонных разговоров. Генеральный департамент государственной безопасности располагал по всей стране тринадцатью региональными управлениями, каждое из которых в точности повторяло центральную структуру. Имея во главе советских офицеров и находясь под постоянным надзором советских представителей, Генеральный департамент государственной безопасности первоначально не занимался решением внешних задач. В составе руководящих органов было много представителей национальных меньшинств, это были в основном старшие офицеры, занимавшиеся идеологическими вопросами. Можно предположить, что на службе в Генеральном департаменте государственной безопасности оказалась значительная часть кадров старой службы информации Румынии. Первоначально в его рядах работали 3973 офицера, в числе 60 старших офицеров было 38 румын, 15 евреев, 3 венгра, 2 украинца, 1 чех и 1 армянин.

В начале 1949 г. был создан Генеральный департамент милиции, а также войск сил безопасности, которые должны были заменить полицию и жандармерию.

Абсолютно новая государственная структура и отлично налаженная при советской поддержке система «карающего меча» давали все основания предполагать, что компартия и молодая республика были готовы исполнить любые указания Советского Союза⁵.

Несмотря на то что за короткое время румынская компартия стала самой массовой организацией и осуществляла полный контроль над страной, внутри нее сохранились различные группировки. Возглавляемая Штефаном Форишем в годы войны, румынская компартия слабо контролировалась советским руководством вследствие эффективности действий румынских секретных служб, а также трудностей, с которыми сталкивался Советский Союз. Официальное руководство КПР оставалось формальным, так как и оно было не в состоянии обеспечить контроль над конкурирующими между собой группировками.

Наиболее активной из них была группировка находившихся в тюрьмах коммунистов во главе с Георге Георгиу-Дежем. Изворотливый и энергичный, способный обеспечить необходимые связи, Деж сумел в период войны распространить свое влияние среди членов партии и изолировать официальное руководство КПР, обвинив его в сотрудничестве с властями. В условиях, когда исход войны уже не вызывал сомнений, он добился весной 1944 г. смещения Ш. Фориша с поста генерального секретаря КПР при помощи перебежавшего на сторону СССР бывшего офицера румынской армии Э. Боднэраша. Чтобы придать произошедшему перевороту видимость революционной законности, партию стало возглавлять коллективное руководство в составе Э. Боднэраша, К. Пырвулеску и И. Рангеца.

Прибытие в страну в сентябре 1944 г. бывших коминтерновских работников во главе с известной Анной Паукер — явных ставленников Советского Союза — еще более усложнило процесс борьбы за власть внутри партии. Коминтерновская группировка под руководством А. Паукер, В. Луки (Ласло Лука), Л. Рэуту (Лев Ойгенштейн) и В. Романа (Эрнст Нойландер) прошла весьма неоднозначный путь. Направленная в Бухарест с целью возглавить партию и будучи уверенной в своих силах, при активной советской поддержке, оказанной через посредство Г. Димитрова, А. Паукер предпочла оставаться в руководстве партией на вторых ролях и в октябре 1945 г. предложила кандидатуру Дежа на пост генерального секретаря ЦК КПР. Осознавая неизбежность определенных трудностей в будущей деятельности, учитывая свое положение как женщины и свое еврейское происхождение, А. Паукер обеспечила себе ведущую роль в Секретариате ЦК КПР, в состав которого вошли также Г. Георгиу-Деж, В. Лука и Т. Джеорджеску. Таким образом, на протяжении всего периода 1944 — 1948 гг. группировка Дежа фактически находилась на вторых ролях.

Располагая ограниченным влиянием в рядах партии и будучи мало знакомым со Сталиным, Деж стремился противопоставить коминтерновской группировке образцовое соблюдение политических принципов, одновременно пытаясь укрепить свою власть и привлечь на свою сторону коминтерновцев второго эшелона. В рядах КПР началась борьба за право получить доверие со стороны советского руководства.

Социализм может быть только «сталинским» и советским

1948 год, отмеченный началом открытой антиеврейской кампании в Советском Союзе и советско-югославским разрывом, стал переломным и для руководства Румынской рабочей партии. По сравнению с политикой антисемитизма Сталина позиция Дежа казалась идеальной. Румын по национальности и пролетарий по происхождению, Деж был проводником высоко ценимого Сталиным политического курса и проявлял примерную покорность. Тем самым он являл собой образ нового лидера, в котором нуждалась партия. Однако советско-югославский конфликт в какой-то мере спутал карты. Противники Дежа внутри партии доносили Сталину о том, что он оказывал предпочтение коммунистам румынской национальности, пытаясь представить его таким образом как сторонника «национального коммунизма». Его стремление опираться именно на коммунистов-румын, независимо от их социального происхождения, было, однако, продиктовано не столько национализмом, сколько его убежденностью в том, что именно им принадлежит право руководить партией. В ходе войны именно они находились в Румынии и подвергались репрессиям военного режима, не имея при этом практически никакой поддержки со стороны советского руководства.

Единственный, кто этому не соответствовал, был Лукрециу Пэтрэшкану. Деятель компартии с момента ее основания в 1921 г., адвокат, получивший образование во Франции и Германии, выходец из известной интеллигентной семьи, Пэтрэшкану во время войны был известен румынским властям как лидер партии. Сохраняя свою подчеркнутую независимость и будучи не менее циничным, чем его партнеры с более скромным образованием, Пэтрэшкану начал активно проявлять себя на посту министра юстиции в период 1944 – 1948 гг.: именно он проводил чистку центральных и местных государственных органов после прихода к власти коммунистов.

Советско-югославский конфликт для Пэтрэшкану имел свои трагические последствия. Известный своими националистическими взглядами и отвергнутый всеми противоборствующими группировками, он — с его прошлым и связями в западных кругах — оказался наиболее подходящей кандидатурой на роль шпи-

она и «врага народа». Под нажимом советского руководства, которое требовало найти связь между Пэтрэшкану и уже арестованными лидерами других известных румынских партий — Ю. Маниу, И. Михалаке и Г. Брэтиану, на I съезде РРП в феврале 1948 г. Пэтрэшкану был обвинен министром внутренних дел Т. Джеорджеску в том, что он якобы «утратил революционную бдительность» и оказался под «буржуазным влиянием». Вскоре он был исключен из состава ЦК РРП и смещен с поста министра юстиции. Утверждения некоторых исследователей, что во время следствия А. Паукер якобы потребовала соблюдать корректность в отношении Пэтрэшкану, не подтверждаются. В действительности обе группировки в руководстве РРП занимали единую позицию в деле устранения Пэтрэшкану.

По мере того как советско-югославский конфликт приобретал затяжной характер, а Тито удалось установить полный контроль над компартией Югославии, всем находившимся у власти компартиям была навязана «охота на ведьм», нацеленная против коммунистов, известных своими националистическими взглядами.

В принятой Пленумом ЦК РРП (10–11 июня 1948 г.) резолюции Лукрециу Пэтрэшкану был подвергнут критике за «отказ от политики классовой борьбы». Это стало своеобразным сигналом для его ареста и начала длительного следствия, которое завершилось лишь в 1954 г., когда — уже в иных политических условиях — после краткого и бездоказательного судебного разбирательства он был расстрелян.

Перемещение центра Коминформа из Белграда в Бухарест и более активное участие Румынии в антиюгославской кампании превратили Дежа в ближайшего партнера Сталина. Оказавшись во главе антититовской пропаганды, Деж сумел избавиться от облика коммуниста-националиста, созданного усилиями группировки А. Паукер, а доверие советского руководства к Дежу укреплялось по мере развертывания Сталиным антиеврейской кампании.

Завершение в 1950 г. проверок в партии дало Дежу удобный повод для ослабления влияния группировки А. Паукер. Проверка личных дел и обмен партийных билетов послужили прикрытием для чисток. Организованные по образцу аналогичной акции в ВКП(б) в 1949 г., чистки 1948–1950 гг. в Румынии привели к исключению из партии 192 тыс. членов. Они оценивались некоторыми исследователями как «пролетаризация» и «румынизация» компартии. Преобладание местных элементов в компартии и рабо-

чье происхождение ее членов выдвигались в качестве основополагающего принципа нового политического курса Сталина, а не проявления стратегической линии группировки Дежа. Открыто осудив проявление местничества, Сталин именно в нем усмотрел истинные причины выступления Тито. Этим объясняется то обстоятельство, что крен в сторону догматического социализма сопровождался кампаниями по укреплению позиций национальных элементов, проводимых всеми компартиями Восточной Европы.

То что партия «приютила» многих бывших членов националистических партий, в том числе «Железной гвардии», было использовано Дежем для того, чтобы вновь на повестку дня был выдвинут извечный вопрос о революционной бдительности. Ответственными за проведение проверок были назначены И. Рангец и А. Могорош, а также председатель комиссии партийного контроля К. Пырвулеску. Особое внимание было обращено на личное дело А. Паукер, которая с 1945 г. занималась массовым приемом членов партии. Остро нуждавшиеся в росте ее численности тогдашние коммунисты обещали бывшим легионерам отпущение их старых «грехов» взамен на вступление в ряды партии и участие в акциях по устранению оппозиции. Так начал оформляться один из пунктов обвинения против А. Паукер, положение которой еще более осложнилось с началом антиеврейской кампании в Советском Союзе и других странах Восточной Европы.

В этих условиях сторонники А. Паукер заявили об отказе от борьбы за власть. По случаю празднования в мае 1951 г. 30-й годовщины со дня основания партии А. Паукер и В. Лука признали Дежа единственным лидером партии.

Подталкиваемый сталинскими эмиссарами к тому, чтобы выдвинуть против А. Паукер обвинение в «космополитизме и сионизме», Деж все же сумел выдержать это испытание и не пойти на развязывание антиеврейской истерии. Недавнее прошлое Румынии и опыт самого Дежа подсказывали ему, что кампанию, начатую против А. Паукер, следовало расширять за счет других представителей национальных меньшинств. Он тщательно продумал и состав партийных обвинителей, которые должны были выступать против группировки Паукер – Лука – Джеорджеску, предусмотрев необходимость присутствия среди них коммунистов-румын. Так, кроме председателя Госплана М. Константинеску, Дежу помогал председатель Госконтроля П. Борилэ, болгарин

по национальности, а также еврей И. Кишиневский и Л. Рэуту как идеологические работники РРП и член Политбюро ЦК РРП, венгр А. Могиорош. Как обычно, советский представитель А. Сахаровский внимательно следил за подготовкой кампании против группировки Паукер.

На состоявшемся 29 февраля — 1 марта 1952 г. Пленуме ЦК РРП один из секретарей ЦК РРП В. Лука был подвергнут критике за недостатки, допущенные в проведении денежной реформы. В сложившихся обстоятельствах В. Лука взял на себя ответственность за свой «правый уклон», однако сторонники Дежа направили острие критики против главных противников — А. Паукер и Т. Джеорджеску. Впоследствии В. Лука, подстрекаемый А. Паукер, отрекся от своей самокритики. Была предпринята попытка создания антидежевской оппозиции в партии. Вопрос этот был вновь затронут в ходе очередного Пленума ЦК РРП в мае 1952 г. На этот раз открытым нападкам подвергся не только В. Лука, исключенный из партии и обвиненный в экономическом саботаже, но также А. Паукер с Т. Джеорджеску, которым вменялся в вину правый уклон. Хотя при этом они не были отстранены от руководства партией.

Последовала чистка в руководящих органах партии. Состав Политбюро был сокращен с 13 до 9 членов. Именно тогда А. Дрэгич и Н. Чаушеску стали кандидатами в члены Политбюро. А. Паукер не была переизбрана в состав Политбюро, но осталась членом организационного комитета ЦК РРП и министром иностранных дел Румынии. В июле 1952 г. она была снята со своего министерского поста, ее место занял также еврей по происхождению С. Бугич. А. Паукер никогда не была подвергнута суду.

Второго июня 1952 г. Г. Георгиу-Деж был назначен Председателем Совета Министров, сохранив за собой — до Национальной конференции в октябре 1954 г. — также должность Генерального секретаря ЦК РРП. Подобно всем остальным генеральным секретарям компартий Восточной Европы он стал полновластным хозяином в румынской компартии.

Осенью 1952 г. была принята новая Конституция Народной Республики Румынии, в тексте которой отмечалось, что это государство образовалось «в результате исторической победы Советского Союза над германским фашизмом и освобождения Румынии славной Советской Армией». РНР была объявлена «государством рабочих и крестьян». В отличие от Конституции 1948 г. в ней гово-

рилось, что Румынская рабочая партия является «руководящей силой трудовых коллективов, а также государственных ведомств и учреждений».

Укрепление «внутренней» группировки (1952–1965)

Устранение «антипартийной группировки Паукер – Лука – Джорджеску» обеспечило Дежу положение полновластного хозяина в партии. В этом качестве он был признан как своими соратниками времен заключения, так и «коминтерновцами». Помимо политического фактора, обусловленного развязанной в СССР антиеврейской кампанией, поддержка Дежа Сталиным объяснялась и другими причинами. В условиях, когда советское руководство сознавало непрочность своих преимуществ в области обычных вооружений, а также слабости ядерного потенциала, нуждавшихся в поддержке военно-промышленного комплекса, Сталин дал указание провести чистки и перегруппировки внутри руководящего состава западных компартий. Так был положен конец внутрипартийной борьбе за власть и созданы условия для выдвижения беспспорных лидеров. Навязывание советской модели и жесткой дисциплины коммунистическим элитам проводилось с целью превращения этих стран в верных союзников СССР в решающей схватке с «капиталистической системой», которая казалась неотвратимой. Многочисленные призывы Сталина с требованием укрепления социалистических государств и их вооруженных сил, а также поддержка политического курса, который привел к развязыванию войны в Корее, подтверждают вышесказанное. Наступление (25 июня 1950 г.) войск Северной Кореи поначалу казалось репетицией перед прямым столкновением. Вопреки предъявляемым восточноевропейским союзникам требованиям о необходимости соблюдения осторожности в отношениях с Западом, как это было в случае с Югославией и Албанией, СССР проводил жесткую политику с позиций силы, поддерживая очаги напряженности в зонах американо-британского влияния.

Смерть Сталина и образование вакуума власти в СССР подтолкнули социалистические государства к пересмотру дальнейших путей своего развития. Восточноевропейские страны теперь

оказались перед выбором: либо продолжать сталинскую политику — с риском развязания войны, либо признать ошибки прошлого, способствуя разрядке напряженности.

Смерть Сталина и временное соглашение между партийными лидерами Г. Маленковым и Н. Хрущевым и главой органов безопасности Л. Берией вызвали в странах социалистического лагеря замешательство и панику. Еще бóльшую неуверенность вызвал пересмотр Л. Берией последних сталинских кампаний, включавших «мингрельское дело» и «дело врачей». Освобождение из-под стражи врачей (большинство из которых были евреями, арестованными по обвинению в подготовке покушения на Сталина) и расследование обстоятельств гибели председателя Еврейского антифашистского комитета С. Михоэlsa послужили свидетельством того, что антисемитская истерия подходит к концу. Понимая, что он не может рассчитывать на поддержку партии, Л. Берия попытался найти сторонников в обществе РСФСР и национальных республик.

Ситуация в Германской Демократической Республике, территориальное положение которой имело огромное значение для европейской политики СССР, заставило Л. Берия начать пересмотр советской позиции по этому вопросу. Тяжелая экономическая ситуация, с которой столкнулись «демократические» немцы, террор и массовое бегство в Западную Германию поставили под вопрос само существование ГДР. Только за период с января 1951 г. по апрель 1953 г. из ГДР в Западную Германию перешли около 447 тыс. человек (из них 120 тыс. перешли границу в первые месяцы 1953 г.)⁶. Незадолго до своего ареста (2 июня 1953 г.) Берия выдвинул план реформ с целью снижения политической напряженности и улучшения экономического положения ГДР. Советский Союз должен был пойти на сокращение своего военного присутствия в немецких городах и предоставить срочную экономическую помощь правительству ГДР⁷. Берия был обвинен в намерении применить свой план реформ по всей Восточной Европе. Тайно, без каких-либо резолюций пленумов или съездов, начало процесса десталинизации было положено одним из самых верных «последователей» скончавшегося диктатора.

Меры, принятые в связи с волнениями в Чехословакии, не смогли предотвратить начавшихся 17 июня 1953 г. выступлений восточногерманских рабочих. Однако, боясь оказаться ответственными за все преступления Сталина, Маленков и Хрущев не

замедлили подготовить арест Берии в конце июня 1953 г. на одном из заседаний Бюро Президиума ЦК КПСС.

После краткого периода обладания абсолютной властью, Деж был вынужден оказывать сопротивление определенному давлению. Это были годы, когда он сумел, используя обстоятельства, доказать свою зрелость как политического лидера. Будучи сталинистом по своей сути и антисталинистом в своих выступлениях, Деж возглавлял РРП и Румынию и в период осуществления в СССР реформ, которым трудно дать однозначную оценку. Завершив свою деятельность уже как оппонент Москвы, он, однако, всегда поддерживал советское руководство, если возникала необходимость сохранения сферы влияния (при условии укрепления своей личной власти). Учитывая свои возможности и возможности своих противников, Деж сумел выжить, передав этот опыт выживания румынским коммунистам.

После кончины своего главного покровителя Деж предпринял все меры, чтобы не стать ответственным за прошлые преступления и воспрепятствовать посягательствам на его лидерство. Несмотря на возвращение В. Молотова на советскую политическую сцену, А. Паукер, которая в былые времена пользовалась его покровительством, все же не была восстановлена в руководстве партии. Таким образом, Деж, проявляя мгновенную реакцию на новые обстоятельства, смог не подставить под удар свой авторитет.

Положение арестованного еще с 1948 г. лидера коммунистов Пэтрэшкану оказалось иным. Пэтрэшкану, которого осудили без доказательств вины, к несчастью, воспринимался Дежем как возможный конкурент. Пытаясь предотвратить недовольство со стороны советского руководства открытым пренебрежением к его призывам восстановить «внутреннюю демократию», Деж в апреле 1954 г. объявил об установлении «коллективного руководства» в РРП. Данный шаг остался без каких-либо последствий, так как в состав Политбюро вошли его проверенные сторонники. Будучи твердо уверенным в незыблемости своего положения, Деж временно (с апреля 1954 г. до октября 1955 г.) отказался от должности первого секретаря ЦК РРП в пользу одного из своих протеже — Г. Апостола. В то же время он в истинно сталинском стиле распорядился об организации процесса против Пэтрэшкану, который был признан «виновным» в шпионаже и коллаборационизме и казнен.

Через год, воспользовавшись тем, что в советском руководстве шла упорная борьба за власть, Деж вернул себе прежнее

положение абсолютного хозяина партии. Деж, который не был отвергнут ни партией, ни «рабочим классом», что имело место в ГДР и Чехословакии, оказался для руководства СССР наиболее удобным вариантом.

Не питая никаких иллюзий относительно возможных симпатий со стороны Маленкова или Хрущева, Деж правильно рассчитал, что сможет обеспечить себе будущее только при условии устранения рычагов прямого советского давления на румынскую политику. Одним из них было присутствие советских воинских частей на территории Румынии.

Деж постепенно начал проявлять симпатию к коммунистическому режиму Китая. Безусловно, румынское руководство не могло открыто разделить китайскую концепцию о многополярности, однако, используя различные политические жесты, они давали понять, что поддерживают позицию Мао Цзэдуна. В октябре 1954 г. в Бухаресте прошел ряд мероприятий, организованных по случаю пятилетия провозглашения Китайской Народной Республики. Почти дословно цитируя Хрущева, Деж говорил об «отношениях нового типа» между социалистическими странами, подразумевая под этим прежде всего неосталинизм Мао, а не навязанные советским руководством преобразования.

Деж попытался экономическими средствами добиться того, чего не мог позволить себе в политике. Чтобы заручиться поддержкой населения РНР, он объявил в декабре 1954 г. о ликвидации карточек на продовольственные товары. Вскоре последовали изменения и в политике цен. Эти меры затрагивали жизненные интересы измученного и обездоленного населения.

Постепенно отдаляясь от Советского Союза, Деж пытался в то же время наладить связи с обществом. В 1955 г. была объявлена ограниченная амнистия, которая, впрочем, не распространялась на бывших лидеров демократических партий и участников антикоммунистического сопротивления.

После того как в мае 1955 г. был подписан мирный договор с Австрией, Деж решил добиваться вывода советских войск с территории Румынии, присутствие которых там не имело никакого юридического обоснования. Направлявшемуся с визитом в Софию Хрущеву было сделано приглашение остановиться в Бухаресте, где министр обороны — бывший советский агент Э. Боднэраш — попытался убедить советского лидера в необходимости вывода оккупационных войск с территории Румынии. Возможно,

вспомнив о тех обвинениях, которые были предъявлены Берии за попытку ликвидации «социалистического лагеря», Хрущев отклонил это предложение. Правда, и предыдущий его визит в Бухарест оказался малоуспешным. Тогда Хрущев настаивал на необходимости разделения партийных и государственных функций, однако Деж воспротивился — в октябре 1955 г. он вновь стал первым секретарем РРП вместо Г. Апостола. С целью исключения любой возможности оппозиции Деж устранил просоветского «реформиста» М. КонстантINESКУ из руководства Госплана, а верного ему К. Стойку назначил председателем Совета Министров.

После семилетнего перерыва и тщательной подготовки в декабре 1955 г. состоялся II съезд РРП, на котором никаких новых шагов в направлении десталинизации сделано не было. Деж и его сторонники лишь формально огласили «допущенные в прошлом ошибки», записав их на счет «антипартийной группировки» и осудив деятельность бывшего министра внутренних дел Т. Джеорджеску.

Партия достигла своей зрелости. На II съезде прозвучали впечатляющие цифры — 595 тыс. членов партии и кандидатов в ее члены. Почти 43% членов партии были выходцами из рабочих и составляли основную часть номенклатуры. В рядах РРП преобладал рабочий элемент.

Под предлогом укрепления «коллективного руководства» Политбюро ЦК РРП было расширено путем принятия в его состав лидеров молодых поколений — это были министр внутренних дел А. Дрэгич и Н. Чаушеску, в то время заведующий Оргбюро ЦК РРП (он ведал назначениями во втором эшелоне партийного руководства). Одновременно, также по линии ЦК РРП, Чаушеску отвечал за деятельность органов безопасности, армии, МВД и Министерства юстиции, что обеспечивало ему привилегированное положение по отношению к своему конкуренту А. Дрэгичу.

После того как на съезде был объявлен план индустриализации страны, Румыния приложила максимум усилий для получения согласия СССР на ликвидацию советско-румынских предприятий. Созданные в конце войны, они занимались разработкой сырьевых ресурсов Румынии и по сути являлись формой ограбления страны. Главным переговорщиком по этому вопросу с Советским Союзом был назначен «официальный экономист» партии М. КонстантINESКУ. Начав свою карьеру директором Государственной комиссии по планированию, он был назначен в 1955 г. вице-премьером (должность эта не играла решающей роли при принятии важных

решений). На самом деле М. Константинеску был сторонником советской политики, однако он не разделял стремлений руководства СССР эксплуатировать союзников по «социалистическому лагерю».

После устранения А. Паукер и ее сторонников о существовании каких-либо группировок внутри РРП или платформ уже говорить не приходилось. Однако продолжали существовать противоречия между поколениями. Тем не менее устранение неблагоприятных для Румынии условий, диктовавшихся экономическими соглашениями с Советским Союзом, стало общей задачей как для сторонников советских преобразований, так и для тех, кто выступал за сохранение существующего положения.

«Национальный коммунизм» как сопротивление советской либерализации

Решения XX съезда КПСС и «секретный доклад» Хрущева (февраль 1956 г.) застали Дежа подготовленным к новой борьбе за выживание. По возвращении из Москвы, где он возглавлял делегацию в составе М. Константинеску, И. Кишиневского и П. Борилэ, Деж созвал Пленум ЦК РРП, на котором, ко всеобщему удивлению, провозгласил, что процесс десталинизации был начат в Румынии еще до смерти Сталина. Оценив выводы «секретного доклада» как несущественные для РРП, Деж под лозунгом «Нам некого реабилитировать» возобновил нападки в адрес «антипартийной группировки». И на этот раз виновными за допущенные «злоупотребления» оказались «мертвые души». М. Константинеску и И. Кишиневский со своей стороны предприняли попытку прямого обвинения в адрес Генерального секретаря РРП, поставив вопрос о его ответственности за содеянное в тот период, который был подвергнут критике Хрущева. Однако их инициатива ожидаемой поддержки не получила. По свидетельству Г. Апостола, лишь Н. Чаушеску предпринял робкую попытку присоединиться к ним⁸. Впоследствии его быстро поставили на место, и в личном разговоре с ним Деж пояснил, что речь шла о советской затее. В тот момент Деж ограничился лишь изоляцией своих критиков.

Равно как и в других случаях, Деж опередил своих критиков. Через несколько дней после мартовского Пленума ЦК РРП 1956 г. в Бухаресте состоялось заседание высшего партийного актива

в узком кругу. На нем был представлен сокращенный вариант «секретного доклада», а лидер РРП официально выдвинул теорию о начале десталинизации Румынии еще при жизни Сталина. Это было лишь совпадением, однако Деж теперь уже в чисто балканском стиле сумел представить дело так, будто последние жертвы в Румынии и положили начало процессу десталинизации.

Деж сумел выстоять не только перед внутренними критиками. После смерти Сталина румыно-советские отношения развивались в весьма неблагоприятных условиях: Деж пытался сохранить свою власть, а Хрущев — сменить лидеров стран Восточной Европы. Однако довольно скоро эти отношения улучшились. Лидеров обеих стран заставила искать общий язык опасность, нависшая над социалистическим лагерем, которая исходила от Венгрии, руководимой М. Ракоши.

Как и для Гомулки, вернувшегося к власти в Польше на волне всеобщего недовольства, осень 1956 г. стала для Дежа весьма напряженным временем. Внимательно наблюдая за всем происходившим в соседней Венгрии и понимая значимость роли венгерского населения в Румынии, в 1956 г. руководство РРП заняло сторону венгерских консерваторов и с недоверием воспринимало требования реформаторов. Под влиянием выступлений в Будапеште в конце октября 1956 г. состоялись студенческие манифестации в Бухаресте, Клуже, Яссах и Тимишоаре. Их участники требовали отмены обязательного изучения русского языка и повышения уровня жизни. В отличие от И. Надя, Деж срочно вернулся из Югославии и организовал ряд показательных мероприятий, в ходе которых были произведены массовые аресты в Бухаресте и Тимишоаре. Требования студентов и рабочих Бухареста не были направлены против партии и самого Дежа, но несмотря на это он попытался воспрепятствовать дальнейшему развитию событий, прибегнув к помощи репрессивных органов.

Для предотвращения распространения недовольства в Румынии 30 ноября 1956 г. был создан Центральный штаб во главе с Э. Боднэрашем. В состав штаба вошли Н. Чаушеску, А. Дрэгич и Л. Сэлэжан (министр вооруженных сил). Перед штабом была поставлена задача обеспечения координации действий репрессивного аппарата и вооруженных сил в случае необходимости. В приграничных районах и областях, в которых произошли массовые выступления протеста, а также в городах Тимишоара, Орадя и Яссы было введено военное положение.

Важным моментом, который определил не только позицию Дежа и РРП по отношению к венгерской революции, но и политику Румынии по отношению к Советскому Союзу в целом, стало Заявление Правительства СССР об основах развития и укрепления дружбы и сотрудничества СССР с социалистическими странами, обнародованное 30 декабря 1956 г. В этом документе, увидевшем свет в дни наступления советских войск на Будапешт, были прописаны принципы, на которых основывались отношения между СССР и остальными социалистическими странами, а также были определены рамки допустимой внутренней либерализации или отдаления от Советского Союза. Советское руководство уточняло также и допустимые уступки с его стороны. Они касались прежде всего вопроса о присутствии советских консультантов в партийных и государственных органах социалистических стран, что стало основной причиной недовольства и во многом предопределило не только события в Венгрии, но и возникновение советско-югославского конфликта. В связи с этим советское руководство заявляло о своей готовности рассмотреть вопрос о необходимости сохранения в дальнейшем столь большого количества советников в этих странах. Вторая уступка касалась вопроса о присутствии советских войск на территории Венгрии, Румынии и Польши. Венгрии и Румынии советские лидеры дали понять, что готовы начать переговоры по поводу вывода войск. По отношению к Польше в тексте Заявления говорилось, что советские войска находятся там на основании не только Варшавского договора, но и Потсдамских соглашений. В Заявлении содержался призыв к правительствам всех социалистических стран серьезно пересмотреть свою экономическую политику в целях обеспечения роста жизненного уровня народа, а также проводить «борьбу против бюрократического хаоса в государственном аппарате» (известный лозунг всех советских лидеров). Были также обозначены четко условия демократизации отношений между социалистическими странами и СССР, при этом предписывалось сохранение без каких-либо изменений режимов народной демократии и приоритетных отношений с Советским Союзом, в том числе участие в единой военной организации под его командованием. Говорилось и о необходимости дальнейшего развития экономики на социалистической основе и укрепления сотрудничества между социалистическими странами⁹.

Заявление носило общий характер и давало возможность для интерпретаций, но все же осенью 1956 г. оно могло быть использовано для достижения серьезных уступок в ситуации, когда существовала возможность распространения венгерской революции и на другие страны. Пока остальные партии осмысливали изложенные в тексте Заявления идеи, руководство РРП не замедлило отреагировать: уже 31 октября было опубликовано заявление, в котором подтверждалась принадлежность Румынии к Варшавскому Договору и указывалось на необходимость дальнейшего развития приоритетных отношений с Советским Союзом. Подтвердив свою готовность принять советские условия, румынские власти, правда в завуалированной форме, выдвинули требование вывода советских войск с территории Румынии и отзыва советников СССР на родину. Оба эти требования были представлены как необходимые меры для укрепления «социалистического лагеря»: они имели целью лишить антикоммунистическую пропаганду возможности опираться на один из важнейших ее тезисов о полной зависимости стран Восточной Европы от СССР. В условиях, когда начатый Хрущевым «косметический ремонт» социалистической системы стал давать сбои, советское руководство вынуждено было пойти навстречу Дежу, тем более что он согласился предоставить все свои средства для подавления венгерской революции.

В ходе кратковременного визита в Бухарест 1 ноября 1956 г. Хрущев утвердил последние детали начавшейся операции с целью проведения репрессивных мер военным путем. РРП была отведена весьма важная роль в умиротворении Венгрии и восстановлении Венгерской рабочей партии. С целью изучения обстановки на месте В. Роман и заместитель министра иностранных дел А. Мэлнэшан были направлены 2 ноября в Будапешт, где встретились с И. Надем и его преемником Я. Кадаром. Будучи старым знакомым И. Надя, В. Роман сумел убедить его покинуть югославское посольство, где тот получил 4 ноября убежище. Двадцать первого ноября 1956 г. Э. Боднэраш и Г. Георгиу-Деж нанесли тайный визит в Будапешт, где вместе с Я. Кадаром, Г. Маленковым и М. Сусловым решили вопрос о судьбе И. Надя, что стало причиной раздора между СССР и Югославией, а также обсудили меры, которые должна была предпринять Румыния для оказания помощи Венгрии. Сразу после ареста 22 ноября И. Надя был доставлен в Румынию, где содержался в одном из загородных

особняков, принадлежавших партии, недалеко от Бухареста. Когда на сессии ООН был задан вопрос о судьбе венгерского лидера, министр иностранных дел Румынии Г. Преотяса ответил, что он пользуется правами беженца, предоставленными румынским правительством.

Вследствие этого противостояния практически все стороны оказались в проигрыше, победили лишь Деж и РРП. Престижу КПСС и Хрущева был нанесен тяжелый удар. СССР был вынужден пойти на ряд уступок, процесс «десталинизации» пошел на спад, а Хрущев потерял один из важнейших своих козырей в борьбе за власть. После венгерской революции Деж стал одним из самых ценных союзников Советского Союза, который предвидел возможные опасности, таившиеся в новой советской политике. Деж, укрепивший свою роль внутри социалистического лагеря, прекрасно сознавал, что в процессе отдаления от СССР не следует переступать черту, установленную его лидерами, и что без поддержки членов партии и народа сохранить свою власть будет трудно. Именно эти принципы и лягут в дальнейшем в основу политики коммунистического режима Румынии вплоть до 1989 г. Лишь после того, как это равновесие нарушится, компартию и ее лидера отстранят от власти.

Будучи твердо убежденным в том, что социализм лучше других политических систем, Деж проводил политику «мирного отдаления» от СССР и шел на либеральные внутренние меры. Основной его целью было сохранение власти, а не отдаление от Советского Союза или обеспечение независимости Румынии. В результате РРП не смогла привести каких-либо инноваций в идеологию рабочего движения. Единственным ее достижением стала компромиссность ее лидеров, которые — в разной степени и в зависимости от политических условий — умело использовали и догматизм, и ограниченные реформы.

В отношениях с Советским Союзом, для которого 1956 г. стал переломным моментом, Деж то использовал тактику послушания, то предпринимал шаги по ограничению советского политического и военного влияния. Он стремился к тому, чтобы партийные и государственные лидеры СССР были лишены возможности составить о нем однозначное мнение. Так, в заявлении от 31 октября 1956 г. румынское руководство говорило о необходимости вывода советских войск с территории страны, но на протяжении 1957 г. было подписано два соглашения, в одном из которых пре-

дусматривалось продление присутствия советских войск, а в другом — отзыв советников СССР из Румынии. Постепенно ограничивая их действия, Деж пошел на новые меры по ужесточению партийной дисциплины с целью исключения попыток переворота со стороны «интернационалистов». С согласия советского руководства, которое, в свою очередь, понимало, что Румынию можно будет «привязать» к политике СССР в данном регионе лишь при наличии в Бухаресте одного лидера, Деж добился летом 1957 г. отстранения М. Константинеску и И. Кишиневского. В то время как в Москве устраняли «антипартийную группировку» (Г. Маленков, В. Молотов и Л. Каганович), в Бухаресте сталинизм в лице Дежа оставался еще очень сильным. На июньском (1957) Пленуме ЦК РРП М. Константинеску и И. Кишиневскому было предъявлено обвинение в поддержке «антипартийной группировки» А. Паукер, а также в попытке организовать «ревизионистское движение» внутри РРП. В интересах сохранения единства «лагеря» Хрущев оставил без внимания высказанные в его адрес критические замечания Дежа. Более того, летом 1958 г. СССР объявил о выводе своих войск с территории Румынии.

Решение советского правительства на этот счет не было обусловлено ни политикой Дежа, ни своеобразным положением Румынии. В его основе лежал более тонкий политический расчет: Хрущев добивался возобновления процесса разоружения, который был прерван после венгерских событий и Суэцкого кризиса. Вторая его задача заключалась в сокращении расходов на обычные вооружения и ориентации на развитие высоких технологий. Это было необходимо для того, чтобы обеспечить передышку советской экономике, которая с трудом приходила в себя после разрушительной войны. Волнения рабочих в Кемерове в 1955 г. ярко продемонстрировали настоятельную необходимость роста производства товаров первой необходимости для поднятия жизненного уровня населения. Расчет советского руководства строился на том, чтобы получить максимум выгоды при наименьших потерях. С этой точки зрения Румыния представляла идеальную возможность. Стабильный политический режим и лидер, обладавший всей полнотой власти, оказались причиной того, что в планах по наращиванию советского военного потенциала Румынии не отводилось важной роли. СССР был заинтересован в присутствии своих войск на территории стран, которые находились в непосредственной близости к Западной Европе, чтобы обеспечить себе при необходимости

беспрепятственный проход в Восточную Германию. Окруженная странами социалистического лагеря и имеющая с Советским Союзом довольно протяженную границу, Румыния была более чем уязвимой даже без присутствия советских войск на своей территории. Двадцать пятого июня 1958 г. последние 35 тыс. советских военнослужащих покинули Румынию, однако еще на протяжении некоторого времени на ее территории продолжал действовать ряд советских морских баз и военных аэродромов.

Чтобы убедить руководство СССР в том, что оно не ошибалось, принимая подобное решение, вывод советских войск сопровождался новой волной репрессий среди населения и членов партии. Внесенные летом 1958 г. изменения в Уголовный кодекс значительно расширили перечень преступлений, совершение которых каралось высшей мерой наказания. Бывшие члены буржуазных партий, «Железной гвардии», чиновники бывших административных и военных учреждений вновь подверглись арестам, что привело к увеличению числа политических заключенных. В 1955 г. в румынских тюрьмах находились 6404 политзаключенных, а в январе 1960 г. их численность достигла 17 613 человек.

Новым преследованиям были подвергнуты и члены партии, прежде всего бывшие подпольщики и представители интеллигенции. Так называемый профилактический террор стал средством правления для Дежа. В экономике РРП вернулась к стратегии развития тяжелой промышленности и окончательной коллективизации сельского хозяйства, что привело к новым репрессиям на селе, продолжавшимся вплоть до 1962 г., когда было объявлено о полной победе социализма в сельском хозяйстве.

Напряженность в отношениях между Румынией и Советским Союзом вновь усилилась, когда советское руководство попыталось унифицировать экономическую политику социалистических стран. Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), созданного в 1949 г. и «заброшенного» подобно Коминформу, была возобновлена в 1957 г. с целью разработки и реализации экономических планов СССР и его союзников. Участникам московского совещания СЭВ в начале 1960 г. было предложено обсудить вопрос о специализации хозяйств социалистических стран в зависимости от степени их развития, экономических традиций и проблем планирования. Румынии, находившейся в процессе индустриализации сталинского типа — на более высоком уровне, чем Болгария — была предложена сельскохозяйственная специа-

лизация. Советская инициатива была поддержана венгерскими, чехословацкими и восточногерманскими партнерами, которые подвергли критике качество румынских промышленных товаров и потребовали, чтобы Румыния больше внимания уделяла производству комбикормов. Как и всегда, румынская делегация во главе с Дежем заняла двойственную позицию. Она отвергла навязываемую ей специализацию в первоначальном виде, дополнив ее формулировкой «в соответствии с интересами каждой страны». Одновременно румынская делегация обратилась к Госплану СССР с просьбой о консультациях по вопросу совершенствования пятилетнего плана развития Румынии. Предложенная в качестве пробного шара советская инициатива в течение года оставалась без особого внимания.

Более серьезное предупреждение в адрес сталинистов прозвучало в речи Хрущева на XXII съезде КПСС в 1961 г., в которой было подтверждено намерение добиться устранения «последствий культа личности». Наблюдая за всем происходившим в Москве и учитывая опыт 1957 г., Деж ответил созывом Пленума ЦК РРП, на котором вновь подверг критике А. Паукер, В. Лука, И. Кишиневского и М. Константинеску за то, что они своевременно не разоблачили сталинские методы в деятельности «антипартийной группировки». В ходе этого пленума Деж добился провозглашения самого себя «спасителем» партии, который в годы сталинских чисток взял под свое покровительство РРП. Версия Дежа соответствовала истине лишь в определенной мере. Чистки в рядах РРП, проводимые в Румынии одновременно с аналогичными кампаниями в СССР после войны, преследовали практически одни и те же цели. В отличие от СССР, где репрессивные меры применялись против определенных этнических или профессиональных категорий граждан, в Румынии проводились выборочные чистки.

Для РРП и Дежа наступал новый этап преобразований, на протяжении которого румынский лидер действовал в строгом соответствии со своей основной целью — сохранение абсолютной власти путем ограничения советского влияния. Наряду с советскими интеграционными планами, которые являлись свидетельством поверхностного понимания механизмов, необходимых для образования общего рынка, социалистический лагерь должен был выдерживать нападки со стороны Мао Цзэдуна. Продолжая сталинский курс, Мао открыто выступил против предложенной Хрущевым политики десталинизации, обвинив его в ревизиониз-

ме и отказе от соблюдения революционных принципов в отношениях с США. Обвинения Мао оказались несостоятельными. Попытки советского руководства превратить Кубу в плацдарм для ядерных ракет и Карибский кризис в октябре 1962 г. свидетельствовали о том, что советская внешняя политика продолжала оставаться весьма активной. В данной ситуации Румыния отказала в поддержке Советскому Союзу. Четвертого ноября 1963 г. в беседе с государственным секретарем Д. Раском румынский министр иностранных дел К. Мэнеску заверил американского представителя, что Румыния сохранит нейтралитет в случае возникновения ядерного конфликта между СССР и США.

В результате возникших трудностей внутреннего порядка, а также по настоянию Венгрии, ГДР и Чехословакии советское правительство возобновило предложения об экономической специализации. Румынская делегация во главе с А. Бырлэдяну решительно отвергла советские предложения, заявив, что Румыния продолжит процесс индустриализации, сохранив сотрудничество с социалистическими странами и свое членство в СЭВ. После возвращения в Бухарест Деж провел 26 – 27 февраля 1963 г. заседание Политбюро ЦК РРП, на котором заручился поддержкой всего руководства партии по вопросу об отклонении советских предложений. Политбюро был созван Пленум ЦК, на котором румынская официальная точка зрения была доведена до сведения местных партийных руководителей Румынии.

Оставаясь в стороне от конфликта между Москвой и Пекином, Деж воспользовался им для дальнейшего отдаления от Советского Союза и подготовки к возможным ответным мерам. Еще на III съезде РРП в 1960 г. Деж вполне ясно дал понять советскому руководству, что он намерен занять нейтральную позицию под лозунгом «равенства всех социалистических стран». Румыны попытались предложить посреднические услуги, однако во время визита в Пекин в 1964 г. И.Г. Маурер встретил весьма холодный прием со стороны Мао Цзэдуна. Инициатива Дежа становилась опасной, вызывая все большее раздражение советского руководства. В ответ на заявление Мао об аннексии Советским Союзом Бессарабии советские лидеры высказали свою готовность провести в Бессарабии плебисцит одновременно с подобным плебисцитом в Трансильвании.

Вскоре после последовавшего высказывания Хрущева по поводу плебисцитов, была возобновлена попытка проверки позиции

румынской стороны. В феврале 1964 г. на страницах одного из советских научных периодических изданий появился материал за подписью ученого-экономиста, а вовсе не политического лидера, в котором излагался план образования «Дунайского региона», который бы включал часть территории СССР, Болгарии и Румынии. Согласно плану Румыния должна была внести основную лепту (42% территории и 48% населения) в создание этого экономического региона. Учитывая традиционное сопротивление румын любым попыткам ущемления их суверенитета, план, по всей вероятности, был изложен его истинными авторами под видом размышлений ученого и в зависимости от обстоятельств мог быть либо поддержан, либо оставлен без внимания советскими официальными властями. В румынской прессе данный материал был расценен как покушение на суверенитет страны, а впоследствии он был раскритикован и в СССР. РРП и Деж усвоили правила игры. Румыния могла сохранять неизменным свое положение в сфере советского влияния до тех пор, пока ее внутренняя политика не давала повода для обсуждений. Деж отдавал себе отчет в том, что, как только советские военные рычаги давления будут заменены на экономические, его будущее может стать неопределенным.

Дискуссии по вопросам экономической политики между Румынией и частью социалистических стран продолжались на всем протяжении 1964 г. Наибольшей напряженности они достигли между представителями Чехословакии, Болгарии и Польши, с одной стороны, и Румынии — с другой, на заседании Исполнительного Комитета СЭВ (21 – 24 апреля 1964 г.), где советская делегация ограничилась посреднической ролью. Консультации в целях выработки единой политики в области развития промышленности чуть было не переросли в дипломатический конфликт, когда заместитель премьер-министра Польши Ярошевич обвинил Румынию в постоянном нарушении обязательств¹⁰.

Помимо соображений внутреннего характера, румынская сторона имела и другие серьезные причины для отклонения предложений остальных членов СЭВ об экономической специализации. Сокращение советской продовольственной помощи Польше и ГДР при незначительном развитии их сельского хозяйства вынуждало представителей этих стран добиваться поддержки СССР в навязывании румынской экономике ориентации на сельскохозяйственный сектор и превращении Румынии в поставщика продовольственных товаров для стран с развитой промышленностью.

К тому же, в случае отказа от индустриализации Румыния становилась удобным рынком для сбыта промышленных товаров Чехословакии и ГДР. Озабоченность Польши и ГДР объяснялась и тем, что большинство социалистических стран, в том числе и Румыния, стали закупать более передовые западные технологии при меньших затратах. В период 1959 – 1961 гг. объем импортируемых Румынией товаров из ФРГ вырос в три раза, так же как и румынский экспорт в Италию, Францию и Швейцарию. После многолетних усилий Румыния в 1961 г. добилась самого высокого роста валового продукта во всей Восточной Европе.

Румынские планы начали давать первые результаты. Основанный на собственных ресурсах процесс индустриализации обеспечил снижение зависимости Румынии от высокоразвитых стран и способствовал повышению уровня жизни населения.

Оказавшись вынужденным отвечать на вопрос, чью сторону предпочитает занять Румыния в связи с советско-китайском конфликтом, Деж, опираясь на подчиненную ему партию, решил пойти на открытое проведение курса отдаления от Советского Союза. Результатом стало «Заявление о позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения» опубликованное в газете «Скынтейя» от 23 апреля 1964 г. Написанное в духе открытой поддержки принципа невмешательства во внутренние дела всех социалистических стран апрельское заявление можно расценивать как объявление Румынией своего военного нейтралитета в советско-китайском конфликте. Касаясь Китая, документ все же больше внимания уделил Румынии. Признавая за КПК право проводить в Китае сталинскую политику, румынские лидеры имели целью заручиться поддержкой со стороны Пекина.

При подготовке текста заявления румынское коммунистическое руководство не упустило возможности подвергнуть критике предложенный организацией СЭВ план экономической и административной реорганизации Румынии, подтвердив твердую решимость РРП сохранить право руководства национальной экономикой за собственным правительством.

Запад среагировал на это положительно. США, для которых торговля всегда являлась показателем уровня развития политических отношений, приняли румынскую экономическую миссию во главе с А. Бырлэдяну. В результате состоявшихся переговоров, они согласились передать важные для Румынии технологии. В июле 1964 г. румынский министр иностранных дел И.Г. Маурер посетил

Париж, где встретился с генералом Шарлем де Голлем, который выступал за создание единой Европы от Атлантики до Урала.

Вступив в открытый спор с советским руководством, Деж решил на некоторые уступки народу. Были уменьшены масштабы репрессивных кампаний. Если в 1960 г. число политзаключенных составляло 17 613 человек, то в декабре 1962 г. их количество снизилось до 13 017 человек, в основном за счет бывших членов «Железной гвардии», освобожденных из тюрем. Годом позже было объявлено о частичной амнистии, а в 1964 г. большая часть политзаключенных была выпущена на свободу. В отличие от других социалистических стран в Румынии освобождение политзаключенных не сопровождалось широким общественным обсуждением той роли, которую сыграли репрессивные органы в предыдущий период. Министр внутренних дел А. Дрэгич остался на своем посту, а служба безопасности и милиция были ограждены от критики.

Вступив в конфликт с советским руководством, имея целью укрепление своей власти как Генерального секретаря РРП, Деж шел на его углубление по мере того, как собственная власть руководителя партии становилась все сильнее, а противоречия между лидерами стран перешли в плоскость разногласий между двумя государствами. В 1965 г. были ликвидированы многие румыно-советские учреждения пропагандистского характера, отменено обязательное преподавание русского языка в школах и восстановлены румынские названия ряда улиц и зданий. Для защиты румынских интересов были даже использовано имя Маркса. В Бухаресте была издана книга «Карл Маркс о румынах» — сборник неопубликованных текстов, в которых содержалась острая критика проводимой Российской империей политики в отношении Румынских княжеств.

Казалось, что развитие событий в Румынии может повторить югославский вариант. Занятие РРП антисоветских позиций и попытки ее лидеров постепенно вывести Румынию из международных организаций, находившихся под советским контролем, давали основания полагать, что прямой конфликт между Румынией и Советским Союзом не за горами. Отстранение Хрущева от власти решением Президиума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г. вызвало возобновление борьбы за власть в Москве. На первых порах новый советский лидер Л. Брежнев пытался наладить отношения со всеми партнерами по соцлагерю.

Вскоре врачи обнаружили у Дежа рак легких, он скончался 19 марта 1965 г., не успев назначить своего преемника. Через три дня после его смерти Политбюро, проведя голосование, избрало на пост Генерального секретаря РРП самого молодого из членов руководства — Н. Чаушеску.

Чаушеску — Румыния! От либерального коммунизма к неосталинизму 1965–1974 гг.

К моменту кончины Г. Георгиу-Дежа коммунистический режим был крепок как никогда. В отличие от Советского Союза переход власти в Румынии произошел в спокойной обстановке без особого противостояния. Ближайшие соратники бывшего генерального секретаря, или «бароны Дежа», как их называли, предпочли одного из самых молодых членов Политбюро. Единственным, кто претендовал на роль преемника Дежа, был Г. Апостол, лидер профсоюзов. Он ничем не выделялся среди других — пожалуй, лишь покорностью и отсутствием личных амбиций, — во всем беспрекословно подчиняясь воле Дежа. В покорном ожидании своего назначения на пост генерального секретаря Г. Апостол проиграл сражение еще до его начала, ибо для своей победы он ничего не предпринял. В отличие от него Н. Чаушеску за три дня сумел привлечь на свою сторону лидеров партии. Его кандидатуру на заседании Политбюро выдвинул И.Г. Маурер, Председатель Совета Министров, назначенный на этот пост еще в марте 1956 г. при поддержке Н. Чаушеску. В знак благодарности Чаушеску обещал оставить этот пост за ним. Той же тактики молодой претендент придерживался по отношению ко всем остальным членам Политбюро. Так, К. Стойке он обещал должность председателя Госсовета, а министра внутренних дел А. Дрэгича привлек на свою сторону, пообещав ему неприкосновенность.

Сказались годы, проведенные в окружении Дежа. Румын по национальности и пролетарий по происхождению, Н. Чаушеску стал членом «национальной гвардии» компартии, созданной в румынских тюрьмах в годы войны. Он родился 26 января 1918 г. в бедной семье и ничем не отличался от своих сверстников межвоенной Румынии. Получив обязательное и бесплатное начальное образование, он покинул родительский дом и отправился в Буха-

рест в поисках работы. Амбициозный, но хорошо осознающий ограниченность своих возможностей — положение его было весьма скромным, — он вступил в 1932 г. в ряды борцов за коммунистические идеалы, и за 1933 — 1938 гг. успел четыре раза подвергнуться аресту. «Завсегдатай» румынских тюрем, он продемонстрировал не столько смелость, сколько свою неспособность работать в условиях подполья. И все же закрепившаяся за ним слава мученика способствовала его продвижению к вершинам партийной иерархии — в 1938 г. он был назначен секретарем организации коммунистической молодежи. В период антикоммунистических репрессий, развязанных после занятия Советским Союзом Бессарабии и северной части Буковины, Чаушеску был арестован (август 1940 г.) и осужден на три года. Накануне окончания срока наказания, чтобы он не был освобожден, его перевели в лагерь Тыргу Жиу, где он встретился с Дежем и его помощником К. Стойкой.

Приход КПР к власти предоставил Чаушеску неограниченные возможности проявить себя. Начав карьеру с нескольких незначительных должностей на местном уровне, он был назначен в 1949 г. заместителем министра сельского хозяйства, отвечавшим за ускорение коллективизации. Сельское хозяйство не стало для Чаушеску подходящей сферой деятельности, и в марте 1950 г. его назначают заместителем министра вооруженных сил, первым лицом в Политуправлении армии.

Решающие моменты карьеры Чаушеску связаны с деятельностью Дежа, а его продвижение по иерархической лестнице происходило одновременно с партийными чистками. После устранения в 1952 г. «антипартийной группировки» Чаушеску стал членом ЦК, а после казни Пэтрэшкану в 1954 г. — кандидатом в члены Политбюро. В 1955 г., одновременно с А. Дрэгичем, он был избран членом Политбюро.

Навязывание его авторитета партии было весьма характерным для рабочего движения. В качестве члена Политбюро Чаушеску пользовался абсолютным доверием Дежа, свидетельством чему стало его назначение главой Оргбюро, отвечавшим за продвижение партийных кадров на руководящие должности. Со временем он был назначен ответственным по линии ЦК РРП за деятельность органов безопасности, армии, МВД и Министерства юстиции.

Несмотря на молодость, к моменту своего прихода к власти Чаушеску уже имел твердые позиции в партии и обладал доста-

точной практикой «в раздаче» общественных и политических должностей.

Смена лидера не привела к существенным переменам в румынской политике. Внимательно изучив советский опыт, Чаушеску начал свое, ставшее бессрочным пребывание во главе партии с разоблачения недостатков личности Дежа, но не его политики. Подобно Хрущеву, хотя, возможно, менее оправданно, Чаушеску начал представлять собою демократа, выступая против «культы личности» Дежа. Партия взяла курс на поддержку интеллигенции, а Чаушеску в срочном порядке проявил себя покровителем искусств и защитником свободы слова. Основное отличие его от Дежа состояло в том, что для достижения своих целей Чаушеску действовал более решительно, причем как во внутренней, так во внешней политике.

В ходе работы IX съезда РРП в июле 1965 г., состоявшемся вскоре после его избрания Генеральным секретарем, Чаушеску положил начало фронтальному наступлению против А. Дрэгича, которого он рассматривал как основного конкурента в борьбе за абсолютную власть. Стремясь доказать, что его избрание означает начало нового этапа, Чаушеску переименовал Румынскую рабочую партию. Отныне она называлась Румынской коммунистической партией (РКП). Не выдвигая прямых обвинений в адрес Дежа, Чаушеску выступил против того, чтобы одно лицо занимало нескольких руководящих должностей, и добился внесения соответствующих поправок в устав партии.

На фоне дискуссий о правонарушениях, допущенных органами безопасности, А. Дрэгич был смещен с поста министра внутренних дел и переведен в аппарат ЦК, где вместе с В. Патилинцем ему предстояло координировать деятельность Министерства вооруженных сил и Министерства внутренних дел. Подобно Сталину, Чаушеску выбрал тактику постепенной изоляции Дрэгича путем установления контроля за его действиями, назначив ему «своего» заместителя. Это была практика, которая обычно применялась коммунистами для устранения неудобных: вначале их подвергали критике, но оставляли в партии, иногда даже на занимаемом посту, но под наблюдением представителя власти, а потом уже снимали со всех должностей.

На съезде было принято решение о подготовке новой административной реформы, которая должна была обеспечить замену навязанной СССР советской модели административного деления

(области, районы) на традиционно принятые в Румынии административно-территориальные структуры (уезды).

По инициативе Чаушеску в августе 1965 г. был принят ряд конституционных поправок. Страна получила новое название — Социалистическая Республика Румыния, что должно было символизировать завершение определенного этапа строительства коммунизма, точнее — полную победу социализма. Новый генеральный секретарь не упустил случая воспользоваться поправками к конституции для дискредитации возможных конкурентов. Для подтверждения либерализма нового лидера в текст Конституции было внесено положение о «социалистической законности», на основании которого репрессивные органы были поставлены под контроль партии. Тем самым была ограничена компетенция МВД и органов безопасности, но вместе с тем расширены права судебных органов. Никто не мог быть задержанным без предъявления обвинения более чем на 24 часа, однако при отсутствии независимых контролирующих органов все эти положения можно было игнорировать в зависимости от конкретных обстоятельств. Как и в Советском Союзе межвоенного периода поправки к Конституции фактически не коснулись репрессивных органов, зато обеспечили значительное усиление роли компартии, которая признавалась «руководящей политической силой для всего румынского общества».

На состоявшемся 21 – 23 декабря 1965 г. Пленуме ЦК РКП было положено начало новой экономической политике Румынии. Подвергнув критике политику всеобщей индустриализации Дежа, Чаушеску выдвинул ряд предложений о повышении эффективности румынской экономики, потребовав снизить себестоимость товаров и отказаться от практики заранее планируемых убытков. В отличие от своего предшественника, который был против каких бы то ни было сравнений с капиталистическими методами производства, Чаушеску всегда основывался на сопоставлении успехов, достигнутых Румынией, с соответствующими показателями капиталистических стран.

Через два года после принятия этих решений на октябрьском (1967) Пленуме ЦК РКП была выдвинута программа повышения эффективности планирования, создания оптимальной для страны административно-территориальной структуры, укрупнения сел и роста уровня жизни населения.

В феврале 1968 г. был принят Закон об административно-территориальном делении СРР, который окончательно отменял

советскую модель и обеспечивал выделение исторически сложившихся регионов Румынии с учетом их традиционных связей, экономического и культурного своеобразия. 1968 г. привнес в политику новые элементы либерализма: подобно Хрущеву, Чаушеску занялся «осуждением допущенных в прошлом правонарушений» для укрепления своей абсолютной власти. Апрельский (1968) Пленум ЦК РКП принял решение о реабилитации Л. Пэтрэшкану и о выводе А. Дрэгича из состава Центрального Комитета.

Становилось ясно, что новый лидер выбрал новый стиль правления для достижения своих целей. Используя то сталинистские методы, то элементы хрущевской либерализации, Чаушеску добивался не последовательности в политике, а ее эффективности. Если Деж был сторонником тактики движения «шаг за шагом», чтобы не вызывать резкую ответную реакцию, то Чаушеску сразу же после своего избрания развернул наступление одновременно по трем направлениям. Начав дискуссию о политическом наследии Дежа и его сторонников, он приступил к проведению широких внутренних реформ и начал осуществлять самостоятельную внешнюю политику.

С самого начала своего правления Чаушеску дал понять советским лидерам, что будет продолжать начатый Дежем политический курс. Как это было принято в социалистическом лагере, первый свой международный визит он нанес в Москву в сентябре 1965 г. и сразу восстановил против себя советских лидеров тем, что потребовал возвращения румынского золотого запаса, на который был наложен секвестр правительством Ленина в 1918 г. В ответ с советской стороны последовали угрозы о возвращении к проблеме румынских долгов, возникших якобы из-за невыплат военных репараций, что заставило Чаушеску на долгие годы снять с повестки дня этот вопрос.

Поддавшись влиянию маршала Тито, Чаушеску в 1966 г. потребовал реформирования Варшавского Договора, т. е. увеличения численности войск под командованием штабов правительства каждой страны-участницы этой организации.

Первым эффективным внешнеполитическим шагом стало установление дипломатических отношений с ФРГ в 1967 г. После длившихся в течение двух лет консультаций, имевших целью преодоление установленной ГДР дипломатической блокады в отношениях между социалистическими странами и Западной Германией, румынский министр иностранных дел К. Мэнеску посетил Бонн.

В ходе встречи 31 января 1967 г. с канцлером В. Брандтом им была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между Румынией и ФРГ. Это стало завершением периода доктрины Хальштейна и началом этапа многочисленных политических разногласий между лидером ГДР В. Ульбрихтом и лидером Румынии Н. Чаушеску. Последний добивался не столько особой позиции внутри соцлагеря, сколько импорта из ФРГ высоких технологий, в которых была заинтересована румынская экономика для повышения собственной эффективности. Одновременно К. Мэнеску заключил соглашение о предоставлении румынским гражданам немецкой национальности права эмигрировать в Западную Германию. Согласно договоренности право выезда предоставлялось после внесения в казну каждым выезжающим от 4 до 10 тыс. марок в зависимости от уровня его профессиональной квалификации. Сравнительно высокий экономический уровень страны, а также предоставленные румынским руководством возможности для сохранения и развития своих традиций и языка способствовали тому, что до конца 70-х годов эмиграция немецкого населения не носила массового характера.

Аналогичную политику Чаушеску проводил и в отношении Израиля в период Шестидневной войны 1967 г. Когда 9 июня 1967 г. социалистические страны во главе с СССР разорвали дипломатические отношения с Израилем, Чаушеску понял, что открылась новая возможность для наращивания своего политического капитала и не только. Отказавшись последовать примеру Советского Союза и сохранив дипломатическое представительство Румынии в Тель-Авиве, Чаушеску добился поддержки своего курса на Западе. Как и в случае с немцами, право выезда евреям предоставлялось взамен на определенную сумму — от 2 до 50 тыс. долл. США. Известны данные о том, что в отдельных случаях «компенсации» израильского правительства достигали 250 тыс. долл. США.

За исключением периода горбачевской перестройки, по весьма необычному для всей истории социалистического лагеря пути развивались и отношения Румынии с США. В марте 1967 г. американский вице-президент Р. Никсон нанес частный визит в Бухарест, а через несколько дней после отказа Румынии разорвать отношения с Израилем состоялась встреча И.Г. Маурера с президентом США Л. Джонсоном. Одновременно с назначением нового румынского посла в Вашингтоне К. Богдана, Чаушеску обра-

тился с просьбой о предоставлении Румынии статуса наибольшего благоприятствования для развития двустороннего торгового обмена. По иронии судьбы он был предоставлен лишь через восемь лет, когда «либерализм» Чаушеску уже стал достоянием истории, а «сталинизм» начал укрепляться.

Следствием положительного имиджа Румынии на Западе, особенно в США, стало избрание в сентябре 1967 г. министра иностранных дел Румынии К. Мэнеску на пост председателя Генеральной Ассамблеи ООН. Это был беспрецедентный случай в истории международных отношений послевоенного периода — коммунистический режим получил такое право вследствие активной поддержки США, а не СССР, который вынужден был согласиться с этим выбором не из политических соображений, а ради поддержания своей репутации.

Чтобы добиться расположения американцев, Румыния в октябре 1967 г. предложила свои посреднические услуги в ликвидации военного конфликта между США и Вьетнамом. Заслуживавшая внимания и принятая американцами румынская инициатива оказалась неудачной. Готовые на все ради победы над американцами вьетнамцы воспользовались румынским посредничеством для того, чтобы получить информацию о планах вооруженных сил Южного Вьетнама. Наступление в январе — феврале 1968 г. перечеркнуло все усилия румынской стороны.

Чаушеску предпринял попытки сближения с Францией. Состоявшийся 14 — 18 мая 1968 г. визит Шарля де Голля в Бухарест носил в основном демонстративный характер. Посетивший столицу Румынии в ходе поездки по Восточной Европе (Москва, Варшава) президент Франции оказался идеальным слушателем для Чаушеску, делавшего заявления о необходимости ликвидации военно-политических блоков и создания «Единой Европы». Шарль де Голь поверил, что его лозунг «Единая Европа от Атлантики до Урала» приобретает все больше новых сторонников, а Чаушеску воспользовался случаем для укрепления своего престижа на международной арене.

Переломный момент. Переломным моментом во внутренней политике и становлении режима, который позже будет назван «режимом Чаушеску», стала «Пражская весна». Осуждение советского вторжения в Чехословакию, прозвучавшее в речи Чаушеску, являлось с точки зрения будущего Румынии второстепен-

ным фактором. Более важным оказалось осознание румынским лидером того, что проводя самостоятельный внешний курс и консервативную внутреннюю политику, он может обеспечить полную безопасность своей личной власти, что было бы невозможно в случае дальнейшей внутренней либерализации. Одновременно Н. Чаушеску боролся за внешнюю поддержку своей власти, добиваясь уменьшения опасности советской военной интервенции, которая, правда, в сложившихся новых условиях стала бессмысленной. Не было никакой необходимости для устранения консервативного режима, пусть и с либеральными тенденциями во внешней политике, но не представлявшего серьезной опасности для социалистического лагеря в том виде, в каком он был создан после Второй мировой войны.

Действия Чаушеску во время «Пражской весны» свидетельствуют, что им двигало одно желание — укрепить свою репутацию. За несколько дней до вторжения войск Варшавского Договора в Чехословакию, 15–17 августа 1968 г., Чаушеску посетил Прагу, где он и А. Дубчек подписали Договор о дружбе и сотрудничестве. Визит Чаушеску в Прагу и состоявшийся незадолго до этого визит Тито сопровождались слухами и предположениями о воссоздании Малой Антанты, что весьма беспокоило советское руководство. Согласно свидетельствам высокопоставленных офицеров военной разведки Чаушеску якобы сообщил Дубчеку о готовящемся вторжении войск Варшавского Договора в Чехословакию.

С целью обеспечения для себя лично и для румынской армии условий отхода в случае вторжения иностранных войск в Чехословакию Н. Чаушеску на организованной в городе Выршеце встрече с маршалом Тито (21 августа 1968 г.) договорился о возможном отводе частей румынской армии на территорию Югославии, если подобное советское вторжение будет угрожать Румынии. Заручившись поддержкой Запада и Югославии, Чаушеску объявил мобилизацию и распорядился о создании народного ополчения под названием «Патриотическая гвардия» в качестве вспомогательной силы. Двадцать второго августа 1968 г. с балкона здания ЦК РКП Чаушеску выступил с пламенной речью, в которой резко осудил вторжение в Чехословакию. Надеясь на эффект, который должно было произвести его выступление на всех собравшихся на площади, Чаушеску квалифицировал произошедшее событие как «момент позора в международном рабочем движении» — эта фраза отсутствовала в заранее подготовленном тек-

сте речи. Согласно признанию тогдашнего премьер-министра И.Г. Маурера, опьяненный реакцией масс, Чаушеску повел себя довольно дерзко и позволил себе сказать больше, нежели предполагалось. Открытое осуждение вторжения вызвало необходимость разработки планов по обеспечению безопасности руководства партии и ее лидера на случай военного наступления извне. Не желая подвергать опасности весь соцлагерь, советское руководство помимо временного приостановления действия договоров с Бухарестом пошло на создание видимости угрозы вторжения: в течение нескольких дней советские танки находились в непосредственной близости от границы с Румынией.

Чаушеску теперь был не просто единовластным лидером — спасителем отечества, вернувшим румынам после длительного периода унижений и безвестности чувство национального достоинства. Осуждение советского вторжения вызвало волну вступлений в ряды партии представителей интеллигенции, у которой ранее компартия не пользовалась большой симпатией. В те августовские дни заявление о вступлении в РКП подал и ставший впоследствии известным диссидентом П. Гома.

В последующие годы усилия Чаушеску были направлены на установление тотального контроля над партией: для этого он устранил «старую гвардию», обеспечил дальнейшее развитие автаркической экономики и разработал идеологическую платформу, способную преодолеть кризис коммунистической доктрины, угрожавший социализму, построенному по советской модели.

Период сотрудничества Чаушеску с теми, кто привел его к власти, оказался весьма непродолжительным. Уверенные в том, что они без труда будут управлять новым лидером, не неся при этом никакой ответственности перед обществом, «бароны Дежа» переоценили себя — вскоре один за другим они были отстранены. Первой жертвой оказался К. Стойка. Не отличавшийся особыми способностями, но жаждущий высоких государственных постов, он еще в 1967 г. был смещен Чаушеску с поста председателя Государственного совета. Позже он покончил жизнь самоубийством из-за обвинений в безнравственном поведении. В том же году заместитель премьер-министра и бывший претендент на пост Генерального секретаря партии Г. Апостол был заменен И. Вердецем, карьера которого при Чаушеску складывалась непросто. В ходе дискуссий по поводу реабилитации Л. Пэтрэшкану и Ш. Фориша на апрельском (1968) Пленуме ЦК РКП был исключен из рядов

партии любимчик Дежа и бывший министр внутренних дел А. Дрэгич. После советского вторжения в Чехословакию Чаушеску активизировал процесс устранения «старой гвардии». В декабре 1968 г. на очередном Пленуме ЦК РКП были отправлены на пенсию А. Бырлэдяну, П. Борилэ и А. Могиорош, еще не достигшие пенсионного возраста.

На места «стариков» пришла молодежь — И. Вердец, В. Патилинец, М. Мэнеску, К. Буртикэ, И. Илиеску и П. Никулеску Мизил. Впоследствии они составили группу поддержки Чаушеску, однако «баронами» так и не стали. В отличие от Дежа, который сохранял в высших эшелонах власти постоянную команду, Чаушеску, следуя примеру Сталина, использовал тактику «ротации кадров», чтобы не дать своим выдвиженцам возможности закрепиться во властных структурах власти.

В окружении Чаушеску дольше всех продержались И.Г. Маурер и Э. Боднэраш. Объясняется это тем, что первый сыграл решающую роль в приходе Чаушеску к власти, а второй, по всей видимости, поддерживал политические амбиции Елены Чаушеску, супруги лидера.

Очередные перемены в структуре партии произошли на X съезде РКП. Политбюро, переименованное в Политический Исполнительный Комитет, было обновлено путем введения в него лиц из команды Чаушеску. На место старых коммунистов пришли М. Мэнеску, П. Никулеску Мизил, В. Патилинец, В. Трофин и И. Вердец. Под контролем «молодых волков» Маурер и Боднэраш оказались лишеными реальной власти — им была отведена роль «свадебных генералов». Партия перешла в «хорошие руки» тех, кто в любой момент был готов выполнить распоряжения своего лидера.

Не приемлющий любых попыток либеральных реформ, способных вывести общество из-под контроля партии, а тем более возвращения к «буржуазной» демократии, Чаушеску поддержал «Пражскую весну» лишь затем, чтобы «подразнить» советское руководство. Проведенные Чаушеску реформы, не ограничивая власти партии, придали ей характер законности, при этом взгляды граждан во внимание не принимались.

Действия Чаушеску в связи с чехословацкими событиями неожиданно получили международную поддержку. В августе 1969 г. состоялся визит в Румынию президента США Р. Никсона, что способствовало значительному росту политического авторитета ру-

мынского лидера в глазах мировой общественности. Менее чем через год Чаушеску с супругой нанес ответный визит в Вашингтон.

Его расчеты оказались безупречно точными. В условиях, когда процесс внутренней либерализации был приостановлен, Румыния смогла добиться получения ряда экономических преимуществ со стороны Запада. В 1971 г. Румыния стала членом Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а в 1971 – 1972 гг. получила доступ к Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития (МБРР). Как и Ленин, который был уверен, что сможет построить социализм на деньги и с помощью технологий Запада, Чаушеску неожиданно для самого себя получил доступ к финансовой поддержке и самым передовым технологиям.

Отсутствие идеологической программы заставило Чаушеску после 1968 г. вновь обратиться в сторону Китая. Применяемые Мао Цзэдуном жесткие методы партийного руководства казались на первый взгляд идеальным рецептом совмещения сталинизма с этническими особенностями. Культ личности «председателя Мао» и ошеломляющие результаты «культурной революции» делали китайский социализм в глазах Чаушеску примером для подражания. А по соседству находилась северокорейская модель социализма. Идеи «чучхе» президента Ким Ир Сена и в прямом смысле слова народные мероприятия становились все более привлекательными для Чаушеску.

В июне 1971 г. он посетил Китай, Северную Корею и Северный Вьетнам. Преобразования, осуществленные в Китае и Северной Корее, произвели на Чаушеску большое впечатление — он стал пленником корейской мегаломании и китайских социальных экспериментов. В его глазах эти азиатские режимы с абсолютной властью верховных правителей, жесткой дисциплиной и сборниками цитат давали ответы на главные вопросы построения социализма, являясь спасательным кругом в море любых попыток осуществления реформ.

По возвращении домой Чаушеску, выступая на заседании Политисполкома 6 июля 1971 г., предложил ряд мер по достижению такого положения, при котором партия становилась «всему головой». Эта программа состояла из 17 пунктов и предусматривала создание единообразного культурного пространства, при котором появление опасных для режима идеологических ересей оказывалось невозможным.

В румынской литературе эта программа получила название «миникультурная революция», в которой «мини» могло означать не всю площадь страны, а скорее ограниченный масштаб и последствия новой политики. Подобно советской кампании, направленной против «космополитов», развязанной в 1948 г., кампания РКП началась с нападков на писателей. В отличие от СССР, не говоря уже о Китае, в Румынии эти акции носили поначалу безболезненный характер — их тяжелые последствия сказались позже, когда посредственность на долгие годы стала нормой в области науки и культуры.

В речи по поводу начала претворения в жизнь новой культурно-идеологической программы Чаушеску заявил о «борьбе против космополитизма» и «устранении мелкобуржуазных пережитков в образе мышления», предложив весьма догматическую форму коммунистического учения, националистического по своему содержанию.

В области культуры насаждалась идеологическая ортодоксальность, которая, однако, допускала отдельные критические выступления. Право на выборочную критику сохранялось и в дальнейшем. Самые большие возможности предоставлялись тем авторам, которые старому, уже изжившему себя социализму периода Дежа противопоставляли новый — динамичный и современный — социализм Чаушеску. Они могли высказать некоторые сомнения в отношении политического режима, но ни в коем случае не допускали выпадов в адрес нового политического лидера. Как это ни парадоксально, но именно в период «миникультурной революции» румынская литература достигла наивысшей точки в проявлении своей многогранности. В отличие от запрещаемых в СССР писателей, которые становились известными только через «самиздат», талантливые румынские писатели нашли свою нишу в политической литературе, причем весьма доброкачественной. Написанные в основном после 1971 г. романы таких авторов, как И. Лэнкэржан, А. Бузура, П. Попеску и К. Цою соответствовали реалиям идеологической обстановки того периода, но все же главное их достоинство заключалось в тех тонких намеках, которые можно было прочесть между строк.

Некоторые известные румынские писатели (З. Станку, Е. Жебеяну и М. Сореску) открыто выступили против «тезисов» Чаушеску, критикуя стремления режима свести всю культуру к одному лишь социалистическому реализму. Под давлением партии или

из материальных соображений ряд писателей, например Е. Барбу или А. Пэунеску, пересмотрели свои взгляды и возглавили навязанное властями новое течение в культуре, которое по сути своей являлось мешаниной из сталинизма и национализма под названием «протохронизма». Подобно ждановской теории о «приоритете русского фактора в науке» румынский протохронизм преувеличивал роль румынского фактора и Румынии в мировой культуре, науке и историческом процессе в целом.

Наиболее тяжелые удары новая культурно-идеологическая кампания Чаушеску нанесла исторической науке. Если в 50-е годы все прошлое сводилось к классовой борьбе, то в начале 70-х годов история Румынии состояла из нескончаемой борьбы за объединение всех румынских провинций, за достижение политической независимости и укрепление международного престижа. Постепенно, благодаря усилиям генерала Илие Чаушеску и его помощников М. Мушата и И. Арделяну, вся история румын — с древнейших времен и до современности — представляла собой последовательный и логичный процесс, период же, связанный с деятельностью Чаушеску, был представлен как его кульминация.

Для превращения партии в послушный инструмент, всегда готовый к выполнению распоряжений лидера, Чаушеску вновь прибегнул к сталинской тактике «ротации кадров». Состоявшаяся в июле 1972 г. Национальная конференция РКП приняла соответствующее решение на этот счет. Никто, кроме приближенных к Чаушеску и его семьи, не мог занимать одной должности в течение нескольких лет. Выдвинувшиеся в процессе либерализации — при переходе от режима Дежа к режиму Чаушеску — такие партийные лидеры, как В. Патилинец, В. Трофин и Д. Рора были заменены приятелями Генерального секретаря К. Буртикэ и Э. Бобу. В тот период возникла новая концепция Чаушеску о формировании руководящих кадров. Вскоре круг возможных кандидатов на высшие посты в государстве был ограничен представителями многочисленной семьи Чаушеску. На фоне усилившегося политического психоза все заметнее в жизни страны становилась роль Елены Чаушеску: в течение нескольких лет она достигла статуса второго лица в партийной и государственной иерархии.

Одновременно происходило ужесточение законодательства. С целью предотвращения публикаций за рубежом запрещенных режимом работ в декабре 1971 г. принят Закон о государственной

тайне, который запрещал издание за пределами Румынии любого текста, так или иначе затрагивавшего государственные интересы. Данный запрет составлял одно из многочисленных подобных положений нового закона, который в целом ограничивал доступ к любой информации, ибо понятие «государственная тайна» стало распространяться даже на самые банальные вопросы экономики, не говоря уже о вооруженных силах, правосудии и политике.

Двадцать восьмого марта 1974 г. Чаушеску стал президентом Румынии. Учреждение должности коммунистического президента было задумано как попытка подменить роль короля и создать символ национального лидера, чьи полномочия выходили бы за рамки существующих партийных и государственных ограничений. В глазах современников Чаушеску должен был предстать в образе руководителя с «президентским» скипетром, служившим напоминанием о королевской символике.

Коммунистический режим: от застоя к окончательному распаду (1974–1989)

Учреждением должности президента СРР и внедрением принципа «смены кадров» завершился процесс становления диктатуры Чаушеску, которая в период 1974–1989 гг. сумела задуть в зародыше любую попытку борьбы за доминирование в высших эшелонах власти, но не смогла устранить соперничества за право оказаться как можно ближе к диктатору с целью оказания влияния на его решения. В отличие от других компартий в эти годы в рядах РКП не появилось никакой группировки или политической платформы в качестве альтернативы правлению Чаушеску.

После окончательного ухода с политической арены «баронов Дежа» (вынужденная отставка И.Г. Маурера в 1974 г. и кончина в 1976 г. Э. Боднэраша) Чаушеску становится не только полновластным хозяином положения, но также самым старшим и наиболее опытным политиком в руководстве страны.

Заменив известные в прошлом чистки принципом «ротации кадров», Чаушеску оказался в двойном выигрыше. Во-первых, он обезопасил свое положение, исключив возможность всякой оппозиции и став неприкасаемым верховным властителем и единственным лидером партии. Во-вторых, он обеспечил номенклатуре

стабильность и привилегии, и этим добился с ее стороны поддержки. Возможность жить в роскоши (по румынским меркам) при обязательной демонстрации внешней скромности, а также постоянная угроза репрессивных мер могли, безусловно, также объяснять отсутствие оппозиции. В отличие от эпохи правления Дежа государственный террор не имел столь широкого масштаба и не отличался особой кровожадностью, при этом режим Чаушеску не давал забывать о том, что сила может быть применена в любой момент, как только того потребуют обстоятельства. Будучи особенно внимательным к реакции Запада и стремясь поддержать свой имидж, Чаушеску оставался верным тому курсу внутренней политики, который он избрал. Однако по мере того как изоляция Румынии на международной арене усиливалась, репрессивные меры в стране приобретали более выраженный характер.

Будучи верным последователем сталинской экономической модели, Чаушеску проводил политику интенсивной индустриализации, имевшей целью превращение Румынии в самодостаточную экономическую державу. Особые усилия были направлены на развитие традиционной для Румынии нефтяной промышленности. Как в политике, так и в экономической сфере Чаушеску проявлял непоследовательность. Увеличение мощностей нефтеперерабатывающей промышленности с целью пополнения валютного запаса страны привело к росту зависимости Румынии от иностранных партнеров. Среди них был Иран, с главой которого — шахом Реза Пехлеви — Чаушеску поддерживал очень тесные отношения. Кризис 1978 г. и исламская революция в Иране поставили под удар планы Чаушеску, и тогда он был вынужден обратиться к Советскому Союзу.

Энергетический кризис вынудил диктатора проявить интерес к проектам ядерных исследований. Неподалеку от Констанцы, в Чернаводе, при технической поддержке канадских фирм было начато строительство атомной электростанции. После скандала, возникшего на почве экономического шпионажа (органы безопасности попытались незаконным путем заполучить патенты на реакторы типа «Канду»), сотрудничество было приостановлено. Чаушеску и тут усмотрел возможность расширения румынского экспорта, в результате чего к середине 80-х годов в Румынии было построено два предприятия по производству «тяжелой воды».

Движимый желанием превратить Румынию в мощную державу региона и получать огромные доходы и выгодные кредиты, Ча-

ушеску взял курс на развитие производства для экспорта, полностью проигнорировав потребности внутреннего рынка. Это немедленно привело к дефициту в стране промышленных изделий и товаров первой необходимости. Сложившаяся на мировых рынках конъюнктура оказалась невыгодной для румынского диктатора. Экстенсивное развитие румынской промышленности на основе старых технологий проходило на фоне качественных изменений в мировой экономике. Вследствие этого румынские товары, в большинстве своем не соответствовавшие мировым стандартам, пользовались все меньшим спросом на западных рынках. Исходя из сложившейся ситуации возникла необходимость увеличить экспорт сырья и продовольственных товаров на основе демпинговой политики. Для выполнения спущенного сверху валютного плана большинство румынских компаний продавали свои товары по ценам ниже рыночных. «Прославившись» на весь мир отказом участвовать в политике экономической интеграции, проводимой СЭВ, Румыния, несмотря на это, была вынуждена обратиться к странам Восточной Европы и согласиться на крайне невыгодные кредиты. Если в середине 70-х годов доля социалистических стран во внешней торговле страны составляла 33,8%, то в начале 80-х годов она достигла 60%. Румыния пожинала «плоды» собственной недальновидной политики и вскоре оказалась в полной зависимости от Советского Союза, который поставлял самую большую часть дефицитного сырья. Теперь настала очередь советской стороны требовать, чтобы расчет за торговые связи производился на основе свободно конвертируемой валюты.

Внешний долг Румынии рос как на дрожжах. В 1977 г. он составил 3,6 млрд долл. США, а в 1981 г. достиг суммы в 9,5 млрд (по другим источникам, долг страны равнялся 10,2 млрд долл. США). Оказавшись неплатежеспособной, Румыния обратилась с просьбой об отсрочке выплаты долгов, и по рекомендации МВФ была вынуждена снизить объем своего импорта и увеличить объем экспорта.

Разрушительное землетрясение 1977 г. и катастрофические наводнения 1980–1981 гг. еще более усугубили неблагоприятное экономическое положение страны.

Революции Чаушеску. Стихийные катаклизмы, конъюнктура на международных рынках и неустойчивое положение собственной экономики не смогли остановить Чаушеску. В условиях кризи-

са он распорядился о начале масштабных работ по обустройству русла пролежавшей через Бухарест реки Дымбовица, о реконструкции центральной части столицы и о продолжении работ по завершению ранее начатого строительства канала Дунай – Черное море. До 1989 г. все эти проекты — частично или полностью — были завершены. Малорентабельный с экономической точки зрения канал Дунай – Черное море был открыт в 1985 г., а реконструкция центра столицы, над которым возвышается огромное здание под названием Дворец Республики, была практически завершена к моменту смещения диктатора в декабре 1989 г. Строительные работы сопровождались уничтожением исторического центра города: были снесены известные исторические памятники, церкви, бывшие административные здания и частные дома.

За «индустриальной революцией» последовали аналогичные меры и в сельском хозяйстве. Весной 1988 г. Чаушеску объявил о возобновлении процесса укрупнения сел (систематизация), который служил ширмой для его намерений провести очередную «аграрную революцию». Отдавая себе отчет в том, что в сельском хозяйстве, являвшемся основным источником пополнения валютного запаса, сохранился низкий уровень производительности труда, Чаушеску обратился к одному из обсуждавшихся в Советском Союзе — еще времен Хрущева — проектов об организации сельского хозяйства на промышленной основе. Был разработан план строительства «аграрно-промышленных городов» на месте 13 тыс. сел, которые должны были быть стерты с лица земли.

Кампания по укрупнению сел вызвала протесты за рубежом, а также среди культурных деятелей Румынии. Многочисленные сельские общины во Франции, Бельгии, Швейцарии и Великобритании приняли активное участие в движении в защиту сел Румынии. На конференции органов местного и регионального самоуправления в марте 1989 г. было оглашено заявление Совета Европы, которое в резкой форме осуждало кампанию по ликвидации сел и требовало от румынских властей положить ей конец. В речи, переданной по каналу Би-Би-Си, принц Уэльский также открыто выступил против подобной политики. Не ограничившись этим, он поддержал ряд европейских фондов, выступивших с осуждением политики Чаушеску. Созданная в 1987 г. организация «Михай Эминеску Трест» развернула широкую международную кампанию с целью привлечения внимания мировой общественности к процессу ликвидации сел. При участии властных структур и об-

ществленных организаций Франции, Швейцарии, Голландии и Бельгии в 1989 г. была проведена акция «Румынские села». Эти мероприятия стали ярким свидетельством резкого падения авторитета Чаушеску в глазах мировой общественности. До конца 1989 г. только в Швейцарии с протестом выступили 206 сельских общин в знак солидарности с румынскими селами, оказавшимися под угрозой исчезновения. К ним присоединились 231 село в Бельгии и 95 сельских общин во Франции. Несмотря на волну протеста, к декабрю 1989 г., когда программа по укрупнению сел в Румынии была приостановлена, было ликвидировано около 500 сел.

Экономическая политика режима привела румынское общество на грань гуманитарной катастрофы, последствия которой были очень тяжелыми. Погоня режима за свободно конвертируемой валютой и проекты по окончательному переустройству страны отеснили проблему уровня жизни населения на последний план. Резко отвергая любые попытки решения извне «внутренних вопросов» страны, Чаушеску воспринимал рекомендации западных финансовых кругов, призывавших умерить инвестиционный пыл, как личное оскорбление. В условиях кризисного состояния экономики он в декабре 1982 г. объявил о том, что Румыния готова досрочно погасить свои долги. Тем самым было положено начало невиданному в истории румынского государства периоду суровых мер и лишений. Чаушеску попытался несколько поднять уровень жизни в столице за счет ограничения потребления продовольственных товаров в провинциальных городах. В 1982 г. в некоторых городах были введены карточки на хлеб, муку, сахар, подсолнечное масло, молочные продукты и яйца. В 1983 г. карточная система была введена по всей стране, а в 1985 г. — и в Бухаресте. Прилавки магазинов были пусты, а когда что-либо поступало в продажу (как правило, товары непригодные для экспорта), то это удавалось приобрести лишь после мучительных ожиданий в очередях. «Очередь» постепенно становилась атрибутом повседневной жизни румынского общества. Достаточно было появиться небольшой группе людей около магазина, чтобы мгновенно образовалась огромная очередь. Очень часто люди, стоявшие в ней, не знали, что им достанется. Эти трагикомические сцены ежедневно можно было наблюдать на улицах городов Румынии, очень часто случалось так: «Что ждете?» — спрашивал последний подошедший. Ответ следовал, как правило, такой: «Не знаем, что дадут». Легко представить, что в таких условиях покупка хлеба насущного приравнивалась к настоящему подвигу.

Бесконечные требования режима увеличить объем промышленных товаров, идущих на экспорт, в условиях устаревших технологий и при повышенном уровне потребления предприятиями энергии привели к резкому сокращению подачи электроэнергии, тепла, природного газа для населения. Интересы государства были выше нужд граждан страны. Для владельцев автомобилей были введены ограничения на пользование личным транспортом в выходные дни, а каждый из них мог приобрести всего 30 литров бензина в течение месяца. В зимнее время движение на отдельных участках зачастую временно приостанавливалось.

Чаушеску все чаще проявлял недовольство тем, что румыны не являются «большим» народом, и тогда партия стала проводить политику, которая означала повышение рождаемости в принудительном порядке. Было объявлено о планах увеличения численности населения Румынии к концу 90-х годов до 30 млн человек. В 1966 г. Чаушеску, обеспокоенный «неудовлетворительными» темпами роста рождаемости, запретил аборт, а с 1981 г. начал проводить невиданную даже для социалистического лагеря демографическую политику. На предприятиях и в учреждениях был введен обязательный осмотр женщин для выявления и регистрации беременностей с целью недопущения незаконных абортов. Больницы и родильные дома находились под строжайшем контролем сотрудников секретных служб, которые следили за каждым медработником. Прерывание беременности по медицинским показаниям разрешалось только при достижении женщиной 40-летнего возраста, а в 1986 г. этот срок был увеличен до 45 лет. Заключение браков поощрялось с помощью мер материального воздействия. Для не состоящих в браке был введен «налог на холостяков». Для семейных пар, находившихся в браке 25 лет и не имевших детей, также был установлен специальный налог.

В последующий период был достигнут ежегодный уровень, составлявший 18 новорожденных на каждую тысячу жителей, однако последствия этого оказались ужасающими. Появилось целое поколение нежеланных детей, страдавших к тому же различными физическими и умственными отклонениями. Эти дети заполнили детские дома Румынии. После 1989 г. о том, что детские дома Румынии находятся в плачевном состоянии, стало известно во всем мире. Режим добивался быстрого роста рождаемости при минимальной затрате средств на социальные нужды и здравоохранение. С конца 70-х годов румынские больницы

не имели возможности приобретать необходимые медикаменты и оборудование, что привело к снижению уровня обслуживания — даже банальная операция по удалению аппендикса могла завершиться летальным исходом.

Образование полностью было подчинено производственным интересам. Часть профтехучилищ была передана в ведение профильных министерств. Перед военнослужащими, как и перед учениками и студентами, ставились «производственные задачи», их обязывали выполнять физическую работу. В целях сокращения числа преподавателей и часов занятий в школе были укрупнены классы, которые порой состояли из 40–45 учащихся. Для экономии электричества и тепла школы были переведены на трехсменный процесс обучения.

Вопреки жестким мерам, в том числе положению о выплате зарплаты в зависимости от выполнения производственных норм, высокая трудовая дисциплина продолжала оставаться несбыточной мечтой румынских властей. Пьянство на рабочих местах, невыход на работу, воровство всего, что можно было унести, достигли угрожающих размеров. Даже постоянное присутствие сотрудников секретных служб и представителей милиции на всех предприятиях и в учреждениях не могло положить этому конец.

Широкое распространение получило взяточничество. Взятки брали чиновники, медики, работники сферы обслуживания и внутренних органов, в меньшей степени — служащие сферы образования. Взяточничество породило особые нравы, которые со временем стали частью повседневной жизни.

Противодействия и последствия. Углубление социально-экономического кризиса очень быстро привело к протестным выступлениям как со стороны отдельных лиц, так и целых коллективов. Первыми отреагировали на экономическую политику режима шахтеры, которым особенно свойственно чувство профессиональной солидарности в силу специфических условий их труда. Поводом для выступлений стал новый пенсионный закон, ликвидировавший пособия по инвалидности и увеличивавший пенсионный возраст шахтеров с 50 до 55 лет. Шахтеры выдвинули и другие требования. Особенно серьезным сигналом стал бунт шахтеров в бассейне Жиу в августе 1977 г. Хотя власти и до этих выступлений пытались компенсировать тяжелые условия труда горняков высокой заработной платой, тем не менее эта категория

трудящихся сильнее других ощущала последствия кризиса. Шахтеры требовали улучшения медицинского обслуживания и предоставления рабочих мест для членов их семей. Третьего августа 1977 г. шахтеры города Лупень объявили забастовку, требуя приезда Чаушеску. Помимо сохранения льгот, они требовали сокращения рабочего дня до 6 часов и объективного освещения событий в средствах массовой информации. Выступления приняли неожиданный поворот. После того как шахтеры задержали премьер-министра И. Вердеца, к ним приехал Чаушеску. Выступив перед бастующими, он осудил их действия, но пообещал выполнить все требования. Через день после его отъезда армейские части и силы безопасности окружили район выступления. Перед командованием была поставлена задача запугать бастующих и зачинщиков выступлений. Лидера шахтеров К. Добре отправили «на учебу» в партийную школу им. Штефана Георгиу.

Оплата труда в зависимости от выполнения производственных планов при острой нехватки сырья и отсталых технологиях также вызвала волну недовольств. В 1983 г. протестовали шахтеры горнодобывающего бассейна Марамуреш, возмущенные новыми принципами начисления зарплаты. На протяжении 1986 – 1987 гг. выступили с протестами рабочие коллективы в Клуже и Яссах. В феврале 1987 г. свое возмущение условиями учебы и проживания выразили студенты Политехнического университета в Яссах.

Однако самым серьезным испытанием для режима стала забастовка рабочих в ноябре 1987 г. в Брашове, одном из главных промышленных центров Румынии. В отличие от предыдущих выступлений рабочие Брашова не ограничились требованиями повышения уровня жизни. Явившись на собрание по случаю выборов, они перешли к актам неповиновения, заняв здание местного партийного комитета и уничтожив находившиеся там ценности. Усилиями органов милиции порядок был восстановлен — по жесткости принятых мер эта акция напоминала репрессии 50-х годов.

Внешняя политика режима изменилась лишь на завершающем этапе. Выступавшая с требованием «независимости и невмешательства во внутренние дела» Румыния фактически была исключена из Варшавского Договора и СЭВ. Отвергнутая традиционными партнерами и Западом, она, как и Албания, превратилась в «изгоя» на международной арене.

Изменение отношения международного сообщества к режиму Чаушеску и снижение роли Румынии в мировой политике проис-

ходили постепенно. О близком закате режима румынского диктатора свидетельствовала также возникшая проблема прав человека, получившая политическое значение. Подписанное в 1975 г. хельсинкское Соглашение о безопасности и сотрудничестве в Европе закрепляло сложившееся послевоенное положение и границы, а также обязывало все стороны соблюдать права человека. Пересмотр Западом своего отношения к политике коммунистических режимов явился импульсом для активизации движения правозащитников в Восточной Европе. Движение за соблюдение конституционных прав в Советском Союзе и «Хартия-77» — это лишь отдельные примеры непосредственных последствий подписания хельсинкского Соглашения. За исключением диссидента П. Гомы, который открыто потребовал от Чаушеску поддержать «Хартию-77», никто больше в Румынии этого движения не поддержал. При отсутствии правозащитного движения оппозиция режиму со стороны граждан сводилась к отдельным случаям неповиновения и прослушиванию передач радиостанций «Свободная Европа» и «Голос Америки». Выступления преподавательницы Клужского университета Дойны Корня и основателей неофициального профсоюза «Свобода», Ю. Филип и Д.А. Поп, а также Р. Филипеску, осужденного затем за распространение листовок с призывами, направленными против Чаушеску, и критические высказывания в адрес режима поэта М. Динеску особого действия не возымели. Секретные службы быстро изолировали этих людей и лишили их свободы слова. Например, Д. Корня за свои выступления против политики Чаушеску по укрупнению сел находилась под домашним арестом вплоть до 22 декабря 1989 г.

Несмотря на то что Запад был осведомлен о существовавшем в Румынии положении, отношение к режиму Чаушеску изменилось довольно поздно. С приходом к власти в США администрации Дж. Картера вопрос о соблюдении прав человека приобрел характер основополагающего при определении приоритетов внешней политики, однако в отношениях с Румынией ожидаемого охлаждения не произошло. Во время своего визита в Бухарест в декабре 1977 г. американский государственный секретарь по вопросам финансов М. Блументаль заверил Чаушеску в том, что США уделяют особое внимание отношениям с Румынией. И только бегство в 1978 г. на Запад заместителя начальника Департамента внешней разведки генерала И. Пачепы резко отрицательно сказалось на имидже Чаушеску среди американских политиков. Опубликован-

ная затем книга генерала «Красные горизонты», в которой были приведены подробности повседневной жизни семьи Чаушеску, повергла в шок мировую общественность.

Для поддержания своего авторитета в глазах мировой общественности Чаушеску пошел на следующие меры. Во-первых, он попытался оказать влияние на Я. Арафата, чтобы добиться права играть посредническую роль в разрешении арабо-израильского конфликта. Во-вторых, при заключении соглашений с какой-либо из западных стран о приобретении Румынией современных технологий он требовал организации для него визитов в столицы этих стран. Так, например, произошло в случае с Францией. Хотя В. Жискар д'Эстэн проявлял к Чаушеску явную неприязнь, однако перспектива заключения выгодных контрактов заставила французского президента в 1976 г. и в 1979 г. пойти на уступки. Ставший в 1982 г. достоянием гласности «случай Хайдуку» — офицера румынских секретных служб, направленного в Париж для ликвидации правозащитников В. Тэнасе и П. Гомы, — послужил для президента Ф. Миттерана серьезным поводом, чтобы отложить свой визит в Румынию. Аналогичной тактики придерживался Чаушеску и в отношениях с Великобританией. Британские дипломаты подробно информировали свое руководство об истинном положении дел в Румынии, однако возможность заключения контракта о создании первого в Румынии пассажирского самолета при технической поддержке британских фирм заставила королеву в 1978 г. дать согласие на весьма неприятную для нее встречу с Чаушеску в Букингемском дворце. Демонстративные жесты Чаушеску, такие как осуждение советской интервенции в Афганистан в 1979 г. или участие румынских спортсменов в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе, которые остальные социалистические страны бойкотировали, способствовали тому, что он оставался в зоне определенного общественного внимания.

Со временем произошли некоторые изменения и в отношениях с Советским Союзом. Они не стали более теплыми, но Брежнев проявлял терпимость к проявлениям самостоятельности Чаушеску, прекрасно понимая, что они не представляют никакой угрозы для социалистической системы. По мере того как экономический кризис в Румынии углублялся, а тревожных сигналов по поводу стабильности коммунистических режимов становилось все больше, Чаушеску попытался вновь пойти на сближение с Советским Союзом. В 1980 – 1981 гг. он неоднократно обращался к советско-

му руководству с предложением о созыве конференции компартий для выработки единой позиции по событиям в Польше. По сути Чаушеску предлагал совместную интервенцию социалистических стран, если польское правительство будет не в состоянии удержать ситуацию под своим контролем. В 1980 – 1985 гг., после многочисленных отклонений советских инициатив на протяжении почти 25 лет, Румыния фактически приняла «Доктрину Брежнева» и проявляла даже бóльшую, чем СССР, готовность в отношении восстановления порядка.

Приход к власти М.С. Горбачева и начало реформ вызвали новое обострение отношений между двумя странами. Во время визита в Бухарест в мае 1987 г. Горбачев предпринял последнюю попытку убедить румынского лидера в необходимости проведения реформ, но безуспешно. Встреча между руководителями Румынии и СССР способствовала еще большему обострению противоречий между ними, а Румыния официально заняла те же консервативные позиции, что ГДР и Чехословакия.

Не понимая того, что происходит в Восточной Европе, на встрече лидеров стран Варшавского Договора, проходившей в Бухаресте в июле 1989 г., Чаушеску, используя старые догмы, осудил «деидеологизацию международных отношений» и «недооценку классовой борьбы некоторыми режимами».

Лишенная какого-либо влияния и ставшая лишь фоном для не знавшей границ мании величия Чаушеску, партия оказалась не в состоянии изменить положение. Боясь потерять в перспективе свои привилегии, лидеры партии безропотно поддерживали политические и экономические авантюры Чаушеску, хотя и выполняли его указания без особого энтузиазма. Рост политического влияния супруги Чаушеску Елены и других членов его семьи, а особенно сына Нику, позволяло говорить о династическом характере румынского коммунистического режима. Поначалу робко, а затем все решительнее Чаушеску навязывал обществу идею о наследовании власти и своем возможном наследнике в лице Нику Чаушеску. Назначенный главой Союза коммунистической молодежи, а затем получивший пост первого секретаря партийной организации уезда Сибиу, Нику был занят в основном светской жизнью и проявлял весьма мало интереса к будущей политической карьере. Елена Чаушеску взяла на себя роль протезе своего супруга, будучи уверенной в том, что она обладает особыми интеллектуальными качествами, и после 1971 г. все активнее стала

вмешиваться в дела науки. Поднимаясь на все более высокие ступени как в государственной, так и в партийной иерархии, она в результате стала первым заместителем премьер-министра страны. Ее страстное желание добиться как можно больше академических титулов привело к тому, что при подготовке каждого зарубежного визита, приспешники Чаушеску настаивали на присвоении ей различных академических наград или званий. В 1974 г. она была принята в Румынскую академию, однако, к чести действительных ее членов, следует заметить, что желание Елены Чаушеску возглавить этот научный форум удовлетворено не было.

Осенью 1971 г., после возвращения из поездки по Азии был смещен со своего поста ответственный за идеологическую пропаганду И. Илиеску, который выразил свое несогласие с намерением Чаушеску следовать китайско-корейской модели. Единственной попыткой открыто высказать несогласие с проводимой Чаушеску политикой стало выступление члена ЦК РКП К. Пырвулеску, который на XII съезде (1979) осудил культ личности и отказался голосовать за очередное переизбрание Чаушеску на пост Генерального секретаря компартии. Выступление, однако, было прервано, он был немедленно выведен из зала, а затем сослан в провинциальный город, где находился под домашним арестом.

Десятого марта 1989 г. группа старых членов партии — Г. Апостол (бывший соперник Чаушеску в борьбе за пост Генерального секретаря партии в 1965 г.), А. Бырлэдяну (инициатор политики экономической независимости), К. Пырвулеску (бывший член тройки, которая возглавила партию после устранения Ш. Фориша весной 1944 г.), С. Брукан (главный редактор центрального печатного органа компартии «Скынтейя» в 1944 – 1956 гг., посол в США в 1956 – 1959 гг. и представитель Румынии в ООН в 1959 – 1962 гг.), К. Мэнеску (министр иностранных дел в 1961 – 1972 гг. и единственный румын, ставший в 1967 – 1968 гг. председателем Генеральной Ассамблеи ООН) и Г. Рэчану (ветеран компартии) — обратились к Чаушеску с открытым письмом, известным как «Обращение шести». Впервые бывшие лидеры партии потребовали от Чаушеску прекратить кампанию по укрупнению сел, восстановить гражданские свободы и обеспечить повышение уровня жизни народа. Понимая, что внимание мировой общественности приковано к Румынии, Чаушеску ограничился усилением надзора за авторами письма и их содержанием под домашним арестом. Этот протест исходил от уже отправленных на пенсию ветеранов партии. Они

выступали за восстановление роли партии и проведение политического курса в соответствии с реальными условиями того времени.

Из всех структур, на которые опирался режим Чаушеску, в самом выигрышном положении оказались органы безопасности. Располагая точной информацией об усилении оппозиции в стране, секретные службы постепенно отказывались от массовых репрессий. Органы безопасности использовали в основном методы устрашения и в меньшей мере явное насилие, но все же под их контролем находилось все румынское общество. Их представители иногда прибегали и к убийствам. Неудачные попытки покушений на правозащитников, работавших в румынском отделе радиостанции «Свободная Европа», и убийство агентами органов безопасности инженера Г. Урсу свидетельствовали о том, что отказ от массовых актов насилия объяснялся указаниями самого диктатора, а не изменением ментальности сотрудников данного ведомства.

Конец. Во время работы XIV съезда РКП, который состоялся в ноябре 1989 г., румынское общество надеялось услышать о начале проведения коренных реформ. К общему удивлению и негодованию Чаушеску ограничился лишь повторением старых тезисов о независимости и продолжении индустриализации. Более того, не оставив никаких надежд тем, кто еще верил ему, Генеральный секретарь объявил о начале внедрения промышленных технологий, что предполагало необходимость новых инвестиций. Одним из важных моментов в работе съезда стала попытка Чаушеску вновь обратиться к национальным чувствам народа, в связи с чем он потребовал «устранения последствий пакта Молотова – Риббентропа». Подобное заявление было равнозначно предъявлению СССР требования о возвращении Румынии Бессарабии и северной части Буковины. Однако это обращение Чаушеску, не принесло ожидаемого результата. Наблюдавший за переменами, происходившими в Советском Союзе и в других социалистических странах, народ Румынии, уставший от бедности, практически проигнорировал это обращение. Терпение румынского народа достигло предела.

Пламя разгорелось на западе страны. Поводом для беспокойства властей города Тимишоара стал венгерский священник-реформатор Ласло Текеш. Известный своей критической позицией по отношению к национальной политике режима, он подвергся гонениям со стороны властей и со стороны своего иерарха-епископа Паппа.

Л. Текеш был известен в Румынии и за рубежом благодаря поддержке со стороны правительства Венгрии, поэтому становился опасным для режима. В середине декабря 1989 г. епископ Папп решил перевести его в другой приход. Выполнение данного распоряжения несколько затянулось, а дом пастора, в котором отключили электричество, окружили верующие, намеревавшиеся помешать сотрудникам милиции насильно выдворить Текеша.

То, что поначалу казалось единичным случаем проявления непокорности, 15 – 17 декабря переросло в массовое антикоммунистическое выступление. Из Бухареста последовал приказ о разгоне демонстрантов с применением силы. 17 декабря по манифестантам был открыт огонь — пострадало 122 человека. Чтобы скрыть следы преступления, часть тел погибших перевезли в Бухарест, где они и были кремированы. На второй день к верующим присоединились рабочие — 20 декабря власть потеряла контроль над городом. После того как было занято здание местного комитета партии, Тимишоара была объявлена «свободным городом».

Находившийся в Иране с официальным визитом Чаушеску срочно вернулся в Румынию. Надеясь, что речь идет о событиях, подобных тем, что произошли летом 1968 г., он попытался добиться восстановления порядка, ссылаясь на некий заговор «империалистических сил». Вечером 20 декабря 1989 г. Чаушеску, выступая по телевидению, оценил демонстрации в Тимишоаре как выходку отдельных «хулиганствующих элементов», дав понять, что за их спиной якобы стоят силы «венгерского ирредентизма». На второй день, следуя советам своих приближенных, он отдал распоряжение об организации митинга в Бухаресте, собираясь, видимо, в своем выступлении более подробно развить высказанные накануне идеи. Чаушеску, однако, так и не смог закончить свою речь. Вместо ожидаемой реакции поддержки на площади начались беспорядки. К вечеру центр города заполнили группы демонстрантов, несших транспаранты с антикоммунистическими лозунгами. Получившие приказ о восстановлении порядка армейские части и силы безопасности применили оружие, что привело к многочисленным жертвам.

Будучи не в состоянии осознать всю серьезность создавшегося положения, Чаушеску вновь приказал собрать митинг. Последствия его оказались катастрофическими. Первым тревожным сигналом для Чаушеску стал отказ министра обороны В. Миля использовать армию против демонстрантов. При не выясненных до

настоящего времени обстоятельствах генерал В. Миля покончил жизнь самоубийством. Чаушеску попытался взять на себя командование войсками, назначив на пост министра обороны генерала В. Стэнкулеску, однако последний так и не появился в Бухаресте вплоть до падения диктатора. Потерявшие главнокомандующего и деморализованные тем, что их использовали в качестве репрессивной силы, армейские подразделения в тот же день вернулись в казармы. Будучи уже не в состоянии контролировать ситуацию, Чаушеску решил собрать жителей столицы перед зданием ЦК РКП. Ему не позволили даже начать выступление. Собравшиеся приступили к штурму здания ЦК. В отчаянии Чаушеску покинул столицу, вылетев на президентском вертолете. В 150 км от Бухареста он был вынужден приземлиться.

Власть перешла к другим лицам. Диктаторская чета была арестована и содержалась в военном гарнизоне города Тырговиште. После недолгого судебного разбирательства, проведенного по приказу сформировавшейся вокруг И. Илиеску группировки, 25 декабря 1989 г. супруги Чаушеску были приговорены к расстрелу. Приговор незамедлительно был приведен в исполнение.

* * *

Выгоды, полученные в результате достижения Румынией относительной самостоятельности, оказались довольно скромными, хотя и были оплачены ценой многолетних испытаний, выпавших на долю румынского народа. В исторической перспективе изоляция от партнеров по социалистическому лагерю привела к тому, что политическая элита словно бы законсервировалась на уровне 50-х годов. Оказавшись в отрыве от всех восточных идеологических доктрин, румынские коммунисты признавали марксизм лишь в той мере, в какой он отвечал их национальной идеологии. На волне антисоветского сопротивления сталинизм в своем классическом варианте смог удержаться в Румынии до 1963 г., а ее прозападная экономическая ориентация была обусловлена политическими соображениями.

Попытки режима заполучить передовые западные технологии основывались на том же политическом расчете, что и нэп Ленина: строительство автаркического социализма, опиравшегося на тяжелую промышленность и собственные ресурсы при поддержке Запада. Что касается демократизации общества, с предоставлени-

ем бóльших свобод в области культуры, образования и идеологии, то она вообще была чужда режиму.

Почему сталинизм, пусть даже с национальной окраской, сохранялся в Румынии на протяжении столь длительного времени? Почему партийные лидеры практически никогда не сталкивались с организованной оппозицией? И наконец, почему в период общего кризиса европейской коммунистической системы румынская компартия не смогла разработать альтернативной программы построения социализма с человеческим лицом?

Более того, переходный период либерализации 1963 – 1971 гг., сопровождавшийся освобождением из тюрем большинства политзаключенных и временным ослаблением идеологических оков, с точностью повторял 1932 – 1934 гг. (сталинский «нэп»), 1938 г. (назначение Берии на пост министра внутренних дел) и 1958 – 1964 гг. (реабилитация жертв сталинизма) в СССР и практически не затронул сути существующей системы.

Объяснение всему этому следует искать в социальной и ментальной структуре румынской компартии.

Методы пополнения партийных рядов перешедшими на службу оккупационному режиму чиновниками среднего административного звена, а также бывшими членами крайне правых политических группировок, кустарными рабочими, сельским пролетариатом и частью членов Социал-демократической партии способствовали тому, что в момент своего прихода к власти румынская компартия напоминала ВКП(б) после проведенных в ней чисток. Без настоящей «старой гвардии» и той прослойки заслуженных местных ветеранов, которые вели борьбу за коммунистические идеалы, партия стала прибежищем карьеристов и политиков-неудачников. Она не смогла привлечь на свою сторону интеллигентов и профессионалов высокого уровня, ограничиваясь лишь созданием собственного технократического сословия, которое вопреки своему происхождению стремилось к проявлению своих способностей вне политики, чем и объясняется отсутствие каких-либо попыток разработать новую политическую стратегию.

Другим препятствием на пути развития КПр стало отсутствие революционных традиций. Сектантские принципы деятельности и оторванность от политической жизни страны в межвоенный период уготовили для коммунистов роль карманной партии без сколь-нибудь серьезного выхода на политическую сцену, который бы способствовал разработке самостоятельных платформ.

Более того, отсутствие с самого начала собственной программы действий и абсолютное следование сталинской модели определили специфику отношения румынских коммунистов к проблемам социализма. В действительности, на протяжении всего периода пребывания у власти КПР ограничивалась лишь незначительными подновлениями сталинских рецептов, отвергая всякие попытки обновления изнутри.

Все это привело к тому, что после смерти Сталина румынская компартия не смогла выйти из тупика и стала продолжателем сталинизма, получившего национальную окраску. Неслучайно шаги, предпринятые Чаушеску после 1971 г., оказались вполне совместимы с идеологическими принципами партии, а сформировавшийся режим полностью идентифицировался с КПР.

Примечания

¹ *Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins R., Papacostea Ș., Teodor P.* Istoria României. București, Editura Enciclopedică, 1998. P. 489–490.

² *Analele Sighet 6, Anul 1948 — Instituționalizarea comunismului, Dorin Dobrinicu, Rezistența armată anticomunistă la începutul republicii «populare», Fundația Academia Civică, 1998. С. 215.*

³ *Constantiniu F.* O istorie sinceră a poporului român. Univers Enciclopedic. București, 1997. P. 480.

⁴ *Bărbulescu M., Deletant D.* Op.cit. P. 499.

⁵ *Oprea M.* Banalitatea răului. O istorie a Securității in documente. Polirom 2002, studiul introductiv. *D. Deletant, Securitatea și statul polițienesc in România 1948–1989.* P. 28–29.

⁶ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие материалы. Сост. *В.П. Наумов, Ю.В. Сигачев.* М., 1999. С. 57.

⁷ Там же. С. 57–61.

⁸ Afirmația a fost făcută de Gh. Apostol in cursul unei discuții particulare cu autorul, in iunie 2003.

⁹ Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. Москва, 1998. С. 463–467.

¹⁰ *Retegan M.* Război politic in blocul comunist. Documente. București, 2002. P. 311.

Послесловие

Все румыны после 21 – 22 декабря 1989 г. питали большие надежды на лучшее. Большинство тешило себя иллюзиями, что жизнь, как по волшебству, моментально изменится. Многие искренне верили, что теперь-то уж точно придут американцы (или западноевропейцы) — которых так долго ждали с 1945 г., — и начнется стремительное и осязаемое процветание общества. Другие, настроенные более скептически и реалистично, полагали, что до наступления изменений должно пройти какое-то время, поскольку очень трудно преодолеть наследие старого режима. Некоторые даже хотели немедленно отодвинуть в сторону все старое поколение, названное «коммунистическим», за то, что оно «жило при коммунизме» и содействовало развалу страны (если не прямо участвовало в нем).

Безусловно, коммунистические лидеры несли ответственность за все произошедшее, но нельзя было обвинять весь народ. С другой стороны, у этого народа почти невозможно было отыскать «незапятнанных» лидеров, поскольку вся румынская элита, за очень небольшим исключением, входила в число почти четырех миллионов членов КПР. Большинство этих так называемых коммунистов голодало и жило в темных квартирах вместе со всеми румынами, а некоторые из них даже тем или иным образом сопротивлялись режиму. В стране было невозможно найти грамотных управленцев, профессиональных политиков, знающих банкиров и сведущих экспертов в области капиталистической экономики. Естественно, на Западе жили опытные и имевшие престиж румынские специалисты, готовые служить новой Румынии, но общественное

мнение относилось к ним сдержанно. Ощущались последствия старой, хорошо организованной пропаганды. О них говорили, что они не страдали вместе с народом, не ели «колбасы из сои»...

После относительной нормализации ситуации в декабре 1989 — январе 1990 г. началась постепенная демократизация общества, поначалу в довольно робких и гибридных формах на фоне всеобщей нестабильности. В качестве возрожденных и принятых за эталон весьма непохожих моделей демократического устройства выступали современный Запад и Румыния между двумя мировыми войнами. Таким образом, на основе разнородных критериев сформировались политические партии. Первой был Фронт национального спасения (ФНС), определявшийся первоначально как «политическая организация, объединяющая личности и группы» (позже разделившаяся и реструктурированная). Очень быстро были воссозданы старые партии, запрещенные в 1947 г.: Национал-цэрэнистская (НЦП), которая добавила в свою доктрину постулаты христианских демократов (НЦХДП), и Национал-либеральная партия (НЛП). Затем появились другие партии и политические организации различных ориентаций, в том числе партии национальных меньшинств (например, Демократический венгерский союз Румынии — УДМР). Они часто распадались или создавали всяческие союзы, коалиции, группировки для участия в выборах или в иных целях. Если оставить в стороне политические организации национальных меньшинств, в политической жизни Румынии после 1989 г. выступали в основном лево-центристские и право-центристские партии, хотя это разделение очень относительно. Конституция 1991 г. запретила любые политические организации крайне правого толка (фашистского типа) или лево-экстремистские (коммунистического толка), хотя в составе некоторых политических сил имелись подобные экстремистские элементы.

После 1989 г. в Румынии не раз проводились выборы, в ней сменялись правительства и у власти побывали два президента. Один из них придерживался социал-демократической ориентации и в молодости был лидером коммунистов (Ион Илиеску). Другой, принадлежащий к христианско-демократическому направлению, в прошлом был членом КПР, однако не занимал важных должностей (Эмиль КонстантINESКУ). Правительства в основном были окрашены в те же политические цвета. По 1996 г. включительно и после 2000 г. правительства были социал-демократическими, а некоторые аналитики называли их «неокоммунисти-

ческими» (премьер-министры Петру Роман, Николае Вэкэроу и Адриан Нэстасе). Между 1996 и 2000 гг. к власти преимущественно приходили христианско-демократические и либеральные правительства (премьер-министры Виктор Чорбя, Раду Василе и Мугур Исэреску). Необходимо подчеркнуть, что после почти 40-летнего правления единственной партии подобная классификация, основанная на программе, является крайне относительной. Тем не менее чередование у власти различных политических сил показывает, что в Румынии вновь установилась демократия, правда, развивающаяся еще рывками, довольно неуклюжая и с элементами «самобытности». Фактически речь идет о длительном переходе, для которого характерны социальные и экономические проблемы, воссоздание системы конкуренции, приватизация и реституция конфискованной собственности, реструктуризация всей экономики, сокращение рабочих мест и сильное недовольство в обществе. Люди были разочарованы трудностями повседневной жизни, неразгаданными «тайнами революции» и тем, что «террористы» никогда не будут пойманы. Их раздражали невнятное расследование деятельности секретной полиции («Секурита-тэ»), их психика подвергалась воздействию противоречивых известий и слухов. В этой обстановке ни одной из партий и коалиций, приходивших к власти, не удавалось править так, чтобы граждане были довольны. Реакции общества (спонтанные или запрограммированные) были разнообразны — от уличных столкновений в Тыргу-Муреше и захвата Университетской площади (1990) до похода на Бухарест шахтеров из Валя-Жиулуй (знаменитый «марш шахтеров») и множества забастовок. Вскоре стало ясно, что румынское общество страдает унаследованными от прошлого пороками, ограниченностью политического класса, деформированным коллективным сознанием. Свою роль играли и трудности переходного периода. Преображение румынского общества — пусть реальное и зримое — происходило медленно и сопровождалось целым рядом неудач.

Оставались надежды и мечты, которые со временем становились все менее отчетливыми. После 1989 г. румыны хотели как можно скорее выйти из коммунистических альянсов, навязанных им «великим восточным соседом», и войти в НАТО и Евросоюз. Опросы общественного мнения показывали, что 80 — 90% граждан страны стремились к интеграции Румынии в евроатлантические структуры, что могло бы поставить ее впереди всех бывших ком-

мунистических государств. Однако все оказалось не так просто, как думали румыны. Страна унаследовала катастрофическое положение, впоследствии только усугубившееся: централизованную экономику, состоявшую из бесполезных, не поддававшихся реформированию гигантских предприятий, бедность, множество сирот, брошенных и больных СПИДом, безработицу, инфляцию, коррупцию, массовую эмиграцию на Запад, нарушения прав человека. По этим причинам румыны поначалу не попали в число «награжденных», которых пригласили вступить в НАТО: поляков, чехов и венгров. И хотя разочарование, постигшее их в 1997 г., было очень глубоким, именно румыны встречали мирового лидера, президента США Билла Клинтона с необыкновенной человеческой теплотой. Ожидавшие прихода Запада в течение пятидесяти лет, они считали, что могут подождать еще немного, поскольку европейский идеал стоит жертв. К сожалению, необходимость этих общих жертв понимает и осознает только часть населения, тогда как другая ожидает, что чудо свершится само собой. На фоне таких ожиданий возросли разочарование и недовольство людей, особенно когда время от времени очередная Кассандра вновь пугала Румынию «Востоком», предрекала ей неспособность к обновлению, положение «задворок», «буферной зоны» между «Востоком» и «цивилизованным миром».

Между тем, несмотря на замедленность переходного периода, признаки нормализации и интеграции в демократическую Европу становились все более очевидными. Была урегулирована проблема национальных меньшинств в соответствии с признанными международными стандартами — начиная с представительства в парламенте и участия в управлении до разнообразных способов развития национальной идентичности. Новым свидетельством западной ориентации и следования европейскому предназначению румынской нации стал несколько раз откладывавшийся Румынской православной церковью визит папы Иоанна Павла II в Румынию, состоявшийся в 1999 г. В этой первой православной стране, которую посетил папа, его с невиданным до сих пор христианским и человеческим порывом встретили сотни тысяч людей. Святой отец пролил благодать и благословил всех румын, независимо от их вероисповедания. Затем, вследствие ощутимых успехов внутри страны и изменившейся мировой ситуации после террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г., Румынию в 2002 г. официально пригласили присоединиться к НАТО,

а в 2004 г. она стала действительным членом этой организации. Нового американского президента Джорджа Буша, приехавшего в Бухарест, народ встретил с энтузиазмом и радужными надеждами, засиявшими под едва прояснившимся бухарестским небом. Люди облегченно вздохнули, довольные, что над ними раскрыли зонт для их безопасности, который они воспринимали, хотя еще очень смутно, как своего рода панацею, способную разрешить все их проблемы. Еще одно изменение состояло в примирении с королем Михаем I — единственным из ныне живущих глав европейских государств времен Второй мировой войны (1940 — 1947). Король вновь принял румынское гражданство и получил часть собственности королевского дома, вернулся к общественной деятельности в стране и участвовал в кампании по евроатлантической интеграции Румынии. Наконец недавно, после расследования международной комиссией, возглавляемой лауреатом Нобелевской премии мира Элией Вайзель, Румыния официально признала геноцид евреев на своей территории в годы мировой войны и ответственность тогдашних румынских властей за эту трагедию еврейского народа. В школьные программы страны было введено изучение холокоста и установлен День памяти его жертв. Румыны начали понимать, что нормальное состояние общества подразумевает и ответственность за прошлое со всеми его светлыми и темными сторонами.

После присоединения Румынии к НАТО активизировались переговоры по вступлению страны в Совет Европы. В данном случае критерии оказались более суровыми, и следует приложить больше усилий, учитывая сложные международные отношения, усиление терроризма и некоторую напряженность, возникшую между США и отдельными европейскими государствами. Тем не менее Румыния уже находится на пути завершения переговоров по вступлению в Европейский Союз и в 2007 г. станет его действительным членом. Все это, конечно, предполагает повышение благосостояния граждан, но также серьезные жертвы и обязательства, необходимость которых люди постепенно начинают осознавать.

Румыны прокладывали себе путь в этом мире по своему разумению — не лучше и не хуже других народов. Их история не была чистой и незапятнанной, но она не кажется и ужасной, полной катастроф. Она была такой же, как жизнь, поскольку прошлое, в первую очередь, означает жизнь, а уважение к прошлому — это

фактически уважение к самой жизни. Понятно, что румынам хотелось бы, чтобы об их жизни знали не только по клише — легендам о Дракуле, балканской специфике и Чаушеску, но также знакомились с румынской действительностью, культурными ценностями и цивилизацией. В первую очередь важно знать, что румыны занимают собственное место среди европейских народов. У них есть своя страна с интересным прошлым. В этой стране течет Дунай и высятся Карпаты, живут, словно в застывшем времени крестьяне Марамуреша, радуют глаз необычной росписью монастыри Молдовы, потрясает дунайская дельта и плещутся волны Черного моря. Эта страна дала миру Эминеску, Энеску и Брынкуша, в ней живут простые люди, которые работают и ждут, что другие народы тоже проявят к ним интерес. Румыны убеждены, что у них есть что сказать миру, и слова их весомы и значимы.

Список сокращений (Источники и литература)

ActaMN	Acta Musei Napocensis, Cluj.
Anna Comnena	Anne Comnène, Alexiade, ed. B. Leib, Paris, 3 vol., 1937 – 1945.
AnnÉp	L'Année Épigraphique, Paris.
Anonymus	Anonymus Notarius, Gesta Hungarorum / Faptele ungurilor, ed. G. Popa-Lisseanu (Izvoarele istoriei românilor, I), București, 1934 (2001).
BVb	Bayerische Vorgeschichtsblätter, München.
Choniates	Nicetae Choniatae Historia, ed. I. Bekker, Bonn, 1835.
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum, Berlin, 1873 – 1902.
DAD	Dezbaterile Adunării Depupaților, București.
DIR	Documente privind istoria României, A. Moldova, B. Țara Românească, C. Transilvania.
DRH	Documenta Romaniae Historica, A. Moldova, Țara Românească, C. Transilvania, D. Relații între Țările Române.
FHDR	Fontes Historiae Dacoromanae. Izvoare privind istoria României, 4 vol., București, 1964 – 1982.
Gombos, Catalogus	F.A. Gombos, ed., Catalogus fontium historiae Hungariae aevo ducum et regum ex stirpe Arpad descendendum ab anno Christi DCCC usque ad annum MCCC, 3 vol., Budapest, 1937 – 1938.
Hurmuzachi	Hurmuzachi, E. de et al., Documente privitoare la istoria românilor, București-Cernăuți.
IDR	Inscriptiones Daciae Romanae, București, I (1975), III/1 (1977), III/2 (1980), III/3 (1984), III/4 (1988), III/6 (1999); Paris, III/5 (2001).
IDRE, I	Inscriptiones Daciae Romanae. Inscriptiones extra fines repertae Graecae et Latinae (saec. I, II, III), I: Italia ed Pars Occidentis, ed. C.C. Petolescu, București, 1996.

IGLR	Inscripțiile grecești și latine din secolele IV – XIII descoperite în România, ed. E. Popescu, București, 1976.
ILS	Inscriptiones Latinae Selectae, ed. H. Dessau, 4 vol. Berlin, 1882 – 1916.
ISM	Inscripțiile din Scythia Minor, grecești și latine, București.
JahrRGZM	Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums zu Mainz, Mainz.
MGH, SS	Monimenta Germaniae Historica, Scriptorum.
Pan. Lat.	Panegirici Latini.
RdI	Revista de istorie, București.
REA	Revue des études anciennes, Bordeaux-Paris.
RI	Revista istorică, București.
RIC	H. Mattingly, E.A. Sydenham et al. The Roman Imperial Coinage, London.
SHA	Scriptores Historiae Augustae.
Sdylytzes, Synopsis	Ioannes Skylitzes, Synopsis historiarum, ed. J. Thurn, Berlin, 1974.
SRH	Szentrétery I, ed., Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum, 2 vol. Budapest, 1937 – 1938.
Tab. Peut.	Tabula Peutingeriana.
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bonn.
ZW	F. Zimmermann, C. Werner, G. München, G. Gündisch, H. Gündisch, K.G. Gündisch, G. Nussbächer, Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen im Siebenbürgen, 7 vol., Hermannstadt-Bukarest, 1892 – 1991.

История Румынии / И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др. /
И 90 Пер. с рум. — М.: Издательство «Весь мир», 2005. — 680 с. — (Национальная история)

ISBN 5-7777-0260-0

Впервые современный российский читатель имеет возможность узнать о событиях румынской истории со времен даков и Древнего Рима и до самого последнего времени из уст самих румынских историков. Это фундаментальное научное исследование, проведенное под эгидой Центра трансильванских исследований Румынского культурного центра, отличается богатством фактического материала и нетривиальностью научного подхода. Авторы стремились затронуть все наиболее острые и спорные вопросы истории своей страны, являющиеся предметом дискуссий не только в Румынии, но и за ее пределами. Это действительно новая книга; она была издана в Румынии в 2004 г., а в 2005 г. переведена и опубликована в России.

УДК 94(4/9.8)
ББК 63.3(4Рум.)

Национальная история

История Румынии

Координаторы: Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован

Художник: *Ильин Е.А.*

Корректоры: *Агарева Е. Ю., Белозерцева И.Н.,*

Леонтьева И. В., Платонова Н. С.

Верстка: *Поташевская Е. А.*

Подписано в печать 5.08.2005. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «BalticaС» Усл. печ. л. 42,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2017.
Изд. № 18/04-и

ООО Издательство «Весь Мир»
101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68, Факс: (095) 925-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru; <http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 57770260-0

9785777702609

ИСТОРИЯ РУМЫНИИ

Румыния

СТОЛИЦА	Бухарест
ПЛОЩАДЬ	238 391 кв. км
НАСЕЛЕНИЕ	22,28 млн. человек
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ	румыны 89,5%; венгры 6,6%; цыгане 2,5%; другие 1,4%
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ	74 года (женщины), 67 лет (мужчины)
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК	румынский
ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ	православные 86,6%; католики 4,7%; протестанты 7,5%
ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА	румынский лей = 100 бани
ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ	2 550 долл. США (2003)

Румынская армия в войне за независимость, 1877—1878 гг.

Михай Эминеску (1850—1889),

Выдающийся поэт, прозаик, публицист. Создал неповторимые произведения, отличающиеся яркостью образов, глубиной мысли и чувств («Послания», 1881; «Стихи», 1883; «Луцафарул», 1883).